

ЗИНОВЬЕВ, ГРИГОРИЙ ЕВСЕЕВИЧ, ПСЕВД.
БАЗАРОВ, В

**Карл Маркс (1813-1883) : к 25-летию со дня
его смерти (1883-1908)**

С.-Петербург : [б. и.]
1908

EOD – Millions of books just a mouse click away! In more than 10 European countries!

Thank you for choosing EOD!

European libraries are hosting millions of books from the 15th to the 20th century. All these books have now become available as eBooks – just a mouse click away. Search the online catalogue of a library from the eBooks on Demand (EOD) network and order the book as an eBook from all over the world – 24 hours a day, 7 days a week. The book will be digitised and made accessible to you as an eBook.

Enjoy your EOD eBook!

- Get the look and feel of the original book!
- Use your standard software to read the eBook on-screen, zoom in to the image or just simply navigate through the book
- *Search & Find:* Use the full-text search of individual terms
- *Copy & Paste Text and Images:* Copy images and parts of the text to other applications (e.g. word processor)

Terms and Conditions

With the usage of the EOD service, you accept the Terms and Conditions provided by the library owning the book. EOD provides access to digitized documents strictly for personal, non-commercial purposes. For any other purpose, please contact the library.

- Terms and Conditions in English: <http://books2ebooks.eu/odm/html/utl/en/agb.html>
- Terms and Conditions in Estonian: <http://books2ebooks.eu/odm/html/utl/et/agb.html>

More eBooks

Already a dozen libraries in more than 10 European countries offer this service.

More information is available at <http://books2ebooks.eu>

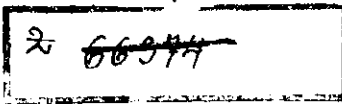

КАРЛЪ МАРКСЪ

(1818—1883).

КЪ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТИЮ СО ДНЯ ЕГО СМЕРТИ (1883—1908).

В. Базаровъ, Г. Зиновьевъ, В. Ильинъ, Ю. Каменевъ,
Р. Люксембургъ, Ю. Невзоровъ, П. Орловскій, К. Рен-
неръ, Н. Рожковъ, Г. Роландъ-Гольсть, П. Румянцевъ,
Ю. Стекловъ, М. Таганскій, А. Финнъ-Енотаевскій.

С. Петербургъ.

Типографія Б. М. Вольфа, Невскій, 126 (уг. Суворов.).

1908.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАИ.
Жизнь и дѣятельность Карла Маркса. Ю. Невзорова.	1
Карль Марксъ и классовая борьба. Н. Рожкова	30
Къ вопросу о философскихъ основахъ марксизма. В. Базарова	50
Марксъ и анархизмъ. Ю. Стеклова	80
Карль Марксъ, какъ экономистъ. А. Финна-Енотаевского	126
Марксъ о крестьянствѣ. П. Румянцева	152
Карль Марксъ и рабочіе. К. Реннера	190
Марксъ и пролетаріатъ въ буржуазной революціи. Генріэты Роландъ-Гольсть	202
Марксизмъ и ревизионизмъ. В. Ильина	210
Памяти Карла Маркса. Розы Люксембургъ	218
Марксъ и Энгельсъ. Г. Зиновьева	227
Отъ демократизма къ социализму Ю. Каменева	252
Политическая дѣятельность Карла Маркса. Ю. Стеклова	291
Къ исторіи марксизма въ Россіи. П. Орловскаго	351
Марксъ о Россіи. М. Таганскаго	: 387

Жизнь и дѣятельность Карла Маркса.

(1818—1883).

Карль Марксъ родился въ Трирѣ 5 мая 1818 г. въ зажиточной и интеллигентной еврейской семьѣ. Отецъ его, адвокатъ, а впослѣдствіи совѣтникъ юстиціи, Генрихъ Марксъ, былъ умѣреннымъ прусскимъ лойялистомъ; въ 1824 г. онъ со всей семьей перешелъ въ протестантизмъ—не подъ влияніемъ какого-либо эдикта, направленаго противъ евреевъ, какъ думали нѣкоторые біографы, а просто изъ желанія слиться съ прусскимъ культурнымъ обществомъ. Мать Маркса была голландская еврейка и до самой своей смерти говорила по-нѣмецки съ ошибками. Въ общемъ семья Маркса была совершенно свободна отъ традиціонныхъ предразсудковъ стараго еврейства, но и революціонной атмосферы въ семьѣ не было; революціоннымъ настроеніемъ Марксъ впослѣдствіи заразился въ университетѣ, главнымъ образомъ подъ влияніемъ самостоятельной критической умственной работы.

Уже съ ранняго дѣтства Марксъ выдѣлялся своими способностями. Его блестящія природныя дарованія возбуждали въ отцѣ предчувствіе, что его сынъ когда-нибудь сыграетъ въ исторіи человѣчества выдающуюся роль, а мать называла его «счастливицомъ»: такъ бодро и весело вступалъ мальчикъ въ жизнь, и такъ все ему удавалось. Въ 17 лѣтъ онъ окончилъ Трирскую гимназію (1835 г.), причемъ получилъ лестный отзывъ за успѣхи въ древнихъ языкахъ и за удачныя переводы и объясненія самыхъ трудныхъ мѣстъ изъ древнихъ классиковъ «особенно тѣхъ, гдѣ трудность заключалась не столько въ особенностяхъ языка, сколько въ самой сути вопроса и въ ходѣ разсужденій».

Затѣмъ Карль Марксъ поступилъ на юридическій факультетъ Боннскаго университета, гдѣ въ первое время велъ себя, повидимому, какъ самый заурядный нѣмецкій буршъ, дрался на дуэляхъ, писалъ скверные стихи и дѣлалъ большіе долги,—къ негодованію отца, сурово выговаривавшаго сыну за его «дикую» и бурную студенческую

жизнь. Со второго семестра Марксъ, по желанію отца, перевелся въ Берлинскій университетъ; но передъ отъездомъ въ Берлинъ онъ обручился съ подругой своего дѣтства Дженни фонъ-Вестфаленъ, которая была старше его на 4 года. Невѣста принадлежала къ прусскому дворянскому роду фонъ-Вестфаленовъ (старшій братъ ея впоследствии былъ реакціоннымъ прусскимъ министромъ) и по женской линіи была связана съ шотландской аристократической фамиліей герцоговъ Аргайль *). Родители Маркса были очень дружны съ семьей Вестфаленовъ, но ихъ смущало требованіе сына до поры до времени держать въ тайнѣ свое обрученіе. Однако пока о бракѣ рано было думать, и молодой Карлъ продолжалъ въ Берлинѣ, тогдашнихъ «Афинахъ на Шпрее», изучать юридическія науки и философію Гегеля, составлять огромныя диссертациі по метафизикѣ права, затѣмъ безжалостно рвать ихъ, по-прежнему сочинять плохія вирши и писать безумныя письма къ своей невѣстѣ. Какую умственную производительность обнаруживалъ уже тогда молодой Марксъ, видно изъ того, что онъ послалъ своей Дженни три тома собственныхъ стихотвореній, написалъ нѣсколько сочиненій по философіи права, причемъ одно изъ нихъ занимало около 300 листовъ, изучалъ исторію литературы и искусства, изучалъ итальянскій и англійскій языки, естественныя науки—и въ концѣ концовъ доработался до полного переутомленія и нервнаго расстройства. Одно время Марксъ по совѣту отца началъ склоняться къ мысли объ ученой карьерѣ и профессурѣ, но въ концѣ концовъ инстинкты агитатора и борца взяли въ немъ верхъ, и онъ рѣшилъ заняться литературной дѣятельностью.

Отецъ его не дожилъ до конфликта, который непременно разразился бы между ними въ виду того революціоннаго направленія, къ которому началъ склоняться молодой Карлъ (Генрихъ Марксъ умеръ 10 мая 1838 г.). Въ это время Марксъ испыталъ на себѣ вліяніе берлинскаго кружка молодыхъ «лѣвыхъ гегеліанцевъ»—историка Карла Кенпена, философа Бруно Бауэра и другихъ. Хотя Марксъ былъ лѣтъ на десять моложе своихъ товарищей, и хотя они уже въ то время были незаурядными людьми, тѣмъ не менѣе они скоро признали превосходство молодого Маркса и относились къ нему не какъ учителя, а какъ равные товарищи. И если старшіе товарищи вліяли на Карла Маркса, то съ другой стороны и молодой мысли-

*) Въ началѣ 50-хъ годовъ Марксъ жилъ въ Англіи въ качествѣ эмигранта и страшно бѣдствовалъ. Жена его рѣшилась обратиться къ своимъ именитымъ родственникамъ съ просьбой придти имъ на помощь присканіемъ какой-нибудь работы; и вотъ тогдашній глава рода Аргайль прислалъ своей родственницѣ въ отвѣтъ Библию и посоветовалъ ей почаще читать эту книгу, дабы обратиться на путь истинный и спасти свою душу

тель; этот ходячий «магазинъ идей», обазывалъ вліяніе и на нихъ, въ чемъ они искренне и шутливо сознавались. Въ средѣ молодыхъ гегеліанцевъ, подъ видомъ отвлеченныхъ философскихъ разсужденій и всесторонней разработки «философіи самосознанія» (философія Гегеля), шла въ сущности рѣзкая критика тогдашняго соціально-политическаго убожества Германіи и вырабатывались крайне демократическія идеи, выражавшія стремленія развивающейся буржуазіи. Прусское правительство косо смотрѣло на лѣвыхъ гегеліанцевъ, а реакціонное гоненіе, воздвигнутое имъ противъ Бруно Бауэра, потерявшаго кафедру, показало Марксу, что ему не преуспѣть на почвѣ профессорской карьеры. Только 15 апрѣля 1841 года ему удалось получить докторскую степень въ Іенскомъ университетѣ *), но мысль о профессурѣ пришлось окончательно оставить.

Марксъ ринулся въ оппозиціонную публицистику. Въ то время Пруссія переживала эпоху политической «весны». Буржуазія смѣло требовалась къ политической свободѣ, а реакціонное правительство, упираясь и огрызаясь, дѣлало лицемѣрныя уступки, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ финансовыхъ затрудненій. Первая статья Маркса направлена была противъ попытокъ правительства сочетать цензуру со свободой печати. Статья предназначалась для журнала «Нѣмецкій Ежегодникъ» (Deutsche Jahrbücher), издававшася Арнольдомъ Руге, въ то время политическимъ радикаломъ, но по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ она была напечатана въ двухтомномъ сборникѣ «Анекдоты», вышедшемъ въ 1843 г. въ Швейцаріи. Эта статья Маркса, разоблачавшая всѣ противорѣчія прусской цензурной инструкціи и блестяще отстаивавшая право на свободу печати, какъ на орудіе борьбы за основные принципы гражданственности, сразу обратила вниманіе публики на молодого публициста. И когда либеральная рейнская буржуазія основала для борьбы съ абсолютизмомъ ежедневную «Рейнскую Газету» (январь 1842 г.), то Марксъ сдѣлался сначала ея сотрудникомъ, а затѣмъ и ея редакторомъ (съ

*) Докторская диссертация Маркса «О различіи между натурфилософіей Демокрита и Эпикура» была посвящена имъ отцу Джени, Людвигу фонъ-Вестфалену. Въ предисловіи къ ней находились слѣдующіе стихи изъ Эсхила: «Откровенно говоря, ко всѣмъ богамъ я ненавижу питаю» и слѣдующія гордые слова Прометея, сказанныя имъ слугѣ богъ, Гермесу:

Но знай, Гермесь, что казнь мою и цѣпи
Не промѣнялъ бы я на твой позоръ:
Чѣмъ вѣстникомъ проворнымъ у царей
Служить, какъ ты.

Эти цитаты весьма характерны для Карла Маркса, который уже и тогда чувствовалъ себя тираноборцемъ.

осени 1842 г.). Программа газеты требовала всеобщаго избирательнаго права, политическихъ свободъ, прогрессивно-подходящаго налога, распущенія постоянной арміи и т. д. Среди блестящаго состава сотрудниковъ кельнской газеты (назовемъ изъ нихъ Кеппена, Бруно Бауэра, Макса Штирнера, Моисея Гесса) Марксъ занималъ первое мѣсто: его блестящій, рѣзкій слогъ, неумолимая логика, политическая чуткость и бурный темпераментъ дѣлали его незамѣнимымъ публицистомъ. Но скоро Марксъ почувствовалъ свое незнакомство съ экономическими вопросами и въ частности съ социалистическими системами.

Въ разсматриваемое время Марксъ далеко не былъ еще коммунистомъ, а только крайнимъ и рѣшительнымъ демократомъ. Свое недостаточное знакомство съ экономическими проблемами Марксъ откровенно призналъ, когда возникъ вопросъ о мелкихъ крестьянахъ-винодѣлахъ въ долинѣ Мозеля. Но хотя и не будучи социалистомъ, Марксъ, благодаря своимъ прирожденнымъ демократическимъ инстинктамъ, рѣшительно высказался противъ привилегій крупныхъ землевладѣльцевъ и въ пользу крестьянъ. Но слабость въ области «матеріальныхъ интересовъ» смущала Карла Маркса, и онъ въ душѣ обрадовался закрытію «Рейнской газеты» (мартъ 1843 г.), которое давало ему возможность временно удалиться съ публицистической арены въ кабинетъ ученаго. «Рейнская Газета» прекратила свое существованіе, но въ теченіе ея кратковременнаго выхода въ свѣтъ Марксъ сумѣлъ создать изъ нея боевой органъ, сыгравшій серьезную роль въ дѣлѣ пробужденія нѣмецкой демократіи.

Въ 1843 г. Марксъ наконецъ женился на Дженни Вестфаленъ и уѣхалъ съ молодой женой въ Парижъ, гдѣ вмѣстѣ съ Руге приступилъ къ изданію радикальнаго журнала «Нѣмецко-французскій Ежегодникъ» (*Deutsch-französische Jahrbücher*): прусскія условія дѣлали изданіе демократическаго органа въ самой Пруссіи невозможнымъ. Въ этомъ журналѣ сотрудничали, кромѣ Маркса и Руге, Энгельсъ, Гессъ, Генрихъ Гейне, поэтъ Гервегъ, Фейербахъ, Якоби и Бакунинъ. Въ 1844 г. вышла первая двойная книжка новаго журнала, въ которой Марксъ напечаталъ три письма къ Руге о политическомъ положеніи Германіи, статью «Къ критикѣ гегелевской философіи права» и статью «Къ еврейскому вопросу».

Въ письмахъ къ Руге Марксъ протестуетъ противъ политическаго пессимизма, указывая на то, что экономическое развитіе само подготавливаетъ всѣ элементы грядущаго политическаго переворота; здѣсь онъ въ смутныхъ выраженіяхъ намекаетъ на значеніе пролетаріата въ предстоящихъ социальныхъ потрясеніяхъ и отрицательно отзывается о тогдашнихъ утопическихъ системахъ, однако еще не про-

тивопоставляя имъ собственной системы критическаго коммунизма. Во всякомъ случаѣ онъ признаетъ временной задачей революціонной оппозиціи, если не положительныя построенія и опредѣленныя формулы, то «безпощадную критику всего существующаго, безпощадную въ томъ смыслѣ, что она не боится ни своихъ результатовъ, ни конфликтовъ съ существующими властями».

Еще болѣе характернымъ для пониманія того процесса, посредствомъ котораго Марксъ отъ гегеліанства переходилъ къ марксизму, является его введеніе въ критику гегелевской философіи права. Здѣсь Марксъ исходитъ изъ антирелигіозной критики Фейербаха, но идетъ дальше своего учителя, ставя вопросъ на болѣе конкретную, историческую почву. Онъ старается превратить критику неба въ критику земли, критику религіи въ критику права, критику богословія въ критику политики. Марксъ прекрасно понимаетъ, что вопросы дѣйствительности не разрѣшаются философскими разсужденіями. «Оружіе критики не можетъ, конечно, замѣнить критики оружія, — говоритъ онъ. — Матеріальная сила должна быть свергнута матеріальной же силой, но и теорія становится матеріальной силой, когда она охватываетъ массы». А теорія способна овладѣть массами, «какъ только она становится радикальной». Какой же классъ способенъ былъ въ тогдашней Германіи явиться носителемъ всеобщаго освобожденія, возвѣщаемаго философіей? Исходя изъ абстрактнаго анализа «сущностей» классовыхъ отношеній, Марксъ даетъ на поставленный вопросъ тотъ же отвѣтъ, какой онъ впоследствии дастъ въ результатѣ анализа конкретныхъ общественныхъ отношеній буржуазнаго общества: «пролетаріатъ».

Въ статьѣ «Къ еврейскому вопросу», критикующей взгляды Бруно Бауэра, Марксъ дѣлаетъ еще одинъ шагъ впередъ, утверждая въ противоположность Гегелю, что гражданское общество первенствуетъ надъ государствомъ, а не наоборотъ. Онъ указываетъ на то, что уже въ античномъ и феодальномъ строѣ общество составляло необходимую основу государства, какъ и въ настоящее время. Но лишь въ новѣйшій періодъ исторіи противоположность между обществомъ и государствомъ настолько усилилась и вмѣстѣ съ тѣмъ упростилась, что она должна разрѣшиться въ сознательную организацию общественныхъ силъ, которая въ высшемъ синтезѣ уничтожитъ противорѣчіе между общественной анархіей и государственными принужденіемъ и освободитъ человѣка, сдѣлавъ его господиномъ надъ источниками его жизни.

Какъ мы видимъ, въ этихъ статьяхъ намѣчаются (правда, въ неопредѣленной и зародышевой формѣ) будущіе взгляды творца матеріалистическаго пониманія исторіи. Подъ вліяніемъ внимательнаго

изученія политической экономіи, съ одной стороны, и подѣ влияніемъ кипучей политической жизни тогдашней Франціи—съ другой, Марксъ изъ лѣваго гегельянца и крайняго буржуазнаго демократа постепенно началъ превращаться въ горячаго социалиста или «коммуниста», какъ тогда выражались въ отличіе отъ сторонниковъ различныхъ утопическихъ и окрашенныхъ мѣщанствомъ социалистическихъ системъ. Въ самой Франціи кипѣла ожесточенная борьба классовъ, партій и направленій; на глазахъ у Маркса совершался разрывъ между буржуазной и социальной демократіей; рабочіе, до тѣхъ поръ послушно тащившіеся на буксирѣ за буржуазными революціонерами, выказывали стремленіе выступать самостоятельно и выдвигали социальную проблему въ ея наиболѣе остромъ видѣ преобразования индивидуальной собственности въ социальную. Они заполняли тайныя общества, почти вытѣснивши оттуда традиціонный интеллигентскій элементъ. Парижъ представлялъ тогда арену пылкихъ идейныхъ схватокъ и лабораторію социальныхъ системъ. Наряду съ обломками старыхъ утопическихъ школъ возникали новыя утопическія секты вродѣ послѣдователей Каба, но вмѣстѣ съ тѣмъ назрѣвали элементы новаго пролетарскаго міровоззрѣнія, хотя и перемѣшанные со слѣдами изжитыхъ идеологій (какъ напримѣръ, бланкизмъ). Въ частности бланкисты, наиболѣе дѣятельный и здоровый элементъ тогдашняго французскаго рабочаго движенія, оказывали замѣтное влияніе на проживавшихъ въ Парижѣ нѣмецкихъ интеллигентовъ и рабочихъ, вербуя ихъ въ свои тайныя общества. Подѣ влияніемъ всей этой кипучей жизни, связанной съ лихорадочною умственной работой и критической самопровѣркой, Марксъ въ теченіе трехъ лѣтъ (1844—1846) выработалъ и обосновалъ свое новое міросозерцаніе, впоследствии получившее названіе научнаго социализма. Отъ стараго утопизма оно главнымъ образомъ отличалось своимъ критическимъ и реалистическимъ характеромъ.

Въ 1844 г. Марксъ познакомился въ Парижѣ съ Энгельсомъ, съ которымъ онъ остался до смерти связанъ вѣрной дружбой. Вдвоемъ они выполнили громадную работу критическаго разсмотрѣнія стараго социализма и обоснованія новаго критическаго коммунизма или научнаго социализма, къ которому они пришли почти самостоятельно и независимо другъ отъ друга, но который получилъ окончательную отдѣлку только въ результатъ ихъ совмѣстной работы. Сначала въ критикѣ Энгельса преобладали экономическіе мотивы, тогда какъ Марксъ оперировалъ преимущественно философскими соображеніями; но впоследствии роли ихъ перемѣнились: Марксъ взялъ на себя главнымъ образомъ развитіе экономической стороны новаго ученія,

а Энгельсъ его общефилософское обоснованіе и защиту его отъ нападокъ противниковъ.

Прежде чѣмъ приступить къ точной формулировкѣ и обоснованію своей новой точки зрѣнія, Маркъсъ поспѣшилъ раздѣлаться съ прежними идеалистическими и утопическими системами, отъ которыхъ не такъ давно онъ самъ былъ не вполнѣ свободенъ. Началась его ожесточенная борьба со всѣми видами революціоннаго романтизма и идеализма, которой онъ не оставлялъ до послѣдняго вздоха; въ няхъ онъ усматривалъ одну изъ главныхъ помѣхъ на пути пролетаріата къ своему освобожденію, которое не можетъ быть достигнуто безъ достиженія рабочимъ классомъ полнаго самосознанія. Именно потому, что Маркъсъ придавалъ такое серьезное, опредѣляющее значеніе развитію классоваго самосознанія пролетаріата, онъ позволялъ себѣ такую рѣзкую полемику со всѣми людьми и ученіями, которыя на его взглядъ способны были задержать или затемнить сознаніе рабочаго класса. Его полемика всегда исходила изъ широкихъ социальныхъ мотивовъ, и только этимъ да еще боевымъ темпераментомъ убѣжденнаго борца объясняется ея нетерпимость и рѣзкость.

Послѣ закрытія «Нѣмецко-французскаго Ежегодника», закрытія, вызваннаго отчасти разногласіями между его редакторомъ, буржуазнымъ радикаломъ Руге, и Маркъсомъ, послѣдній писалъ въ нѣмецкой газетѣ «Впередъ» (Vorwärts), издававшейся въ Парижѣ нѣкимъ Бернштейномъ. Революціонный характеръ и смѣлый тонъ газеты вызывали негодованіе прусскаго правительства, и, по представленію прусскаго посланника, Гизо 1 января 1845 г. выслалъ ближайшихъ сотрудниковъ газеты, въ томъ числѣ и Маркса, изъ Парижа. Маркъсъ уѣхалъ въ Брюссель. Здѣсь онъ написалъ свой извѣстный памфлетъ «Святое семейство или Критика критической критики», направленный противъ его бывшаго друга Бруно Бауэра и его сторонниковъ. Въ этомъ памфлетѣ, знаменовавшемъ окончательный разрывъ Маркса съ нѣмецкимъ идеализмомъ и утопизмомъ 40-хъ годовъ, онъ открыто выступаетъ въ качествѣ социалиста-реалиста и выразителя идеологіи пробуждающагося пролетаріата. Въ цѣломъ рядѣ другихъ статей, направленныхъ противъ буржуазныхъ демократовъ и утопистовъ того времени, Маркъсъ выяснялъ свою точку зрѣнія и зарабатывалъ свое міросозерцаніе. вмѣстѣ съ Энгельсомъ онъ написалъ двухтомную критику послѣ-гегелевской философіи, но, не будучи въ состояніи напечатать эту работу, Маркъсъ и Энгельсъ тѣмъ охотнѣе предоставили свою рукопись «грызущей критикѣ мышей», что они достигли своей главной цѣли, а именно—уясненія себѣ своихъ собственныхъ взглядовъ (отъ этого періода сохранились тезисы Маркса о Фейербахѣ).

Въ Брюссель же Марксъ впервые занялся практической дѣятельностью, а именно пропагандой среди проживавшихъ тамъ нѣмецкихъ эмигрантовъ. Не ограничиваясь литературной дѣятельностью, предназначенной главнымъ образомъ для образованныхъ людей, они основали въ Брюссель нѣмецкій рабочій союзъ, въ которомъ читались лекціи по политическимъ и экономическимъ вопросамъ (часть этихъ лекцій Маркса составила впоследствии брошюру «Наемный трудъ и капиталъ», свидѣтельствующую о популяризаторскомъ талантѣ Маркса). По поводу фритредерской болтовни международного конгресса экономистовъ, заставляшаго въ сентябрѣ 1847 г. въ Брюссель, Марксъ выступилъ въ брюссельскомъ Демократическомъ Обществѣ со своей извѣстной «Рѣчью о свободѣ торговли», въ которой разоблачилъ лицемерныя славословія идеологовъ буржуазіи. Но главной работой Маркса за этотъ періодъ является его знаменитый памфлетъ «Нищета философіи», направленный противъ Прудона и написанный зимой 1846—47 г. Въ этомъ сочиненіи уже содержатся основныя черты марксовскаго социализма.

Проживая въ Парижѣ, Марксъ поддерживалъ личныя сношенія съ руководителями «Союза Справедливыхъ», состоявшаго изъ нѣмецкихъ политическихъ эмигрантовъ и ремесленниковъ, но не входилъ въ него въ виду того, что программа союза, окрашенная идеалистическимъ и бунтарскимъ духомъ, не могла его удовлетворить. Но постепенно въ рядахъ союза происходила эволюція, сближавшая его съ взглядами Маркса и Энгельса, которые при помощи устныхъ и письменныхъ сношеній, а также черезъ посредство прессы вліяли на политическіе взгляды членовъ союза. Въ исключительныхъ случаяхъ оба друга сообщали свои взгляды своимъ корреспондентамъ при помощи литографированныхъ циркуляровъ. Послѣ разрыва съ Вейтлингомъ (см. ниже статью «Марксъ и анархизмъ») и систематической «суровой критики негодныхъ теоретиковъ» почва для вступленія Маркса и Энгельса въ союзъ была подготовлена. На первомъ конгрессѣ союза, принявшаго названіе «Союза Коммунистовъ», присутствовали Энгельсъ и Вильгельмъ Вольфъ (которому посвященъ первый томъ «Капитала»), а на второмъ съѣздѣ въ концѣ ноября 1847 г. присутствовалъ и самъ Марксъ. Конгрессъ, выслушавшій рѣчь Маркса, въ которой онъ развивалъ новое социалистическое мировоззрѣніе, поручилъ ему и Энгельсу выработать программу союза. Такимъ образомъ и появился знаменитый «Коммунистическій Манифестъ».

«Манифестъ» вышелъ въ свѣтъ въ февралѣ 1848 г. Черезъ нѣсколько дней во Франціи разразилась революція, и быстро началъ приближаться революціонный взрывъ въ самой Германіи. Централь-

ный комитетъ «Союза Коммунистовъ» облекъ Маркса диктаторскими полномочіями и поручилъ ему сформировать въ Парижѣ новый центральный комитетъ. Въ Парижѣ Марксъ пробылъ только около трехъ мѣсяцевъ. Члены «Союза коммунистовъ» обратили главное вниманіе на Германію. Такъ какъ здѣсь происходила только буржуазная революція, а нѣмецкій пролетаріатъ того времени былъ слишкомъ слабъ для того, чтобы выступить въ роли руководителя общенациональнымъ революціоннымъ движеніемъ, то коммунисты выдвинули программу ближайшихъ требованій, общихъ для пролетаріата и демократическихъ слоевъ (мелкаго крестьянства и мелкой буржуазіи). Марксъ и Энгельсъ отправились въ Кельнъ, и здѣсь Марксъ сталъ во главѣ начавшей выходить съ 1 іюня 1848 г. «Новой Рейнской Газеты». Кромѣ Маркса ближайшее участіе въ этой газетѣ принимали: Энгельсъ, Вольфъ, Дронке, Вертъ, а позднѣе поэтъ Фрейлигратъ.

Газета выступала въ качествѣ представителя крайняго крыла демократіи, причѣмъ Марксъ признавалъ, что хотя въ данный моментъ социалисты имѣютъ общую съ буржуазной демократіей задачу борьбы съ абсолютизмомъ, тѣмъ не менѣе они стремятся толкать эту демократію впередъ въ интересахъ пролетаріата. Тогдашняя позиція Маркса являлась такимъ образомъ коалиціей съ буржуазной демократіей въ цѣляхъ доведенія революціи до конца и завоеванія возможнаго максимума политическихъ вольностей. Самъ Марксъ засѣдалъ въ рейнскомъ окружномъ демократическомъ комитетѣ и въ ноябрѣ 1848 г. подписалъ отъ его имени вмѣстѣ съ старымъ коммунистомъ Шапперомъ и адвокатомъ Шнейдеромъ воззваніе, въ которомъ рекомендовалось для борьбы съ монархіей, разогнавшей Национальное Собраніе, провести слѣдующія мѣры: всеми способами противодействовать насильственному взиманію налоговъ, организовать народное ополченіе «для отраженія врага», снабдить неимущихъ оружіемъ и боевыми припасами на счетъ общинъ или на добровольныя пожертвованія; если власти откажутся признать и выполнить постановленія Национальнаго Собранія, то образовать комитеты общественной безопасности, по возможности по соглашенію съ коммунальными совѣтами; коммунальные же совѣты, противящіеся законодательному собранію, замѣняются новыми путемъ всеобщихъ народныхъ выборовъ. За эту прокламацію Марксъ съ товарищами были привлечены къ суду по обвиненію въ призывѣ къ вооруженному сопротивленію властямъ, но 9 февраля 1849 г. послѣ блестящей рѣчи Маркса были оправданы присяжными.

Въ Германіи окончательно восторжествовала реакція, и Марксу, который еще въ 1845 г. пересталъ быть прусскимъ подданнымъ, приказано было 16 мая 1849 г. въ качествѣ иностранца выѣхать изъ

прусскихъ предѣловъ. Онъ удалился сначала во Францію, а затѣмъ, когда былъ высланъ и отсюда, уѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ онъ съ небольшими перерывами жилъ до самой смерти. Вскорѣ въ Лондонѣ собралась масса нѣмецкихъ эмигрантовъ, возобновился Союзъ Коммунистовъ, но скорѣ распался (подробно см. въ статьѣ «Марксъ и анархизмъ»). Убѣдившись, что первый періодъ германской революціи закончился, Марксъ заперся въ своемъ кабинетѣ, для того, чтобы выковать пролетариату могучій мечъ научной критики. Онъ углубился въ изученіе политической экономіи для того, чтобы выработать глубокую, всестороннюю научную критику буржуазнаго общества. Въ эти долгіе годы безпросвѣтной реакціи могучій мыслитель въ тиши своего кабинета собиралъ и критически перерабатывалъ горы фактовъ для того, чтобы возжечь огонь, до сихъ поръ свѣтящій всему міру: онъ подготавливалъ матеріалы для своего безсмертнаго «Капитала».

Иногда онъ отрывался отъ этой главной задачи всей своей жизни для выполненія болѣе мелкихъ работъ, въ которыхъ онъ откликался на особенно выдающіяся событія; нѣкоторыя изъ нихъ онъ выполнялъ для снисканія хлѣба насущнаго. Такъ подъ давленіемъ матеріальной нужды онъ писалъ статьи въ «Нью-Йоркскую Трибуну», работалъ въ нѣкоторыхъ журналахъ, между прочимъ въ нѣмецко-американскомъ журналѣ, издававшемся его другомъ Вейдемейеромъ, и т. д. Изъ нѣкоторыхъ статей составились потомъ отдѣльныя брошюры и сборники, какъ напримѣръ, «Классовая борьба во Франціи», «Революція и контръ-революція въ Германіи», «18 брюмера Луи Бонапарта», «Восточный вопросъ». Три названныя нами первыя брошюры до сихъ поръ не утратили своего глубокаго научнаго интереса: въ нихъ Марксъ дѣлаетъ блестящую попытку примѣнить къ истолкованію историческихъ явленій свою матеріалистическую философію исторіи и показать, что социальная борьба во всѣхъ своихъ видахъ (религіозная, философская, политическая и др. борьба) является лишь отраженіемъ борьбы общественныхъ классовъ, которая въ свою очередь обуславливается экономическимъ развитіемъ общества и взаимными отношеніями отдѣльныхъ классовъ въ процессѣ производства и обмѣна.

Усердно работая въ Британскомъ Музеѣ, Карлъ Марксъ не только пополнилъ прежній пробѣлъ въ своихъ экономическихъ знаніяхъ, но и сдѣлался ученѣйшимъ экономистомъ XIX столѣтія, причемъ онъ стоялъ выше другихъ экономистовъ не только въ смыслѣ глубокаго знакомства съ исторіей и литературой предмета, но и въ смыслѣ систематическаго расположенія и критическаго освѣщенія сгруппированныхъ имъ фактовъ. Пролетаріатъ можетъ гордиться своимъ ученымъ: ничего подобнаго до сихъ поръ не дала буржуазная экономическая наука. И это несмотря на то, что Марксу приходилось сплошь да рядомъ работать

урывками, благодаря своей матеріальной необеспеченности, болѣзнями, а въ особенности благодаря практической агитаціонной работѣ. Не дожидаясь опубликованія «Капитала», Марксъ впервые систематически изложилъ нѣкоторые результаты своихъ политико-экономическихъ изысканій въ книгѣ «Къ критикѣ политической экономіи», первый и единственный выпускъ который появился въ 1859 г.

Въ этой книгѣ въ общихъ чертахъ намѣчены многіе изъ тѣхъ взглядовъ, которые впослѣдствіи съ такой силой и блескомъ были развиты въ «Капиталѣ». Не останавливаясь на экономическихъ воззрѣніяхъ Маркса, которымъ посвящена въ этомъ сборникѣ специальная статья, мы упомянемъ только о знаменитомъ предисловіи, въ которомъ впервые въ связной, хотя и слишкомъ сжатой формѣ намѣчены основныя черты философіи исторіи Маркса, впослѣдствіи получившей названіе экономического или историческаго матеріализма.

Вотъ это знаменитое мѣсто:

«Въ общественномъ отправленіи своей жизни люди вступаютъ въ опредѣленные, отъ ихъ воли независящія отношенія—производственныя отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ производственныхъ отношеній образуетъ экономическую структуру общества, реальное основаніе, на которомъ возвышается правовая и политическая надстройка, и которому соотвѣтствуютъ опредѣленные формы общественнаго сознанія. Способъ производства матеріальной жизни обуславливаетъ собой процессъ жизни соціальной, политической и духовной вообще. Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, но напротивъ, общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе. На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества впадаютъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями или, употребляя юридическое выраженіе, съ имущественными отношеніями, внутри которыхъ онѣ до сихъ поръ дѣйствовали. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ эти отношенія становятся ихъ оковами. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи. Съ измѣненіемъ экономическаго основанія болѣе или менѣе быстро преобразуется и вся громадная надстройка надъ нимъ. При разсмотрѣніи такихъ революцій слѣдуетъ всегда имѣть въ виду разницу между матеріальнымъ переворотомъ въ экономическихъ условіяхъ производства, который можно опредѣлить съ естественно-научной точностью, и юридическими, политическими, художественными или философскими, словомъ, идеологическими формами, въ которыхъ люди воспринимаютъ въ своемъ сознаніи этотъ конфликтъ и во имя которыхъ борются. Какъ нельзя судить объ отдѣльномъ человѣкѣ по

тому, что онъ о себѣ думаетъ, точно такъ же нельзя судить о такой революціонной эпохѣ по ея сознанию; скорѣе это сознание слѣдуетъ объяснять изъ противорѣчій матеріальной жизни, изъ существующаго конфликта между общественными производительными силами и производственными отношеніями. Ни одна общественная формація не погибаетъ раньше, чѣмъ разовьются всѣ производительныя силы, для которыхъ она даетъ достаточно простора, и новыя, высшія производственныя отношенія никогда не появляются на свѣтъ раньше, чѣмъ созрѣютъ матеріальныя условія ихъ существованія въ лонѣ стараго общества. Поэтому человѣчество ставитъ себѣ всегда только такія задачи, которыя оно можетъ рѣшить, такъ какъ при ближайшемъ разсмотрѣніи всегда окажется, что сама задача только тогда выдвигается, когда существуютъ уже матеріальныя условія, необходимыя для ея разрѣшенія, или когда они, по крайней мѣрѣ, находятся въ процессѣ возникновенія. Въ общихъ чертахъ можно намѣтить, какъ прогрессивныя эпохи экономическаго формированія общества: азіатскій, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства. Буржуазныя производственныя отношенія составляютъ послѣднюю антагонистическую форму общественнаго процесса производства, антагонистическую не въ смыслѣ индивидуальнаго антагонизма, но такого, который вырастаетъ изъ условій общественной жизни индивидуумовъ. Но производительныя силы, развивающіяся въ лонѣ буржуазнаго общества, создаютъ въ то же время матеріальныя условія, необходимыя для разрѣшенія этого антагонизма. Этой общественной формаціей завершается, поэтому, прелюдія исторіи (*Vorgeschichte*) человѣческаго общества» *).

Спокойная научная работа Маркса была прервана политическимъ оживленіемъ, начавшимся въ Западной Европѣ въ концѣ 50-хъ годовъ. Какъ всегда, сигналъ къ этому оживленію подала Франція. Здѣсь къ этому времени возродилась буржуазно-демократическая оппозиція и возобновилось рабочее движеніе, принудившее Наполеона III искать во внѣшнихъ авантюрахъ диверсію отъ растущихъ внутреннихъ затрудненій. Въ результатъ получилась итальянская война 1859 г., сопровождавшаяся пораженіемъ Австріи и усиленіемъ революціоннаго броженія во всѣхъ странахъ Западной Европы **).

*) Цитировано по переводу П. Румянцева, Спб. 1907, стр. XIII—XIV.

**) Poleмика по поводу войны 1859 г. вызвала, между прочимъ, памфлетъ Маркса «Господинъ Фогтъ», направленный противъ профессора Карла Фогта и вышедшій въ 1859 г. Фогтъ, бывшій имперскій регентъ, а затѣмъ наемный агентъ Наполеона III, выступилъ противъ Маркса съ самыми низкими клеветами. А когда попытка Маркса опровергнуть передъ прусскимъ судомъ взведенныя на него обвиненія закончилась

нымъ отголоскомъ этого оживленія явилось польское возстаніе. Марксъ глубоко сочувствовалъ возставшимъ полякамъ и живо интересовался ихъ дѣломъ, подобно всѣмъ убѣжденнымъ европейскимъ демократамъ, которые видѣли въ освобожденіи Польши, Венгрии и другихъ угнетенныхъ національностей залогъ освобожденія всего цивилизованнаго человѣчества. Изъ организуемыхъ тогда въ Лондонѣ митинговъ протеста въ пользу Польши, въ которыхъ Марксъ и его друзья принимали самое дѣятельное участіе, вышелъ толчекъ къ организаціи «Международной Ассоціаціи Рабочихъ».

Извѣстно, что въ спискѣ членовъ комитета, выбраннаго на митингѣ въ Сентъ-Мартинсъ-Холлѣ, «докторъ Марксъ» занималъ весьма скромное, чуть-ли не послѣднее мѣсто. А между тѣмъ великій мыслитель все время былъ душой и мозгомъ Интернационала. И поразительно, съ какимъ тактомъ и выдержкой Марксъ дѣйствовалъ при организаціи Международной Ассоціаціи! Предстояло объединить въ одинъ могучій союзъ рабочія арміи отдѣльныхъ странъ, стоявшихъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ социальна-политическаго развитія, и создать для международныхъ дѣйствій рабочаго класса организацію, въ рамкахъ которой могли бы рука объ руку работать англійскіе трэдъ-юнионисты, французскіе и бельгійскіе мютюэлисты (прудонисты), нѣмецкіе лассальянцы, романскіе бунтари, марксисты различныхъ странъ и т. д. Необходимо было временно устранить то, что могло бы раздѣлять пролетаріатъ отдѣльныхъ странъ, выдвинуть то, что общо рабочимъ во всѣхъ капиталистическихъ государствахъ, и заставить всемірный рабочій классъ пройти школу политической и организаціонной выучки и на собственномъ опытѣ выработать цѣльное пролетарское міровоззрѣніе и отдѣлаться отъ пережитковъ старыхъ утопическихъ и романтическихъ системъ. И здѣсь прямолинейный теоретикъ и непримиримый «доктринеръ» какимъ принято изображать Маркса, обнаружилъ удивительную тактичность и приспособляемость,—приспособляемость не въ оппортунистическомъ, а въ реалистическомъ смыслѣ этого слова.

На этомъ пути Марксу пришлось снова выдержать упорную борьбу съ различными сектантскими и ограниченными тенденціями рабочаго движенія: съ буржуазными мадзинистами, съ узкими профессионалистами, съ прудонистами и, наконецъ, съ бунтарями-анархистами (бакунистами). Въ этой борьбѣ онъ обнаружилъ порази-

неудачей въ виду политическаго пристрастія нѣмецкой магистратуры, Марксъ взялъ на себя лично расправу съ клеветникомъ и, со свойственнымъ ему злобнымъ сарказмомъ, отдѣлалъ Фогта такъ, какъ онъ того заслуживалъ. Въ настоящее время этотъ памфлетъ не представляетъ интереса.

тельную проницательность, выдержку и необыкновенное трудолюбие. Съ 1864 г. и вплоть до Гаагскаго конгресса 1872 г. Марксъ былъ душой Генеральнаго Совѣта, настоящимъ spiritus rector Интернаціонала; ни одно болѣе или менѣе крупное проявленіе дѣятельности Международной Ассоціаціи не обходилось безъ его участія; почти всѣ опубликованные Генеральнымъ Совѣтомъ документы, начиная съ знаменитаго «Учредительнаго адреса» и кончая манифестомъ о «Гражданской войнѣ во Франціи», были составлены Марксомъ. Даже на тѣхъ конгрессахъ Интернаціонала, на которыхъ онъ лично не присутствовалъ, проявлялось его вліяніе: онъ подготавливалъ доклады Генеральнаго Совѣта, инспирировалъ англійскую делегацію, игравшую значительную роль на сѣздахъ Интернаціонала, воздѣйствовалъ на отдѣльныхъ представителей нѣмецкой, швейцарской, испанской и французской делегацій, словомъ—предоставлялъ къ услугамъ международного рабочаго движенія всю свою колоссальную эрудицію и необъятный опытъ, почерпнутый имъ изъ основательнаго изученія классовой борьбы на протяженіи всей истории человѣчества. Благодаря идейному вліянію Маркса и его послѣдователей основныя положенія научнаго социализма вошли въ плоть и кровь международного рабочаго движенія, и хотя, вопреки надеждамъ Карла Маркса, дѣятельность Интернаціонала не привела непосредственно къ социальному переустройству, но всѣ послѣдующіе годы реакціи не въ силахъ были вытравить изъ сознанія пролетаріата тѣхъ завоеваній, которыя сдѣланы были имъ во время существованія Международной Ассоціаціи. Нѣкоторые изъ составленныхъ Марксомъ для Генеральнаго Совѣта документовъ, какъ напримѣръ, «Учредительный адресъ», проведенный имъ противъ проекта Мадзини, манифестъ-брошюра «Гражданская война во Франціи», а также нѣкоторые доклады, какъ напримѣръ, докладъ о профессиональномъ движеніи и о международной взаимопомощи пролетаріата (Женевскій конгрессъ), до сихъ поръ остаются глубокой философійей рабочаго движенія въ его историческомъ развитіи.

Извѣстно, что внутреннія тренія въ нѣдрахъ Интернаціонала въ концѣ концовъ привели къ распаду Международной Ассоціаціи (см. статью «Марксъ и анархизмъ»). Оптимистическія надежды Маркса на близость кореннаго переворота снова были жестоко обмануты, какъ послѣ разгрома революціоннаго движенія 1848—49 гг. Тщетно пытался онъ обмануть самого себя: его роль, какъ непосредственнаго практическаго дѣятеля, была закончена. Послѣ Гаагскаго конгресса онъ произнесъ рѣчь, въ которой старался поддержать духъ своихъ сторонниковъ, сознававшихъ, что старый Интернаціоналъ пережилъ себя и что до возобновленія международной организаціи пролетаріата пред-

стоитъ продолжительный періодъ медленной и кропотливой подготовительной работы на мѣстахъ. Эта рѣчь, въ нѣкоторомъ смыслѣ лебединая пѣснь и завѣщаніе Маркса, кончалась слѣдующими словами: «Революція должна быть солидарною,—грандіознымъ примѣромъ, подтверждающимъ эту истину, служитъ парижская Коммуна: она пала потому, что во всѣхъ столицахъ, въ Берлинѣ, Мадридѣ и т. д., не вспыхнуло одновременно крупное революціонное движеніе, которое находилось бы въ связи съ этимъ грандіознымъ возстаніемъ пролетаріата въ Парижѣ. Что касается меня, то я буду продолжать работать надъ разрѣшеніемъ своей задачи,—надъ созданіемъ этой столь плодотворной для будущаго солидарности рабочихъ. Нѣтъ, я не уйду изъ Интернаціонала, и остатки моей жизни, какъ и вся моя прежняя дѣятельность, будетъ посвященъ торжеству социальныхъ идей, которыя, мы въ этомъ увѣрены, рано или поздно приведутъ къ побѣдѣ пролетаріата».

Этимъ обѣщаніямъ Марксъ остался вѣренъ до конца своей жизни, но отнынѣ его работа сводилась къ ученымъ трудамъ, къ идейному руководству социалистическимъ движеніемъ въ различныхъ странахъ, къ вліянію путемъ переписки и личныхъ переговоровъ на руководителей рабочаго движенія; открыто же на аренѣ общественной дѣятельности Марксу больше не приходилось выступать.

Кипучая дѣятельность въ Интернаціоналѣ оторвала Маркса отъ его научной работы. Въ 1867 г. онъ выпустилъ первый томъ своего «Капитала», этой библии международнаго социализма, но ему такъ и не удалось при жизни выпустить слѣдующихъ томовъ и даже окончательно обработать ихъ для печати. Послѣ распада Международной Ассоціаціи Марксъ снова засѣлъ за письменный столъ, но ему приходилось тратить слишкомъ много времени на просмотръ новыхъ изданій и переводовъ перваго тома, а съ другой стороны, ему сильно мѣшала прогрессирующая болѣзнь. Вдобавокъ этотъ пытливый умъ, никогда не удовлетворявшійся разъ достигнутыми результатами, старался придать возможно болѣе прочное обоснованіе своимъ выводамъ и усвоить весь доступный матеріалъ по своей специальности. Уже на склонѣ лѣтъ Марксъ засѣлъ за русскій языкъ и основательно изучилъ его; онъ перечелъ огромную литературу русской земской статистики, доставленную ему русскими друзьями, такъ какъ онъ намѣревался переработать отдѣлъ третьяго тома о поземельной рентѣ на основаніи русскихъ матеріаловъ. Къ сожалѣнію, выполнить свой планъ ему не удалось.

Одновременно со своей литературной работой, Марксъ старался слѣдить за всѣми проявленіями рабочаго и социалистическаго движенія и всюду спѣшилъ придти со своимъ совѣтомъ на помощь мо-

лодымъ дѣятелямъ. Съ германскими социалистами онъ все время находился въ тѣсномъ, идейномъ общеніи и оживленной перепискѣ. Онъ принималъ самое живое участіе въ борьбѣ между «эйзенахцами» (марксистами, соц.-демократами) и лассальянцами и въ попыткахъ объединенія между обѣими враждующими фракціями нѣмецкаго социализма. Посреди временныхъ уклоненій, вызываемыхъ потребностями момента и неразвитостью социальныхъ отношеній, Марксъ старался отстоять общія задачи движенія въ цѣломъ и цѣлостное, безпримѣсное пролетарское міровоззрѣніе. Извѣстно его письмо по поводу Готскаго Объединительнаго Съѣзда 1875 г., направленное противъ компромиссной программы новой соц.-демократической партіи. Это письмо, какъ и цѣлый рядъ другихъ рѣзкихъ посланій, обличавшихъ вождей нѣмецкой социаль-демократіи въ ненавистномъ для Маркса «оппортунизмѣ», въ свое время не было предано огласкѣ, такъ какъ Марксъ при всей своей рѣзкости и теоретической непримиримости отличался значительнымъ политическимъ тактомъ, когда дѣло шло не о сектахъ, а о серьезномъ рабочемъ движеніи; онъ держался того взгляда, что люди, спокойно проживающіе за границей и не принимающіе непосредственнаго участія во всѣхъ тягостяхъ практической борьбы, не вправѣ отягощать и безъ того труднаго положенія работающихъ на мѣстѣ партійныхъ работниковъ.

Марксъ не ограничивался посильной помощью нѣмецкому рабочему движенію. Онъ вмѣстѣ съ Гэдомъ, Лафаргомъ и Энгельсомъ выработалъ въ 1880 г. программу Французской Рабочей Партіи (гэdistовъ), построенную на марксистскихъ принципахъ и впервые популяризовавшую основныя положенія научнаго социализма среди французскихъ рабочихъ. До конца своей жизни Марксъ съ горячимъ интересомъ слѣдилъ за дѣятельностью французскихъ соц.-демократовъ, среди которыхъ занялъ выдающееся положеніе теоретика его зять Поль Лафаргъ, и приходилъ имъ на помощь указаніями, совѣтами и предостереженіями. Даже русскимъ революціоннымъ движеніемъ Марксъ живо интересовался, и послѣ его смерти въ его бумагахъ найдена была «Программа рабочихъ членовъ партіи Народной Воли» съ многочисленными его помѣтками и исправленіями.

Нашъ очеркъ былъ бы неполонъ, если бы мы не сказали нѣсколько словъ о личной жизни великаго борца и социалистическаго мыслителя.

Уже одна наружность Маркса обращала на себя вниманіе. Вотъ какъ описываетъ его нѣмецкій буржуазный демократъ 40-хъ годовъ, Карль Шурцъ («Изъ воспоминаній революціонера», Русское Богатство, 1906, № 12): «Ему было въ то время (т. е. во время конгресса

демократическихъ союзовъ въ Кельнѣ въ 1848 г.) 30 лѣтъ, и онъ уже считался признаннымъ главою социалистической школы. Невысокаго роста, крѣпко сложенный, съ широкимъ лбомъ, съ черными волосами, густою бородой и темными блестящими глазами, онъ сразу привлекалъ вниманіе... Все, что Марксъ говорилъ, было дѣйствительно содержательно, логично и ясно. Но никогда я не встрѣчалъ человѣка, отличавшагося такимъ оскорбительнымъ и нестерпимымъ высокомеріемъ. Ни одного мнѣнія, сколько-нибудь отличнаго отъ его собственнаго, онъ не удостоивалъ благосклоннаго отзыва. Ко всякому, кто ему противорѣчилъ, онъ относился съ худо скрываемымъ презрѣніемъ. На каждый непріятный ему доводъ, онъ отвѣчалъ или ѣдкой насмѣшкой надъ жалкимъ невѣжествомъ говорившаго, или оскорбительнымъ заподозриваніемъ его побужденій. И до сихъ поръ помню тотъ рѣзко саркастическій тонъ, которымъ онъ произносилъ слово бюргеръ (буржуа, мѣщанинъ)».

Что такъ относились къ великому идеологу пролетаріата сантиментальные буржуазные демократы, которыхъ онъ никогда не щадилъ, совершенно естественно. Но для насъ, его послѣдователей и сторонниковъ его идей, даже изъ этого тенденціознаго описанія, стремящагося очернить Маркса, встаетъ великая фигура убѣжденнаго пророка и прирожденнаго вождя, разоблачавшаго невѣжество прекраснодушныхъ демократовъ или же основательно заподозривавшаго ихъ классовыя побужденія. Интересно, что аналогичное впечатлѣніе Марксъ произвелъ и на русскаго интеллигента 40-хъ годовъ, «туриста» Анненкова, встрѣчавшагося съ Марксомъ въ Брюсселѣ въ 1846 году.

«Марксъ,—пишетъ Анненковъ (Вѣстникъ Европы, 1880, № 4),—представлялъ изъ себя типъ человѣка, сложеннаго изъ энергіи, воли и несокрушимаго убѣжденія,—типъ крайне замѣчательный и по вѣщности. Съ густою черною шапкою волосъ на головѣ, съ волосистыми руками, въ пальто, застегнутомъ наискось, онъ имѣлъ, однако же, видъ человѣка, имѣющаго право и власть требовать уваженія, какимъ бы ни являлся передъ вами и что бы ни дѣлалъ. Всѣ его движенія были угловаты, но смѣлы и самонадѣянны; всѣ приемы шли наперекоръ съ принятыми обрядами въ людскихъ сношеніяхъ, но были горды и какъ-то презрительны, а рѣзкій голосъ, звучащій какъ металлъ, удивительно шелъ къ радикальнымъ приговорамъ надъ лицами и предметами, которые онъ произносилъ. Марксъ уже и не говорилъ иначе, какъ такими безапелляціонными приговорами, надъ которыми, впрочемъ, еще царствовала одна, до боли рѣзкая нота, покрывавшая все, что онъ говорилъ. Нота выражала твердое убѣжденіе въ своемъ призваніи управлять умами, законодательствовать

надъ ними и вести ихъ за собой. Передо мной стояла олицетворенная фигура демократическаго диктатора».

Это презрительное и враждебное отношеніе Маркса ко всему тому, въ чемъ онъ видѣлъ помѣху для освободительнаго движенія пролетаріата, къ мѣщанскому идеализму и фразерству, ко всѣмъ видамъ революціонной романтики и оппортунизма, объяснялось его глубокой убѣжденностью въ правотѣ исповѣдуемыхъ имъ идей и въ величїи той цѣли, которой онъ отдалъ всѣ силы своего ума и сердца. Личныхъ враговъ у Маркса не было или, вѣрнѣе, его личными врагами были всѣ тѣ, кто сознательно, изъ классовыхъ или иныхъ побужденій, становился поперекъ дороги освобожденію пролетаріата, а значитъ, и всего человѣчества, или тѣ, кто своими непродуманными ученіями или легкомысленными поступками вольно и невольно препятствовалъ скорѣйшему достиженію этой цѣли. Безпощадное отношеніе къ сознательнымъ врагамъ социализма и къ «негоднымъ теоретикамъ» его сочеталось въ Марксѣ съ крайне бережнымъ, можно сказать, нѣжнымъ отношеніемъ ко всѣмъ проявленіямъ рабочаго движенія, какъ бы послѣднія ни были по временамъ далеки отъ идеала самого Маркса. Беззавѣтное служеніе интересамъ пролетаріата и человѣчества и колоссальныя заслуги Маркса передъ всемірнымъ рабочимъ движеніемъ давали ему право на тѣ черты и поступки, которые вызвали такое негодованіе со стороны людей, имѣвшихъ несчастье заслужить его гнѣвъ.

Къ людямъ, въ которыхъ онъ видѣлъ вѣрныхъ и безкорыстныхъ слугъ пролетаріата, Марксъ относился совершенно иначе. Достаточно прочесть воспоминанія Либкнехта или Лафарга о Марксѣ, чтобы убѣдиться, что подъ суровой внѣшностью мыслителя - борца скрывалось нѣжное, любвеобильное и чуткое сердце. И тѣ, кто, подобно Либкнехту, имѣлъ счастье долго прожить въ обществѣ этого гениальнаго ученаго-революціонера и обаятельнаго собесѣдника, всю жизнь благодарили судьбу за выпавшій на ихъ долю завидный удѣлъ. Строгій къ самому себѣ, Марксъ былъ столь же строгъ и къ людямъ, которыхъ онъ дарилъ своей дружбой и уваженіемъ. Съ перваго же знакомства онъ подвергалъ ихъ придирчивому экзамену и впоследствии строго слѣдилъ за ходомъ ихъ умственной работы. Но затѣ люди, прошедшіе школу Маркса и долго жившіе въ его обществѣ, развивали свой умъ, закаляли характеръ и, подобно тому же Либкнехту, на всю жизнь оставались вѣрными «солдатами революціи».

Самъ онъ не переставалъ учиться всю жизнь. По колоссальности и всесторонности своихъ знаній онъ не имѣлъ себѣ равнаго, а по той роли, которую Марксъ сыгралъ въ исторїи науки XIX вѣка, его можно сравнить, пожалуй, только съ Дарвиномъ. Но сильно ошибся бы тотъ,

кто вздумалъ бы представлять себѣ Маркса въ видѣ сухого специалиста, погрязшаго въ изученіи политической экономіи и статистикѣ и видѣвшаго свѣтъ только въ этомъ окошкѣ. Помимо основательнаго знакомства съ философіей и исторіей, Марксъ былъ еще великолѣпнымъ филологомъ. Онъ прекрасно зналъ не только всѣ новые европейскіе языки, но и въ области древнихъ языковъ былъ какъ у себя дома. Либкнехтъ былъ филологомъ по специальности, но передъ Марксомъ онъ пасовалъ, и великій ученый радовался какъ ребенокъ, когда могъ предложить своему болѣе молодому другу какое-нибудь трудное мѣсто изъ Аристотеля или Эсхила, въ которомъ тотъ не могъ сразу разобраться. Произведенія всѣхъ выдающихся поэтовъ онъ читалъ въ подлинникѣ. Гейне и Гете онъ зналъ наизусть; Эсхила и Шекспира, которыхъ онъ считалъ величайшими драматическими гениями, онъ изучилъ основательно; Данте и Бернсъ также принадлежали къ числу любимыхъ имъ поэтовъ. Уставши отъ научной работы, онъ принимался за чтеніе романовъ, которые поглощали въ огромномъ количествѣ; онъ любилъ Поль де-Кока, Александра Дюма-отца и Вальтеръ Скотта, но выше всѣхъ романистовъ онъ ставилъ Сервантеса и Бальзака. Наряду съ поэзіей и романами, другимъ средствомъ для отдыха отъ напряженнаго умственнаго труда была для Маркса математика; углубившись въ нее, онъ находилъ забвеніе отъ страданій, причиняемыхъ ему болѣзною жены. Въ такомъ состояніи онъ написалъ свою работу объ исчисленіи бесконечно малыхъ, которая, по отзывамъ ознакомившихся съ нею специалистовъ-математиковъ, представляетъ большую цѣнность.

Работалъ онъ съ величайшей усидчивостью и необыкновенной добросовѣстностью. Никогда не довольствуясь сообщеніемъ изъ вторыхъ рукъ, онъ всегда обращался къ первоисточникамъ, съ какимъ бы трудомъ это ни было сопряжено: объ этомъ свидѣлствуютъ хотя бы примѣчанія къ «Капиталу». До конца дней своихъ Марксъ не переставалъ учиться. Уже когда ему было 50 лѣтъ, онъ принялся за изученіе русскаго языка и черезъ 6 мѣс. настолько овладѣлъ имъ, что могъ въ подлинникѣ наслаждаться чтеніемъ Пушкина, Гоголя, Щедрина и Чернышевскаго, котораго онъ особенно уважалъ. Мы уже говорили, что къ изученію русскаго языка Марксъ обратился для ознакомленія съ трудами нашихъ земскихъ статистиковъ.

Работалъ Марксъ, не щадя своего здоровья и своихъ силъ. Между 8-ю и 9-ю часами утра онъ вставалъ, наскоро выпивалъ свой черный кофе, прочитывалъ газеты и отправлялся въ свой кабинетъ, гдѣ работалъ до двухъ-трехъ часовъ ночи; въ юности онъ имѣлъ привычку проводить за работой цѣлыя ночи напролетъ. Умственная работа была его страстью; изъ-за нея онъ нерѣдко забывалъ даже о

ѣдѣ; его львиная голова, казалось, стягивала къ себѣ все соки организма, и за усиленную работу могучаго мозга приходилось расплачиваться бѣднымъ желудку. Марксъ страдалъ отсутствіемъ аппетита, которое заставляло его прибѣгать къ острымъ блюдамъ. Единственное, чѣмъ онъ поддерживалъ свой безжалостно изнуряемый непосильной работой организмъ, была ходьба; каждый вечеръ, если позволяла погода, онъ совершалъ прогулку за городъ. Въ концѣ концовъ Марксъ сильно надорвалъ свое здоровье, но до тѣхъ поръ, пока онъ не свалился съ ногъ, онъ не оставлялъ своей работы. Несмотря на свое необыкновенно крѣпкое сложеніе, Марксъ уже въ концѣ 50-хъ годовъ началъ жаловаться на всякаго рода физическія недомоганія. Врачи запретили ему ночную работу, но какъ только онъ поправился, онъ снова вернулся къ своей старой привычкѣ. Въ концѣ концовъ у него появилась болѣзнь печени и общее разстройство организма. Только въ самые послѣдніе годы Марксъ отказался отъ ночныхъ работъ, но было уже слишкомъ поздно. И Либкнехтъ справедливо замѣчаетъ, что къ Марксу болѣе, чѣмъ къ кому либо, примѣнимо извѣстное выраженіе: «геній—это прилежаніе».

Вся эта гигантская работа производилась не по матеріальнымъ соображеніямъ, а по чисто идеалистическимъ мотивамъ. Марксъ, употребляя одно изъ его любимыхъ выраженій, «работалъ для міра». Либкнехтъ мѣтко замѣчаетъ. «Капиталъ» отнял у него 40 лѣтъ, 40 лѣтъ такой работы, на которую только Марксъ былъ способенъ. И я не преувеличу, если скажу: послѣдній поденщикъ въ Германіи за 40 лѣтъ получилъ больше платы, чѣмъ Марксъ гонорара, т. е. почетной платы, за одно изъ двухъ величайшихъ научныхъ произведеній текущаго столѣтія (второе изъ этихъ произведеній—сочиненія Дарвина). Самъ Марксъ шутливо замѣчалъ, что «Капиталъ» не принесъ ему столько, сколько стоили сигары, выкуренныя во время его писанія, но онъ сознавалъ, что «наука не должна служить эгоистическому наслажденію: тотъ, на чью долю выпало счастье всецѣло посвятить себя наукѣ, долженъ съ готовностью отдавать свои знанія на служеніе человѣчеству».

А между тѣмъ во время продолжительной эмигрантской жизни Марксу неоднократно приходилось испытывать сильную матеріальную нужду. Извѣстенъ анекдотъ о томъ, какъ Марксъ, относившій въ лондонъ фамиліное серебро своей жены съ графскими гербами, едва не подвергся аресту, такъ какъ служащіе заподозрили въ этомъ лохматомъ и неряшливо одѣтомъ человѣкѣ вульгарнаго мазурика. Возможно, что матеріальная нужда и вообще тяжелыя условія скитальческой жизни отразились на судьбѣ самого Маркса, его жены и дѣтей. Оба сына Маркса умерли очень рано. Смерть второго сына,

на котораго родители возлагали большія надежды, произвела потрясающее впечатлѣніе на отца; онъ пришелъ въ такое отчаяніе, что друзья боялись, какъ бы онъ не прыгнуть вслѣдъ за гробомъ въ могилу. У Маркса было три—дочери: одна изъ нихъ впоследствии вышла замужъ за бывшаго коммунара Лонга и умерла въ началѣ 1883 г., вторая, Лаура, вышла за Лафарга и жива до сихъ поръ; третья, самая выдающаяся, Элеонора, впоследствии вышла за Эвелинга и въ 1898 г. покончила самоубійствомъ вслѣдствіе неудачно сложившейся личной жизни.

Марксъ былъ очень нѣжнымъ отцомъ. Цѣлые часы онъ проводилъ въ играхъ съ дѣтьми, а подъ старость съ внуками. Дочери обращались съ нимъ по товарищески и называли его не отцомъ, а «мавромъ» (прозвище, которое онъ получилъ за смуглую кожу и черные, какъ смоль, волосы). Въ воскресные дни дочери не разрешали ему работать; въ эти дни вся семья вмѣстѣ съ Еленой Демуть, преданной экономкой, сдѣлавшейся членомъ семьи, и близкими друзьями отправлялась гулять за городъ.

Изгнанническая жизнь скрашивалась для Маркса мягкой и возвышенной натурой его любимой жены. Несмотря на свое аристократическое происхожденіе, она сдѣлалась убѣжденной социалисткой и демократкой. Съ мужемъ ее до послѣдней минуты соединяла самая нѣжная и трогательная привязанность. Ее страшно мучилъ заговоръ, направленный противъ ея мужа всей буржуазіей, низкія клеветы, которыми его осыпали противники, и особенно упорное замалчиваніе его великихъ произведеній. Незадолго до ея смерти въ одномъ англійскомъ журналѣ появилась статья Бельфора Бакса «Вожакъ современной мысли Карлъ Марксъ», написанная въ сочувственномъ для Маркса тонѣ. «Самымъ же цѣннымъ во всемъ этомъ было для меня то,—съ трогательной простотой писалъ Марксъ своему другу Ворге,—что этотъ номеръ былъ полученъ мною еще 30 ноября и скрасилъ послѣдніе дни моей дорогой супруги. Ты вѣдь знаешь, съ какимъ живымъ интересомъ она относилась къ такимъ вещамъ».

Жена Маркса, изнуренная долгими годами изгнанія, смертью дѣтей, болѣзью мужа, умерла 2 декабря 1881 г. Осенью того же года Марксъ заболѣлъ плевритомъ въ тяжелой формѣ. Это было ужасное время для семьи Маркса: въ одной комнатѣ лежала на постели умирающая жена, а рядомъ въ другой комнаткѣ лежалъ самъ Марксъ, положеніе котораго врачи считали почти безнадежнымъ. «И оба они,—какъ пишетъ Элеонора,—такъ другъ къ другу привыкшіе, такъ другъ съ другомъ сжившіеся, не могли быть болѣе въ одной и той же комнатѣ... «Мавръ» еще разъ побѣдилъ болѣзнь; никогда я не забуду того утра, когда онъ, почувствовавъ себя уже

достаточно сильнымъ, отправился въ комнату мамочки. Въмѣстѣ они снова помолодѣли: предо мною былъ не разбитый болѣзвью старый мужъ и не старая умирающая жена, а влюбленный юноша и молодая влюбленная дѣвушка». Послѣднія слова госпожи Марксъ, сказанныя почему-то по англійски, были обращены къ ея мужу; когда она почувствовала приближеніе рокового конца, она воскликнула: «Карлъ, я теряю силы» Когда пришелъ Энгельсъ, онъ сказалъ: «Теперь Мавръ тоже умеръ». И это была правда. Господу Марксу похоронили 5 декабря на Хайгетскомъ кладбищѣ; Энгельсъ долженъ былъ удержать за руку Маркса, который едва не бросился въ могилу за своей вѣрной подругой. Черезъ 15 мѣсяцевъ онъ послѣдовалъ за своей женой.

Оправившись отъ плеврита, Марксъ въ февралѣ 1882 г. былъ отправленъ въ Алжиръ, но по дорогѣ простудился и прѣхалъ на мѣсто съ новымъ плевритомъ. Затѣмъ онъ побывалъ въ Монте-Карло и уѣхалъ въ Аржантейль, подъ Парижемъ, къ своей дочери г-жѣ Лонгэ, гдѣ лечился отъ своего застарѣлаго бронхита Энгелескими сѣрными водами. Зимой 1882 г. онъ жилъ на островѣ Уайтъ, гдѣ снова простудился. Тѣмъ временемъ умерла старшая его дочь, г-жа Лонгэ; эта смерть окончательно сразила Маркса. Къ его болѣзни присоединилась масса осложнений и главнымъ образомъ нарывъ въ легкихъ и быстрый упадокъ силъ. 14 марта 1883 г. Марксъ вышелъ изъ спальни своей дочери Элеоноры, направился въ свой кабинетъ въ Майтландскомъ паркѣ, сѣлъ тамъ въ свое кресло и тихо уснулъ навѣки. Онъ былъ похороненъ на Хайгетскомъ кладбищѣ, рядомъ со своей женой.

Вотъ, что писалъ Энгельсъ къ Зорге на другой день послѣ смерти Карла Маркса:

«Всѣ явленія, даже самыя ужасныя изъ нихъ, совершающіяся по законамъ природы, чреваты утѣшеніемъ. Такъ и въ данномъ случаѣ. Искусство врачеванія могло бы, можетъ быть, продлить ему пару лѣтъ растительнаго существованія, т. е. жизнь безпомощнаго, лишь въ славу искусству докторовъ, не сразу, а медленно умирающаго существа; но такой жизни нашъ Марксъ не перенесъ бы. Жить, имѣя передъ собою цѣлый рядъ незаконченныхъ работъ, и испытывать муки Танталя при мысли о невозможности довести ихъ до конца—было бы для него въ тысячу разъ тяжелѣе спокойной смерти. «Смерть страшна не умирающему, а остающемуся въ живыхъ»,—имѣлъ онъ обыкновеніе повторять вмѣстѣ съ Эпикуромъ. И этого мощнаго геніальнаго человѣка видѣть развалиной, влачащей свое существованіе для вышей славы медицины и для насмѣшекъ надъ собою филистеровъ, которыхъ онъ во цвѣтѣ своихъ силъ такъ часто

безпощадно уничтожалъ,—нѣтъ, въ тысячу разъ лучше то, что совершилось. нѣтъ, въ тысячу разъ лучше будетъ, когда мы его послѣзавтра несемъ въ могилу, въ которой спитъ и его супруга.

«По моему мнѣнію, послѣ всего пережитаго другого исхода не было; это я знаю лучше всѣхъ врачей.

«Пусть будетъ такъ! Человѣчество сдѣлалось ниже на цѣлую голову, притомъ на самую геніальную изъ всѣхъ тѣхъ, какими оно располагало въ послѣднее время.

«Движеніе пролетаріата поидеть своимъ путемъ, но не будетъ уже центра, въ которому въ критическія минуты спѣшили за помощью французы, русскіе, американцы и нѣмцы, получавшіе отъ него всегда ясные и вѣрные совѣты; такіе совѣты, которые могъ дать только гевій и человѣкъ. въ совершенствѣ владѣющій предметомъ.

«Мѣстнымъ знаменитостямъ и маленькимъ талантамъ, если не шарлатанамъ, развязались руки. Конечная побѣда несомнѣнна, но отклоненія въ сторону, временныя и мѣстныя замѣшательства—и безъ того неизбежныя—теперь разовьются въ еще большей степени.

«Пусть—мы должны и это пережить, иначе зачѣмъ мы существуемъ? И насъ это не пугаетъ».

Заслуги Карла Маркса въ исторіи науки неизмѣримы.

Ученіе Маркса явилось синтезомъ научнаго наблюденія надъ фактическимъ развитіемъ современнаго общества и надъ практическимъ движеніемъ рабочаго класса, борющагося за свое освобожденіе. Для выработки своего міровоззрѣнія Марксъ использовалъ всѣ завоеванія буржуазной науки, сдѣланныя ею до него во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія: англійскую классическую экономію и теоріи физиократовъ, ученія англійскихъ и французскихъ утопистовъ, труды французскихъ историковъ эпохи Гюльської монархіи, нѣмецкую философію и т. д. И критически переработавъ всѣ данныя буржуазной науки и утопическихъ системъ, онъ создалъ свое ученіе научнаго социализма или критическаго коммунизма.

До Маркса социализмъ выступалъ или въ формѣ утопическихъ доктринъ, или въ видѣ стихійныхъ возмущеній доведеннаго до отчаянія пролетаріата. Утописты, критикуя—и подчасъ блестяще критикуя—недостатки существующаго строя, совершенно не замѣчали имманентной тенденціи капиталистическаго производства къ подготовленію объективныхъ и субъективныхъ предпосылокъ социализма и по общему правилу рѣшительно не понимали историческихъ задачъ пролетаріата. Они поэтому сочиняли фантастическіе планы общественнаго переустройства и съ предложеніемъ осуществить ихъ обращались ко всѣмъ

соціальнымъ элементамъ безразлично, преимущественно даже къ господствующимъ классамъ. Самодѣятельность пролетаріата, его политическую и въ особенности революціонную дѣятельность они рѣшительно отвергали. Вотъ почему они не только не могли объединить теоріи съ практикой, социализма съ рабочимъ движеніемъ, но по мѣрѣ развитія послѣдняго все больше отдалялись отъ него, превращаясь въ окостенѣлыя секты.

Самъ рабочій классъ, не вполне еще сложившійся и продолжавшій вербоваться изъ пролетаризуемыхъ крестьянъ и ремесленниковъ, находился еще на низкой ступени развитія. Иногда его недовольство прорывалось въ судорожныхъ вспышкахъ, послѣ которыхъ онъ снова впадалъ въ продолжительный маразмъ. Не будучи въ состояніи выставить собственнаго плана радикальнаго общественнаго переустройства, онъ или погрязалъ въ полномъ безразличіи, или послушно плелся за буржуазіей, побивая ея враговъ—абсолютизмъ и феодальныхъ землевладѣльцевъ, но самъ поработаемый ею и политически, и экономически, и умственно, и морально. Ему, словомъ, не доставало еще классоваго сознанія, собственнаго пролетарскаго міровоззрѣнія.

Это міровоззрѣніе далъ ему Карлъ Марксъ. Конечно, онъ не выдумалъ его изъ собственной головы. Для созданія своей системы Марксъ продумалъ и критически переработалъ не только всѣ пріобрѣтенія буржуазной науки, не только историческій опытъ всѣхъ народовъ и классовъ, но въ первую голову и главнымъ образомъ историческій опытъ самого пролетаріата, опытъ, до котораго рабочій классъ доработался въ лицѣ своихъ передовыхъ представителей: опытъ англійскихъ разрушителей машинъ (лэддитовъ) и забастовщиковъ, опытъ трэдъ-юніоновъ, отстаивавшихъ профессиональные интересы рабочихъ, и чартистовъ, боровшихся за всеобщее избирательное право и за демократизацію политическаго строя; опытъ французскихъ кустарей, и рабочихъ, бунтовавшихъ въ Ліонѣ въ 1831 и 1834 гг., блакистовъ, организовывавшихъ тайныя общества и систематически устраивавшихъ возстанія, и рабочихъ-республиканцевъ, добивавшихся избирательной реформы и «организации труда»; опытъ нѣмецкихъ ремесленниковъ-эмигрантовъ, объединявшихся въ союзы Опальныхъ и Справедливыхъ, и т. д., и т. д. Каждое изъ этихъ движеній рабочаго класса выдвигало какую нибудь соціальную проблему, каждое изъ нихъ клало какой нибудь камень въ фундаментъ грядущаго зданія, каждое разрабатывало какую нибудь частную сторону историческаго движенія пролетаріата къ полному своему освобожденію. Синтезомъ этого опыта, освѣщеннаго яркимъ свѣтомъ критическаго научнаго анализа историческаго развитія, и явилось ученіе Маркса.

Въ то же время это ученіе не только имѣло практической характеръ, но и внесло полный переворотъ въ традиціонную социальную науку открытіемъ закона историческаго развитія. Марксъ ввелъ въ исторію понятіе законѣрности, принципъ эволюціи, который впоследствии окончательно водворился въ науки вообще (въ особенности благодаря работамъ другого гениа ХІХ столѣтія, Чарльза Дарвина). Но эволюцію Марксъ понималъ не въ смыслѣ ученыхъ педантовъ, противопоставляющихъ постепенное развитіе непохвальнымъ «внезапнымъ» переворотамъ. Онъ показалъ, что на известной ступени эволюція переходитъ въ революцію, которая такимъ образомъ является однимъ изъ необходимыхъ звеньевъ эволюціонной цѣпи; такъ что и эволюція, и революція одинаково «естественны» и «законны» въ исторіи какъ природы, такъ и человѣчества. Изгнавши изъ исторіи элементъ случайности, Марксъ доставилъ право гражданства историческому детерминизму. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ раскрылъ тагну историческаго развитія человѣчества, примѣнивши къ исторіи методъ матеріалистическаго истолкованія и такимъ образомъ изгнавши идеализмъ изъ его послѣдняго убѣжища. Только съ этого момента сдѣлалась возможной научная социологія.

Марксъ взглянулъ на человѣчество какъ на трудовую ассоціацію, оказывающую воздѣйствіе на природу и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняющую свой собственный характеръ подъ вліяніемъ коллективнаго трудового процесса. Въ развитіи производительныхъ силъ онъ открылъ тотъ основной факторъ, которымъ опредѣляются взаимныя экономическія, а значить, и политическія, юридическія и иныя отношенія людей. Онъ показалъ, что вся исторія человѣчества послѣ распада первобытной общины, основанной на родовыхъ связяхъ, была исторіей борьбы классовъ. Эта классовая борьба, въ зависимости отъ условій мѣста и времени, могла выливаться въ различныя формы, но сущность ея всегда оставалась неизмѣнной: это была борьба за экономическое и политическое господство, за право эксплуатаціи чело вѣ ка чело вѣ комъ. До сихъ поръ трудящаяся масса находилась въ порабощеніи у кучки привилегированныхъ эксплуататоровъ; до сихъ поръ продукты, созданные руками чело вѣ ка, господствовали надъ нимъ и порабощали его. И только въ новѣйшій періодъ чело вѣ ческой исторіи производительныя силы настолько развились, а эксплуатація чело вѣ ка чело вѣ комъ настолько упростилась и оголилась, что явилась возможность для трудящихся освободиться отъ извѣчнаго ярма.

Намѣтивши общими гигантскими штрихами послѣдовательную смѣну экономическихъ формаций, опредѣлявшихъ характеръ цѣлыхъ историческихъ періодовъ, — общества: первобытно-коммунистическое, антично-

рабское, феодально-крѣпостное и буржуазное,—Марксъ сосредоточилъ свое вниманіе на подробномъ анализѣ послѣдняго, которое съ его легкой руки получило въ наукѣ названіе «капиталистическаго». Онъ раскрылъ законъ развитія этого общества и разоблачилъ его тайну, показавши, что капиталистическій строй основанъ на эксплуатаціи класса наемныхъ рабочихъ, пролетаріевъ, классомъ капиталистовъ, буржуазіей, присваивающей себѣ въ видѣ прибавочной стоимости неоплаченный трудъ рабочаго. Онъ выяснилъ законы накопленія и концентраціи капиталовъ, показалъ, что капиталистическій режимъ, кульминаціонной точкой котораго является машинная индустрія, естественно ведетъ къ сосредоточенію средствъ производства и рабочихъ, къ вытѣсненію разрозненнаго труда коллективнымъ и властно толкаетъ общество къ замѣнѣ индивидуальнаго анархическаго производства и частной собственности социалистическимъ организованнымъ производствомъ и общей собственностью на орудія труда.

Съ раскрытіемъ законовъ капиталистическаго производства и обмѣна сдѣлалась возможной научная политическая экономія, основы которой заложены были классической школой.

Но особенно велики заслуги Маркса въ выясненіи историческихъ судебъ и задачъ пролетаріата.

Марксъ показалъ, какъ возникъ и сложился современный пролетаріатъ, въ какое положеніе его ставитъ крупное фабричное производство, какъ капитализмъ разрушаетъ его здоровье, семью и старую мораль, но какъ вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ сознаніе и организація рабочаго класса, какъ въ немъ все сильнѣе зрѣетъ стремленіе къ своему освобожденію. Марксъ прослѣдилъ «болѣе или менѣе скрытую гражданскую войну» между пролетаріатомъ и буржуазіей, начиная отъ первыхъ проблесковъ разрозненнаго рабочаго протеста и вплоть до социальной революціи, до насильственнаго низверженія буржуазіи пролетаріатомъ, добывающимся господства въ государствѣ. Онъ показалъ, какъ эта социальная революція съ желѣзной необходимостью вытекаетъ изъ всего предшествующаго развитія и властно навязывается пролетаріату всѣмъ ходомъ историческаго процесса, словомъ, показалъ, что она является объективной исторической необходимостью. При этомъ Марксъ подчеркнулъ существенную отличительную черту пролетарскаго революціоннаго движенія: всѣ предшествовавшія историческія революціи были движеніемъ меньшинства или совершались въ интересахъ меньшинства; социалистическое же движеніе пролетаріата есть самостоятельное движеніе громаднаго большинства въ интересахъ подавляющаго большинства. «Пролетаріатъ, самый низшій слой современнаго общества, не можетъ

подняться, не может выпрямиться, не взорвав на воздух всю надстройку слоев, образующих официальное общество»; онъ не может освободиться, не освобождая вмѣстѣ съ тѣмъ всего человѣчества.

Въ этомъ-то и заключается историческая миссія пролетаріата. Эту миссію онъ долженъ понять и подготовиться къ ея выполнению. Но для достиженія своей цѣли онъ долженъ выработать себѣ классовое сознаніе и организовать въ самостоятельную силу. Въ противность утопистамъ, меньше всего думавшимъ о самостоятельныхъ выступленіяхъ рабочаго класса, Марксъ всѣ свои надежды возлагалъ исключительно на его самодѣятельность. Эта самодѣятельность должна проявиться во всѣхъ областяхъ соціальной жизни: экономической, политической и идейной. Сянтетическое, цѣлостное пониманіе пролетарскаго движенія исключало у Маркса аполитицизмъ или политическій индифферентизмъ, присущій системамъ утопистовъ и «истинныхъ» социалистовъ. Въ этомъ отношеніи на Маркса оказала вліяніе пройденная имъ въ юности школа политическаго радикализма, а также уроки французскаго рабочаго движенія 30-хъ и 40-хъ годовъ (особенно дѣятельность бланкистовъ) и движенія англійскихъ чартистовъ. Исходя изъ того положенія, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, Марксъ считалъ необходимою организацію рабочаго класса въ самостоятельную политическую силу, которая на извѣстной стадіи своего роста захватываетъ власть въ государствѣ, устанавливаетъ диктатуру пролетаріата и преобразуетъ современное буржуазное общество въ соціалистическое. Только съ этого момента кончается эпоха стихійности и безсознательности въ исторіи человѣчества и начинается періодъ свободы и сознательнаго владычества людей надъ созданными ихъ коллективнымъ трудомъ производительными силами.

Таковъ былъ идеалъ, начертанный могучимъ мыслителемъ для поднимающагося и борющагося пролетаріата. Всѣ силы его ума и сердца отданы были дѣлу просвѣщенія и организаціи рабочаго класса, въ которомъ онъ усматривалъ единственно здоровый и революціонный элементъ современнаго буржуазнаго общества. На этомъ пути великаго борца ждалъ рядъ жестокихъ разочарованій: крахъ революціоннаго движенія 1848—49 гг., распаденіе Интернаціонала и подавленіе парижской Коммуны. Марксу такъ и не удалось дожидаться того оживленія соціалистическаго движенія, которое началось во всѣхъ капиталистическихъ странахъ съ конца 80-хъ годовъ. Но онъ слишкомъ хорошо понималъ, что желѣзная логика исторической необходимости работаетъ въ пользу его идеала и что, несмотря на временные отливы

революціонной волны, конечная побѣда все же обезпечена социалистическому движенію.

Такая же неудача суждена была Марксу и въ области его научной дѣятельности. Что буржуазная наука въ первое время систематически и упорно замалчивала появленіе его великихъ работъ, это совершенно естественно: она чула въ нихъ смертный приговоръ тому классу, интересы котораго она защищаетъ не за страхъ, а за совѣсть. Только въ позднѣйшее время, когда распространеніе марксизма въ широкихъ массахъ лишило дальнѣйшее его замалчиваніе всякаго смысла, среди буржуазныхъ писаекъ и молодыхъ доцентовъ вошло въ моду составлять себѣ имя и карьеру беззубой и бездарной критикой «заблужденій» Карла Маркса. Но и среди рабочаго класса, для котораго Марксъ работалъ всю свою жизнь, его ученіе сначала распространялось чрезвычайно туго. Французскіе прудонисты были поражены, когда въ 1867 г., т. е. черезъ 20 лѣтъ послѣ выхода «Нищеты философіи», Экартусъ сообщилъ имъ о существованіи этого замѣчательнаго труда, разбивающаго вдребезги всю мѣщанскую мудрость и утопизмъ Прудона. Даже «Коммунистическій Манифестъ», это евангеліе критическаго коммунизма, въ первое время не нашелъ широкаго распространенія, и такой, напимѣръ, выдающійся революціонеръ, какъ Либкнехтъ, познакомился съ нимъ только послѣ подавленія революціоннаго движенія 1848—49 г.; о массѣ рядовыхъ работниковъ, значить, нечего и говорить. Самое крупное и выдающееся произведеніе Маркса, «Капиталъ», также не сразу было оцѣнено его единомышленниками. И даже германская социаль-демократія, которая складывалась и развивалась въ тѣснѣйшей идейной связи съ Марксомъ, не скоро прониклась духомъ его ученія. Извѣстно, что еще въ концѣ 70-хъ годовъ ея міросозерцаніе было довольно далеко отъ послѣдовательнаго и продуманнаго марксизма. Окончательная побѣда послѣдняго среди нѣмецкихъ социалистовъ была санкціонирована лишь въ 1891 году Эрфуртской программой.

Но теперь дѣло значительно измѣнилось. Правда, большая часть произведеній Карла Маркса, при всей своей строгой логичности и ясности мысли, не могутъ похвастать особой популярностью. Для ихъ пониманія требуется извѣстная, довольно серьезная подготовка и умственная дисциплина. И тѣмъ не менѣе идеи Маркса постепенно проникли въ сознаніе миллионъ и миллионъ рабочихъ; черезъ посредство социалистическихъ газетъ и брошюръ, пропагандистскихъ и агитаціонныхъ рѣчей и т. п. ученія великаго мыслителя сдѣлались достояніемъ пролетаріата, чьи интересы онѣ выражали и чьи стремленія онѣ формулировали. Въ настоящее время мы и не замѣчаемъ, что безсознательно влитываемъ въ себя идеи Маркса и дышимъ атмо-

сферой, пропитанной ими. «Теорія,—по выраженію ея творца,—слѣ-
лалась матеріальной силой, охвативши массы». Осуществился, нако-
нецъ, «союзъ науки и работниковъ,—говоря словами Лассаля,—во-
торые, слившись воедино, раздавать въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ
всѣ препятствія, стоящія на пути къ культурѣ». И съ каждымъ днемъ
этотъ союзъ становится все тѣнѣе и тѣнѣе, съ каждымъ днемъ идеи
Маркса охватываютъ все болѣе широкія массы.

Марксъ умеръ, но дѣло его и мысль его безсмертны. И въ пан-
теонѣ великихъ людей, хорошо послужившихъ человѣчеству, Карлу
Марксу по праву принадлежитъ самое почетное мѣсто.

Ю. М. Извозровъ.

Карль Марксъ и классовая борьба.

I.

«Основная мысль манифеста, что экономическое производство и неизбежно вытекающее изъ него общественное строение каждой исторической эпохи образуетъ основу политической и интеллектуальной исторіи этой эпохи; что въ силу этого (со времени разложенія первобытнаго общиннаго землевладѣнія) вся исторія была исторіей классовой борьбы, борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчиненными и господствующими классами на различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія; что теперь зато эта борьба достигла ступени, на которой эксплуатируемый и угнетенный классъ (пролетаріатъ) не можетъ уже освободиться отъ эксплуатирующаго и угнетающаго класса (буржуазіи), не освобождая въ то же время всего общества навсегда отъ эксплуатаціи, угнетенія и классовой борьбы,—эта основная мысль принадлежитъ всецѣло и исключительно Марксу» *).

Такъ писалъ Энгельсъ вскорѣ послѣ смерти Маркса въ предисловіи въ новому изданію «Коммунистическаго Манифеста» Теперь, черезъ 25 лѣтъ послѣ этого, когда ученіе Маркса подверглось многочисленнымъ критическимъ испытаніямъ, когда многочисленные, часто высокоомѣрные, нерѣдко крикливые и задорные, многоученые и невѣжественные, но всегда маленькіе критики не разъ пытались ниспровергнуть авторитетъ Маркса и доказать, что онъ былъ чуть не плагиаторомъ, можно и должно повторить слова Энгельса съ полнымъ и глубокимъ убѣжденіемъ въ ихъ безусловной справедливости.

Само собою разумѣется, что теорія классовой борьбы не вышла изъ головы Маркса сразу во всеоружіи. Она выработывалась постепенно подъ вліяніемъ настойчиваго и пристальнаго наблюденія надъ окружающею дѣйствительностью путемъ переработки и осмысленія этой дѣйствительности, путемъ глубокаго и остраго анализа истори-

*) Марксъ и Энгельсъ, Манифестъ Коммунистической партіи, переводъ П. Орловскаго, изд. тов. „Знаніе“, Спб., 1906, стр. 18—19.

ческаго прошлаго, приче́мъ надъ этой переработкой, осмысленіемъ, анализомъ царилъ гениальный полетъ мысли, устраняющей все ненужное, излишнее, мелочное и обобщающей всѣ безчисленныя частности въ единое общее цѣлое. Прослѣдить этотъ процессъ выработки величайшей социологической теоріи нашего времени—задача большой важности и живого интереса. Разрѣшить ее въ предѣлахъ небольшой статьи съ достаточной основательностью чрезвычайно трудно. Но можно намѣтить основныя вѣхи, главные этапы въ развитіи мысли Маркса.

Прежде, однако, два слова о его предшественникахъ въ этомъ отношеніи. Одинъ изъ маленькихъ, но чрезвычайно самодовольныхъ критиковъ Маркса, Андлеръ, потратилъ немало усердія въ поискахъ за авторами, явившимися предшественниками Маркса. Кого же удалось ему найти? И какъ понимали классовую борьбу эти найденные?

Первый изъ нихъ—Теодоръ Шустеръ. По мнѣнію Андлера, «Шустеръ выработалъ себѣ представленіе о борьбѣ классовъ и экономическомъ детерминизмѣ, весьма близко подходившее уже къ идеямъ Маркса» *). Но какъ же понималъ онъ классовую борьбу и социальную природу классоваго дѣленія? По мнѣнію Шустера, «общество распадается на два класса» — «невѣжественныхъ и наивныхъ бѣдняковъ» и «образованныхъ и хитрыхъ богачей» **). Итакъ, различіе между бѣдными и богатыми — вотъ сущность классоваго дѣленія, по Шустеру. Съ перваго же взгляда ясно, какъ далеко такое грубое и наивное представленіе отъ теоріи классовой борьбы Маркса.

Недалеко отъ этого ушелъ, по признанію самого Андлера ***), въ сущности и другой предшественникъ Маркса—Вильгельмъ Вейтлингъ. Правда, онъ чаще, чѣмъ Шустеръ, говоритъ о пролетаріяхъ, рабочихъ, а не о бѣднякахъ, но это—все еще только словесное отличіе, лишенное настоящаго глубокаго содержанія.

Не менѣе наивны и поверхностны были представленія о классовой борьбѣ и во Франціи въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка. Бланки, напр., заявлялъ въ полномъ согласіи съ Шустеромъ и Вейтлингомъ, что всѣ политическіе конфликты сводятся къ «войнѣ между богатыми и бѣдными» ****).

Сороковые годы не обнаружили успѣха въ этомъ отношеніи. Грюнь въ 1844 году повторялъ въ сущности зады, утверждая, что

*) Ш. Андлеръ, Историческое введеніе и комментарий къ Коммунистическому Манифесту К. Маркса и Ф. Энгельса, перев. съ франц. подъ ред. Ю. Стеклова, Москва, 1906, стр. 19.

**) Тамъ же, стр. 20.

***) Тамъ же, стр. 39.

****) Тамъ же, стр. 111.

исторія «была войной счастливыхъ, собственниковъ и побѣдителей противъ несчастныхъ, бѣдняковъ и угнетенныхъ» *). И самъ Энгельсъ въ его «Положеніи рабочаго класса въ Англіи» «подвинуся впередъ въ этомъ направленіи» **) едва ли многимъ далѣе, чѣмъ Грюнъ.

И это неудивительно. Что такое представлялъ собою европейскій континентъ въ экономическомъ отношеніи не только въ тридцатыхъ, но и въ сороковыхъ годахъ? Въ то время всюду, даже въ передовой континентальной странѣ — Франціи, шелъ процессъ первоначальнаго накопленія. Промышленный пролетаріатъ находился еще въ процессѣ образованія; правда, процессъ этотъ шелъ быстро и бурно, борьба была жестока, выражалась въ формѣ необузданнаго и дикаго хищничества, но классовыя различія не приобрѣли еще опредѣленныхъ очертаній, не отлились въ законченныя формы. И если Энгельсу помогли наблюденія надъ Англіей, которая далеко оставила за собой континентальную Европу, то Марксъ, помимо обширныхъ фактическихъ знаній и знакомства съ трудами предшественниковъ, почерпнулъ основы своей теоріи изъ глубины своей творческой мысли. Нуженъ былъ именно геній Маркса, чтобы создать эту теорію, хотя, конечно, и генія было бы недостаточно безъ наблюденій надъ дѣйствительностью и безъ колоссальной начитанности.

II.

Основы теоріи классовой борьбы, какъ впоследствии признавалъ и самъ Маркс ***) , нашли себѣ впервые ясное выраженіе въ его статьѣ «Къ критикѣ гегелевской философіи права», первоначально появившейся въ 1844 году въ «Deutsch-Französische Jahrbücher». Въ этой статьѣ освѣщена, правда, только роль классовой борьбы въ эпохи революцій, указана сущность тѣхъ классовыхъ отношеній и задачъ, которыя составляютъ содержаніе и смыслъ революціонныхъ движеній. Здѣсь нѣтъ еще полноты и широты исторической картины, нѣтъ изображенія борьбы, совершающейся подъ покровомъ «мирной» эволюціи въ «спокойное» время. Но зато специальная задача, поставленная себѣ авторомъ, выполнена блестяще. Статья Маркса бросаетъ дѣйствительно яркій лучъ свѣта, вскрывающій неясныя на первый взглядъ отношенія, обнаруживающій механизмъ сложныхъ и бурныхъ общественныхъ движеній.

*) Андерсъ, стр. 113.

**) Слова Энгельса въ предисловіи къ англійскому переводу его «Положенія рабочаго класса въ Англіи».

***) См. предисловіе къ книгѣ «Къ критикѣ политической экономіи», рус. перев. Румянцева, изд. «Шиповн. Спб., 1907, стр. XII.

На вульгарный взгляд революція представляет собою борьбу «общества» съ «правительствомъ». Марксъ смѣло разсѣиваетъ туманъ, облакающій эти понятія, анализируетъ ихъ и открываетъ дѣйствительныя, глубокія общественныя силы, ведущія на самомъ дѣлѣ борьбу. Эти силы — классы. Между старымъ, раньше господствовавшимъ классомъ и новымъ, добывающимся господства, идетъ смертный бой, исходъ котораго опредѣляется въ пользу послѣдняго тѣмъ, что въ его интересахъ—освобожденіе всего общества. Политическая революція основывается «на томъ, что часть гражданскаго общества эмансипируетъ себя и достигаетъ всеобщаго господства; на томъ, что опредѣленный классъ предпринимаетъ всеобщую эмансипацію общества, исходя при этомъ изъ своего особеннаго положенія. Этотъ классъ освобождаетъ все общество, но только въ томъ предположеніи, что все общество находится въ положеніи этого класса, слѣдовательно, владѣетъ, на примѣръ, деньгами и образованіемъ или можетъ пріобрѣсти ихъ, когда пожелаеть. Ни одинъ классъ гражданскаго общества не можетъ играть этой роли, не вызывая на одинъ моментъ въ себѣ самомъ энтузіазма и не заражая этимъ энтузіазмомъ массы; въ этотъ моментъ данный классъ братается и сливается съ обществомъ, становится на его мѣсто, чувствуетъ себя и признается всеми общимъ представителемъ общества; въ этотъ моментъ притязанія и права класса являются на самомъ дѣлѣ правами и притязаніями общества; въ этотъ моментъ онъ дѣйствительно—голова и сердце всего общества» *).

Но этого мало. «Для того, чтобы революція народа и эмансипація особеннаго класса гражданскаго общества совпали, для того, чтобы одно сословіе стало на мѣсто всего общества, необходимо, чтобы съ другой стороны всѣ недостатки общества концентрировались въ какомъ-нибудь другомъ классѣ, чтобы опредѣленное сословіе стало сословіемъ всеобщаго отвращенія, воплощеніемъ всеобщаго ограниченія, нужно, чтобы въ особой соціальной сферѣ стали видѣть явное преступленіе противъ всего общества, такъ чтобы освобожденіе отъ этой сферы представлялось какъ общее самоосвобожденіе. Для того, чтобы одно сословіе стало сословіемъ освобожденія *par excellence*, необходимо, чтобы другое стало, наоборотъ, явно и очевидно сословіемъ порабощенія» **).

Въ этой мастерски нарисованной картинѣ мы уже не встрѣчаемся со старой, наивной, грубой, невѣрной характеристикой классовыхъ различій, основывающейся на противоположности богатства и бѣдно-

*) «Изъ литературнаго наслѣдія К. Маркса, Фр. Энгельса и Ф. Ласкаля», т. I, Спб., 1908, стр. 529.

**) Тамъ же, стр. 500.

сти,—нѣтъ, здѣсь уже связать дѣйствительно глубокое и правильное понятіе о классѣ, хотя точной и вполне ясной его формулировки мы еще не имѣемъ.

Заслуживаетъ особаго вниманія и то, что Марксъ говоритъ далѣе объ особенностяхъ классовыхъ отношеній въ Германіи въ 40-хъ годахъ, о недостаткѣ «последовательности, рѣзкости», о «скромномъ эгоизмѣ, который повсюду отстаиваетъ свою ограниченность и который позволяетъ другимъ отстоять ихъ ограниченность» *). Все это чрезвычайно цѣнно, такъ какъ подчеркиваетъ широту взгляда автора, сѣумѣвшего не только начертать общую схему отношеній, но и опредѣлить мѣстныя особенности. Важенъ и практическій выводъ—о руководящей роли, которая должна выпасть на долю пролетаріата въ грядущей нѣмецкой революціи **). Мы, русскіе, должны особенно высоко оцѣнить этотъ выводъ, имѣющій еще болѣе реальное значеніе по отношенію къ нашей революціи.

Только что было отмѣчено, что точной формулировки понятія «классъ» Марксъ все-таки не далъ въ данной статьѣ. Не додѣлана была и другая часть работы: вѣрно указаны особенности социальныхъ отношеній въ Германіи, но не анализировано происхожденіе этихъ особенностей, не отмѣчено, что нѣмецкій аграрный реформизмъ начала XIX в., эпохи Штейна-Гарденберга,—реформизмъ, покоившійся на основѣ медленности, задержекъ въ экономическомъ развитіи страны, — былъ главной причиной слабой классовой оформленности нѣмецкаго общества. Освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи, совершившееся путемъ мирной реформы, было именно поэтому выполнено въ интересахъ крупнаго дворянскаго землевладѣнія, лишило крестьянство значительнаго количества лучшихъ земель, находившихся въ его рукахъ въ эпоху крѣпостного права, но вмѣстѣ съ тѣмъ это самое освобожденіе все-таки сохраненіемъ за крестьянствомъ части земли и фикціей гражданской полусвободы на значительный промежутокъ времени успокоило крестьянство, укрѣпило ту неопредѣленность, которая отмѣчена Марксомъ, отвлекло крестьянство отъ непосредственной политической борьбы и обусловило собою его быстрое отступленіе въ «безумный годъ», послѣ того какъ безъ труда были разрушены остатки стараго феодальнаго гнета въ деревнѣ. Словомъ, коренившаяся въ условіяхъ хозяйственнаго развитія Германіи мирная эволюція социальныхъ отношеній въ деревнѣ знаменовала собою гнилыя формы историческаго процесса, застой, недоразвитость, неопредѣленность. Отсюда сами собою рисовались уже перспективы грядущей

*) Тамъ же.

**) Тамъ же, стр. 532.

нѣмецкой революціи и ея особенностей, чрезвычайно цѣнныя и для пониманія нашихъ русскихъ событій той же категоріи, во многомъ связанныхъ съ пресловутой реформой 19 февраля 1861 года. Марксъ въ 1844 г. не произвелъ этого анализа и не нарисовалъ этихъ перспективъ. Это и неудивительно: какъ ни гениаленъ онъ былъ, но теорія классової борьбы во всей ея полнотѣ тогда не сложилась еще въ его головѣ. Были сдѣланы крупныя шаги впередъ, нѣкоторыя важныя стороны вопроса были уяснены впервые вполне или отчасти, но цѣлаго—стройной и развитой теоріи—еще не было.

III.

«Святое семейство», хронологически примыкающее непосредственно къ «Deutsch Französische Jahrbücher», имѣетъ второстепенное значеніе для нашей цѣли. Здѣсь важно только то, что Марксъ признаетъ классовыя интересы основой, связывающей гражданское общество въ единое цѣлое, и въ слѣдующихъ выраженіяхъ формулируетъ главный тезисъ материалистическаго пониманія исторіи: «неужели критическая критика полагаетъ, что она дошла хотя бы только до азбуки въ познаніи исторической дѣйствительности, пока она исключаетъ изъ историческаго движенія теоретическое и практическое отношеніе человѣка къ природѣ, — естествознаніе и промышленность? Или она думаетъ, что въ самомъ дѣлѣ поняла уже какой-нибудь періодъ, не понявъ, напр., промышленности этого періода, непосредственнаго способа производства самой жизни?» *). И Марксъ справедливо настаиваетъ при этомъ на неразрывной связи исторіи съ естествознаніемъ **).

Написанная два года спустя «Нищета философіи» является настоящимъ откровеніемъ теоріи классової борьбы, содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ новыхъ мыслей въ этой области, углубляетъ и развиваетъ великую социологическую доктрину Маркса.

«Съ самаго начала цивилизаціи въ основу производства были положены антагонизмъ кастъ, сословій, классовъ, наконецъ антагонизмъ накопленнаго и непосредственнаго труда. Безъ антагонизма нѣтъ прогресса: таковъ законъ, которому слѣдовала цивилизація до нашихъ дней» ***). Эти слова полны глубокаго смысла. Всеопредѣляющая социальная роль классової борьбы нашла себѣ въ нихъ чрезвычайно яркое выраженіе. Но этого мало: здѣсь въ сущности дано новое опредѣленіе понятія «классъ»: не противоположность только

*) Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx, Friedrich Engels und Ferdinand Lassalle. II, Stuttgart, 1902, S. 259.

***) Тамъ же, s. 260.

***) Нищета философіи, перев. Алексѣева, изд. 3-е, Спб., 1906, стр. 65.

богатства и бѣдности является основой классового дѣленія, а противоположность «накопленнаго труда» (т. е. капитала) и «непосредственнаго труда». Положеніе, занимаемое классомъ въ процессѣ общественнаго производства, — вотъ фундаментъ соціального разслоенія, вотъ основной ферментъ общественнаго движенія. Какъ безконечно далеко это отъ прежняго, наивнаго представленія о классовомъ дѣленіи!

Мысль о томъ, что классовое дѣленіе покоится на производственной основѣ, находитъ себѣ дальнѣйшее развитіе въ указаніи на зависимость соціальныхъ отношеній отъ техники производства. «Общественныя отношенія имѣютъ тѣснѣйшую связь съ состояніемъ производительныхъ силъ. Приобрѣтая новыя производительныя силы, люди измѣняютъ способъ производства, способъ добыванія средствъ къ жизни. они измѣняютъ все свои общественныя отношенія. Ручная мельница создастъ общество съ сюзереномъ, паровая же мельница— общество съ промышленнымъ капиталистомъ» *). Здѣсь поставлена точка надъ «і», разъяснено съ исчерпывающею полнотою и поразительной наглядностью понятіе объ экономической природѣ классового дѣленія общества.

Но разъяснить происхожденіе классовъ и опредѣлить ихъ природу значить разрѣшить только часть задачи. Остается еще установить истинное значеніе классовой борьбы въ жизни общества и установить основныя тенденціи внутренняго развитія классовъ. И то и другое Марксъ дѣлаетъ въ «Нищетѣ философіи».

Устанавливая значеніе классовой борьбы въ жизни общества, Марксъ прежде всего отмѣчаетъ опредѣляющее вліяніе классовыхъ интересовъ и классовой борьбы на потребленіе хозяйственныхъ благъ. «Потребленіе продуктовъ», говоритъ онъ, «опредѣляется специальными условіями, въ которыя поставлены потребители, а эти условія въ свою очередь покоятся на антагонизмѣ классовъ. Хлопчатая бумага, картофель и водка — предметы самаго общаго потребленія. Картофель породилъ золотуху; хлопокъ въ значительной степени вытѣснилъ ленъ и шерсть, хотя послѣдніе во многихъ случаяхъ полезнѣе хотя бы только въ гигиеническомъ отношеніи; наконецъ, водка одержала побѣду надъ пивомъ и виномъ, хотя въ качествѣ пищевого продукта она всеми признается ядомъ. Въ теченіе цѣлаго вѣка европейскія правительства напрасно вели борьбу противъ опія. Экономика одержала побѣду, она продиктовала законы потребленію. Почему же хлопокъ, картофель и водка являются рычагами буржуазнаго общества? Потому что они требуютъ наименьшаго труда для своего производства и, слѣдовательно, обладаютъ самой низкой цѣной. Почему же

* Тамъ же, стр. 112.

минимумъ цѣны обуславливаетъ максимумъ потребленія? Быть можетъ, благодаря абсолютной полезности этихъ предметовъ, ихъ внутренней полезности, быть можетъ они самымъ совершеннымъ образомъ удовлетворяютъ потребностямъ рабочаго какъ человѣка, а не человѣка какъ рабочаго? Нѣтъ не поэтому, а потому, что въ обществѣ, основанномъ на нищетѣ, самые нищенскіе продукты имѣютъ фатальную прерогативу служить предметами потребленія наибольшаго числа лицъ» *). Ино: интересы буржуазіи, накопляющей богатства путемъ эксплуатаціи чужого труда, заставляютъ ее производить въ огромномъ количествѣ продукты, требующіе наименьшаго труда и потому дешевые и доступные массовому потребленію, хотя бы эти продукты являлись лишь малополезными и даже вредными суррогатами дѣйствительно полезныхъ предметовъ потребленія. Невозможно лучше показать могучее вліяніе классовой борьбы и классовыхъ интересовъ на потребленіе продуктовъ.

Но, опредѣляя общественное вліяніе классовой борьбы, Марксъ не остается въ сферѣ однихъ экономическихъ отношеній. Онъ не касается, правда, пока вопроса о вліяніи классовой борьбы на государственный строй — въ этомъ отношеніи въ «Нищетѣ философіи» оказывается пробѣлъ, — но зато съ необычайнымъ искусствомъ показываетъ, какъ классовая борьба отражается въ сферѣ идеологіи. Заявляя категорически, что «тѣ же самые люди, которые устанавливаютъ свои общественныя отношенія въ соответствіи съ матеріальнымъ производствомъ, создаютъ также принципы, идеи и категоріи въ соответствіи со своими общественными отношеніями» **), Марксъ производитъ далѣе замѣчательный по тонкости и глубинѣ социальный анализъ антагонистическихъ теченій внутри самой буржуазіи и развертываетъ на этой основѣ удивительно яркую картину идеологическихъ теченій и теорій въ буржуазной интеллигенціи. «Если представители современной буржуазіи имѣютъ общіе интересы, поскольку они составляютъ классъ противъ другаго класса, то ихъ интересы противоположны, антагонистичны, поскольку сами они стоятъ другъ противъ друга... Чѣмъ болѣе обнаруживается этотъ антагонистическій характеръ, тѣмъ въ большей степени экономисты, научные представители буржуазнаго производства, запутываются въ своихъ собственныхъ теоріяхъ. Такимъ образомъ возникаютъ различныя школы» ***). И далѣе Марксъ говоритъ объ экономистахъ-фаталистахъ (классикахъ и релятивистахъ), о гуманитарной и филантропической школахъ и,

*) Тамъ же, стр. 66.

**) Тамъ же, стр. 112.

***) Тамъ же, стр. 125.

наконецъ, о социалистахъ и коммунистахъ, какъ представителяхъ класса пролетаріевъ *)).

Выше было уже сказано, что Марксъ завершаетъ построение теории классовой борьбы, — поскольку это построение можетъ считаться завершеннымъ въ «Нищетѣ философіи», — установленіемъ внутреннихъ тенденцій развитія классовъ.

Въ этомъ отношеніи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тезисъ, гласящій, что классовыя противорѣчія съ развитіемъ буржуазнаго общества не уменьшаются, а напротивъ увеличиваются, углубляются и обостряются. «Что касается до рабочихъ классовъ, то является весьма спорнымъ вопросомъ, улучшилось-ли ихъ положеніе благодаря возрастанію такъ называемаго общественнаго богатства. Если экономисты со свойственнымъ имъ оптимизмомъ приводятъ намъ въ примѣръ англійскихъ рабочихъ, занятыхъ въ хлопчатобумажной промышленности, то они обращаютъ вниманіе на ихъ положеніе только въ рѣдкіе моменты промышленнаго процвѣтанія. Соотношеніе между этими моментами и періодами угнетенія и кризиса равно 3 : 10. Впрочемъ возможно, что, говоря объ улучшеніи, экономисты хотятъ указать на тѣ милліоны остъ-индскихъ рабочихъ, которые должны были погибнуть, но зато обезпечили 1½ милліонамъ англійскихъ рабочихъ, занятыхъ въ той-же отрасли промышленности, благосостояніе въ теченіе трехъ лѣтъ изъ десяти» **). Здѣсь Марксъ вплотную подходит къ развитому имъ впоследствии тезису объ обнищаніи пролетаріата, вызвавшему, какъ извѣстно, такъ много возраженій и недоразумѣній. Но объ этомъ ниже въ свое время.

Что особенно важно и цѣнно для характеристики тенденцій внутренняго развитія классовъ въ «Нищетѣ философіи», — это изображеніе формированія, организациі пролетаріата. «Прежде всего», говоритъ Марксъ, «экономическія условія превратили массу населенія въ рабочихъ» ***): въ эпоху первоначальнаго накопленія пріемами грубаго хищничества, прямого и прикрытаго грабежа капиталисты пролетаризируютъ широкія народныя массы. «Господство капитала создало для этой массы общее положеніе и общіе интересы. Такимъ образомъ эти массы уже превратились въ классъ по отношенію къ капиталу» ****). Но это лишь первая низшая ступень классоваго развитія. Грубая эксплуатація со стороны капитала вызываетъ борьбу за поддержаніе даннаго уровня заработной платы. Борьба ведется сначала

*) Тамъ же, стр. 125—127.

**) Тамъ же, стр. 104.

***) Тамъ же, стр. 172.

****) Тамъ же, стр. 172.

спорадически, кустарно, безъ прочной организаціи. Возникають мѣстные частичныя стачки, временныя коалиціи рабочихъ, которыя тотчасъ-же послѣ окончанія вспышки прекращають свое существованіе, въ лучшемъ случаѣ сохраняются только на нѣкоторое время, всегда имѣя мѣстный характеръ и узкіе предѣлы. Но «по мѣрѣ того, какъ капиталисты въ свою очередь объединяются въ цѣляхъ репрессіи,— коалиціи, въ началѣ изолированныя, формируются въ группы, и передъ лицомъ объединяющагося капитала поддержаніе ассоціаціи становится для нихъ болѣе необходимымъ, чѣмъ поддержаніе уровня заработной платы» *). Въ борьбѣ «масса объединяется и конституируется какъ классъ въ себѣ. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами. Но борьба класса съ классомъ есть борьба политическая» **).

Это изображеніе перехода неорганизованной или полуорганизованной массы, класса по отношенію къ другимъ классамъ, въ организованный и сознательный классъ въ себѣ (принадлежитъ къ числу величайшихъ вкладовъ, сдѣланныхъ Марксомъ въ научную теорію соціального развитія. Здѣсь важно прежде всего то, что создана органическая связь между хозяйственными и соціальными отношеніями съ одной стороны и политической борьбой и политическимъ строемъ съ другой. Важно — далѣе, — что устанавливается единство классовой пролетарской борьбы — экономической и политической, — такъ что уже въ «Нищетѣ философіи» мы находимъ въ зернѣ основную мысль резолюціи Штутгартскаго международнаго соціалистическаго съѣзда 1907 г. о профессиональныхъ союзахъ. Цѣнень историческій законъ внутренняго развитія классовъ, обрекающій на неудачу всѣ попытки, съ одной стороны, силой воспрепятствовать развитію классовыхъ организацій, съ другой — подмѣнить классовыя боевыя организаціи внѣклассовыми мирными, прикрывающими на дѣлѣ интересы и вождедѣнія господствующихъ классовъ.

Но этого мало. Марксъ съ геніальной прозорливостью опредѣлилъ въ «Нищетѣ философіи» истинную природу и историческое значеніе профессиональныхъ организацій пролетаріата какъ школы социализма. Въ организованной экономической борьбѣ, говоритъ Марксъ, «объединяются и развиваются всѣ элементы, необходимыя для грядущей битвы» ***), для борьбы за полное освобожденіе отъ всякой эксплуатации.

Когда Марксъ писалъ «Нищету философіи», онъ обладалъ уже

*) Тамъ же, стр. 172.

**) Тамъ же, стр. 173.

***) Тамъ же, стр. 172.

всѣми данными, необходимыми для построения грандіозной и изящной теоріи классово́й борьбы со всѣми практическими выводами, изъ нея слѣдующими. Онъ уже владѣлъ неисчислимыми умственными сокровищами. И онъ щедро разбросалъ эти сокровища по страницамъ этого полемическаго сочиненія, которое для насъ теперь цѣнно уже не столько, какъ ниспроверженіе авторитета Прудона, сколько какъ проповѣдь новыхъ идей, выражающая и формулирующая всеобъемлющую теорію соціального развитія и бросающая яркій свѣтъ на самые сложные и больные вопросы не только того далекаго прошлаго, но и нашего времени. Читая многія страницы «Нищеты философіи», трудно отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что какой-то магъ развертываетъ передъ изумленнымъ взоромъ вашимъ невиданныя и поражающія своимъ богатствомъ и красотой сокровища. Только магъ этотъ дѣйствуетъ не чарами сверхъестественнаго волшебства, а гениальнымъ полетомъ научно-обоснованной мысли и плѣнитъ не воображеніе и не чувство, а свободный умъ, который, критически провѣривъ всѣ выводы и обобщенія, признаетъ себя побѣжденнымъ и убѣжденнымъ.

Это—величайшее торжество научной мысли.

IV

«Манифестъ коммунистической партіи» является систематизаціей взглядовъ, изложенныхъ въ «Нищетѣ философіи», сопровождающейся тѣми дополненіями, необходимость которыхъ вызывалась немногими пробѣлами, столь естественными въ полемической работѣ.

«Исторія всего предшествующаго общества есть исторія борьбы классовъ» *)—вотъ основной тезисъ, иллюстрируемый затѣмъ фактическими данными. Въ частности ярко подчеркивается тотъ фактъ, что «наша эпоха, эпоха буржуазіи, отличается тѣмъ, что она упростила классовыя противорѣчія. Общество все болѣе и болѣе раскалывается на два большихъ враждебныхъ лагеря, на два большихъ, стоящихъ прямо другъ противъ друга, класса: буржуазію и пролетаріатъ» **).

На чемъ покоятся эти соціальныя отношенія? На базисѣ производственныхъ отношеній: «крупная промышленность создала міровой рынокъ, подготовленный открытіемъ Америки. Міровой рынокъ вызвалъ гигантское развитіе торговли, судоходства, сухопутныхъ сообщеній. Это развитіе, въ свою очередь, оказало вліяніе на расширеніе промышленности, и въ той-же мѣрѣ, въ какой расширялись промыш-

*) Манифестъ коммунистической партіи», перев. П. Орловскаго, стр. 25.

**) Тамъ же, стр. 26.

ленность, торговля, судоходство, желѣзныя дороги, развивалась и буржуазія, увеличивались ея капиталы, и она отгѣснила на задній планъ всѣ завѣщанные средними вѣками классы. Мы видимъ такимъ образомъ, какъ современная буржуазія сама является продуктомъ долгаго процесса развитія, цѣлаго ряда переворотовъ въ способахъ производства и обмѣна» *).

Въ такихъ сжатыхъ, точно изъ желѣза выкованныхъ формулахъ выражаютъ Марксъ и Энгельсъ тезисы о классовой борьбѣ и материалистическомъ пониманіи исторіи, выставленные и обоснованные, какъ мы только что видѣли, въ «Нищетѣ философіи». Въ «Манифестѣ» нова и чрезвычайно удачна по сжатости, содержательности и выразительности лишь превосходная форма изложенія,—содержаніе сравнительно съ «Нищетою философіи» не ново.

Мы отмѣтили однако въ «Нищетѣ философіи» одинъ важный пробѣлъ: тамъ почти ничего не было сказано о зависимости политической надстройки отъ социальна-экономическаго базиса. Пробѣлъ этотъ заполненъ въ «Манифестѣ коммунистической партіи». «Каждая изъ ступеней развитія буржуазіи сопровождалась соотвѣтствующимъ политическимъ прогрессомъ. Угнетенное сословіе при господствѣ феодаловъ, вооруженный и самоуправляющійся союзъ въ коммунахъ, здѣсь независимая городская республика, тамъ третье, податное сословіе монархіи, впоследствии, въ періодъ мануфактуры, противовѣсь дворянству въ сословной или въ абсолютной монархіи, главная основа крупныхъ монархій вообще, завоевала она себѣ, наконецъ, послѣ укрѣпленія крупной промышленности и мирового рынка, исключительное политическое господство въ современномъ представительномъ государствѣ. Современная государственная власть—это только комитетъ завѣдывающій общими дѣлами всего класса буржуазіи» **).

Едва-ли что-либо можетъ сравниться по выразительности съ подчеркнутыми заключительными словами этой цитаты. Эти слова заключаютъ въ себѣ въ то же время совершенно новую мысль, открывающую широкія перспективы для плодотворнѣйшей научной работы въ сферѣ общественности. Тотъ, кто знакомъ съ ходомъ научной исторической работы за послѣдніе 50 или 60 лѣтъ, знаетъ, что все сколько-нибудь талантливое и умное, созданное за это время міровой исторической литературой, является плодомъ сознательнаго или—гораздо чаще—безсознательнаго примѣненія марксистскаго метода къ изученію конкретнаго историческаго матеріала. И только специалистъ-историкъ, если онъ не обратился въ слѣдную архивную крысу и

*) Тамъ же, стр. 27.

***) Тамъ же, стр. 27—28.

сохраняетъ широту научнаго міросозерцанія, въ состояніи вполне оцѣнить все значеніе выставленныхъ Марксомъ и Энгельсомъ положеній.

Изобразивъ происхожденіе современнаго буржуазнаго общества и государства, Марксъ и Энгельсъ набрасываютъ далѣе мастерскую картину ихъ внутренней эволюціи. Они указываютъ на революціонную роль буржуазіи, выразившуюся въ томъ, что «они поставили на мѣсто эксплуатаціи, прикрытой политическими и религіозными иллюзіями, открытую, безстыдную, прямую, сухую эксплуатацію», «сорвали сіяніе святости со всѣхъ дѣяній, почитавшихся до тѣхъ поръ и окруженныхъ богобоязненнымъ трепетомъ», «сорвали съ семейныхъ отношеній ихъ трогательно-сентиментальный покровъ», «сдѣлали производство и потребленіе всѣхъ странъ космополитическимъ», создали космополитическую науку, искусство, литературу *). Затѣмъ авторы «Манифеста» показываютъ оборотную сторону медали,—силы, разрушающія буржуазное общество: кризисы, въ борьбѣ съ которыми буржуазія «подготавливаетъ болѣе всесторонніе и могучіе кризисы и уменьшаетъ средства избѣжать ихъ», и классъ пролетаріевъ, постоянно растущій и множащійся **). И, наконецъ, Марксъ и Энгельсъ указываютъ на внутреннія тенденціи въ развитіи пролетаріата, на то превращеніе класса по отношенію къ другимъ классамъ въ классъ въ себѣ ***), о которомъ шла раньше рѣчь въ «Нищетѣ философіи». Здѣсь между прочимъ они высказываютъ извѣстное положеніе о томъ, что «рабочій становится бѣднымъ, а бѣдность развивается еще быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство», что «современный рабочий... все болѣе опускается ниже условій существованія своего собственнаго класса» ****). Поскольку это положеніе подчеркиваетъ ростъ и обостреніе классовыхъ противорѣчій,—оно заключаетъ въ себѣ несомнѣнную истину. Поскольку въ немъ нашла себѣ выраженіе идея о близости заработной платы къ Existenzminimum'у,—оно также безспорно. Оно нуждается не въ исправленіи, а только въ дополненіи въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, Existenzminimum измѣняется сообразно росту потребностей, соответствующему развитію культуры *****), во-вторыхъ, организованная борьба пролетаріата, повышая на время заработную плату нѣсколько выше даннаго Existenzminimum'a, тѣмъ самымъ является движущей силой, создающей новый Existenzminimum. Съ этими оговорками, нимало не колеблющими

*) Тамъ же, стр. 28—29.

**) Тамъ же, стр. 32.

***) Тамъ же, стр. 33—36.

****) Тамъ же, стр. 37.

*****) Ср. «Капиталь», т. I, Сиб. 1898, стр. 125.

положеніе Маркса и Энгельса, а напротивъ представляющими его въ правильномъ видѣ,—оно должно быть принято безусловно.

«Манифестъ коммунистической партіи» преслѣдовалъ практическую цѣль. Поэтому авторы его не могли посвятить объясненію такъ называемой духовной культуры съ классовой точки зрѣнія сколько-нибудь значительнаго мѣста. Они сдѣлали по этому вопросу нѣсколько приведенныхъ выше общихъ замѣчаній и дополнили ихъ обстоятельнымъ анализомъ различныхъ социалистическихъ ученій *). Этотъ анализъ далъ чрезвычайно колоритную картину, превосходно дополняющую изображеніе буржуазныхъ экономическихъ ученій, сдѣланное въ «Нищетѣ философіи».

У

Мы видѣли такимъ образомъ, что «Нищета философіи» и «Коммунистическій манифестъ» сдѣлали эпоху въ исторіи теоретической мысли въ области обществознанія. Въ этихъ сочиненіяхъ твердою рукою были начертаны основы теоріи классовой борьбы. Если бы заслуги Маркса исчерпывались только установленіемъ этихъ основъ,—этого было бы достаточно для того, чтобы обезпечить за нимъ бессмертіе. Но даже въ области теоріи классовой борьбы, не говоря уже о другихъ областяхъ, Марксъ сдѣлалъ гораздо больше.

Прежде всего и послѣ «Коммунистическаго манифеста» онъ продолжалъ развивать самыя основы теоріи. Въ послѣдующихъ своихъ работахъ онъ далъ нѣсколько новыхъ, еще болѣе удачныхъ, яркихъ и глубокихъ общихъ формулъ материалистическаго пониманія исторіи и всеобъемлющаго значенія классовой борьбы въ общественной жизни. Сюда относится, напр., блестящая формулировка предисловія къ извѣстной книгѣ «18-е брюмера Луи-Бонапарта», разъясняющая идею, насквозь проникающую всю книгу. «Всякая историческая борьба», говоритъ здѣсь Марксъ, «совершается ли она въ политической, религіозной, философской или иной идеологической области, въ дѣйствительности служитъ лишь выраженіемъ взаимной борьбы общественныхъ классовъ, а жизнь этихъ классовъ, а слѣдовательно и конфликты ихъ между собой въ свою очередь опредѣляются степенью развитія экономическаго строя, характеромъ ихъ роли въ производствѣ и обмѣнѣ, обусловленномъ производствомъ». Или вотъ знаменитыя формулы предисловія книги «Къ критикѣ политической экономіи»: «правовыя отношенія наравнѣ съ формами государства не могутъ быть поняты ни изъ самихъ себя, ни изъ такъ назы-

*) «Манифестъ коммунистической партіи». перев. П. Орловскаго. стр.

ваемого общаго развитія человѣческаго духа, но скорѣе коренятся въ матеріальныхъ условіяхъ жизни»; «анатомію буржуазнаго общества нужно искать въ политической экономіи» *). «Въ общественномъ отправленіи своей жизни люди вступаютъ въ опредѣленные, отъ ихъ воли независящія отношенія—производственные отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной степени развитія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ производственныхъ отношеній образуетъ экономическую структуру общества, реальное основаніе, на которомъ возвышается правовая и политическая надстройка, и которому соотвѣтствуютъ опредѣленные формы общественнаго сознанія. Способъ производства матеріальной жизни обуславливаетъ собою процессъ жизни соціальной, политической и духовной вообще. Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, но напротивъ общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе» **).

Содержаніе научной теоріи имѣетъ, конечно, всегда большее значеніе, чѣмъ форма ея выраженія. Но нигдѣ форма не имѣетъ такого важнаго значенія, какъ при разработкѣ научной теоріи. Законченная, совершенная форма свидѣтельствуетъ о зрѣлости мысли, о томъ, что создатель теоріи овладѣлъ ею цѣликомъ.

Но работы Маркса, слѣдовавшія за «Манифестомъ» дали не только новую удачную формулировку теоріи классовой борьбы,—онѣ привели къ углубленію и развитію этой теоріи. Въ этомъ отношеніи особенно большое значеніе имѣетъ «Капиталъ», по преимуществу его первый томъ. Идея классовой борьбы проникаетъ весь этотъ классическій трудъ Маркса, дѣлаетъ его удивительно стройнымъ и цѣльнымъ, какъ бы высѣченнымъ изъ одного куска. Только тотъ, кто послѣ внимательнаго изученія всѣхъ подробностей этого гениальнаго сочиненія обращался къ синтетическому, общему обзору результатовъ этого изученія, пойметъ, какую исключительную роль играетъ теорія классовой борьбы въ научныхъ построеніяхъ Маркса. Цитатами нельзя здѣсь выразить и подтвердить этотъ выводъ. пришлось бы цитировать цѣлыя сотни страницъ, чуть-ли не переписывать всѣ три тома «Капитала». Но необходимо спеціально отмѣтить два главныхъ новыхъ вклада въ теорію классовой борьбы, сдѣланныхъ Марксомъ въ «Капиталѣ». Первый изъ нихъ—замѣчательное опредѣленіе класса пролетаріевъ, данное впервые съ такой исчерпывающей полнотой и ясностью. Вотъ это опредѣленіе: «для того, чтобы превратить свои деньги въ капиталъ, владѣлецъ денегъ долженъ встрѣтить на товарномъ рынкѣ свободнаго работника, и притомъ свободнаго въ двоя-

*) «Къ критикѣ политической экономіи», перев. П. П. Румянцова, изд. «Шиповникъ», Спб., 1907, стр. XII.

**) Тамъ же, стр. XIII.

комъ смыслѣ: во-первыхъ, онъ долженъ имѣть право, какъ свободная личность, распоряжаться своею рабочею силою, какъ своимъ собственнымъ товаромъ; а во-вторыхъ, онъ долженъ не имѣть никакихъ другихъ товаровъ для продажи, т. е. быть свободнымъ отъ всѣхъ вещей, необходимыхъ для приведенія въ дѣйствіе рабочей силы и для воплощенія его труда» *).

Вторымъ вѣладомъ надо признать совершенно новое изображеніе эволюціи буржуазіи и пролетаріата, заключающееся въ строго и послѣдовательно проведенномъ различіи между эпохой первоначальнаго накопленія и періодомъ капиталистическаго накопленія. Марксъ показалъ, какъ измѣняются классы сами въ себѣ съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ перемѣнъ въ производственныхъ отношеніяхъ. Онъ показалъ, какъ буржуа-грубый хищникъ постепенно превращается въ утонченнаго и культурнаго эксплуататора, какъ массы несознательныхъ, разсыпанныхъ, жалкихъ рабочихъ преобразуются въ классъ пролетаріевъ, вѣрнѣихъ сознаниемъ своихъ классовыхъ интересовъ, организованныхъ и способныхъ къ планоуѣрной и потому побѣдоносной борьбѣ **).

Въ послѣдующее время Марксъ еще разъ вернулся къ эволюціи класса по отношенію къ другимъ классамъ въ классъ въ себѣ и выразилъ этотъ процессъ въ слѣдующихъ словахъ въ письмѣ къ Больте отъ 23 ноября 1871 года: «Political movement рабочаго класса имѣетъ, само собой разумѣется, конечной цѣлью завоеваніе political power, а для этого до извѣстнаго момента необходимо развитіе previous organisation working class, само по себѣ выростающее изъ экономической борьбы рабочаго класса. Но съ другой стороны каждое движеніе, въ которомъ рабочій классъ, какъ таковой, противопоставитъ господствующимъ классамъ и оказываетъ на нихъ давленіе черезъ pressure from without есть political movement. Напр. попытки принудить отдѣльнаго капиталиста при помощи стачекъ и т. д. къ сокращенію рабочаго дня на отдѣльной фабрикѣ или мастерской будетъ чисто-экономическимъ движеніемъ; напротивъ, движеніе въ пользу закона о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ будетъ уже политическимъ. И этимъ то путемъ повсюду изъ отдѣльныхъ экономическихъ требованій рабочихъ выростаетъ политическое, т. е. движеніе класса, чтобы этимъ путемъ добиться осуществленія его интересовъ въ общей формѣ, т. е. въ формѣ, имѣющей принудительный характеръ для всего общества. Если эти движенія под-

) «Капиталь», томъ I. Сиб., 1898, стр. 123.

**) См. тамъ же, *rossin*, особенно главу двадцать-четвертую.

чинять опредѣленной previous организаціи, то они въ свою очередь сдѣлаются средствомъ развитія этой организаціи *).

Эти слова, рисующія широкую картину эволюціи пролетаріата изъ класса по отношенію къ другимъ классамъ въ классъ въ себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ вводятъ насъ въ ту сферу теоріи классовой борьбы, которая имѣетъ непосредственное отношеніе къ практической жизни,—они касаются соотношенія между экономической и политической борьбой и экономической и политической организаціями пролетаріата—профессиональными союзами и партіей. И въ этомъ отношеніи они глубоко знаменательны. Мы видѣли, что уже въ «Нищетѣ философіи» Марксъ высказывался за единство рабочаго движенія, за то, чтобы идея классовой борьбы одинаково проникала собою и политическое и экономическое движеніе рабочаго класса. Здѣсь, въ письмѣ къ Больте, онъ еще ярче подчеркиваетъ это, онъ въ этомъ именно смыслѣ говоритъ какъ-бы о подчиненной роли профессиональнаго движенія по отношенію къ политическому. Поэтому неправильно, слишкомъ узко толковать взгляды Маркса на данный вопросъ Мерингъ, утверждающій, что «Марксъ видѣлъ въ профессиональныхъ союзахъ первыя попытки организоватьсѣ какъ классъ, чтобы затѣмъ, борясь классъ противъ класса, вести политическую борьбу **). Изъ словъ Меринга какъ будто бы слѣдуетъ, что, по Марксу, профессиональные союзы теряютъ свое значеніе тогда, когда классовая борьба пролетаріата приобретаетъ политическій характеръ. Между тѣмъ такой выводъ не оправдывается ни приведенной только что цитатой, ни тѣмъ письмомъ Маркса къ Швейцеру отъ 13 октября 1868 года, которое цитируетъ самъ Мерингъ: въ письмѣ этомъ «Марксъ порицалъ Швейцера за то, что онъ ставитъ классовому движенію требованіе занять подчиненную роль по отношенію къ сектантскому движенію ***); и самъ же Мерингъ признаетъ, что «этотъ упрекъ былъ вполне справедливъ, поскольку Швейцеръ хотѣлъ отвести профессиональному движенію роль второстепеннаго вспомогательнаго средства для политической организаціи» ****).

Итакъ, резюмируя взгляды Маркса на соотношеніе между политическимъ и экономическимъ движеніемъ рабочаго класса и между политической и профессиональной организаціями пролетаріата, необходимо признать, что Марксъ не былъ сторонникомъ того теченія, ко-

*) Письма I. Ф. Беккера и др. къ Ф. А. Зорге и др., изд. Дауге, Спб., 1907, стр. 49.

***) Мерингъ, «Исторія германской социаль-демократіи», перев. Ландау, изд. Гранатъ, т. IV., стр. 368.

****) Тамъ-же, томъ III, стр. 353.

*****) Тамъ-же, томъ III, стр. 353—354.

торое теперь носитъ названіе нейтрализма, равно какъ не былъ сторонникомъ и такъ называемаго «использованія» союзовъ исключительно для цѣлей политической агитаціи; Марксъ стоялъ на позиціи, признанной теперь на Штутгартскомъ конгрессѣ правильной,—на точкѣ зрѣнія единства рабочаго движенія, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ проникнутаго идеей классовой борьбы. Къ этому надо прибавить, что, какъ было выше указано, въ «Нищетѣ философіи» встрѣчаются даже проблески мысли о томъ, что профессиональные союзы—школа социализма,—мысли, которая нашла себѣ рядъ блестящихъ иллюстрацій, напр., въ книгѣ Роландъ-Гольстъ о всеобщей стачкѣ.

Построивъ теорію классовой борьбы, Марксъ примѣнилъ ее такимъ образомъ къ изученію формъ рабочаго движенія, къ практикѣ его, а также—въ еще гораздо большей мѣрѣ—къ изученію теоретической экономіи, что особенно ярко выразилось въ «Капиталѣ». Но этого было недостаточно. Надо было приложить эту теорію въ той сферѣ, которая имѣетъ ближайшее къ ней отношеніе, въ сферѣ историческаго изученія жизни человѣческихъ обществъ. Марксъ не успѣлъ сдѣлать это вполне. Но, не будучи специалистомъ-историкомъ, онъ однако очень много сдѣлалъ и въ данномъ отношеніи. Выше уже отмѣчались его мастерскія изображенія идеологическихъ теченій въ сферѣ экономической мысли въ связи съ классовой борьбой и классовымъ расчлененіемъ общества. «Капиталъ», особенно первый его томъ, является въ очень значительной своей части историческимъ изслѣдованіемъ, въ новомъ свѣтѣ представляющимъ ходъ историческаго развитія европейскаго общества, преимущественно англійскаго, въ области экономическихъ и социальныхъ отношеній. Но это еще не все. Марксъ ставилъ себѣ задачу изображенія политическаго развитія на основѣ классовой борьбы и успешно разрѣшилъ эту задачу. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны двѣ его историческихъ работы—«18-е брюмера Луи-Бонапарта» и «Революція и контрреволюція въ Германіи». Къ обѣимъ этимъ работамъ вполне примѣнимъ отзывъ, даваемый о первой изъ нихъ Мерингомъ: это по истинѣ «шедевры материалистической историографіи».

VI.

Было время, когда совершенно не существовало ни философіи природы, ни философіи общества, когда жизнь природы, какъ и жизнь общества, представлялась въ видѣ калейдоскопа случайно и безпорядочно смѣнявшихся явленій. Было другое время, когда всѣ явленія природы свели къ двумъ основнымъ началамъ—силѣ и ма-

тери—и когда двойственнымъ оказалось и понятие объ общественной жизни, разрѣзанной на двѣ сферы — на сферу матеріальной культуры и на сферу культуры духовной. Дуалистическая философія природы и общества была шагомъ впередъ сравнительно съ прошлымъ, но она не удовлетворяла той потребности въ монизмѣ, которая все настоятельнѣе выдвигалась впередъ въ человѣческомъ сознаниі.

Этой потребности не могли удовлетворить метафизическія системы, произвольно выбиравшіе за основу всего сущаго то силу, то матерію, какъ «вещи въ себѣ». Еще менѣе удовлетворяла ей психологическая школа въ социологии. Но что принципиально отрицало ее, что приближало философію общества къ полному уничтоженію, это знаменитая эклектическая теорія взаимодѣйствія, находящая и до сихъ поръ еще немало адептовъ, особенно среди патентованныхъ ученыхъ.

Въ философіи природы совершился теперь огромный переворотъ. На смѣну старому витализму, а затѣмъ и атомистическому наивно-грубому матеріализму выдвинулось ученіе объ энергіи. Энергетика—основа современнаго естествознанія, сдѣлавшая философію природы монистической.

Такъ называемое матеріалистическое пониманіе исторіи построило мостъ между философіей природы и философіей общества, заполнило существовавшую прежде пропасть между ними. Оно создало возможность научно-обоснованнаго монистическаго міросозерцанія, охватывающаго въ единомъ синтезѣ жизнь природы и жизнь общества.

Но этого мало. То же матеріалистическое пониманіе исторіи послужило основой для энергетики общественной жизни—теоріи классовой борьбы. Классовая борьба въ жизни общества — то же, что энергія въ жизни природы. Она превращаетъ разсыпанную хранину общественныхъ явленій, на первый взглядъ беспорядочно смѣняющихся и сталкивающихся между собой, въ единое стройное цѣлое, закономѣрно-развивающееся. Она связываетъ воедино всѣ сферы общественныхъ отношеній, она открываетъ возможность примѣнить къ общественной науцѣ тотъ описательный методъ, который свидѣтельствуется лучше всего о высотѣ пониманія изучаемыхъ явленій, позволяя изображать ихъ такъ, какъ онѣ есть, и въ то же время показывать ихъ внутреннюю связность и закономѣрность общественнаго развитія. Наконецъ, она же, эта теорія классовой борьбы, позволяетъ намъ соединить, тѣсно связать практическую политику съ теоріей общества, научно обосновать свою общественную активность. Она обобщаетъ дѣйствительность, не изсушая ее, не уничтожая конкретныхъ подробностей, а только объясняя ихъ, не стирая яркихъ красокъ, не смазывая оттѣнковъ. Она не уничтожаетъ богатства индивидуальныхъ переживаній, а только объясняетъ ихъ. Дѣлаетъ

понятными, уничтожаетъ элементъ случайности и надъ всѣмъ воздвигаетъ понятіе о законѣности.

Вотъ чѣмъ мы обязаны Марксу. Сознаніе этого должно быть сильно у тѣхъ, для кого марксизмъ былъ откровеніемъ, сразу поразившимъ чувство и воображеніе и плѣнившимъ покорный умъ. Оно должно быть сильно у тѣхъ, кто классовымъ своимъ положеніемъ былъ предуготовленъ къ воспріятію той истины, которую заключаетъ въ себѣ ученіе Маркса. Но еще болѣе сильно это сознаніе у тѣхъ, кто дошелъ до марксистскихъ убѣжденій долгимъ, вѣрнымъ и нерѣдко тернистымъ путемъ, кто заплатилъ дань социальнымъ условіямъ, въ коихъ протекала его жизнь, кому пришлось пѣроборъ множество предразсудковъ и предубѣжденій, кто только послѣ продолжительной умственной работы обрѣлъ вождѣнную истину и въ концѣ концовъ убѣдился, что эта истина—марксизмъ, и что онъ самъ изъ Савла превратился въ Павла. Извѣстны примѣры—и они особенно поучительны, — когда теоретикъ — экономистъ или историкъ, — начиная свою спеціальную работу съ предвзятою цѣлью ниспровергнуть матеріалистическое пониманіе исторіи и теорію классовой борьбы, — становился марксистомъ, оканчивая эту работу. Это — лучшее доказательство великой истины, заключенной въ трудахъ Маркса.

Н. Рожковъ.

Къ вопросу о философскихъ основахъ марксизма ¹⁾.

Можно не понимать теоріи Маркса, можно, не понимая этой теоріи, критиковать (а также воспѣвать В. В.) ее, но исказать взгляды ея основателей... нельзя. *Л. Ансельродъ.*

(«Совр. Міръ». 1908. I).

Пути провидѣнія неисповѣдимы. Лучшимъ доказательствомъ этой почтенной истины является тотъ фактъ, что въ настоящій моментъ—черезъ 25 лѣтъ послѣ смерти Маркса, черезъ 60 слишкомъ лѣтъ послѣ появленія его первыхъ философскихъ работъ—среди русскихъ марксистовъ кипитъ горячая полемика по вопросу: исходитъ ли марксистская философія изъ непосредственно даннаго эмпирическаго міра, или же постулируетъ въ качествѣ отправного пункта нѣкую реальность, находящуюся за предѣлами всякаго возможнаго опыта.

Аргументація сторонниковъ сверхопытнаго марксизма сводится, въ краткихъ чертахъ, къ слѣдующему.

«Одно изъ двухъ», пишетъ ревностный партизанъ этой школы г. Ра—ховъ, «или только опытъ есть реальность, тогда мы вмѣстѣ съ Шопенгауэромъ говоримъ *die Dinge sind nur sofern wir sind*. Только нашъ познавательный актъ, только наши психическія и т. п. переживанія являются чѣмъ-нибудь надежнымъ, дѣйствительнымъ; или же существуетъ нѣкоторая объективная реальность, «бытіе», опредѣленнымъ образомъ воздѣйствующее на нашъ опытъ, на «мышленіе» ²⁾. И такъ г. Ра—ховъ, «вмѣстѣ съ Шопенгауэромъ», ото-

¹⁾ *Отъ редакціи.* Въ настоящемъ сборникѣ выражены двѣ различныя точки зрѣнія на основные вопросы философіи. Признавая необходимымъ тщательное выясненіе взаимоотношенія этихъ двухъ точекъ зрѣнія, редакция считаетъ возможнымъ давать мѣсто статьямъ обонихъ направленій.

²⁾ Къ философіи марксизма, стр. 18—19.

жествляетъ «опытъ», т. е. совокупность всего вообще непосредственно даннаго, съ нашими переживаніями, — въ отличіе отъ Шопенгауэра, но въ согласіи со своими ближайшими учителями, Плехановымъ и Ортодоксомъ. онъ ставитъ дальнѣйшій знакъ равенства между нашими психическими переживаніями и нашимъ мышленіемъ. Разъ такимъ образомъ «опытъ» благополучно превращенъ въ наше «мышленіе», то, разумѣется, «бытіе», природу, реальныя вещи приходится искать за предѣлами эмпирическаго міра.

По ученію Плеханова, основателя сверхопытной школы въ марксизмѣ, всѣ конкретныя, чувственно воспринимаемыя свойства вещей эмпирическаго міра, т. е. ихъ формы, краски и т. п., представляютъ продуктъ воздѣйствія «на насъ» соответственныхъ свойствъ «вещей въ себѣ», которыя, какъ таковыя, не могутъ быть даны ни въ какомъ опытѣ. Не надо однако думать, что каждому отдѣльному чувственно воспринимаемому предмету опыта отвѣчаетъ обособленная вещь въ себѣ, какъ нѣкоторое самостоятельное, индивидуальное бытіе. Плехановъ неоднократно указывалъ, что подъ вещью въ себѣ или «матеріей» онъ понимаетъ то же самое, что Спиноза понималъ подъ «субстанціей», но лишь отказывается признавать вслѣдъ за Спинозой эту субстанцію Богомъ. Субстанція Спинозы — не простая совокупность индивидуально существующихъ вещей, а нѣкоторая универсально-единая сущность міра, лишь «проявляющаяся» въ отдѣльныхъ вещахъ, какъ своихъ «модусахъ». Это относится, очевидно, и къ «матеріи» запредѣльныхъ марксистовъ.

Ex bibl. univ. Вазп.

Въ общемъ и цѣломъ получается, слѣдовательно, такая конструкція. Реально, подлинно, истинно существуетъ лишь единая въ себѣ матерія, «субстанція» природы. Это универсальное бытіе воплощается въ единичныхъ «вещахъ въ себѣ». Извѣстныя намъ непосредственно качества предметовъ опытнаго міра представляютъ лишь субъективныя ощущенія, которыя вызываются «въ насъ» какъ результатъ воздѣйствія неизвѣстныхъ намъ качествъ вещей въ себѣ.

Задача настоящей статьи — не столько критическій анализъ этой конструкціи, сколько выясненіе чисто фактическаго вопроса: вѣрно ли, что постулаты теоретиковъ сверхопытнаго марксизма представляютъ подлинную философію Маркса? Сходилъ ли самъ Марксъ изъ этихъ постулатовъ?

Какъ извѣстно, сверхопытные марксисты съ величайшей горячностью настаиваютъ на «ортодоксальности» своихъ воззрѣній, — ихъ философскія работы изобилуютъ патетическими филиппиками противъ «ревизионизма», «буржуазности», и даже «измѣны» тѣхъ марксистовъ, которые не обнаруживаютъ желанія послѣдовать за ними съ сверхэмпирическихъ сферъ. Тѣмъ не менѣе сколько-нибудь убѣдительныхъ

аргументовъ въ пользу ортодоксальной чистоты разсматриваемаго мировоззрѣнія до сихъ поръ представлено не было,—и, быть можетъ, какъ разъ этимъ объясняется нѣсколько неврастенической пафосъ его защитниковъ. Фактическія доказательства, приводимыя послѣдними, сводятся къ нѣсколькимъ отдѣльнымъ цитатамъ, отдѣльнымъ фразамъ, даже отдѣльнымъ выраженіямъ Маркса, вырваннымъ изъ общей связи. Если такого рода аргументы не убѣдительны вообще, то они сугубо не убѣдительны въ данномъ случаѣ. Гегелианское происхожденіе Маркса сказывается между прочимъ въ томъ, что онъ почти нигдѣ не даетъ дефиницій употребляемыхъ имъ понятій и вообще мало заботится о внѣшней чистотѣ терминологіи. Это не значитъ конечно, что термины Маркса не имѣютъ строгаго смысла, что изъ Маркса можно доказать все, что угодно, какъ утверждалъ Бернштейнъ,—это значитъ только, что въ произведеніяхъ Маркса точное значеніе терминовъ не дается а priori, но постепенно раскрывается передъ читателемъ въ самомъ процессѣ развитія мысли, облеченной въ эти термины. Но если вмѣсто анализа мысли Маркса, мы будемъ ухватываться за его слова, то намъ дѣйствительно легко удастся доказать изъ Маркса все, что угодно. Эта возможность, столь основательно использованная въ свое время Бернштейномъ, оказываетъ въ настоящее время неоцѣненные услуги нашимъ «ортодоксальнымъ» философамъ.

Блестящій примѣръ такого словеснаго «использованія» Маркса представляетъ, на примѣръ, статья «Ортодокса» par excellence, Л. Аксельродъ въ январской книжкѣ «Современнаго Мира». «Подобно Маху и махистамъ», читаемъ мы тамъ, «Бруно Бауэръ исходилъ изъ отрицанія внѣшней реальной дѣйствительности, разсматривая ее какъ плодъ творчества субъекта *). Что же отвѣчалъ Марксъ этому субъективному идеалисту? Вотъ что: «въ своей критикѣ субстанции онъ (Бруно Бауэръ) оспариваетъ не метафизическую иллюзію, а ея дѣйствительное мірское содержаніе (то же самое дѣлаетъ Махъ. Л. А.); онъ отрицаетъ природу, ея существованіе въ нѣ человека и ея существованіе въ самомъ человѣкѣ. Не предполагать субстанции ни въ какой области значитъ для него (а также для Маха, Л. А.) не признавать отличнаго отъ мышленія бытія», «отличнаго отъ субъекта объекта», «отличнаго отъ «я» «ты» «Какъ видите», продолжаетъ авторъ, «Марксъ признавалъ субстанцію, признавалъ независимое отъ мышленія бытіе, признавалъ

*) Само собою разумѣется, что ни Махъ, ни „махисты“ никогда не разсматривали внѣшнюю реальную дѣйствительность, какъ „плодъ творчества субъекта“ Но не въ нихъ теперь дѣло.

независимый от субъекта объект». Далѣ идетъ стереотипная филиппика противъ ревизионизма махистовъ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что цитата дѣйствительно говорить въ пользу Л. Аксельродъ. Здѣсь встрѣчается слово «субстанція», говорится о «независимости» мышленія отъ бытія, субъекта отъ объекта. Но вотъ вопросъ: употребляетъ ли Марксъ всѣ эти слова въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ это хотѣлось бы нашему ортодоксальному автору? Не является ли «субстанція» Плеханова-Аксельродъ «метафизической иллюзіей» съ точки зрѣнія Маркса? Откуда слѣдуетъ, что Марксъ отождествляетъ съ «мышленіемъ» совокупность всего вообще даннаго въ опытѣ? Не различаетъ ли онъ, наоборотъ, мышленіе и бытіе, природу и человѣка, субъектъ и объектъ въ предѣлахъ эмпирически даннаго міра? Такое сомнѣніе неизбежно возникло бы у читателя, если бы авторъ не окарналъ приведенную цитату, выкинувъ изъ нея все то, что не совсѣмъ согласуется съ его «ортодоксальными» философскими симпатіями. Это сомнѣніе превратилось бы въ полную увѣренность, если бы читатель отъ изуродованной цитаты обратился къ подлиннику, къ работѣ Маркса и Энгельса «Святое семейство» и постарался уяснить себѣ ту точку зрѣнія, которая въ этой работѣ развивается.

Возтановимъ прежде всего цитату. «Не предполагать ни въ какой области субстанціи значить для него: не признавать бытія отличнаго отъ мышленія, силъ природы (*Naturenergie*) отличныхъ отъ самопроизвольности духа (*geistige Spontaneität*), не признавать въ человѣческомъ существѣ никакихъ силъ кромѣ разсудка, не отличать дѣятельнаго отношенія (*Tätigkeit*) отъ страдательнаго (*Leiden*), знанія отъ чувствованія и желанія, головы отъ сердца, субъекта отъ объекта, теоріи отъ практики, челоузка отъ критики, абстрактной всеобщности отъ дѣйствительной общности, «я» отъ «ты» *). Какъ явствуется изъ подчеркнутыхъ нами и опущенныхъ нашимъ авторомъ пояснительныхъ замѣчаній, у Маркса на сторонѣ субъекта или мышленія оказывается: «самопроизвольность духа», «дѣятельное отношеніе», «разсудокъ», «знаніе», «теорія»,—на сторонѣ объекта или бытія: «силы природы», «страдательное отношеніе», «чувствованія», «практика». Уже одно это заставляетъ предположить, что для Маркса чувственно воспринимаемыя качества предметовъ опыта отнюдь не являются только «нашими» ощущеніями, нашимъ «мышленіемъ» или «плодомъ творчества субъекта», а наоборотъ, принад-

*) Nachlass. Томъ II. стр. 251.

лежать, какъ таковыя, въ области объективнаго міра, въ области бытія или природы.

Не трудно было бы привести десятки фразъ Маркса и Энгельса, въ которыхъ объективное бытіе *verbis expressis* отождествляется съ чувственно воспринимаемыми данными опыта *). Но какъ я уже замѣтилъ, такія доказательства мало убѣдительны. Обратимся поэтому отъ словъ въ дѣлу, отъ отдѣльныхъ выраженій Маркса къ тѣмъ мыслямъ, которыя развиваются имъ въ работѣ, цитируемой Л. Аксельродъ.

Марксъ критикуетъ здѣсь «критическую критику», т. е. взгляды, защищавшіеся Бруно Бауэромъ и другими писателями того же направленія въ ихъ полемикѣ со Штрауссомъ. Вотъ какъ характеризуетъ Марксъ исходный пунктъ этого спора. «Въ философіи Гегеля есть три элемента: спинозистская субстанція, фиктеанское самосознаніе и необходимо-противорѣчивое единство ихъ обоихъ—гегелевскій абсолютный духъ. Первый элементъ есть метафизически переодѣтая природа въ ея обособленіи отъ человѣка, второй—метафизически переодѣтый духъ въ его обособленіи отъ природы, третій—метафизически переодѣтое единство ихъ, дѣйствительный человѣкъ и дѣйствительный родъ человѣчскій» **). (Однако открыть «дѣйствительнаго человѣка» подъ метафизическимъ облаченіемъ абсолютнаго духа и тѣмъ самымъ навсегда устранить традиционное противорѣчіе между спиритуализмомъ и матерьялизмомъ удалось лишь Фейербаху, философію котораго Марксъ характеризуетъ, какъ «матерьялизмъ, совпа-

*) Чтобы не быть голословнымъ приведу двѣ—три такихъ цитаты. На стр. 304 II тома Nachlass Марксъ говоритъ о «матерьяльныхъ, чувственныхъ, предметныхъ основахъ» («materielle, sinnliche, gegenständliche Grundlagen») человѣческаго самосознанія. Тамъ же указывается, что спекулятивная конструкція Гегеля лишь мнимо преодолеваетъ «предметный міръ, т. е. міръ чувственно дѣйствительный» («die gegenständliche Welt, die sinnlich wirkliche Welt»). На стр. 151-ой бытіе противопоставляется мышленію, какъ «жизнь» «сознанію. (Sie empfinden sehr schmerzlich den Unterschied zwischen Sein und Denken zwischen Bewusstsein und Leben), а на стр. 117-ой мы читаемъ такую фразу: «Критическая критика выступаетъ здѣсь не только противъ любви, но и противъ всякой жизни, противъ всего непосредственнаго, всякаго чувственнаго опыта, всякаго дѣйствительнаго опыта вообще («alles Lebendige, alles Unmittelbare, alle sinnliche Erfahrung, alle wirkliche Erfahrung überhaupt»). По Марксу «мышленію противопоставить жизнь какъ «непосредственный, чувственный, дѣйствительный опытъ». По россійской ортодоксальной теоріи «дѣйствительный опытъ»—вообще безсмыслица, такъ какъ дѣйствительность жить внѣ опыта.

***) Nachlass. B. II, S. 247.

дающій съ гуманизмомъ *)). Ни Штрауссъ, ни Бруно Бауэръ не дошли до этого синтеза. «Штрауссъ послѣдовательно сводилъ Гегеля въ спинозистской точкѣ зрѣнія, Бауэръ послѣдовательно сводилъ его—въ области теологіи—къ фихтеанской точкѣ зрѣнія» Ни одинъ изъ нихъ не сумѣлъ возвыситься надъ одностороннимъ развитіемъ отдѣльныхъ элементовъ гегелевскаго умозрѣнія; поэтому и Штрауссъ съ его спинозистской, и Бауэръ съ его фихтеанской точкой зрѣнія имѣютъ дѣло съ метафизически переодѣтой дѣйствительностью, всецѣло «остаются въ предѣлахъ спекуляціи Гегеля и представляютъ каждый лишь одну сторону его системы» **).

Уже отсюда видно, что Маркъ отнюдь не склоненъ отстаивать точку зрѣнія Спинозы, даже съ Плехановской поправкой. «Метафизическое переодѣваніе» природы, совершенное Спинозой, Маркъ характеризуетъ не какъ обоготвореніе природы, а какъ ее «обособленіе» отъ конкретнаго, «дѣйствительнаго» человѣка ***). Болѣе опредѣленно сущность этой послѣдней операціи разсматривается нѣсколькими страницами раньше. Маркъ указываетъ тамъ, что въ спинозистскомъ представленіи о субстанціи нашли свое «абстрактное выраженіе», свой «логически-метафизическій гіероглифъ» тѣ взгляды, которые Штрауссъ излагаетъ въ своей теоріи «силы общины» или «традицій». Бруно Бауэръ, вмѣсто того, чтобы вскрыть этотъ абстрактно-метафизическій характеръ спинозистской субстанціи, поступаетъ какъ разъ наоборотъ: «Онъ заставляетъ», пишетъ Маркъ, «субстанцію выступить изъ ея логической простоты и принять опредѣленную форму существованія въ видѣ силы общины». Онъ пускаетъ въ ходъ гегелевскій чудотворный аппаратъ, при помощи котораго метафизическія категоріи—извлеченныя изъ дѣйствительности абстракціи—выпрыгиваютъ изъ сферы логики, гдѣ онѣ растворялись въ «простотѣ» мышленія, и воплощаются въ дѣйствительности, принимаютъ «опредѣленную форму» физическаго или человѣческаго существованія ****). (Курсиъ мой. В. Б.)

*) «Mit dem Humanismus zusammenfallender Materialismus» Nachlass. В. II, S. 232.

**) Nachlass. В. II, S. 248.

***) Обоготвореніе есть, наоборотъ, очеловѣченіе природы. Въ дѣйствительности Спиноза вовсе не «обоготворялъ» природы въ обычномъ смыслѣ этого слова. Отъ традиціонно-религіознаго представленія о Богѣ, какъ творцѣ и промыслителѣ міра, у Спинозы осталось только слово «Богъ». Его amor Dei intellectualis есть эстетически восторженное созерцаніе постигнутой разумомъ гармоніи міра, а не молитвенное слияніе съ живымъ Богомъ.

****) «Nachlass» В. II, S. 245—246.

Метафизическое переодѣваніе, лежащее въ основѣ спинозизма, состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, что субстанція—эта «абстракція, извлеченная изъ дѣйствительности»—принимается за самое дѣйствительность, за нѣкоторое самостоятельное бытіе,—все равно, мыслится ли это бытіе, какъ матерьяльное («физическое»), или какъ духовное («человѣческое») существованіе. Не трудно убѣдиться, что философскія предпосылки Плехановской школы представляютъ продуктъ того же самого «чудотворнаго аппарата», какимъ пользуется здѣсь Бруно Бауэръ. У Плеханова субстанція «выпрыгиваетъ изъ сферы мышленія», «воплощается въ дѣйствительность», «принимаетъ (подъ именемъ матеріи) форму самостоятельнаго (а именно физическаго) существованія». Вместе съ тѣмъ природа метафизически отдѣляется отъ человѣка: природой оказывается теперь эта воплощенная метафизическая категорія—субстанція, матерія, вещь въ себѣ, находящаяся за предѣлами доступнаго человѣку опыта; а конкретные, непосредственно данные человѣку предметы опыта превращаются въ призрачную видимость, въ чисто субъективные «гіероглифы» какихъ-то совершенно неизвѣстныхъ человѣку качествъ вещей въ себѣ.—По Плеханову, содержанія нашихъ чувственныхъ воспріятій суть гіероглифы дѣйствительности-субстанціи,—по Марксу, какъ мы только что видѣли, дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ: субстанція есть «логически-метафизическій гіероглифъ» дѣйствительности.

Но Марксъ не ограничивается отдѣльными, вскользь брошенными замѣчаніями относительно истинной природы «субстанціи». Въ томъ же самомъ «Святомъ семействѣ» онъ дѣлаетъ субстанцію предметомъ спеціальнаго анализа, въ которомъ съ обстоятельностью и ясностью, не оставляющими желать ничего большаго, вскрывается метафизически призрачный характеръ этой категоріи и выясняется ея отношеніе къ дѣйствительности, т. е. къ эмпирически данному намъ міру. Вотъ что читаемъ мы на стр. 156—159 2-го тома «Nachlass»

«Если я, отправляясь отъ дѣйствительныхъ яблокъ, грушъ, ягодъ, земляники, миндаля и т. п., образую общее представленіе «плодъ», если я иду дальше и воображаю (*mir einbilde*), что мое извлеченное изъ дѣйствительныхъ плодовъ абстрактное представленіе «плодъ вообще» (*die Frucht*) есть находящееся внѣ меня существо, мало того, есть истинная сущность груши, яблока и т. д., то тѣмъ самымъ я объявляю—выражаясь умозрительно—«плодъ вообще» субстанціею груши, яблока, миндаля и т. д. Я говорю, слѣдовательно, что для груши несущественно то обстоятельство, что она груша, для яблока то обстоятельство, что оно яблоко. Существеннымъ въ этихъ видахъ оказывается теперь не ихъ дѣйствительное, чувственно-воспринимаемое существованіе

(ihr wirkliches, sinnlich anschauliches Dasein), но абстрагированное отъ нихъ и подсунутое мною на мѣсто нихъ существо, существо моего представленія, «плодъ вообще» (курсивъ мой, В. Б.). Я объявляю теперь, что яблоко, груша и миндаль суть лишь способы существованія, модусы «плода вообще». Отдѣльные плоды приобрѣтаютъ характеръ мнимыхъ плодовъ, ибо истинное существо ихъ есть субстанція die Frucht (плодъ вообще)».

Какъ видимъ, съ точки зрѣнія Маркса «дѣйствительны» только «отдѣльные плоды», только единичные предметы опытнаго міра, представляющіе совокупность тѣхъ или другихъ «чувственно воспринимаемыхъ» (sinnlich anschaulich) качествъ. Если я общее понятіе, образованное моимъ мышленіемъ изъ этой эмпирической дѣйствительности, представляю себѣ, какъ нѣчто самостоятельно существующее внѣ меня, то я уже создаю «субстанцію», какъ метафизическую иллюзію, хотя бы я не отдѣлялъ еще самого бытія этой субстанціи отъ бытія чувственно данныхъ мнѣ вещей, хотя бы я мыслилъ субстанцію (напр. «матерію») въ видѣ нѣкоторой сущности, пребывающей въ самихъ эмпирическихъ вещахъ (въ конкретныхъ плодахъ, камняхъ, людяхъ, деревняхъ и т. п.), а не въ видѣ «вещи въ себѣ», обрѣтающейся за предѣлами эмпирическаго міра.

Но, справедливо замѣчаетъ далѣе Марксъ, спекулятивный философъ на этой позиціи обыкновенно не останавливается *). Спекулятивный философъ идетъ дальше въ своемъ метафизическомъ творчествѣ. Сведеніе всѣхъ конкретныхъ, чувственно данныхъ вещей къ ихъ общей сущности или «субстанціи» превращаетъ весь міръ въ пустую, тощую абстракцію. Удрученный этой пустотой, метафизикъ старается найти обратный путь отъ своей субстанціи («матеріи», «плода вообще» и т. п.) къ дѣйствительному содержанію эмпирическаго міра, къ конкретнымъ яблокамъ, грушамъ и т. д. «Спекулятивный философъ». пишетъ Марксъ, «снова отказывается, такимъ образомъ, отъ абстракціи «плодъ», но отказывается спекулятивнымъ, мистическимъ способомъ, а именно, старается дѣлать видъ, что онъ вовсе не отказывается отъ нея». Субстанція уже раньше порвала свою связь съ головой породившаго ее философа; теперь ей приходится отдѣлиться и отъ тѣхъ чувственно-воспринимаемыхъ вещей, реальной сущностью которыхъ она была провозглашена первоначально. Субстанція эмансипируется окончательно. Она обособляется не только отъ человѣка, но и отъ природы, не только отъ мышле-

*) Наши «ортодоксальные» интерпретаторы философіи Маркса живой тому примѣръ.

ня, но и отъ эмпирическаго бытія; она становится (Im Traum, im Traum versteht sich!) вещью въ себѣ, которая откуда-то извнѣ опредѣляетъ собою эмпирическія вещи нашего чувственнаго воспріятія. Эту новую точку зрѣнія спекулятивнаго философа Марксъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: «Теперь уже нельзя сказать «груша есть плодъ, яблоко есть плодъ, миндаля есть плодъ», но приходится говорить такъ: «плодъ» проявляется въ формѣ яблока (точнѣе, «полагаетъ себя, какъ яблоко»—«setzt sich, als Apfel»), плодъ проявляется въ формѣ миндаля и т. п., различія между яблокомъ, грушей, миндалемъ становятся саморазличеніемъ «пюда»...

...«Когда обыкновенный человѣкъ говоритъ, что существуютъ яблоки и груши, онъ не думаетъ, что этимъ сказано нѣчто необычайное. Но когда философъ выражаетъ въ спекулятивной формѣ существованіе этихъ предметовъ, онъ говоритъ нѣчто необычайное. Онъ совершилъ чудо: изъ нереальнаго, существующаго лишь въ мысли предмета («Verstandeswesen»), изъ «плода вообще» онъ произвелъ дѣйствительные предметы природы,—яблоко, грушу и т. п.; другими словами, онъ создалъ эти плоды изъ своего собственнаго абстрактнаго разсудка, ибо онъ представляетъ себя, какъ абсолютный субъектъ, находящійся внѣ его, въ данномъ случаѣ, какъ «плодъ вообще», и каждый разъ, когда онъ говоритъ о какомъ либо дѣйствительно существующемъ предметѣ, онъ совершаетъ актъ творенія».

Читатель, пожалуй, скажетъ, что въ данномъ случаѣ критика Маркса не затрагиваетъ его сверхопытныхъ интерпретаторовъ: здѣсь Марксъ критикуетъ не спинозистскій, а фихтеанскій элементъ Гегелевской философіи, представленіе о природѣ, какъ абсолютномъ субъектѣ или міровомъ духѣ. Въ отождествленіи матеріи и духа, законовъ развитія природы и законовъ человѣческаго мышленія Илехановская школа неповинна; по ея ученію вещи въ себѣ воздѣйствуютъ на наши чувства по закону причинности, отличному отъ логики.—Но въ той части аргументаціи Маркса, которая воспроизведена выше, этотъ моментъ абсолютнаго духа еще остается въ стороне. Марксъ не касается пока вопроса о томъ какъ, воздѣйствуетъ субстанція на эмпирическій міръ. Онъ констатируетъ, что самое представленіе о субстанціи, какъ самостоятельномъ бытіи воздѣйствующемъ на эмпирическій міръ, есть точка зрѣнія абсолютнаго субъекта. Разъ наша абстракція (субстанція, матерія, плодъ вообще) производитъ дѣйствительные предметы природы (яблоки, груши и т. п.), то природѣ уже приписанъ нами характеръ субъекта. Творитъ ли субстанція по закону причинности, или по закону логическаго основанія, мы пока не знаемъ. Но уже одинъ тотъ фактъ, что субстанція вообще творитъ дѣйствительность—т. е. эмпирически данныя

— вещи, есть чудо. Уже одинъ этотъ фактъ свидѣтельствуесть, что мы «представляемъ себя» (т. е. абстракцію, существующую только въ нашемъ мышленіи, напр., «плодъ вообще», «матерію» и т. п.) «какъ абсолютный субъектъ, находящийся внѣ насъ».

Не подлежитъ, такимъ образомъ, ни малѣйшему сомнѣнію, что Марксъ не признавалъ субстанціи въ томъ смыслѣ, какой хочетъ навязать ему его вѣрная послѣдовательница, Л. Аксельродъ. Вѣрнѣе, Марксъ «признавалъ» субстанцію тѣмъ, что она есть въ дѣйствительности: нашей конструкціи, абстрактнымъ понятіемъ, извлеченнымъ изъ эмпирически даннаго міра. «Дѣйствительнымъ мірскимъ содержаніемъ» субстанціи онъ считалъ именно этотъ эмпирическій міръ, чувственно воспринимаемыя вещи, которыя въ самомъ непосредственномъ опытѣ даны, какъ нѣчто отличное отъ человека, — т. е. находятся внѣ человѣческаго организма и измѣняются по законамъ, не совпадающимъ съ законами человѣческаго мышленія.

Основная ошибка «критической критики» заключается по Марксу, въ томъ, что она разсматриваетъ всю данную въ опытѣ дѣйствительность, какъ нѣчто субъективное, какъ «actus purus» самосознанія. Вслѣдствіе этого свои собственныя теоретическія конструкціи она принимаетъ за конкретную практику эмпирической жизни и, наоборотъ, конкретные, реальные конфликты практики воспринимаетъ и разрѣшаетъ, какъ противорѣчія отвлеченнаго мышленія. Даже такой въ высокой степени внѣшній для литератора предметъ, какъ эмпирически данный цензоръ, превращается подъ перомъ «критическихъ» литераторовъ въ продуктъ саморазличенія литераторскаго «я», — борьба литературы съ цензурой принимаетъ форму борьбы однѣхъ сторонъ литературнаго духа съ другими.

Согласно критической критикѣ, пишетъ Марксъ, источникъ всѣхъ невзгодъ, испытываемыхъ рабочими, лежитъ въ ихъ мышленіи... «Однако «вульгарные» рабочіе — коммунисты, занятые напр. въ мастерскихъ Манчестера и Мюна, отнюдь не думаютъ, что они могутъ устранить своихъ хозяевъ и свое практическіе угнетеніе путемъ теоретическаго резонерства, путемъ «чистаго мышленія». Они очень чувствительно воспринимаютъ разницу между бытіемъ и мышленіемъ, между сознаніемъ и жизнью. Они знаютъ, что собственность, капиталъ, деньги, насильный трудъ и т. п. представляютъ изъ себя не идеальныя созданія мозга, а очень практическіе, очень объективные продукты ихъ самоотчужденія, что слѣдовательно и устранить ихъ можно только практическимъ, объективнымъ способомъ, — дабы не только въ мышленіи, въ сознаніи, но и въ вульгарномъ бытіи, въ жизни человѣкъ сталъ настоящимъ человѣкомъ. Между тѣмъ критическая критика поучаетъ ихъ, что они перестанутъ быть

наемными рабочими въ дѣйствительности, если устранять въ своемъ мышленіи идею наемнаго труда, если они въ мысляхъ своихъ перестанутъ считать себя наемными рабочими... Критическая критика поучаетъ ихъ, что они устранять дѣйствительный капиталъ, если они мысленно преодолеютъ категорію капитала, что они дѣйствительно измѣнятся и сдѣлаются дѣйствительными людьми. если они въ сознаніи преобразуютъ свое абстрактное я, и презрительно отвергнуть, какъ операцію не критическую, измѣненіе дѣйствительныхъ условій ихъ бытія, т. е. ихъ дѣйствительное я. «Духъ», устранивающій въ дѣйствительности лишь категоріи, сводитъ, конечно, всю человѣческую дѣятельность и практику къ діалектическому процессу мышленія критической критики». *)

Здѣсь съ полной отчетливостью выступаютъ тѣ признаки, на основаніи которыхъ Марксъ различаетъ субъективное отъ объективнаго въ предѣлахъ опытнаго міра. Эти признаки: произвольность («Spontaneität») нашихъ теоретическихъ конструкцій съ одной стороны, — независимость эмпирической дѣйствительности отъ нашей воли и нашихъ умственныхъ построеній съ другой стороны.

Объективная дѣйствительность дана намъ въ опытѣ, какъ чувственное содержаніе непосредственнаго воспріятія. Наши субъективныя представленія, т. е. воспоминанія воспріятій, служатъ матеріаломъ для построенія общихъ понятій, категорій всякихъ вообще умственныхъ конструкцій, которыя всегда произвольны, — и тѣмъ произвольнѣе, чѣмъ онѣ универсальнѣе. чѣмъ дальше отъ конкретной дѣйствительности непосредственнаго воспріятія.

Само собой разумѣется, «произвольность» умственныхъ построеній состоитъ вовсе не въ томъ, что они безпричинны, что воля, творящая въ этой области, ничѣмъ не обусловлена. Для того чтобы рабочій могъ преодолѣть «категорію» наемнаго труда въ своемъ представленіи, для того чтобы въ немъ могло возникнуть самое желаніе, самая «воля» преодолѣть эту категорію, необходима наличность извѣстныхъ конфликтовъ въ области тѣхъ воспріятій и чувствованій, изъ которыхъ складывается его практическая, дѣйствительная жизнь. Конфликтъ идей лишь «отражаетъ» въ себѣ конфликтъ конкретной практики. По теоретическое преодоленіе этого конфликта, и его устраненіе на практикѣ—вещи совершенно различныя. Въ первомъ случаѣ дѣло идетъ о комбинированіи нашихъ представленій—воспоминаній. Представленія мы можемъ разсѣкать на части, соединять и перетасовывать съ величайшею легкостью; они не оказываютъ почти никакого сопротивленія нашей конструирующей дѣятельности; постановка

*) Nachlass B. II. s. 151—152.

задачи почти совпадаетъ здѣсь съ ея рѣшеніемъ. Если я, напр., въ моемъ представленіи создаю какой-нибудь совершенно фантастическій цвѣтокъ, то разработка плана моего творчества не отдѣляется отъ воплощенія этого плана: уяснить себѣ, какую именно комбинацію представленій я желаю осуществить, значитъ уже осуществить эту комбинацію, ибо въ данномъ случаѣ уясненіе своего желанія, своей воли, задачи своего творчества какъ разъ и состоитъ въ полученіи той самой комбинаціи представленій, въ которой это желаніе, эта воля, эта задача реализуется. Такимъ образомъ, «спонтанность» нашей духовной дѣятельности состоитъ не въ томъ, что наша воля возникаетъ свободно, или безпричинно, а въ томъ, что она реализуется свободно, т. е. не встрѣчаетъ почти никакого сопротивленія въ томъ матеріалѣ, съ которымъ она оперируетъ: въ матеріалѣ нашихъ представленій.

Иначе обстоитъ дѣло въ конкретной практикѣ. Здѣсь «внѣшняя» природа непосредственно дана въ каждомъ актѣ нашей дѣятельности какъ матеріальное сопротивленіе, которое приходится преодолѣть, чтобы реализовать данную практическую задачу, воплотить данную конструкцію; при чемъ способъ этого преодолѣнія, методъ этого воплощенія диктуется не внутренней логикой воплощаемой нами конструкціи, а «независимыми» отъ нея, «внѣшними» по отношенію къ ней законами природы. Такъ напримѣръ, если бы я, не ограничиваясь представленіемъ фантастическаго цвѣтка, пожелалъ получить живой цвѣтокъ такого же вида, то мнѣ пришлось бы прибѣгнуть къ методамъ, такъ называемого, искусственнаго подбора, не имѣющимъ ничего общаго ни съ самой схемой искомаго цвѣтка, ни съ тѣми способами, какими она возникла въ моемъ сознаніи изъ отдѣльныхъ представленій-воспоминаній. Я не достигъ бы никакого результата, если бы вздумалъ въ своемъ практическомъ воздѣйствіи на природу исходить изъ внутренней логики моей конструкціи,—сталъ бы, напр., вырѣзывать изъ живыхъ цвѣтвъ и соединять вмѣстѣ отдѣльныя части, соответствующія аналогичнымъ частямъ цвѣтка, созданнаго моею фантазійю.

Въ качествѣ примѣра конструирующей дѣятельности нашего духа я взялъ совершенно произвольное фантастическое представленіе. Но, скажетъ читатель, что же общаго между продуктами такой свободной фантазіи и теоретическою дѣятельностью человѣка? Если оторванныя отъ всякаго опыта метафизическія категоріи въ родѣ «субстанціи», «вещи въ себѣ», «абсолютнаго духа» и создаются свободными полетами умозрительной фантазіи, то именно потому, что здѣсь абстрагирующая мысль преступаетъ свои законныя научныя предѣлы, пытается отвлечься не отъ какой-либо части дѣйствительности, а отъ

всей дѣйствительности цѣликомъ. Полученный въ результатѣ нуль каждый философъ заполняетъ затѣмъ тѣми грезами, какія ему больше нравятся. Но поскольку абстракція еще не утратила своего познавательнаго, научнаго характера, поскольку *in intellectu* еще остается частица того, что было *in sensu*, научное построение не заключаетъ въ себѣ ни грани произвола,—это простой отпечатокъ дѣйствительности. Напримѣръ. «плодъ вообще» есть совокупность общихъ признаковъ конкретно, реально существующихъ въ яблокѣ, въ грушѣ, въ каждомъ эмпирически данномъ плодѣ. Выходитъ какъ будто бы, что Марксъ не имѣлъ права называть «плодъ вообще» метафизической категоріей, разъ это понятіе мыслится, какъ совокупность чувственно данныхъ общихъ вѣтмъ плодамъ качествъ; лишь съ того момента, какъ «плодъ вообще» отдѣляется отъ эмпирическихъ плодовъ, и подъ видомъ вещи въ себѣ (все равно, «матери» или «духа») начинаетъ производить конкретныя вещи,—лишь съ этого момента «плодъ» изъ научной категоріи превращается въ метафизическую, изъ отраженія дѣйствительности въ мистическое бытіе, творящее дѣйствительность.

Взглядъ на познаніе, какъ на пассивное отраженіе дѣйствительности, какъ на ея «чистое описаніе» и т. п. во всѣ времена былъ очень распространенъ среди представителей научной мысли. И со стороны челоѣка науки такой взглядъ есть конечно вполне естественная реакція противъ метафизика, который даже въ томъ случаѣ, если онъ выступаетъ подъ плащемъ «матеріалиста», не можетъ не превратить весь эмпирическій міръ въ *actus purus* своего творчества, въ свои «субъективные» представленія, чтобы имѣть затѣмъ невинное удовольствіе снова сотворить этотъ бѣдный міръ изъ своей собственной абстракціи, провозглашенной самой подлинной, самой настоящей, самой что ни на есть объективной реальностью. — Чисто страдательный, пассивный характеръ приписывалъ познанію и Людвигъ Фейербахъ, философскія идеи котораго въ общемъ и цѣломъ раздѣлялъ Марксъ въ періодъ борьбы съ «критической критикой». Но, какъ мы сейчасъ увидимъ, именно въ вопросѣ объ отношеніи теоріи къ практикѣ Марксъ уже тогда внесъ въ ученіе Фейербаха многозначительныя поправки. Сначала познакоимся однако съ точкой зрѣнія самого Фейербаха.

Въ предисловіи ко 2-му изданію своей «Сущности Христіанства» Фейербахъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ основы своей философіи. «Эта философія отрѣшилась отъ субстанціи Спинозы, отъ «я» Канта и Фихте, отъ абсолютнаго тожества Шеллинга, отъ абсолютнаго духа Гегеля и т. п. отвлеченныхъ, только мыслимыхъ или воображаемыхъ вещей и сдѣлала своимъ принципомъ дѣйствительную,

вѣрнѣе самую дѣйствительную сущность, истинное *ens realissimum*, челоуѣка, т. е. самое позитивное, реальное начало. Она производитъ каждую мысль изъ ея противоположности, изъ матеріи, изъ сущности, изъ чувствъ, и относится къ предмету чувственно, т. е. страдательно, прежде чѣмъ опредѣлить его мысленно^{*)}). Но и самый этотъ актъ «мысленнаго опредѣленія» рѣзко отдѣлялся Фейербахомъ отъ всей остальной челоуѣческой правитивы. Познаніе природы Фейербахъ подводитъ подъ категорію чистаго незаинтересованнаго «созерцанія», — созерцанія, отрѣшеннаго отъ всякой «эгоистической воли», исполненнаго резиньяціи передъ природой, какъ она намъ дана. «Созерцаніе есть признаніе. Все, созерцаемое нами, очаровываетъ вычлвную волю своей скрытой притягательной силой, своимъ внѣшнимъ видомъ»... «Созерцаніе и поклоненіе — по существу одно и то же»... «Изученіе природы есть служеніе природѣ, идолопоклонство въ смыслѣ іудейскаго и христіанскаго Бога»^{**}). Этому научно-созерцательному и въ то же время эстетическому отношенію къ природѣ, началу эллинскому, Фейербахъ противопоставляетъ отношеніе практическое, начало еврейское, какъ нѣчто весьма низменное. «Въ глазахъ евреевъ природа была простымъ средствомъ къ достиженію эгоистическихъ цѣлей, простымъ объектомъ воли»... «Это для теоріи безпочвенное и необоснованное ученіе лишь утверждаетъ утилитаризмъ, эгоизмъ и выражаетъ только велѣніе дѣлать природу предметомъ пользованія и наслажденія, а не мышленія и созерцанія»^{***}).

Вотъ эти то мысли и вызвали со стороны Маркса рядъ критическихъ замѣчаній при первомъ же знакомствѣ съ книгой Л. Фейербаха. «Главный недостатокъ матеріализма—до Фейербаховскаго включительно», пишетъ Марксъ «состоялъ до сихъ поръ въ томъ, что онъ разсматривалъ дѣйствительность, предметный, воспринимаемый, внѣшними чувствами міръ лишь въ формѣ объекта или въ формѣ созерцанія, а не въ формѣ конкретной челоуѣческой дѣятельности, не въ формѣ практики, не субъективно. Поэтому дѣятельную сторону, въ противоположность матеріализму, развивалъ до сихъ поръ идеализмъ, но развивалъ отвлеченно, такъ какъ идеализмъ, естественно, не признаетъ конкретной дѣятельности, какъ таковой. Фейербахъ хочетъ имѣть дѣло съ конкретными

*) Цит. по переводу Антоновекаго: «Сущность Христіанства», Изд. «Прометей» Спб. 1908, стр. XXV. Какъ видимъ, и для Фейербаха «матерія» не имѣетъ ничего общаго съ «субстанціей», отъ которой «отрѣшилась» его философія. И для него исходить изъ матеріи значитъ исходить изъ чувственнаго отношенія къ предмету.

**) «Сущн. Христ.», стр. 101, 102.

***) Тамъ же, стр. 100, 102.

объектами, дѣйствительно отличными отъ объектовъ, существующихъ лишь въ нашихъ мысляхъ. Но онъ не доходитъ до взгляда на человѣческую дѣятельность, какъ на предметную дѣятельность. Вотъ почему въ «Сущности Христіанства» онъ разсматриваетъ, какъ истинно человѣческую дѣятельность, только дѣятельность теоретическую, между тѣмъ какъ практика понимается и изображается тамъ лишь въ грязно-жидовской формѣ своего проявленія. Вотъ почему также онъ не понимаетъ значенія «революціонной», практически-критической дѣятельности».

«Недовольный отвлеченнымъ мышленіемъ, Фейербахъ взываетъ къ впечатлѣніямъ, получаемымъ внѣшними чувствами; но міръ конкретныхъ явленій не представляется ему въ видѣ конкретной практической человѣческой дѣятельности».

«Философы лишь объясняли міръ такъ или иначе; но дѣло заключается въ томъ, чтобы измѣнить его» *).

Въ остальныхъ критическихъ замѣчаніяхъ по адресу Фейербаха Марксъ конкретизируетъ свою точку зрѣнія и намѣчаетъ уже отдѣльныя линіи той философской концепціи, которая впоследствии получила названіе историческаго матеріализма. Такъ напримѣръ, Марксъ пишетъ: «Сущность религіи Фейербахъ объясняетъ сущностью человѣка. Но сущность человѣка—это вовсе не абстрактъ, свойственный отдѣльному лицу. Въ своей дѣйствительности это есть совокупность всѣхъ общественныхъ отношеній». «Общественныя отношенія», т. е. отношенія, усганавливающіяся между людьми въ ихъ совместной практической борьбѣ съ природой, составляютъ «сущность» человѣка данной исторической эпохи, а, слѣдовательно, и базисъ всѣхъ его теоретическихъ построеній. Исходя изъ этого положенія, Марксъ сводитъ содержаніе идеологическихъ конструцій къ ихъ матеріалистическому источнику, къ производственнымъ отношеніямъ. Но самый механизмъ идеологическаго конструирования, самый процессъ человѣческаго познанія не былъ подвергнутъ Марксомъ систематическому анализу. Выписанныя выше цѣликомъ замѣчанія Маркса представляютъ особый интересъ именно потому, что здѣсь указывается то направленіе, въ которомъ Марксъ думалъ вести этотъ фактически невыполненный имъ анализъ.

Марксъ соглашается съ Фейербахомъ, что произвольнымъ конструціямъ «отвлеченнаго мышленія» слѣдуетъ противопоставить въ

*) Цит. изъ «Фридрихъ Энгельсъ. Людвигъ Фейербахъ. Переводъ съ предисловіемъ и примѣчаніями Г. В. Плеханова». Спб. 1906.

качества исходной точки «міръ конкретных явленій», міръ «впечатлѣній, получаемыхъ внѣшними чувствами» Ошибка Фейербаха заключается лишь въ томъ, что онъ совершенно отдѣляетъ созерцаніе природы отъ практической борьбы съ ней, въ томъ, что «міръ конкретных явленій не представляется ему въ видѣ конкретной практической человѣческой дѣятельности».

Но какимъ же образомъ материалистъ можетъ разсматривать явленія природы, какъ человѣческую практику? Не значить ли это стать на ту самую идеалистическую точку зрѣнія, съ которой Марксъ сражается въ «Святомъ семействѣ»? Не значить ли это видѣть въ природѣ лишь *actus purus* самосознанія «продуктъ творчества субъекта»? Наши «ортодоксы», несматривая на всѣ ихъ диалектическія симпатіи, не находятъ выхода изъ этой метафизической дилеммы: если *actus*, такъ ужъ непремѣнно *purus*, чистое субъективное творчество,—если бытіе, такъ уже абсолютно объективное, совершенно обособленное отъ всякой человѣческой практики. Марксъ былъ какъ нельзя болѣе далекъ отъ этого наивнаго «или-или». Недостатокъ Фейербаковскаго материализма Марксъ видитъ не въ томъ, что материализмъ этотъ разсматриваетъ предметный міръ въ формѣ объекта, а въ томъ, что онъ разсматриваетъ міръ «лишь въ формѣ объекта» и—съ другой стороны—«не доходитъ до взгляда на человѣческую дѣятельность, какъ на предметную дѣятельность». Очевидно, такимъ образомъ, что для Маркса «объективное» (*Gegenständlichkeit, Leiden*) и «субъективное» (*Spontaneität, Tätigkeit*) не составляютъ двухъ совершенно самостоятельныхъ областей міра (какъ для нашихъ «ортодоксовъ») или хотя бы двухъ принципиально противоположныхъ точекъ зрѣнія на міръ (какъ для Фейербаха), а образуютъ лишь разумные элементы самой «конкретной человѣческой практики», которая въ одно и тоже время и «субъективна» и «предметна».

Выше я уже указывалъ на тотъ общественный фактъ, что намъ нѣтъ никакой надобности искать природу въ запредѣльныхъ сферахъ, такъ какъ она непосредственно дана намъ въ каждомъ актѣ нашей практической дѣятельности, какъ материальное препятствіе, какъ сопротивленіе, преодоляемое этимъ актомъ. Но этого мало. Материальное сопротивленіе природы не есть нѣчто абсолютно «внѣшнее» по отношенію къ нашей практикѣ, нѣкоторое досадное несовершенство эмпирическаго міра, мѣшающее нашей сознательной активности проявиться во всей чистотѣ и полнотѣ, — материальное сопротивленіе есть условіе самаго существованія сознательной активности, какъ таковой. «Воля», сознательная цѣль нашей дѣятельности можетъ имѣть мѣсто лишь постольку, поскольку эта дѣятельность представляетъ борьбу съ препятствіями, распадается на рядъ «неудач-

ныхъ», приостановленныхъ внѣшнимъ сопротивленіемъ попытокъ, которыя возобновляются все снова и снова, съ каждымъ новымъ разомъ все дальше и дальше отодвигаютъ препятствіе, пока, наконецъ, преслѣдуемая нами задача не осуществляется вполнѣ. Если человѣческій актъ реализуется безпрепятственно, или преодолеваетъ препятствіе безъ малѣйшихъ остановокъ и колебаній, то онъ уже не можетъ быть волевымъ, цѣлесообразнымъ, сознательнымъ,—въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ автоматически дѣйствующимъ механизмомъ, съ тѣмъ называемымъ, «рефлексомъ». Такимъ образомъ, сознание совершенно неотдѣлимо отъ человѣческой практики. Мы сознаемъ и свою собственную активность и противостоящую ей природу лишь до тѣхъ поръ, пока мы боремся съ природой и пока борьба эта не закончена, пока матерьяльное сопротивление природы еще только преодолевается нами, но не побѣждено окончательно. Побѣжденная природа исчезаетъ изъ сознанія. Актъ, идеально выработанный, не нуждающийся въ дальнѣйшемъ совершенствованіи, т.-е. побѣждающій природное сопротивление съ неизмѣнной правильностью и наименьшей затратой силъ, перестаетъ быть «нашимъ», т.-е. сознательно-волевымъ актомъ, спускается въ область инстинктивно-безсознательныхъ рефлексовъ нашего организма.

Мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ основаній сомнѣваться въ «истинности», въ подлинности той природы, которая непосредственно дана въ нашей практикѣ. Все тѣ свойства и признаки вещей, все тѣ элементы и комбинаціи элементовъ, которые выдѣляются передъ нами какъ препятствія, преодолеваемые нашей жизненной борьбой, не заключаютъ въ себѣ ничего «нашего», принадлежать самой природѣ, существуютъ «въ себѣ» именно такъ, какъ они даны «намъ». Но намъ дается въ природѣ лишь то, на что наталкивается наша практика, какъ на препятствіе. На ряду съ выдѣленными уже нами элементами и комбинаціями элементовъ природы, въ ней имѣется, быть можетъ, безчисленное множество иныхъ элементовъ и комбинацій, о которыхъ мы совершенно ничего не знаемъ,—и не потому, что мы вообще не способны ихъ познать, а только потому, что мы ни разу еще не встрѣтились съ ними въ нашей дѣятельности. Хотя эти безчисленныя содержанія природы находятся въ полѣ нашего чувственного воспріятія, они никогда не попадутъ въ поле яснаго воспріятія, никогда не фиксируются нашимъ вниманіемъ, а потому и не оставляютъ никакого слѣда въ нашихъ представленіяхъ—воспоминаніяхъ. Только расширение нашей практики, только созданіе новыхъ практическихъ потребностей, новыхъ задачъ, новыхъ типовъ активности можетъ расширить содержаніе природы, данной въ нашихъ воспріятіяхъ.

Нѣтъ слѣдовательно никакого смысла говорить о познаніи природы, какъ она есть «въ себѣ», т. е. внѣ всякой связи съ человѣческой практикой. Для познанія природа существуетъ только какъ совокупность препятствій, выдѣлившись въ различныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности. И самое познаніе отнюдь не есть «чистое созерцаніе» этой совокупности, а опять таки специфическая дѣятельность, своеобразная борьба съ природой. Въ самомъ дѣлѣ, уже простое «воспріятіе» даннаго предмета, т. е. его выдѣленіе изъ всего остального содержанія природы, есть продуктъ сравненія. Но когда мы сравниваемъ различныя вещи, схватываемъ ихъ общіе признаки и создаемъ классификацію, мы вовсе не ограничиваемся пассивнымъ отраженіемъ даннаго: мы активно разыскиваемъ общіе признаки, мы употребляемъ цѣлый рядъ усилій, для того чтобы изолировать ихъ отъ всего посторонняго, мѣшающаго нашей задачѣ, затемняющаго интересующія насъ черты.—Кромѣ того, самый выборъ того или другаго признака, какъ основы классификаціи, зависитъ исключительно отъ насъ, отъ задачъ нашей практики. Въ природѣ, какъ таковой, нѣтъ ни общаго, ни частнаго, ни существеннаго, ни второстепеннаго. Въ природѣ нѣтъ двухъ предметовъ, обладающихъ какою-либо «общимъ», т. е. совершенно тождественнымъ, качествомъ,—но съ другой стороны въ природѣ нѣтъ ни одного строго индивидуальнаго качества. Какимъ бы исключительнымъ, рѣдкимъ, случайнымъ ни казался намъ данный признакъ данной вещи, мы при ближайшемъ анализѣ всегда находимъ, что въ другихъ вещахъ имѣются «сходныя» признаки, что эти сходные признаки путемъ ряда нечувствительныхъ переходовъ связываютъ данную исключительную особенность съ очень распространенными свойствами очень обычныхъ предметовъ.—Рѣшительно всякій признакъ можетъ быть сдѣланъ нами «общимъ», т. е. можетъ быть взятъ за основу нашей классификаціи. Слѣдовательно никакое созерцаніе природы, если бы оно даже и было психологически возможно, не дало бы намъ отвѣта на вопросъ: что же именно въ данныхъ вещахъ должно быть выдѣлено, какъ общее и существенное, и что отброшено, какъ частное и второстепенное. Рѣшеніе этого вопроса всецѣло зависитъ отъ нашихъ человѣческихъ интересовъ и потребностей, отъ направленія человѣческой практики.

Только съ этой точки зрѣнія мы можемъ понять, почему Марксъ называетъ общее понятіе «плодъ» метафизической категоріей даже въ томъ случаѣ, если бытіе плода-субстанціи не отдѣляется отъ дѣйствительныхъ, эмпирически данныхъ плодовъ. Тѣ конкретныя признаки, которые положены въ основу понятія «плодъ», дѣйствительно находятся въ конкретныхъ яблокахъ, грушахъ и т. д., при-

надлежать самой природѣ. Но въ природѣ эти признаки существуютъ совершенно такъ же, какъ и всякіе другіе: сами по себѣ они не являются «общими», не заключаютъ въ себѣ рѣшительно ничего «существеннаго», «субстанціального»,—«субстанція» есть только категорія мышленія. Субстанціально для человѣка то, что играетъ особенно важную роль въ его борьбѣ съ природой при данномъ направленіи этой борьбы, опредѣляемомъ данными потребностями человѣческаго организма.

Какъ мы видѣли, Фейербахъ считалъ практическую точку зрѣнія на познаніе «ученіемъ, теоретически безпочвеннымъ и не обоснованнымъ». И въ его время это дѣйствительно было такъ. Научной была тогда школа англійскихъ эмпириковъ, которые видѣли въ психикѣ человѣка лишь статическія «ощущенія», ихъ отпечатки въ памяти «представленія» и подчиненные опредѣленнымъ законамъ «ассоціаціи» представленій. Самый процессъ образованія представленій и ихъ ассоцірованія, какъ непосредственно данная активность, ускользала отъ вниманія науки. Какъ справедливо замѣчаетъ Марксъ въ приведенной выше цитатѣ, научный материализмъ того времени видѣлъ во всемъ лишь неподвижные объекты,—дѣятельную сторону развивалъ лишь метафизическій идеализмъ; но, конечно, этотъ послѣдній находилъ активность не въ конкретныхъ эмпирическихъ данныхъ, а лишь въ своихъ абстрактныхъ построеніяхъ, — иначе онъ не былъ бы ни идеализмомъ, ни метафизикой.

Въ настоящее время положеніе дѣлъ радикально измѣнилось. Высказанная Марксомъ практическая точка зрѣнія, которая въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка могла быть только намѣчена, получила цѣлый рядъ блестящихъ подтвержденій въ самыхъ различныхъ областяхъ: и въ психологіи, и въ физиологіи, и въ методологіи точныхъ наукъ (математики, физики). Въ результатъ все болѣе и болѣе общепризнанной становится мысль, что викарихъ состояніи сознанія, въ строгомъ смыслѣ этого статическаго слова, не существуетъ, что каждое такое «состояніе» есть въ дѣйствительности волевой процессъ, построенный по одному типу съ актами нашей практической борьбы съ природой. Элементъ борьбы, элементъ предолѣнія препятствій есть основное условіе сознанія. Элементъ этотъ присутствуетъ—правда въ очень ослабленной степени—даже въ нашихъ совершенно «свободныхъ» мечтахъ. Даже субъективныя представленія, существующія лишь въ нашей памяти, «сопротивляются» творческимъ порывамъ фантазіи, сохраняютъ въ себѣ нѣкоторые слѣды той «матерьяльности», которая дана въ непосредственномъ воспріятіи,—и лишь постольку, поскольку эти слѣды сохраняются, работа фантазіи можетъ сознаваться нами.—*Astus pugis*—отрѣшен-

ный отъ всякой матеріи духъ—есть такое же психологическое понятие, какъ и *materia prima*, или вещь въ себѣ. Всякое сознание есть практика, всякая практика есть борьба, т. е. единство активного и матерьяльнаго элементовъ,—но единство, понимаемое не какъ примиреніе противоположныхъ началъ, а какъ творческій конфликтъ ихъ, который преодолевается лишь для того, чтобы снова возникнуть въ болѣе широкомъ масштабѣ, включить въ себя новое, болѣе богатое содержаніе.

Весь прогрессъ человѣчества, если его разсматривать со стороны механизма нашей практики, сводится къ превращенію сознательныхъ актовъ въ рефлекторные; но результатомъ этого прогресса является не пантеистически восторженное созерцаніе достигнутой гармоніи, а постановка и преодоленіе новыхъ, болѣе мощныхъ дисгармоній. — Усвоеніе начатковъ любой науки, любого ремесла, любого искусства сопровождается переходомъ извѣстныхъ сознательно-волевыхъ актовъ въ бессознательно-автоматическіе. Овладѣть грамотой — значитъ на мѣсто сознательнаго конструирования словъ изъ отдѣльныхъ звуковъ и ихъ буквенныхъ символовъ поставить бессознательное, механическое чтеніе. Усвоить себѣ начатки столярнаго ремесла—значитъ выучиться съ бессознательно-автоматической точностью выполнять элементарныя движенія топоромъ, пилой, рубанкомъ и др. инструментами. Пока ваше сознание поглащается процессомъ чтенія, конструирования смысла отдѣльныхъ словъ и фразъ есть ваша «конечная цѣль»; проблемы, развертывающіяся въ самомъ содержаніи читаемой вами книги, для васъ еще не существуютъ. Пока вы должны сознательно координировать ваши движенія, чтобы не скривить пилу, взять рубанкомъ ровную стружку и т. п., до тѣхъ поръ построеніе стола есть для васъ лишь «умопостигаемая» задача, лежащая за границами эмпирически доступной вамъ практики.

Но само собою разумѣется, эти автоматическіе механизмы, образующіеся изъ сознательныхъ актовъ, имѣютъ значеніе не сами по себѣ, а лишь какъ орудія дальнѣйшаго сознательнаго творчества. Спинозистская *Natura naturata*, осуществленная гармонія, какъ таковая вообще не существуетъ для человѣка. Эстетическій восторгъ передъ гениальнымъ произведеніемъ науки или искусства вызывается не психологически невозможнымъ «созерцаніемъ» достигнутаго совершенства, а мысленнымъ воспроизведеніемъ борьбы за это совершенство; мы воспринимаемъ не продуктъ творчества генія, а самый актъ этого творчества; мы наслаждаемся въ сущности тѣмъ, что переживаемъ въ своей фантази въ болѣе или менѣе сокращенномъ и упрощенномъ видѣ процессъ созданія даннаго произведенія. «Созерцающа» человѣческое твореніе, мы воспринимаемъ, т. е. воспро-

изводимъ схему создавшаго его акта: въ нашемъ сознаниі вырисовывается художественная или научная «идея» автора, тѣ препятствія, которыя она должна была побѣдить при своемъ воплощеніи и самый процессъ преодоленія этихъ препятствій. Только при этихъ условіяхъ мы понимаемъ произведеніе искусства или науки, только при этихъ условіяхъ оно вообще существуетъ для насъ какъ произведеніе чело вѣ ка; въ противномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собой лишь извѣстную комбинацію элементовъ природы: красочныхъ пятенъ, звуковыхъ сочетаній и т. п.,—тогда мы познаемъ эту комбинацію, ориентируемся въ ней, преодолеваемъ ея природное сопротивление съ точки зрѣнія какой-либо нашей цѣли, не имѣющей ничего общаго съ задачей художника или ученаго, создавшаго разсматриваемое нами произведеніе.

Не только «гносеологическая» проблема — т. е. вопросъ о природѣ познанія, его задачахъ, о смыслѣ и значеніи его классификаціи—получаетъ своеобразную постановку при той практической точкѣ зрѣнія, которая лежитъ въ основѣ материализма Маркса. Проблема «онтологическая», которую умозрительно разрабатываетъ метафизика и пытается на дѣлѣ разрѣшить мистика, также освѣщается совершенно иначе, чѣмъ это въ обычаѣ у материалистовъ и эмпириковъ традиціоннаго, статически-«созерцательнаго» направленія.

Уже Фейербахъ даетъ прекрасную характеристику той жажды чуда, которая составляетъ психологическую подпочву и умозрительныхъ исканій метафизики, и мистическихъ исканій религіи. «Дѣятельность чуда», пишетъ онъ, «отличается отъ обыкновеннаго осуществленія цѣли тѣмъ, что она осуществляетъ цѣль безъ помощи средствъ, создаетъ непосредственное единство желанія и исполненія»... «Чудо задушевно, сердечно именно потому, что оно удовлетворяетъ желанія чело вѣ ка безъ труда, безъ усилія». *)—Мистика объявляетъ «трудъ и усилія» проклятіемъ тяготящимъ надъ чело вѣ чествомъ: существованіе природы какъ внѣшняго матеріальнаго препятствія, которое мы должны преодолевать въ своемъ творчествѣ, есть результатъ грѣховнаго извращенія міра, результатъ нашего первороднаго грѣха. Мистика хочетъ преодолѣть первородный грѣхъ, вывести чело вѣ ка на путь высшаго Божественнаго творчества, въ которомъ царствуетъ «непосредственное единство желанія и исполненія», т. е. каждое желаніе непосредственно объективируется, материализуется, и самое возникновеніе желанія есть уже его воплощеніе въ природѣ.

*) „Сущ. христ.“ стр. 115—116.

Обыкновенно материализм и позитивизмъ реагируетъ на эти мистическія исканія высмѣиваніемъ ихъ, какъ совершенно фантастическихъ, неосуществимыхъ, противорѣчащихъ законамъ природы. Противъ юмористическаго отношенія къ мистикѣ нельзя конечно ничего возразить, ибо, какъ справедливо затѣтилъ еще Гегель, насмѣшка и есть серьезное отношеніе къ комичному. Но комичность мистики заключается вовсе не въ фантастической смѣлости ея полетовъ. Никакое конкретное «чудо» историческихъ религій, разсматриваемое со стороны его, такъ сказать фактическаго содержанія, не заключается въ себѣ ничего абсолютно невозможнаго; не мыслимо даже представить себѣ «невозможное» явленіе, — всякое явленіе, какъ такое принципиально возможно. Противорѣчіе съ данными, известными намъ законами природы отнюдь не есть достаточно убѣдительный аргументъ противъ чуда: ни одинъ законъ природы не имѣетъ абсолютнаго значенія; всякій данный законъ природы есть лишь этапъ въ нашей борьбѣ съ природой. — Смѣшная сторона божественнаго творчества, выставяемаго въ качествѣ человѣческаго идеала, состоитъ не въ его неосуществимости, а наоборотъ въ томъ, что оно постоянно осуществляется нами, но въ своемъ осуществленномъ видѣ представляеть не высшій постравненію съ человѣческимъ, а низшій, животный, инстинктивный типъ творчества. Каждый разъ, когда какой либо нашъ сознательный актъ превращается въ рефлекторный мы перестаемъ творить какъ люди и начинаемъ творить, какъ боги. Инстинктивно-автоматическій актъ какъ разъ и представляеть собою то «непосредственное единство желанія и исполненія», то творчество «безъ помощи средствъ, безъ препятствій, безъ труда и усилій», тотъ божественный *actus purus*, который теоретически постулируетъ метафизика и практически разыскиваетъ мистика. Пчела строитъ свои соты, личинка тветъ свой кококъ именно такъ, какъ Богъ мистиковъ творить міръ. Пчела не противопоставляеть своей архитектурной задачи извнѣ данному матеріалу природы, она не въ головѣ, не изъ субъективныхъ представленій создаетъ планъ постройки, а непосредственно въ самой природѣ, изъ элементовъ объективной дѣйствительности; всякое ея желаніе матеріализуется и существуетъ лишь постольку, поскольку оно матеріализуется. Пчела преодолюваетъ «дурную безконечность» времени: прошедшее (т. е. міръ представленій-воспоминаній) и будущее (міръ представленій-ожиданій) существуетъ только для человѣка съ его несовершеннымъ, сознательнымъ, противорѣчивымъ методомъ творчества. Идеально гармоничное, «интуитивное» творчество пчелы не нуждается въ этихъ жалкихъ, призрачныхъ, искусственныхъ орудіяхъ. Пчела не знаетъ прошлаго и будущаго, у нея нѣтъ представленій. — она умретъ въ самой реальной дѣйствительности, въ той

математической точкѣ настоящаго, гдѣ ея активность непосредственно отождествляется съ природой—въ этой математической точкѣ, которая есть въ тоже время истинная вѣчно сть, преодолѣвшая время.

Такимъ образомъ, божественный типъ творчества—вовсе не идеаль, не цѣль, еще только подлежащая осуществленію, а способность, искони присущая человѣку, какъ и всякому животному. Чтобы стать насквозь божественнымъ, чтобы достигнуть того чудеснаго преображенія своей и внѣшней природы, о которомъ мечтаетъ мистика, человѣку не нужно приобрѣтать ничего новаго. Для этого необходимо, наоборотъ отказать ся отъ постановки всякихъ новыхъ сознательныхъ задачъ, закрѣпить въ неизмѣнной формѣ всѣ необходимые для поддержанія жизни акты и тѣмъ самымъ превратить ихъ въ автоматически-безсознательные рефлексы,—надо, однимъ словомъ, погасить сознание, изъ человѣка превратиться въ пчелу,

Людвигъ Фейербахъ, несмотря на блестящую характеристику основныхъ элементовъ чудотворно-религіозной психологіи, не доводитъ своего анализа до конца и постоянно сбивается на обычную для эмпиризма половинчатую и по существу не убѣдительную критику чуда, какъ беспочвенной фантазіи, не считающейся съ законами природы, и т. п. И это вполне понятно. Фейербахъ не могъ быть вполне послѣдовательнымъ въ своей критикѣ, ибо онъ самъ находился во власти того настроенія, которое порождаетъ метафизику и мистику. Его эстетически-научное созерцаніе природы лишь по внѣшности противоположно жадѣ чуда. Психологическая подоплека въ обоихъ случаяхъ одинакова. Въ самомъ дѣлѣ, если природа дана нашему познанію не какъ матеріаль, подлежащій обработкѣ а какъ уже готовое, эстетически законченное знаніе, которое остается только благоговѣйно «созерцать», то очевидно мы опять имѣемъ дѣло съ интуиціей, съ дѣятельностью осуществляющеюся «безъ помощи средствъ», съ «непосредственнымъ единствомъ желанія и исполненія». Чистое созерцаніе есть лишь частный случай чуда: чудо познавательное.

Я подробно остановился на разногласіяхъ между Марксомъ и Фейербахомъ по вопросу о сущности теоріи и практики, такъ какъ на мой взглядъ, именно этотъ пунктъ особенно важенъ для пониманія философіи Маркса. Характерной особенностью этой философіи, отличающей ее отъ всѣхъ другихъ видовъ эмпиризма и матеріализма, является практическая точка зрѣнія, получившая блестящее, но не исчерпывающее воплощеніе въ концепціи историческаго матеріализма. Какъ я старался показать, подлинная философія Маркса подходит и къ вопросамъ теоріи познанія *), и къ вопросамъ метафи-

*) Какъ я уже упоминалъ, точка зрѣнія Маркса нашла себѣ блестящее

зика съ совершенно другой стороны, нежели статическій материализмъ сверхопытныхъ «вещей въ себѣ», который самъ всецѣло вращается въ рамкахъ метафизики и представляетъ, строго говоря, лишь «инобытіе» субъективнаго идеализма.

Сверхопытные материалисты очень не любятъ субъективныхъ идеалистовъ, — до такой степени не любятъ, что не желаютъ даже заниматься критическимъ анализомъ неприятныхъ для нихъ терминовъ субъективизма: «я», «субъектъ», «мой» и т. п. Они предпочитаютъ употреблять эти термины совершенно не критически, и притомъ въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ пользуются ими субъективисты. Не только «матерія» материалиста-метафизика, но и его собственное «я» существуетъ за предѣлами эмпирическаго міра, въ качествѣ субстанции, или вещь въ себѣ. Такъ наприм., Л. Аксельродъ не можетъ разсматривать опытный міръ иначе, какъ «плодъ творчества субъекта», разъ за спиной опыта не стоитъ трансцендентная дѣйствительность. Очевидно, «субъектъ» или «я» представляется Л. Аксельродъ не совокупностью тѣхъ или другихъ явленій, и даже не совокупностью всѣхъ вообще явленій, а нѣкоторою отличной отъ всего даннаго, единой въ себѣ субстанціей, которая не будучи сама явленіемъ, «творить» явленія. Смирить творческія претензіи этой несимпатичной «субъективной» субстанции материалистско-метафизикъ можетъ только однимъ способомъ: путемъ подчиненія ея другой, симпатичной, «объективной» субстанции — сверхопытной природѣ.

Марксъ былъ такъ же далекъ отъ субстанціализаціи «я», какъ и отъ субстанціализаціи матеріи. Что это дѣйствительно такъ, явствуетъ

подтверженіе въ работахъ ученыхъ самыхъ различныхъ спеціальностей. Однако традиціонная гносеологія, ведущая свое происхожденіе отъ Канта, осталась совершенно внѣ этого движенія. Такъ, напр., для господствующей въ Германіи нормальной школы Риккерта-Виндсльбанда вопросъ о природѣ нашихъ общихъ понятій вовсе не существуетъ. Риккертъ просто констатируетъ, что задача познанія — не описаніе всего даннаго въ природѣ содержанія, а выдѣленіе общаго; и на такомъ, болѣе чѣмъ шаткомъ по своей неопредѣленности, фундаментѣ создастъ свою теорію „естественно-научнаго образованія понятій“. Естественно, что воздвигнутое на этомъ песцѣ зданіе, несмотря на всю свою импонирующую внѣшность и схоластически законченную разработку деталей, изобилуетъ дефектами. Еще хуже обстоитъ дѣло за „границами естественно-научнаго образованія понятій“. Тутъ исходный пунктъ („единичное“ и „неповторяемое“ какъ „культурная цѣнность“) — не только не выясненъ, но, представляетъ прямо-таки понятіе съ психологической и всѣхъ иныхъ точекъ зрѣнія, кромѣ одной; оправдать во что бы то ни стало методъ традиціонной „наивной“ исторіографіи.

уже изъ цитированныхъ выше выдержекъ изъ «Святого Семейства». Но еще гораздо болѣе подробно и опредѣленно отношеніе Маркса къ метафизическому «субъекту» формулировано въ незаконченной работѣ «Sankt Max» *), посвященной критикѣ Макса Штирнера. Къ этой работѣ мы теперь и обратимся.

Основная мысль «Sankt Max'a» заключается въ томъ, что штирнеровскій «Единственный» или «Эгоистъ»—вовсе не тѣлесно-конкретная личность («leibhaftiges Individuum»), какъ увѣряетъ Штирнеръ, но такая же конструкція, такой же призракъ, какъ и всѣ прочія метафизическія категоріи, съ которыми сражается авторъ «Единственного». Штирнеровскій «эгоистъ» отличаетъ себя, какъ «творца» отъ своихъ собственныхъ свойствъ, какъ своихъ «твореній». Не только къ внѣшнимъ вещамъ, но и къ своимъ страстямъ и желаніямъ онъ относится какъ «собственникъ», т. е. свободно и независимо: «недовѣрчиво», «съ ледяной холодностью», «какъ непримиримый врагъ» («unglaublich», «frostig kalt», «als unversöhnlicher Feind»). Авторы «Sankt Max'a» доказываютъ, что «я», отдѣляющее себя отъ «своихъ» эмпирическихъ качествъ, выступающее самостоятельно въ роли автора, «собственника» или «творца» своихъ переживаній, есть метафизическая иллюзія. Дѣйствительное «я» вовсе не собственникъ и творецъ, а только совокупность жизненныхъ отправленій («Lebensäußerungen») даннаго человѣка. Если какое-нибудь изъ этихъ жизненныхъ отправленій не можетъ реализоваться вследствие внѣшняго препятствія, на сцену выступаетъ непреодолимое страстное стремленіе. Для того, чтобы преодолѣть односторонность таковой всепоглащающей страсти, надо очевидно практически устранить препятствіе и удовлетворить свою потребность; никакая метафизическая конструкція абсолютно свободнаго «я» тутъ не поможетъ. «Здѣсь дѣло не въ сознаніи, а въ бытіи; не въ мысленіи, а въ

*) „Sankt Max“, напечатанный въ журналѣ „Documente des Sozialismus“ (за 1903 и 1904 г.г.), представляетъ коллективный трудъ Маркса и Энгельса. Подлинникъ написанъ рукой Энгельса съ многочисленными поправками и дополненіями Маркса. Есть однако серьезныя основанія думать, что основная идея этого произведенія принадлежитъ не Энгельсу, а Марксу. Мерингъ въ своихъ примѣчаніяхъ ко 2-му тому „Nachlass“ цитируетъ документы, изъ которыхъ видно, что книга Штирнера „Der Einzige und sein Eigentum“ произвела на Энгельса благоприятное впечатлѣніе, и только получивъ отъ Маркса письмо, содержавшее въ себѣ критическій анализъ идей Штирнера, и еще разъ перечитавъ: „Единственного“, Энгельсъ отказался отъ своего первоначальнаго взгляда и согласился съ Марксомъ. Такимъ образомъ, въ основу „Sankt Max'a“ легли несомнѣнно тѣ мысли, которыя были высказаны Марксомъ въ его критическомъ письмѣ.

самой жизни; дѣло въ эмпирическомъ развитіи и жизненныхъ отправленияхъ индивидуума, которыя въ свою очередь зависятъ отъ обще-мировыхъ условий» *). И когда Штирнеръ воображаетъ, что онъ, какъ «творецъ» и «собственникъ», съ «ледяной холодностью» относится къ своей страсти, онъ въ дѣйствительности отождествляетъ себя съ совокупностью всѣхъ своихъ жизненныхъ отпращиваній, кромѣ своей страсти, которую онъ именно потому старается отдѣлать отъ себя, что въ данный моментъ она составляетъ наиболѣе важную часть его «я». «Поскольку Св. Максъ испытываетъ страсть, т. е. поскольку данная страсть есть его реальное свойство, онъ не относится къ ней, какъ творецъ, а поскольку онъ относится къ ней, какъ творецъ, онъ уже въ дѣйствительности не испытываетъ страсти, страсть ему чужда, не есть его свойство. Пока онъ испытываетъ страсть, онъ не является ея собственникомъ, а какъ только онъ становится ея собственникомъ, онъ перестаетъ испытывать страсть. Онъ, совокупный комплексъ («Gesamtkomplex»), представляетъ въ каждый данный моментъ, какъ творецъ и собственникъ, лишь сумму (Inbegriff) всѣхъ своихъ свойствъ **) минусъ одно, а именно то, которое онъ противопоставляетъ, въ качествѣ творенія и собственности, себѣ какъ совокупности остальныхъ свойствъ, такъ что онъ всегда чуждъ какъ разъ тому свойству, на которое онъ особенно напиралъ, какъ на свое» ***).

Итакъ «субъектъ», какъ авторъ, творецъ или собственникъ чего бы то ни было, есть иллюзія въ полномъ смыслѣ этого слова. Такой «субъектъ» не только не существуетъ въ конкретной эмпирической дѣйствительности, но невозможенъ и въ понятіи. Максъ Штирнеръ фактически нигдѣ не исходитъ изъ понятія творческаго «я» незамѣтно для самого себя онъ подмѣняетъ «я», творящее свои свойства, совокупностью этихъ свойствъ, — онъ запутывается въ безнадежныхъ противорѣчіяхъ и терпитъ жалкое фіаско всякій разъ, когда пытается конструировать понятіе свободнаго «я», т. е. «я» субстанціального, существующаго обособленно отъ своихъ свойствъ.

Авторы «Sankt Max'a» не только выясняютъ иллюзорность субъекта-субстанции, но и даютъ очень интересный генезисъ этой иллюзіи.

*) „Doc. d. S. V. IV. N. 6. S. 267.

**) Курсивъ мой. В. Б. Обращаю вниманіе нашихъ „ортодоксальныхъ“ махѳдѳовъ на тотъ прискорбный фактъ, что Марксъ и Энгельсъ не только вкладываютъ въ понятіе „я“ то же самое содержаніе, какъ Махъ, но даже формулируютъ свое опредѣленіе почти въ тѣхъ же терминахъ.

***) „Doc. d. Soc. V. IV. N. 6. S. 264.

Когда ограниченный буржуа—читаемъ мы на стр. 362 августовской книжки «Doc. d. Soc.» за 1903 г. — «когда ограниченный буржуа говорить коммунистамъ: уничтожая собственность, т. е. мое существованіе въ качествѣ капиталиста, землевладѣльца, фабриканта, и ваше существованіе въ качествѣ рабочихъ, вы тѣмъ самымъ уничтожаете мою и вашу индивидуальность, отнимая у меня возможность эксплуатировать васъ, рабочихъ, получать мою прибыль, процентъ и ренту, вы тѣмъ самымъ дѣлаете невозможнымъ мое существованіе какъ личности. Однимъ словомъ, когда буржуа заявляетъ рабочимъ: уничтожая мое существованіе въ качествѣ буржуа, вы уничтожите и мое существованіе въ качествѣ индивидуума, когда онъ, такимъ образомъ, отождествляетъ себя, какъ буржуа, съ собою, какъ личностью, то ему нельзя отказать по крайней мѣрѣ въ откровенности и безстыдствѣ. Съ точки зрѣнія буржуа это дѣйствительно такъ: въ его представленіи онъ существуетъ, какъ индивидуумъ лишь постольку, поскольку онъ существуетъ какъ буржуа.

«Но лишь тогда, когда на сцену выступаютъ теоретики буржуазіи и пытаются дать этому утвержденію всеобщую теоретическую форму, пытаются теоретически отождествить буржуазную собственность съ человѣческой личностью и оправдать это отождествленіе логически, лишь при такомъ торжественномъ провозглашеніи и освященіи нелѣпость эта проявляется во всемъ своемъ великолѣпін («der Unsinn fängt an recht feierlich und heilig zu werden»)» (курсивъ мой, В. Б.). Какъ особенно яркій примѣръ такого философскаго отождествленія человѣческаго «я» и буржуазнаго собственника, приводятся слѣдующія слова Destutt de Tracy: «Индивидуумъ ясно видитъ, что это «я» есть исключительный собственникъ тѣла, которое оно одушевляетъ, органовъ, которые оно приводитъ въ движеніе, всѣхъ ихъ актовъ, всѣхъ ихъ силъ, всѣхъ воздѣйствій, которыя они оказываютъ, всѣхъ страстей и поступковъ; ибо все это начинается и кончается съ этимъ «я», существуетъ лишь при посредствѣ «я», приводится въ движеніе лишь его активностью; и никакая другая личность не можетъ примѣнять тѣ же самые инструменты или воспринять ихъ тѣмъ же самымъ способомъ» Что утверждаетъ здѣсь Дестуттъ де-Трасси? Только одно: «я» есть собственникъ или авторъ всѣхъ нашихъ дѣйствій; всѣ наши переживанія, какъ таковыя, какъ эмпирически данныя, «приводятся въ движеніе активностью «я», представляютъ продуктъ творчества субъекта. Совершенно то же утверждаютъ наши «истинные» марксисты, отираваясь искать объектъ за предѣлами опыта. Въ противовѣсъ своимъ «ортодоксальнымъ» по-

слѣдователямъ Марксъ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго желанія прибѣгать къ «вещамъ въ себѣ», вовсе не видитъ надобности подчинять субстанцію — «я» субстанціи — «матеріи». Вышибая одинъ метафизическій клинъ другимъ, — онъ объявляетъ нелѣпостью самую субстанціализацію «я», точно такъ же, какъ и субстанціализацію матеріи. Да еще — *horribili dictu!* — въ основѣ первой субстанціи усматриваетъ понятіе буржуазной собственности.

Самые основные устои самой подлинной марксистской «ортодоксін» Марксъ характеризуетъ какъ «*feierlich und heilig gewordener Unsinn*». Очевидно «одно изъ двухъ» или Марксъ былъ въ высшей степени злостнымъ «ревізюнистомъ», явно склонялся къ «субъективному идеализму» и, если не дошелъ до «солипсизма», то только въ силу своей непоследовательности, — или... или нѣкоторые російскіе «ортодоксы» (съ большой и маленькой буквы) далеко не такъ ортодоксальны, какъ это имъ кажется.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, къ какой области человѣческаго творчества относится «теорія» сверхопытнаго матеріализма. Какъ извѣстно, марксисты, защищающіе эту теорію, видятъ въ ней не метафизику, религію или мистику — избави Богъ! они твердо помнятъ, что Марксъ ниспровергъ всякую метафизику, не говоря уже о мистикѣ — они выдаютъ свою философію за гносеологию. Гносеологія изслѣдуетъ, какъ выражаются кантіанцы, «условія познанія», т. е. разрѣшаетъ такъ или иначе Пилатовскій вопросъ: «что есть истина»? каковы методы ея отысканія, каковъ ея «критерій»? Съ матеріалистической точки зрѣнія, какъ неоднократно заявлялъ Плехановъ, истинно въ познаніи то, что соответствуетъ дѣйствительности. Спрашивается, есть ли хоть какая-нибудь возможность воспользоваться этимъ критеріемъ истины въ томъ случаѣ, если мы исходимъ изъ предпосылки, что дѣйствительность, которой должно «соотвѣтствовать» познаніе, находится внѣ предѣловъ опыта? — Для того, чтобы сказать, соотвѣтствуетъ ли портретъ оригиналу, я долженъ сравнить то и другое, — слѣдовательно и портретъ, и оригиналъ должны быть даны мнѣ въ опытѣ. Я могу сказать, соотвѣтствуетъ или не соотвѣтствуетъ данное понятіе дѣйствительности, лишь въ томъ случаѣ, если подъ «дѣйствительностью» я разумью совокупность тѣхъ конкретныхъ, т. е. опять-таки въ опытѣ данныхъ, качествъ, которыя послужили матеріаломъ для построенія понятія. Но такъ какъ согласно предпосылкѣ сверхопытнаго матеріализма всѣ данныя опыта относятся къ категоріи субъективнаго «мышленія», а объективная дѣйствительность ни въ какомъ опытѣ не можетъ быть

дана, то очевидно съ этой точки зрѣнія сравненія между мышле-
ніемъ и бытіемъ, между познаніемъ и дѣйствительностью совершенно
не возможно; не возможно слѣдовательно ни въ одномъ конкрет-
номъ случаѣ установить, соотвѣтствуетъ или не соотвѣтствуетъ мое
познаніе дѣйствительности. А потому нелѣпо и выдвигать матеріали-
стическій критерій истины, находящійся въ такомъ непримиримомъ
противорѣчій съ остальными, далеко не матеріалистическими, поло-
женіями разсматриваемой философіи. Критерій истины есть норма, все
значеніе которой, какъ и всякой нормы, состоитъ въ приложеніи къ
практикѣ,—въ данномъ случаѣ къ оцѣнкѣ правильности познаватель-
ныхъ построеній. «Всеу законы писати, ежели оные не исполняти»,
какъ справедливо замѣтилъ еще Петръ I и подтвердилъ въ одной
изъ своихъ недавнихъ статей Плехановъ. Но сугубо «всеу» писать
такіе законы, которые не только не исполняются, но при всемъ же-
ланіи не могутъ быть исполнены. Законъ, требующій сравненія
двухъ вещей, изъ которыхъ дана только одна, а другая лишь умо-
зрительно постулируется, есть именно такой сугубо суетный законъ.

Сверхопытная «дѣйствительность» не даетъ намъ возможности
провѣрить ни одного познавательнаго построенія, но зато она даетъ
полную возможность санкціонировать а priori любое познавательное
построеніе,—и въ этомъ все ея притягательная сила.

Возьмемъ примѣръ. Въ современной кантіанской гносеологіи бо-
рются между собою различные взгляды на природу, такъ наз., «формъ
познанія». Одни утверждаютъ, что эти «формы» суть моральные по-
стулаты, которымъ мы должны слѣдовать, если желаніемъ истины.
Другіе разсматриваютъ формы познанія, какъ нѣкоторую фактиче-
скую данность, отличную однако *toto genere* отъ опытныхъ данныхъ,
отъ содержанія нашего познанія. Наконецъ, существуетъ третье
теченіе, согласно которому формы познанія даны намъ такъ же, какъ
и все прочія психологическія содержанія, но въ отличіе отъ прехо-
дящаго, измѣнчиваго характера послѣднихъ даны въ каждомъ на-
шемъ воспріятіи, какъ-бы элементарно оно ни было. Даетъ ли ма-
теріализмъ «вещей въ себѣ» хоть какую-нибудь руководящую нить
для того чтобы разобраться въ этомъ спорѣ, безъ разрѣшенія кото-
раго въ первомъ, второмъ, третьемъ или какомъ-либо новомъ, че-
твертомъ смыслѣ не мыслимо опредѣлить свою позицію въ теоріи
познанія? Уже съ перваго взгляда очевидно, что никакой руководя-
щей нити запредѣльная «матерія» дать не въ состояніи. Такъ какъ
матерія эта только мой постулетъ, такъ какъ она никогда не можетъ
встрѣтиться мнѣ на практикѣ и опровергнуть меня фактически, то я
совершенно безбоязненно могу вкладывать въ нее рѣшительно все,
что мнѣ угодно. Г. В. Плеханову нравится мыслить «причинность»

какъ фактическую необходимость; поэтому онъ постулируетъ, что въ области вещей въ себѣ есть нѣчто, соотвѣтствующее этой формѣ познанія, поэтому онъ заставляетъ даже самыя вещи въ себѣ дѣйствовать причинно. Если бы онъ былъ настроенъ этически-нормативно, онъ съ такимъ же правомъ могъ бы утверждать, что въ области вещей въ себѣ есть нѣчто, соотвѣтствующее причинности, какъ нормѣ долженствованія. «Дѣйствительность» Плеханова есть универсальный ключъ, отпирающій въ своемъ сверхопытномъ мѣрѣ всѣ замки,—но именно поэтому она не въ состояніи отпереть ни одного замка въ нашемъ реальномъ, эмпирическомъ мѣрѣ. Она есть абсолютная объективность,—и именно поэтому она даетъ абсолютную санкцію самому безбрежному субъективному произволу.

Нѣтъ, такимъ образомъ, никакой возможности согласиться съ Плехановымъ, что его марксистская философія, имѣющая, какъ мы видѣли, очень мало общаго съ философіей Маркса, «есть теорія познанія, и притомъ опредѣленная теорія познанія, материалистическая теорія познанія». Въ его философской концепціи нѣтъ не только какой-либо опредѣленной теоріи познанія, но нѣтъ и намека на теорію познанія вообще. «Опредѣленно» лишь конкретное, т. е. эмпирически данное. «Матерія», которая не только не дана въ фактически осуществленномъ опытѣ, но не можетъ быть даже представлена, какъ данное возможнаго опыта,—такая матерія представляетъ собою то самое «бытіе прежде всякой опредѣленности», которое, какъ показалъ Гегель въ своей логикѣ, есть «ничто». За преѣлами возможнаго опыта не только нѣтъ никакого матеріальнаго бытія, но нѣтъ даже понятій. «Бытіе», «матерія», «природа» сверхопытныхъ марксистовъ— только пустыя слова, которымъ «соотвѣтствуетъ» лишь одна реальность, мистическое настроеніе, навязывающее познанію нелѣпную задачу: признать за исходный пунктъ, т. е. за данное, то, что по самымъ условіямъ своего заданія никогда не можетъ быть дано.

В. Базаровъ.

Марксъ и анархизмъ.

Въ теченіе своей продолжительной социальнo-политической дѣятельности Марксу неоднократно приходилось сталкиваться съ тѣмъ кругомъ идей, который съ теченіемъ времени получилъ болѣе или менѣе неопредѣленное названіе анархизма. Нечего и говорить, что по общему своему міросозерцанію [Марксъ былъ рѣшительнымъ и непримиримымъ противникомъ анархизма и связанныхъ съ нимъ бунтарства и революціонной фразеологій. Исходя изъ основного историко-философскаго положенія, что «сновательность историческаго дѣйствія растетъ параллельно съ широтой массъ, творящихъ это дѣйствіе», Марксъ рѣшительно осуждалъ беспочвенныя попытки нетерпѣливаго или легкомысленнаго меньшинства, пытающагося оголдевшими своими субъективными пожеланіями съ объективными велѣніями историческаго процесса, форсировать естественный ходъ событій и замѣнить серьезное политическое творчество, упорное организаціонное строительство и развитіе сознанія въ массахъ громкими безсодержательными декламациями и отчаянными партизанскими попытками. Въ этомъ отношеніи Марксу пришлось вести одинаково энергичную борьбу какъ съ настоящими, принципиальными анархистами, знаменосцемъ которыхъ былъ Бакунинъ, такъ и съ бунтарями стараго закала, которые (какъ Виллихъ, Шапперъ, Вейтлингъ), не выдвигая опредѣленной аполитической, анархической или федералистской программы, на практикѣ готовы были прибѣгнуть къ анархическимъ приемамъ дѣятельности и замѣнить планомерную подготовку революціи беспочвеннымъ вспышкойпускательствомъ.

* * *

Первымъ анархистомъ, съ которымъ Марксу пришлось столкнуться, былъ Прудонъ. Нѣкогда, въ то время, когда Марксъ еще не успѣлъ выработать себѣ опредѣленныхъ социальныхъ убѣжденій, онъ относился къ Прудону съ большимъ уваженіемъ. «Прудонъ—писатель. Марксъ въ 1843 году—подвергаетъ самое основаніе политической

экономіи, частную собственность критическому испытанію, да еще какому!—первому рѣшительному, безошадному и вмѣстѣ научному испытанію. Это великій научный прогрессъ, совершенный имъ, прогрессъ, который производитъ цѣлую революцію въ политической экономіи и впервые дѣлаеть возможною истинную политико-экономическую науку. Сочиненіе Прудона *Qu'est-ce que la propriété?* имѣеть то же самое значеніе для современной политической экономіи, какое сочиненіе Сьейеса *Qu'est-ce que le tiers Etat?* имѣеть для современной политики» *). «Прудонъ,—говорить далѣе Марксъ,— не только пишетъ въ интересахъ пролетаріата, но онъ и самъ пролетарій, *ouvrier* (рабочій). Его сочиненіе есть научный манифестъ французскаго пролетаріата».

Въ 1844 году, переѣхавши въ Парижъ, Марксъ лично познакомился съ Прудонъ и «во время долгихъ разговоровъ, часто продолжавшихся цѣлыя ночи напролетъ, заразилъ, его гегельянствомъ» **). Очевидно, уже тогда сказалось разногласіе между Марксомъ и Прудонъ, которое должно было становиться все болѣе глубокимъ по мѣрѣ того, какъ Марксъ быстро выработывалъ свое новое міросозерцаніе. Въ 1846 году вышло главное экономическое произведеніе Прудона «Система экономическихъ противорѣчій или Философія Нищеты», на которую Марксъ далъ, какъ извѣстно, безжалостную отвѣдь въ своей «Нищетѣ философіи». Въ письмѣ изъ Ліона отъ 17-го мая 1846 года, въ которомъ Прудонъ приглашаетъ Маркса высказаться о его новомъ произведеніи, онъ уже развивалъ крайне оппортунистическіе мѣщанскіе взгляды, непроходимой пропастью отдѣленные отъ научнаго и революціоннаго социализма. «Будемъ искать вмѣстѣ, если угодно,—писалъ будущій грозный анархистъ и всегдашній мелкій буржуа, — законы, управляющіе обществомъ, способъ, какимъ осуществляются эти законы, прогрессъ, который помогаетъ намъ отарыть ихъ. Но, разрушивъ всѣ виды догматизма *a priori*, не будемъ, ради Бога, въ свою очередь начинать народъ новыми доктринами, не будемъ впадать въ противорѣчіе вашего соотечественника Мартина Лютера, который, ниспровергнувъ католическую теологію, тотчасъ же принялся съ превеликимъ усердіемъ, при помощи отлученій и анаемъ, основывать протестанскую теологію... Будемъ вести между собою хорошую и честную полемику; дадимъ міру примѣръ ученой и предусмотрительной терпимости. но потому

*) Aus dem litterarischen Nachlass. т. II. Ср. Н. Кудринъ, Соціалисты Запада и Россіи, стр. 57 и слѣд.

**) Марксъ, Нищета философіи, Одесса, 1905, стр. XXI.

только, что мы стоимъ во главѣ движенія, не будемъ дѣлать изъ себя вождей новой нетерпимости, не будемъ становиться въ позу апостоловъ новой религіи, будь она даже религіею логики, религіей разума... Можетъ быть, вы сохраняете еще мнѣніе, что никакая реформа невозможна въ настоящее время безъ насильственнаго переворота, безъ того, что нѣкогда называли «революціей», и что въ сущности-то представляетъ не болѣе не менѣе, какъ отдѣльную встряску. Я понимаю это мнѣніе, я извиняю его и я охотно буду даже оспаривать его, такъ какъ самъ долго раздѣлялъ его. Но я долженъ признаться, что мои послѣднія занятія заставили меня совершенно отказаться отъ него. Я думаю, что въ этомъ мы не нуждаемся, чтобы достигнуть успѣха, и что, слѣдовательно, мы не должны ставить революціонное дѣйствіе какъ средство соціальной реформы, потому что это мнимое средство было бы просто-напросто лишь призывомъ къ силѣ, къ произволу, короче сказать, противорѣчимъ. Я ставлю себѣ проблему слѣдующимъ образомъ: возвратить обществу путемъ экономической комбинаціи тѣ богатства, которыя ушли изъ этого общества путемъ другой политической комбинаціи. Другими словами, повернуть въ области политической экономіи теорію собственности противъ собственности такимъ образомъ, чтобы получить то, что вы, вѣмецкіе соціалисты, называете общностью и по отношенію къ чему я ограничусь для даннаго момента на менованіемъ свободы, равенства. А я думаю, что нашелъ средство разрѣшить въ короткое время эту проблему: я предпочитаю поэтому сжигать собственность на медленномъ огнѣ, чѣмъ придать ей новую силу, устроивъ вареоломеевскую ночь собственниковъ... Я долженъ вамъ кстати сказать, что таковымъ же мнѣ представляется настроеніе рабочаго класса во Франціи; наши пролетаріи такъ жаждутъ науки, что они очень дурно встрѣтили бы всякаго, кто сталъ бы давать имъ для утоленія этой жажды лишь кровь. Короче сказать, было бы дурной политикой съ нашей стороны говорить тономъ людей, желающихъ истребить все и вся; средства насилія найдутся въ достаточномъ числѣ; народъ не нуждается въ напоминаніи о томъ».

Итакъ, наканунѣ февральской революціи и іюньскихъ дней Прудонъ высказывается за частичныя экономическія преобразованія и объявляетъ «революціонное дѣйствіе» безповоротно осужденнымъ исторіей! Марксъ поднявъ брошенную ему перчатку и въ своемъ блестящемъ памфлетѣ безпощадно разоблачилъ всю половинчатость прудоновскаго мѣщанскаго соціализма, всю безпочвенность и пустозвонное фразерство этого алхимика «новыхъ экономическихъ ком-

бинацій». Мы не будемъ здѣсь останавливаться на чисто экономической критикѣ Маркса; мы укажемъ лишь на критику политическихъ взглядовъ Прудона, въ которой Марксъ разоблачаетъ весь консерватизмъ, лежавшій въ основѣ міросозерцанія отца анархиа.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ качествѣ опредѣленнаго анархиста Прудонъ началъ выступать только въ 1849 году. Но проникательный умъ Маркса помогъ ему задолго до этого разглядѣть всѣ выводы, къ которымъ неизбежно долженъ былъ придти въ концѣ концовъ Прудонъ, оставаясь послѣдовательнымъ. Уже въ «Экономическихъ Противорѣчійхъ» сказалась отличительная черта анархизма—попытка рѣшить социальный вопросъ въ сторонѣ отъ государства и помимо него, стремление добиться освобожденія трудящихся путемъ воздержанія отъ политической борьбы, при полномъ игнорированіи могучихъ политическихъ конфликтовъ, потрясающихъ буржуазное общество. Уже здѣсь мы въ сущности имѣемъ то «Рѣшеніе социальной задачи», которое впоследствии предложилъ Прудонъ: безъ помощи займовъ, безъ металлическихъ и бумажныхъ денегъ, безъ максимума, безъ реквизицій, безъ банкротства, безъ аграрнаго закона, безъ налога на бѣдныхъ, безъ національныхъ мастерскихъ, безъ ассоціацій, безъ участія въ прибыляхъ, безъ государственнаго вмѣшательства, безъ ограниченія свободы торговли и промышленности, безъ нарушенія права собственности—словомъ, прежде всего безъ «какой бы то ни было классовой борьбы» *).

Несмотря на всѣ свои анархическія заявленія и на абсолютное отрицаніе государства, Прудонъ, какъ извѣстно, былъ консерваторомъ до мозга костей. Если впоследствии анархисты напали на марксизмъ за его мнимую нереволюціонность, то въ разсматриваемое время Марксъ, выступая противъ Прудона, долженъ былъ напротивъ всею силой своего ума и сарказма обрушиться на реакціонность и консерватизмъ «софистицированнаго» французскаго гегельянца. Основатель анархизма договаривался, напримѣръ, до такихъ филистерскихъ пошлостей: «Стачка рабочихъ нелегальна, и объ этомъ говорить не только уложеніе о наказаніяхъ, но и вся экономическая система, а равно необходимость установленнаго порядка... Можно допустить, чтобы каждый отдѣльный рабочій свободно распоряжался своею личностью и своими руками; но общество не можетъ допустить, чтобы рабочіе при помощи коалицій совершали насиліе надъ моно-

*) См. Плехановъ. Анархизмъ и социализмъ. изд. Малыхъ, стр. 29, примѣч.

полей». На это Марксъ отвѣчалъ: «Господинъ Прудонъ хочетъ выдать извѣстную статью уложения о наказаніяхъ за всеобщій и необходимый результатъ отношеній буржуазнаго производства... Экономисты и социалисты (т. е., тогдашніе социалисты-утописты) согласны въ одномъ пунктѣ: въ осужденіи коалицій. Они лишь различнымъ образомъ мотивируютъ свое осужденіе... Экономисты желаютъ, чтобы рабочіе оставались въ обществѣ въ той его формѣ, какую оно приняло и въ какой зарегистрировано и описано въ ихъ учебникахъ. Социалисты рекомендуютъ имъ оставить старое общество въ сторонѣ, чтобы безпрепятственно вступить въ новое общество, которое они съ такой предусмотрительностью приготовили для нихъ.

«Вопреки тѣмъ и другимъ, вопреки учебникамъ и утопіямъ коалиціи рабочихъ не переставали ни на минуту расти и развиваться вмѣстѣ съ развитіемъ и ростомъ современной промышленности. И для настоящаго времени это до такой степени справедливо, что степень развитія коалицій въ данной странѣ съ точностью указываетъ ея мѣсто въ іерархіи мірового рынка. Англія, въ которой промышленность достигла самой высокой степени развитія, обладаетъ самыми обширными и наилучше организованными коалиціями... Крупная промышленность скопляетъ въ одномъ мѣстѣ массу незнакомыхъ людей. Конкуренція раздѣляетъ ихъ интересы. Но поддержаніе даннаго уровня заработной платы—ихъ общій интересъ, враждебный интересамъ ихъ хозяина,—объединяетъ ихъ въ одной и той же мысли о сопротивленіи, о коалиціи... Защищаемые ею (массою) интересы становятся классовыми интересами. Но всякая классовая борьба есть борьба политическая» *).

Отсюда ясно, что, какъ вѣрно замѣтилъ Плехановъ, кто не хочетъ слышать о политической борьбѣ, тотъ этимъ самымъ отказывается принимать какое бы то ни было участіе въ классовой борьбѣ **). Марксъ, понимавшій, что уничтоженіе государства явится не результатомъ субъективныхъ пожеланій или революціонныхъ декламаций анархистовъ, а прямымъ слѣдствіемъ социальнаго переустройства, осуществленнаго сознательнымъ пролетаріатомъ, который для этого долженъ предварительно овладѣть политической властью, а значить—принять самое дѣятельное участіе, подготовляющее этотъ захватъ, въ политической борьбѣ, объясняетъ Прудону дальше: «Рабочій классъ въ ходѣ своего развитія замѣнитъ старое гражданское общество ассоціаціей, въ которой не будетъ мѣста ни классамъ, ни ихъ антагонизму, и въ которой уже не будетъ политической власти

*) Ницше философи, стр. 126—129.

**) Анархизмъ и Соціализмъ, стр. 33.

въ собственномъ смыслѣ слова, такъ какъ именно политическая власть есть официальное выраженіе антагонизма классовъ внутри гражданского общества. А покажетъ антагонизмъ между пролетаріатомъ и буржуазіей представляетъ собой борьбу класса съ классомъ, борьбу, высшее развитіе которой означаетъ полнѣйшій переворотъ... Нельзя говорить, что социальное движеніе исключаетъ движеніе политическое. Нѣтъ политическаго движенія, которое не было бы въ то же время и социальнымъ. Только при такомъ строѣ, гдѣ не будетъ ни классовъ, ни антагонизма классовъ, социальная эволюція перестанетъ приводить къ политическимъ революціямъ. А до тѣхъ поръ наканунѣ всякаго кореннаго преобразованія общественнаго строя послѣднее слово социальной науки всегда будетъ гласить: «Борьба или смерть; кровавая война или небытіе! Такъ и только такъ ставить вопросъ исторія» (Жоржъ Зандъ *).

* * *

Нѣсколько иной характеръ носило столкновение Маркса съ Вильгельмомъ Вейтлингомъ. Портняжный подмастерье, вынесшій изъ казарменной обстановки тогдашней Пруссіи и полной лишеній жизни въ ремесленной мастерской жгучую ненависть къ насилию и эксплуатаціи, но лишенный того коллективнаго-организаторскаго духа, который дается рабочимъ обстановкой и влияніемъ крупной машинной промышленности, не отличавшійся принципиальной выдержанностью и теоретическимъ развитіемъ, Вейтлингъ придерживался мистическо-христіанскаго коммунизма, а на практикѣ колебался между мирной пропагандой и кроваво-революціонной фразеологіей. Въ 1838 году онъ, по порученію «Союза Справедливыхъ», написалъ брошюру «Человѣчество, какъ оно есть и какимъ должно быть»,—которую Шарль Андлеръ признаетъ предшественникомъ «Коммунистическаго Манифеста» **),—а въ 1842 году выпустилъ свою книгу, проникнутую фурьеристскимъ духомъ, «Гарантіи гармоніи и свободы». Марксъ горячо привѣтствовалъ это первое самостоятельное теоретическое выступленіе нѣмецкаго пролетаріата; въ парижскомъ *Vorwärts* 1844 года онъ писалъ: «Гдѣ (нѣмецкая) буржуазія—включая ея философовъ и ученыхъ писателей—представила такой трудъ по отношенію къ эмансипаціи буржуазіи, политической эмансипаціи, какъ «Гарантіи, гармоніи и свободы» Вейтлинга? Стоитъ сравнить трезвую, трусливую посредственность нѣмецкой политической

*) Ницета философіи, стр. 130.

**) Шарль Андлеръ. Истор. введеііе къ Ком. Ман., изд. Граната, стр. 38 и слѣд.

литературы съ этимъ безмѣрнымъ и блестящимъ дебютомъ нѣмецкихъ рабочихъ, стоитъ сравнить эти исполнскіе дѣтскіе башмачки пролетаріата съ малорослыми истоптанными политическими сапогами буржуазіи,—и придется предсказать замарашкѣ атлетическое сложеніе. Эта атлетическая фигура теперь передъ нами, хотя она далеко еще не достигла зрѣлости» *).

Но постепенно это отношеніе измѣнилось: съ одной стороны, Вейтлингъ, озлобленный сравнительно слабыми успѣхами своей пропаганды и политическими гоненіями, началъ склоняться къ самымъ нецѣльнымъ террористическимъ замысламъ, отчасти предвосхищавшимъ мечтанія Бакунина о роли разбойниковъ въ соціальной революціи. Находясь въ Швейцаріи въ 1843 году, онъ въ своихъ письмахъ къ Эвербеку и Августу Беккеру формулировалъ свой боевой планъ, который сводился къ насильственному освобожденію изъ тюремъ 20 или 40 тысячъ каторжниковъ и уголовныхъ преступниковъ, имѣющихся въ каждой странѣ, и въ соединеніи съ ними: этихъ преступниковъ, которые по атавистическому инстинкту ненавидятъ существующій строй, очень удобно будетъ напустить на защитниковъ и представителей этого строя **). Съ другой стороны, Марксъ, поставившій себѣ задачу очистить социализмъ отъ всякихъ утопическихъ и мистическихъ примѣсей, стремившійся обосновать массовое рабочее движеніе на научной критикѣ современнаго строя и на использованіи объективнаго хода соціальной эволюціи, неизбежно долженъ былъ въ концѣ концовъ столкнуться съ туманно-бунтарской проповѣдью Вейтлинга, пользовавшагося въ то время значительнымъ вліяніемъ среди германскихъ рабочихъ и социалистовъ.

Въ мартѣ 1846 года Марксъ встрѣтился съ Вейтлингомъ въ Брюсселѣ. Во время происшедшаго между ними бурнаго спора Марксъ настаивалъ на необходимости очистить партію отъ всякой примѣси мистицизма, мелко-буржуазнаго и «философскаго» социализма, на устраненіи всякой «сантиментальности» и на суровой критикѣ негодныхъ теоретиковъ. «Невѣжество никогда и никому не помогало,—говорилъ Марксъ, стуча по столу кулакомъ,—и пользы не приносило»... «Возбужденіе фантастическихъ надеждъ ведетъ только къ конечной гибели, а не къ спасенію страдающихъ... Особенно въ Германіи обращать къ работнику безъ строго научной идеи и положительнаго ученія равносильно пустой и безучастной игрѣ въ проповѣдники, при которой, съ одной стороны, предполагается вдохновенный пророкъ,

*) К. Марксъ, Кельнскій процессъ коммунистовъ, изд. Молота, стр. 7.

***) Андлеръ, стр. 48.

а съ другой—допускаются только ослы, слушающіе его, разинувъ ротъ... Въ цивилизованной землѣ, какъ Германія, люди безъ положительныхъ доктринъ ничего не могутъ сдѣлать, да и ничего не сдѣлали до сихъ поръ, кромѣ шума, вредныхъ вспышекъ и гибели самого дѣла, за которое принялись»

Это свиданіе закончилось полнымъ разрывомъ между представителемъ стараго утопически-бунтарскаго нѣмецкаго социализма и основоположникомъ международнаго научнаго социализма *). Впослѣдствіи Вейтлингъ крупной роли въ движеніи уже не игралъ.

Слѣдующее столкновение съ бунтарями произошло у Маркса съ его товарищами по «Союзу Коммунистовъ»—Виллихомъ, Шапперомъ и ихъ сторонниками. Послѣ подавленія революціоннаго движенія 1848—49 года Германію захлестнула волна свирѣпой реакціи; разбитые остатки баденскихъ, саксонскихъ и рейнскихъ революціонеровъ разсѣялись по всей Европѣ. Осенью 1849 года значительная часть членовъ прежнихъ центральныхъ комитетовъ и конгрессовъ Союза Коммунистовъ снова встрѣтились въ Лондонѣ. «Союзъ Коммунистовъ» заново организовался, выпустилъ обращение отъ марта 1850 года, въ которомъ набрасывался планъ «непрерывной революціи» и послалъ эмиссаровъ на континентъ. Но постепенно Марксъ, Энгельсъ и нѣкоторые другіе члены Союза начали приходить къ той мысли, что революціонный періодъ закончился, и что теперь Европѣ вообще и Германіи въ частности предстоитъ органическій періодъ накопленія силъ и социально-политическаго строительства, а потому всякія попытки искусственно вызвать революціонныя вспышки неминуемо должны закончиться плачевнымъ фіаско и привести только къ напраснымъ жертвамъ. Съ такой постановкой вопроса не могли примириться крупныя и мелкія свѣтила революціи, выброшенныя реакціонной волной на гостепріимный берегъ Великобританіи, но не потерявшія надежды съ помощью какихъ-нибудь чудесныхъ средствъ, въ родѣ революціоннаго займа въ Америкѣ, вызвать въ ближайшемъ будущемъ новую революцію, которая должна была привести къ учрежденію цѣлаго ряда европейскихъ республикъ.

Вѣрный своей точкѣ зрѣнія, Марксъ рѣшительно возсталъ противъ этого «революціоннаго кропанья». Столь же естественно, что

*) Андлеръ, стр. 63. Это свиданіе описано также Анненковъ, который присутствовалъ на немъ. („Замѣчательное десятилѣтіе“, Вѣстникъ Европы, 1880).

увлекающіеся и неспособные къ критикѣ революціонеры мистики и революціонеры чувства успѣшили выступить противъ Маркса съ рѣзкими возраженіями. Голоса этихъ увлекающихся, но преданныхъ революціонеровъ, въ сожалѣнію, присоединились къ хору «сантиментальныхъ плутовъ и демократическихъ деваматоровъ», т. е. буржуазныхъ демократовъ и радикаловъ, корчившихъ изъ себя будущихъ диктаторовъ «демократическихъ и социальныхъ республикъ». Въ рядахъ Союза Коммунистовъ начались разногласія. Старые члены Союза, Бауэръ, Эккартусъ, Пфендеръ, Фрейлигратъ, Фердинандъ Вольфъ, стояли на сторонѣ Маркса и Энгельса; что же касается болѣе молодыхъ его членовъ, то за единичными исключениями, въ родѣ Вильгельма Либкнехта и Конрада Шрамма, они поддались общему теченію эмиграціи и хотѣли втянуть Союзъ Коммунистовъ въ безнадѣжные бунтарскіе планы разгоряченныхъ политическихъ выходцевъ *).

Во главѣ этой оппозиціи стояли Виллихъ и Шапперъ. Августъ Виллихъ, бывший офицеръ, принимавшій дѣятельное участіе въ движеніи 1848—49 года и во время баденскаго возстанія командовавшій особымъ отрядомъ, какъ говоритъ Энгельсъ, «былъ однимъ изъ столь распространенныхъ съ 1845 г. въ Западной Германіи коммунистовъ чувства, слѣдовательно, уже поэтому стоялъ въ инстинктивной тайной оппозиціи къ нашему критическому направленію. Но онъ былъ тѣмъ-то болѣе, онъ былъ настоящій пророкъ, убѣжденный въ своей личной миссіи предопредѣленнаго освободителя германскаго пролетариата, и какъ таковой — прямой претендентъ на политическую не менѣе, чѣмъ на военную диктатуру. Къ прежнему, проповѣдуемому Вейтлингомъ первобытно христіанскому коммунизму, присоединился еще своего рода коммунистическій Исламъ». Честный, очень самоувѣренный, но лишенный основательнаго образованія, онъ, какъ старый солдатъ, склоненъ былъ разрубать всѣ запутанные вопросы по военному, саблей. Немудрено, что онъ увлекся революціонными планами эмигрантовъ. Но и Шапперъ изъ стараго революціоннаго рвенія, какъ говоритъ Энгельсъ, далъ себя одурачить. Карлъ Шапперъ, старый революціонеръ, еще въ 1832 году участвовалъ въ заговорѣ, организованномъ Георгомъ Бюхнеромъ; 3 апрѣля 1833 года онъ вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами предпринялъ нападеніе на полицейскій участокъ во Франкфуртѣ, бѣ-

*) Мерингъ, Исторія Германской Соціально-демократіи, т. II, стр. 177 и слѣд.; Андлеръ, стр. 80 и слѣд.; Марксъ и Энгельсъ, Кельнскій процессъ, предисловіе и passim.

жалъ за-границу и въ февралѣ 1834 года принялъ участіе въ походѣ Мадзини на Савойю. Затѣмъ онъ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ принялъ дѣятельное участіе въ основаніи тайнаго коммунистическаго «Союза Справедливыхъ», примыкавшаго къ основанному въ 1837 году Барбесомъ и Бланки «Обществу Временъ Года». Въ Парижѣ, гдѣ Шапперъ работалъ въ качествѣ наборщика, онъ принялъ участіе въ вооруженномъ возстаніи 13 мая 1839 года, былъ арестованъ, но за отсутствіемъ уликъ выпущенъ на свободу, хотя и высланъ изъ Франціи. Въ Лондонѣ онъ также принялъ участіе въ организаціи коммунистическихъ рабочихъ союзовъ, а затѣмъ игралъ дѣятельную роль во время революціи 1848—1849 года въ Германіи. «Богатырскаго сложенія,—пишетъ про него Энгельсъ,—рѣшительный и энергичный, всегда готовый поставить на карту буржуазное существованіе и жизнь, онъ былъ образцомъ профессиональнаго революціонера, который игралъ извѣстную роль въ 30-хъ годахъ. При нѣкоторой тяжеловѣсности мышленія, онъ далеко не былъ недоступенъ вѣрному теоретическому воззрѣнію, какъ уже доказываетъ его развитіе изъ «демагога» въ коммуниста, и тогда тѣмъ упорнѣе держался разъ признаннаго. Именно поэтому его революціонная страстность порой расходилась съ его разумомъ, но онъ всегда впослѣдствіи сознавалъ свои ошибки и открыто признавалъ ихъ. Онъ былъ цѣльной личностью, и то, что имъ сдѣлано для заложенія основъ нѣмецкаго рабочаго движенія, останется незабвеннымъ».

Разногласія между обоими направленіями Союза Коммунистовъ все усиливались, осложняясь, какъ это всегда бываетъ, личными счетами и дразгами. Невоздержный Виллихъ собирался даже «побить Маркса», затѣмъ хотѣлъ вызвать его на дуэль, но удовольствовался тѣмъ, что стрѣлялся съ Конрадомъ Шраммомъ, легко ранивъ его въ голову. Въ пылу полемики Виллихъ позволилъ себѣ утверждать, что для Маркса и его клики «рабочіе—просто нули». Съ своей стороны, Марксъ не оставался въ долгу. Объясняя задачу Союза Коммунистовъ, который, хотя и имѣлъ тайную организацію, но не былъ «обществомъ конспираторовъ, а обществомъ, въ тайнѣ осуществлявшимъ организацію пролетарской партіи», въ виду отсутствія свободы печати, слова и собраній, Марксъ продолжаетъ: «Понятно, что такое тайное общество, которое имѣетъ цѣлью образованіе не правительственной, а оппозиціонной партіи будущаго, могло представлять мало привлекательнаго для индивидуумовъ, которые, съ одной стороны, хотятъ скрыть свое личное ничтожество подъ театральной мантией конспираціи, съ дру-

гой стороны—удовлетворить свое ограниченное честолюбие въ день ближайшей революціи, но прежде всего имъ нужно казаться важными въ настоящій моментъ, взять свою долю въ добычѣ демагогіи и встрѣтить радушный приемъ со стороны демократическихъ шарлатановъ. Отъ Союза Коммунистовъ поэтому отдѣлилась одна фракція или была отдѣлена фракція, какъ угодно, которая желала, если и не настоящей конспираціи, то все же наружнаго вида конспираціи, а поэтому и прямого союза съ демократическими героями дня—фракція Виллиха-Шаппера. Для нея характерно, что Виллихъ вмѣстѣ и рядомъ съ Кинкелемъ фигурируетъ, какъ антрепренеръ дѣла съ нѣмецко-американскимъ революціоннымъ займомъ» *)).

Принципальная разногласія между обѣими фракціями Марксъ охарактеризовалъ слѣдующими словами: «На мѣсто критическаго воззрѣнія меньшинство ставитъ догматическое, на мѣсто материалистическаго — идеалистическое. Вмѣсто дѣйствительныхъ отношеній двигателемъ революціи является для него одна воля. Мы говоримъ рабочимъ: вы должны 15, 20, 50 лѣтъ вести междуусобныя и международныя войны не только для того, чтобы измѣнить вѣшнія условія, но и для того, чтобы измѣнить самихъ себя и сдѣлать себя способными къ политическому господству: вы наоборотъ говорите: мы должны сейчасъ же достигнуть власти, иначе мы можемъ ложиться спать. Въ то время какъ мы указываемъ специально нѣмецкимъ рабочимъ на неразвитое состояніе нѣмецкаго пролетаріата, вы самымъ грубымъ образомъ льстите національному чувству и сословнымъ предрасудкамъ нѣмецкихъ ремесленниковъ, чтó, конечно, лучше содѣйствуетъ популярности. Подобно тому, какъ демократы превратили слово народъ въ нѣчто священное, такъ вы дѣлаете со словомъ пролетаріатъ. Подобно демократіи вы подсовываете на мѣсто революціоннаго развитія революціонную фразу».

Въ результатѣ между обѣими, столь противоположными, фракціями произошелъ разрывъ. Марксистское большинство рѣшило пере-

*) Для характеристки бунтарскихъ затѣй Виллиха приводимъ слѣдующую выдержку изъ письма Беккера къ Марксу отъ 27 января 1851 г. „Виллихъ пишетъ мнѣ забавнѣйшія письма; я не отвѣчаю, но это не удерживаетъ его отъ изложенія предо мною своихъ новыхъ революціонныхъ плановъ. Онъ опредѣлилъ меня для революціонизированія кельнскаго гарнизона!!! Въ послѣдній разъ мы держались за животы отъ смѣха. Своими глупостями онъ введетъ въ бѣду еще безчисленное количество людей, такъ какъ одно единственное письмо могло бы на три года обезпечить содержаніе судей-демагоговъ. Если бы я подготовилъ кельнскую революцію, то онъ не отказался бы взять на себя руководство дальнѣйшими операціями. Слишкомъ любезно!“

нести центральный комитетъ Союза въ Кельнъ, объявило уставъ Союза отмѣненнымъ и поручило будущему центральному комитету выработать новые статуты. Однимъ словомъ, совершило маленькій государственный переворотъ. Меньшинство обратилось съ воззваніемъ къ лондонскому кружку и составило новый центральный комитетъ изъ своихъ партизановъ. Это случилось въ сентябрѣ 1850 г. Та и другая фракція пытались создать собственную организацію. Марксистская организація провалилась лѣтомъ 1851 года, и 12 членовъ ея были преданы суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ (изъ нихъ трое было приговорено къ заключенію въ крѣпости на шесть лѣтъ, двое на пять, а одинъ на три года). Этимъ Кельнскимъ коммунистическимъ процессомъ (1852 г.) ознаменовался конецъ первой нѣмецкой социалистической организаціи. Какъ часто случается, революціонные крикуны пострадали меньше, чѣмъ серьезные революціонеры. Члены бунтарской фракціи фигурировали на судѣ не въ качествѣ подсудимыхъ, а въ качествѣ свидѣтелей обвиненія. Старый коммунистъ Моисей Гессъ и самъ Карлъ Шапперъ своимъ молчаніемъ подтверждали тяготѣвшія надъ марксистами подозрѣнія, которыя они легко могли бы развеять однимъ словомъ. И вся эта преступная слабость, всѣ эти скандальныя послѣдствія фракціонныхъ раздоровъ объяснялись только желаніемъ протянуть прозябаніе своей фракціи на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ 1853 году фракція Виллиха-Шаппера также прекратила свое существованіе. Впослѣдствіи Шапперъ честно призналъ промахи «эмигрантскаго сумасбродства», а Виллихъ уѣхалъ въ Америку, гдѣ съ отличіемъ участвовалъ въ качествѣ генерала въ междуусобной войнѣ сѣверныхъ штатовъ съ кожными.

Но важнѣйшимъ и наиболѣе драматическимъ конфликтомъ между Марксомъ и анархизмомъ было столкновеніе его съ Бакунинымъ и его партизанами въ нѣдрахъ Интернаціонала, столкновеніе, приведшее къ глубокимъ историческимъ послѣдствіямъ и на долгіе годы предопредѣлившее ходъ социалистическаго движенія въ Европѣ. Рѣшительной схваткѣ между творцомъ научнаго социализма и апостоломъ всесвѣтной анархіи предшествовало нѣсколько мелкихъ аванпостныхъ стычекъ, въ которыхъ революціонный социализмъ сначала свелъ давнишніе счеты съ умѣреннымъ мелкобуржуазнымъ социализмомъ эпигоновъ утопизма.

Рѣзко разоблачая межеумочный мѣщанскій социализмъ Прудона, Марксъ какъ-будто предвидѣлъ, что ему еще придется имѣть дѣло

съ его преемниками и партизанами. «При основаніи Интернаціонала,—говорить Марксъ,—было цѣлью сдѣлать центромъ борьбы дѣйствительную организацію рабочаго класса, долженствовавшаго лишиться этой роли социалистическія и полусоциалистическія секты. Его первоначальные уставы и его первый учредительный адресъ (Inaugural-adresse) доказываютъ это въ достаточной степени. Съ другой стороны, Интернаціональ не удержалъ бы своей позиціи, если бы съ ходомъ исторіи сектантство само себя не пережило. Развитие социалистическаго сектанства и истиннаго рабочаго движенія стоятъ другъ къ другу въ обратномъ отношеніи. Секты имѣютъ свое (историческое) право на существованіе лишь до тѣхъ поръ, пока рабочій классъ не созрѣлъ для самостоятельнаго историческаго движенія; съ наступленіемъ же этого момента сектантство въ сущности становится реакціоннымъ. И въ исторіи Интернаціонала повторился тотъ общеизвѣстный историческій фактъ, что все отживающее стремится обновиться и удержать свою позицію во вновь нарождающихся формахъ. Исторія Интернаціонала—это непрерывная борьба Генеральнаго Совѣта съ диллетантскими опытами и сектами, стремившимися занять въ рядахъ самого Интернаціонала позицію противъ истиннаго рабочаго движенія» («Переписка Зорге», стр. 44—45).

Такой сектой къ срединѣ 60 хъ годовъ начали становиться прудонисты, главенствовавшіе среди массы парижскихъ рядовыхъ рабочихъ. Ихъ стремленія рѣшить социальный вопросъ чисто экономическими мѣрпріятіями (вдобавокъ основанными на совершенно ложномъ пониманіи законовъ капиталистическаго производства и обмѣна) или навстрѣчу политическому индифферентизму широкихъ массъ французскаго пролетаріата того времени и, съ своей стороны, питали этотъ индифферентизмъ. На первыхъ конгрессахъ Международной Ассоціаціи французскіе прудонисты (и отчасти находившіеся подъ ихъ влияніемъ бельгійцы) выступали противъ боевой организаціи пролетаріата, противъ забастовокъ противъ возстановленія демократической Польши *), наконецъ, противъ коллективизма или коммунизма; зато они безъ умолку говорили о «средней мѣрѣ рабочаго времени», «средней изготовительной цѣнѣ» (прудоновская «конституированная цѣнность»), о даровомъ кредитѣ и о мѣновомъ банкѣ, объ обмѣнѣ «услуги за услугу», «труда за трудъ» и т. п. прудо-

*) Въ разсматриваемое время польскій вопросъ живо интересовалъ европейскую демократію и служилъ оселкомъ, на которомъ можно было испытать прочность демократическихъ убѣжденій лица или партіи.

нистскихъ пустякахъ *). Съ этими противниками, явно отставшими отъ массоваго потока международнаго социализма, Марксу не трудно было справиться. На Брюссельскомъ и Базельскомъ конгрессахъ коллективисты нанесли прудонистамъ рѣшительное пораженіе, проведя и отстаивши принципъ обобществленія поземельной собственности. И вскорѣ прудонизмъ началъ склоняться въ упадку въ самой Франціи, уступая мѣсто болѣе рѣшительнымъ и опредѣленнымъ элементамъ. Но на смѣну ему уже шелъ гораздо болѣе опасный врагъ.

Этимъ врагомъ былъ анархизмъ. Драматизмъ этого великаго столкновенія между марксизмомъ и анархизмомъ обуславливался не столько личнымъ величіемъ обоихъ носителей этихъ двухъ идей, Маркса и Бабунина, сколько глубокимъ историческимъ смысломъ этой гигантской борьбы. Здѣсь столкнулись между собою двѣ идеологіи, соотвѣтствовавшія двумъ этапамъ одного и того же всемірнаго движенія, изъ которыхъ одна выражала инстинктивный и бурный въ своей стихійности порывъ пролетарской массы, только пробуждающей къ самостоятельной дѣятельности, а вторая — сознательное стремленіе окрѣпшаго и обогащеннаго опытомъ пролетаріата къ своему вѣрному освобожденію путемъ планомѣрнаго дѣйствія, организаци и использованія всѣхъ социальныхъ и политическихъ возможностей реальной дѣятельности. Въ этой трагической междоусобной войнѣ прошлое международнаго пролетаріата возстало противъ его будущаго, временно задержало наступательное движеніе рабочаго класса, но впоследствии было побѣждено, успѣвши все-таки дать толчекъ его критической самопровѣркѣ и обогативши его какъ въ практическомъ, такъ и въ теоретическомъ отношеніи. Что это такъ, видно изъ того факта, что широкія массы рабочихъ, временно оторванные бабунизмомъ отъ общаго пролетарскаго потока, въ концѣ концовъ вернулись въ лоно международнаго социализма.

Такой глубокой исторической конфликтъ не могъ не возбудить яростныхъ страстей и не отразиться на исторической правдѣ. Особенно пострадалъ отъ этого Бабунинъ. Въ пылу полемики были затемнены и забыты великія заслуги русскаго революціонера, пробудившаго отъ долгой спячки пролетаріатъ многихъ странъ, въ томъ числѣ Италіи, отчасти Испаніи и Россіи. Съ легкой руки особенно нѣмецкихъ социаль-демократовъ вошло въ привычку изображать Бабунина чуть ли не уголовнымъ преступникомъ и во всякомъ случаѣ мелодраматическимъ злодѣемъ. Даже люди, готовые подписаться подъ

*) См. Геккъ, Интернаціональ, разсказъ; А. Тома и Ж. Жоресъ, Исторія Второй Имперіи, Спб. 1908, стр. 282 и слѣд.

строгимъ приговоромъ цюрихской Tagwacht, замѣтлившей какъ-то Бакунину: «Если вы и не платный агентъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что ни одинъ платный агентъ не могъ бы причинить большаго вреда, чѣмъ вы», — даже такіе ослѣпленные враждой противники, если бы они внимательно и добросовѣстно просмотрѣли всю жизнь этого непреклоннаго бунтаря, должны были бы признать, что въ общемъ итогѣ его заслуги и достоинства перевѣшиваютъ его недостатки и принесенный имъ вредъ. Въ особенности русская социаль-демократія, генеалогически связанная и съ Маресомъ, и съ Бакунинымъ, обязана воздать должное великому бунтовщику и смыть съ его памяти незаслуженныя оскорбленія и забвеніе.

Вѣрно оцѣнилъ его Бѣлинскій, который одно время развивался въ революціонномъ направленіи именно подъ вліяніемъ Бакунина. «Въ немъ,—писалъ Бѣлинскій,—есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки—это вѣчно движущееся начало, лежащее въ глубинѣ его духа». Уже въ той статьѣ *), которая вызвала столь лестный отзывъ со стороны Бѣлинскаго, Бакунинъ высказалъ мысль, лежавшую въ основѣ его міросозерцанія и дѣятельности: «Страсть къ разрушенію есть вмѣстѣ съ тѣмъ и творческая страсть». Эта мысль руководила имъ во время странствованій по всему свѣту: во время революціи 1848 г. въ Парижѣ, гдѣ онъ предводительствовалъ революціонными демонстраціями рабочихъ; въ Прагѣ на славянскомъ съѣздѣ; въ Богеміи передъ феодальнымъ замкомъ, поджечь который онъ училъ взбунтовавшуюся толпу крестьянъ; во время возстанія въ Дрезденѣ, гдѣ онъ на правахъ диктатора защищалъ городъ отъ пруссаковъ; въ Италіи, гдѣ онъ впервые организовалъ социалистическія секціи; въ Лионѣ и Марселѣ, гдѣ онъ собирался провозгласить революціонныя Коммуны для упраздненія государства; въ Болоньѣ, куда онъ незадолго до смерти прибылъ для подготовки вооруженнаго возстанія; — всюду, куда бы ни забросила его капризная судьба вѣчнаго бродяги-профессіональнаго революціонера.

Бѣжавши въ 1861 г. изъ Сибири, куда онъ былъ сосланъ послѣ долготѣннаго пребыванія въ саксонскихъ, австрійскихъ и русскихъ крѣпостяхъ (Петропавловской и Шлиссельбургской), Бакунинъ, по словамъ Герцена, «запилъ революціонный запой» и «шагалъ семимильными сапогами черезъ горы и моря, черезъ годы и поколѣнія». Не ограничиваясь литературными работами, въ которыхъ онъ раз-

*) Помѣщена за подписью Jules Elisard въ издаваемыхъ Pyge «Deutsche Jahrbücher» въ 1843 г.

виваль своеобразный революціонный панславизмъ, Бакунинъ «спорилъ, проповѣдовалъ, распоряжался, кричалъ, рѣшалъ, направлялъ, организовалъ и ободрялъ цѣлый день, цѣлую ночь, цѣлыя сутки. Въ короткія минуты, оставшіяся у него свободными, онъ бросался за письменный столъ и принимался писать пять, десять, пятнадцать писемъ въ Семипалатинскъ и Арадъ, въ Бѣлградъ и Царьградъ, въ Бессарабію, Молдавію и Бѣловринуцу» *). Онъ пытался сблизиться съ раскольниками, на которыхъ въ то время герценовскій кружокъ, а особенно Кельсіевъ и Огаревъ, смотрѣли какъ на стихійныхъ народныхъ революціонеровъ; принялъ самое дѣятельное участіе въ польскомъ возстаніи, увѣренный, что оно приведетъ къ всеобщему военно-крестьянскому возстанію въ Россіи и, какъ цѣльная личность, у которой слово не расходилось съ дѣломъ, уѣхалъ (1863) въ Стокгольмъ, чтобы оттуда пробраться въ Литву; изъ Швеціи черезъ Лондонъ, гдѣ онъ видѣлся съ Марксомъ **), Бакунинъ уѣхалъ въ Италію, гдѣ прожилъ съ 1864 до 1868 года. Здѣсь Бакунинъ, истинный гражданинъ вселенной, который всюду чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ и признавалъ отечествомъ всякую страну, гдѣ въ данный моментъ намѣчалось революціонное дѣло, вмѣшался въ итальянскія дѣла; онъ вступилъ въ борьбу съ буржуазно-демократическимъ движеніемъ мадзинистовъ, противъ лозунга которыхъ «Богъ и отече-

*) Герценъ, Собраніе посмертныхъ сочиненій, статья «Михаилъ Бакунинъ и Польское дѣло» (изд. за границей).

**) Бакунинъ признавалъ научныя заслуги Маркса и въ умственномъ отношеніи считалъ его выше себя. Говоря о 40-хъ годахъ, Бакунинъ писалъ (въ 1871 г.): «Марксъ тогда былъ болѣе крайній, чѣмъ я, и теперь — несравненно болѣе ученый, чѣмъ я. Я совсѣмъ не знакомъ былъ тогда съ политической экономіей; я не освободился еще отъ метафизическихъ абстракцій, и мой социализмъ былъ только инстинктивнымъ. Онъ же, хотя и моложе меня годами, былъ уже атеистомъ, научнымъ материалистомъ и сознательнымъ социалистомъ... Мы довольно часто видѣлись другъ съ другомъ, потому что я очень уважалъ его за его знанія, за его страстную и серьезную преданность дѣлу пролетаріата, хотя всегда съ примѣсью личнаго тщеславія: я съ интересомъ слушалъ его разговоры, всегда поучительные и умные, если только они не вдохновлялись жалкой злобой, что, къ сожалѣнію, бывало очень часто. Однако, между нами никогда не было полной близости; наши темпераменты не переносили этого. Онъ называлъ меня сентиментальнымъ идеалистомъ и былъ правъ; я его называлъ мрачнымъ, вѣроломнымъ, тщеславнымъ человекомъ и тоже былъ правъ. Въ 1864 году во время свиданія въ Лондонѣ между ними произошло дружеское объясненіе, причемъ Марксъ увѣрялъ Бакунина, что онъ не принималъ никакого участія въ распространеніи злобной слятни по поводу того, будто Бакунинъ былъ агентомъ русскаго правительства.

ство» онъ выдвинулъ свой лозунгъ «атеизмъ и разрушеніе государства», и основалъ тайное общество «Международное Братство» или «Союзъ социальныхъ революціонеровъ», прототипъ будущаго «Интернаціональнаго Союза социальной демократіи», сыгравшаго такую печальную роль въ исторіи Интернаціонала *).

Въ программѣ этого Братства, въ которомъ Бакунинъ сгруппировалъ нѣсколько итальянцевъ, французовъ, скандинавовъ и славянъ, мы находимъ «атеизмъ, совершенное отрицаніе всякаго авторитета и власти, уничтоженіе юридическаго права, отрицаніе гражданственности, замѣняющей въ государствѣ свободную человѣчность, коллективную собственность»; трудъ объявлялся «основаніемъ общественной организаціи..., которая указывалась въ видѣ вольной федераціи снизу вверхъ». Въ 1867 г. Бакунинъ появился въ Женевѣ на конгрессѣ «Лиги Мира и Свободы» (попытка международнаго сближенія буржуазныхъ демократовъ) и былъ выбранъ въ ея центральный совѣтъ. Здѣсь начинается безнадежная теоретическая и тактическая путаница Бакунина. Онъ предложилъ Интернаціоналу союзъ съ Лигой на условіи, что рабочіе обяжутся поддерживать буржуазію при завоеваніи политической свободы, а буржуазія обяжется (!) содѣйствовать экономическому освобожденію пролетаріата. Это путаное предложеніе не было, конечно, принято, но Брюссельскій конгрессъ Интернаціонала согласился только послать депутацію на конгрессъ Лиги въ Бернъ (1868 г.). На этомъ конгрессѣ Лиги Бакунинъ со своими друзьями (Э. Реэлю, А. Рей, Жакляръ, Фанелли, Никол. Жуковский, Вал. Мрочковский и др.) внесли рядъ социалистическихъ предложеній, а когда они были отвергнуты буржуазнымъ большинствомъ, то Бакунинъ съ товарищами выступили изъ Лиги и основали «Международный Союзъ Социальной Демократіи», извѣстный также подъ названіемъ «Альянсъ социальныхъ революціонеровъ»

Программа Союза заключалась въ слѣдующихъ пунктахъ **): «1) Альянсъ объявляетъ себя атеистическимъ; онъ требуетъ отмены культовъ, замѣны вѣры наукой, а божескаго правосудія—человѣческой

*) Гильомъ, М. А. Бакунинъ, «Былое», 1906, августъ; Драгомановъ, Письма Бакунина къ Герцену и Огареву, Спб. 1907, изд. Врублевскаго; Бакунинъ, Полное собраніе сочиненій, т. 1 и 2, изд. Балашова; Бакунинъ, Кнута-германская имперія и социальная революція Спб. 1907.

**) См. направленный противъ бакунистовъ памфлетъ, составленный Марксомъ, Энгельсомъ и Лафаргомъ при содѣйствіи Н. Утина: «L'Alliance de la Démocratie Socialiste et l'Association internationale des Travailleurs», Лондонъ, 1873, стр. 133 и слѣд. (по-нѣмецки «Ein Complot gegen die Internationale»).

справедливостью. 2) Прежде всего онъ хочетъ политическаго, экономическаго и соціального уравненія классовъ и личностей обоого пола, начиная съ отмѣны наслѣдственнаго права, для того, чтобы въ будущемъ потребленіе каждаго человѣка соотвѣтствовало его производству и чтобы, согласно рѣшенію, принятому на послѣднемъ конгрессѣ рабочихъ въ Брюсселѣ, земля, орудія труда, какъ и всякій другой капиталъ, сдѣлавшись коллективной собственностью всего общества, могли утилизироваться только работниками, т. е. сельско-хозяйственными и промышленными ассоціаціями. 3) Онъ хочетъ, чтобы всѣмъ дѣтямъ обоого пола съ момента ихъ рожденія предоставлены были одинаковыя средства развитія, т. е. содержанія, воспитанія и обученія на всѣхъ ступеняхъ образованія, убѣжденный, что это равенство, сначала только экономическое и соціальное, въ результатѣ будеть все сильнѣе способствовать естественному равенству личностей, устраняя всѣ виды искусственнаго неравенства, этого историческаго продукта ложной и несправедливой общественной организаціи. 4) Врагъ всякаго деспотизма, не признавая никакой другой политической формы, кромѣ республиканской, и безусловно отвергая какой бы то ни было союзъ съ реакціонерами, онъ отвергаетъ также всякое политическое дѣйствіе, не имѣющее непосредственной и прямой дѣлю торжество рабочаго дѣла надъ капиталомъ. 5) Онъ признаетъ, что всѣ нынѣ существующія политическія и авторитарныя государства, все болѣе превращающіяся въ простыя административныя функціи общественныхъ службъ въ отдѣльныхъ странахъ, должны будутъ раствориться во всемірномъ союзѣ свободныхъ земледѣльческихъ и промышленныхъ ассоціацій. 6) Такъ какъ соціальныя вопросы могутъ получить свое окончательное и дѣйствительное разрѣшеніе лишь на основѣ международной или всемірной солидарности всѣхъ странъ, то Альянсъ отвергаетъ всякую политическую дѣятельность, основанную на такъ называемомъ патріотизмѣ и на національномъ соперничествѣ. 7) Онъ хочетъ всемірнаго объединенія всѣхъ мѣстныхъ ассоціацій путемъ свободы».

Но какъ замѣчаетъ Герценъ про 1862 годъ, Бакунину «мало было пропаганды; надо было неминуюемо приложеніе, надобно было устроить центры, комитеты; мало было близкихъ людей, надобны были «посвященные и полупосвященные братья», и т. д. Точно такъ же поступилъ Бакунинъ и съ своимъ Альянсомъ. Въ этомъ Союзѣ устроено было тайное интернаціональное братство, въ составъ котораго вошли учредители Союза, облекшіе Бакунина диктаторскими полномочіями. Такимъ образомъ Союзъ принялъ форму іерархической

организации, во главѣ которой стояли «интернациональные братья» (въ среду послѣднихъ допускались «только лица, воспринявшія всю программу со всѣми ея теоретическими и практическими послѣдствіями и соединяющія съ умомъ, энергіей, честностью и конспиративностью еще революціонную страсть—и мѣющія чорта въ тѣлѣ»); далѣе шли «національные братья», подчиненные «интернациональнымъ братьямъ» и не подозрѣвающіе даже о существованіи тайной «интернациональной организации»; наконецъ, полу-тайная, полу-открытая организация «Интернациональный Сюзъ Соціальной Демократіи», въ рядахъ которой открытая Центральная Секція въ Женевѣ являлась «постоянной делегацией постояннаго Центрального Комитета». Члены тайной организации Альянса должны были проникать въ рабочіе союзы и секціи Интернационала и направлять ихъ къ общей цѣли Союза—соціальной революціи, всеразрушенію и уничтоженію государства.

Организовавшись, публичный Альянсъ обратился въ декабрѣ 1868 г. къ Генеральному Совѣту съ просьбой принять его въ составъ Интернационала, но при этомъ выражалъ желаніе сохранить свою особую программу и организацию (право самостоятельно принимать секціи въ Интернационалъ наравнѣ съ Генеральнымъ Совѣтомъ, устраивать на международныхъ конгрессахъ Интернационала свои отдѣльные конгрессы въ особыхъ локалахъ и т. п.). Генеральный Совѣтъ, потужавшій въ бакунинской организации опаснаго врага, которому суждено внести дезорганизацию въ Интернационалъ, категорически отклонилъ ходатайство Альянса. Тогда послѣдній сообщилъ Генеральному Совѣту, что онъ рѣшилъ распустить свою организацию и готовъ превратить свои секціи въ секціи Интернационала съ условіемъ сохраненія своей теоретической программы. Отъ оцѣнки послѣдней Генер. Совѣтъ уклонился (нѣкоторыя частичныя поправки по указаніямъ Совѣта были однако сюда внесены), но согласился допустить въ Интернационалъ отдѣльныя секціи бывшаго Альянса на общихъ основаніяхъ. Первою была принята въ Интернационалъ Женевская Центральная Секція Альянса, но швейцарскій Романскій Федеральныи Совѣтъ, подъ вліяніемъ Н. Утина (впослѣдствіи ренегата), яраго врага Бакунина, отказался признать ее. Съ этого момента начались раздоры, сначала носившіе чисто мѣстный, швейцарскій характеръ, но постепенно распространившіеся на все Международное Товарищество Рабочихъ.

Впрочемъ, расколъ и безъ данныхъ мелкихъ поводовъ былъ неизбеженъ въ виду разнообразія входившихъ въ составъ Интернационала элементовъ (отъ умѣренныхъ реформистовъ и вплоть до бланкистовъ и анархистовъ), въ виду новизны и неопытности массо-

ваго рабочаго движенія, въ виду его быстро лавинообразнаго роста и порожденных имъ широкихъ надеждъ, для непосредственнаго осуществленія которыхъ еще не назрѣли объективныя условія. Что центромъ оппозиціи противъ марксизма сдѣлалась именно Швейцарія, это объяснялось, во-первыхъ, мелкобуржуазнымъ характеромъ этой страны, на почвѣ котораго выросли оба антимарксистскихъ направленія—умѣренно-мѣщанское (Куллеры и К^о) и анархо-бунтарское (Гильомъ и К^о), а во-вторыхъ, близостью Бакунина и сочувствовавшихъ ему политическихъ эмигрантовъ, какъ русскихъ, такъ и испанскихъ, итальянскихъ и французскихъ (особенно послѣ подавленія Коммуны).

Альянсъ былъ распушенъ только на словахъ; въ дѣйствительности же онъ продолжалъ существовать—если и не въ видѣ постоянной и прочной интернаціональной организаціи (таковой онъ до 1873 г. никогда не успѣлъ сдѣлаться), то въ видѣ постояннаго заговора противъ Интернаціонала и непрерывныхъ попытокъ создать въ его нѣдрахъ тайную организацію, преслѣдующую особыя цѣли и направляющую къ достиженію этихъ цѣлей отдѣльныя національныя федераціи интернаціоналистовъ *). Происки бакунистовъ привели къ тому, что мелочныя мѣстныя разногласія вмѣсто того, чтобы разрѣшаться въ благопріятномъ смыслѣ послѣ товарищескаго обсужденія, раздувались и углублялись. При этомъ постепенно все рельефнѣе выяснялись дѣйствительно глубокія принципиальныя разногласія програмнаго и организаціоннаго свойства, принудившія Генеральный Совѣтъ вѣтшаться въ свалку и закончившіяся расколомъ и распаденіемъ Интернаціонала.

Дѣло началось съ нападенія юрцевъ на оппортунизмъ женеvскихъ интернаціоналистовъ и куллеристовъ. Куллеры, врачъ (изъ бернской Юры, старый проповѣдникъ демократическихъ и гуманитарныхъ идей въ романской Швейцаріи, примкнулъ къ Интернаціоналу и основалъ цѣлый рядъ секцій въ швейцарскихъ городахъ; но человекъ съ туманными взглядами и по существу буржуазнымъ міросозерцаніемъ, онъ внесъ въ движеніе много смуты и своими шатаніями нанесъ

*) Попытка Джемса Гильома (см. его интересный трудъ „L'Internationale“; пока вышло только 2 тома, Парижъ, 1905—1907) доказать, что существованіе тайнаго Альянса послѣ 1868 года представляетъ просто романъ, созданный цыклимъ воображеніемъ Маркса и его „клики не можетъ быть признана удачною. Очень возможно, что Малонъ и самъ Гильомъ не были членами Альянса, но въ письмахъ самого Бакунина имѣются опредѣленныя указанія на существованіе Альянса въ Италіи, Испаніи, Франціи и Швейцаріи въ 1872 году (см. его письмо къ Франциску Мора, „L'Avance de la Démocratie socialiste, стр. 135 и слѣд.).

серьезный вред дѣлу Интернаціонала. Вступая въ избирательныя соглашенія то съ невшательскими либералами-монархистами противъ радикаловъ, то заставляя рабочихъ-соціалистовъ тащиться на буксирѣ за радикальствующими политиками, онъ въ концѣ концовъ содѣйствовалъ выработкѣ среди рабочихъ политическаго индифферентизма и отвращенія къ участию въ избирательной борьбѣ. Этимъ обстоятельствомъ ловко воспользовались швейцарскіе бакунисты, во главѣ которыхъ стоялъ учитель Джемъ Гильомъ изъ Локля, пользовавшійся значительнымъ влияніемъ среди юрцевъ, преимущественно—рабочихъ, занятыхъ въ часовомъ производствѣ. Представители домашней промышленности, подчиненной капиталу, но въ значительной степени еще носившей ремесленно-кустарный характеръ, они легко поддались влиянію анархической пропаганды. Затерянные въ своихъ горахъ и разбросанные небольшими гнѣздами среди крестьянскихъ и мелкобуржуазныхъ массъ, они неспособны были собственными силами отстоять въ политической области свои классовые интересы или хотя бы оказать серьезное влияніе на политику страны (и кантоновъ); поэтому они легко склонились къ идеямъ политическаго воздержанія и разрѣшенія соціальнаго вопроса въ сторонѣ отъ государства и помимо него. Имъ присущъ былъ естественный, окрашенный корпоративнымъ духомъ антагонизмъ къ женевскимъ квалифицированнымъ рабочимъ, такъ наз. «ouvriers de fabrique», составлявшимъ ядро марксистскихъ сторонниковъ швейцарскаго Интернаціонала *); и въ борьбѣ съ ними юрцы встрѣчали поддержку въ неквалифицированныхъ черно-

*) Въ своемъ сочиненіи «L'Internationale», представляющемъ довольно тенденціозную апологію бакунизма и въ этомъ смыслѣ составляющемъ интересное дополненіе къ не менѣе тенденціозному (но только въ обратномъ смыслѣ) труду Лекка, Джемъ Гильомъ неоднократно указываетъ на то обстоятельство, что швейцарскіе интернаціоналисты, въ особенности женевскіе, приспособляясь къ мѣщанскимъ предразсудкамъ рабочей массы, не развертывали передъ нею всей своей программы, не пропагандировали соціальной революціи и даже воздерживались отъ нападокъ на частную собственность, тогда какъ бакунисты вели принципиальную, открытую пропаганду революціоннаго социализма, не считаясь съ предразсудками отсталыхъ слоевъ пролетаріата и игнорируя негодование мелкобуржуазныхъ радикаловъ; онъ утверждаетъ, что только благодаря Бакунину и его друзьямъ швейцарцы познакомились съ коммунистическими идеями. Это возможно. Но не слѣдуетъ забывать, что скоро споръ между обѣими фракціями принялъ другой характеръ, а именно превратился въ борьбу между соціаль-демократическимъ міровозрѣніемъ и антиполитическимъ анархизмомъ. И бѣда юрцевъ въ томъ и заключалась, что они не видѣли никакой формы соціалистической борьбы кромѣ и вѣдъ двухъ антиподовъ — мѣщанско-путанаго политикаства (куллеризма), съ одной стороны, и бунтарски-путанаго анархизма, съ другой.

рабочихъ, особенно—въ строительныхъ рабочихъ, среди которыхъ многочисленныя стачки и вызывающее поведеніе предпринимателей развили духъ озлобленія и бунта.

Участіе пролетаріата въ политической борьбѣ анархисты понимаютъ не иначе, какъ въ видѣ сплошнаго ряда компромиссовъ и сдѣловъ съ буржуазными партіями; мысль о самостоятельномъ политическомъ выступленіи рабочаго класса имъ не приходитъ въ голову. Объясняя свое поведеніе на Лозаннскомъ конгрессѣ Интернаціонала, гдѣ онъ поддерживалъ резолюцію въ пользу политической дѣятельности пролетаріата, Гильомъ замѣчаетъ, что въ то время (1867 г.) онъ и его друзья признавали «политику социаль-демократіи, склонной заключать избирательные союзы съ той или другой изъ буржуазныхъ политическихъ партій съ целью добиться реформъ законодательнымъ путемъ. Съ тѣхъ поръ мы сознали свое заблужденіе; и въ 1869 г., послѣ Базельскаго конгресса, когда Морицъ Гессъ заявилъ въ Réveil, что «коллективисты Интернаціонала полагаютъ, что политическая революція и радикальная демократія должны предшествовать социальной революціи и социальной демократіи», мы протестовали противъ этого утвержденія, а Plogès отвѣчалъ: «Г-нъ Гессъ проболтался: подобно всѣмъ радикаламъ, онъ хочетъ использовать социализмъ въ интересахъ буржуазной политики... Люди, проповѣдующіе подобныя идеи, стремятся отклонить Интернаціоналъ отъ его настоящей цѣли; мы же по прежнему упорно будемъ отказываться отъ участія во всякомъ политическомъ движеніи, которое не ставитъ себѣ непосредственной и прямой цѣлью полное освобожденіе трудящихся». А по поводу резолюціи Лондонской Конференціи (см. ниже) Робэнъ писалъ: «Въ Интернаціоналѣ существуютъ два направленія: одни хотятъ, чтобы рабочіе старались завоевать политическую власть, проникая по одному (за отсутствіемъ лучшаго) въ нынѣшнія парламентскія собранія; другіе отвергаютъ это средство и хотятъ политической организаци пролетаріата вѣ современнаго государства и противъ него. Первые хитро назвали свой образъ дѣйствій «заниматься политикой», а вторые позволили назвать свой образъ дѣйствій «не заниматься политикой». Эти выраженія, слишкомъ неточныя для характеристики опредѣленныхъ идей, сослужили чудную службу своимъ изобрѣтателямъ, Марксу и К°. Они дали имъ возможность свалить въ одинъ мѣшокъ реакціонныхъ кооператоровъ, вносѣдствіи измѣнившихъ дѣлу, какъ Толэнъ, Мюра или Элигонъ, и революціонныхъ анархистовъ, идеи которыхъ такъ блестяще выражались бывшей секціей Альянса» *).

*) James Guillaume. L'Internationale, т. II, стр. 204.

И дѣйствительно, къ чему планомерная организація рабочаго класса, къ чему самостоятельная рабочая партія, умѣло использующая всѣ возможности современнаго строя и расчищающая почву для социаль-ной революціи, если угнетенные и сейчасъ составляютъ большинство а слѣдовательно (!), могутъ немедленно осуществить полный социаль-ный переворотъ, дѣлающій совершенно излишними всѣ посредствующія стадіи социальной борьбы въ рамкахъ буржуазнаго общества? По по-воду референдума 12 мая 1872 г. относительно пересмотра федераль-ной конституціи 1848 г., Гильомъ писалъ въ № 6 Бюллетеня Юрской Федерации слѣдующія строки: «Соціалисты нѣмецкой Швей-царіи, идеаломъ которыхъ является такъ наз. народное госу-дарство, привѣтствуютъ концентрацію власти въ рукахъ Союза и ту химеру непосредственнаго народнаго законода-тельства или референдума, которую сулитъ новая феде-ральная конституція... Они не революціонеры, они хотятъ дѣйстви-вать только на строго-легальной, конституціонной почвѣ; они согласны оставаться сегодня меньшинствомъ въ надеждѣ, что завтра голосо-ваніе доставитъ имъ большинство и что тогда они начнутъ законо-дательствовать съ такой же законностью, какую они признаютъ за нынѣшними правителями. Слѣпцы! развѣ вы не видите, что вы уже и теперь составляете большинство? Правда, не избирательное большинство, ибо при выборахъ, замѣтьте это хоро-шенько, вы никогда не будете большинствомъ: но вы, вы, страдающіе отъ современнаго социального строя, вы, заинтересованные въ революціи, вы—боль-шинство; и вотъ почему революціонная дѣятельность, выпадающая нынѣ на долю социалистической партіи, оказывается заранѣе узаконенной безъ всякаго обращенія къ избирательнымъ урнамъ».

Какъ будто вопросъ идетъ о законности, а не о возможности и подготовленности социального переустройства! Но для бакунистовъ этотъ вопросъ всегда рѣшался очень просто: численность угнетенныхъ для нихъ равносильна была ихъ сознательности и активности. Самъ Бакунинъ писалъ: «Но нищета самая ужасная, даже когда она по-ражаетъ многомилліонный пролетаріатъ, не есть еще достаточный залогъ для революціи... Но когда онъ доведенъ до отчаянія, возму-щеніе его становится еще болѣе возможнымъ... Но и нищеты съ отчаяніемъ мало, чтобы возбудить социальную революцію. Онѣ спо-собны произвести личные или, много, мѣстные бунты, но недоста-точны, чтобы поднять цѣлыя народныя массы. Для этого необходимъ еще общенародный идеалъ, вырабатывающійся всегда исторически изъ глубины народнаго инстинкта, воспитаннаго, расширеннаго и освященнаго рядомъ знаменательныхъ происшествій, тяжелыхъ и

горькихъ опытовъ,—нужно общее представленіе о своемъ правѣ и глубокая, страстная, можно сказать, религіозная вѣра въ это право. Когда такой идеаль и такая вѣра въ народѣ встрѣчаются вмѣстѣ съ нищетою, доводящею его до отчаянія, тогда социальная революція неотвратима, близка, и никакая сила не можетъ ей воспрепятствовать» *).

Но такой идеаль всегда имѣется у трудящагося люда: народъ—инстинктивный революціонеръ, да еще съ анархическимъ оттънкомъ. Въ особенности это вѣрно относительно крестьянъ («ничего не стоитъ поднять любую деревню»). Вотъ почему «для коммунистовъ или социальныхъ демократовъ Германіи крестьянство, всякое крестьянство есть реакція; а государство, всякое государство, даже бисмарковское—революція... Впрочемъ, марксисты и думать иначе не могутъ, государственники во что бы то ни стало, они должны проклинать всякую народную революцію, особенно же крестьянскую, по природѣ анархическую и идущую прямо къ уничтоженію государства. Какъ всепоглощающіе пангерманисты, они должны отвергать крестьянскую революцію уже по тому одному, что эта революція специально славянская».

Разъ народъ во всякое время подготовленъ къ социальной или анархической революціи, то развивать въ немъ классовое самосознаніе значить, по меньшей мѣрѣ, дѣлать непроизводительную, если не прямо вредную работу. И дѣйствительно, Бакунинъ крайне презрительно отзывался о научныхъ занятіяхъ Маркса съ рабочими: «Марксъ,—пишетъ онъ изъ Брюсселя въ концѣ 1847 г. Анненкову,—*treibt hier dieselbe eitle Wirtschaft wie vorher*, портитъ работниковъ, дѣлая изъ нихъ резонеровъ. То же самое теоретическое сумашествіе и неудовлетворенное, недовольное собою самовольствіе». Развитыхъ рабочихъ, особенно склоняющихся къ социал-демократическому міропониманію, онъ даже прямо недолюбливалъ (вспомнимъ объ отношеніи юрцевъ къ женеvскимъ «фабричнымъ рабочимъ»). «Можетъ быть, нигдѣ такъ не близка социальная революція, какъ въ Италіи,—пишетъ онъ.—Въ Италіи не существуетъ,

*) Государственность и Анархія, 36—37 и слѣд. (Собраніе сочиненій, т. II). Именно такъ, по мнѣнію Бакунина, обстояло дѣло, въ Италіи, Испаніи, Россіи. „Замѣчательно,—прибавляетъ онъ,—что въ Италіи, равно какъ и въ Испаніи, рѣшительно не посчастливилось государственно-коммунистической программѣ Маркса, а напротивъ, приняли широко и страстно программу пресловутаго Альянса или Союза Социальныхъ Революціонеровъ, объявившую безпощадную войну всякому господству, правительственной опекѣ, начальству и авторитету“ Бакунинъ не отдаетъ себѣ отчета въ истинной причинѣ этого явленія.

какъ во многихъ другихъ странахъ Европы, особаго рабочаго слоя, уже отчасти привилегированнаго, благодаря значительному заработку, хвастающагося даже въ нѣкоторой степени литературнымъ образованіемъ и до того проникнутаго буржуазными началами, стремленіями и тщеславіемъ, что принадлежавшій къ нему рабочій людъ отличается отъ буржуазнаго люда только положеніемъ, отнюдь же не направленіемъ... Въ Италіи преобладаетъ тотъ нищенскій пролетаріатъ, о которомъ г.г. Марксъ и Энгельсъ, а за ними вся школа социальныхъ демократовъ Германіи отзываются съ глубочайшимъ презрѣніемъ и совершенно напрасно, потому что въ немъ и только въ немъ, отнюдь же не въ вышеозначенномъ буржуазномъ слое рабочей массы, заключается и весь умъ, и вся сила будущей социальной революціи».

Для Россіи вопросъ еще болѣе упрощается: здѣсь провиденціальная «голытьба» или «чернорабочая чернь» замѣняется просто уголовными преступниками (вспомнимъ Вейтлинга). „Кто смѣетъ идти противъ міра!“—воскликаетъ съ удивленіемъ русскій мужикъ. Мы увидимъ, что бромѣ чиновниковъ и дворянъ, стоящихъ собственно внѣ міра или, вѣрнѣе, надъ нимъ, есть въ самомъ русскомъ народѣ лицо, смѣющее идти противъ міра: это разбойникъ. Вотъ почему разбой составляетъ важное историческое явленіе въ Россіи, Пугачевъ и Стенька Разинъ были разбойники».

Мы видимъ, что анархическіе взгляды Бакунина представляютъ въ значительной степени обобщеніе смутныхъ стремленій крестьянства отсталыхъ странъ, особенно—Россіи, идеализацію стихійныхъ бунтовъ русскихъ крестьянъ, возмущавшихся противъ принимающаго европейскій обликъ полицейскаго государства (при Алексѣй Михайловичѣ, Петрѣ, Екатеринѣ II). Но русская жизнь повліяла на выработку взглядовъ Бакунина еще и въ другомъ отношеніи. Мы имѣемъ въ виду преобладающую роль революціонной интеллигенціи въ начальные періоды освободительнаго движенія, которые Бакунинъ принималъ за непосредственное возвѣщеніе анархической революціи. Вотъ почему онъ, наряду съ чернорабочей голытьбой, отводилъ рѣшающую роль въ дѣлѣ всеразрушенія также «образованной молодежи». О Россіи онъ (1869 г.) въ этомъ отношеніи выражается совершенно опредѣленно: «Я вѣрю единственно въ міръ мужицкій и грамотный міръ безпардонныхъ (sic!) юношей, не находящихъ себѣ ни мѣста, ни возможности занятія въ Россіи,—этой сорокатысячной фаланги сознательно или безсознательно, т. е. по положенію, принадлежавшихъ революціи» Аналогичныя надежды онъ выражаетъ относительно чешской и вообще всякой славянской образованной молодежи. А такъ какъ его міросозерцаніе вообще было идеологическимъ отраженіемъ

жизни отсталыхъ въ экономическомъ отношеніи націй, для которыхъ какъ бы специально была создана историческая философія его Альянса, то и относительно итальянской интеллигенціи онъ высказывался приблизительно въ томъ же духѣ идеализаціи всечeskихъ *déclassés*. «Вы безъ сомнѣнія знаете,— пишетъ Бакунинъ въ письмѣ къ испанцу Франциску Мора отъ 5 апрѣля 1872 г.,—что въ Италіи за послѣднее время Интернаціональ и нашъ дорогой Альянсъ *) получили весьма широкое распространеніе. Населеніе какъ городское, такъ и сельское находится въ чисто-революціонномъ, т. е. (!) отчаянномъ экономическомъ положеніи, а массы начинаютъ серьезно организовываться, ихъ интересы начинаютъ превращаться въ идеи.—До сихъ поръ Италіи не доставало не инстинктовъ, а именно организаціи и идеи. Та и другая складываются, такъ что въ настоящее время Италія послѣ Испаніи и вмѣстѣ съ Испаніей является, быть можетъ, самой революціонной страной. Въ Италіи есть то, чего недостаетъ другимъ странамъ: пылкая, энергическая молодежь, совершенно выбитая изъ колеи **), безъ видовъ на карьеру, безъ выхода, которая, несмотря на свое буржуазное происхожденіе, не истощена въ моральномъ и интеллектуальномъ отношеніи, подобно буржуазной молодежи другихъ странъ. Теперь она очертя голову бросается въ революціонный соціализмъ, со всей нашей программой, съ программой Альянса».

Соціалисты государственники или «авторитарные соціалисты» говорятъ, по словамъ Бакунина, рабочему классу: «чтобы достигнуть свободы дѣйствительной, свободы, основанной на экономическомъ равенствѣ, пролетаріатъ долженъ овладѣть государствомъ и обратить государственную силу противъ буржуазіи въ пользу рабочей массы, точно такъ же, какъ теперь она обращена противъ пролетаріата въ единую пользу эксплуатирующаго класса. Какъ же овладѣть государствомъ?—Для этого есть только два средства: или политическая революція, или законная народная агитація въ пользу мирной реформы. Лассаль, какъ нѣмецъ, какъ еврей, какъ ученый ***)) и какъ человѣкъ богатый, совѣтовалъ второй путь. Въ

*) Прямое опроверженіе заявленій Гильома, утверждающаго, будто послѣ 1869 г. Альянсъ не существовалъ, а выдуманъ марксистскою „кoterіей“ Это письмо къ Мора напечатано въ приложеніи къ памфлету „L'Alliance etc“, стр. 135—137.

**) Гильомъ полагаетъ, что это описка и что вмѣсто „*déplacée*“ слѣдуетъ читать „*declassée*“—деклассированная, отщепенская. Возможно, что это и такъ.

***)) Все смертные грѣхи въ глазахъ Бакунина. Эта антисемитская нотка, къ сожалѣнію, часто прорывалась у Бакунина, особенно въ его борьбѣ съ Марксомъ, Утинымъ и пр.

этомъ смыслѣ и съ этой цѣлью онъ образовалъ значительную, преимущественно политическую партію нѣмецкихъ рабочихъ, организовалъ ее іерархически, подчинивъ строгой дисциплинѣ и своей диктатурѣ, словомъ—сдѣлалъ то, что г. Марксъ въ послѣдніе три года хотѣлъ сдѣлать въ Интернаціоналѣ. (Дальше рѣчь идетъ о народномъ парламентѣ, о кредитѣ производительнымъ ассоціаціямъ и о мирномъ преобразованіи буржуазнаго общества)... Такова программа Лассалья, такова же (?) и программа социальна-демократической партіи. Собственно она принадлежитъ не Лассалю, а Марксу, который ее вполне высказалъ въ извѣстномъ «Манифестѣ Коммун. Партіи», обнародованномъ имъ и Энгельсомъ въ 1848 г. Ясный намекъ находится на нее также въ первомъ «манифестѣ Международнаго Общества», написанномъ Марксомъ въ 1864 г., въ словахъ: «Первый долгъ рабочаго класса заключается въ завоеваніи себѣ политическаго могущества» или, какъ говорится въ Манифестѣ Коммун., «первый шагъ къ революціи рабочихъ долженъ состоять въ возвышеніи пролетаріата на степень господствующаго сословія. Пролетаріатъ долженъ сосредоточить всѣ орудія производства въ рукахъ государства», т. е. пролетаріата, возведеннаго на степень господствующаго сословія» (Гос. и Ан., стр. 213—214).

«Мы уже нѣсколько разъ высказывали глубокое отвращеніе къ теоріи Лассалья и Маркса, рекомендующей работникамъ, если не какъ послѣдній идеалъ, то, по крайней мѣрѣ, какъ ближайшую главную цѣль — основаніе народнаго государства... Если есть государство, то непременно есть господство, слѣдовательно, и рабство; государство безъ рабства, открытаго или маскированнаго, немислимо,— вотъ почему мы враги государства». Избранные народомъ представители, хотя бы и изъ рабочихъ, «лишь только сдѣлаются правителями или представителями народа, перестанутъ быть работниками и станутъ смотрѣть на весь чернорабочій міръ съ высоты государственной; будутъ представлять уже не народъ, а себя и свои притязанія на управленіе народомъ. Кто можетъ усомниться въ этомъ, тотъ совсѣмъ не знакомъ съ природою человѣка» (Гос. и Ан., 217). И этотъ наивный аргументъ противъ политической борьбы рабочаго класса и диктатуры пролетаріата также явно навѣянъ дѣтствомъ рабочаго движенія, той первоначальной его стадіей, на которой пролетаріатъ, въ силу своей неорганизованности, малосознательности и отсутствія политическаго воспитанія, еще неспособенъ контролировать своихъ избранныхъ и принуждать своихъ довѣренныхъ людей творить волю пославшаго ихъ.

«Основной пунктъ этой программы: освобожденіе (мнимое) пролетаріата посредствомъ только одного (?) государства... Пролетаріатъ долженъ совершить революцію для овладѣнія государствомъ—средство героическое. По нашему мнѣнію, разъ овладѣвъ имъ, онъ долженъ немедленно его разрушить, какъ вѣчную тюрьму народныхъ массъ; по теоріи же г. Маркса народъ не только не долженъ его разрушать, напротивъ, долженъ укрѣпить и усилить и въ этомъ видѣ передать въ полное распоряженіе своихъ благодѣтелей, опекуновъ и учителей—начальниковъ коммунистической партіи, словомъ, г. Марксу и его друзьямъ, которые начнутъ освобождать по своему»... «Благодаря той же (честолюбивой) мечтательности, а также желанію приобрести почитателей и приверженцевъ среди буржуазіи, Маркст постоянно толкалъ и толкаетъ пролетаріатъ на сдѣлки съ буржуазными радикалами. По воспитанію и по натурѣ онъ яковинецъ, и его любимая мечта—политическая диктатура... Лассаль оказался несравненно логичнѣе и практичнѣе Маркса, признающаго Бисмарка революціонеромъ, конечно по своему, и мечтающаго о сверженіи его, вѣроятно потому, что онъ занимаетъ въ государствѣ первое мѣсто, которое, по мнѣнію г. Маркса, должно принадлежать ему». (Гос. и Ан., 222—224).

«Программа Маркса сдѣлалась программой социально-демократической партіи. Вначалѣ въ ней повторяются нѣкоторые изъ главныхъ параграфовъ интернаціональной программы, утвержденной Женевскимъ Конгрессомъ; но потомъ вдругъ совершается крутой переходъ къ «завоеванію политической власти», рекомендуемому нѣмецкимъ работникамъ какъ «ближайшая и непосредственная цѣль» новой партіи, съ прибавленіемъ слѣдующей знаменательной фразы: «завоеваніе политическихъ правъ (всенародное право избирательства, свобода печати, свобода ассоціацій и публичныхъ собраній и т. д.) какъ необходимое предварительное условіе экономическаго освобожденія работниковъ»... А такъ какъ всякое политическое движеніе не можетъ быть другимъ, какъ движеніемъ буржуазнымъ, то и выходитъ, что эта программа рекомендуетъ нѣмецкимъ работникамъ усвоить себѣ прежде всего буржуазные интересы и цѣли и совершить политическое движеніе въ пользу радикальной буржуазіи» (Гос. и Ан., 226).

Такой неожиданный выводъ совершенно естествененъ для Бакунина, который рѣшительно отрицалъ значеніе политической свободы, какъ предварительнаго условія для организаціи и экономическаго освобожденія пролетаріата. «Нужно быть осломъ, невѣждою, сумасшедшимъ,—пишетъ онъ своимъ нѣсколько энергическимъ стилемъ,—чтобы вообразить себѣ, что какая-нибудь конституція, даже самая

либеральная и самая демократическая, могла бы изменить къ лучшему это отношеніе государства къ народу (здѣсь Бакунинъ забываетъ, что рѣчь идетъ не объ отношеніи государства къ народу, а объ отношеніи народа къ государству!); ухудшить, сдѣлать его еще болѣе обременительнымъ, разорительнымъ, пожалуй, хотя и трудно, потому что зло доведено до конца, но освободить народъ, улучшить его состояніе—это просто нелѣпость!» (Гос. и Ан., стр. 74—75. Замѣтимъ, что рѣчь идетъ здѣсь о Россіи!).

А потому Бакунинъ приходитъ къ слѣдующему заключенію, которымъ кончается его памфлетъ «Государственность и Анархія» (стр. 240): «На пангерманскомъ (читай: марксистскомъ, социаль-демократическомъ¹⁾) знамени написано: удержаніе и усиленіе государства во чтобы то ни стало; на социально-революціонномъ же, на нашемъ знамени, напротивъ, огненными, кровавыми буквами начертано разрушеніе всѣхъ государствъ, уничтоженіе буржуазной цивилизаціи, вольная организація снизу вверхъ посредствомъ вольныхъ союзовъ, — организація разнузданной чернорабочей черни, всего освобожденнаго человѣчества, созданіе новаго общечеловѣческаго міра».

Такъ какъ государство по существу построено на принципѣ авторитета, насилія и власти, а значить и эксплуатаціи, то ближайшей и обязательной задачей является его разрушеніе. Даже «самое республиканское и самое демократическое, даже мнимо-народное государство, задуманное Маркомъ», не можетъ дать ничего другого, кромѣ управленія и эксплуатаціи большинства меньшинствомъ. «Бунтъ противъ государства сравнительно легко, ибо въ самой природѣ государства есть явѣто, вызывающее на бунтъ» *). «Единственная вещь, которую можетъ и должно сдѣлать государство, это видоизмѣнить мало-по-малу наследственное право, съ цѣлью какъ можно скорѣе достигъ его полного уничтоженія» **). Итакъ, необходимо стремиться къ уничтоженію государства путемъ отмены наследственнаго права, провозглашенія частнаго и общаго банкротства, разрушенія всѣхъ существующихъ учреждений, государства, церкви, юридическаго міра, банковъ, университетовъ, арміи и полиціи. «Весьма дѣйствительнымъ средствомъ въ данномъ случаѣ является сожженіе всѣхъ бумагъ, для того, чтобы уничтожить семью и собственность съ юридической стороны ихъ существованія» (чисто крестьянское пониманіе социальнаго переворота; во время стихійныхъ бунтовъ кре-

*) Богъ и Государство, Собр. соч., т. I, стр. 17.

**) Федерализмъ, социализмъ и антитеологизмъ. Собр. соч., I, 78.

стьяне всегда прибѣгали къ такому ауто-да-фе владѣнныхъ грамотъ, феодальныхъ инвентарей и т. д.). Достигнуть этого можно путемъ непрерывныхъ бунтовъ, хотя бы и частныхъ, ибо, по мнѣнію Бакунина, «всякій бунтъ, какъ бы неудаченъ онъ ни былъ, всегда полезенъ»; разрозненные бунты въ концѣ концовъ приведутъ къ всеобщему возстанію народа, которое и закончится всеразрушеніемъ. Приведетъ-ли это всеразрушеніе къ идеальной общественной организаціи, Бакунинъ не знаетъ, но онъ увѣренъ, «что новая организація, оставаясь постоянно открытой для пропаганды городовъ и обходясь безъ закрѣпляющей, создающей окаменѣлыя формы юридической государственной санкціи, будетъ свободно прогрессировать, будетъ постоянно развиваться жизненно и свободно, хотя въ неопредѣленныхъ формахъ; никогда не прибѣгая къ декретамъ и законамъ, она будетъ развиваться и улучшаться, пока не достигнетъ такого разумнаго состоянія, о какомъ мы теперь только можемъ мечтать» («Письма къ французу о современномъ кризисѣ»).

Вотъ съ какой системой взглядовъ пришлось столкнуться марксистамъ въ Интернаціоналѣ. Марксъ и его сторонники смотрѣли на ближайшія задачи пролетаріата совершенно иначе. Мы видѣли, что въ полемикѣ съ бунтарями фракціи Виллиха-Шаппера Марксъ настаивалъ на планомерной выработкѣ классоваго самосознанія: «мы говоримъ рабочимъ: вы должны 15, 20, 50 лѣтъ вести междоусобныя и международныя войны не только для того, чтобы измѣнить внѣшнія условія, но и для того, чтобы измѣнить самихъ себя и сдѣлать себя способными къ политическому господству; вы наоборотъ говорите: мы должны сейчасъ же достигнуть власти, иначе мы можемъ ложиться спать». Если отбросить слова о «достиженіи власти», что бакунисты отрицали принципиально, то положеніе въ сущности оставалось тѣмъ же и позиціи борющихся сторонъ были весьма сходными. Правда, быстрые успѣхи Интернаціонала внушили и Марксу слишкомъ оптимистическія надежды на сравнительно близкій социальный переворотъ. Къ концу 60-хъ годовъ всѣмъ искреннимъ друзьямъ трудящихся казалось, что желанный часъ экономическаго освобожденія рабочаго класса не за горами. При всемъ своемъ глубокомъ и вкоренившемся реализмѣ, нашъ великій учитель слишкомъ горячо мечталъ о полномъ освобожденіи трудящихся и въ нѣкоторые моменты позволялъ своей революціонной страсти увлекать себя въ область радужныхъ перспективъ. Честь и слава ему за это! Но только жалкіе филистеры способны съ ученымъ видомъ знатока доказывать *post festum*, что Марксъ легко-декалъ, поддавался революціонному оптимизму и не хуже какого-нибудь послѣдняго «бланкиста» могъ ожидать насту-

пленія коммунистическаго милленіума, когда для этого въ дѣйствительности не было никакихъ объективныхъ данныхъ. Но при всей своей вѣчно юной революціонной пылкости, нашъ строгій реалистъ ни на минуту не увлекался революціонной фразой и не упускалъ изъ виду тѣхъ «предварительныхъ условій» социальной революціи, которыя приводили въ такое негодованіе романтически настроеннаго утописта Бакунина. Извѣстно, какое важное значеніе Марксъ придавалъ экономическимъ реформамъ, въ особенности такимъ, которыя завоеваны были самодѣятельностью рабочаго класса («законъ о десятичасовомъ рабочемъ днѣ явился не только крупнымъ практическимъ успѣхомъ, но и побѣдой принципа»). Не менѣе важное значеніе приписывалъ онъ политической свободѣ и демократизаціи социално-политическихъ условій, хотя лучше всякаго другого понималъ ограниченность ихъ дѣйствія и меньше кого бы то ни было склоненъ былъ усматривать въ нихъ какую-нибудь панацею.

Беря на себя отвѣтственную задачу теоретическаго руководства начинающимся массовымъ рабочимъ движеніемъ, нашедшимъ свое выраженіе въ Интернаціоналѣ, Марксъ не желалъ навязывать рабочей массѣ какихъ-либо доктринерскихъ ученій; онъ стремился лишь, исходя изъ собственнаго опыта этой массы, правильно сформулировать общій смыслъ и конечныя цѣли стихійно развивающейся пролетарской борьбы, вооружить пробуждающійся рабочій классъ оружіемъ сознанія и научной критики. Уже въ «Учредительномъ адресѣ» Марксъ указываетъ рабочему классу на необходимость завоеванія политической власти въ интересахъ его экономической эмансипаціи. А въ уставъ Интернаціонала включенъ былъ знаменитый пунктъ 3, вызвавшій впоследствии столько ожесточенныхъ споровъ: «что поэтому экономическое освобожденіе рабочаго класса есть великая цѣль, которой всякое политическое движеніе должно быть подчинено какъ средство» *).

Второй Конгрессъ Интернаціонала въ Лозаннѣ (1867 г.) снова вернулся къ вопросу о ближайшихъ политическихъ задачахъ рабочаго класса. Резолюція Генеральнаго Совѣта (т. е. Маркса), указывая

*) Въ англійскомъ текстѣ сказано было «as a means» (какъ средство). Въ первомъ, крайне неудачномъ французскомъ переводѣ этихъ словъ не оказалось, что подало поводъ буржуазнымъ демократамъ во Франціи упрекать французскихъ интернационалистовъ въ бонапартизмъ и въ желаніи подчинить рабочее движеніе полицейскимъ цѣлямъ, а юрдамъ-бакунистамъ впоследствии обвинять марксистовъ въ подлогѣ. Интерсующихся подробностями этого спора, который, какъ это показали послѣдствія, далеко не былъ споромъ о словахъ, отсылаемъ къ слѣд. сочиненіямъ: Теккъ, Интернаціоналъ: James Guillaume, L'Internationale, I и 2; А. Тома, Исторія Второй Имперіи, Спб., 1908.

на ограниченное значеніе кооперативнаго движенія, неспособнаго собственными силами произвести переворотъ въ капиталистическомъ обществѣ, настойчиво подчеркивала ту мысль, что радикальное измѣненіе социальнаго строя не можетъ быть осуществлено иначе, какъ посредствомъ организованной силы общества, т. е. путемъ перехода государственной власти изъ рукъ капиталистовъ и землевладельцевъ въ руки самихъ рабочихъ. А при обсужденіи 7-го пункта порядка дня, затрагивавшаго вопросъ о значеніи политической свободы для рабочаго класса, безъ всякихъ преній была принята слѣдующая резолюція комисіи: «Принимая во вниманіе, что отсутствіе политической свободы препятствуетъ социальному воспитанію народовъ и освобожденію пролетаріата, конгрессъ заявляетъ, что социальное освобожденіе рабочихъ немыслимо безъ политическаго освобожденія и что установленіе политической свободы есть мѣра первой и абсолютной необходимости».

Эта резолюція, собственно говоря, была въ забрало не анархистамъ, которые тогда еще не выступали съ своей проповѣдью все-разрушенія, а прудонистамъ-мютюэлистамъ, выказывавшимъ возмутительный политическій индифферентизмъ—главнымъ образомъ, страха ради полицейска. Напротивъ, будущіе вожди анархистовъ, Гильомъ и Б°, поддерживали и даже выдвигали эту резолюцію. Но вскорѣ подъ вліяніемъ бакунинскій пропаганды они громко провозгласили свое «*mea culpa*» и возстали противъ «буржуазной» и «государственно-авторитарной» тактики Генеральнаго Совѣта, сирѣчь «пан-германской» марксистской «клики».

Разногласія бакунистовъ съ Лондонскимъ Генеральнымъ Совѣтомъ осложнились еще расхожденіемъ по организаціонному вопросу.

Давно уже замѣчено, что принципиальныя разногласія легко переходятъ въ организаціонныя. Каждому общему историко-философскому міросозерцанію соотвѣтствуетъ своя опредѣленная тактика и свой планъ организаціоннаго строительства. Общенациональной (и даже интернаціональной) и концентрированной ближайшей цѣли марксистовъ, стремленію къ завоеванію политической власти и овладѣнію государствомъ, дабы съ помощью организованной силы общества осуществить социальное переустройство, соотвѣтствовала централистическая и дисциплинированная организація, въ которой разрозненныя силы отдѣльныхъ участниковъ умножаются и интенсифицируются прямо пропорціоально ихъ единомыслію, солидарности и согласованности дѣйствій. Анархическимъ, разрушительнымъ стремленіямъ бакунистовъ, стремившихся путемъ частичныхъ бунтовъ, возстаній и партизанскихъ выступленій добиться разрушенія и расторженія общественныхъ связей, дабы на полученной такимъ образомъ *tabula rasa*

возсоздать новую социальную организацию снизу вверх, путем добровольного соглашения свободных индивидуумов и групп, соответствовал федералистический идеал, децентралистический план организации, неограниченная автономия отдельных секций, полное распыление партийной деятельности.

В первый период деятельности Международной Ассоциации против необходимости согласованности действий и дисциплины Интернационала не раздавалось возражений. Напротив, на Лозаннском конгрессе полномочия Генерального Совета были даже расширены, и ему предоставлено было право пополнять свой состав новыми членами путем кооптации. И опять-таки это предложение было поддержано Гильомом, будущим лидером автономистов и сепаратистов. Но стоило только Генеральному Совету воспользоваться своим правом и вмешаться в местный конфликт между марксистами и бакунистами в Швейцарии*), как против него открыта была самая ярая кампания. Его начали обвинять в деспотизме, самовластии, авторитаризме и иных смертных грехах против абсолютной и неограниченной автономии секций. Даже решение Совета отсрочить созыв очередного конгресса по случаю франко-прусской войны и вызванных ею пертурбаций объявлено было делом самой низкой интриги марксистской «клики». Бакунисты заработали всю; эмиссары, письма, тайные послания полетели из страны в страну; в романских странах создан был настоящий заговор против Генерального Совета, а в действительности против Интернационала; с каждым днем дезорганизация Международной Ассоциации дала все большие успехи. Борьба с внутренним врагом Интернационалу становилось все труднее, тем более, что внимание Генерального Совета было поглощено сначала парижской Коммуной, а затем устройством массы эмигрантов, бѣжавших из Франции послѣ подавления Коммуны.

Лондонская Конференция, состоявшаяся в сентябрь 1871 г. вмѣсто очередного съезда, должна была разрешить эти спорные вопросы. Слѣдует замѣтить, что къ этому моменту вопросъ о политическихъ задачахъ пролетаріата стоялъ передъ Интернационаломъ уже не въ абстрактной формѣ общихъ пожеланій, а въ конкретной

*) Продолжительная борьба между бакунистами и ихъ противниками въ романской Швейцаріи закончилась расколомъ на съѣздѣ романской федераціи въ Ла-Шодефонѣ (апрѣль 1870 г.), гдѣ бакунисты оказались въ незначительномъ большинствѣ. Такимъ образомъ образовались двѣ романскія федераціи. Генеральный Советъ не призналъ бакунистской федераціи, которая впослѣдствіи приняла названіе Юрской Федераціи (подъ этимъ названіемъ она и вошла въ исторію Интернационала).

формѣ опредѣленныхъ директивъ и реальныхъ дѣйствій. Кровавый урокъ Коммуны выяснилъ и выдвинулъ на первый планъ историческую необходимость организациі рабочаго класса въ особую политическую партію, самостоятельно стремящуюся къ завоеванію политической власти въ интересахъ своего социальнаго освобожденія. Съ другой стороны, нѣмецкіе рабочіе къ концу 60-хъ годовъ организовались въ социаль-демократическую партію, въ программѣ которой намѣчались ближайшія задачи пролетаріата и въ частности всесторонняя демократизація общества и завоеваніе государственной власти для преобразованія общества въ социалистическомъ духѣ («Эйзенахцы»).

По вопросу о политическихъ задачахъ рабочаго класса Лондонская Конференція резюмировала всѣ прежнія заявленія Международнаго Товарищества и въ длинной мотивированной резолюціи, напомнившей, что «экономическая борьба рабочаго класса и его политическая борьба неразрывно связаны другъ съ другомъ», заявила, что «рабочій классъ можетъ дѣйствовать противъ объединенной силы имущихъ классовъ только какъ классъ, организуясь въ особую политическую партію отдѣльно отъ партій имущихъ классовъ», и что «эта организациія рабочаго класса въ политическую партію является необходимой для торжества социальной революціи».

Рѣшенія Конференціи, доставившей побѣду марксистамъ, не только не заставили бакунистовъ замолчать, но напротивъ—подлили масла въ огонь. Дезорганизаторская машина заработала съ еще большей энергіей. Анархія начала осуществляться и въ программѣ, и въ организациі. Какъ писалъ Марксъ въ частномъ циркулярѣ Генеральнаго Совѣта «Мнимый расколъ въ Интернаціоналѣ», «анархія—вотъ главный конекъ ихъ учителя Бакунина, который отъ социалистическихъ системъ взялъ только этикетки. Всѣ социалисты понимаютъ подъ анархіей слѣдующее: разъ будетъ достигнута цѣль пролетарскаго движенія—уничтоженіе классовъ, то государственная власть, способствующая удержанію производительнаго большинства подъ игомъ ничтожнаго меньшинства эксплуататоровъ, исчезнетъ, а правительственныя функции превратятся въ простыя административныя функции. Альянсъ выворачиваетъ все это наизнанку. Онъ провозглашаетъ анархію въ пролетарскихъ рядахъ въ качествѣ вѣрнѣйшаго средства къ тому, чтобы разрушить могучую концентрацію социальныхъ и политическихъ силъ въ рукахъ эксплуататоровъ. Подъ этимъ предлогомъ онъ требуетъ, чтобы Интернаціоналъ въ моментъ, когда старый міръ старается его раздавить, замѣнилъ свою организацию анархіей» *).

*) Сопоставимъ съ этимъ слѣд. слова Энгельса: «Первый актъ, въ которомъ государство выступило бы дѣйствительнымъ представителемъ

И дѣйствительно, въ ожиданіи будущихъ благъ отъ всеразрушенія бакунисты вносили полную анархію и дезорганизацию въ Международное Товарищество Рабочихъ. Конгрессъ Юрской Федерациі въ Сонвилль, созванный вскорѣ послѣ Лондонской Конференціи (окт. 1871), поднялъ знамя возстанія противъ Генеральнаго Совѣта, обвиняя его въ диктаторскихъ замашкахъ, пангерманскомъ и бисмарковскомъ направленіи, въ «ортодоксальной» нетерпимости, фальсификаціяхъ, подтасовкѣ состава Конференціи (которая своими постановленіями имѣла въ виду «превратить свободную федерацию автономныхъ секцій въ іерархическую и авторитарную организацию дисциплинированныхъ секцій»). «Мы обвиняемъ,—гласило посланіе юрцевъ ко всѣмъ федерациямъ Международнаго Товарищества,—Генеральный совѣтъ въ томъ, что его члены, стремясь къ торжеству своихъ собственныхъ теорій, хотятъ внести въ Интернаціональ принципъ авторитета. Вполнѣ извинительно и понятно, что та школа, идеаломъ которой является завоеваніе политической власти рабочимъ классомъ, должна была для достиженія своей цѣли превратиться въ іерархическую организацию, управляемую однимъ комитетомъ. Однако уставъ Интернаціонала заявляетъ, что освобожденіе рабочихъ можетъ быть лишь дѣломъ самихъ рабочихъ, а потому (!) нужно требовать сохраненія прежней автономіи секцій». По мнѣнію составителей этого циркуляра, членъ Интернаціонала долженъ позаботиться о томъ, чтобы его организация по мѣрѣ возможности приблизилась къ ихъ идеалу. «Интернаціональ, этотъ зародышъ грядущаго, человѣческаго общежитія, обязанъ уже и теперь сдѣлаться вѣрнымъ отраженіемъ нашихъ принциповъ свободы и федерациі и рѣшительно отвергнуть всякій принципъ, имѣющій тенденцію къ власти и диктатурѣ». Но по вѣрному замѣчанію Маркса, если бы Юрской Федерациі удалось превратить Интернаціональ въ точную копию еще не существующаго общества, то она только исполнила бы самыя горячія пожеланія европейской волиціи, которая ни о чемъ такъ не мечтала, какъ о парализованіи, дезорганизациі и ослабленіи Интернаціонала.

Къ нападкамъ юрцевъ на Генеральный совѣтъ вообще и на органи-

всего общества—овладѣніе отъ имени общества средствами производства—высѣтъ съ тѣмъ и послѣдній самостоятельный актъ государства. Вмѣнительство государства въ общественныя дѣла дѣлается излишнимъ въ одной области за другою и такимъ образомъ само собою прекращается. На мѣсто управленія лицами вступаетъ завѣдываніе вещами и руководство процессами производства. Государство не упраздняется; оно отмираетъ» („Развитіе социализма отъ утопіи къ наукѣ“).

зационную централизацию в частности присоединились федерации испанская, бельгийская и итальянская. Последняя даже отказалась явиться на Гаагский конгресс и постановила порвать всякия сношения с Генеральным Советом. Все бакунистскія секціи требовали, чтобы у Генер. Совета отнята была всякая власть и чтобы онъ превратился въ простое справочно-статистическое бюро. Онъ забывали, говоря словами Маркса, что власть Совета, не располагавшаго ни жандармами, ни судьями, ни физической силой, — чисто моральная, что она вызывается и оправдывается потребностями международного рабочаго движения. Какъ замѣтилъ на Гаагскомъ Конгрессѣ Лафаргъ, если бы Генер. Совета не было, то его нужно было бы выдумать.

Рѣшительное столкновение между марксистами и бакунистами, нанесшее смертельныя раны обоимъ борцамъ, произошло на Гаагскомъ конгрессѣ (сент. 1872 г.). Генеральный Советъ одержалъ полную побѣду, но эта побѣда была вмѣстѣ съ тѣмъ и его поражениемъ. Централистическій характеръ организации былъ подчеркнутъ, полномочія Генеральнаго Совета были значительно расширены, ему предоставлено было право закрывать отдѣльныя секціи и даже цѣлыя національныя федерации до ближайшаго конгресса и т. п. По вопросу о политической дѣятельности пролетаріата принята была резолюція Вайяна, поддержанная марксистами и бланкистами и повторявшая основныя положенія прежнихъ рѣшеній въ этомъ смыслѣ. Дѣятельность бакунистовъ была сурово осуждена, а самъ Бакунинъ и Гильомъ были исключены изъ Интернаціонала^{*)}. Но рѣшеніе перенести Генер. Советъ въ Нью-Йоркъ (вызванное между прочимъ опасеніемъ, что Советомъ могутъ овладѣть бланкисты) было равносильно признанію, что старый Интернаціоналъ пережилъ себя и что первая стадія международного рабочаго движения уже пройдена и исчерпала себя. Рѣшенія

*) Между прочимъ, Бакунину, кромѣ дезорганизаторской дѣятельности и происковъ Альянса, были поставлены въ вину его сношенія съ Нечаевымъ, который, какъ извѣстно, дѣйствовалъ въ Россіи въ качествѣ эмиссара Интернаціонала (въ дѣйствительности—бакунинскаго Альянса). Нечаевъ оплелъ Бакунина, который былъ увлеченъ его энергіей и преданностью народному дѣлу. Но въ концѣ концовъ Нечаевъ поступилъ самымъ низкимъ образомъ съ Бакунинымъ и Огаревымъ, которые окончательно порвали съ нимъ. Тотъ же Нечаевъ поставилъ Бакунина въ ложное положеніе, пославши (несомнѣнно, безъ вѣдома великаго революціонера) издателю Полякову на бланкѣ революціоннаго комитета приказаніе подъ страхомъ смерти не требовать отъ Бакунина возврата 300 руб., выданныхъ ему авансомъ за переводъ перваго тома „Капитала“ (котораго онъ такъ и не закончилъ). Этимъ фактомъ Марксъ воспользовался противъ Бакунина на Гаагскомъ конгрессѣ.

Гаагскаго Конгресса фактически оказались завѣщаніемъ стараго Интернаціонала его грядущему преемнику.

Стольновеніе между инстинктивной идеологіей деклассированныхъ, lumpenпролетаріата и бунтарскаго крестьянства, представляемой Бакунинымъ, и реалистической идеологіей сознательнаго пролетаріата, представляемой Марксомъ, закончилось идейной побѣдой марксизма, выражающаго не мимолетные порывы отдѣльныхъ слоевъ эксплуатируемаго большинства, а общіе интересы освободительнаго движенія пролетаріата въ цѣломъ. Однако старый Интернаціональ уже не могъ воспользоваться опытомъ этой борьбы; какъ организациа онъ умеръ послѣ Гаагскаго Конгресса. Но его дѣятельность дала сильный толчекъ къ организации широкихъ національныхъ партій пролетаріата, которыя черезъ 17 лѣтъ сплотились въ новый, болѣе обширный и могучій Интернаціональ.

Анархическій же Интернаціональ протянулъ еще нѣсколько лѣтъ, но постепенно растаялъ безслѣдно. Онъ былъ обреченъ на историческое безплодіе по самому существу.

* *
*

Въ слѣдующій разъ опредѣлить свои отношенія къ анархистамъ и ихъ выступленіямъ Марксу пришлось по поводу плачевной эволюціи Моста; старый заслуженный социаль-демократъ, горячій сторонникъ Интернаціонала, онъ энергично содѣйствовалъ распространенію социалистическихъ идей, сначала среди австрійскихъ, а затѣмъ среди германскихъ рабочихъ, дважды былъ избираемъ въ рейхстагъ, но послѣ распушенія рейхстага въ 1878 году былъ забаллотированъ. Эта избирательная неудача, какъ впоследствии случилось съ Домела Ньюенгейсомъ, послужила для Моста толчкомъ къ анархическому грѣхопадению. Человѣкъ крайне горячій и пылкій до неразсудительности, сторонникъ театральныхъ выступленій и рѣзкихъ выходокъ, Мостъ, взявшись за критику тогдашнихъ партійныхъ вождей и проявляемаго ими при случаѣ оппортунизма, не сумѣлъ удержаться на правильной позиціи. Въ разсматриваемое время Марксъ и Энгельсъ также были недовольны многими заявленіями и поступками партійныхъ верховъ въ Германіи; они находили, что «въ Германіи въ нашей партіи не столько среди массъ, сколько среди ея вожаковъ («рабочихъ» и людей привилегированныхъ классовъ) пахнетъ гнилью»; но вѣрные партійной дисциплинѣ, они воздерживались отъ публичныхъ нападокъ на партію, чтобы не затруднять и безъ того тяжелаго положенія мѣстныхъ работниковъ.

Иначе повелъ себя Мостъ *). Высланный по отбытіи тюремнаго заключенія изъ Берлина, онъ уѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ съ начала 1879 года началъ издавать при содѣйствіи коммунистическаго образовательнаго кружка рабочихъ еженедѣльную газету «Die Freiheit» (Свобода). Озлобленный десятилѣтними полицейскими и судебными гоненіями и оторвавшись отъ партійной массы, Мостъ не сумѣлъ удержаться на наклонной плоскости «безответственнаго критика» и постепенно докатился до самыхъ горячечныхъ и фантастическихъ выходовъ. Сначала онъ ограничивался протестомъ противъ крайняго оппортунизма нѣмецкихъ социаль-демократовъ, которые въ первое время всячески силились приспособиться къ обстановкѣ, созданной исключительнымъ закономъ, не выходя при этомъ изъ строго легальныхъ рамокъ; его газета упорно настаивала на революціонной тактикѣ, хотя пока еще не въ «смыслѣ виль», а въ томъ смыслѣ, въ какомъ велась агитація до изданія закона о социалистахъ. Но постепенно Мостъ, хотя и заявлявшій, что онъ не рекомендуетъ ни тайной организациі партіи, ни парламентскаго бойкота, началъ заговаривать о «новой партіи», социаль-революціонной партіи, и третировать партійныхъ вожаковъ въ самомъ возмутительномъ клеветническомъ тонѣ. Онъ все больше запутывался въ бессмысленной игрѣ въ революцію, совѣтовалъ рабочимъ не принимать участія въ выборахъ, восхвалялъ покушенія Геделя и Нобилинга и пытался создать въ Германіи свою собственную «социаль-революціонную партію», проповѣдая принципъ «око за око и зубъ за зубъ» и совѣтуя рабочимъ «на собственный страхъ запастись хорошимъ магазиннымъ ружьемъ. Четыре тысячи социалистовъ, организованныхъ и вооруженныхъ такимъ образомъ въ имперской столицѣ Берлинѣ, и соответственное количество въ главныхъ промышленныхъ центрахъ—и Мольтке не легко будетъ раскусить этотъ орѣхъ» Виденскій конгрессъ (1880) исключилъ Моста изъ партіи, послѣ чего Мостъ окончательно запутался. Онъ объявилъ себя сторонникомъ анархизма, но «даже къ нему,—какъ говоритъ Мерингъ,—онъ не принадлежалъ въ сколько-нибудь серьезномъ смыслѣ». Содержаніе его газеты составляло отъ первой до послѣдней строки безсмысленное неистовство, а агитаціонная брошюра «Тактика противъ Свободы», съ которою Мостъ выступилъ осенью 1880 года противъ нѣмецкой социаль-демократіи, представляла собою туманную путаницу мыслей. Прусская полиція поспѣшила использовать кровавадыя разглагольствованія Моста и окружила его густой сѣтью шпіоновъ. Послѣдніе доставляли Мосту матеріалы

*) Мерингъ, Исторія германской соц.-дем., т. IV, стр. 171 и слѣд.

для клеветническихъ нападокъ на партійныхъ вождей, которыхъ онъ позволилъ себѣ даже обвинять въ растратѣ партійныхъ суммъ, и помогли ему устроить «соціаль-революціонную» организацію, которую, какъ водится, и выдали полиціи. Всѣ эти нелѣпости въ концѣ концовъ отрезвили тѣхъ смѣлыхъ и энергичныхъ рабочихъ, которые одно время внимательно прислушивались къ рѣзкимъ выходкамъ Моста (особенно въ Берлинѣ, гдѣ дѣйствовало малое осадное положеніе). Въ концѣ концовъ Мостъ совершенно оторвался отъ массоваго рабочаго движенія и окончательно ушелъ къ анархистамъ.

Одно время социалдемократическіе лидеры въ Германіи опасались, чтобы Марксъ, недовольный оппортунизмомъ партійныхъ верховъ, не вздумалъ поддержать рѣзкихъ нападокъ Моста всѣмъ вѣсомъ своего авторитета. Но это опасеніе было совершенно неосновательно. Революционизмъ Маркса не имѣлъ ничего общаго съ кровожадными декламациями и революціонной фантастикой; напротивъ, революціонная фраза не имѣла болѣе рѣшительнаго противника, чѣмъ Марксъ. О теоретическихъ способностяхъ Моста и о его политической зрѣлости Марксъ еще до изданія закона о социалистахъ былъ самаго невысокаго мнѣнія. «Когда рабочіе, подобно господину Мосту и К^о,—писалъ онъ,—становятся профессиональными литераторами, они всегда вносятъ «теоретическую» путаницу и всегда готовы перейти на сторону путаныхъ головъ такъ называемой «ученой» касты. Въ теченіе десятилѣтій мы съ большимъ трудомъ старались освободить головы нѣмецкихъ рабочихъ отъ утопическаго социализма и фантастическаго представленія о будущемъ строѣ общества, что и дало имъ теоретически, а слѣдовательно—и практически перевѣсъ надъ французами и англичанами. Но вотъ утопическій социализмъ снова завладѣлъ ихъ умами, съ той только разницей, что онъ болѣе низкой пробы и ничего общаго не имѣетъ съ ученіемъ англійскихъ и французскихъ утопистовъ, а созданъ—Вейтлингомъ. Естественно, что утопизмъ, предшествовавшій матеріалистическо-критическому социализму, носилъ въ себѣ послѣдній *in fine*; всплывая же на поверхность *post festum*, онъ можетъ быть только нелѣпнымъ, скучнымъ и въ самомъ своемъ основаніи реакціоннымъ» (Переписка Зорге, изд. Дауге, стр. 178—179).

Когда Мостъ началъ издавать свою газету, Бернштейнъ писалъ Энгельсу изъ Цюриха, что Мостъ распространяетъ въ Германіи и Швейцаріи слухъ, будто за нимъ стоятъ Марксъ и Энгельсъ. На это Энгельсъ отвѣтилъ, что если Бернштейнъ сумѣетъ доказать справедливость этого слуха, то онъ открыто выступитъ противъ «этой лжи», но Бернштейнъ абсолютно никакихъ доказательствъ представить не могъ. 19-го сентября 1879 года Марксъ писалъ Зорге: «Что

касается Моста съ компаніей, то мы относимся къ нимъ «пассивно», это значить, что мы съ ними ни въ какихъ сношеніяхъ не находимся, хотя Мостъ меня время отъ времени и посѣщаетъ... Наши разногласія съ Мостомъ ничего общаго не имѣютъ съ разногласіями цюрихскихъ господъ (тріо, состоящаго изъ доктора Гѣхберга, Бернштейна, секретаря перваго, и К. Шрамма). Мы упрекаемъ Моста не въ томъ, что его «Freiheit» слишкомъ революціонна, а наоборотъ, въ томъ, что въ ней нѣтъ революціоннаго содержанія, а имѣются только революціонныя фразы. Мы ставимъ въ вину Мосту не его критику вожаконъ нѣмецкой партіи, а во-первыхъ, то, что онъ вмѣсто того, чтобы подобно намъ письменно высказывать этимъ господамъ свое мнѣніе, открыто скандализировать, и во-вторыхъ, что все это онъ дѣлаетъ исключительно съ цѣлью заставить о себѣ говорить и популяризировать идиотскіе заговорщицкіе планы гг. Кауфмана и Вебера младшаго. Эти молодцы еще задолго до прибытія Моста почувствовали себя призванными взять подъ свое высокое покровительство «всеобщее рабочее движеніе» и для приведенія въ исполненіе этой рискованной «преlestной» затѣи дѣлали всюду все возможное. Простодушный Джонъ Мостъ, человѣкъ съ чисто дѣтскимъ тщеславіемъ, глубоко увѣренъ, что его пребываніе не въ Германіи, а въ Лондонѣ вызвало большія міровыя пертурбаціи. Онъ не лишень нѣкоторыхъ талантовъ, которые однако убьетъ своимъ многописаніемъ, да къ тому еще онъ человѣкъ безъ *esprit de suite*. Всякая переменна вѣтра бросаетъ его подобно флюгеру то въ ту, то въ другую сторону» *)).

По мѣрѣ того, какъ Мостъ въ своихъ нападкахъ на партію

*) Для сохраненія правильной исторической перспективы слѣдуетъ замѣтить, что въ томъ же письмѣ Марксъ довольно рѣзко высказывается противъ Бебеля, Либкнехта, Зингера, Э. Бернштейна, доктора Гѣхберга Шрамма, Вирека и друг., особенно противъ той „смѣси изъ докторовъ студентовъ и катедеръ-соціалистовъ“ которая проникла въ партійную прессу. „Эти господа, которые въ теоретическомъ отношеніи нуль, а въ практическомъ викауда не годны, хотятъ социализмъ (о которомъ они имѣютъ понятіе по университетскому рецепту) и главнымъ образомъ социаль демократическую партію сдѣлать умѣреннѣе, а рабочихъ просвѣтить или, какъ они выражаются, привить имъ „элементы образованія“, сами имѣя только путанья полузнанія; а кромѣ того они прежде всего ставятъ себѣ задачей поднять значеніе партіи въ глазахъ мелкой буржуазіи. Всѣ же они представляютъ изъ себя не больше не меньше, какъ убогихъ контръ-революціонныхъ болтуновъ. Well“ („Переписка Зорге“, изд. Дауге, стр. 185).

бралъ все болѣе визгливыя ноты, Марксъ и Энгельсъ все больше отвращались отъ него. Мы уже знаемъ, какъ рѣзко Марксъ и Энгельсъ протестовали противъ оппортунизма нѣкоторыхъ социаль-демократическихъ лидеровъ. «Однако,—какъ говоритъ Марксъ,—мы всегда избѣгали открытаго выступленія, такъ какъ *comparativement parlant*, спокойнѣе проживающимъ за границей не приличествуетъ, въ удовольствію буржуазіи и правительства, увеличивать тяжесть положенія людей, не безъ личныхъ жертвъ работающимъ на родинѣ при условіяхъ и безъ того не легкихъ». Естественно, что рѣзкость и неосновательность личныхъ нападокъ Моста, а въ особенности его революціонное фразерство и революціонная романтика, которыхъ Марксъ органически не выносилъ, все сильнѣе возстановляли его и Энгельса противъ Моста.

«На всю низость Моста,—пишетъ Марксъ Зорге 5-го ноября 1880 года,—окончательно раскрыла мнѣ глаза одна русская социалистическая газета, въ которой можно было *vergnacular* прочесть то, чего онъ никогда не осмѣливался писать по-нѣмецки. Это было уже не нападеніе на отдѣльныя личности, а смѣшеніе съ грязью всего нѣмецкаго рабочаго движенія. Рядомъ съ этимъ обнаружилось его абсолютное непониманіе той доктрины, которою онъ раньше торговалъ. Его статья настолько пошлое, нелогичное и запутанное пустословіе, что можетъ быть въ концѣ концовъ превращено въ ничто, а именно въ Джонъ-Мостовское бездонное тщеславіе. Такъ какъ въ Германіи Мостъ, несмотря на всѣ свои выступленія успѣха не имѣлъ, не считая нѣсколькихъ кружковъ берлинской черни (!), то онъ соединился съ парижскимъ молодымъ поколѣніемъ бакунистовъ, т. е. группой, издающей «*Révolution Sociale*» (кругъ читателей которой равняется exactly 210 человекъ) и владѣющей въ качествѣ союзницы Феликса Пиа газетой «*Comptine*». Трусливый мелодраматическій *farceur* Пиа,—въ «*Comptine*» котораго я фигурирую какъ правая рука Бисмарка,—недоволенъ мною за то, что я съ самаго начала дарилъ его абсолютнымъ презрѣніемъ и разстраивалъ всѣ его попытки использовать Интернаціональ для своихъ трескучихъ эффектовъ. Во всякомъ случаѣ Мостъ сдѣлалъ благое дѣло, сгруппировавъ во-едино всѣхъ крикуновъ вроде Андрея Шая, Гассельмана и другъ». А когда Мостъ перекочевалъ за океанъ, Энгельсъ (великій другъ котораго въ этотъ моментъ уже покоился въ могилѣ) проводилъ его туда слѣдующими словами: «Мнѣ кажется, что Мостъ въ Америкѣ, этой странѣ сектъ, найдетъ себѣ послѣдователей и вызоветъ временную путаницу».

* * *

Послѣдній отзывъ Маркса объ анархистахъ относится къ русскимъ социалистамъ, а именно къ чернопередѣльцамъ. Мы уже знаемъ, съ какимъ рѣзкимъ осужденіемъ Марксъ относился къ аполитическимъ и антиполитическимъ тенденціямъ анархизма. И если эта сторона анархизма вызывала съ его стороны такое негодованіе, даже когда она проявлялась въ странахъ Западной Европы, гдѣ какъ-никакъ существовали нѣкоторыя политическія вольности и имѣлась кое-какая почва для организациі пролетарскихъ силъ, то съ тѣмъ болѣе суровымъ осужденіемъ онъ долженъ былъ относиться къ политическому индифферентизму русскихъ бакунистовъ, которымъ приходилось дѣйствовать въ странѣ, скованной самымъ жестокимъ азіатскимъ деспотизмомъ и лишенной основныхъ началъ гражданской свободы. Марксъ, этотъ убѣжденный сторонникъ массовыхъ выступленій и массоваго историческаго дѣйствія, тѣмъ не менѣе съ глубокой симпатіей относился къ партіи «Народной Воли», этой героической кучкѣ пионеровъ, пытавшихся личной энергіей и самопожертвованіемъ возмѣстить отсутствіе широкихъ активныхъ общественныхъ слоевъ *). Онъ съ глубокой симпатіей слѣдилъ за усиліями народовольцевъ именно потому, что они на первый планъ выдвигали борьбу съ самодержавіемъ, а это могло привести, во-первыхъ, къ завоеванію политической свободы въ Россіи, т. е. къ облегченію массовой пропаганды и агитациі среди русскихъ трудящихся классовъ, а во-вторыхъ, къ устраненію самаго главнаго препятствія для общеевропейской освободительной борьбы, позвоночнаго столба европейской реакціи. Къ чернопередѣльцамъ же Марксъ естественно долженъ былъ относиться особенно отрицательно, какъ къ анархистамъ вообще и какъ къ русскимъ анархистамъ въ частности.

«Въ Россіи,—писалъ Марксъ,—гдѣ «Капиталъ» завоевалъ себѣ положеніе и читается больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, мы сдѣлали еще большіе успѣхи. Мы имѣемъ на своей сторонѣ, во-первыхъ, критиковъ (въ большинствѣ случаевъ молодые профессора университета, съ нѣкоторыми изъ нихъ я состою въ личной дружбѣ и some сотрудники журнала), а во-вторыхъ, террористическій Центральныи Комитетъ (т. е. Исполнительный Комитетъ партіи Народной Воли—Ю. С.), программа котораго, недавно тайно напечатанная и выпущенная въ Петербургѣ, привела въ большую

*) См. предисловіе ко 2-му изданію «Комм. Ман.» въ 1881 г.—Въ «Быломъ» (изд. Бурцева) напечатана программа рабочихъ членовъ партіи «Народной Воли» съ примѣчаніями и поправками Маркса, показывающими, съ какимъ интересомъ Марксъ слѣдилъ за дѣятельностью этой партіи.

ярость русских анархистовъ, проживающихъ въ Швейцаріи и издающихъ въ Женевѣ «Черный Передѣлъ». Они—въ большинствѣ случаевъ (не всё) люди, добровольно оставившіе Россію—образуютъ въ противоположность террористамъ, рискующимъ своей головой, партію пропаганды (чтобы заниматься пропагандой въ Россіи—они эмигрируютъ въ Женеву! Что за qui pro quo!). Эти господа противъ всякихъ политическихъ революціонныхъ выступленій. Россія по ихъ плану должна сдѣлать скачекъ прямо въ анархически-коммунистически-атеистическое тысячелѣтіе. Скачекъ же этотъ они тѣмъ временемъ готовятъ скучнѣйшимъ доктринерствомъ, «принципы» котораго бѣгаютъ по улицамъ со временъ покойнаго Бакунина («Переписка Зорге», стр. 194).

Иронія судьбы захотѣла, чтобы изъ рядовъ той самой группы, къ которой Марксъ въ вышецитированныхъ строкахъ отнесся съ такимъ суровымъ осужденіемъ, впервые раздалась въ Россіи горячая и убѣжденная проповѣдь марксистскихъ идей. Извѣстно, что говоря словами Аксельрода, «бунтарская теорія Бакунина привела нѣкоторыхъ» революціонеровъ-семидесятниковъ «почти что къ социаль-демократической практикѣ». Антиполитическіе взгляды бакунизма при стольновеніи съ русской дѣйствительностью пережили глубокую метаморфозу; первые русскіе социаль-демократы, часть которыхъ впоследствии образовала группу «Освобожденіе Труда», прошли длинную эволюцію отъ анархизма къ организаціи рабочихъ союзовъ съ почти что социаль-демократической программой. Благодаря этой эволюціи они главнымъ образомъ «восприняли социаль-демократизмъ съ самаго начала, какъ ученіе конкретное, боевое. Еще прежде, чѣмъ они усвоили теоретическіе взгляды марксизма, они уже въ теоретическихъ рамкахъ бакунизма стали чуть-ли не на три четверти социаль-демократами» *).

Черезъ два года послѣ смерти Карла Маркса вышла въ свѣтъ брошюра «Соціализмъ и политическая борьба», принадлежавшая перу Плеханова, одного изъ виднѣйшихъ дѣятелей «Чернаго Передѣла». Эта брошюра сыграла роль первой ласточки того широкаго и плодотворнаго социаль-демократическаго движенія, которое радикально видоизмѣнило фисіономію русской политической жизни и не на словахъ, а на дѣлѣ превратило Россію изъ оплота европейской реакціи въ «передовую отрядъ революціоннаго движенія въ Европѣ» (Предисловіе Маркса ко второму изданію «Коммунистическаго Манифеста»). Уже въ Россіи того времени марксизмъ взялъ реваншъ надъ бакунизмомъ.

*) См. предисловіе Аксельрода къ «Красному Знамени» *Мартова*, а также его послѣсловіе къ брошюрѣ «Объ Агитаціи»; ср. также *Ю. Стекловъ*. Историческое подготовленіе русской социаль-демократіи. Спб. 1906.

А въ концу 80-хъ годовъ марксизмъ одержалъ надъ анархизмомъ побѣду по всей линіи, сдѣлался евангеліемъ международнаго рабочаго движенія и создалъ новый могучій Интернаціональ, вѣрными шагами приближающійся къ побѣдѣ.

* *
*

Побѣда марксизма надъ анархизмомъ оказалась полной. Въ Италіи, гдѣ организація социалистическихъ силъ началась (въ началѣ 70-хъ годовъ) прямо подъ знаменемъ бакунинскаго Альянса въ сторонѣ отъ Интернаціонала, анархизмъ быстро изжилъ себя въ безплодныхъ проявленіяхъ «пропаганды фактами», въ нѣсколькихъ террористическихъ покушеніяхъ и быстро подавленныхъ крестьянскихъ бунтахъ (въ родѣ Беневентской попытки 1877 г.). Итальянскіе анархисты-альянсисты, на которыхъ Бакунинъ возлагалъ особенныя надежды, въ концѣ концовъ логикой жизни, послѣ долгихъ безпомощныхъ блужданій и разочарованій, принуждены были стать на почву социаль-демократической дѣятельности, объединяющей планомерную политическую и экономическую организацію пролетаріата съ политической (въ частности—и съ парламентской) борьбой. И (иронія исторіи!) тотъ самый А. Коста, который во время борьбы Маркса съ Бакунинымъ въ Интернаціоналѣ, былъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ партизановъ анархизма, въ концѣ концовъ сдѣлался настолько умѣреннымъ «бернштейнѣйанцемъ», что неоднократно вызывалъ противъ себя рѣзкія нападки марксистовъ изъ лѣваго крыла партіи и даже изъ центра.

То же самое случилось и съ другими странами, въ свое время составлявшими опору анти-авторитарнаго и анти-государственнаго социализма. Бельгія, отъ путанаго прудонизма перескочившая къ бакунизму (впрочемъ, какъ говорили Марксъ и Энгельсъ, по недоразумѣнію), уже съ середины 80-хъ годовъ начала возвращаться на общую позицію международнаго пролетарскаго движенія, которое теперь въ общемъ и цѣломъ не можетъ быть инымъ, какъ марксистскимъ, т. е. социаль-демократическимъ. Аналогичную эволюцію продѣлала и родственная Бельгіи по историческимъ связямъ и духу маленькая Голландія *). Любопытно, что объ эти страны, нѣкогда

*) Попытка голландца Домела Нювенгейса повторить въ уменьшенномъ масштабѣ анархическій исходъ изъ Интернаціонала, попытка, продолжанная имъ съ новымъ Интернаціоналомъ въ 90-хъ годахъ, закончилась, какъ извѣстно, еще болѣе быстрымъ фіаско, чѣмъ аналогичное предпріятіе бакунистовъ въ 70-хъ годахъ. Даже въ Голландіи Нювенгейсъ скоро растерялъ своихъ приверженцевъ, увлечь же за собой социалистовъ другихъ націй ему вовсе не удалось.

составлявшія вѣрныя вотчины Бакунина, отъ анархизма ударились въ противоположную крайность; социалистическое движеніе здѣсь въ значительной степени проникнуто духомъ умѣренности и оппортунизма. И, вѣроятно, правы тѣ, кто усматриваетъ тѣсную внутреннюю связь между анархизмомъ и оппортунизмомъ.

Извѣстна судьба французскаго социализма, въ которомъ марксистскій методъ въ настоящее время окончательно возобладалъ. И здѣсь повторилась та же исторія. Если нѣкоторые изъ бывшихъ бакунистовъ, какъ на примѣръ, Жюль Гэдъ, скоро отказались отъ анархизма и всей душой примкнули къ марксизму, то гораздо больше нашлось бывшихъ бакунистовъ, которые превратились въ архи-умѣренныхъ членовъ праваго фланга социалистической партіи. Стоитъ упомянуть про Поля Брусса, нѣкогда одного изъ самыхъ ярыхъ анархистовъ, а впоследствии—основателя партіи «поссибилистовъ», иначе называвшихся еще бруссистами («Федерация социалистическихъ работниковъ Франціи»), и про Бенуа Малона, который прославился изобрѣтеніемъ эклектическаго «интегральнаго социализма», туманно-сантиментальнаго и умѣренно-оппортунистическаго, и котораго можно признать духовнымъ отцомъ «независимыхъ» социалистовъ.

Въ Австріи анархизмъ, успѣвшій въ 80-ые годы овладѣть рабочимъ движеніемъ, только дезорганизовалъ его и погибъ подъ бременемъ собственныхъ нелѣпостей. На смѣну ему съ конца 80-хъ годовъ пришла австрійская социаль-демократія, нынѣ занимающая почетное мѣсто въ рядахъ междунаrodnаго социализма. Въ Швейцаріи, гдѣ Юрская Федерация была позвоночнымъ хребтомъ бакунинскаго Альянса, отъ анархизма не осталось почти и слѣда: и здѣсь движеніе рабочаго класса вылилось въ форму социаль-демократіи. Въ Англіи временное торжество «автономистовъ» (конечно, не среди массы англійскихъ рабочихъ, а среди группъ, примыкавшихъ къ Интернаціоналу) оказалось исторически совершенно безплоднымъ — и поскольку тамъ существуетъ опредѣленно социалистическое движеніе, оно цѣликомъ (Соц.-Дем. Федерация) или отчасти (Независимая Рабочая Партія) окрашено с.-д. цвѣтомъ. И только въ одной Испаніи анархизмъ остался въ большинствѣ, но зато эта несчастная страна ничего не можетъ дать кромѣ солдатско-поповскихъ насилій, съ одной стороны, и безплодныхъ анархическихъ эксцессовъ—съ другой.

Анархизмъ для пролетарскихъ массъ отсталыхъ странъ послужилъ лишь переходнымъ этапомъ отъ социально-политическаго аморфизма и безразличія къ созна тельной классовой борьбѣ. Онъ оказался просто болѣзненно дѣтскаго возраста, которую рабочимъ пришлось пережить прежде, чѣмъ они доработались до классового самосознанія. И въ

этомъ смыслѣ онъ только расчистилъ дорогу для марксизма, этого идеологическаго выраженія классовыхъ интересовъ пролетаріата, стремящагося къ своему полному соціальному и политическому освобожденію *).

Ю. М. Стекловъ.

*) Впослѣдствіи анархизмъ пересталъ играть роль такого подготовительнаго фактора и открыто выступилъ въ роли дезорганизатора массоваго движенія. Естественно, что онъ вызвалъ самое рѣзкое къ себѣ отношеніе со стороны соціалъ-демократовъ. По поводу перваго (въ «новое время») международнаго соціалистическаго съѣзда въ Парижѣ въ 1889 г. или, точнѣе, двухъ съѣздовъ (на одномъ, созванномъ гэдистами, участвовали почти всѣ соціалистическія партіи, а на другомъ, созванномъ POSSIBILISTAMI, кромѣ англійскихъ тредъ-юніоновъ приняла участіе англійская Соц.-Дем. Федерация и отдѣльные представители другихъ націй) Энгельсъ писалъ Зорге: „Главное же во всемъ этомъ то—почему я и принялъ это такъ близко къ сердцу,—что снова выступаетъ на сцену старый расколъ Интернаціонала, старая борьба Гаагскаго съѣзда. Тѣ же спорящія стороны съ той только разницей, что знамя анархистовъ замѣнено знаменемъ POSSIBILISTOVЪ... Даже тактика совершенно та же самая. Манифестъ „Соц.-Дем. Федераци“^и, написанный, безъ сомнѣнія, Брюссомъ, ничто иное, какъ новое изданіе Сонвильерскаго циркуляра... Отсюда же и умничаніе главнымъ образомъ съ маленькими націями, на которыя опирался и Вакуинивъ“ (Переписка Зорге, стр. 345). А послѣ Брюссельскаго международнаго конгресса 1891 г. Энгельсъ писалъ: „Брюссельскій съѣздъ еще разъ подтвердилъ рѣшеніе Гаагскаго съѣзда (1872 г.) тѣмъ, что вторично исключилъ анархистовъ изъ нашей партіи... Новый Интернаціональ, безконечно большій и опредѣленно марксистскій, началъ свою дѣятельность какъ разъ съ того мѣста, на которомъ старый прекратилъ свое существованіе“ (Переписка Зорге, стр. 412—413).

Карлъ Марксъ, какъ экономистъ.

I.

Отцомъ Маркса въ политической экономіи былъ Ривардо. Классическая буржуазная экономія родилась и получила свое яркое и законченное выраженіе въ странѣ, гдѣ капитализмъ впервые развился, вошелъ въ опредѣленную общественную формацию—въ Англию. Уже во второй половинѣ XVII вѣка Вилліамъ Петти открываетъ здѣсь собой рядъ экономистовъ классиковъ: онъ кладетъ первые камни фундамента экономической науки, кладетъ основы трудовой теоріи цѣнности. Спустя сто лѣтъ мы встрѣчаемъ опять-таки здѣсь первую попытку построить цѣльное здание національной экономіи на научномъ основаніи. Ад. Смитъ, пользуясь данными, добытыми его англійскими предшественниками и, далѣе, французскими физиократами, впервые изслѣдовавшими сущность капитала въ современномъ строѣ, попытался вскрыть внутреннее строеніе буржуазнаго общества, показать внутреннюю зависимость существующихъ въ немъ экономическихъ категорій. Однако, построенное имъ здание, охватившее почти все сферы хозяйственной жизни — и въ этомъ громадная заслуга Ад. Смита—плохо гармонировало съ созданнымъ его предшественниками и имъ же самымъ научнымъ фундаментомъ. И это потому, что при изслѣдованіи сложныхъ явленій экономической жизни онъ, въ силу цѣлаго ряда оправдывающихъ его въ извѣстной степени условій, оставался очень часто въ роли поверхностнаго наблюдателя, проникнутаго еще обыденными буржуазными взглядами, оставался въ роли лишь описателя внѣшнихъ явленій, въ роли систематика ходячихъ экономическихъ понятій. Чтобы привести воздвигаемое имъ здание въ соотвѣтствіе съ фундаментомъ, ему приходилось перестраивать послѣдній на вульгарный ладъ, разрушать то, что имъ самымъ было раньше заложено. Этимъ онъ отнималъ у фундамента ту самую научную цѣнность, которую онъ самъ признавалъ раньше за нимъ, и надъ поднятіемъ которой онъ самъ столько потрудился... Заслуга

Рикардо состояла въ томъ, что онъ вскрывъ противорѣчія Ад. Смита, показалъ двойственность его системы. Онъ сталъ опредѣленно и рѣшительно на научную почву. Взявъ исходнымъ пунктомъ опредѣленіе цѣнности рабочимъ временемъ, Рикардо далъ анализъ реальныхъ отношеній буржуазнаго производства, показалъ внутреннюю органическую жизнь современнаго строя. Однако и его система страдала крупными недостатками. Съ одной стороны онъ не подвергнулъ достаточному критическому разбору фундаментальныя научныя категоріи, установленныя до него простыя научныя понятія, съ другой стороны онъ слишкомъ грубо строилъ свое научное зданіе, отождествляя сложныя экономическія категоріи съ простыми вмѣсто того, чтобы развивать ихъ изъ послѣднихъ, не видя цѣлага ряда проблемъ, которыя стояли передъ Ад. Смитомъ. Стройность системы покупалась у Рикардо цѣной оставленія безъ разрѣшенія ряда противорѣчій—хотя бы и кажущихся—между эмпирическими явленіями дѣйствительности и трудовой теоріей цѣнности. А изъ за этихъ то противорѣчій между сложными и простыми категоріями, которыхъ не видѣлъ, не объяснялъ или отрицалъ Рикардо, и потерпѣла крушеніе классическая политическая экономія.

Послѣ Рикардо буржуазная экономія пошла различными путями, но въ одномъ сошлись ея представители: они ни на юту не подвинулись впередъ въ смыслѣ научнаго разрѣшенія оставленныхъ классической экономіей неразрѣшенными основныхъ проблемъ. Одни буржуазные экономисты, — Дж. Ст. Милль и др. — считавшіе себя прямыми наслѣдниками Рикардо, или топтались на мѣстѣ, повторяя зады и ошибки Рикардо, или популяризировали его взгляды, или въ лучшемъ случаѣ дѣлали лишь частичныя поправки, останавливались на разработкѣ второстепенныхъ частей, деталей; большинство же буржуазныхъ экономистовъ—Сей, Кэри и К^о—полемизируя съ Рикардо, пользовались недостатками его системы, чтобы отвергнуть какъ-разъ ея научныя стороны, и, объявляя его «отцомъ коммунизма», сами превратились въ вульгарныхъ апологетовъ буржуазнаго строя, поверхностныхъ толкователей его внѣшнихъ явленій. Третьи — начиная съ Кнуса и кончая Brentano в его школой—объявили со всѣмъ излишнимъ научный абстрактный методъ Рикардо и кичась открытіемъ «историческаго» метода—отсутствіемъ котораго дѣйствительно страдала классическая экономія—свела задачу экономической науки къ возможно большому накопленію историческаго матеріала и вообще къ собиранію фактическихъ и статистическихъ данныхъ. Четвертые, и эти значительно позже, не видя возможности разрѣшить проблемы общаго и въ частности проблемы цѣны съ помощью теоріи цѣнности Рикардо, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознавая необходимость въ

научномъ объясненіи сложныхъ экономическихъ категорій, сочли нужнымъ создать «новый» научный фундаментъ для политической экономіи. Мы говоримъ о такъ называемой психологической школѣ— Менгеръ, Джвонсъ, Бемъ-Баверъ — открывшей теорію предѣльной полезности, теорію, которая является винигретомъ, только подъ новымъ соусомъ, изъ старыхъ давно опровергнутыхъ теорій полезности и теоріи спроса и предложенія, родоначальниками которыхъ были Кондильякъ, Сей, Маклеодъ etc. Теорія эта въ ея новѣйшемъ видѣ въ лучшемъ случаѣ въ состояніи объяснить нѣкоторыя явленія конкуренціи, но анализа современнаго буржуазнаго хозяйства въ его цѣломъ, его сложныхъ явленій производства и распредѣленія, гг. психолога-экономисты, чуждые общественной и исторической точкѣ зрѣнія, до сихъ поръ не дали и дать не могутъ. Сама теорія предѣльной полезности, исходящая изъ отношенія отдѣльнаго индивидуума къ вещамъ, взятая изъ области объѣма, области производной, полна противорѣчій и покоится на положеніяхъ, которыя сами требуютъ объясненія и могутъ его найти лишь въ производствѣ, области первичной... И не этой теоріи вытѣснить теорію Ад. Смита—Рикардо—Маркса...

Остаются экономисты социалисты, явившіеся въ Англіи и во Франціи послѣдователями Рикардо. Хотя они и сдѣлали кое какіе шаги въ дальнѣйшемъ укрѣпленіи и развитіи теоріи мѣновой цѣнности и, далѣе, прибавочной цѣнности (Томпсонъ, Брей и др.), въ выясненіи противорѣчій буржуазнаго строя (Сисмонди), но съ внутренними противорѣчіями системы Рикардо справиться не смогли. Разрѣшить эти противорѣчія они стремились путемъ социалистическаго примѣненія положеній Рикардо. Оставляя самый способъ производства безъ измѣненія, они занялись составленіемъ проектовъ о справедливомъ распредѣленіи продуктовъ. Такимъ образомъ они толкнули политическую экономію въ направленіи утопіи. То же самое случилось и съ Родбертусомъ, который на первыхъ порахъ сталъ на правильный путь дальнѣйшаго развитія классической экономической науки путемъ критическаго пересмотра положеній Рикардо, подобно тому какъ послѣдній исходнымъ пунктомъ своей системы взялъ Ад. Смита. Но чего не удалось буржуазнымъ экономистамъ, мелкобуржуазнымъ романтикамъ и утопическимъ социалистамъ, то сдѣлалъ творецъ научнаго социализма Карль Марксъ. Взявъ изъ рукъ Рикардо наслѣдіе буржуазной научной политической экономіи, онъ обогатилъ ее новыми методами, вывелъ ее изъ того лабиринта собственныхъ противорѣчій, въ который она попала, и открылъ передъ ней новые далекіе горизонты... Въ «*Misère de la philosophie*», гдѣ онъ сводитъ счеты съ утопической экономіей Прудона, Марксъ въ чистыхъ вопросахъ экономіи еще ученикъ Рикардо, но здѣсь уже мы видимъ всѣ

его преимущества передъ Рикардо. Въ качествѣ наследника идеалистической нѣмецкой философіи и воспитанника матеріалистовъ XVIII в. онъ владѣетъ чуждымъ классической экономіи діалектическимъ матеріалистическимъ методомъ, въ качествѣ гегеліанца и историка прекрасно знакомаго съ трудами историковъ эпохи реставраціи, онъ стоитъ не только на общественной точкѣ зрѣнія, но и на теоріи борьбы классовъ, на исторической общественно-классовой точкѣ зрѣнія (въ противоположность Рикардо, проницанному еще индивидуализмомъ и знавшему лишь классовое строеніе буржуазнаго строя), какъ преемникъ великихъ утопистовъ онъ не связанъ ограниченнымъ буржуазнымъ кругозоромъ, чѣмъ страдалъ и Рикардо, а открытый имъ уже къ тому времени матеріалистическій научный фундаментъ социализма даетъ ему возможность уже здѣсь развивать широкіе историко-экономическіе взгляды. И Лассаль, который зналъ хорошо своего учителя Маркса, зналъ, что въ состояніи сдѣлать гений послѣдняго, не ошибся, когда въ отвѣтъ на сообщеніе Маркса о томъ, что онъ готовитъ къ печати большой трудъ по политической экономіи, написалъ ему (въ 1851 г.), что онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ появленія этого «трехтомнаго дѣтища, гдѣ Рикардо станетъ социалистомъ, а Гегель—экономистомъ, потому что то и другое ты соединишь и долженъ будешь соединить въ себѣ»...

II.

Отвѣтомъ на вопросъ, что сдѣлано Марксомъ положительнаго для политической экономіи, является его «Zur Kritik der polit. Oekonomie», всѣ три тома «Капитала» и издаваемые теперь Каутскимъ «Theorien über den Mehrwert». Въ этихъ трудахъ подведены итоги всей политической экономіи, существовавшей до Маркса, разрѣшены ея важнѣйшія проблемы, данъ подробный анализъ анатоміи и физиологии современнаго общества, набросаны характеристики докапиталистическихъ хозяйственныхъ формъ и вскрыта сущность ихъ экономическихъ категорій, данъ прогнозъ дальнѣйшаго экономического развитія общества, намѣченъ цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ и указаны пути для ихъ разработки. Въ настоящей статьѣ мы не можемъ остановиться на всѣхъ результатахъ плодотворной работы Маркса въ различныхъ областяхъ политической экономіи. Мы отметимъ лишь важнѣйшіе пункты его труда, для выполненія котораго онъ —говоря его словами въ письмѣ къ Зигфриду Майеру—«пожертвовалъ своимъ здоровьемъ, счастьемъ семьи и собственнымъ благополучіемъ», тѣ пункты, которые составляютъ этапы въ повѣйшемъ развитіи экономической науки и сдѣлали изъ его «Капитала» книгу, творящую эпоху.

Различные критики и на Западѣ и у насъ—наши большую частью повторяли лишь зады западно-европейскихъ буржуазныхъ экономистовъ и ревизионистовъ—упрекали Маркса въ гегелианщинѣ, въ примѣненіи абстрактнаго дедуштивнаго метода, въ томъ, что онъ орудуешь съ первыхъ же страницъ отвлеченными понятіями, между тѣмъ какъ, поставивъ своей задачей изслѣдованіе законовъ развитія современнаго общества, онъ долженъ былъ начать съ разбора конкретнаго, съ эмпирическихъ явленій. Эти упреки доказываютъ лишь невѣжество гг. критиковъ. Марксъ имѣлъ полное право сказать вмѣстѣ съ Вольтеромъ, что его книга *n'est pas pour les tailleurs et les bottiers*. Марксъ взялъ науку политической экономіи тамъ, гдѣ она остановилась, а эта наука имѣла за собой почти двухсотлѣтнее прошлое. То, что требовали отъ него нынѣшніе «ученые» критики, было давно сдѣлано его предшественниками. Экономисты XVII вѣка, указываетъ самъ Марксъ въ оставшейся послѣ его смерти рукописи «Введеніе къ критикѣ политической экономіи», начинали всегда свои изслѣдованія съ анализа конкретнаго цѣлаго: съ націи, государства, вѣншей торговли, и т. п. Но подробный разборъ этихъ явленій показалъ, что они очень сложны и привелъ въ концѣ концовъ къ простымъ абстрактнымъ отношеніямъ, къ общимъ понятіямъ и опредѣленіямъ, къ отдѣльнымъ опредѣленнымъ моментамъ, къ простымъ экономическимъ категориямъ. Такія понятія, какъ мѣновая цѣнность, явилась продуктомъ долгихъ изслѣдованій именно реальныхъ общественныхъ отношеній. Разъ эти простые экономическія категоріи были найдены, задача науки заключалась въ томъ, чтобы изъ отдѣльныхъ опредѣленій, общихъ понятій, воспроизвести конкретное. И «гегелианщины»—и здоровой діалектики—мы находимъ у Маркса при изслѣдованіи экономическихъ явленій постольку, поскольку онъ считаетъ сущностью научнаго метода восхожденіе отъ абстрактнаго къ конкретному, поскольку онъ считаетъ такой путь методомъ, по которому научное мышленіе усваиваетъ себѣ и воспроизводитъ конкретное. Но глубокое различіе его метода отъ метода Гегеля состоитъ въ томъ, что послѣдній считалъ это воспроизводимое мышленіемъ реальное изъ абстрактнаго результатомъ самаго мышленія, для Маркса же этотъ логическій процессъ «отнюдь не былъ процессомъ происхожденія самаго конкретнаго». — Вотъ почему Марксъ никогда не забывалъ, что объектомъ изслѣдованія остается общество, никогда не оставлялъ открытой имъ общественно матеріалистической точки зрѣнія, никогда не забывалъ историческаго процесса возникновенія конкретнаго, но наоборотъ, постоянно вводилъ исторію въ экономію и, оперируя съ логическими экономическими понятіями, всегда подчеркивалъ и общественно-историческую сторону экономическихъ категорій.

III.

Со временъ Петти вплоть до Рикардо классическая экономія твердо держалась категоріи мѣновой цѣнности. Но она выдвигала, главнымъ образомъ, количественную сторону этой цѣнности, количественное отношеніе между двумя обмѣняемыми товарами. Результатомъ этого подчеркиванія лишь относительной цѣнности товара явилось то, что не замѣчалась стоящая за ней абсолютная цѣнность. Рикардо, хотя и сознавалъ послѣднюю, но нигдѣ не показалъ внутренней связи между ней и мѣновой и, оперируя съ послѣдней съ ея величинами, забывалъ о первой. Такимъ образомъ мѣновая цѣнность оказывалась чѣмъ-то случайнымъ, внѣшнимъ, чуждымъ природѣ товара, возникающимъ лишь въ обмѣнѣ; внутренняя цѣнность свойственная товару стала, въ концѣ концовъ, отрицаться. Заслуга Маркса заключается въ томъ, что, взявъ исходнымъ пунктомъ анализа товаръ, эту «элементарную форму» буржуазнаго богатства, онъ показываетъ, что то общее, что свойственно товарамъ есть ихъ цѣнность, ихъ абсолютная цѣнность, и что эта форма и придаетъ продукту опредѣленный общественный характеръ — товарную форму. Подвергнувъ абстрактному анализу мѣновую цѣнность, онъ отчетливо показалъ, что она есть лишь форма проявленія въ обмѣнѣ присущей товару абсолютной цѣнности... Далѣе, классическая политическая экономія послѣ своихъ долгихъ критическихъ изслѣдованій пришла къ результату, что источникомъ мѣновой цѣнности является трудъ и что мѣриломъ цѣнности является рабочее время. Марксу не зачѣмъ было второй разъ ѣздить открывать Америку и доказывать — какъ это требовали отъ него критики — то, что для англійской и французской научной національной экономии стало азбукой, а именно, что субстанція цѣнности — трудъ. Но чего не сдѣлала классическая экономія, или въ чемъ она ошибалась, это то, что она не опредѣлила, какъ ои трудъ является создателемъ цѣнности, что она, не различала труда, создающаго потребительную цѣнность, отъ труда, производящаго мѣновую цѣнность. Марксъ въ первой-же главѣ старается выяснить характеръ труда, создающаго цѣнность, и показываетъ, что таковымъ является одинаковый абстрактный общественный человѣческій трудъ, а не конкретный полезный трудъ, расходуемый въ опредѣленной цѣлесообразной формѣ. Трудъ, какъ создатель потребительныхъ цѣнностей матерьяльнаго богатства, общъ во всемъ ступенямъ развитія человечества, онъ — вѣчная необходимость, имъ обуславливается жизнь, но лишь въ опредѣленной, исторической общественной формѣ существованія человѣческаго труда слѣдуетъ искать субстанцію цѣнности. Цѣнность это лишь особое выраженіе, особая форма

проявленія общественно-необходимаго труда, и именно въ обществѣ, гдѣ «обмѣнъ индивидуальныхъ продуктовъ труда частныхъ лицъ является началомъ, связующимъ общественный трудъ» (Марксъ въ письмѣ въ Кугельману). И нужно страдать достаточной дозой непониманія, чтобы, подобно Бемъ-Баверку, называть теорію цѣнности Маркса технической или механической, между тѣмъ какъ она, по своему существу—общественная. Нужно далѣе обладать глубоко-мыслиемъ Туганъ-Барановскаго и К^о, чтобы послѣ того какъ Марксъ показалъ, что создателемъ цѣнности является «расходование человѣческой рабочей силы въ физиологическомъ смыслѣ», заявить, что «лошадь, машина нисколько не меньше участвуютъ въ созданіи цѣнности, чѣмъ рабочій». Въ толкованіи нашихъ «ревізіонистовъ», трудомъ, создающимъ цѣнность, является, по Марксу, трудъ какъ техническій факторъ производства!

Какъ Марксъ самъ подчеркиваетъ неоднократно, онъ, «при опредѣленіи труда, какъ образователя цѣнности, разсматриваетъ его не въ его конкретной формѣ условія производства, но въ опредѣленномъ общественномъ значеніи, отличномъ отъ такового наемнаго труда». (В. III. Th. II. 359 s.) Извѣстно, что Адамъ Смитъ, опредѣляя цѣнность товара количествомъ труда, очень скоро сѣзжаетъ на опредѣленіе цѣнности товара цѣнностью товара—труда, т. е. заработной платой. Въ концѣ концовъ выходило, что мѣновая цѣнность опредѣляется мѣновой цѣнностью. Марксъ, выяснивъ характеръ труда, создающаго цѣнность, показалъ, что трудъ—какъ сущность и мѣрило цѣнности—самъ цѣнности не имѣетъ, что этотъ трудъ отличенъ отъ наемнаго труда, точнѣе, отъ товара рабочей силы, продающей и покупающей на рынкѣ, имѣющей мѣновую цѣнность и подчиняющейся законамъ товарнаго обмѣна. Такимъ рѣшеніемъ онъ вывелъ политическую экономію изъ того заколдованнаго круга, въ которомъ она вертѣлась, дѣлая одну мѣновую цѣнность мѣриломъ другой.

Выясненіемъ характера труда, создающаго цѣнность, Марксъ укрѣпилъ и развилъ трудовую теорію цѣнности. Онъ показалъ, что товарная цѣнность, опредѣляемая рабочимъ временемъ, неизбѣжно ведетъ къ превращенію товарной формы въ денежную форму цѣнности, товара въ деньги. Онъ показалъ, что въ деньгахъ выраженъ общественный характеръ труда, что онѣ являются самостоятельной абсолютной формой существованія мѣновой цѣнности. Онъ показалъ, что здѣсь идетъ вопросъ объ измѣненіи лишь формы мѣновой цѣнности, а не ея величины, чего не видѣлъ и Рикардо, вообще плохо разбиравшійся въ различныхъ формахъ экономическихъ отношеній.

Всесторонний абстрактивный анализ товарной цѣнности привелъ Маркса къ созданію новой теоріи денегъ, совершенно отличной отъ ложной, опровергнутой имъ теоріи денегъ Рикардо. И эта теорія Маркса, являющаяся однимъ изъ самыхъ блестящихъ приобретений экономической науки, служить лучшимъ доказательствомъ, лучшимъ пробнымъ камнемъ правильности утвержденной имъ трудовой теоріи цѣнности. И пока гг. критики изъ буржуазнаго лагеря и лагеря «ревізіонистовъ» не опровергнутъ этой теоріи денегъ все ихъ разговоры объ ошибочности теоріи цѣнности Маркса останутся пустой болтовней.

IV

Разъяснивъ превращеніе товарной цѣнности въ денежную, Марксъ далѣе развиваетъ превращеніе денежной формы цѣнности въ форму капитала. Что такое капиталъ? Марксъ показываетъ, что это не вещь, а определенное общественное экономическое отношеніе. И подобно тому какъ онъ вскрылъ мистическій характеръ товара и денегъ, который превратилъ общественныя отношенія въ свойства вещей, точно также онъ первый проникъ въ самыя глубокіе тайники капитала. Общая форма капитала на всѣхъ его стадіяхъ развитія это—цѣнность возросшая въ своей цѣнности, благодаря прибавленію къ ней избытка который Марксъ называетъ прибавочной цѣнностью. Чтобы понять сущность капитала, онъ обращается къ самой развитой его формѣ, современной. Почему онъ такъ поступаетъ, мы находимъ отвѣтъ въ цитированной уже нами посмертной статьѣ Маркса «Введеніе къ критикѣ полит. экономіи». «Буржуазное общество—говоритъ онъ въ ней—это самая развитая и разнообразная историческая организація производства. Категоріи, которыя выражаютъ ея отношенія, пониманіе расчлененія ея организаціи, даютъ возможность выскнуть въ расчлененія и отношенія производствъ всѣхъ предыдущихъ общественныхъ формъ, на развалинахъ и изъ элементовъ которыхъ она создалась и изъ которыхъ многіе остатки еще тащатся вслѣдъ за ней. Съ другой стороны нѣкоторые элементы, бывшіе тамъ лишь въ зачаткѣ, развились, получили развитое значеніе лишь въ ней. Буржуазная экономія даетъ ключъ къ пониманію, паримѣръ, античнаго хозяйства, но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ это дѣлаютъ экономисты, стирающіе все историческія различія и во всѣхъ общественныхъ формахъ видящіе лишь буржуазныя»

Намъ легко отсюда понять, почему Марксъ, указавшій въ своемъ знаменитомъ предисловіи къ «Zur Kritik etc» на эволюцію, подъ влияніемъ развитія производительныхъ силъ, четырехъ прогрессивныхъ

эпохъ экономическаго формировація общества—азіатскаго, античнаго феодальнаго и современнаго, началъ съ изслѣдованія законовъ развитія современнаго капиталистическаго общества. Что онъ имѣлъ въ виду перейти позже и къ другимъ общественнымъ формаціямъ, на это указываетъ и Энгельсъ, въ предисловіи къ «Ursprung der familie etc» Въ этой работѣ Энгельсъ, по его собственному заявленію, лишь попытался выполнить въ извѣстномъ смыслѣ завѣщаніе Маркса. И послѣ того, какъ Марксъ въ «Капиталѣ» далъ намъ анализъ не только современнаго промышленнаго капитала—промышленнаго въ широкомъ смыслѣ этого слова, охватывающемъ не только производство, но и обмѣнъ,—анализъ не только основной его формы, производительнаго капитала, но и производныхъ, предшествующихъ ему въ исторіи первоначальныхъ формъ, купеческаго и ростовщическаго капиталовъ, странно слышать отъ Родбертуса, что книга Маркса «не столько изслѣдованіе о капиталѣ, сколько полемика противъ современной его формы, которую онъ смѣшиваетъ съ понятіемъ капитала самого по себѣ, откуда и происходятъ его ошибки». Ошибки самого Родбертуса именно въ томъ, что онъ не могъ себѣ вполне уяснить сущность капитала, какъ опредѣленнаго историческаго общественнаго отношенія.

Деньги, какъ деньги, и деньги, какъ капиталъ, различаются своей формой обращенія. Въ результатѣ обращенія денегъ, какъ капитала, получается приращенная цѣнность, прибавочная цѣнность. О существованіи послѣдней, какъ ее ни называли, и какъ ни смѣшивали ея чистую форму съ другими ея формами, болѣе частными или менѣ развитыми, знали и до Маркса.

Меркантилисты искали источникъ прибавочной цѣнности въ обмѣнѣ, т. е. въ томъ, что товары продаются выше ихъ цѣнности. Но анализъ обмѣна товаровъ показываетъ, что обращеніе товаровъ никакой новой цѣнности создать не можетъ. Физиократы сдѣлали шагъ впередъ тѣмъ, что они происхожденіе прибавочной цѣнности искали не въ сферѣ обращенія, а производства. Но такъ какъ они отождествляли мѣновую цѣнность съ потребительной, считали ее продуктомъ природы, то и прибавочная цѣнность у нихъ была тоже потребительной цѣнностью и тоже «даромъ природы»—земли. У физиократовъ лишь агрикультурный трудъ создаетъ прибавочную цѣнность—поземельную ренту,—т. е. они творцомъ цѣнности считали не общій абстрактный трудъ, а спеціальныи конкретный, создающій лишь потребительную цѣнность. Адамъ Смитъ сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ впередъ, и громадный шагъ, по сравненію съ физиократами.

Исходя изъ общественнаго рабочаго времени, какъ источника цѣнности, онъ впервые указываетъ и настоящій источникъ приба-

вочной цѣнности (точнѣе прибыли). Онъ выводитъ ее изъ труда, какъ «избытокъ реализуемаго въ товарѣ труда надъ оплаченнымъ трудомъ». То, что прибавочная цѣнность есть прибавочный трудъ—продуктъ производительнаго труда—подчеркивали популяризаторы и послѣдователи Рикардо, особенно экономисты-соціалисты. И не въ этомъ открытіи, которое приписываетъ себѣ Родбертусъ, хотя оно было сдѣлано задолго до него, заключается заслуга Маркса въ этомъ вопросѣ.

Въ то время, какъ Рикардо не ставилъ specialнаго вопроса о происхожденіи прибавочной цѣнности,—вѣрнѣе прибыли, съ которою Рикардо отождествлялъ ее, — принималъ послѣднюю, какъ естественный фактъ, какъ явленіе, свойственное вообще общественному производству, и касался труда, производительности труда, здѣсь лишь постольку, поскольку ею опредѣляется величина прибавочной цѣнности, т. е. относительная ея форма, Адамъ Смитъ поставилъ вопросъ правильно и избралъ правильный путь для его разрѣшенія.

Исходя изъ простаго обмѣна товаровъ и закона цѣнности, онъ перешелъ къ обмѣну между капиталомъ и наемнымъ трудомъ, между овеществленнымъ трудомъ и живымъ. Въ этомъ было его преимущество передъ Рикардо. Но избранный Адамомъ Смитомъ путь оказался для него-же и гибельнымъ: онъ не понималъ сущности наемнаго труда, специфическихъ чертъ этого товара, запутался въ собственныхъ противорѣчіяхъ, и въ концѣ концовъ, сошелъ съ трудовой теоріи цѣнности, съ этого единственнаго научнаго исходнаго пункта.

И вопросъ, поставленный Адамомъ Смитомъ, разрѣшилъ только Марксъ: онъ показалъ, что вопросъ о превращеніи денегъ въ капиталъ долженъ и можетъ быть разрѣшенъ только на основаніи законовъ товарнаго обмѣна. Опираясь именно на трудовую теорію цѣнности, онъ показалъ, «какимъ образомъ производство, опирающееся на опредѣленіи мѣновой цѣнности исключительно рабочимъ временемъ, приводитъ къ такому результату, что мѣновая цѣнность труда меньше, чѣмъ цѣнность его продукта». И это онъ показалъ, выяснивъ особыя черты товара—рабочей силы, появляющейся лишь на особой ступени развитія товарнаго обмѣна, товара, кладущаго отпечатокъ на весь капиталистическій строй, товара, потребительная цѣнность котораго обладаетъ особеннымъ свойствомъ создавать мѣновую цѣнность. Онъ показалъ исчерпывающимъ образомъ, чѣмъ опредѣляется цѣнность рабочей силы, показалъ, что въ противоположность другимъ товарамъ цѣнность этого товара опредѣляется «историческими и нравственными элементами». И это дало ему возможность создать впервые научную, жизненную, теорію заработной платы, о чемъ ниже.

У

Изслѣдовавъ превращеніе денегъ въ капиталъ на основѣ покупки и продажи товара—рабочей силы, Марксъ изъ сферы товаровъ обращенія переходитъ въ сферу производства, и показываетъ намъ процессъ производства цѣнности, характеръ процесса труда, производящаго цѣнность, и далѣе, прибавочную цѣнность сначала въ ея абсолютной формѣ,—которую во все не изслѣдуетъ Рикардо,—достигаемой при посредствѣ удлиненія рабочаго дня. Выяснивъ роли различныхъ факторовъ процесса труда въ созданіи цѣнностей, онъ тѣмъ самымъ выяснилъ и роли различныхъ частей капитала въ процессѣ образованія цѣнности и прибавочной цѣнности. Онъ показалъ, что та часть капитала, которая идетъ на средства производства, не измѣняетъ величины своей цѣнности въ процессѣ производства; послѣднюю измѣняетъ лишь та часть, которая идетъ на рабочую силу. Эта часть капитала не только воспроизводитъ свою прежнюю цѣнность, но создаетъ и новую — прибавочную. Первую часть онъ назвалъ постояннымъ капиталомъ, вторую—переменнымъ. Это было важнѣйшимъ открытіемъ для политической экономіи, которая знала до Маркса лишь различіе между основнымъ и оборотнымъ капиталомъ, различіе, вытекающее изъ сферы обращенія. Оно дало, какъ увидимъ далѣе, возможность Марксу впервые вѣрно объяснить цѣлый рядъ противорѣчивыхъ и запутанныхъ явленій и, между прочимъ, причину паденія нормы прибыли, вопросъ, надъ разрѣшеніемъ котораго тщетно билась политическая экономія, начиная съ Адама Смита. И объясненіе Маркса было очень простое: паденіе происходитъ отъ свойственной капиталистическому производству тенденціи увеличивать быстрѣе постоянный капиталъ сравнительно съ переменнымъ, а экономисты не могли додуматься до такого простаго рѣшенія еще и потому, что не знали разницы между прибылью и прибавочной цѣнностью, да и самую прибыль не рассматривали въ ея общей чистой формѣ. Разница же между нормой прибыли и таковой прибавочной цѣнности заключается, какъ это показалъ впервые Марксъ, въ томъ, что первая есть отношеніе прибавочной цѣнности ко всему затраченному капиталу, вторая отношеніе той же прибавочной цѣнности къ переменному лишь капиталу. Законы нормы прибыли и законы нормы прибавочной цѣнности не однѣ и тѣ же, какъ это ошибочно принималъ Рикардо, но первые могутъ быть поняты лишь послѣ того, какъ найдены послѣдніе. Марксъ показалъ намъ каковы эти законы, предварительно показавъ различіе абсолютной прибавочной цѣнности, которая является первою формою, отъ относительной, получаемой отъ сокращенія необходимаго рабо-

чаго времени и соответственнаго измѣненія отношенія необходимой и прибавочной частей рабочаго дня, и показавъ, далѣе, законы, взаимоотношенія между цѣнностью рабочей силы и прибавочной цѣнностью. Эти послѣдніе законы были выяснены и Рикардо, но недостаточно; онъ видѣлъ лишь одинъ факторъ, вліяющій на измѣненіе величины заработной платы и прибавочной цѣнности (у Рикардо—прибыли), это—производительность труда. Марксъ внесъ поправки въ эти законы, введя два новыхъ фактора: интенсивность труда и продолжительность рабочаго дня. И показавъ превращеніе цѣнности рабочей силы въ рабочую плату. Марксъ далъ свою теорію заработной платы, которая является усовершенствованной теоріей средствъ существованія. Эта теорія подвергается уничтожающей критикѣ теорію постояннаго рабочаго фонда, она опровергаетъ «железный» законъ заработной платы Рикардо-Лассалля и является теоріей въ полномъ смыслѣ слова динамической, боевой. Она указываетъ рабочимъ, что они могутъ улучшить свое экономическое положеніе вопреки тенденціи капитала къ пониженію заработной платы, что они могутъ этого достигнуть путемъ планоустройной борьбы, путемъ объединенія въ различнаго рода союзы и пр. И подобно тому какъ въ борьбѣ за сокращеніе рабочаго дня, т. е. за уменьшеніе абсолютной прибавочной цѣнности, гдѣ капиталисты и рабочіе опираются на одинаковыя права, вытекающія изъ товарнаго обмѣна, «вопросъ рѣшаетъ сила», точно также рабочіе борьбой противъ увеличенія относительной прибавочной цѣнности могутъ добиться, чтобы выгоды отъ роста производительности труда достались не однимъ капиталистамъ. «Опредѣленіе дѣйствительной нормы прибыли—говоритъ Марксъ—достигается постоянной борьбой между капиталомъ и трудомъ; капиталистъ работаетъ постоянно въ томъ направленіи, чтобы свести заработную плату къ физическому минимуму и удлинить рабочій день до его физическаго максимума, въ то время какъ рабочіе производятъ давленіе въ противоположномъ направленіи. Вопросъ рѣшается вопросомъ относительныхъ силъ борющихся» И послѣ того, какъ Марксъ неоднократно указываетъ, что путемъ организаціи борьбы политической и экономической рабочіе могутъ сломить или ослабить вредное дѣйствіе «естественныхъ» законовъ капиталистическаго хозяйства, г. г. ревизионисты кричатъ на всѣхъ перекресткахъ, что Марксъ создалъ какую-то фаталистическую «Verelendungstheorie».

Изслѣдовавъ производство прибавочной цѣнности, Марксъ показываетъ намъ превращеніе ея въ капиталъ и выясняетъ законы капиталистическаго накопленія. Онъ доказываетъ нелѣпность догмата экономистовъ, по которому движеніе капитала зависитъ отъ *естественнаго* движенія нарожденія и показываетъ, что въ капитали-

стическомъ производствѣ всегда на лицо *относительное* перенаселеніе, и послѣднее—въ связи съ тенденціей капитала къ *относительному* уменьшенію переменнаго капитала и съ растущей пролетаризаціей массъ. Онъ доказываетъ, такимъ образомъ, ложность абстрактнаго закона народонаселенія Мальтуса и показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ошибку классической экономіи и ея вульгарныхъ послѣдователей, будто вся капитализованная прибавочная цѣнность превращается въ переменный капиталъ, между тѣмъ какъ все возрастающая ея часть становится постояннымъ капиталомъ. Онъ указываетъ, далѣе, на тенденцію капитализма къ концентраціи производства, концентраціи капиталовъ—«сопровождаемой ростомъ числа капиталистовъ» (В. Ш. Тн. II. 199 s.)—и рядомъ съ этимъ онъ отмѣчаетъ децентрализующіе факторы... И хотя Марксъ сотни разъ замѣчаетъ, что на практикѣ дѣло обстоитъ далеко не такъ гладко, какъ въ теоріи, что «найденные имъ общіе законы капиталистическаго накопленія при своемъ проявленіи видоизмѣняются вслѣдствіи вліянія многочисленныхъ условій» тѣмъ не менѣе различнаго рода критики, не видя чистаго проявленія того или другого закона или наблюдая явленіе на первый взглядъ противорѣчащее данному закону, начинаютъ вопить, что самый законъ Маркса невѣренъ...

Капиталистическій способъ производства, какъ цѣлое, состоитъ изъ процесса производства капитала и процесса обращенія его. Марксъ подвергаетъ разбору эту *сферу обращенія* и показываетъ намъ тѣ измѣненія формъ капитала, то дальнѣйшее развитіе формъ его, которое она производитъ. Онъ даетъ намъ анализъ формулъ движенія денежнаго, производительнаго и товарнаго капиталовъ и показываетъ, что они являются лишь отдѣльными фазами въ процессѣ кругооборота промышленнаго капитала, о которомъ и можетъ быть только рѣчь при анализѣ всего общественнаго производства.

Анализъ формы движенія производительнаго капитала, которую классическая экономія поставила въ основу своего анализа движенія всего общественнаго капитала, обнаруживаетъ, что эта форма движенія такъ же односторонняя, какъ и формула движенія денежнаго капитала, взятая меркантилистами. Формула кругооборота производительнаго капитала, указывающая лишь на періодическое возобновленіе функций производительнаго капитала, ничего не говоритъ о томъ, что цѣль капиталистическаго производства—*возрастание цѣнности*, увеличеніе капитала, *обогащеніе для обогащенія*. Этимъ объясняется ошибочное изображеніе классической экономической школой капиталистическаго производства, какъ производства, имѣющаго своей цѣлью *самопроизводство*. Отсюда понятно, почему она не видѣла никакихъ границъ къ расширенію производства, кромѣ размѣра производительныхъ силъ.

почему она не видѣла тѣхъ дѣйствительныхъ границъ, которыя ставятся производству узкой цѣлью капитала: увеличеніемъ цѣнности. Поверхностный анализъ этой-же формулы имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что игнорировались свойства денежнаго капитала въ капиталистическомъ обращеніи, не обращалось вниманія на свойства товарнаго капитала, на составныя части послѣдняго и особенности ихъ движенія. Отсюда проистекало то, что буржуазные экономисты не видѣли разницы между простымъ обмѣномъ товаровъ посредствомъ денегъ и тѣмъ обмѣномъ, который обусловливается производствомъ прибавочной цѣнности. Отсюда понятно и ошибочное утвержденіе Рикардо, Милля и др., не говоря уже о школѣ Сея-Бастіа, что общее товарное перепроизводство вообще невозможно. Все это Марксъ доказалъ воочию. Онъ вскрылъ, далѣе, основную ошибку политической экономіи, начиная съ Адама Смита, будто цѣнность товара разлагается лишь на заработную плату, прибыль и ренту, показавъ, что въ нее входитъ и постоянная часть, показавъ, что весь общественный капиталъ состоитъ не только изъ переменнаго капитала, но и постоянного. Онъ показалъ, такимъ образомъ, ошибочность отождествленія производительнаго потребленія съ личнымъ потребленіемъ рабочихъ, и впервые разрѣшилъ важнѣйшій вопросъ о реализаціи и о возмѣщеніи постоянной капитальной цѣнности годичнаго продукта, вопросъ, котораго политическая экономія до него и не ставила.

Впервые послѣ Кенэ, который, исходя изъ формы движенія товарнаго капитала, далъ въ своемъ «Tableau économique» изображеніе процесса годичнаго воспроизводства, включая сюда и обращеніе,—изображеніе недостаточное, какъ вообще было недостаточно пониманіе фізіократами капиталистическаго производства,—впервые послѣ него Марксъ далъ блестящую схему воспроизводства и обращенія всего развитаго общественнаго капитала. И хотя эта картина осталась неоконченной, хотя много деталей въ ней и не обработаны, много частей не заполнены, но этотъ анализъ является такимъ-же украшеніемъ и успѣхомъ новѣйшей научной экономіи, какъ схема Кенэ, долгое время оставшаяся непонятной загадкой для экономистовъ, является крупнѣйшей заслугой фізіократовъ.

VI.

Дѣйствительный процессъ капиталистическаго производства это, какъ мы уже сказали, процессъ производства и процессъ обращенія капитала, какъ единое цѣлое. Оба эти процесса неразрывно связаны между собой, переплетаются другъ съ другомъ, вліяютъ и видоизмѣняютъ другъ друга. Иллюстрируемъ это. Въ процессѣ обращенія, на ряду съ рабочимъ временемъ, дѣйствуетъ время обращенія.

Последнее видоизменяет произведенную мѣновую цѣнность и прибавочную цѣнность, подвергаетъ ихъ различнымъ превращеніямъ. Прибыль, напр., является такимъ образомъ результатомъ не только процесса производства, но и обращенія. Ясно, что прежде чѣмъ изслѣдовать дѣйствія этихъ процессовъ въ совокупности, нужно было изслѣдовать ихъ дѣйствія въ отдѣльности. Да и вообще, къ сложнымъ конкретнымъ формамъ, которыя являются результатомъ «процесса движенія капитала въ его цѣломъ», можно было прійти только по изслѣдованіи опредѣляющихъ эти формы моментовъ въ отдѣльныхъ областяхъ. Это единственный научный путь, которому Марксъ и слѣдуетъ. Рассмотрѣвъ метаморфозы, испытанныя цѣнностью въ простомъ обращеніи товаровъ, онъ переходитъ къ тѣмъ метаморфозамъ, которымъ подвергается цѣнность капиталистическаго товара, товара, какъ продукта капитала, въ сферѣ обращенія, которая есть вмѣстѣ съ тѣмъ и сфера конкуренціи, гдѣ одинъ капиталъ противостоитъ другому, и гдѣ движенія отдѣльныхъ капиталовъ переплетаются между собою, а отдѣльный товаръ является на рынкѣ, какъ ничтожная доля всей суммы годового производства всего общественнаго капитала.

Несмотря на то, что Марксъ съ первыхъ-же главъ своего изслѣдованія указываетъ, что простая форма цѣнности товара недостаточна, что она должна перетерпѣть рядъ измѣненій, прежде чѣмъ стать цѣной, несмотря на его прямое заявленіе въ первомъ томѣ «Капитала», что «среднія цѣны не совпадаютъ прямо съ величинами цѣнностей товаровъ, какъ это думаютъ А. Смитъ, Рикардо и др.», несмотря на то, что онъ въ первомъ-же томѣ подчеркиваетъ, что норма прибыли и норма прибавочной цѣнности не одно и то же,—какъ утверждала классическая экономія, чтобы остаться на почвѣ теоріи цѣнности,—несмотря на все это и многое другое, когда появился III-й томъ «Капитала», гдѣ показывается, что товары въ капиталистическомъ строѣ въ среднемъ продаются по цѣнамъ производства, а не по цѣностямъ, что иначе и быть не можетъ, тогда поднялись крики о томъ, что этотъ томъ противорѣчитъ первому, что трудовая теорія цѣнности послѣ этого не стоитъ выѣденнаго яйца, что всѣ три тома «Капитала»—«ненужная схоластика» и т. д. и т. д.

Какая задача стояла здѣсь передъ Марксомъ? На основаніи трудовой теоріи цѣнности объяснить сущность, происхожденіе цѣны, показать, «какъ на основаніи мѣновой цѣнности развивается отличная отъ нея рыночная цѣна, или, правильнѣе, какимъ образомъ законъ цѣнности превращается въ свою собственную противоположность». Въ такихъ словахъ формулировалъ эту проблему Марксъ въ «Zur Kritik», а господа критики требуютъ отъ Маркса измѣненія конкретнаго явленія—продажи товара по рыночной цѣнѣ! Удивительное

требованіе къ научному методу, задача котораго лишь о б ъ я с н и т ь явление! Спрашивается: разрѣшилъ-ли Марсъ эту проблему? Послѣдующее покажетъ, что на это приходится отвѣчать только утвѣдительно.

Въ одномъ изъ примѣчаній I тома «Капитала» онъ писалъ: «Капиталистическій способъ расчета, который съ перваго взгляда кажется нелѣпымъ и противорѣчащимъ законамъ образованія цѣнностей, будетъ разъясненъ въ III емъ томѣ этого сочиненія». Маркъс и начинаетъ этотъ томъ съ анализа этого капиталистическаго расчета. Онъ показываетъ, что издержки производства, которыя капиталисты считаютъ «внутренней цѣнностью», являются категоріей характерной для этого производства, но она не имѣетъ ничего общаго съ образованіемъ цѣнности товаровъ, съ процессомъ возрастанія цѣнности капитала. Эта категорія измѣряетъ цѣнность товара на основаніи затратъ к а п и т а л а, между тѣмъ, какъ дѣйствительная цѣнность измѣряется затратами труда. Это различные по характеру и по величинѣ расчеты. Его анализъ,—при изслѣдованіи процесса *производства*, постоянного капитала и переменнаго, постоянной и переменной цѣнности капиталистическаго товара.—между тѣмъ какъ Адамъ Смитъ и Рикардо и др. знали лишь основной и оборотный капиталы, т. е. различія составныхъ частей капитала, вытекающія изъ сферы обращенія,—этотъ анализъ даетъ ему возможность сопоставить формулы издержекъ производства и настоящей цѣнности товара. Оказывается, что въ издержкахъ производства смѣшаны постоянная и переменная части, и это придаетъ издержкамъ производства ложный видъ образователя цѣнности. Получается впечатлѣніе, будто не переменная часть капитала создаетъ переменную въ цѣнности, а весь капиталъ. Показавъ, что внутренней стороной издержекъ производства является затраченный постоянный и переменный капиталъ, онъ анализируетъ далѣе прибавляемую капиталистомъ къ издержкамъ производства прибыль, которая оказывается лишь видоизмѣненной прибавочной цѣнностью, источникъ которой—переменный капиталъ, хотя капиталистъ и считаетъ создателемъ ея весь затраченный имъ капиталъ, т. е. издержки производства. Маркъсъ указываетъ, что именно разница между дѣйствительной цѣнностью товара, которая состоитъ изъ $c+v+m$ и капиталистическими издержками производства, состоящими лишь изъ $c+v$, даетъ возможность конкуренціи колебать цѣны и продавать товары съ прибылью, хотя и ниже цѣнности товаровъ. Онъ изслѣдуетъ норму прибыли и показываетъ, что она хотя и съ внѣшней стороны кажется продуктомъ процесса обращенія, но на дѣлѣ есть видоизмѣненный продуктъ производства. Коротче говоря: онъ изслѣдуетъ капиталистическій расчетъ цѣны производства, т. е. издержекъ производства плюсъ средняя прибыль на затраченный капи-

талъ, и показываетъ, что это лишь видоизмѣненная и по формѣ и величинѣ цѣнность—прибавочная цѣнность товара. Вся трудность разрѣшенія вопроса состояла въ томъ, чтобъ показать, какимъ образомъ прибавочная цѣнность превращается въ среднюю норму прибыли, т. е. въ цѣнѣ производства первые два элемента, постоянная часть c и переменная v , остаются такими же, какъ и въ мѣнковой цѣнности. Вопросъ шелъ о части m , которая подвергается измѣненіямъ въ сферѣ обращенія, въ сферѣ конкуренціи. Это Марксъ и изслѣдуетъ.

Въ различныхъ отрасляхъ производства, согласно различному органическому составу ихъ капиталовъ, т. е. отношеніямъ въ нихъ постоянной и переменной частей капитала—различіе основной и оборотной частей не имѣетъ здѣсь значенія—и соответственно различнымъ временамъ ихъ обращенія должны существовать различныя нормы прибавочной цѣнности, а слѣдовательно и нормы прибыли. Но издержки производства въ различныхъ отрасляхъ одинаковы для одинаковыхъ затратъ капитала, а капиталисты требуютъ и одинаковыхъ прибылей безотносительно къ органическому составу ихъ капиталовъ и временамъ ихъ обращенія. «Эта то одинаковость издержекъ производства и является основаніемъ для конкуренціи, благодаря которой и создается средняя прибыль». Какимъ образомъ это производится конкуренціей?

Конкуренція капиталовъ въ каждой отдѣльной отрасли ведетъ сначала къ созданію въ ней одинаковой рыночной цѣнности изъ различныхъ индивидуальныхъ цѣнностей товаровъ. Эта рыночная цѣнность является центральнымъ пунктомъ, около котораго колеблются рыночныя цѣны данной отрасли; средняя рыночная здѣсь совпадаетъ съ ней. Конкуренція-же капиталовъ различныхъ отраслей превращаетъ въ этихъ отрасляхъ цѣнности въ цѣны производства, которыя становятся центромъ колебанія цѣнъ въ нихъ, и это достигается тѣмъ, что капиталы по мѣрѣ того, какъ капитализмъ охватываетъ всѣ области производства, перекачываютъ изъ одной отрасли въ другую до тѣхъ поръ, пока создается такое отношеніе спроса и предложенія, что среднія нормы прибыли въ различныхъ отрасляхъ становятся одинаковыми. Разъ капитализмъ развитъ, то незачѣмъ постоянная перекачка капиталовъ, постоянное перераспределеніе ихъ, чтобы установилась общая средняя норма прибыли. Въ сознаніе капиталистовъ входятъ существующія различія въ отдѣльныхъ отрасляхъ, эти различія принимаются ими въ расчетъ и компенсируются.

Средняя прибыль на капиталъ предполагаетъ существованіе общей нормы прибыли, величина которой зависитъ отъ нормъ прибылей различныхъ отраслей и отъ распределенія всего общественнаго капитала въ различныхъ отрасляхъ. Конкуренція капиталовъ создаетъ

эту общую норму прибыли не тѣмъ, что приравниваетъ цѣны къ цѣнностямъ, а наоборотъ тѣмъ, что она превращаетъ цѣнности въ среднія цѣны, въ которыхъ часть прибавочной цѣнности одного вида товаровъ переносится на другой, въ цѣны, при которыхъ товары продаются выше или ниже ихъ цѣнности такъ, что одинъ товаръ не приноситъ больше нормы прибыли, чѣмъ другой. «Цѣна производства, говоритъ Марксъ, предполагаетъ существованіе общей нормы прибыли; послѣдняя, съ своей стороны, предполагаетъ, что нормы прибыли каждой отдѣльной отрасли сводятся къ столькимъ же среднимъ нормамъ. Эти отдѣльныя нормы прибыли являются въ каждой отдѣльной сферѣ производства равными $\frac{m}{C}$ и должны быть—какъ это показано въ первомъ отдѣлѣ III тома—развиты изъ цѣнности товара. Безъ этого развитія общая норма прибыли, а слѣдовательно и цѣна производства, остается лишненнымъ смысла понятіемъ».

Марксъ разрѣшилъ проблему цѣны, стоя на трудовой теоріи цѣнности, не только тѣмъ, что показалъ необходимость превращенія цѣнности въ ея противоположность, въ цѣну. Онъ показалъ при этомъ, что законъ цѣнности—общественно необходимое рабочее время, какъ мѣрило ея,—проявляется и непосредственно въ мѣрѣ конкуренціи, хотя явленія цѣны и противорѣчатъ ему съ вѣншей стороны. Онъ показалъ, что законъ цѣнности—рабочее время—въ послѣдней инстанціи господствуетъ надъ всѣмъ движеніемъ цѣнъ:

VII.

Давъ анализъ прибыли въ ея чистой формѣ, Марксъ переходитъ къ разсмотрѣнію ея составныхъ частей: индустріальной прибыли, коммерческой прибыли, предпринимательской прибыли, процента и поземельной ренты. Онъ изслѣдуетъ характеръ торговаго капитала въ его двухъ формахъ—товарно-торговаго капитала и денежно-торговаго капитала—и показываетъ ихъ отличительныя черты отъ производительнаго капитала, чего политическая экономія до него не видѣла. Онъ показываетъ, что товарно-торговый капиталъ никакой цѣнности и прибавочной цѣнности не создаетъ, и изслѣдуетъ чѣмъ опредѣляется коммерческая прибыль въ капиталистическомъ строѣ. И здѣсь мы встрѣчаемся съ яркой иллюстраціей его метода, отличнаго отъ гегелевскаго, что нами выше было указано. «Въ ходѣ научнаго анализа,—говоритъ Марксъ,—образованіе общей нормы прибыли оказывается исходящимъ изъ производительнаго капитала и его конкуренціи и лишь послѣ оно подтверждается, дополняется и видо-

измѣняется вѣдреніемъ въ процессъ купческаго (или торговлю) капитала. Въ ходѣ историческаго развитія дѣло обстоитъ какъ-разъ наоборотъ. Именно коммерческій капиталъ опредѣляетъ сначала цѣны товаровъ болѣе или менѣе ихъ цѣнностями, и именно сфера обращенія, при посредствѣ которой осуществляется процессъ воспроизводства, является той сферой, въ которой образуется общая норма прибыли. Коммерческая прибыль опредѣляетъ сначала индустриальную». Но по мѣрѣ развитія капитализма индустриальная прибыль начинаетъ доминировать; она опредѣляетъ коммерческую. Последняя становится частью *общей* прибавочной цѣнности, которая выпадаетъ изъ общей сокровищницы на долю торговаго капитала, какъ *части всего общественного капитала*, соответственно ея величинѣ...

Разсмотрѣвъ денежный капиталъ, его функціи, различіе денегъ, какъ орудія обращенія и какъ капиталъ, что до него смѣшивали экономисты, онъ показываетъ роль ссуднаго капитала, расщепленіе прибыли на процентъ и предпринимательскую прибыль, даетъ общую характеристику кредита, банковаго дѣла и переходитъ, наконецъ, къ поземельной рентѣ, какъ одной изъ важнѣйшихъ частей и формъ прибавочной цѣнности.

Марксъ самъ объясняетъ намъ, почему онъ эту экономическую категорію разсматриваетъ въ концѣ. Казалось бы естественнымъ, — говоритъ онъ въ «Введеніи къ Критикѣ Политической Экономіи», — начать именно съ поземельной ренты, связанной съ землей, этимъ источникомъ всякаго производства. Но это было-бы ошибочно. Въ разныхъ общественныхъ формаціяхъ господствуютъ различныя области производства. Тамъ, гдѣ господствуетъ земледѣліе, земельная собственность, тамъ господствуютъ натуральныя отношенія. Тамъ, гдѣ доминируетъ капиталъ, первенствующимъ оказывается этотъ «общественно-историческій созданный элементъ. Капиталъ—это все подчиняющая себѣ экономическая сила буржуазнаго общества». Поземельная рента не можетъ быть понята безъ капитала; обратное возможно. Капиталъ долженъ быть, поэтому, анализированъ раньше поземельной собственности.

Бемъ-Баверкъ называетъ «непростительной методологической ошибкой» со стороны Маркса то, что онъ «совершенно исключаетъ дары природы въ своемъ изслѣдованіи, которые тоже имѣютъ мѣновую цѣнность». Это абсолютно невѣрно. Марксъ вовсе не «избѣгаетъ обратить вниманіе читателей», вовсе не «остерегается дать отчетъ» въ цѣнности этихъ благъ, какъ это утверждаетъ Бемъ-Баверкъ. Вотъ что Марксъ писалъ въ «Zur Kritik»: «Последнее возраженіе и, повидимому, самое основательное, если-бы оно не приводилось въ формѣ удивительныхъ примѣровъ, слѣдующее: «если мѣновая цѣнность есть ничто иное, какъ рабочее время, заключенное въ товарахъ, то какимъ

образомъ могутъ товары, вовсе не заключающіе въ себѣ труда, обладать мѣноюю цѣнностью, или, другими словами, откуда получается мѣновая цѣнность элементарныхъ силъ природы. Этотъ вопросъ, отвѣчаетъ онъ, разрѣшается въ ученіи о поземельной рентѣ».

Земля, будучи природнымъ благомъ, даетъ ренту, мѣновую цѣнность. Но природа мѣновой цѣнности образовать не можетъ. Что-же тогда создаетъ ренту? Последняя есть общественное отношеніе и ее могутъ создать только общественныя условія. Земля, точнѣе земельная собственность, становится предметомъ торговли только какъ рента, а рента есть результатъ конкуренціи; она зависитъ отъ цѣнности сельско-хозяйственныхъ товаровъ.

И такъ, чтобы объяснить появленіе ренты, мѣновой цѣнности природнаго блага, нужно было обратиться раньше къ товарамъ—продуктамъ общественнаго производства. Рента—мѣновая цѣнность природныхъ благъ—элементъ производный. Сначала нужно было обратиться къ изслѣдованію элементовъ основныхъ, товаровъ какъ продуктовъ труда, что Марксъ и сдѣлалъ. Исходнымъ пунктомъ своего изслѣдованія поземельной ренты онъ взялъ теорію ренты Рикардо. Заслуга послѣдняго заключалась не въ открытіи теоріи ренты—это сдѣлалъ Андерсонъ,—а въ приведеніи ея въ связь съ трудовой теоріей цѣнности. Но здѣсь кроются и ошибки теоріи ренты Рикардо. У него, какъ и у Адама Смита, средняя цѣна товара, цѣна производства опредѣляется рабочимъ временемъ, т. е. эта цѣна совпадаетъ съ цѣнностью. Между тѣмъ, какъ это показываетъ Марксъ, именно вслѣдствіе опредѣленія цѣнности товара рабочимъ временемъ, средняя цѣна, какъ правило, не можетъ быть равной цѣнности, хотя происхожденіе этой цѣны можетъ быть объяснено только рабочимъ временемъ, развито только изъ цѣнности.

Вотъ эта-то ошибка Рикардо приводитъ его къ тому, что онъ знаетъ лишь дифференціальную ренту. Эта рента получается какъ прибавочная прибыль для тѣхъ, которые производятъ данный товаръ въ каждой сферѣ производства при наиболѣе благоприятныхъ условіяхъ, и это потому, что рыночная цѣна одинакова для всѣхъ товаровъ одинаковаго вида, хотя они и производятся при различныхъ условіяхъ, т. е. при различныхъ издержкахъ производства. Такая рента получается и тогда, когда товары продаются по цѣностямъ, т. е. регулирующей является рыночная цѣнность, и тогда, когда по цѣнамъ, т. е. регулирующей является цѣна производства. Такая «рента» получается различными капиталистами различныхъ областей производства. Но что превращаетъ такую «ренту», такую прибавочную прибыль, въ поземельную ренту, отличаетъ отъ обычной прибавочной прибыли,—это именно поземельная собственность.

Въ то время какъ въ индустрии эта прибавочная прибыль, об-
 ясняемая производительностью даннаго капитала, исчезаетъ, уравни-
 вается, по мѣрѣ того какъ уравниваются условія производства и
 возрастаетъ производительность другихъ капиталовъ данной сферы,
 въ агрикультурѣ эта прибавочная прибыль фиксируется, стано-
 вится постоянной, потому что ея основаніемъ, основаніемъ ея закрѣп-
 ленія служить природа, монополія на землю. Поземельная собствен-
 ность не источникъ мѣнливой цѣнности, но источникъ дохода. Она
 является здѣсь средствомъ присвоенія землевладѣльцами прибавочной
 прибыли, которая въ другихъ отрасляхъ идетъ въ руки капиталистовъ.

Дифференціальная поземельная рента бываетъ двухъ родовъ: одна
 зависитъ отъ различія въ плодородіи и положеніи земли и является
 результатомъ различной производительности одинаковыхъ капиталовъ
 на различныхъ участкахъ земли, другая происходитъ отъ различной
 производительности капиталовъ, вложенныхъ послѣдовательно въ
 тотъ-же участокъ земли. Первая форма исторически, да и вообще
 является исходнымъ пунктомъ, основаніемъ для второй формы.
 Марксъ разсматриваетъ эти формы отдѣльно и вмѣстѣ въ различныхъ
 комбинаціяхъ и показываетъ недостаточность, односторонность изслѣ-
 дованія Рикардо и въ этой области. Онъ доказываетъ ошибку Рикардо,
 Вебера, Мальтуса и другихъ, состоящую въ томъ, что дифференціаль-
 ная рента у нихъ *необходимо* связана съ уменьшеніемъ производи-
 тельности земледѣлія и съ переходомъ отъ лучшихъ земель къ худшимъ.
 Онъ далѣе показываетъ ошибочность теоріи Рикардо отрицающей
 существованіе ренты на земляхъ худшаго качества, существованіе
 абсолютной земельной ренты независимой отъ ренты получаемой
 отъ прибавочной прибыли. И всѣ эти ошибки происходятъ у Рикардо
 отъ того, что онъ приравниваетъ, какъ это указываетъ Марксъ, въ
 «Theorien über den Mehrwert», производительность труда въ земле-
 дѣліи и индустрии, чтобы приравнять цѣну производства къ цѣнности
 продукта на землѣ худшаго качества; онъ принимаетъ абсолютное
 уменьшеніе производительности для того, чтобы объяснить различіе
 цѣнъ на земляхъ лучшаго качества отъ ихъ цѣнностей. И все это
 происходитъ отъ того, что цѣнность онъ отождествляетъ съ цѣной про-
 изводства. Рикардо не видитъ различія въ органическомъ составѣ
 капиталовъ въ земледѣліи и индустрии, что является фактомъ исто-
 рическимъ, и отрицаетъ такимъ образомъ абсолютную ренту, кото-
 рая истекаетъ изъ того, что избытокъ цѣнности надъ
 цѣной производства въ земледѣліи отдается землевладѣль-
 цамъ. И это потому, что поземельная собственность препятствуетъ
 уравненію этого избытка, какъ это происходитъ въ другихъ отрасляхъ,
 гдѣ цѣнность также выше цѣны производства. Вмѣсто того, чтобы

этотъ избытокъ прибавочной цѣнности вошелъ въ общій процессъ уравненія прибыли, чтобы онъ распредѣлялся между всеѣмъ классомъ капиталистовъ, онъ остается въ этой области и получается поземельными собственниками.

Если въ дифференціальной рентѣ поземельная собственность лишь переноситъ прибавочную прибыль изъ кармана капиталистовъ въ руки землевладѣльца, то въ абсолютной рентѣ поземельная собственность является причиной повышенія цѣны. Она является основой для созданія этой части цѣны. П. Масловъ увидѣлъ въ абсолютной рентѣ Маркса противорѣчіе съ трудовой теоріей цѣнности. Это было-бы вѣрно, если-бы цѣнность совпадала съ цѣной производства. Но этого нѣтъ. И отрицая абсолютную ренту, Масловъ раздѣляетъ лишь ошибки Рикардо.

Кромѣ этихъ нормальныхъ формъ ренты, существуетъ еще монополярная рента, основанная на монополярной цѣнѣ, независимой ни отъ цѣнности, ни отъ цѣны производства; но это относится къ области чистой конкуренціи...

Извѣстно, что и Родбертусъ создалъ теорію абсолютной ренты, и въ этомъ былъ шагъ впередъ сравнительно съ Рикардо. Мы не станемъ входить здѣсь въ разборъ этой его теоріи, какъ и его теоріи цѣнности. Блестящая критика Родбертуса дана Марксомъ во II-й книгѣ «Theorien über den Mehrwert», изданной Каутскимъ. Здѣсь развѣ навсегда положенъ конецъ баснямъ, что Марксъ «ограничилъ» Родбертуса въ чемъ-то. Марксъ показалъ, какъ недалеко ушелъ Родбертусъ отъ Рикардо въ вопросѣ о цѣнѣ производства и ея отношеніи къ цѣнности, какъ онъ не понимаетъ общей нормы прибыли, какъ онъ ошибается въ выясненіи отношенія прибавочной цѣнности къ цѣнности товаровъ и т. д. и т. д. Всего этого, повторяемъ, мы не будемъ здѣсь касаться; отмѣтимъ лишь, что критика теоріи ренты Рикардо, сдѣланная Родбертусомъ, была во многихъ отношеніяхъ шагомъ назадъ, такъ какъ онъ въ качествѣ старомоднаго прусскаго помѣщика, былъ проникнутъ еще многими докапиталистическими взглядами. Отъ теоріи-же Маркса теорія абсолютной поземельной ренты Родбертуса отличается тѣмъ, что первая теорія—историческая, зависящая отъ историческаго различія органическаго состава капитала, въ земледѣліи и индустріи, различія, могущаго совершенно исчезнуть съ развитіемъ земледѣлія. Теорія-же Родбертуса лежитъ, какъ указываетъ Марксъ, въ «вѣчной природѣ, по крайней мѣрѣ капиталистическаго производства, и это благодаря его «материальной цѣнности». (I. с. 275 s.). Какъ Родбертусъ заявляетъ и въ вышедшемъ послѣ его смерти «Капиталѣ», (т. е. въ IV-мъ письмѣ къ ф. Кирхману), поземельная рента есть «особенная доля ренты

(прибавочной цѣнности) только потому, что въ добывающей промышленности отсутствуетъ цѣнность матеріала, слѣдовательно только благодаря обусловленному этимъ обстоятельствамъ расчету». (Рус. пер. Давыдова, 1906 г. 19 стр.). Ошибочность этого взгляда рельефно доказана Марксомъ въ его критикѣ III-го письма Родбертуса.

Вмѣсто того, чтобы говорить, какъ это мы находимъ у Родбертуса, что если продукты земледѣлія продаются по цѣностямъ, они должны отбрасывать поземельную ренту, какъ будто-бы продажа по цѣнности выше цѣны производства было бы общимъ закономъ капиталистическаго производства, слѣдовало—замѣчаетъ Марксъ—наоборотъ доказывать, почему въ земледѣліи цѣнности не понижаются до цѣны производства и даютъ поземельную ренту. И тогда выяснилось бы, что дѣло не въ своеобразномъ расчетѣ, не въ отсутствіи постоянного капитала въ земледѣліи, не въ отсутствіи цѣнности матеріала, а въ существованіи поземельной собственности. Только анализъ Маркса объяснилъ намъ сущность поземельной ренты въ то время какъ Рикардо объяснилъ лишь дифференціальныя ренты и поэтому «оставилъ поземельную собственность въ дѣйствительности безъ экономическаго эффекта». И объяснивъ поземельную ренту, Марксъ объяснилъ намъ цѣнность земли, водъ, рудниковъ и проч. природныхъ благъ, разрѣшилъ, такимъ образомъ, четвертую проблему, стоявшую передъ классической экономіей, исходившей изъ основного закона буржуазнаго производства, что цѣнность определяется рабочимъ временемъ.

VIII.

Поставивъ своей задачей изслѣдованіе законовъ экономическаго развитія современнаго общества, Марксъ съ первыхъ же страницъ «Капитала» показываетъ намъ, какъ это развитіе шло и идетъ путемъ развитія противорѣчій. Противорѣчіе кроется уже въ самой противоположности потребительной и мѣнливой цѣнности отдѣльнаго товара. Оно существуетъ въ метаморфозѣ товара, въ расчлененіи купли и продажи его. Оно развивается по мѣрѣ превращенія товарной цѣнности въ деньги, оно вытекаетъ непосредственно изъ функций денегъ, какъ платящаго средства. Эти противорѣчія развиваются далѣе вмѣстѣ съ превращеніемъ товарной цѣнности въ капиталъ. Противорѣчія современнаго строя растутъ по мѣрѣ развитія крупной промышленности, онѣ бросаются въ глаза при капиталистическомъ приложеніи машинъ. Онѣ расширяются вмѣстѣ съ большимъ ростомъ постоянного капитала сравнительно съ переменнымъ, онѣ углубляются вмѣстѣ съ процессомъ накопленія и концентраціи капитала, а съ другой стороны прелетаризація массъ. Противо-

рѣчія капитала возникаютъ не только изъ его существованія въ формѣ денегъ и товара, но и изъ тѣхъ особыхъ формъ, которыя онъ претерпѣваетъ, какъ капиталъ, въ процессѣ обращенія; онѣ усложняются по мѣрѣ усложненія самаго этого процесса, по мѣрѣ того какъ развивается въ немъ товарно-торговый капиталъ, денежный капиталъ, кредитъ, etc. etc. etc. И по мѣрѣ того какъ Марксъ вскрываетъ передъ нами самыя сложныя, самыя запутанныя явленія процесса обращенія, по мѣрѣ того какъ онъ показываетъ намъ внутреннюю сущность явлений, которыя въ мѣрѣ конкуренціи, въ самомъ сознании агентовъ его, носятъ совершенно извращенный характеръ, онъ вскрываетъ передъ нами и дѣйствительный мѣръ противорѣчій этого процесса.

Капиталистическое производство — цѣлое, единое двухъ процессовъ: производства и обращенія, производства цѣнности и прибавочной цѣнности и ихъ реализаціи. Но эти два процесса различаются другъ отъ друга; они различаются и по мѣсту и по времени, и находятся въ антагонизмѣ. Единый процессъ постоянно разлагается на эти свои противоположныя составныя части, между тѣмъ какъ нормальный ходъ его требуетъ безпрепятственнаго перехода изъ одной фазы въ другую и непрерывнаго перехода. Въ опредѣленные моменты разрывъ между этими двумя процессами достигаетъ такой остроты, что единство достигается лишь насильственнымъ путемъ, путемъ кризиса. И Марксъ показываетъ намъ, какъ это достигается, изслѣдуетъ сущность кризисовъ въ современномъ строѣ и показываетъ, что основное его явленіе — общее перепроизводство товаровъ, явленіе, возможность котораго, какъ извѣстно, отрицалось Рикардо и др.

Онъ показываетъ связь между періодичностью кризисовъ и временемъ обращенія общественнаго основнаго капитала. Онъ показываетъ, что кризисъ есть неизбѣжный продуктъ царящей въ капиталистическомъ строѣ анархіи производства, но онъ подвергаетъ основательной критикѣ теорію диспропорціональности производства, какъ причину общаго кризиса. Центръ тяжести кризисовъ, причина ихъ, по Марксу, заключается въ основномъ противорѣчій между производствомъ, какъ актомъ общественнымъ, и законами капиталистическаго товарнаго обмѣна и присвоенія, въ противорѣчій между его производительными силами, которыя стремятся къ неограниченному расширенію, и тѣми имущественными отношеніями, въ которыхъ имъ приходится развиваться и которыя ведутъ къ ограниченному потребленію.

Эта теорія кризисовъ стоитъ у него въ тѣсной связи съ теоріей рынковъ, которая чужда той теоріи, въ основѣ которой лежитъ ложный догматъ Адама Смита, что «личные потребители должны въ концѣ

концовъ оплатитъ всю цѣнность валового продукта производителямъ», теоріи — нашихъ народниковъ — покоящейся лишь на личномъ потребленіи, но его теорія чужда и теоріи Рикардо и нашихъ ревизионистовъ, по которой производство само создаетъ себѣ всегда достаточный спросъ, теоріи, которая отрицаетъ необходимость расширенія національнаго и интернаціональнаго рынковъ вмѣстѣ съ ростомъ капитала. Марксъ доказываетъ, наоборотъ, эту необходимость, доказываетъ неизбѣжность отсталости рынка отъ производства, неизбѣжность наступленія въ циклѣ воспроизводства капитала момента переполненія рынка, перепроизводства. Онъ доказываетъ, что причина послѣдняго лежитъ въ реализаціи произведенной цѣнности и прибавочной цѣнности, въ томъ, что производство имѣетъ «своей цѣлью прибыль капиталистовъ, а не удовлетвореніе потребностей производителей» Реализація же цѣнностей зависитъ отъ потребленія, поскольку на узкомъ основаніи антагонистическаго распредѣленія продуктовъ. И Марксъ показалъ, что это распредѣленіе продуктовъ не есть самостоятельная область, а покоится на основахъ антагонистическихъ условій распредѣленія элементовъ производства, т. е., что оно обусловливается историческимъ характеромъ самого производства. И въ этомъ былъ крупный шагъ впередъ сравнительно съ Рикардо и съ мелко буржуазными экономистами и утопическими социалистами. Онъ ввелъ, такимъ образомъ, исторію не только въ область распредѣленія, но и производства, показалъ, что опредѣленные отношенія распредѣленія выражаютъ лишь исторически опредѣленные отношенія производства, показалъ относительность современнаго капиталистическаго хозяйства, показалъ, что только съ переходомъ къ высшей формѣ производства — коллективной — могутъ исчезнуть существующія противорѣчія въ сферѣ распредѣленія продуктовъ; и только тогда производительныя общественныя силы, — экономическія и интеллектуальныя, — получаютъ неограниченный просторъ для своего развитія.

Въ своемъ «Капиталѣ» Марксъ разсмотрѣлъ экономическія условія существованія современныхъ классовъ. Его преимущество передъ Рикардо, который первый вскрылъ экономическій антагонизмъ этихъ классовъ, — въ томъ, что онъ показалъ, что корни классовъ, а слѣд. и ихъ антагонизма, слѣдуетъ искать въ историческомъ характерѣ современнаго производства, что эти классы опредѣляются ролью ихъ въ этомъ послѣднемъ и обусловленномъ имъ обменѣ. Его отличіе въ томъ, что онъ показалъ переходящій, временный, характеръ существованія этихъ классовъ, доказалъ, что они должны исчезнуть вмѣстѣ съ исчезновеніемъ самаго капиталистическаго производства. И подобно тому какъ историческою ролью

буржуазіи было созданіе на развалинахъ антагонистическаго феодальнаго міра антагонистическаго капиталистическаго, таеъ исторической миссіей современнаго пролетаріата является созданіе новаго строя, матеріальныя основы котораго впервые созрѣваютъ въ предѣлахъ капиталистическаго производства, строя, въ которомъ не будетъ мѣста ни классамъ, ни классовой борьбѣ, строя коллективистическаго.

“ * ”

Таковы были результаты, къ которымъ пришелъ Марксъ на основаніи объективнаго изученія современныхъ экономическихъ общественныхъ явленій, и къ которымъ, по его неоднократно высказанному убѣжденію, долженъ прийти всякій безпристрастный изслѣдователь. Таковы были естественные, логическіе результаты дальнѣйшей критической разработки, дальнѣйшаго развитія научныхъ началъ политической экономіи, заложенныхъ великими буржуазными экономистами-классиками. Этимъ объясняется и непреоборимый страхъ и враждебное отношеніе буржуазіи и ея апологетовъ къ созданной Марксомъ экономической системѣ. Когда испытанное ею оружіе—замалчиваніе его великаго труда оказалось въ концѣ концовъ негоднымъ, буржуазія объявила преміей награжденіе профессорской кафедрой, званіемъ оффиціального ученаго, всякаго экономиста изъ ея среды, кто выступитъ хотя бы съ самой бездарной, самой безпомощной критикой противъ Маркса. Она встрѣчаетъ теперь дикими криками восторга всякаго изъ лагеря социалистовъ, кто дѣлаетъ малѣйшую попытку отбить хотя бы камешекъ отъ грандіознаго гранитнаго зданія Марксова ученія. Она превозноситъ до небесъ «научныя» заслуги психологической школы экономистовъ за то, что они оставили путь «коммуниста» Рикардо...

И отказываясь всячески отъ признанія результатовъ изслѣдованія Маркса, буржуазія тѣмъ самымъ отреклась и отъ научнаго наслѣдія ея лучшихъ сыновъ Ад. Смита—Рикардо. И единственнымъ наслѣдникомъ классической буржуазной экономіи сталъ, такимъ образомъ, носитель социализма—пролетаріатъ.

А. Финнъ-Енотаевскій.

Марксъ о крестьянствѣ.

Современное капиталистическое общество живетъ на вулканѣ. Скрытая непрерывная работа внутреннихъ силъ время отъ времени прорывается наружу бурными взрывами, сострясаетъ почву, и эта вѣчная угроза катастрофы заставляетъ задуматься надъ грядущими судьбами человѣчества даже тѣхъ, кто очень удобно устроился въ современномъ буржуазномъ мирѣ и имѣетъ полное основаніе считать его вѣчнымъ, «естественнымъ» установленіемъ.

Даже поверхностнаго наблюдателя исторіи поражаетъ необыкновенно бурное развитіе общественной жизни, смѣнившее въ нашу эпоху неподвижность и консервативность предшествующихъ историческихъ періодовъ. Перевороты въ области человѣческаго знанія, чудеса промышленной техники, необыкновенный прогрессъ матеріальной культуры доставили современному человѣку господство надъ природой, дали ему утонченную роскошь по сравненію съ грубой бѣдностью жизни не только въ эпоху дикости и варварства, но и въ античную и феодальную эпохи; сдѣлали, наконецъ, слишкомъ доступной и тѣсной когда-то необъятную и невѣдомую землю и заставили его устремить свой пылливый взглядъ въ міровое пространство за поисками новой жизни. Но эта революція въ области науки и техники блѣднѣетъ передъ вызванной этимъ же развитіемъ производительныхъ силъ человѣка революціей его общественныхъ отношеній. Существовавшія когда-то разобщенность и замкнутость отдѣльныхъ общественныхъ группъ—семьи, сословія, націи, государства, устойчивость и авторитетность отношеній господства и подчиненія, освященныхъ обычаями и религіей—смѣнились въ наше время всеобщимъ движеніемъ, всеобщей борьбой. Капиталистическое производство сломало не только семейныя и сословныя перегородки, но и національныя и государственныя границы; оно сдѣлало общественную жизнь человѣка міровой, въ какихъ бы рамкахъ ни держались исторически сложившіяся группировки людей. Въ то же время оно сорвало покровъ

традиціонной святости съ политической власти и сдѣлало очевиднымъ для всѣхъ, что она есть результатъ и орудіе эксплуатаціи и господства однихъ общественныхъ классовъ надъ другими. Образовались новые общественные классы, и ихъ борьба, то глухая и скрытая, то явная и прорывающаяся въ оглушительныхъ революціонныхъ взрывахъ, заполнила собой исторію.

Борьба двухъ классовъ, занимающихъ полюсы капиталистическаго общества, — буржуазіи и пролетаріата происходитъ на переднемъ планѣ исторіи, стоитъ передъ современнымъ человѣчествомъ какъ «городъ на горѣ». Исходъ этой борьбы несомнѣненъ. Какъ нѣкогда революціонная буржуазія побѣдила феодальныхъ господъ, чтобы на мѣсто крѣпостничества и абсолютизма утвердить господство «свободной конкуренціи», т. е. господство капитала и буржуазно-демократическаго государства, такъ теперь буржуазію побѣдитъ революціонный пролетаріатъ, но не для того, чтобы установить новую форму эксплуатаціи и господства своего класса надъ другими классами общества — ибо пролетаріатъ по природѣ своей не можетъ быть эксплуататоромъ и властелиномъ, — а для того, чтобы уничтожить всякое дѣленіе общества на классы, уничтожить всякую эксплуатацію человѣка человекомъ, освободить человѣка отъ господства и гнета надъ нимъ созданныхъ его же собственной исторіей общественныхъ отношеній.

Но въ своей борьбѣ буржуазія и пролетаріатъ не одиноки. Между ними стоитъ рядъ переходныхъ общественныхъ классовъ, уцѣлѣвшихъ отъ эпохи феодализма, но преобразованныхъ капитализмомъ, и каждый изъ нихъ заинтересованъ такъ или иначе въ исходѣ общественной борьбы, принимаетъ въ ней то или иное участіе. Многочисленный классъ людей, находящихся на личной и общественной службѣ у буржуазіи и буржуазнаго государства, начиная съ домашней прислуги и кончая «интеллигенціей»; мелкая промышленная и торговая буржуазія въ лицѣ ремесленниковъ, кустарей и мелкихъ торговцевъ; эпигоны феодаловъ, помѣщики, сохранившіе еще отчасти монополію землевладѣнія и кое-какія общественныя привилегіи; наконецъ, крестьяне, т. е. земледѣльцы, работающіе на собственной землѣ своими орудіями труда — вотъ классы, занимающіе промежуточные ступени между буржуазіей и пролетаріатомъ.

Изъ нихъ только первый классъ, классъ «служащихъ», можно назвать капиталистическимъ, такъ какъ феодальная эпоха почти не знала «свободныхъ профессій», а потребность въ личной прислугѣ удовлетворялась крѣпостной дворней. Наоборотъ капитализмъ, уничтоживъ дворню, создалъ классъ людей, удовлетворяющихъ личнымъ потребностямъ, прихотямъ и вкусамъ буржуазіи и частью унаслѣдовавшихъ нравы стараго лакейства, частью пріобрѣвшихъ новыя

черты паразитовъ капиталистическаго общества. Ступенью выше стоитъ «интеллигенція», находящаяся также на службѣ у буржуазіи. Интеллигенція «управляетъ» капиталистическимъ производствомъ, предоставляя капиталистамъ потреблять барыши, двигаетъ науку и технику, несетъ общественную службу въ качествѣ врачей, адвокатовъ, учителей и литераторовъ и т. д., заполняетъ многочисленные кадры бюрократіи буржуазнаго государства. Три остальныхъ класса — мелкая буржуазія, помѣщики и крестьяне — докапиталистическаго происхожденія. И понятно, что чѣмъ позднѣе въ данной странѣ развился капитализмъ, чѣмъ менѣе полно его развитіе, тѣмъ многочисленнѣе эти докапиталистическіе классы, тѣмъ полнѣе сохранили они черты своего прошлаго.

Въ этой статьѣ мы остановимся исключительно на классѣ крестьянъ. Земледѣльцы-собственники земли сохранились въ ничтожномъ количествѣ даже въ Англіи, этой классической странѣ капитализма. Въ различныхъ странахъ континента Европы, въ зависимости отъ степени развитія капитализма, крестьянство составляетъ большую или меньшую часть населенія. Но даже въ такой промышленной странѣ, какъ Бельгія, крестьянъ-собственниковъ около 20% всего населенія; въ Россіи же крестьяне составляютъ отъ 70 до 80% всего населенія. Между этими двумя крайностями располагаются остальные страны. Въ молодыхъ странахъ Новаго и Стараго свѣта, колонизованныхъ уже въ эпоху капитализма, самостоятельные земледѣльцы также представляютъ собой внушительную массу населенія. Тамъ крестьяне не пережитокъ феодализма, а явленіе новое. Дешевизна земли, возможность при экстенсивной культурѣ получать съ дѣвственной почвы высокіе урожаи, обширный и доступный рынокъ для зерновыхъ хлѣбовъ, который открылся съ лихорадочнымъ ростомъ капиталистической промышленности въ Америкѣ и Европѣ, все это направило первые потоки колонистовъ на земледѣліе. Забывая нѣсколько впередъ, мы должны, впрочемъ, отмѣтить, что въ настоящее время условія, породившія развитіе въ колоніяхъ мелкаго земледѣлія, уже миновали (см. Марксъ, «Капиталъ» т. I. «Новая теорія колонизаціи»).

Итакъ, въ современномъ капиталистическомъ обществѣ мелкіе земледѣльцы-крестьяне составляютъ значительную часть всего населенія. Уже одного этого обстоятельства было бы достаточно, чтобы на судьбѣ крестьянства и его роли во все разгорающейся общественной борьбѣ остановить вниманіе и теоретика, изслѣдующаго тенденціи общественнаго развитія, и практика-политика. Но есть условія, еще усиливающія интересъ къ крестьянству.

Капиталистическое общество явно старѣетъ, еще не достигнувъ

во многихъ странахъ своего полнаго развитія; вмѣстѣ съ тѣмъ близится развязка единоборства между пролетариатомъ и буржуазіей. Буржуазія чувствуетъ это болѣзненно, и инстинктъ самосохраненія заставляетъ ее искать союзниковъ въ рядахъ своихъ историческихъ враговъ, вступать въ сдѣлку со старымъ порядкомъ, чтобы опираясь на испытанные, традиціонные приемы борьбы абсолютизма съ народомъ, прогнать красный призракъ грядущей социальной революціи. Въ великихъ англійской и французской революціяхъ буржуазія выступаетъ еще, какъ передовой, активный боецъ. Но въ послѣдующихъ схваткахъ демократіи съ старымъ порядкомъ революціонная гегемонія постепенно переходитъ къ пролетариату. Буржуазія сперва играетъ двусмысленную роль, дѣйствуя на два фронта, и предательски пользуется завоеваніями народа, чтобы обратить потомъ оружіе власти противъ пролетариата и стать откровенно-реакціонной. Такъ было уже въ іюльскую революцію 1830 г. во Франціи, такъ было въ февральскую революцію 1848 г. во Франціи и въ революціяхъ того же года въ другихъ странахъ Европы, такъ было въ послѣдующихъ демократическихъ революціяхъ вплоть до русской революціи 1905 года.

Такимъ образомъ пролетариатъ становится единственнымъ революціоннымъ классомъ. Онъ становится не только борцомъ за социализмъ, но и борцомъ за демократическую республику въ буржуазныхъ, по существу, революціяхъ, когда дѣло идетъ еще не объ «экспроприации экспроприаторовъ», а объ уничтоженіи пережитковъ вѣрнопочвенчества и абсолютизма и объ установленіи народовластія. Успѣхъ или неуспѣхъ пролетариата въ его революціонной борьбѣ зависитъ отъ того, удастся или не удастся буржуазіи возстановить противъ «краснаго» пролетариата, во имя порядка и «священной» собственности, промежуточные классы общества. Что касается помѣщиковъ, то эти потомки феодаловъ, приспособившіеся къ новымъ условіямъ капиталистическаго производства, являются естественными союзниками реакціонной буржуазіи. Мелкая буржуазія, а также классъ служащихъ и «интеллигенція» не столь многочисленны и сильны, чтобы играть рѣшительную роль въ борьбѣ пролетариата съ буржуазіей. Впрочемъ, по мѣрѣ того какъ жесточе становятся капиталистическая эксплуатация и конкуренція, дѣлающія невыносимыми условія существованія этихъ классовъ, они по своимъ интересамъ и настроенію все ближе примыкаютъ къ пролетариату. Въ частности, революціонная интеллигенція выступаетъ въ роли фермента революціоннаго по классовымъ интересамъ народа.

Остается крестьянство, достаточно многочисленное и живучее *)

*) О причинахъ этой живучести намъ придется говорить дальше.

и въ условіяхъ капиталистическаго производства, чтобы пассивно или активно парализовать или, наоборотъ, поддержать пролетаріатъ въ его революціонной борьбѣ. И передъ всѣми социалистическими пролетарскими партіями Запада всталъ вопросъ объ отношеніи къ крестьянству, о необходимости внесенія въ программу аграрнаго отдѣла. Еще острѣе, чѣмъ на Западѣ, этотъ вопросъ стоитъ у насъ, въ Россіи. Это обусловливается какъ тѣмъ, что крестьянство у насъ составляетъ все еще большую часть населенія, такъ и тѣмъ, что нигдѣ социаль-демократіи не приходится считаться съ такимъ сильнымъ противодействіемъ социалистовъ-реформистовъ и утопистовъ, сбивающихся съ пролетарско-классовой точки зрѣнія на мелко-буржуазную—недостатка въ нихъ, какъ извѣстно, нѣтъ и на Западѣ,—какъ у насъ, въ Россіи.

Правильное рѣшеніе вопроса объ отношеніи къ крестьянству обусловливается правильнымъ пониманіемъ его историческаго происхожденія, современнаго положенія и тенденцій его развитія. Отсюда вытекаетъ также выясненіе его роли какъ въ демократическомъ, такъ и въ социалистическомъ переворотѣ. За рѣшеніемъ всѣхъ этихъ вопросовъ естественно обратиться, прежде всего, къ творцу научнаго социализма, положившаго своей теоріей историческаго материализма основу научной социологіи и даващаго блестящій анализъ буржуазной политической экономіи. Однако, обращаясь къ авторитету Маркса, мы не послѣдуемъ за тѣми, кто думаетъ цитатами изъ его обширныхъ сочиненій рѣшать спорные вопросы и побивать своихъ противниковъ: нѣтъ метода, болѣе школьническаго и неприличнаго марксисту, чѣмъ этотъ *). Вырывая отдѣльныя фразы, внѣ связи съ общимъ ученіемъ, можно «по Марксу» доказать съ одинаковымъ успѣхомъ совершенно исключаютія другъ друга положенія. Только исходя изъ общей марксовой теоріи развитія капиталистическаго общества и принимая ее къ данному конкретному классу, мы найдемъ правильное рѣшеніе вопроса о крестьянствѣ и его судьбахъ.

* * *

Капиталистическое производство, господствующее въ современномъ обществѣ, есть развитое товарное производство. Поэтому «богатство буржуазнаго общества является какъ громадное скопленіе товаровъ» (Марксъ. «Къ критикѣ политической экономіи», стр. 5•

*) Блестящій примѣръ того, какъ не слѣдуетъ злоупотреблять Марксомъ, мы находимъ въ брошюрѣ г. Виктора Чернова: «Марксъ и Энгельсъ о крестьянствѣ». Какъ извѣстно, среди эс-эровъ г. Черновъ является «истиннымъ марксистомъ». Объ этой брошюрѣ мы будемъ говорить дальше.

Русск. изд. 1907 г.). Но для товаропроизводителя - капиталиста важна только мѣновая цѣнность товара. Конечнымъ же выраженіемъ цѣнности товара являются деньги. Отсюда исключительное, всемірное значеніе денегъ въ капиталистическомъ обществѣ: онѣ служатъ и мѣриломъ цѣнности, и средствомъ обращенія товаровъ, и платежнымъ средствомъ, и сокровищемъ.

Но «сами по себѣ деньги и товаръ, точно такъ же, какъ средства производства и средства существованія, не представляютъ капитала. Требуется обратить ихъ въ капиталъ. Но самый этотъ процессъ превращенія можетъ произойти только при опредѣленныхъ условіяхъ, которыя сводятся къ слѣдующему. Два совершенно разнородные владѣльца товаровъ должны быть противопоставлены другъ другу и войти въ соприкосновеніе: съ одной стороны владѣлецъ денегъ, средствъ производства и существованія, который желаетъ увеличить сумму принадлежащихъ ему стоимостей покупкой чужой рабочей силы; съ другой стороны, свободный работникъ, продавецъ собственной рабочей силы, а слѣдовательно продавецъ труда; работникъ, свободный въ двоякомъ смыслѣ, т. е. ни онъ самъ не принадлежитъ непосредственно къ условіямъ производства, какъ рабы, крѣпостные и т. п., ни условія производства не принадлежатъ ему, какъ это бываетъ у крестьянъ, имѣющихъ собственное хозяйство и т. п., другими словами, онъ свободенъ отъ нихъ. Этою поляризацией товарнаго рынка и даются основныя условія для капиталистическаго производства. Капиталистическія отношенія предполагаютъ отдѣленіе работниковъ отъ собственности во время осуществленія труда. Какъ только капиталистическое производство стало уже на собственные ноги, оно не только сохраняетъ ихъ отдѣленіе, но воспроизводитъ его все въ болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ. Поэтому процессъ, создающій капиталистическія отношенія, можетъ быть только процессомъ отдѣленія работника отъ условій труда, процессомъ, который, съ одной стороны, превращаетъ общественныя средства существованія и производства въ капиталъ, съ другой стороны, непосредственнаго производителя—въ наемнаго работника» *).

Такимъ образомъ развитію капиталистическаго производства предшествовало возникновеніе на одномъ полюсѣ общества класса капиталистовъ, сосредоточившихъ въ своихъ рукахъ деньги, средства производства и существованія, на другомъ полюсѣ — пролетаріата, свободнаго отъ личной зависимости, но также и отъ средствъ существованія, производства и денегъ. И это «экономическое строеніе

*) Марксъ. «Капиталъ», т. I, гл. XXIV стр. 625 и 626. Русск. изд. 1898 г. Даниельсона.

капиталистическаго общества возникло изъ экономическаго строенія феодальнаго общества. Разложеніе послѣдняго освободило элементы для перваго» *).

Какова была структура феодальнаго общества? Громадная масса населенія была сельской. Помѣщикъ-феодалъ сидѣлъ со своей вооруженной дворней въ замкѣ, владѣя окружными землями и прикрѣпленными къ нимъ крестьянскими «душами». Ихъ онъ эксплуатировалъ, усмиряя непокорныхъ силою своей шпаги, но той же шпагой защищалъ отъ набѣговъ сосѣднихъ хищниковъ, такихъ же, какъ и онъ самъ. Въ эту эпоху натуральнаго хозяйства земля сама по себѣ не имѣла цѣнности, и богатство феодала измѣрялось количествомъ крѣпостныхъ «душъ», которыми онъ владѣлъ. Было бы, конечно, нелѣпо разсматривать феодала, какъ современнаго землевладѣльца, присваивающаго себѣ земельную ренту... «При такихъ общественныхъ формахъ, гдѣ еще нѣтъ капитала, который бы совершалъ функцію отчужденія всего прибавочнаго труда и въ руки котораго прежде всего попадала бы вся прибавочная стоимость, гдѣ, слѣдовательно, капиталъ еще не подчинилъ себѣ общественнаго труда или, если и подчинилъ, то только мѣстами, не можетъ быть вообще и рѣчи о рентѣ въ современномъ значеніи этого слова, о рентѣ, какъ избыткѣ сравнительно со среднею прибылью, т. е. сравнительно съ соразмѣрной долей участія каждаго отдѣльнаго капитала въ прибавочной стоимости, произведенной всѣмъ общественнымъ капиталомъ» **).

Дѣло сводилось просто къ тому, что феодалъ, въ силу прямыхъ отношеній подчиненія и господства, отнималъ у своихъ крѣпостныхъ часть ихъ прибавочнаго труда, не выплачивая имъ съ своей стороны никакого эквивалента. Сперва эта крѣпостническая эксплуатация носила характеръ барщины. Извѣстное количество дней въ недѣлю крѣпостной крестьянинъ обязанъ былъ работать на барина, остальные дни—работать на себя. Второй формой эксплуатаціи при феодализмѣ является натуральный оброкъ, — крѣпостной часть продуктовъ своего труда отдавалъ въ натуральной формѣ помѣщику, другую часть оставлялъ себѣ. Нерѣдко обѣ формы соединялись вмѣстѣ, т. е. крестьянинъ и работалъ на феодала и отдавалъ ему извѣстное количество своихъ продуктовъ. Обѣ эти формы предполагаютъ господство натурального хозяйства. Съ развитіемъ товарно-денежнаго хозяйства натуральный оброкъ замѣняется денежнымъ. Очевидно, на

*) Марксъ «Капиталъ», т. I, гл. XXIV, стр. 626. Русск. изд. 1896 г. Даніельсона.

**) Марксъ. «Капиталъ». Т. III, стр. 646. Русск. изд. 1896 г. Даніельсона.

первыхъ порахъ эта переменна не измѣняетъ сущности крѣпостныхъ отношеній между крестьяниномъ и феодаломъ. Точно также она не мѣняется и въ томъ случаѣ, если мѣсто послѣдняго займетъ церковь или государство. Здѣсь оброкъ только замѣняется податью.

Эта сущность крѣпостныхъ отношеній сводилась, съ одной стороны, какъ уже сказано, къ прямому господству феодала надъ крѣпостнымъ, къ прямому принужденію отдавать прибавочный трудъ, или прибавочный продуктъ, или его денежный эквивалентъ господину. Но съ другой стороны, крѣпостной крестьянинъ является собственникомъ средствъ производства: онъ сидѣлъ на опредѣленномъ участкѣ земли, который обрабатывалъ, пользовался общинными лугомъ, пастбищемъ, лѣсомъ, имѣлъ свою усадьбу, владѣлъ скотомъ, мертвымъ инвентаремъ, посѣвными сѣменами и проч., распоряжался той частью продуктовъ своего труда, которая оставалась на его долю, словомъ это былъ настоящій самостоятельный мелкій производитель. И если личная зависимость крѣпостного крестьянина отъ феодала являлась унижительной и невыносимой, то его экономическое положеніе, какъ общее правило, было лучше, чѣмъ положеніе свободнаго мелкаго производителя. При господствѣ натурального производства доля продуктовъ труда, отчуждаемая помѣщикомъ, часто не покрывала собой всего прибавочнаго труда крестьянина. Послѣдній, такимъ образомъ, получалъ, кромѣ необходимыхъ средствъ существованія, соответствующихъ заработной платѣ рабочаго при капиталистическомъ производствѣ, еще часть прибавочнаго продукта; это создавало возможность извѣстнаго достатка, зажиточности, накопленія средствъ производства и существованія. Зависѣло это не столько отъ добродушія помѣщика, сколько отъ того, что при господствѣ натурального хозяйства, во-первыхъ, очень трудно поддается разграниченію необходимый и прибавочный трудъ; во-вторыхъ, натуральное потребленіе ставитъ естественныя границы помѣщицкѣй эксплуатаціи: помѣщику не было нужды брать со своихъ подданныхъ больше того, чѣмъ сколько онъ могъ потребить со своей дворней.

Необходимо указать также, что экономическій уровень существованія крестьянина при феодализмѣ опредѣлялся не только сельскимъ хозяйствомъ, но и домашней промышленностью, сырые матеріалы для которой крестьянинъ добывалъ въ своемъ же хозяйствѣ, перерабатывая шерсть, ленъ, пеньку и т. п. Такимъ образомъ крѣпостной крестьянинъ полностью, иногда съ избыткомъ даже, удовлетворялъ свои, правда, весьма немногочисленныя и примитивныя потребности.

Это сравнительно благопріятное положеніе крѣпостного крестьянина исчезаетъ съ замѣной натурального оброка денежнымъ. Преобладаніе денежнаго оброка предполагаетъ уже развитую торговлю,

мировой рынокъ, существованіе мануфактуры, т. е. появленіе уже условій капиталистическаго производства. Стремленіе помѣщика увеличить денежный оброкъ уже не встрѣчаетъ больше никакихъ ограниченій, такъ какъ накопленіе денегъ не знаетъ никакихъ границъ. Съ другой стороны, товарное производство, при которомъ только и возможна замѣна натурального оброка денежнымъ, позволяетъ уже точно опредѣлить прибавочный трудъ и свести долю крестьянина къ минимуму заработной платы. Но и такое доведеніе эксплуатаціи крестьянина до ея логическаго предѣла не можетъ уже болѣе удовлетворить помѣщика. Низкая производительность труда мелкаго земледѣльца становится невыгодной для владѣльца земли, такъ какъ развитіе капиталистическаго производства позволяетъ примѣнить къ сельскому хозяйству приемы крупной промышленности. У помѣщика является тенденція замѣнить крѣпостныхъ крестьянъ—мелкихъ производителей арендаторами-капиталистами или самому вести крупное хозяйство, соединивши въ одно цѣлое раздробленные крестьянскіе участки земли. Экономическій результатъ и въ томъ и другомъ случаѣ одинаковъ: появляется капиталистическое сельское хозяйство, крестьяне же освобождаются отъ крѣпостной зависимости, но вмѣстѣ съ тѣмъ освобождаются и отъ средствъ производства, т. е. становятся пролетаріями. Этотъ переходъ облегчается тѣмъ, что денежный оброкъ предполагаетъ уже договорныя отношенія между помѣщиками и крѣпостными крестьянами *).

Экспроприація массы крестьянства предполагаетъ уже, какъ мы сказали, наличность условій капиталистическаго производства, т. е. прежде всего наличность капитала, класса капиталистовъ. Родиной капитала является не деревня, а городъ. Въ раннюю пору феодализма города были рѣдки и малы. Въ то же время исторія развитія городовъ есть исторія борьбы ихъ съ феодалами противъ притязаній и вымогательствъ за свободу и самостоятельность. Въ этой борьбѣ выросли средневѣковыя крѣпкія городскія коммуны съ ихъ гильдіями и цехами. Но гильдіи и цехи, давшія мощь и сплоченность городскимъ жителямъ, ставили узкія границы ихъ промышленной дѣятельности. Торговля и ремесленное производство съ самаго начала сосредоточивались въ городахъ. Но пока существовали гильдіи и цехи, предпріятія неизбѣжно носили мелкій характеръ. И эти условія средневѣковаго производства стали въ непримиримое противорѣчіе съ торговыми потребностями, которыя возникли на мировомъ рынкѣ, созданномъ великими открытіями XV столѣтія. Необходимо стало крупное произ-

*) Марксъ «Капиталъ», т. III. «Возникновеніе капиталистической земельной ренты». Стр. 651—663. *passim*.

водство; и капиталъ, нужный для его организаціи, оказался уже на лицо: Каково его происхождение?

«Безъ сомнѣнія, нѣкоторые мелкіе цеховые мастера и, еще больше, самостоятельные мелкіе ремесленники или даже наемные рабочіе обращались въ мелкихъ капиталистовъ; затѣмъ, посредствомъ постепеннаго развитія эксплуатаціи наемнаго труда и соответствующаго ей накопленія, обращались въ капиталистовъ sans phrase» *). Однако, такой «черепашій ходъ» накопленія капитала не соответствовалъ лихорадочному росту крупной промышленности. «Но средніе вѣка оставили двѣ формы капитала, которыя созрѣвали въ самыхъ различныхъ экономическихъ формаціяхъ общества и въ докапиталистическомъ періодѣ производства считались капиталомъ quand même, это— ростовщическій и торговый капиталъ» **). Во времена докапиталистическаго производства было двѣ формы ростовщическаго капитала: «во-первыхъ, ростовщичество при помощи денежныхъ ссудъ расточительной знати, по преимуществу землевладѣльцамъ; во-вторыхъ, ростовщичество при помощи денежныхъ ссудъ мелкимъ производителямъ, работающимъ собственными орудіями труда, куда относятся также ремесленники, но главнымъ образомъ крестьяне, такъ какъ вообще въ докапиталистическихъ состояніяхъ, насколько они допускаютъ существованіе мелкихъ самостоятельныхъ единичныхъ производителей, крестьянское сословіе должно составлять громадное большинство» ***). «Ростовщичество такимъ образомъ, съ одной стороны, подкапывается подъ античное и феодальное богатство и разрушаетъ его. Съ другой стороны, оно подкапывается подъ мелкое крестьянство и мелкое ремесленное производство, словомъ подъ всѣ такія формы, при которыхъ производитель все еще является собственникомъ средствъ производства и разрушаетъ ихъ» ****). «И то, и другое, какъ раззореніе богатыхъ землевладѣльцевъ ростовщичествомъ, такъ и эксплуатація мелкихъ производителей, ведетъ въ образованію и сосредоточенію крупныхъ денежныхъ капиталовъ» *****).

Накопленный въ эпоху феодализма путемъ ростовщичества и торговли денежный капиталъ и послужилъ основаніемъ для развитія капиталистическаго производства, вызваннаго къ жизни потребностями міроваго рынка. Но былъ и другой богатѣйшій источникъ первоначальнаго накопленія капитала. «Открытіе американскихъ серебряныхъ и золотыхъ рудниковъ; истребленіе, порабощеніе и погреб-

*) Марксъ. «Капиталъ». т. I. Стр. 655, 656.

**) Марксъ. «Капиталъ» т. I. Стр. 656.

***) Марксъ. «Капиталъ». т. III. Стр. 489.

****) Марксъ «Капиталъ» т. III стр. 491.

*****) Марксъ «Капиталъ» т. III стр. 489.

беніе въ рудникахъ туземнаго населенія; завоеваніе и опустошеніе Остъ-Индіи; обращеніе Африки въ мѣсто охоты съ торговою цѣлью за чернокожими—всѣ эти событія были зарей эры капиталистическаго производства. Эти идиллическіе способы дѣйствія составляли главные моменты первоначальнаго накопленія. За ними слѣдовала торговая война европейскихъ націй, поприщемъ которой служилъ весь земной шаръ» *).

Однако, накопленія капитала было еще не достаточно для возникновенія капиталистическаго производства. Требовался еще свободный продавецъ рабочей силы—пролетарій, обладающій чудеснымъ свойствомъ производить стоимость и сверхъ-стоимость, а съ созданіемъ его связывалось неизбѣжно уничтоженіе феодализма и цехового строя, налагавшихъ путы не только на крѣпостнаго крестьянина и цехового мастера, но и на капиталиста, стремящагося къ ничѣмъ неограниченному расширенію производства. «Промышленнымъ капиталистамъ, этимъ новымъ властелинамъ, съ своей стороны, не только приходилось замѣстить цеховыхъ ремесленныхъ мастеровъ, но также феодальныхъ лордовъ, владѣльцевъ источниковъ богатства. Въ этомъ смыслѣ приобрѣтеніе ими общественной власти представляется плодомъ побѣды какъ надъ феодальными властелинами и ихъ возмутительными прерогативами, такъ и надъ гильдіями и тѣми стѣсненіями, которыя онѣ налагали на свободное развитіе производства и на свободную эксплуатацію челоуѣка челоуѣкомъ» **).

Мы видѣли уже, какъ ростовническій капиталъ еще въ докапиталистическую эпоху разлагалъ и разрушалъ и феодальную собственность, и мелко-крестьянскую собственность, и собственность цеховыхъ ремесленниковъ. Этимъ подготовлялось паденіе всего феодальнаго строя, но свалить его окончательно могла только буржуазная революція, уничтожившая крѣпостныя и цеховыя путы и провозгласившая «свободу конкуренціи» основой экономической жизни. Она же освободила массы цеховыхъ ремесленниковъ, крѣпостной дворни и крѣпостныхъ крестьянъ какъ отъ личной зависимости, такъ и отъ средствъ производства.

«Въ исторіи первоначальнаго накопленія наиболѣе выдающимися событіями были всѣ перевороты, которые служили рычагами для поднятія возникающаго класса капиталистовъ, въ особенности же тѣ моменты, когда огромныя массы людей внезапно и насильственно отторгались отъ средствъ ихъ существованія и выбрасывались на рабочий рынокъ какъ свободные «незакрѣпощенные» пролетаріи. Э к с п р о

*) Марксъ. „Капиталъ“, т. I. Стр. 656, 657.

**) Марксъ „Капиталъ“ т. I, стр. 626.

пріація земледѣльческаго производителя, крестьянина, лишеніе его земли—вотъ основа всего процесса» *).

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости произошло въ различныхъ странахъ въ различное время, при различныхъ историческихъ условіяхъ, при неодинаковой степени развитія капиталистическаго производства. Но вездѣ оно было вызвано потребностью пародившагося капитализма въ «свободномъ» рабочемъ и вездѣ сопровождалось большимъ или меньшимъ лишеніемъ крестьянина его средствъ производства. Классическую форму эта экзпропріація крестьянства приняла, по мнѣнію Маркса, только въ Англіи.

Тамъ лэндлорды и фермеры-капиталисты попросту прогнали съ ихъ земель мелкихъ крестьянъ, ставшихъ фактически свободными еще въ концѣ XIV столѣтія, снесли ихъ дома и обратили раздробленные фермерскіе участки въ обширныя пастбища для овецъ, какъ только овцеводство стало наиболѣе выгодной отраслью сельскаго хозяйства вслѣдствіе развитія шерстяной промышленности. По той же причинѣ и съ той же цѣлью расширенія площади пастбищъ были «огорожены», т. е. отняты у крестьянъ общинныя земли, безъ которыхъ стало почти невозможно крестьянское скотоводство. Этотъ переворотъ обезлюдилъ англійскую деревню и согналъ въ города громадныя кадры пролетаріевъ, пополнившихъ собой резервную армію рабочихъ. Положеніе мелкихъ крестьянъ-земледѣльцевъ въ Англіи не улучшилось и тогда, когда прошла овцеводческая горячка. Господствующимъ типомъ организациі сельско-хозяйственнаго производства въ Англіи стала двустепенная эксплуатація сельскаго рабочаго фермеромъ-капиталистомъ, который предпринимательскую прибыль оставляетъ себѣ, а ренту уплачиваетъ собственнику земли—лэндлорду, выжимая и ту и другую изъ труда батрака. На ряду съ фермерами-капиталистами существуютъ, конечно, и мелкіе фермеры, сами работающіе на землѣ, и даже крестьяне-собственники. Но и тѣ и другіе влчатъ существованіе, не лучшее, чѣмъ существованіе континентальныхъ парцеллярныхъ, или карликовыхъ крестьянъ.

Въ другихъ странахъ «освобожденіе» крестьянъ имѣло своимъ слѣдствіемъ также образованіе, съ одной стороны, класса землевладельцевъ, которые частью сами начали вести капиталистическое сельское хозяйство, соединяя въ однихъ рукахъ и земельную ренту, и предпринимательскую прибыль, частью стали отдавать землю въ аренду,

* Марксъ. „Капиталъ“ т. I. Стр. 627.

довольствуясь одной рентой; съ другой стороны,—пролетаризацію значительной части сельскаго населенія и превращеніе другой части— въ мелкихъ крестьянъ, лишившихся права пользованія общинными землями *) и сохранившихъ землю только благодаря выкупу или покупке. И какъ ни разнообразны въ различныхъ странахъ условія «освобожденія» крѣпостныхъ крестьянъ, мы можемъ намѣтить общія и характерныя для всѣхъ нихъ черты этого переворота, послужившаго основаніемъ для развитія капиталистическаго производства.

Прежде всего извѣстная и значительная часть сельскаго населенія была прямо «освобождена» отъ средствъ существованія и производства и составила самый обширный кадръ пролетаріата, и такъ какъ она не могла найти въ новомъ капиталистическомъ сельскомъ хозяйствѣ достаточнаго спроса на свою рабочую силу, то покинула деревню и переселилась въ городъ, чтобы заполнить ряды промышленныхъ рабочихъ.

Другая часть крестьянства сохранила средства производства, однако въ количествѣ, недостаточномъ, чтобы самостоятельнымъ земледѣльческимъ хозяйствомъ поддерживать свое существованіе. Такого крестьянина ничтожный клочекъ земли, который не даетъ ему «ни жить, ни умереть», привязываетъ къ мѣсту, заставляетъ искать у себя въ деревнѣ побочнаго заработка. Онъ, или работаетъ въ качествѣ батрака въ сосѣднемъ капиталистическомъ сельскомъ хозяйствѣ, соглашаясь на плату, не покрывающую его среднихъ потребностей, или занимается домашними (кустарными) промыслами, которые при господствѣ капиталистическаго производства, поскольку не вымираютъ, превращаются въ домашнюю систему крупной промышленности. Нѣтъ нужды воспроизводить здѣсь или дополнять общеизвѣстную картину нѣвѣроятной эксплуатаціи работниковъ, занятыхъ въ этихъ домашнихъ промыслахъ, нарисованную Марксомъ («Капиталъ», т. I). Такой крестьянинъ стоитъ на границѣ нищаго (паунера), и малѣйшее хозяйственное потрясеніе освобождаетъ его отъ «собственности», и это, пожалуй, можно считать для него спасеніемъ.

Наконецъ, третья категорія крестьянъ сохраняетъ средства производства въ количествѣ, достаточномъ для веденія самостоятельнаго сельскаго хозяйства. Каковы условія этого хозяйства въ капитали-

*) Къ свѣдѣнію сторовниковъ русской общины замѣтимъ, что, несмотря на сохраненіе у насъ послѣ 1861 г. общиннаго землевладѣнія въ великорусскихъ губерніяхъ, общинныя земли въ видѣ права пользованія для выпаса скота лѣсами и прочими „привольями“, въ видѣ общихъ съ помѣщикомъ луговъ и т. п. были отняты у русскихъ крестьянъ актомъ освобожденія. Это—помимо тѣхъ „отрѣзковъ“, которые составляютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 25% крестьянскаго надѣла до воли.

стическомъ обществѣ? Хозяйство это уже не носить натурального характера. Конечно, и теперь крестьянинъ потребляетъ часть продуктовъ своего труда въ натуральномъ видѣ. Но крестьянину, прежде всего, нужны деньги. Деньги нужны, чтобы уплатить ренту землевладѣльцу, у котораго крестьянинъ арендуетъ весь обрабатываемый участокъ земли или часть его. Правда, иногда рента выплачивается въ натуральной формѣ: отработками или долей урожая. Намъ, русскимъ, эта форма ренты особенно знакома. Но относительно ренты въ натуральномъ видѣ надо замѣтить, что она «допелась до нашего времени отъ отжившаго способа производства (барщины и оброка крѣпостныхъ временъ. П. Р.) и есть только переживаніе, остатокъ ея отсроченнаго существованія, противорѣчіе котораго съ капиталистическимъ способомъ производства проявляется въ томъ, что она сама исчезаетъ изъ частныхъ договоровъ... Въ-вторыхъ, гдѣ она еще продолжала существовать при капиталистическомъ способѣ производства, она была ничѣмъ инымъ и не могла быть ничѣмъ инымъ, какъ по средневѣковому замаскированнымъ выраженіемъ денежной ренты»^{*)}. Деньги нужны крестьянину, чтобы купить землю, платить за нее выкупъ (какъ это было у насъ, въ Россіи), платить за ипотеку банку и т. п. Помимо того крестьянину нужны деньги на покупку многихъ предметовъ какъ производительнаго, такъ и личнаго потребленія. Это—тѣмъ болѣе, что развитіе капиталистическаго производства повсемѣстно и весьма быстро уничтожаетъ когда-то неразрывно связанную съ крестьянскимъ земледѣіемъ домашнюю промышленность, превращая ее сперва въ домашнюю систему крупной промышленности, въ мануфактуру, а затѣмъ совершенно убивая конкуренціей машиннаго производства.

Всѣ эти условія дѣлаютъ невозможнымъ для самостоятельнаго мелкаго крестьянскаго хозяйства въ капиталистическомъ обществѣ оставаться замкнутымъ, самодовлѣющимъ, какъ это было въ докапиталистическую эпоху. Они ставятъ его въ зависимость отъ рынка, такъ какъ дѣлью его уже является не производство продуктовъ для собственнаго потребленія, а производство товаровъ, и эти товары крестьянинъ долженъ черпать исключительно изъ сельскаго хозяйства. Эта зависимость крестьянина отъ рынка чревата для него роковыми послѣдствіями. Она, въ концѣ концовъ, экспроприруетъ крестьянина.

«Свободная собственность самостоятельнаго крестьянства есть, очевидно, самая нормальная форма мелкаго производства; т. е. такой способъ производства, при которомъ владѣніе землей оказывается условіемъ права собственности на продуктъ его собственнаго труда,

^{*)} Марксъ. «Капиталъ», т. III. Стр. 650.

и при которомъ, будетъ ли земледѣлецъ свободнымъ собственникомъ или поселенцемъ, онъ производитъ средства своего существованія постоянно самъ, независимо со своимъ семействомъ, какъ рабочій, разобщенный съ остальными такими же рабочими. Право собственности на землю... образуетъ при этомъ основу личной самостоятельности» *). Наши апологеты «трудового крестьянства», объединяющіе его въ одну общественную категорію съ пролетаріатомъ, могутъ порадоваться этой цитатѣ изъ Маркса, какъ подтвержденію правильности ихъ точки зрѣнія. Но послушаемъ Маркса дальше: «Оно (право собственности на землю) представляетъ необходимую переходную ступень для развитія самого земледѣлія. Причины, по которымъ такая собственность уничтожается, указываютъ на то, что именно ставить предѣлы ея развитію. Вотъ онѣ: уничтоженіе сельскихъ домашнихъ промысловъ, которые составляютъ нормальное ея дополненіе, вслѣдствіе развитія крупной промышленности; постепенное объединеніе и истощеніе почвы, подвергающейся такой культурѣ; захватъ крупными землевладѣльцами общинной собственности, которая повсюду составляетъ второе дополненіе мелкаго хозяйства и только одна даетъ возможность держать скотъ; соперничество крупныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ, все равно, плантаторскихъ или капиталистическихъ. Улучшенія въ земледѣліи, которыя, съ одной стороны, ведутъ за собой пониженіе цѣнъ на земледѣльческіе продукты, а съ другой—требуютъ крупныхъ затратъ и болѣе изобильныхъ вещественныхъ условій производствъ, также способствуютъ этой гибели»... **). Ясно, что все эти условія заставляютъ крестьянина отчуждать на рынкѣ все большую часть своего продукта и дѣлаютъ для него все менѣе выгодной разницу между цѣной и стоимостью продукта.

Но этого мало. Невыгоднымъ условіемъ мелкаго земледѣлія является то, что крестьянинъ долженъ такъ или иначе затрачивать капиталъ на покупку земли. «Поскольку денежный капиталъ употребляется на покупку земли, постольку уменьшается тотъ капиталъ, которымъ мелкіе крестьяне могутъ располагать сами въ собственномъ производствѣ. Такое употребленіе pro tanto уменьшаетъ размѣръ ихъ производство и суживаетъ, поэтому, хозяйственную основу воспроизводства» ***). При этомъ, условія покупки земли крайне не выгодны для крестьянина. «Цѣна земли есть не что иное, какъ капитализованная, а, слѣдовательно, упрежденная рента»... «При данной земельной рентѣ цѣна земли регулируется размѣромъ процента. Если онъ низокъ,

*) Марксъ. „Капиталъ“, т. III. Стр. 666, 667

***) Марксъ. „Капиталъ“, т. III Стр. 667.

***) Ibid. Стр. 670.

то цѣна земли высока и наоборотъ. Слѣдовательно нормально высокая цѣна на землю должна была бы сопровождаться низкимъ процентомъ, такъ что, если крестьянинъ вслѣдствіе низкаго процента заплатилъ бы дорого за землю, то тотъ же самый низкій процентъ долженъ былъ бы доставить ему при помощи кредита на благопріятныхъ условіяхъ оборотный капиталъ *)). Въ дѣйствительности происходитъ обратное. Капиталистическій кредитъ не доступенъ крестьянину, такъ какъ онъ ведетъ не капиталистическое хозяйство. Да и поскольку онъ ему доступенъ, процентъ бываетъ высокъ, такъ какъ мелкое крестьянское хозяйство распространено въ странахъ, гдѣ капиталистическое производство еще не достаточно развито и гдѣ, слѣдовательно, нѣтъ «праздныхъ» капиталовъ. Но и помимо того, цѣны на землю въ странахъ мелкаго крестьянскаго земледѣлія бываютъ ненормально вздуты. Тамъ, „гдѣ земельная собственность составляетъ условіе существованія большей части производителей и неизбежное поле приложенія для ихъ капитала, цѣна земли станеть подниматься независимо отъ размѣра процента и даже въ обратномъ отношеніи къ нему, вслѣдствіе превышенія запроса на земельную собственность сравнительно съ предложеніемъ. За землю, продаваемую мелкими участками, получается при этомъ гораздо болѣе высокая цѣна, чѣмъ при продажѣ крупными имѣніями, такъ какъ при этомъ число мелкихъ покупателей велико, а число крупныхъ ничтожно. По всѣмъ этимъ основаніямъ цѣна земли при этомъ повышается при относительно высокомъ размѣрѣ процента» **).

Такимъ образомъ за купленную землю крестьянинъ выплачиваетъ не только капитализованную ренту, но и часть или даже всю прибыль, которую онъ долженъ былъ бы получить самъ, какъ предприниматель. Дѣло не мѣняется и въ томъ случаѣ, [если крестьянинъ ведетъ хозяйство на арендованной землѣ. Условія, достаточно выясненныя выше, ведутъ къ тому, что «арендные деньги захватываютъ больше, чѣмъ въ какихъ-либо иныхъ случаяхъ,—часть прибыли или даже вычесть изъ рабочей платы; въ такомъ случаѣ [это рента только по названію, а не рента, какъ самостоятельная категория по отношенію къ рабочей платѣ и прибыли» ***). Налоги, которыми буржуазное государство не скупится обременять крестьянское хозяйство, дѣйствуютъ на него въ томъ же разрушительномъ направленіи.

Какое сопротивленіе можетъ оказать мелкій крестьянинъ тискамъ, въ которыхъ сжимаютъ его условія капиталистическаго товарнаго и

*) Марксъ «Капиталъ», т. III. Стр. 670.

**) Ibidem.

***) Ibidem.

денежного рынка, условия капиталистической конкуренции? Предоставимъ отвѣтить на этотъ вопросъ самому Марксу.

«Предѣломъ эксплуатаціи для мелкаго крестьянина является, съ одной стороны, не средняя прибыль на капиталъ, насколько онъ представляетъ собой мелкаго капиталиста; и не необходимость, съ другой стороны, получения ренты, насколько онъ землевладелецъ. Для него, какъ для мелкаго капиталиста, абсолютнымъ предѣломъ оказывается не что иное, какъ рабочая плата, которую онъ выплачиваетъ самъ себѣ, за вычетомъ издержекъ. Собственно до тѣхъ поръ, пока цѣна продукта покрываетъ послѣднія, онъ будетъ обрабатывать землю, и часто до тѣхъ поръ, пока она покрываетъ физическій минимумъ заработной платы (курсивъ П. Р.). Что же касается его, какъ землевладельца, то для него нѣтъ тѣхъ ограниченій, которыя ставятся собственностью, которыя могутъ имѣть силу лишь въ противоположность къ отдѣленному отъ нея капиталу (со включеніемъ труда) тѣмъ, что ставятъ затрудненія затратъ его. Во всякомъ случаѣ предѣломъ является процентъ за цѣну земли, который приходится къ тому же по большей части уплачивать третьему лицу, давшему ссуду подъ землю. Но этотъ процентъ можно оплатить и изъ части прибавочнаго труда, который бы составилъ при капиталистическихъ отношеніяхъ часть прибыли. Упрежденная въ цѣнѣ земли рента и уплачиваемый за эту цѣну процентъ не можетъ быть чѣмъ-либо инымъ, какъ частью капитализованнаго прибавочнаго труда крестьянина, труда, превышающаго тотъ трудъ, который требуется для производства необходимѣйшихъ средствъ существованія, при чемъ такой прибавочный трудъ не реализуется въ части стоимости товара, равной всей средней прибыли, и еще менѣе въ избыткѣ сверхъ прибавочнаго труда, реализованнаго въ средней прибыли,—въ добавочной прибыли. Рента можетъ быть вычетомъ изъ средней прибыли, или даже единственной ея частью, которая реализуется. Для того, чтобы мелкій крестьянинъ-собственникъ обрабатывалъ свою землю, или чтобы купилъ землю для обработки, не требуется, слѣдовательно, какъ въ нормальномъ капиталистическомъ способѣ производства, чтобы рыночная цѣна земледѣльческаго продукта поднялась настолько, чтобы дала ему среднюю прибыль, и еще менѣе избытокъ сверхъ такой средней прибыли, установленной въ видѣ ренты. Слѣдовательно, вовсе не требуется, чтобы рыночная цѣна поднялась до стоимости или до цѣны производства его продукта. Это—одна изъ причинъ, почему цѣна зерновыхъ продуктовъ въ странахъ съ преобладающимъ крестьянскимъ мелкимъ земледѣліемъ стоитъ ниже, чѣмъ въ странахъ съ капиталистическимъ способомъ производства. Часть прибавочнаго труда

крестьянъ, которые работаютъ при неблагоприятныхъ условіяхъ, отдается обществу даромъ, и не входитъ элементомъ, регулирующимъ цѣны производства или въ образованіе стоимости вообще, слѣдовательно, такая низкая цѣна есть слѣдствіе бѣдности производителей, а ни въ коемъ случаѣ не есть результатъ производительности ихъ труда» *).

Такимъ образомъ крестьянинъ-собственникъ въ капиталистическомъ обществѣ, являясь формально землевладельцемъ и капиталистомъ, фактически отдаетъ и ренту и прибыль другимъ классамъ общества, въ видѣ ли арендной платы за землю, или въ видѣ процента за капиталъ, ссуженный ему подъ землю, или наконецъ, потому, что продаетъ свой продуктъ ниже его стоимости, а себѣ оставляетъ только заработную плату, спускающуюся часто до ея физическаго минимума, иногда же, какъ у насъ въ Россіи, даже ниже его.

— Ну не правы ли мы, воскликнетъ народникъ, когда утверждаемъ, что «трудовой» крестьянинъ тотъ же рабочій. — Марксъ подтверждаетъ наше заключеніе. — Еще разъ просимъ не смѣшить съ окончательнымъ выводомъ.

Въ этомъ вынужденномъ ограниченіи своихъ доходовъ удовлетвореніемъ насущныхъ только потребностей крестьянина и находитъ силу отстаивать свою хозяйственную «самостоятельность». Въ этомъ разгадка его живучести, порождающей такія надежды въ иныхъ пылкихъ головахъ нашихъ социальныхъ утопистовъ. Но здѣсь же лежитъ причина убогости крестьянской жизни, причина того, что «мелкая земельная собственность по самой сущности исключаетъ развитіе общественной производительной силы труда, общественныя формы труда, общественное сосредоточеніе капитала, скотоводство въ крупныхъ размѣрахъ, прогрессивное приложеніе науки» **). Наоборотъ, ей свойственны: «безчисленное раздробленіе средствъ производства и обособленіе самихъ производителей; чрезвычайное расточеніе человеческой силы; прогрессивное ухудшеніе условій производства и вздорожаніе средствъ производства» ***). «Мелкая земельная собственность предполагаетъ, что значительнѣйшее большинство населенія составляетъ населеніе сельское, и что преобладающимъ трудомъ оказывается не трудъ общественный, а обособленный; что, слѣдовательно, при этомъ исключается возможность богатства и развитіе воспроизводства, равно какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ условій, а

*) Марксъ «Капиталъ» т. III. Стр. 666. Здѣсь все время рѣчь идетъ объ абсолютной рентѣ. Дифференціальную ренту, поскольку она зависитъ отъ качества почвы, крестьянинъ, разумѣется, можетъ реализовать въ цѣнѣ своего продукта.

**) Марксъ «Капиталъ», т. III. Стр. 6-7.

***) Ibidem.

потому также и условий рациональной культуры».. «Мелкая земельная собственность создаетъ классъ варваровъ, находящійся наполовину внѣ общества, классъ, въ которомъ соединяется всѣ грубость первобытныхъ общественныхъ формъ со всѣми бѣдствіями странъ цивилизованныхъ»... *)

Способность крестьянина сохранять свою хозяйственную самостоятельность, свои средства производства имѣть, однако, свои довольно узкіе предѣлы. И чѣмъ ближе доходъ крестьянина къ физическому минимуму рабочей платы, тѣмъ меньше эта способность. Здѣсь достаточно малѣйшаго потрясенія, чтобы разрушить крестьянское хозяйство. Во всѣхъ крестьянскихъ нуждахъ на сцену является ростовщикъ. Онъ сужаетъ крестьянина деньгами на покупку земли, на уплату ренты землевладѣльцу, на возстановленіе или расширеніе инвентаря и другихъ средствъ земледѣльческаго производства, на покупку, наконецъ, средствъ существованія во время неурожая. И какъ когда-то, въ феодальную эпоху, ростовщикъ сыгралъ революціонную роль экспроприатора феодальной собственности, такъ и теперь этотъ «благодѣтель», являющійся въ трудную минуту, въ концѣ концовъ экспроприруетъ мелкую крестьянскую собственность. «...Сохраненіе или потеря условий производства мелкими производителями зависитъ отъ тысячи случайностей, и каждая такая случайность или потеря означаетъ обѣдненіе и становится такимъ пунктомъ, гдѣ можетъ засѣсть паразитъ-ростовщикъ. Достаточно, чтобы у крестьянина пала лошадь, и онъ лишается возможности продолжать вести свое производство въ прежнихъ размѣрахъ. При этомъ онъ попадаетъ въ руки ростовщику, а разъ попавъ, онъ уже не освободится никогда».

Констатиравъ фактъ экспроприаціи мелкихъ крестьянъ въ капи-

*) Ibid. Стр. 672.—Марксъ, безпощадно разоблачая реакціонное значеніе мелкой собственности, не отдастъ, однако, предпочтенія и крупной. Крупная земельная собственность, по его словамъ, «подрываетъ рабочую силу въ послѣдней области, гдѣ ищетъ спасенія ея природная энергія и гдѣ она оберегается для возстановленія жизненной силы народовъ,—въ самомъ земледѣліи». Крупная собственность также истощаетъ почвенныя силы, какъ и мелкая. И, въ концѣ концовъ, и та и другая «противодѣйствуютъ... земледѣльческому прогрессу и рациональной культурѣ, сохраненію и улучшенію самой земли».—Вопросъ о предѣлахъ концентраціи капитала въ сельскомъ хозяйствѣ и объ эволюціи землевладѣнія въ капиталистическомъ обществѣ лежитъ внѣ темы настоящей статьи, и то или другое рѣшеніе его не можетъ измѣнить ея выводовъ. Замѣтимъ, впрочемъ, что у Маркса вопросъ этотъ остался не разработаннымъ. Однако, ни одна часть «Капитала», посвященная вопросу о капиталистическомъ земледѣліи, не даетъ права утверждать, что Марксъ не видѣлъ разницы въ концентраціи капитала сельско-хозяйственного и промышленнаго.

талистическомъ обществѣ, Марксъ не даетъ болѣе детальнаго анализа эволюціи крестьянства. Но онъ необходимъ намъ для пониманія дальнѣйшихъ положеній самого же Маркса. Въ эпоху феодализма ростовщикъ являлся по большей части купцомъ-горожаниномъ,—городъ эксплуатировалъ деревню. Теперь городъ—арена капиталистической промышленности, а капиталистическое производство не знаетъ ростовщика стараго типа. Ростовщическій капиталъ превратился въ капиталъ, приносящій проценты, и орудуетъ посредствомъ сложной и развитой системы кредитныхъ учреждений. Мелкій городской ростовщикъ паразитируетъ только среди городской бѣдности. Деревенскому жителю-крестьянину капиталистическія кредитныя учрежденія не доступны, и онъ долженъ обращаться за ссудами къ своимъ мѣстнымъ ростовщикамъ. Очень часто это—сосѣдъ, свой же крестьянинъ, которому повезло накопить капиталаецъ и въ условіяхъ мелкаго крестьянскаго хозяйства. Къ нему и переходитъ собственность разорившагося крестьянина. Такимъ образомъ на почвѣ экспроприаціи одной части крестьянства, богатѣетъ, сосредоточиваетъ собственность въ своихъ рукахъ другая часть, превращается въ мелкихъ капиталистовъ *sans phrase*, эксплуатирующихъ наемную рабочую силу и расширяющихъ свое производство.

Такъ капиталистическое производство завершаетъ экспроприацію мелкихъ крестьянъ-собственниковъ, начавшуюся въ эпоху первоначальнаго накопленія капитала, на зарѣ капиталистической эры; и это имѣетъ для развитія самого капиталистическаго производства двойное значеніе.

Во-первыхъ, экспроприація крестьянства постоянно поддерживаетъ то относительное перенаселеніе, которое характерно для капиталистическаго общества, служитъ постояннымъ и главнымъ кадромъ резервной арміи пролетаріата, безъ существованія которой было бы невысказимо произвольное расширеніе и сѣуженіе капиталистическаго производства. «Какъ только капиталистическое производство овладѣваетъ земледѣліемъ или не мѣрѣ того какъ оно овладѣваетъ имъ, запросъ на сельское рабочее населеніе абсолютно понижается съ накопленіемъ здѣсь функционирующаго капитала, но при этомъ отталкиваніе его не дополняется, какъ въ неземледѣльческой промышленности, болѣшимъ притяженіемъ въ другомъ мѣстѣ. Часть сельскаго населенія находится, поэтому, постоянно въ переходномъ состояніи превращенія въ городской или мануфактурный пролетаріатъ и въ ожиданіи условій, благоприятныхъ для такого превращенія. (Подъ словомъ мануфактурные—здѣсь подразумѣваются всѣ не земледѣльческіе промыслы). Этотъ источникъ относительнаго избытка населенія прибываетъ, слѣдовательно, постоянно.

Во-вторыхъ, экспроприация крестьянства знаменуетъ собой развитіе внутренняго рынка для капиталистическаго производства. Средства существованія пролетаризованнаго крестьянства, которыя раньше оно добывало въ натуральномъ видѣ въ собственномъ хозяйствѣ, превращаются въ вещественный элементъ переменной части капитала. Крестьянинъ, превратившійся въ пролетарія, долженъ покупать ихъ на рынокъ на деньги, полученныя съ продажи его рабочей силы. Съ другой стороны сельское хозяйство, которое ведетъ теперь капиталистъ, производитъ на рынокъ продукты, которые раньше потреблялись ихъ производителями крестьянами въ натуральной формѣ. Такое же значеніе для расширенія рынка имѣетъ уничтоженіе домашнихъ промысловъ, которое идетъ рука объ руку съ экспроприацией крестьянства, отдѣленіе промысловъ отъ земледѣлія.

Экспроприация крестьянства совершается во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, какъ это показываютъ сравнительныя данныя о ростѣ сельскаго и городского населенія и профессиональная статистика. Въ странахъ, болѣе развитыхъ капиталистически, и теперь уже городское населеніе преобладаетъ надъ сельскимъ, въ болѣе отсталыхъ—этого еще нѣтъ, но ростъ городовъ во много разъ обгоняетъ ростъ деревень. Въ частности, у насъ въ Россіи городское населеніе увеличивается въ три раза быстрѣе сельскаго, несмотря на то, что естественный приростъ населенія въ городахъ почти вдвое ниже, чѣмъ въ селахъ. Но несмотря на быструю экспроприацию, крестьяне до сихъ поръ составляютъ въ большинствѣ капиталистическихъ странъ такую значительную часть всего населенія, что то или иное отношенія ихъ къ классовой борьбѣ въ капиталистическомъ обществѣ является далеко не безразличнымъ. Какъ смотрѣлъ на это отношеніе Марксъ?

* * *

Шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ Марксъ и Энгельсъ опубликовали «Манифестъ коммунистической партіи». Несмотря на то, что «Манифестъ» устарѣлъ въ тѣхъ частяхъ, которыя относятся къ конкретнымъ условіямъ эпохи его составленія, онъ остается до сихъ поръ классической формулировкой основныхъ положенія каждой социалистической партіи, стоящей на почвѣ научнаго социализма. Стоя на точкѣ зрѣнія, что «исторія всего предшествующаго общества есть исторія борьбы классовъ», авторы «Манифеста» даютъ лаконичную, но поразительную по силѣ и ясности картину борьбы классовъ въ буржуазномъ обществѣ. «Буржуазія сыграла въ исторіи въ высшей степени революціонную роль». Какъ представительница капитала, она, въ силу законовъ развитія капиталистическаго производства, разрушила старое феодаль-

ное общество, экспроприровала его собственность, уничтожила его классы. «Буржуазія подчинила деревню господству города. Она создала громадные города, она въ высокой мѣрѣ увеличила число городского населенія по отношенію къ сельскому и, такимъ образомъ, освободила значительную часть населенія отъ идиотизма деревенской жизни». На мѣсто старой власти феодаловъ, буржуазія поставила свое господство, опирающееся на капиталистическія отношенія производства; она создала «какъ бы по волшебству» «могучія средства производства и обращенія», дала толчекъ небывалому развитію производительныхъ силъ. Но въ самихъ условіяхъ капиталистическаго производства, общественному характеру котораго противорѣчитъ частная буржуазная собственность на средства производства, кроется причина гибели капитализма. «Уже цѣлыя десятилѣтія исторія промышленности и торговли представляетъ лишь исторію возмущенія современныхъ производительныхъ силъ противъ современныхъ производственныхъ отношеній, противъ имущественныхъ отношеній, являющихся условіемъ существованія буржуазіи и ея господства». Периодически повторяющіеся все въ болѣе грозной формѣ торговые кризисы доказываютъ это. «Оружіе, которымъ буржуазія низвергла феодализмъ, направляется теперь противъ самой буржуазіи». «Но буржуазія не только выковала оружіе, которое принесетъ ей смерть, она создала и людей, которые возьмутъ въ свои руки это оружіе,—современныхъ рабочихъ, пролетаріевъ»

Пролетаріи, положеніе которыхъ въ буржуазномъ обществѣ все болѣе и болѣе ухудшается, революціонизируются и организуются самими условіями капиталистическаго производства. Они сконцентрируются въ городахъ, концентрируются на фабрикахъ въ готовые кадры грядущей революціи. Въ то же время ряды ихъ непрерывно пополняются изъ другихъ классовъ, разлагаемыхъ капитализмомъ. «Прежніе низшіе слои среднихъ сословій,—мелкіе промышленники, торговцы и рантье, ремесленники и крестьяне,—все эти классы падаютъ въ ряды пролетаріата, частью отъ того, что ихъ маленькій капиталъ недостаточенъ для веденія крупнаго промышленнаго предпріятія и не выдерживаетъ конкуренціи съ болѣе крупными капиталами, частью потому, что ихъ ловкость обезцѣнивается новыми способами производства. Такъ рекрутируется пролетаріатъ изъ всѣхъ классовъ населенія».

Въ борьбѣ съ буржуазіей, пролетаріатъ, пройдя стадіи раздробленныхъ и стихійныхъ дѣйствій, которыя не могутъ быть цѣлесообразными, организуется, наконецъ, въ сознательный классъ. «Изъ всѣхъ классовъ, противостоящихъ въ наши дни буржуазіи, только одинъ, пролетаріатъ является дѣйствительно революціоннымъ классомъ. Остальные классы захнутъ и гибнутъ подъ вліяніемъ крупной про-

мышленности, пролетаріатъ же является ея характернѣйшимъ продуктомъ». Поэтому именно пролетаріату суждено произвести социалистическій переворотъ—сдѣлать всѣ средства производства общественнымъ достояніемъ. «Среднія сословія,—мелкій промышленникъ, мелкій торговецъ, ремесленникъ, крестьянинъ,—всѣ они борются противъ буржуазіи, чтобы оградить отъ гибели свое существованіе, какъ среднихъ сословій. Они, слѣдовательно, реакціонны, они стремятся повернуть колесо исторіи назадъ. Если они бывають революціонны, то лишь въ виду предстоящаго имъ перехода въ пролетаріатъ, и тогда защищаютъ они не настоящіе, а будущіе свои интересы, тогда покидаютъ они свою собственную точку зрѣнія, чтобы перейти на точку зрѣнія пролетаріата» *).

Вотъ точка зрѣнія Маркса—какъ она сложилась въ 40 хъ годахъ прошлаго столѣтія—на участіе крестьянства въ борьбѣ классовъ буржуазнаго общества, въ пролетарской социалистической революціи. Пролетаріатъ борется съ буржуазіей за социализмъ, за «экспропріацію экспропріаторовъ», во имя своихъ классовыхъ интересовъ, во имя своихъ «настоящихъ» интересовъ. Крестьянство, классъ прошлаго, борется съ буржуазіей только за сохраненіе своей мелкой собственности, только противъ экспропріаторскихъ стремленій капиталистовъ. Примкнуть къ борьбѣ пролетаріата крестьянство можетъ лишь тогда, когда оно откажется отъ точки зрѣнія своего класса и восприметъ точку зрѣнія класса пролетаріата. Для этого необходимо, чтобы въ среду крестьянства проникло сознаніе неизбежности его пролетариизации, проникла идеологія, которая непосредственно не вытекаетъ изъ его матеріальныхъ классовыхъ интересовъ. Но исторія не знаетъ примѣра, когда бы классъ въ своей массѣ проникался идеологіей другого, чуждаго ему класса. Поэтому-то пролетаріатъ и одинокъ въ своей борьбѣ съ буржуазіей.

«Коммунистическій манифестъ» писанъ въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ періодъ остраго экономического кризиса въ Европѣ, наканунѣ великихъ революціонныхъ событій, скорое и неизбежное наступленіе которыхъ было ясно и не такимъ пронизательнымъ умамъ, какими обладали Марксъ и Энгельсъ. Въ то время Марксъ считалъ капитализмъ достаточно развитымъ, чтобы при первомъ же политическомъ потрясеніи разразилась социальная революція, и думалъ, что грядущая «нѣмецкая буржуазная революція можетъ быть лишь не-

*) Всѣ вышеприведенныя цитаты изъ «Манифеста» сдѣланы по русскому переводу Н. Орловскаго, изд. «Знанія».

посредственнымъ прологомъ пролетарской революціи». *) Но послѣдующія событія показали ошибочность этого взгляда. Капитализмъ «обладалъ еще большою способностью къ расширенію», какъ говорить въ 1895 г. Энгельсъ въ введеніи къ Марксовой «Борьбѣ классовъ во Франціи», въ которомъ онъ отмѣчаетъ эту ошибку. Революціи 1848 и 1871 г. были, правда, пролетарскими въ томъ смыслѣ, что пролетаріатъ выступалъ въ нихъ какъ главный боець, но онѣ не были пролетарскими не только по своимъ результатамъ, но и по своимъ задачамъ. Онѣ лишь расширили и укрѣпили господство буржуазіи, дали новый могучій толчекъ развитію капиталистическихъ отношеній. Но изъ ошибочности оцѣнки ступени развитія капитализма вытекаетъ ли и ошибочность анализа «капиталистическихъ производственныхъ отношеній и классовой борьбы, происходящей въ буржуазномъ обществѣ? Въ частности, отказался ли впоследствии Марксъ отъ той характеристики пролетаріата, какъ единственнаго революціоннаго класса, способнаго свернуть господство буржуазіи, и той характеристики двойственной и противорѣчивой роли крестьянства въ борьбѣ пролетаріата съ буржуазіей, которую онъ далъ въ «Коммунистическомъ манифестѣ»?

Положительный отвѣтъ на послѣдній изъ поставленныхъ вопросовъ даетъ одинъ изъ русскихъ апологетовъ «трудового» крестьянства Вивторъ Черновъ, въ своей брошюркѣ «Марксъ и Энгельсъ о крестьянствѣ» **). Иронически отмѣтивъ, что со времени «Коммунистическаго манифеста», авторы котораго считали развитіе капитализма пришедшимъ къ своему роковому концу, прошло уже шестьдесятъ лѣтъ, а капитализмъ не только стоитъ, не только обнаруживаетъ способность къ дальнѣйшему расширенію и развитію, но до сихъ поръ еще не эвспропріировалъ окончательно докапиталистическихъ формъ собственности, не эвспропріировалъ крестьянства.—г. Черновъ пытается цитатами изъ позднѣйшихъ статей Маркса и Энгельса доказать, что они отказались отъ точки зрѣнія на крестьянство «Манифеста», пытается подкрѣпить свою собственную точку зрѣнія на крестьянство.

Въ самомъ дѣлѣ, цитаты г. Чернова показываютъ, что Марксъ и Энгельсъ понимали, что доходъ крестьянина въ капиталистическихъ условіяхъ производства часто не превышаетъ рабочей платы, что крестьянинъ, поэтому, работникъ, «трудовой», что крестьяне въ отдѣльныхъ случаяхъ выступали революціонно противъ буржуазіи, или поддерживали пролетаріатъ въ его революціонной борьбѣ. Бѣда г. Чер

*) „Манифестъ коммунистической партіи“

**) Викторъ Черновъ. „Марксъ и Энгельсъ о крестьянствѣ“ Изд. „Ново-ваго Товарищества“ М 1906 г.

нова заключается только въ томъ, что онъ не доказываетъ и не пытается даже доказать, что Марксъ и Энгельсъ отказались также отъ своего пониманія законовъ развитія капиталистическаго общества и происходящей въ немъ классовой борьбы. Именно благодаря этому упущенію г. Чернова, получается неловкость, когда онъ выступаетъ рядомъ съ Марксомъ и Энгельсомъ въ защиту революціонности «трудоваго» крестьянина.

Судите сами. Г. Черновъ убѣжденъ, что «крестьянинъ не есть лишь пережитокъ прошлаго, а является жизненнымъ элементомъ настоящаго и непосредственнаго будущаго». Марксъ и Энгельсъ, какъ-разъ наоборотъ, до конца дней своихъ полагали, что мелкая крестьянская собственность унаслѣдована отъ феодальной эпохи и обречена на гибель условіями капиталистическаго производства. Г. Черновъ думаетъ, что «для фабричныхъ рабочихъ обобществленіе, социализація труда совершается сверху, подъ желѣзнымъ господствомъ капитала. Среди крестьянъ такое же обобществленіе, такая же социализація труда и собственности можетъ органически вырасти снизу, конечно (!), при содѣйствіи социалистической партіи, прогрессивно усиливающейся и приобретающей рѣшающій голосъ въ законодательствѣ». Оставляя въ сторонѣ оригинальное пониманіе г. Черновымъ словъ «сверху» и «снизу»—очевидно, социалисты, приобретающіе «рѣшающій голосъ въ законодательствѣ» (буржуазномъ?) и представляютъ собой тотъ «низъ» крестьянства, откуда «органически вырастаетъ» «социализація»,—отмѣтимъ, что Марксъ и Энгельсъ и въ этомъ вопросѣ держались противоположныхъ взглядовъ. Они доказали, что капитализмъ стихійно, въ силу внутреннихъ законовъ своего развитія, экспроприруетъ индивидуальный, не общественный трудъ мелкихъ собственниковъ-крестьянъ вмѣстѣ съ ихъ собственностью, дѣлаетъ трудъ общественнымъ, и это обобществленіе труда ведетъ, опять-таки съ неизбежностью естественныхъ законовъ, къ обобществленію средствъ производства, активнымъ и сознательнымъ дѣятелемъ котораго (обобществленія) является пролетаріатъ. Крестьянство же, поскольку оно сохраняется отъ экспроприаціи капиталомъ, примыкаетъ къ социалистической революціи только въ той мѣрѣ, въ какой оно «убѣждается» въ неизбежности своей гибели при капитализмѣ.

И этого кореннаго противорѣчія г. Чернова съ творцами научнаго социализма не ослабляютъ цитаты изъ ихъ сочиненій, свидѣтельствующія о революціонныхъ выступленіяхъ крестьянства, тѣмъ болѣе, что всѣ эти выступленія относятся не къ социалистической, а къ буржуазно-демократическимъ революціямъ. Также мало мѣняетъ дѣло и то, что крестьянина Марксъ и Энгельсъ призна-

вали «работникомъ»,—его социальное положеніе и классовые интересы опредѣляются не той долей дохода, которую оставляютъ ему капиталисты, а его ролью «хозяина», собственника въ производствѣ *).

Тѣмъ не менѣе мы охотно послѣдовали бы приглашенію г. Чернова, обращенному «ко всѣмъ русскимъ марксистамъ», изучать марксизмъ не по начальнымъ, а по конечнымъ стадіямъ его эволюціи, еслибы не исполнили этого уже раньше, изложивъ въ предшествующихъ отдѣлахъ нашей статьи взгляды Маркса на крестьянство по «Капиталу». Удивительно, однако, что самъ г. Черновъ, давая такіе разумные совѣты и заявляя даже, что самъ «Марксъ 1846 г. можетъ многому научиться у Маркса 1867 г.», на протяженіи 159 страницъ своей брошюры не цитируетъ «Капитала», за единственнымъ, впрочемъ, исключеніемъ. Именно, изъ послѣдней главы I тома («Новѣйшая теорія колонизаціи») онъ черпаетъ свѣдѣнія, что въ колоніяхъ, гдѣ много свободныхъ земель, капиталисты страдаютъ отъ недостатка рабочихъ, такъ какъ пролетаріи предпочитаютъ работѣ на фабрикѣ садиться на землю и вести самостоятельно земледѣльческое хозяйство. Но и здѣсь у г. Чернова не все обстоитъ ладно. Онъ забылъ дочитать главу до конца, гдѣ Марксъ говоритъ, что въ «настоящее время» (1867 г.) это положеніе уже измѣнилось: приливъ рабочихъ изъ Европы не покрывается уже отливомъ на «вольныя» земли, и «капиталистическое производство идетъ тамъ гигантскими шагами, несмотря даже на то, что пониженіе рабочей платы и зависимость наемныхъ рабочихъ далеко еще не достигли нормального европейскаго уровня».

Въ дѣйствительности Марксъ и въ позднѣйшихъ своихъ работахъ, главнѣйшей изъ которыхъ является, разумѣется, «Капиталъ», развиваетъ и обосновываетъ взгляды на законы развитія капиталистическаго производства, на характеръ борьбы классовъ въ буржуазномъ обществѣ и, въ частности, на роль въ ней крестьянства, какъ они были изложены въ «Манифестѣ коммунистической партіи». Въ I т. «Капитала», въ отдѣлѣ: «Такъ называемое первоначальное накопленіе» мы находимъ мѣсто, почти воспроизводящее аргументацію «Манифеста»: «Какъ скоро этотъ процессъ достаточно разложилъ старое общество и въ глубину, и въ ширину; какъ скоро рабочіе превращены въ пролетаріевъ, а ихъ условія труда—въ капиталъ; какъ скоро капиталистическій способъ производства поддерживается лишь

*) Намъ нѣтъ нужды касаться здѣсь вопроса объ отношеніи Маркса и Энгельса къ русской земельной общинѣ. Замѣтимъ, впрочемъ, что крестьянская общинѣ, знакомой имъ только по изображеніямъ нашихъ народниковъ, Марксъ и Энгельсъ отводили нѣкоторую социальную роль только при условіи побѣдоносной социалистической революціи на Западѣ, которая захватитъ и Россію.

силою хозяйственного порядка вещей, — дальнейшее обобществление труда и дальнейшее превращение земли и других средств производства в общественно-эксплуатируемые, т. е. в общинные средства производства, другими словами дальнейшая экспроприация частной собственности приобретает новую форму. Теперь остается экспроприровать уже не независимаго работника, имѣющаго собственное хозяйство, а капиталиста, эксплуатирующаго многих работниковъ. Эта экспроприация совершается дѣйствіемъ законовъ, присущихъ самому капиталистическому производству, посредствомъ сосредоточенія капиталовъ. Одинъ капиталистъ постоянно побиваетъ многихъ другихъ. Рука объ руку съ этимъ сосредоточеніемъ или экспроприацией многихъ капиталистовъ немногими, развивается все въ большихъ и большихъ размѣрахъ кооперативная форма рабочаго процесса, сознательное техническое приложеніе науки, цѣлесообразная эксплуатация земли, превращеніе орудій труда въ такія, которыя могутъ прилагаться только сообща, и экономизированіе всѣхъ средствъ производства посредствомъ совмѣстнаго употребленія ихъ, какъ общихъ средствъ производства комбинированнаго общественнаго труда. Вмѣстѣ съ постоянно уменьшающимся числомъ магнатовъ капитала, которые похищаютъ и монополизируютъ все выгоды этого процесса превращенія, возрастаетъ бѣдность, гнетъ, порабощеніе, униженіе, эксплуатация; но увеличивается также и возмущеніе рабочаго класса, который постоянно возрастаетъ и постоянно обучается, объединяется и организуется самымъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства. Монополія капитала становится помѣхой того способа производства, который развился вмѣстѣ съ нею и подъ ея вліяніемъ. Сосредоточеніе средствъ производства и обобществленіе труда достигаетъ такой степени, что они не могутъ даѣе выносить свою капиталистическую оболочку. Она разрывается. Бьетъ часъ капиталистической частной собственности. Экспроприрующихъ экспроприруютъ» *).

Въ этой блестяще нарисованной картинѣ социалистическаго переворота нѣтъ мѣста крестьянину, потому что онъ не участвуетъ въ капиталистическомъ производствѣ. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ, которыхъ экспроприруетъ капиталистъ, а не къ тѣмъ, которые экспроприруютъ капиталиста. Условія крестьянскаго мелкаго хозяйства не революционизируютъ его. Крестьянскій трудъ остается индивидуальнымъ, не общественнымъ, не сплачиваетъ крестьянъ между собой, какъ капиталистическій трудъ сплачиваетъ рабочихъ, а скорѣе разъединяетъ крестьянъ, поскольку они конкурируютъ между собой, какъ товаропроизводители. Крестьянъ можетъ возмущать, ре-

) Марксъ. „Капиталъ“, т. I, стр. 667.

волюціонизировать капиталистическая эксплуатация постольку, поскольку она грозит экспроприацией их собственности. Но если даже они сознают источник этой угрозы, их борьба с буржуазией имеет целью оборону, сохранение своей мелкой собственности, уничтожение капиталистической эксплуатации не посредством обобществления средств производства, т. е. экспроприации капиталистической собственности, а посредством ее раздѣла, возвращенія назадъ, къ мелкому производству. Поэтому социальныя утопіи крестьянъ и ихъ идеологовъ всегда реакціонны. Точно также крестьяне будутъ бороться противъ социалистическаго пролетаріата, если они будутъ убѣждены или вообразятъ себѣ, что социализмъ экспроприруетъ ихъ собственность. И только въ той мѣрѣ, въ какой крестьяне убѣдятся, что ихъ борьба за сохраненіе собственности безнадежна при капиталистическихъ условіяхъ производства, и что социализмъ не грозитъ имъ экспроприацией, они примкнутъ къ арміи социалистическаго пролетаріата.

Взглядъ на крестьянство, высказанный въ «Манифестѣ» и затѣмъ развитый въ «Капиталѣ», Марксъ не измѣнилъ до конца дней своихъ, такъ какъ онъ составляетъ необходимую составную часть его общей теории развитія капиталистическаго производства. Но со дня смерти Маркса прошло 25 лѣтъ. И позволительно спросить, опытъ этихъ 25 лѣтъ, не заставляетъ ли внести столь излюбленныя ревизионистами «поправки» въ марксово мнѣніе о крестьянствѣ.

Каутскій, въ предисловіи къ VII-му нѣмецкому изданію «Манифеста», отмѣтивъ, что онъ обратился въ историческій документъ въ тѣхъ своихъ пунктахъ, «гдѣ политикъ-практикъ обращается къ своимъ современникамъ», говоритъ: «Было бы величайшей ошибкой объявить весь Коммунистическій Манифестъ историческимъ документомъ. Напротивъ. Принципы, которые онъ развиваетъ, методъ, которому онъ учитъ, характеристика современнаго способа производства, которую онъ даетъ въ сжатыхъ чертахъ, остаются въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, въ силѣ». Это общее положеніе въ полной мѣрѣ примѣнимо и къ тѣмъ мѣстамъ «Манифеста», которые характеризуютъ роль крестьянства въ буржуазномъ обществѣ, въ его классовой борьбѣ.

Измѣненія, происшедшія въ положеніи крестьянства за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ, количественныя, а не качественныя. Значительная часть самостоятельнаго крестьянства экспроприрована, сельское населеніе во всѣхъ странахъ уменьшилось относительно, а кое гдѣ и абсолютно, крестьяне, сохранившіе собственность, влчатъ еще болѣе жалкое существованіе, чѣмъ это было раньше, степень эксплуатации ихъ труда и труда ихъ семей возрасла непомѣрно, доходъ же палъ, мѣстами ниже уровня рабочей платы. Но нигдѣ еще крестьяне-собственники не организовались, какъ классъ, для борьбы за социализмъ,

не примкнули къ борьбѣ пролетаріата, несмотря на то, что въ послѣдніе годы социалистическія партіи всѣхъ странъ усиленное вниманіе удѣляютъ деревнѣ и аграрному вопросу. Замѣтимъ, что мы имѣемъ здѣсь въ виду исключительно крестьянъ, ведущихъ самостоятельное мелкое земледѣльческое хозяйство, «трудовыхъ», по терминологіи нашихъ эс-эровъ. О батракахъ мы не говоримъ потому, что они составляютъ арьергардъ рабочей арміи, и, конечно, не говоримъ, о крестьянахъ—мелкихъ капиталистахъ, всецѣло примыкающихъ къ буржуазіи. Словомъ, сколько-нибудь серьезныхъ проявленій социалистическаго движенія среди крестьянъ не замѣтно и теперь, какъ ихъ не было и прежде. И если и наблюдались серьезные массовыя движенія крестьянъ, то по ближайшемъ изслѣдованіи мы всегда найдемъ, что они имѣли цѣлью освободиться отъ гнета пережившихъ себя докапиталистическихъ отношеній, а не отъ гнета капитализма.

* * *

Марксъ былъ очевидцемъ и участникомъ революцій, которыя потрясали Европу въ 1848—1871 г.г. Одушевлявшая Маркса, когда онъ писалъ «Коммунистическій Манифестъ», надежда, что грядущій революціонный періодъ непосредственно перейдетъ въ социалистическій переворотъ, не сбылась. Тѣмъ не менѣе и германская революція 1848 г. буржуазная не только по задачамъ, но и потому, что буржуазія принимала въ ней активное участіе, и французскія революціи 1848 и 1870 г.г., въ которыхъ пролетаріатъ впервые выступилъ со своими особыми классовыми требованіями и попытался ихъ осуществить, ярко обнаружили борьбу классовъ въ буржуазномъ обществѣ, противопоставили ихъ другъ другу, показали, что во всякой дальнейшей европейской революціи неизбежно будутъ вступать въ борьбу за политическую диктатуру буржуазія и пролетаріатъ, группируя вокругъ себя такъ или иначе промежуточные классы общества. О событіяхъ 1848—1871 г.г. Марксъ оставилъ четыре историческихъ работы, соединяющихъ въ себѣ достоинства блестящаго и злого политическаго памфлета съ глубокимъ анализомъ экономическихъ отношеній и порожденной ими классовой борьбы. Работы эти: «Борьба классовъ во Франціи въ 1848—1850 г.г.», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Революція и контръ-революція въ Германіи» и «Гражданская война во Франціи» *). Мы воспользуемся ими, чтобы показать,

*) Первые три сочиненія мы будемъ цитировать по русскому переводу В. Базарова и И. Степанова, изд. Скирмунта (К. Марксъ. «Собраніе историческихъ работъ»), послѣднее по нѣмецкому изд. 1891 г. «Der Bürgerkrieg in Frankreich».

въ освѣщеніи Маркса, конкретную роль крестьянства въ революціонныхъ движеніяхъ XIX столѣтія.

Массу населенія Франціи 1848 г. составляло мелкое крестьянство, освобожденное отъ феодальныхъ повинностей революціей 1879 г. и благодаря ей же получившаго землю. Промышленность, еще недостаточно развитая, сосредоточивалась въ городахъ, гдѣ концентрировался и пролетаріатъ, еще тѣсно переплетенный съ мелкой буржуазіей. Города и, главнымъ образомъ, Парижъ играли активную политическую роль. И революція 1848 г. была городской, парижской, еще въ большей степени, чѣмъ июльская революція 1830 г., непосредственный толчекъ ей дала оппозиціонная дѣятельность буржуазныхъ демократовъ, стремившихся свергнуть иго финансовой аристократіи, установленное июльской монархіей. Но въ дѣло вступилъ парижскій пролетаріатъ, который, послѣ побѣдоносной баррикадной борьбы съ правительствомъ, свергъ монархію и предъявилъ свои собственныя требованія,—соціальной республики и права на трудъ. Въ этихъ требованіяхъ, въ туманной формѣ заключалось уже стремленіе экспроприровать капиталистическую собственность, они были уже социалистичны. Однако, осуществить ихъ пролетаріатъ не могъ,—онъ былъ еще слишкомъ малочисленъ и слабъ, соответственно слабую развитію капиталистической промышленности, и какъ только онъ развернулъ красное знамя социализма, онъ оказался одинокимъ, возстановилъ противъ себя всѣ остальные классы общества. Республика была объявлена, но она менѣе всего была соціальной. Временное правительство, политическая диктатура оказались въ рукахъ демократической буржуазіи, которая сейчасъ же начала борьбу противъ пролетаріата, при поддержкѣ всѣхъ слоевъ буржуазіи, во имя порядка и собственности. Въ июльской бойнѣ буржуазія потопила красное знамя пролетаріата въ его собственной крови и водрузила вмѣсто него трехцвѣтное знамя.

Крестьянство оставалось равнодушнымъ зрителемъ пораженія пролетаріата, какъ раньше оно равнодушно смотрѣло на его побѣды. Эта политическая пассивность крестьянства вытекала изъ самой природы этого класса. «Первое поколѣніе (французскихъ крестьянъ), безвозмездно освобожденное революціей 1789 г. отъ феодальныхъ повинностей, ничего не заплатило за землю. Но послѣдующія поколѣнія подъ видомъ земельной цѣны уплачивали то, что ихъ полукрѣпостные предки платили въ видѣ ренты, десятины, барщины и т. д. Чѣмъ больше, съ одной стороны, возрастало населеніе, тѣмъ больше, съ другой стороны, дробились земельные участки, тѣмъ дороже становились парцеллы, потому что вмѣстѣ съ ихъ раздробленіемъ возрасталъ размѣръ спроса на нихъ. Но въ томъ же отношеніи, въ какомъ повышалась цѣна, уплачиваемая крестьяниномъ за парцеллу—

покупалъ ли ее крестьянинъ непосредственно или же сонаслѣдники насчитывали ему ея цѣну, какъ оставленный капиталъ,—въ томъ же отношеніи неминуемо росла и задолженность крестьянина, т. е. ипотека» *). Эта задолженность тѣмъ тяжелѣе ложилась на крестьянское хозяйство, что ему былъ доступенъ только ростовщическій кредитъ. Она отнимала у него тѣ средства производства, которыя онъ могъ бы приложить къ земледѣлю, ухудшала, такимъ образомъ, землю, понижала ея доходность; въ томъ же направленіи дѣйствовало безконечное дробленіе земельныхъ участковъ. «Такъ случилось, что французскій крестьянинъ подъ видомъ процентовъ за ипотеки, лежація на землѣ, подъ видомъ процентовъ за ростовщическія неипотечныя ссуды передавалъ капиталисту не только земельную ренту, не только промышленную прибыль,—словомъ, не только всю чистую выручку, но часть заработной платы, что онъ опускался до уровня ирландскаго фермера,—и все на томъ основаніи, что онъ—частный собственникъ» **).

Понятно, что этотъ «трудовой» крестьянинъ, всецѣло поглощенный жестокой борьбой за существованіе, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, оставался равнодушенъ къ политикѣ. Но помимо чрезмѣрнаго труда и бѣдности была и другая причина, опредѣлявшая пассивность крестьянина. Вѣдь, и парижскій рабочій трудился не меньше и былъ также бѣденъ. Она заключается въ томъ, что мелкое хозяйство крестьянина-собственника—индивидуально, разобщаетъ, а не соединяетъ его съ другими представителями того же класса. «Каждая отдѣльная крестьянская семья почти довлѣетъ себѣ, самостоятельно производитъ большую часть предметовъ своего потребленія и добываетъ, такимъ образомъ, свои жизненныя средства болѣе въ обмѣнѣ съ природой, чѣмъ въ сношеніяхъ съ обществомъ. Ключекъ земли, крестьянинъ и его семья, рядомъ другая парцелла, другой крестьянинъ и другая семья. Извѣстная сумма такихъ семействъ образуетъ деревню, извѣстная сумма деревень—департаментъ. Такимъ образомъ наибольшая часть французской націи составляется путемъ простаго сложения одноименныхъ величинъ, въ родѣ того какъ мѣшокъ картофеля изъ отдѣльныхъ картофелинъ» ***).

Съ политикой, съ дѣятельностью правительства крестьяне, прежде всего, сталкиваются въ лицѣ сборщика податей. Пассивность и разобщенность крестьянъ дѣлаетъ ихъ самымъ удобнымъ объектомъ для экспериментовъ «государственныхъ людей» и, въ частности, для эксплуатаціи ихъ посредствомъ налоговъ. Но налоги въ судьбѣ крестья-

*) «Борьба классовъ». Стр. 99 и 100.

**) Ibid. Стр. 101.

***) „Восемнадцатое брюмера“. Стр. 256.

янского хозяйства играют такую же роковую роль, какъ и ипотека, и ростовщическій кредитъ. Понятно, поэтому что французскій крестьянинъ, по образному выраженію Маркса, «рисуетъ черта на стѣнѣ, изображаетъ его въ видѣ сборщика податей» *). И первый актъ, на которомъ крестьяне познакомились съ французской республикой 48 г., было увеличеніе прямыхъ налоговъ на 45 сантимовъ съ франка, легшее всею тяжестью на плечи крестьянъ. Буржуазно-демократическая республика, получившая въ наслѣдіе отъ июльской монархіи страшно разстроенные финансы, отказавшись, изъ боязни разстроить механизмъ буржуазной жизни, отъ того, чтобы произвести coup d'état объявленіемъ государственнаго банкротства, увеличила налоги. Съ этихъ поръ крестьяне были потеряны для республики. «Крестьяне должны были возмѣстить издержки февральской революціи.—они дали главный матеріалъ для контръ-революціи: 45-сантимный налогъ былъ вопросомъ жизни для французскаго крестьянина, и крестьянинъ сдѣлалъ его вопросомъ жизни для февральской республики. Республика съ этихъ поръ воплотилась для французскаго крестьянина въ 45-сантимный налогъ, а въ парижскомъ пролетаріатѣ онъ сталъ видѣть расточителя, который комфортабельно устраивается за егосчетъ» **).

Съ этихъ поръ крестьянинъ уже не равнодушно, а съ злорадствомъ слѣдитъ за паденіемъ республики и пассивно поддерживаетъ антиреспубликанскіе, контръ-революціонные элементы. Монархисты всѣхъ отбѣнковъ и, особенно, бонапартисты пользуются этимъ. И при каждахъ новыхъ выборахъ—и въ національное, и въ законодательное собраніе—крестьяне посылаютъ въ парламентъ все болѣе реакціонные элементы. Такимъ образомъ, при пассивномъ участіи крестьянъ диктатуру мелко-буржуазныхъ демократовъ свергла диктатура республиканской крупной буржуазіи, а эту послѣднюю—диктатура «партіи порядка», по существу уже не республиканской. Наболѣе яркое выраженіе эта крестьянская ненависть къ республикѣ получила при выборахъ президента. Луи Бонапартъ былъ избранъ шестью милліонами голосовъ. «10-е декабря 1848 г. было днемъ возстанія крестьянъ. Только съ этого дня начинается февраль для французскихъ крестьянъ... Республика возмѣстила о себѣ этому классу сборщикомъ податей, онъ возмѣстилъ о себѣ республикѣ императоромъ. Наполеонъ былъ единственнымъ человекомъ, который являлся представителемъ всѣхъ интересовъ и всѣхъ фантазій новосозданнаго въ 1789 г. класса крестьянъ... Наполеонъ—это было для крестьянъ не лицо, а программа... Изъять больше налоговъ, долой богатыхъ, долой республику,

*) „Борьба классовъ“ Стр. 97.

**) Ibid Стр. 23.

да здравствуетъ императоръ! За императоромъ скрывалась крестьянская война. Республика, ими забаллотированая, это была республика богатыхъ» *).

«Наполеоновская идея» крѣпко засѣла въ головы крестьянъ со времени первой революціи. «Послѣ того какъ первая революція превратила полукрѣпостныхъ крестьянъ въ свободныхъ землевладѣльцевъ, Наполеонъ (первый) упрочилъ и урегулировалъ тѣ условія, при которыхъ они могли бы спокойно эксплуатировать французскую почву, впервые попавшую въ ихъ владѣніе, удовлетворить такимъ образомъ свой юношескій пылъ вновь испеченныхъ собственниковъ» **). Бонапарты стали съ этихъ поръ крестьянской династіей.

Но Луи Бонапартъ обманулъ ожиданія крестьянъ. Республика и при немъ продолжала свою агрессивную политику по отношенію къ крестьянамъ. Налогъ на соль: въ особенности, налогъ на вино, который жестоко билъ по карману 12 милліоновъ мелкихъ винодѣльцовъ и уже однажды погубилъ Наполеона I, по его собственному признанію, сдѣланному на островѣ св. Елены; законъ объ образованіи, выгнавшій изъ школы деревенскаго учителя и предавшій ее во власть поповъ; диктатура надъ деревней, съ ея мэрами, префектовъ и жандармовъ—вотъ главнѣйшіе моменты, благодаря которымъ «трехлѣтнее господство парламентской республики освободило часть французскихъ крестьянъ отъ наполеоновскихъ иллюзій и революціонировало ихъ, весьма, впрочемъ, поверхностно» ***).

Революціонность части крестьянъ сказалась въ томъ, что они стали поддерживать партію Горы пая, какъ тогда называли, социаль-демократическую партію, которая объединила революціонные и оппозиціонные элементы мелкой буржуазіи и пролетаріата для защиты парламента отъ покушеній Бонапарта. Поддержка выразилась въ томъ, что крестьяне выбирали «красныхъ» кандидатовъ Горы и проваливали кандидатовъ «партіи порядка». Кульминаціоннаго пункта она достигла въ возстаніи 13 іюня 1850 г. пяти департаментовъ во главѣ съ ліонскими рабочими.

Но все же громадная масса французскихъ крестьянъ оставалась консервативной, пассивно содѣйствовала Наполеону узурпировать власть парламента и произвести coup d'état, и Наполеонъ III «является представителемъ класса, и какъ разъ наиболѣе многочисленнаго класса французскаго общества, малоземельныхъ парцеллярныхъ крестьянъ» ****).

*) «Борьба классовъ», Стр. 47.

**) «Восемнадцатое брюмера» Стр. 259.

***) Ibid. Стр. 257, 258.

****) Ibid. Стр. 255.

То, что крестьяне, возведя на престолъ Луи Бонапарта, дѣйствовали вопреки своимъ дѣйствительнымъ интересамъ, объясняется характерными свойствами мелкаго крестьянства, какъ переходной общественной группы.

«Поскольку миллионы семей (крестьянъ) существуютъ въ экономическихъ условіяхъ, благодаря которымъ они, по своему образу жизни, по своимъ интересамъ и образованію, отличаются отъ всѣхъ другихъ классовъ и даже враждебны имъ, они сами образуютъ классъ. Поскольку между малоземельными крестьянами существуетъ только локальная связь, поскольку тождественность ихъ интересовъ не создаетъ никакой общности, никакого національнаго объединенія, никакой политической организаціи, они не образуютъ класса. Они поэтому не способны защищать свои классовые интересы отъ собственного имени ни въ парламентѣ, ни въ какомъ либо конвентѣ. Они не могутъ сами представлять себя, они должны быть представлены со стороны. Ихъ представитель долженъ быть въ то же время ихъ господиномъ, авторитетомъ, вооруженнымъ неограниченной правительственной властью, которая защищаетъ ихъ отъ всѣхъ другихъ классовъ и посылаетъ имъ сверху и дождь и солнечные лучи. Политическое вліяніе малоземельныхъ крестьянъ находятъ себѣ такимъ образомъ наиболѣе полное выраженіе въ томъ, что исполнительная власть подчиняетъ себѣ общество» *). Этого вывода не мѣняетъ и то, что «въ возстаніяхъ, послѣдовавшихъ за *coup d'état*, часть французскаго крестьянства протестовала съ оружіемъ въ рукахъ противъ своего собственного вѣтума 10 декабря 1848 г. Уроки исторіи послѣ 1848 г. не прошли для нея даромъ. Но крестьяне въ исторіи приписались къ царству тѣней, и исторія поймала ихъ на словѣ; большинство изъ нихъ еще настолько смутно понимало окружающія условія, что какъ разъ въ самыхъ красныхъ департаментахъ крестьяне официально высказались за Бонапарта» **).

Но если наполеоновскія иллюзіи крестьянства позволили Бонапарту совершить *coup d'état*, то вторая имперія, не давшая крестьянину ничего, кромѣ новыхъ тягостей и новаго разоренія, окончательно эти иллюзіи убила. И когда революція 1870 г. свергла имперію и Бонапарта, ни одинъ голосъ не раздался въ защиту ея. Революція снова была совершена пролетаріатомъ и на этотъ разъ привела къ господству ея. Но и теперь развитіе капиталистическихъ производственныхъ отношеній было не таково, чтобы пролетаріатъ могъ удержать побѣду въ своихъ рукахъ. Противъ диктатуры пролетаріата возстали

*) «Восемнадцатое Брюмера» Стр. 256.

**) Ibid. Стр. 258.

все свои буржуазии и потопили пролетариатъ въ его собственной крови. Въ этой борьбѣ буржуазии противъ Коммуны видную роль, какъ извѣстно, играла «деревенщина». Участвовало ли крестьянство въ этомъ походѣ «деревенщины» противъ диктатуры пролетариата? Марксъ рѣшительно отрицаетъ это. Дворяне-помѣщики, заседавшіе въ національномъ собраніи, не могли быть представителями крестьянъ. «Стоитъ только подумать, какую любовь могли питать французскіе крестьяне къ людямъ, которымъ въ 1815 г. они должны были выплатить миллиардъ вознагражденія! Въ глазахъ французскихъ крестьянъ уже одно существованіе крупной земельной собственности является нападеніемъ на ихъ завоеванія 1789 г.» *). Наоборотъ, Коммуна принесла и «большія непосредственныя благодѣянія». Она «заявила въ одной изъ первыхъ же своихъ прокламацій, что издержки войны должны нести ся дѣйствительные виновники» **), она освободила крестьянъ отъ жестокихъ налоговъ, отъ эксплуатаціи чиновниковъ, отъ притѣненій префектовъ и жандармовъ, возвратила имъ выборныхъ должностныхъ лицъ, изгнала поповъ и вернула школьныхъ учителей; наконецъ, она должна была освободить ихъ отъ величайшаго бремени—ипотечныхъ долговъ. Нѣтъ, послѣ этого «Коммуна имѣла полное право воскликнуть крестьянамъ: «Наша побѣда—ваша надежда» ***). И «помѣщики знали—и фактически всего больше этого опасались,— что три мѣсяца свободнаго общенія между коммунистическимъ Парижемъ и провинціей вызоветъ всеобщее крестьянское возстаніе. Отсюда та испуганная поспѣшность, съ которой они окружили Парижъ полицейской блокадой, чтобы помѣшать распространенію революціонной чумы» ****).

Но, какъ бы тамъ ни было, возстаніе крестьянъ не произошло, и они были спокойными зрителями того, какъ буржуазія разстрѣливала коммунаровъ. Такимъ образомъ исторія парижской Коммуны еще разъ показала, какъ пассивны политически мелкіе собственники-крестьяне и какъ трудно проникаетъ въ ихъ головы сознаніе солидарности ихъ собственныхъ интересовъ съ интересами пролетариата.

Германская революція 1848 г. носила иной характеръ, чѣмъ французская. Она имѣла цѣлью уничтожить въ остальныхъ нѣмецкихъ странахъ крѣпостничество, абсолютизмъ и передать политическую власть въ руки молодой буржуазіи. Тѣмъ не менѣе и въ Германіи роль крестьянства въ революціи поучительна.

*) „Der Bürgerkrieg in Frankreich“ Стр. 51.

***) Ibid. Стр. 52.

***) Ibid. Стр. 51.

****) Ibid. Стр. 53.

Въ Германіи 1848 г. «большая масса націи, не принадлежавшая ни къ дворянству, ни къ буржуазіи, состояла въ городахъ изъ классовъ мелкихъ буржуа и рабочихъ, а въ деревнѣ изъ крестьянства» *). Мелкая буржуазія городовъ кормится отъ болѣе сильныхъ классовъ феодаловъ и бюрократіи. Отсюда крайняя шаткость политическихъ симпатій этого класса. Онъ служитъ попеременно (тому, кто у власти: феодальному и монархическому правительству или буржуазіи, и «впадаетъ въ самую жалкую трусость, когда классъ, стоящій подъ нимъ, пролетаріатъ, отваживается на самостоятельное движеніе» **). Рабочій классъ былъ также не развитъ, какъ была не развита буржуазія. Поэтому самостоятельное его движеніе въ Германіи 1848 г. было не возможно. «Движеніе рабочаго класса никогда не пріобрѣтаетъ самостоятельности и исключительно пролетарскаго характера, пока различныя части буржуазіи и особенно ея прогрессивнѣйшая часть, промышленники, не завоевали политической власти и не преобразовали государство сообразно своимъ потребностямъ» ***).

Большинство нѣмецкаго народа составляли, однако, мелкіе сельскіе хозяева-крестьяне. Они распадались на нѣсколько слоевъ. Крупные и средніе крестьяне «владѣютъ болѣе или менѣе обширными участками земли и располагаютъ каждый услугами нѣсколькихъ наемныхъ рабочихъ» ****). Мелкіе свободные крестьяне; «но владѣніе этихъ крестьянъ было свободнымъ только по имени: на нихъ обыкновенно тяготѣло столько ипотекъ и на такихъ тяжелыхъ условіяхъ, что истиннымъ собственникомъ земли былъ не крестьянинъ, а ростовщикъ, ссужавшій деньги» *****). Феодально-зависимые крестьяне, «которыхъ не легко было бы согнать съ ихъ участковъ, но которые были обязаны уплачивать землевладѣльцамъ вѣчную ренту или постоянно выполнять для нихъ извѣстное количество работы.—Наконецъ, сельско-хозяйственные рабочіе, положеніе которыхъ во многихъ крупныхъ помѣстьяхъ было совершенно такое же, какъ положеніе этого класса въ Англіи, и которые во всякомъ случаѣ жили и умирали, какъ плохо питаемые рабы своихъ господъ» *****).

Для буржуазной части крестьянства естествененъ былъ «союзъ съ антифеодальной городской буржуазіей». А «три послѣднихъ класса сельскаго населенія—мелкіе свободные крестьяне, феодально-зависи-

*) „Революція и контръ-революція въ Германіи“ Стр. 277.

**) „Революція и контръ-революція въ Германіи“. (Стр. 278.

***) Ibidem.

****) Ibidem. стр. 280.

*****) Ibidem.

*****) Ibidem.

мы и сельско-хозяйственные рабочіе—до революціи никогда особенно не ломали своей головы надъ политикой; но ясное дѣло, что революція открыла имъ новую дорогу, богатую самыми блестящими перспективами. Каждому изъ нихъ революція давала свои выгоды, и потому можно было думать, что всѣ они, одинъ за другимъ, примкнутъ къ ней, какъ только движеніе будетъ въ полномъ ходу. Но, съ другой стороны, не менѣе ясно,—и исторія всѣхъ современныхъ странъ свидѣтельствуетъ объ этомъ, — что сельско-хозяйственное населеніе никогда не можетъ успѣшно начать самостоятельное движеніе: слишкомъ ужъ сильно разсѣяно оно по обширнымъ пространствамъ, и потому было бы трудно объединить значительную часть его для совмѣстныхъ дѣйствій. Крестьянство нуждается въ инициативѣ и толчекѣ со стороны болѣе сконцентрированного, просвѣщеннаго и подвижнаго населенія городовъ» *).

И германская революція 1848 г., освободившая крестьянъ отъ феодализма и потому имѣвшая для нихъ непосредственное громадное значеніе, была городской. Инициатива ея исходила изъ буржуазно-демократическихъ круговъ, сконцентрировавшихъ вокругъ себя революціонныя силы пролетаріата. Крестьяне воспользовались революціей, чтобы сбросить съ себя оковы феодализма, но они не поддержали демократическую революцію активно, не довели ее до конца, допустили побѣду контръ-революціи, даже не вездѣ отстояли отъ послѣдней свои пріобрѣтенныя права; и въ Пруссіи «по истеченіи трехъ мѣсяцевъ эмансипаціи, феодализмъ—особенно въ Силезіи—опять возстановленъ въ кровопролитной борьбѣ, среди военныхъ экзекуцій, съ помощью буржуазіи, вчера еще антифеодальной» **). Такимъ образомъ и германская революція 1848 г. обнаружила ту же политическую пассивность крестьянства, неспособность его понять и поддержать своихъ естественныхъ союзниковъ, которую мы наблюдали на исторіи Франціи и которая вытекаетъ изъ классоваго положенія крестьянъ.

Историческія изслѣдованія Маркса о роли крестьянства въ буржуазно-демократическихъ революціяхъ и въ движеніяхъ, гдѣ пролетаріатъ выставлялъ свои самостоятельныя требованія, подтвердили его теоретическій анализъ крестьянскаго мелкаго производства и характера класса крестьянъ, или, лучше сказать, это изученіе конкретныхъ историческихъ отношеній и послужило Марксу основаніемъ для его теоретическихъ выводовъ, съ которыми мы познакомили читателя въ началѣ статьи.

*) «Революція и контръ-революція въ Германіи». Стр. 281.

**) Ibid. Стр. 318.

Со времени смерти Маркса прошло 25 лѣтъ. И всѣ историческія событія, происшедшія за этотъ періодъ, всѣ конкретныя данныя объ эволюціи крестьянства и крестьянскихъ движеніяхъ только подтверждаютъ правильность взгляда Маркса на крестьянство, впервые высказаннаго имъ въ «Манифестѣ Коммунистической Партіи». Крестьянская мелкая собственность неуклонно экспроприруется капиталомъ, и поскольку крестьянинъ борется съ буржуазіей за сохраненіе своей мелкой собственности, а не за экспроприацію капиталистической собственности, онъ консервативенъ, и потому чуждъ революціонной борьбѣ социалистическаго пролетаріата. Но борьба крестьянства съ буржуазіей разгорается, и поскольку крестьянину ясно становится безнадежность для него этой борьбы, постольку онъ начинаетъ видѣть въ пролетаріатѣ своего естественнаго союзника. Однако, это сознаніе лишь очень медленно проникаетъ въ крестьянскія головы. Отсюда вытекаетъ, что въ современной революціи только пролетаріатъ представляетъ самостоятельную силу, способную къ инициативѣ, способную довести борьбу до окончательной побѣды; но вытекаетъ также и другое—обязанность для пролетарской партіи не оттолкнуть отъ себя крестьянство, а всячески содѣйствовать развитію его сознательности, поддерживать его въ борьбѣ съ буржуазіей, привлекать къ союзу съ собою. Только такая тактика по отношенію къ крестьянству гарантируетъ пролетарской партіи побѣду. Перипетіи нашей русской революціи, на которыхъ мы не имѣемъ возможности останавливаться въ предѣлахъ этой статьи, какъ нельзя лучше доказываютъ справедливость этой мысли.

П. Румянцевъ.

Карль Марксъ и рабочіе *).

Кабинетные ученые не могутъ себѣ уяснить, какимъ образомъ Карль Марксъ, этотъ глубокой и абстрактный мыслитель, этотъ прозорливый мужъ, могъ увлечься простымъ, необразованнымъ рабочимъ; они не могутъ себѣ представить, чтобы простой рабочей, проводящій всѣ свои дни за верстакомъ, могъ имѣть что нибудь общее въ духовной или нравственной области съ Марксомъ,—далеко оставившимъ за собою Гегеля и Рикардо. А такъ называемые «практики»—политики, пытающіеся схватить воздушные пузыри, образуемые лѣнящимися волнами исторіи и воображающіе при этомъ, что они управляютъ ходомъ исторіи, заявляютъ, что стремленія рабочихъ, въ формулировкѣ Маркса, не только не осуществимы, но служатъ имъ во вредъ, потому что система Маркса черезъ чуръ удаляетъ ихъ отъ задачи дня. Ученые и политики подобнаго рода не представляютъ себѣ, что такое Карль Марксъ для рабочаго и чѣмъ онъ для него долженъ быть.

Понять каждое слово въ произведеніяхъ Маркса такъ же трудно, какъ химическимъ путемъ матеріи произвести бѣлокъ или даже хлѣбъ. Произведенный уже хлѣбъ можетъ легко съѣсть всякій, имѣющій желудокъ. Пониманіе рабочимъ основы ученія Маркса есть не только опредѣленный трудъ, но и освобожденіе его души отъ мукъ сомнѣнія и духовнаго голода.

Люди очень легко мирятся съ ошибками или истиной, если только эти ошибки или истина соотвѣтствуютъ ихъ образу жизни. Милліарды крестьянъ въ теченіе многихъ столѣтій глубоко вѣрили, что божество ниспосылаетъ на землю для устрашенія грѣшнаго человечества различныя кары. Неужели могло закрадываться сомнѣніе въ существованіи бога грома у отца семейства, повелѣвающаго неограниченно надъ своими сыновьями и дочерьми, слугами и служанками, ослами и ослицами? Аристотель говоритъ, что люди создаютъ своихъ боговъ по своему

*) Изъ «Kampf», научнаго органа австрійской с.-д.

образу и подобію. Его взглядъ черезчуръ узокъ: люди создаютъ по своему образу не только небесныхъ, но и земныхъ владыкъ. Глава семьи, земной владыка и небесное божество—вотъ три этапа на пути, ведущемъ въ рай. Вся картина міра, которую себѣ въ опредѣленный періодъ рисуетъ народная масса, есть не болѣе не менѣе какъ взятая въ большемъ масштабѣ картина ея собственнаго существованія со всѣми его радостями и печальями, со всѣми его страхами и надеждами. И до тѣхъ пока матеріальное положеніе народа не подвергалось измѣненію, до тѣхъ поръ у него нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ правильности и дѣйствительности нарисованной имъ картины міра.

Рабочіи, желающій вмѣстѣ со мною прослѣдить свою связь съ Марксомъ, долженъ оглянуться назадъ и посмотреть, кѣмъ были его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ—онъ увидитъ, что не всѣ они были фабричными рабочими и пролетаріями. Они были отцами семейства: крестьянами, ремесленниками или купцами, которые жили въ своихъ собственныхъ домахъ и повелѣвали надъ своими дѣтьми и слугами. Отцу и матери тогда не говорили «ты», потому что они были повелителями, людьми наиболѣе высокими послѣ Бога и государя. Всѣ домочадцы работали въ то время въ своемъ домѣ, обрабатывали свое поле для себя и для своего семейства. Если дѣдущка на своемъ дворѣ у своего колодца дѣлалъ посадку молодого грушеваго деревца, онъ заранѣе предназначалъ его для своего внука, который будетъ сидѣть въ тѣни этого дерева и вкушать его плоды. Всякій членъ семьи заботился о благѣ дома, готовился самъ стать хозяиномъ дома и воспроизвести на свѣтъ Божій дѣтей. Тогда каждый создавалъ, будучи сыномъ своего отца, онъ создавалъ потому, что зналъ заранѣе, что будетъ этимъ пользоваться, когда станетъ самъ хозяиномъ дома. Все, что дѣлалось, дѣлалось со смысломъ и для опредѣленной цѣли; обязанности всѣхъ людей были ясно опредѣлены. Слова отчаянія: «Я не знаю для чего я существую на этомъ свѣтѣ», раздавались очень рѣдко и разсматривались какъ безбожныя рѣчи. Ничто не казалось яснѣе для людей того времени, какъ происхожденіе человѣка и его кончина. «Мы произведены на свѣтъ нашимъ отцомъ»—они не различали въ данномъ случаѣ отца небеснаго отъ отца земнаго,—«становимся сами отцами и возвращаемся снова къ отцу, откуда мы и произошли»—въ гробницу прародителей и въ рай. И на этомъ жизненномъ пути человѣкъ испытывалъ много счастья и несчастья, но онъ жилъ, жилъ для себя, своею собственною жизнью, въ союзѣ съ милыми и дорогими ему людьми, онъ былъ человѣкомъ.

Но вдругъ произошло магическое землетрясеніе, выбросившее нашихъ предковъ изъ своихъ домовъ и дворовъ на улицу. Человѣкъ,

выброшенный на улицу—немыслимая вещь! Развѣ онъ въ состояніи жить, питаясь пылью улицы? Какъ можетъ онъ разыгрывать роль хозяина семьи на кучѣ мусора. Развѣ это домъ? А если онъ умретъ на улицѣ, какъ найдетъ онъ дорогу ко гробницѣ своего отца? Пролетаризация дѣлаетъ сразу бессмысленнымъ все то, что въ теченіе тысячелѣтій имѣло можетъ быть и превратный, но здравый смыслъ. Откуда взялся человѣкъ, блуждающій безъ цѣли по улицѣ? Куда идетъ онъ? Никто, да и онъ самъ этого не знаютъ. Человѣкъ лишившійся самоопредѣленія своей объективной опредѣленности, больше не человѣкъ, онъ скорѣе камень преткновенія, объектъ, вызывающій озлобленіе. Тысячи людей, выброшенные на улицу задавали себѣ вопросъ: «Для чего существую я на этомъ свѣтѣ»? И они сами себѣ отвѣтили на этотъ вопросъ практическимъ самоотрицаніемъ.

Капиталь подобралъ пролетарія на улицѣ и на своей фабрикѣ далъ опредѣленное содержаніе его жизни: «Работай для меня!» Теперь его дѣла обстояли еще хуже чѣмъ тогда, когда онъ не въ состояніи былъ опредѣлить своего назначенія: онъ работаетъ не для себя самого, онъ не имѣетъ больше права владѣть тѣмъ, что онъ произвелъ, онъ не имѣетъ права завѣщать своимъ близкимъ произведенія своихъ рукъ, а долженъ все это передать другому совершенно чужому ему человѣку; все это противорѣчило установленному порядку. Это значить совершенно уничтожить себя какъ личность и превратить самого себя въ средство, въ орудіе другого, и къ тому еще враждебнаго пролетарію человѣка. Скучная заработная плата за безгранично длинный рабочій день едва хватала для поддержанія физической силы рабочаго, о томъ же, чтобы доставить себѣ какія либо удовольствія, не могло быть и рѣчи. Этотъ заработокъ не достаточенъ для прокормленія семьи—даже въ настоящее время!—Онъ не даетъ возможности содержать жену и воспитывать дѣтей.

Пролетаріату вначалѣ и предоставлено было одно только удовольствіе—работа. Технической и физиологической процессъ работы, при нормальныхъ условіяхъ, укрѣпляетъ умъ и тѣло рабочаго. А въ тѣ времена работа была высокимъ, дающимъ съ трудомъ искусствомъ отдѣльной и личности слѣдовательно силою въ борьбѣ съ господиномъ. Марксъ наглядно показалъ, какъ молодой капиталистъ сломилъ гордость художника-рабочаго: повелѣвая цѣлыми арміями рабочихъ, онъ низвелъ всю работу, благодаря раздѣленію труда, до простого механическаго движенія руки и тѣла. Первоначальной пролетаризаціей начато было социальное обезличеніе рабочаго, которое нашло свое продолженіе въ развитіи техники: теперь рабочій въ мануфактурѣ не болѣе какъ двигатель. машина. Теперь единичный рабочій вообще не производитъ ничего цѣльнаго, онъ теперь не видитъ про-

дукта своего труда, в то, что онъ, какъ единичная личность, производитъ, есть ничто, безмысленныя тѣлдвиженія. Для него, слѣдовательно, становится безмысленнымъ и послѣднее, что ему осталось,— его работа.

Мыслимо ли еще большее униженіе человѣческаго достоинства послѣ того, какъ человѣкъ въ своихъ собственныхъ глазахъ становится ничѣмъ? Но за то онъ по крайней мѣрѣ для того, который благодаря ему обогащается, тѣмъ болѣе необходимъ, чѣмъ сильнѣе у него жажда обогащенія. Если рабочій пересталъ быть человѣкомъ, онъ все-таки не потерялъ еще своей цѣнности какъ двигатель, какъ машина.

Но вотъ его поражаетъ сильнѣйшій ударъ: раздѣленіе труда превратило человѣка въ машину, а технику удалось приготовить нужныя части машины изъ желѣза и замѣнить ими человѣка! Теперь король-паръ своимъ стальнымъ маршальскимъ жезломъ управляетъ придильной машиной, ткацкимъ станкомъ, желѣзными молотами и тому подобными инструментами. А какъ говорятъ про подобный порядокъ вещей? «Машина работаетъ, а человѣкъ прислуживаетъ ей». Теперь человѣкъ не служитъ болѣе человѣку, который все-таки обладаетъ сердцемъ, хотя бы и каменнымъ. Теперь человѣкъ служитъ вещи: котелъ своимъ свистомъ призываетъ его, а машины дѣйствуютъ одинаково для сотенъ людей. Они не спрашиваютъ и не отвѣчаютъ. Никакого привѣта, ни одного взгляда. Самый кровожадный тиранъ приостанавливаетъ свою дѣятельность или замедляетъ ее, когда его рабъ лишается чувствъ или теряетъ сознание. Машина соблюдаетъ только свой правильный ходъ, и горе тебѣ, если ты опоздаешь хоть на одну секунду—она въ состояніи тебя растерзать.

Теперь тотъ, о которомъ говорили, что онъ ведетъ свое происхожденіе отъ небеснаго отца, что онъ сынъ Божій, превратился не только въ слугу своего брата, но и въ раба вещи. А эта вещь— капиталъ, а капиталъ священенъ. Такъ возвѣщаютъ повсюду буржуазные экономисты.

Но, если личность не только стала казаться безмысленной, но и дѣйствительно сдѣлалась таковой, то можетъ быть главное предназначеніе жизни состоитъ въ сожителствѣ съ другими? Вѣдь въ предшествующую эпоху личность становилась понятной только въ связи съ семьей, общиной, государствомъ.

Но капиталъ съ самаго начала разрушаетъ семью системою обезцѣниванія труда, онъ уродуетъ семью съ тѣхъ поръ, какъ воплощается въ машину: капиталъ дополняетъ трудъ отца трудомъ матери, трудъ родителей трудомъ дѣтей. То, что сынъ производитъ для родителей, онъ не наследуетъ, какъ ихъ сынъ, то, что производятъ

отецъ, не предназначается въ наслѣдіе дѣтямъ, а превращается въ при-
быль капиталиста. Мужъ нерѣдко становится эксплуататоромъ своей
жены, родители становятся эксплуататорами своихъ дѣтей. Что раньше
было благословіемъ, то теперь стало проклятіемъ. Такимъ образомъ
семейный союзъ не придаетъ никакого смысла личной жизни. Но мо-
жетъ быть этотъ смыслъ дается ближними? Сосѣдская община раньше
играла нѣкоторую роль въ жизни всѣхъ своихъ членовъ. Семьи, по-
роднившіяся между собою въ цѣломъ рядѣ поколѣній, образовывали
городъ или деревню, а сосѣдъ становился «ближнимъ», котораго лю-
били согласно повелѣнію библіи.

Но и на фабрикѣ каждый рабочій имѣетъ своего сосѣда, фабрика
похожа на общину. Но здѣсь сосѣдъ чужой человѣкъ: капиталистъ
призываетъ его, помѣщаетъ его на мѣсто и прогоняетъ его. Онъ
стягиваетъ ищущихъ работы отовсюду—онъ не интересуется ду-
ховною жизнью и происхожденіемъ рабочаго, ему нужны только
руки. И волею господина становится: «Ты не долженъ знать своего
ближняго, не обмѣнивайся съ нимъ ни однимъ словомъ, не говори
ни съ однимъ изъ твоихъ сотрудниковъ! Знайте! Я господинъ и
съ каждымъ изъ васъ я заключаю контрактъ, вы не община—
напоминаю вамъ объ этомъ подъ страхомъ быть выброшенными
на улицу!»

И такъ, для пролетарія не существуетъ больше ни общины,
ни отечества. Каждая личность остается единичною, а капиталистъ
заявляетъ ему: я твой единый Богъ!

Ни одинъ человѣкъ, изъ всей массы экономическихъ изслѣдова-
телей, не понялъ и не изложилъ этого духовнаго ограбленія про-
летаріата, этого полнѣйшаго уничтоженія внутренняго содержанія
его жизни такъ, какъ это сдѣлалъ Марксъ, великій психологъ. Бу-
дучи очень далекъ отъ того, чтобы изображать только «материали-
стическій» процессъ хозяйничанья, онъ изобразилъ всю психологію
нашего времени, все ея мыслительное, волевое и чувственное содер-
жаніе, онъ изобразилъ также и людей, которые не знаютъ, что они
говорятъ, заявляя, что не видятъ у Маркса въ его произведеніяхъ
ничего духовнаго и нравственнаго. Нѣтъ ни одного произведенія,
въ которомъ психологическіе и нравственные вопросы изучены были бы
съ такимъ мастерствомъ, какъ въ третьей и четвертой главѣ перваго
тома «Капитала».

Въ безпросвѣтннй мракъ души массы внезапно врывается струя
свѣта, которая дѣлаетъ слѣпыхъ зрячими, впавшимъ въ отчаяніе
внушаетъ надежду, заблуждающихся учитъ понимать. Что знаютъ
объ этомъ тѣ, которые читаютъ и пишутъ книги! Но мы, служившіе
посредниками въ передачѣ ученія Маркса, какъ новаго содержанія

жизни на собраніяхъ, гдѣ всѣ затаивъ дыханіе внимали намъ, или въ бесѣдѣ съ людьми, отчаявшимися въ себѣ самихъ и въ жизни, мы, сами наблюдавшіе ужасъ людей, лишенныхъ души, и чувства ихъ, когда они своа обрѣли душу, содержаніе жизни, и связь съ міромъ. только мы, пережившіе весь этотъ ужасъ, знаемъ, что такое Марксъ для рабочаго.

Ночи пролетаріата проходили не безъ сновидѣній, и прекрасные сны о новой жизни и земномъ благополучіи снились рабочимъ еще до того, какъ они стали социаль-демократами—марксистами. Прекрасные сны—утопіи! Желанія безъ какого либо осуществленія.

Въ мечтахъ массы всегда создавалась иная духовная жизнь, чѣмъ въ мечтахъ господствующихъ классовъ. Эта духовная жизнь въ прошломъ почти не изслѣдована, и все-таки существуютъ прекрасные ея памятники. Историки и придворные поэты увѣковѣчили въ памяти господствующаго класса имена Карла Великаго, Оттона Великаго, Фридриха Барбароссы—масса же не сохранила въ своей памяти о нихъ ничего: ихъ дѣянія не были въ глазахъ массы великими дѣяніями. Но въ четвертомъ вѣкѣ послѣ Р. Х. жилъ въ Малой Азій почтенный старецъ, который одаривалъ бѣдныхъ и дѣтей, онъ и понынѣ живъ еще въ памяти народной массы, которая празднуетъ память его въ день «Николая Чудотворца». Сказанія о рыцаряхъ забыты въ массѣ народной, но народъ не забылъ рыцаря, который самъ изрубилъ свои военные доспѣхи, или сапожника, который кралъ кожу для того, чтобы приготовить обувь бѣднякамъ. Память о короляхъ стараются сохранить въ народной массѣ, воздвигая имъ памятники немедленно послѣ смерти; народъ же безъ всякихъ памятниковъ хранитъ воспоминаніе о какомъ нибудь атаманѣ разбойниковъ, который грабилъ сильныхъ міра сего и помогалъ бѣднымъ. Я привожу всѣ эти примѣры для того, чтобы доказать, что мышленіе массъ во всѣ времена было иное, чѣмъ мышленіе господствующихъ классовъ, что народъ всегда преисполненъ былъ предчувствія другого мірового порядка, что въ немъ всегда жила идея настоящаго человеческого общенія безъ господъ и рабовъ, безъ людей пресыщенныхъ и голодныхъ. Идея эта во всѣ времена служила для народа масштабомъ, которымъ онъ измѣрялъ дѣянія историческихъ личностей. И поэтому въ его глазахъ слава Барбароссы вполне основательно меркнетъ передъ славой Николая Чудотворца.

Но идеи и сны не проявляются въ реальныхъ дѣйствіяхъ, и поэтому прекрасныя творенія великихъ утопистовъ остаются почти безъ послѣдствій. Не они оплодотворяютъ науку и главнымъ образомъ политическую экономію. Вдали отъ массы, въ иномъ мірѣ, въ кабинетахъ ученыхъ, развивается социалистическая мысль, начиная

съ Томаса Мора до Роберта Овена, беспорядочно, такъ что трудно охватить ее однимъ взглядомъ, далекая какъ тучи отъ земли. Большинство утопистовъ были очень далеки отъ той мысли, чтобы рабоче того времени сами активно дѣйствовали въ пользу социализма. Еще дальше были они отъ мысли, что современное экономическое положеніе непосредственно связано съ социализмомъ. Они, наоборотъ, считали его абсолютною противоположностью социализму, не имѣющею съ нимъ ничего общаго. Ихъ социализмъ приурочивался къ міру ангеловъ—пролетарій же фактически не былъ даже человекомъ; ихъ социализмъ предпочиталъ самоотреченіе господствующихъ классовъ или по крайней мѣрѣ миллионера, который «вводитъ» этотъ социализмъ въ своихъ имѣніяхъ,—между тѣмъ настоящіе властелины, капиталисты, были олицетвореннымъ своекорыстіемъ. Нѣтъ, нѣтъ—съ этимъ міромъ социализму вообще нечего дѣлать. Облака на горизонтѣ и жаждающая земля—духовныя сокровища социализма и пролетаріатъ тамъ внизу не имѣли между собою ничего общаго.

Карль Марксъ вступилъ на почву современнаго капиталистическаго хозяйства и міра социалистическихъ идей какъ изслѣдователь.

Разсмотрѣть то, что существуетъ понятъ дѣйствительное—это первая задача изслѣдователя. Дѣйствительнымъ въ народномъ хозяйствѣ казались предшественникамъ Маркса вещи, «хозяйственныя блага», капиталъ, какъ вещь и какъ имущество. Марксъ впервые и сразу опредѣлилъ роль человека въ экономіи. Первымъ плодомъ мышленія Маркса является открытіе, что «вещь»—бумажныя нитки заключаютъ и выражаютъ въ себѣ отношенія между капиталистомъ и его рабочимъ, между производителемъ «бумагопрядильщикомъ» и купцомъ и т. д., словомъ, что экономическая вещь на самомъ дѣлѣ выражаетъ общественныя отношенія между людьми. Для открытія этой истины необходимы были самыя тонкія логическія операціи и самыя совершенныя абстракціи,—но и ихъ недостаточно для того, чтобы убѣдить буржуазныхъ экономистовъ. Рабочій же не нуждается въ доказательствахъ этого положенія, онъ самъ ежедневно переживаетъ его. Купецъ выставляетъ въ витринѣ теплыя вязанныя рубахи и знаетъ только, что онѣ должны принести деньги, прибыль, покупатель видитъ ихъ, знаетъ, что онѣ грѣютъ и стоятъ денегъ. Но мерзнутая женщина, которая сама изготовляла эти рубахи и не можетъ ихъ приобрести, потому что ея ничтожный заработокъ давно уже употребленъ, смотритъ на эти рубахи съ совершенно иными мыслями и ощущеніями. Передъ ея очами встаютъ мастерская, рабочіе, капиталистъ, который въ качествѣ строгаго хозяина, далъ ей ничтожный заработокъ, и вотъ овеществленный продуктъ ея труда оказывается собственностью третьяго лица, снабженный помѣткой

высокой цѣны. Она на этой рубахѣ читаетъ всю исторію техники, но также и исторію цѣнности и цѣны этой вещи, и если ей сказать, что рубаха эта возникла благодаря опредѣленному общественному отношенію, въ которомъ работница играла роль рабочей силы, если ей рассказать о трудѣ и прибавочномъ трудѣ, о цѣнности и прибавочной цѣнности, то этимъ ей не скажешь ничего новаго, ее этимъ абсолютно ничему не научишь, а дашь только названіе ея безымянному личному опыту, дашь только логическое опредѣленіе ея личнымъ переживаніямъ, провозгласишь только законъ ея личной жизни.

«Да, это наша жизнь!» Всякому, кто передъ рабочими излагаетъ ученіе Маркса, бросается въ глаза то, что они узнаютъ самихъ себя въ мысленіи Карла Маркса. Было бы въ высшей степени интересно и цѣнно указать, какъ въ главныхъ теоріяхъ и отдѣльныхъ наиболѣе выдающихся выводахъ Маркса отражается современная жизнь массъ, физическая и духовная, но это сильно отклонило бы насъ отъ нашей теперешней задачи.

«Да, это наша жизнь! Это полнѣйшее уничтоженіе въ насъ чело-вѣка! Да, мы тотъ классъ, который своимъ появленіемъ предвѣщаетъ полнѣйшее уничтоженіе самыхъ существенныхъ до сихъ поръ классовъ и сословій! И поэтому мы прекрасно понимаемъ, что всё представленія, существовавшія до сихъ поръ о мірѣ и чело-вѣчествѣ для насъ безмыслены! Безмыслена также для насъ самихъ и вся наша жизнь!»

Но, погодите! Безмыслена — но вѣдь лишь для каждаго въ отдѣльности. И здѣсь исполинская сила мышленія Маркса кладетъ предѣлъ. Не выполнѣ, однако, безмыслена уже и сейчасъ, уже при теперешнемъ экономическомъ порядкѣ вещей, на этой засохшей, жаждущей землѣ капитализма.

Развѣ вы не видите, что ваша индивидуальная работа есть не болѣе какъ рядъ безмысленныхъ тѣлодвиженій, въ мастерской вы не болѣе какъ случайно, другъ возлѣ друга поставленные чужіе люди и юридически не образуете общины. И все-таки вы всё вмѣстѣ составляете многоголозаго, тысячерукаго рабочаго, настоящую рабочую общину. А ея руками на глазахъ у всѣхъ создается продуктъ труда, цѣнность! Пусть законъ еще и до сихъ поръ продолжаетъ отказывать этому «рабочему» въ правѣ устраивать общину, она тѣмъ не менѣе существуетъ и дѣйствуетъ — она есть, есть въ дѣйствительности! Производство изъ индивидуальнаго превратилась въ производство социальное, въ социалистическое! Соціализмъ родился внутри капитализма, онъ родился въ васъ и благодаря вамъ.

Да, въ васъ уничтожили все индивидуальное, ваше существованіе лишили всякой индивидуальной цѣнности жизни — но тотъ же капи-

таализм заложилъ въ васъ социализмъ, которой до сихъ поръ жилъ только въ мечтахъ ученыхъ и друзей человечества, заложилъ его въ области производства. Для того, чтобы эксплуатировать каждого изъ васъ въ отдѣльности, какъ индивидуума, необходимо было противъ вашей воли социальнo организовать васъ, разрушить вашу семью, вашу общину, чтобъ освободить васъ отъ всякихъ условій для всевозможной эксплуатаціи, но за то ввели васъ въ рабочую семью, въ рабочую общину.

Машину употребили для того, чтобы каждого изъ васъ въ отдѣльности превратить въ раба—если кто-либо изъ васъ не во время пустить въ ходъ машину, она его размелетъ. А для того, чтобы вы могли служить одному только богу, богу машины—капиталу, у васъ отняли всякое имущество, сдѣлали васъ неимущими. По закону вы не владѣете ничѣмъ, кромѣ самихъ себя, ни одною вещью помимо себя. И все-таки вамъ всѣмъ вмѣстѣ передали въ руки машину, принуждены были передать, и какъ община, какъ вся рабочая масса вы на дѣлѣ все-таки владѣете ею! Фактически вы всѣ вмѣстѣ хозяева надъ всѣми машинами міра, если вы только будете мыслить и поступать какъ община и если только захотите быть ихъ хозяевами.

Смотри, вдругъ потекла необъятная полнота социалистической мысли съ научныхъ высотъ въ видѣ оплодотворяющаго дождя на засохшую, жадную землю пролетаріата. Знаніе и трудъ объединились— и не въ мечтахъ утопистовъ, а въ повседневной практикѣ фабричной работы.

Развѣ имѣлся у труда болѣе опасный врагъ, чѣмъ знаніе? Это знаніе на службѣ у капитализма изобрѣтало машину за машиной, это оно измѣнило порядокъ труда и пролетаризировало все больше и больше людей, это оно все болѣе замѣняло трудъ пролетаріевъ машиною! И это же самое знаніе должно служить на пользу пролетаріата?

Пролетарій, который душою еще живетъ крестьянско-буржуазною жизнью, проклинаетъ свою собственную жизнь, и передъ его душою, какъ страстно желаемое стоитъ его прежнее экономическое положеніе. Чѣмъ болѣе онъ сживается съ своимъ положеніемъ, тѣмъ болѣе покоряетъ и захватываетъ его восхищеніе техникой, тѣмъ сильнѣе мучаетъ его мозгъ противорѣчіе: техника создаетъ экономію въ работѣ, но она дѣлаетъ не только это; она создаетъ экономію въ работѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаетъ мовъ мученія во время этой работы. Эти непрерывныя измѣненія въ технику, откуда они и куда они ведутъ?

Такимъ образомъ и возникаетъ у рабочаго вопросъ: откуда и куда? Это вопросъ, созданный жизненной потребностью, вопросъ жизни, а не вопросъ философскаго умозрѣнія, вопросъ о конечныхъ причинахъ и цѣляхъ, признанный въ этомъ смыслѣ неразрѣшимымъ и бессмысленнымъ. И Марксъ впервые даетъ на это отвѣтъ. Онъ не только описываетъ капиталистическое хозяйство тамъ, какъ оно есть, но указываетъ также и законы его дальнѣйшаго развитія: прогрессирующую аккумуляцію капитала съ одной стороны и наемныхъ рабочихъ съ другой стороны; развивающійся капитализмъ здѣсь—развивающееся социализированіе тамъ. И эти измѣненія совершаются въ волнообразномъ кругу перепроизводства и кризисовъ.

Это научныя положенія, которыя теоретически могутъ быть выведены изъ основныхъ началъ, даже при помощи крупныхъ познаній, съ такимъ же трудомъ, какой необходимъ, чтобы доказать, на основаніи вращенія планетъ, что земля вращается вокругъ солнца. Въ этихъ математическихъ доказательствахъ мы въ настоящее время болѣе не нуждаемся, мы теперь непосредственно наблюдаемъ эти движенія. Рабочій, принимающій участіе въ хозяйствѣ самъ, стоя непосредственно у вещи, видитъ эту вещь и не ошибается. Не потому, чтобы онъ былъ умнѣе всѣхъ остальныхъ людей, а потому лишь, что онъ ввергнутъ въ процессъ хозяйственной жизни, давно ужъ насильственно лишенный всѣхъ преданій и предразсудковъ, насильно освобожденный отъ всякихъ имущественныхъ интересовъ. Подъемъ промышленности или кризисъ—это для ученаго категорія мысли, для капиталиста—это измѣненіе прибыли, для рабочаго же—это сверхурочная работа, очень конкретная сверхурочная работа или столь-же конкретная безработица. Законъ развитія капитализма есть исторія каждаго рабочаго въ отдѣльности, а не простое мудрствованіе, какъ это можетъ показаться многимъ образованнымъ людямъ. Молодые рабочіе,—храня свой кладъ въ душѣ,—очень часто слушаютъ весьма невнимательно, когда имъ говорятъ объ этихъ вещахъ; но лѣтъ черезъ десять, послѣ того какъ они сами на себѣ испытаютъ волнообразный ходъ развитія капитализма, они сами доходятъ до этого, они сживаются и срастаются съ ходомъ мыслей Маркса. Нѣтъ ничего глупѣе буржуазнаго вздора, будто социаль-демократами бываютъ исключительно молодые рабочіе, и лишь благодаря ихъ легкомыслію и темпераменту молодости. Молодость имѣетъ свои права, стремленіе къ обзаведенію своимъ домомъ, со всѣми его хорошими и плохими сторонами, захватываетъ молодость всецѣло, появленіе перваго ребенка въ семьѣ рабочаго и разрѣшеніе страшнаго вопроса, при какомъ порядкѣ вещей родился

и вырастетъ ребенокъ, создало гораздо больше марксистовъ и социаль-демократовъ, чѣмъ всѣ юношескія увлеченія.

Но рабочий, который отвѣтилъ въ полномъ согласіи съ ученіемъ Маркса на вопросы: откуда и куда идетъ капиталистическій міръ?— снова приобрѣлъ міръ. Онъ снова находитъ удовольствіе въ своей работѣ. Дѣйствіе машины, чудеса техники, онъ разсматриваетъ съ любопытствомъ, глазами, полными ожиданія. Онъ съ гордостью смотритъ на производительную силу желѣзныхъ гигантовъ и улыбается при одномъ воспоминаніи о жалкихъ орудіяхъ производства древнихъ; онъ перестаетъ томиться жаждою возврата прошлаго. Поразительная точность, строжайшая цѣлесообразность, строгій порядокъ фабрики принуждаютъ его быть внимательнымъ. Онъ начинаетъ повсюду и въ хозяйствѣ и въ жизни требовать рациональнаго порядка! Все должно быть современно, все рационально въ общинѣ и въ государствѣ! Вездѣ долженъ господствовать научный методъ и въ школѣ, и въ учрежденіяхъ! Никакихъ уступокъ нелѣпымъ преданіямъ, никакого компромисса между ними и тѣмъ, что разумно! Горячее увлеченіе знаніемъ и техникой, горячая жажда реформъ, вотъ неизбѣжныя слѣдствія постепеннаго революціонизированія его мозга.

И какъ машина ежедневно передъ его очами дѣлаетъ возможнымъ невозможное, такъ преисполняется онъ сильной вѣрой въ то, что для человѣческаго духа нѣтъ ничего невозможнаго и для человѣческаго духа нѣтъ ничего недопустимаго.

И все-таки всѣ техническіе перевороты совершаются за счетъ рабочаго класса, и всякій новый ударъ, поражающій его, растравляетъ его противорѣчія. Виногато, конечно, не знаніе, а капиталистическій порядокъ вещей въ томъ, что всякое благо идетъ пока во зло его интересамъ. Какъ «міровой рабочий» начинаетъ онъ оказывать сопротивленіе, а для этого ему необходимо сьорганизоваться въ каждомъ отдѣльномъ производствѣ, въ каждой отдѣльной отрасли производства, на всемъ свѣтѣ, какъ «одинъ рабочий организмъ» и потребовать законнаго признанія «рабочей общины». «Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!» Благодаря ученію Маркса онъ знаетъ, что это ему необходимо, а посему онъ и хочетъ этого вдвое сильнѣе, благодаря инстинкту и сознанію. И вотъ социализмъ становится не только мечтою пролетаріата, но его живую волю. Социализмъ изъ міровозрѣнія одного класса превращается въ политическую партію, въ мировую партію рабочихъ, которые ведутъ за собою все человечество, стремящееся къ прогрессу. И такъ, благодаря ученію Маркса, пролетарій, послѣ полной потери человѣчности, снова приобрѣлъ и нашелъ человечество, онъ отырылъ также совпаденіе всей міровой

картины съ индивидуальнымъ бытіемъ. Въ исторіи открылся новый міръ и мы ждемъ наступленія того момента, когда этотъ міръ станетъ господствующимъ, болѣе величественнымъ и болѣе прекраснымъ, чѣмъ всѣ предыдущіе.

Въ творческомъ объединеніи знанія и труда, мысленія и дѣйствія, изслѣдованіе и политической борьбы, личность Карла Маркса является живымъ образцомъ, реальнымъ олицетвореніемъ его собственныхъ идей. Въ качествѣ политическаго борца и изгнанника въ Кельнѣ, Парижѣ, Брюсселѣ и Лондонѣ, въ качествѣ агитатора и организатора революціи, изслѣдовалъ онъ основныя положенія политической экономіи. Во время работы надъ «Капиталомъ» онъ основывалъ и направлялъ Интернаціональ. Человѣкъ западно-европейской культуры, нѣмецъ, французъ и англичанинъ въ одномъ лицѣ по познаніямъ и дѣйствіямъ, чужой во всѣхъ этихъ странахъ и обладатель духовныхъ сокровищъ всѣхъ странъ, онъ олицетворяетъ Интернаціональ, ведетъ борьбу противъ господствующихъ классовъ всѣхъ странъ, и въ тоже время въ типичной рабочей комнатѣ изслѣдуетъ самыя тайныя изгибы буржуазнаго развитія. И какъ мысли Маркса остаются неизгладимыми въ памяти рабочихъ всѣхъ странъ и становятся событіемъ въ жизни каждой личности, такъ и его голова, обрамленная львиною гривой, запечатлѣвается въ мозгу и въ сердцѣ всего трудящагося люда, нынѣ и навѣки.

К. Реннеръ.

Марксъ и пролетаріатъ въ буржуазной революціи.

Генріэты Роландъ-Гольсть.

Пер. съ нѣмецкаго *В. Величиной*.

Общей точкой зрѣнія, съ которой Марксъ разсматривалъ задачу пролетаріата въ буржуазной революціи,—задачу, ясно и опредѣленно формулированную въ «Коммунистическомъ Манифестѣ»,—является органическое развитіе общества. Только изъ развитаго капитализма можетъ произойти социализмъ, только онъ создаетъ какъ техническое основаніе для социализаціи средствъ производства, такъ и многочисленный, сознательный и революціонный пролетаріатъ, который будетъ въ состояніи совершить общественный переворотъ. Только на почвѣ буржуазнаго общества, при свободномъ развитіи господства буржуазіи, проявляется вся глубокая пропасть классовой противоположности между нею и пролетаріатомъ, тогда какъ, пока пролетаріатъ и буржуазія выступаютъ вмѣстѣ противъ абсолютистско-феодальнаго строя, противоположность эта скрывается и затушевывается. И только на почвѣ этого общества вырастаетъ для пролетаріата свобода передвиженія и возможность самой широкой политической дѣятельности,—эти необходимыя предпосылки его опытности и зрѣлости. Поэтому тамъ, гдѣ буржуазнаго общества еще не существуетъ, «гдѣ буржуазія выступаетъ революціонно», пролетаріатъ долженъ объединяться съ нею противъ «абсолютной монархіи, феодальной земельной собственности и мелкой буржуазіи» и бороться «за достиженіе ближайшихъ цѣлей и интересовъ рабочаго класса», то есть за установленіе буржуазнаго общества; но бороться, однако, всегда такъ, чтобы «у рабочихъ вырабатывалось возможно болѣе ясное сознаніе о враждебной противоположности между ними и буржуазіей» и чтобы рабочіе могли тотчасъ же обратить тѣ общественныя и политическія условія, которыя всегда несетъ буржуазія со своимъ господствомъ, въ оружіе противъ той же буржуазіи.

Марксъ, какъ впоследствии оказалось, наканунѣ и во время перваго періода буржуазной революціи 1848—1851 года, переоцѣнилъ темпъ общественнаго развитія и повѣрилъ въ ея непосредственное

превращеніе въ революцію пролетарскую, что было совершенно немислимо, какъ при тогдашнемъ состояніи капиталистическаго развитія, такъ и при тогдашней революціонной зрѣлости пролетаріата. Однако, эта переоцѣнка, необходимое дополненіе къ гениальной смѣлости мышленія, благодаря которому Марксъ, по началу современнаго капитализма, распозналъ все его дальнѣйшее развитіе вплоть до нашихъ дней, не имѣла никакого вліянія на его взглядъ на задачи пролетаріата въ буржуазной революціи. Хотя Марксъ, правда, и не предвидѣлъ тогда, что рабочій классъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, въ періодъ наиболѣе прочнаго и неограниченнаго господства буржуазіи, до высшей степени разовьетъ «мирныя», легальныя методы классовой борьбы, но, наоборотъ, ждалъ, что примѣненіе ихъ вызоветъ новыя революціонныя столкновенія, но все-таки, завоеваніе такихъ буржуазныхъ правъ, какъ напримѣръ, всеобщаго избирательнаго права, права союзовъ и т. п. не казалось ему отъ этого менѣе важнымъ. Онъ считалъ это завоеваніе необходимымъ исходнымъ пунктомъ, отсюда движеніе рабочаго класса, самостоятельность котораго была временно прервана революціей, могло бы отправляться снова, и по болѣе широкому пути, для борьбы за свои особенныя классовыя требованія. Такъ, Марксъ пишетъ, напримѣръ, въ своей «Революціи и контръ-революціи» (стр. 49) о положеніи и задачахъ нѣмецкаго пролетаріата въ революціонный періодъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, пока почва для самостоятельнаго выступленія рабочихъ не была подготовлена, пока не существовало еще прямого и всеобщаго избирательнаго права, пока тридцать шесть большихъ и малыхъ государствъ продолжали разрывать Германію. что иное могла дѣлать тогда пролетарская партія кромѣ того, чтобы слѣдить за рѣшительнымъ для нея движеніемъ въ Парижѣ и, въ сообществѣ съ мелкой буржуазіей, бороться за тѣ права, которыя должны были дать ей возможность вести потомъ свою собственную борьбу?»

Марксъ, въ революціонные годы отъ 1848 до 1851 г. съ непоколебимой твердостью придерживался вкратцѣ изложенныхъ выше воззрѣній. Они опредѣлили какъ его дѣятельность въ нѣмецкихъ событіяхъ, такъ и его позднѣйшій взглядъ на нихъ и на положеніе пролетаріата во французской революціи. Эти воззрѣнія привели его и Энгельса, вначалѣ нѣмецкой революціи, не въ Берлинъ «съ его едва народившейся буржуазіей, его храбрымъ на словахъ и трусливымъ на дѣлѣ, пресмыкающимся бюргерствомъ, его еще совершенно неразвитыми рабочими» *). но въ Кельнъ, въ центръ Рейнской провинціи,

*) Изъ литературнаго наслѣдства К. Маркса, Ф. Энгельса и Лассаля т. III, стр. 4.

въ наиболѣе передовую тогда, во всѣхъ отношеніяхъ, часть Германіи, гдѣ французская революція смѣла старыя государственныя и правовыя формы, гдѣ развилась наиболѣе значительная крупная промышленность и гдѣ буржуазія больше всего была затронута дыханіемъ новой жизни. Эти же воззрѣнія заставили Маркса и Энгельса, вмѣсто того чтобы, подобно Стефану Борну и другимъ, придерживающимся ихъ взглядовъ членамъ коммунистическаго союза, дѣйствовать въ революціонный періодъ въ особомъ рабочемъ движеніи, посвятить свои лучшія силы редакціи органа, который представлялъ самую крайнюю лѣвую буржуазной демократіи, и этимъ сдѣлать «Новую Рейнскую Газету» самымъ знаменитымъ органомъ и самой выдающейся духовной силой перваго революціоннаго года. Эти же воззрѣнія побудили также Маркса къ тому, чтобы выдвигать сначала больше общіе интересы всѣхъ демократическихъ классовъ противъ феодально-абсолютистскихъ силъ, чѣмъ особыя, классовыя интересы пролетаріата. Они опредѣляли его поведеніе въ тотъ критическій моментъ, когда распушеніе берлинскаго собранія посредствомъ государственнаго переворота поставило буржуазію передъ вопросомъ революціоннаго сопротивленія. Какимъ образомъ Марксъ понималъ поддержку пролетаріатомъ буржуазной революціи, какъ онъ всегда былъ готовъ использовать моментъ для того, чтобы толкнуть ее дальше самой себя и этимъ выдвинуть въ ней въ первые ряды самыя рѣшительныя, самыя непримиримыя пролетарскіе и полу-пролетарскіе элементы, это ни откуда такъ ясно нельзя видѣть, какъ изъ отношенія его органа къ той слабой, тотчасъ же остановившейся попыткѣ неплатежа налоговъ, которой берлинское собраніе, въ порывѣ негодованія, реагировало на свой роспускъ. Марксъ не медлил ни минуты, чтобы приспособиться къ специфически-буржуазному, нена- сильническому и законному средству борьбы отказомъ отъ платежа налоговъ: «Новая Рейнская Газета» немедленно же сдѣлала все, что было въ ея силахъ, чтобы провести въ жизнь принятое рѣшеніе *). Но въ томъ способѣ, какъ она призывала къ примѣненію этого средства борьбы, этого перехода отъ пассивнаго сопротивленія къ активному, отъ легальной борьбы къ революціонной, которую она открыто проповѣдовала и ставила въ перспективѣ,—во всемъ этомъ совершенно ясно проявилось то различіе образа мыслей между пролетарской и буржуазной демократической партіей, которое Марксъ впослед-

*) См. объ этомъ эпизодѣ въ Меринговскомъ изданіи „Наслѣдства“, III т. стр. 63—65.

ствіи такъ рѣзко формулировалъ въ своей «Революціи и контръ-революціи» въ Германіи *).

Однако, тѣже основныя возрѣнія, которыя заставили Маркса признать, что поддержка буржуазной революціи пролетаріатомъ лежитъ въ интересахъ самого пролетаріата, выяснили ему и то, что поддержка эта отнюдь не можетъ быть длительной. Если онъ видѣлъ въ объединеніи различныхъ классовъ «до извѣстной степени всегда необходимое предвѣрительное условіе революціи», то сама революція казалась ему могучей силой, которая, въ своемъ побѣдоносномъ шествіи, содѣйствуя быстрому, страстному развитію классовыхъ противорѣчій, снова разрываетъ союзы, заключенные на порогѣ ея. «Едва побѣда противъ общаго врага одержана, какъ побѣдители расходятся уже въ разные лагери и направляютъ оружіе другъ противъ друга» **).

Такимъ образомъ объясняется тактическій поворотъ «Новой Рейнской газеты» весной 1849, когда выяснилось, что буржуазная демократія Германіи развивалась въ общемъ не впередъ, а назадъ и все болѣе теряла въ революціонной силѣ. Этотъ тактическій поворотъ проявился опубликованіемъ трактата Маркса «Трудъ и капиталъ», а также и статьей В. Вольфа «Силезскіе милліарды» Этими статьями на первый планъ стремленій «Новой Рейнской газеты» выступило вскрытіе классовой противоположности между пролетаріатомъ и буржуазіей и защита пролетарскихъ интересовъ. Новая точка зрѣнія была провозглашена ею въ слѣдующихъ словахъ: «Теперь... настало время подробнѣе заняться экономическими отношеніями, на которыхъ строится, какъ существованіе буржуазіи и ея классовое господство, такъ и рабство рабочихъ» ***).

Въ то же самое время, Марксъ и его друзья выступили изъ демократической окружной комисіи, въ которую они до сихъ поръ входили; руководимый же членами коммунистическаго союза кельнскій рабочій ферейнъ отказался отъ союза съ рейнскими демократическими ферейнами и началъ подготовленіе къ устройству организаціи всѣхъ рейнско-вестфальскихъ рабочихъ ферейновъ ****).

Однако, дальнѣйшее развитіе этой новой тактики было задержано

*) „Въ третьихъ, пролетарская партія отличалась отъ класса мелкой буржуазіи или отъ собственно такъ называемой демократической партіи въ своей политической дѣятельности тѣмъ, что она во всѣхъ случаяхъ, проявляла ту революціонную смѣлость и силу дѣйствія, которыхъ всегда недостаетъ партіи, состоящей главнымъ образомъ изъ буржуазіи или имѣющей своимъ руководителемъ мелкую буржуазію“ (Стр. 49).

***) Революція и контръ-революція, стр. 41.

****) Литературное наслѣдство, III, стр. 83.

****) Литературное наслѣдство, стр. 80.

усиленіемъ контръ-революціи и прежде всего смертельнымъ ударомъ, нанесеннымъ ею 18-го мая своему опасному и ненавистному врагу, «Новой Рейнской Газетѣ». Эта тактика была рассчитана на побѣдоносно-развивающуюся, а не на задавленную революцію, и для нея не было никакой возможности проявиться, какъ не было возможности для Маркса принимать непосредственное участіе въ революціонной борьбѣ. Свои ожиданія европейской революціи и свои взгляды на раздачи пролетаріата въ ближайшій ея періодъ Марксъ изложилъ, главнымъ образомъ, въ своихъ сочиненіяхъ о французской классовой борьбѣ того времени.

* * *

Французская революція 1848 года была въ этомъ отношеніи слишкомъ непохожа на всѣ бывшія до сихъ поръ, чтобы въ ней могло остаться только одно обратное развитіе. Она началась тѣмъ, что доставила пролетаріату, его выступленію и его интересамъ то доминирующее положеніе, котораго онъ въ прежнія революціи достигалъ только на самой высшей ступени развитія.

Однако, съ превращеніемъ чарующаго тумана февральской революціи въ ужасную истину гражданской войны, съ пораженіемъ пролетаріата въ іюньскіе дни, начался, повидимому, второй періодъ революціи, изображенію котораго посвящена большая часть «классовой борьбы въ Франціи». Въ концѣ его, въ первые мѣсяцы 1850 года, демократическіе классы,—мелкая буржуазія, крестьяне и, вообще, средніе слоя, все болѣе и болѣе побуждаемые къ открытой оппозиціи господствующей власти, стали снова группироваться вокругъ своего революціоннаго центра, вокругъ пролетаріата. Этой коалиціи демократическихъ интересовъ, противъ которой въ «партіи порядка» стояла коалиція всѣхъ капиталистическихъ элементовъ, удалось въ мартовскіе выборы 1850 года достигнуть значительныхъ успѣховъ. И дальнѣйшее развитіе, какъ ожидалъ Марксъ, еще вначалѣ 1850 года, должно было содѣйствовать все болѣе рѣшительному выступленію партіи крайняго переворота внутри демократической коалиціи, все болѣе полному проявленію пролетарскихъ интересовъ, однимъ словомъ, превращенію буржуазной революціи въ пролетарскую.

Однако, эти ожиданія не исполнились. Выводы, которые Марксъ сдѣлалъ изъ анализа прежнихъ буржуазныхъ революцій, не подошли къ революціи 1848 года, именно вслѣдствіе болѣе развитыхъ условій, при которыхъ она разыгралась. Какъ въ 1848 году дѣло не дошло до военныхъ осложненій съ за границей, какъ рассчитывалъ Марксъ, такъ въ 1850 году не произошло иноземнаго нашествія, вызваннаго происками легитимистовъ.

Подобно тому, какъ буржуазные классы 1848 года не чувствовали никакого стремленія спѣшить на помощь борющимся за свое освобожденіе націямъ, такъ и ослабленные историческимъ развитіемъ феодально-абсолютистскіе классы предпочли лучше столкнуться съ новыми силами, чѣмъ начать съ ними борьбу на жизнь и смерть. И такимъ образомъ, не было никакой необходимости въ крайнемъ напряженіи всѣхъ силъ демократіи противъ одновременно и изнутри и извнѣ грозящаго врага, что при неразвитыхъ условіяхъ дало бы возможность обладающимъ большей революціонной энергіей классамъ временно занять руководящее положеніе въ дальнѣйшемъ ходѣ революціи.

Не менѣе важную, чѣмъ историческое ослабленіе до-буржуазныхъ классовъ, причину суженія революціоннаго теченія составляетъ также большее сравнительно съ прошлыми революціями число пролетаріата въ 1848 г. и его выступленіе за свои собственныя, особыя требованія. Если въ 1848—49 г. дѣло не дошло до измѣнническихъ попытокъ контръ-революціи, то это, прежде всего потому, что буржуазные классы, изъ страха передъ пролетаріатомъ, въ минуту побѣды отказались отъ полнаго использованія своихъ успѣховъ. Еще на баррикадахъ прусская буржуазія заключила съ абсолютизмомъ союзъ противъ пролетаріата,—союзъ, который представлялъ собою первый шагъ къ оживленію абсолютизма, хотя и въ модифицированной формѣ. И во Франціи, во время выборовъ 1850 года, клерикальные помѣщики боролись вмѣстѣ съ буржуазными республиканцами всѣми оружіями запугиванія, лжи и клеветы противъ «красной партіи»,—партіи демократическихъ интересовъ.

И другое событіе, на которое Марксъ въ 1850 году рассчитывалъ, что оно дастъ «всеобщій поводъ» къ новой революціи,—а именно, посягательство на всеобщее избирательное право,—оказалось не въ состояніи этого сдѣлать. Урѣзаніе всеобщаго избирательнаго права уже потому не могло имѣть тогда сильнаго, революционизирующаго дѣйствія, что, какъ Марксъ вскорѣ вслѣдъ затѣмъ призналъ и сдѣлалъ руководящей нитью своей дѣятельности, съ 1849 года начался экономическій подъемъ, который ослабилъ силу революціоннаго размаха. Однако, и безъ этого обстоятельства было бы очень сомнительно, обладали ли уже массы необходимой политической зрѣлостью для того, чтобы отвѣтить революціоннымъ возстаніемъ на посягательство на всеобщее избирательное право. Всеобщее возстаніе на этомъ основаніи могло произойти не въ началѣ, но, вѣроятно, только въ концѣ долгаго періода созрѣванія и укрѣпленія пролетарскаго сознанія, — созрѣванія и укрѣпленія, необходимымъ условіемъ котораго является пользованіе избирательнымъ правомъ.

Возстаніе пролетаріата, какъ оно произошло въ 1848 году, значительно усилило страхъ буржуазіи передъ могильщиками своего господства. Если тогда онъ, соотвѣтственно слабому промышленному развитію, только «призракомъ коммунизма» вызвалъ противъ себя на бой всѣ силы старой Европы, то съ тѣхъ поръ этотъ призракъ принялъ все возрастающее, реальное тѣло въ могущественныхъ, сплоченныхъ рабочихъ партіяхъ всѣхъ странъ, въ насчитывающихся милліонами социаль-демократическихъ избирателяхъ и читателей социаль-демократической прессы, въ милліонахъ членовъ свободныхъ профессиональныхъ союзовъ. Подобно тому, какъ сила и зрѣлость пролетаріата въ тысячу разъ возрасли съ 1848 г. и опасность, что пролетаріатъ завоюетъ политическую власть и заставитъ ее служить своимъ цѣлямъ, сдѣлалась теперь болѣе осязательной сравнительно съ тѣмъ, что было тогда, такъ въ настоящее время и буржуазія въ тѣхъ странахъ, гдѣ феодально-абсолютистско-бюрократическіе классы владѣютъ еще большей частью государственной власти или, какъ въ Россіи, владѣютъ ею почти сполна, сдѣлалась въ тысячу разъ болѣе шаткой и слабой, чѣмъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Она уже не ждетъ въ Россіи «дня послѣ революціи», дня своей побѣды, чтобы войти въ союзъ со старымъ режимомъ противъ пролетаріата, но уже во время самой борьбы нападаетъ вмѣстѣ съ абсолютизмомъ на пролетаріатъ сзади и этимъ задерживаетъ свою собственную побѣду.

И въ настоящее время, при далеко развившихся политико-экономическихъ отношеніяхъ, при которыхъ происходитъ русская революція, выдвинутыя Марксомъ основныя воззрѣнія сохранили свое значеніе: развитіе буржуазнаго строя составляетъ, какъ и тогда, необходимую предпосылку къ полному и нормальному развитію пролетарской классовой борьбы. Но высшей ступени сознанія и зрѣлости, въ которой уже при самомъ своемъ вступленіи въ революціонное движеніе находится руководимый социаль-демократіей или, по крайней мѣрѣ, весь подъ ея вліяніемъ стоящій пролетаріатъ, соотвѣтствуетъ, — какъ показали русскія событія съ 1905 года, — и иное боевое положеніе, и иной способъ борьбы, чѣмъ тотъ, который былъ возможенъ въ 1848 г. Теперь уже больше не требуется первоначальнаго отказа отъ самостоятельнаго выступленія за особые интересы пролетаріата. Наоборотъ: тѣмъ, что пролетаріатъ, — не отказываясь, разумѣется, отъ поддержки буржуазныхъ и мелко-буржуазныхъ классовъ тамъ, гдѣ они выступаютъ революціонно, — выдвигаетъ свои особыя цѣли и своими требованіями, а также и своими методами борьбы изо-дня въ день развертываетъ въ сердцѣ буржуазно-политической революціи знамя революціи пролетарско-соціальной, онъ сильнѣе всего содѣйствуетъ паденію стараго строя, поскольку этотъ послѣдній отъ него зависитъ.

Однако, высокая степень экономических отношений, классовых противорѣчій, пролетарскаго сознанія, при которыхъ происходитъ послѣдняя буржуазная революція, въ себѣ самой уже заключаетъ моменты, которые задерживаютъ побѣду буржуазіи, повышая до крайности ея шаткость и трусость. Но, къ счастью, чѣмъ трусливѣе и слабѣе становится крупная и средняя буржуазія, чѣмъ яснѣе она является политически простымъ придаткомъ абсолютистско-бюкратическаго режима, тѣмъ менѣе ея господство становится необходимымъ предварительнымъ условіемъ вскрытія всей противоположности между нею и пролетаріатомъ, тѣмъ болѣе распространяется на нее вся сила ненависти и презрѣнія, которыя падаютъ на старый режимъ. Дальнѣйшее развитіе социальныхъ отношений, которыя были еще только въ зародышѣ въ 1848 году, не только неимоვნю затрудняетъ геройскую борьбу пролетаріата, но и ставитъ этотъ пролетаріатъ и особенно его наиболѣе сознательную, передовую часть, социаль-демократію, передъ новыми проблемами и новыми задачами. Однако, то же самое развитіе будетъ, къ счастью, имѣть своимъ слѣдствіемъ гораздо болѣе полное использованіе побѣды пролетарскимъ классомъ, чѣмъ это было возможно при прежнихъ, неразвитыхъ отношеніяхъ. Буржуазная революція не можетъ побѣдить въ Россіи,—какъ это было еще возможно въ срединѣ девятнадцатаго столѣтія въ западной и средней Европѣ,—если она не предоставитъ пролетаріату того широкаго фундамента демократическихъ правъ, которыя обезпечатъ ему возможность могуче увеличить и привести въ дѣйствіе пріобрѣтенныя уже имъ въ огненной школѣ революціи зрѣлость и силу.

Марксизмъ и ревизионизмъ.

Извѣстное изреченіе гласитъ, что если бы геометрическія аксіомы задѣвали интересы людей, то онѣ навѣрное опровергались бы. Естественно-историческія теоріи, задѣвавшія старые предрасудки теологіи, вызвали и вызываютъ до сихъ поръ самую бѣшеную борьбу. Не удивительно, что ученіе Маркса, которое прямо служитъ просвѣщенію и организаціи передового класса современнаго общества, указываетъ задачи этого класса и доказываетъ неизбежную—въ силу экономическаго развитія—замѣну современнаго строя новыми порядками, не удивительно, что это ученіе должно было съ боя брать каждый свой шагъ на жизненномъ пути.

Нечего говорить о буржуазной наукѣ и философіи, по казенному преподаваемымъ казенными профессорами для оглушенія подрастающей молодежи изъ имущихъ классовъ и для «натаскиванія» ея на враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Эта наука и слышать не хочетъ о марксизмѣ, объявляя его опровергнутымъ и уничтоженнымъ; и молодые ученые, дѣлающіе себѣ карьеру на опроверженіи социализма, и ветхіе старцы, хранящіе завѣтъ всевозможныхъ обветшалыхъ «системъ», съ одинаковымъ усердіемъ нападаютъ на Маркса. Ростъ марксизма, распространеніе и укрѣпленіе его идей въ рабочемъ классѣ, неизбежно вызываетъ учащеніе и обостреніе этихъ буржуазныхъ вылазокъ противъ марксизма, который послѣ каждаго «уничтоженія» его официальной наукой становится все брѣпче, закаленнѣе и жизнннѣе.

Но и среди ученій, связанныхъ съ борьбой рабочаго класса, распространенныхъ преимущественно среди пролетаріата, марксизмъ далеко и далеко не сразу укрѣпилъ свое положеніе. Первые полвѣка своего существованія (съ 40-хъ годовъ 19-го вѣка) марксизмъ боролся съ теоріями, которыя были въ корнѣ враждебны ему. Въ первой половинѣ 40-хъ годовъ Марксъ и Энгельсъ свели счеты съ радикальными младо-гегельянцами, стоявшими на точкѣ зрѣнія философскаго идеализма. Въ концѣ 40-хъ годовъ выступаетъ борьба въ

области экономических учений—против прудонизма. Пятидесятые годы завершают эту борьбу: критика партий и учений, проявивших себя в бурный 1848-ой годъ. Въ 60-хъ годахъ борьба переносится изъ области общей теории въ болѣе близкую непосредственному рабочему движению область: изгнание бакунизма изъ Интернационала. Въ началѣ 70-хъ годовъ въ Германіи на короткое время выдвигается прудонистъ Мюльбергеръ;—въ концѣ 70-хъ годовъ позитивистъ Дюрингъ. Но влияние того и другого на пролетариатъ уже совершенно ничтожно. Марксизмъ уже побѣждаетъ безусловно всѣ прочія идеологии рабочего движения.

Къ 90-мъ годамъ прошлаго вѣка эта побѣда была въ основныхъ своихъ чертахъ завершена. Даже въ романскихъ странахъ, гдѣ всего дольше держались традиціи прудонизма, рабочія партіи фактически построили свои программы и тактику на марксистской основѣ. Возобновившаяся международная организація рабочего движения—въ видѣ периодическихъ интернациональных съѣздовъ—сразу и почти безъ борьбы стала во всемъ существенномъ на почву марксизма. Но когда марксизмъ вытѣснилъ всѣ сколько-нибудь цѣльныя враждебныя ему ученія,—тѣ тенденціи, которыя выражались въ этихъ ученіяхъ, стали искать себѣ иныхъ путей. Измѣнились формы и поводы борьбы, но борьба продолжалась. И вторые полвѣка существованія марксизма начались (90-ые годы прошлаго вѣка) съ борьбы враждебнаго марксизму течения внутри марксизма.

Бывшій ортодоксальный марксистъ Бернштейнъ далъ имя этому теченію, выступивъ съ наибольшимъ шумомъ и съ наиболѣе цѣльнымъ выраженіемъ поправокъ къ Марксу, пересмотра Маркса, ревизионизма. Даже въ Россіи, гдѣ немарксистскій социализмъ естественно,—въ силу экономической отсталости страны и преобладанія крестьянскаго населенія, придавленнаго остатками крѣпостничества,—держался всего болѣе долго, даже въ Россіи онъ явственно перерастаетъ у насъ на глазахъ въ ревизионизмъ. И въ аграрномъ вопросѣ (программа муниципализаціи всей земли) и въ общихъ вопросахъ программы и тактики наши социаль-народники все больше и больше замѣняютъ «поправками» къ Марксу отмирающіе, отпадающіе остатки старой, по-своему цѣльной и враждебной въ корнѣ марксизму системы.

Домарксистскій социализмъ разбитъ. Онъ продолжаетъ борьбу уже не на своей самостоятельной почвѣ, а на общей почвѣ марксизма, какъ ревизионизмъ. Посмотримъ же каково идейное содержаніе ревизионизма.

Въ области философіи ревизионизмъ шелъ въ хвостъ буржуазной профессорской «науки». Профессора шли «назадъ къ Канту»,—и ревизионизмъ тащился за неокантіанцами, профессора повторяли тысячу разъ сказанныя поповскія пошлости противъ философскаго матеріа-

лизма,—и ревизионисты, снисходительно улыбаясь, бормотали (слово въ слово по послѣднему хандбуху), что материализмъ давно «опровергнуть», профессора третировали Гегеля, какъ «мертвую собаку», и, проповѣдуя сами идеализмъ, только въ тысячу разъ болѣе мелкій и пошлый, чѣмъ гегелевскій, презрительно пожимали плечами по поводу діалектики,—и ревизионисты лѣзли за ними въ болото философскаго опошленія науки, замѣняя «хитрую» (и революціонную) діалектику «простой» (и спокойной) «эволюціей»; профессора отработывали свое казенное жалованье, подгоняя и идеалистическія и «критическія» свои системы въ господствовавшей средневѣковой «философіи» (т. е. къ теологіи),—и ревизионисты пододвигались къ нимъ, стараясь сдѣлать религію «частнымъ дѣломъ» не по отношенію къ современному государству, а по отношенію къ партіи передового класса.

Какое дѣйствительное классовое значеніе имѣли подобныя «поправки» къ Марксу, объ этомъ не приходится говорить—дѣло ясно само собой. Мы отмѣтимъ только, что единственнымъ марксистомъ въ международной социалдемократіи, давшимъ критику тѣхъ невѣроятныхъ пошлостей, которыя наговорили здѣсь ревизионисты, съ точки зрѣнія послѣдовательнаго діалектическаго материализма, былъ Плехановъ. Это тѣмъ болѣе необходимо рѣшительно подчеркнуть, что въ наше время дѣлаются глубоко ошибочныя попытки провезти старый и реакціонный философскій хламъ подъ флагомъ критики тактическаго оппортунизма Плеханова *).

Переходя къ политической экономіи, надо отмѣтить, прежде всего, что въ этой области «поправки» ревизионистовъ были гораздо болѣе разносторонни и обстоятельны; на публику старались подѣйствовать «новыми данными хозяйственнаго развитія». Говорили, что концентраціи и вытѣсненія крупнымъ производствомъ мелкаго не происходитъ въ области сельскаго хозяйства вовсе, а въ области торговли и промышленности происходитъ она крайне медленно. Говорили, что кризисы теперь стали рѣже, слабѣе, вѣроятно, картели и тресты дадутъ возможность капиталу совсѣмъ устранить кризисы. Говорили, что «теорія краха», къ которому идетъ капитализмъ, несостоятельна въ виду тенденціи къ притупленію и смягченію классовыхъ противорѣчій. Говорили, наконецъ, что и теорію стоимости Маркса не мѣшаетъ исправить по Бемъ-Баверку.

*) См. книгу „Очерки философіи марксизма“ Богданова, Базарова и др. Здѣсь на мѣсто разбирать эту книгу и я долженъ ограничиться пока заявленіемъ, что въ ближайшемъ будущемъ покажу въ рядѣ статей или въ особой брошюрѣ, что все сказанное въ текстѣ про неокантіанскихъ ревизионистовъ, относится по существу дѣла и къ этимъ „новымъ“ неокантіанскимъ и не-берклевскимъ ревизионистамъ.

Борьба съ ревизионистами по этимъ вопросамъ дала такое же плодотворное оживленіе теоретической мысли международного социализма, какъ полемика Энгельса съ Дюрингомъ за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Доводы ревизионистовъ разбирались съ фактами и цифрами въ рукахъ. Было доказано, что ревизионисты систематически подрашиваютъ современное мелкое производство. Фактъ технического и коммерческаго превосходства крупнаго производства надъ мелкимъ не только въ промышленности, но и въ земледѣліи доказываютъ неопровержимыя данныя. Но въ земледѣліи гораздо слабѣе развито товарное производство, и современные статистики и экономисты плохо умѣютъ обыкновенно выдѣлять тѣ спеціальныя отрасли (иногда даже операциі) земледѣлія, которыя выражаютъ прогрессивное вовлеченіе земледѣлія въ обмѣнъ мірового хозяйства. На развалинахъ натуральнаго хозяйства мелкое производство держится безконечнымъ ухудшеніемъ питанія, хронической голодовкой, удлиненіемъ рабочаго дня, ухудшеніемъ качества скота и ухода за нимъ, однимъ словомъ, тѣми же средствами, которыми держалось и кустарное производство противъ капиталистической мануфактуры. Каждый шагъ впередъ науки и техники подрываетъ неизбежно и неумолимо основы мелкаго производства въ капиталистическомъ обществѣ, и задача социалистической экономіи—изслѣдовать этотъ процессъ во всѣхъ его, нерѣдко сложныхъ и запутанныхъ, формахъ,—доказывать мелкому производителю невозможность удержаться при капитализмѣ, безвыходность крестьянскаго хозяйства при капитализмѣ, необходимость перехода крестьянина на точку зрѣнія пролетарія. Ревизионисты въ данномъ вопросѣ грѣшили въ научномъ отношеніи поверхностнымъ обобщеніемъ односторонне-выхваченныхъ фактовъ, внѣ связи ихъ со всѣмъ строемъ капитализма,—въ политическомъ же отношеніи они грѣшили тѣмъ, что неизбежно, вольно или невольно, звали крестьянина, или толкали крестьянина на точку зрѣнія хозяина (т. е. точку зрѣнія буржуазіи) вмѣсто того, чтобы толкать его на точку зрѣнія революціоннаго пролетарія.

Съ теоріей кризисовъ и теоріей краха дѣла ревизионизма обстояли еще хуже. Только самое короткое время и только самые близорукіе люди могли думать о передѣлкѣ основъ ученія Маркса подъ влияніемъ нѣсколькихъ лѣтъ промышленнаго подъема и процвѣтанія. Что кризисы не отжили свое время, это показала ревизионистамъ очень быстро дѣйствительность: кризисъ наступилъ послѣ процвѣтанія. Измѣнились формы, послѣдовательность, картина отдѣльныхъ кризисовъ, но кризисы остались неизбежной составной частью капиталистическаго строя. Картели и тресты, объединяя производство, въ то же время усиливали на глазахъ у всѣхъ анархію производства, необез-

печенность пролетаріата и гнетъ капитала, обостряя такимъ образомъ въ невиданной еще степени классовыя противорѣчія. Что капитализмъ идетъ къ краху—и въ смыслѣ отдѣльныхъ политическихъ и экономическихъ кризисовъ и въ смыслѣ полнаго крушенія всего капиталистическаго строя, — это съ особенной наглядностью и въ особенно широкихъ размѣрахъ показали какъ разъ новѣйшіе гигантскіе тресты. Недавній финансовый кризисъ въ Америкѣ, страшное обостреніе безработицы во всей Европѣ, не говоря уже о близкомъ промышленномъ кризисѣ, на который указываютъ многіе признаки,—все это привело къ тому, что недавнія «теоріи» ревизионистовъ забыты всѣми, кажется, многими и изъ нихъ самихъ. Не слѣдуетъ только забывать тѣхъ уроковъ, которые эта интеллигентская неустойчивость дала рабочему классу.

О теоріи стоимости надо только сказать, что кромѣ намебовъ и воздыханій, весьма туманныхъ, по Бемъ-Баверку, ревизионисты не дали тутъ рѣшительно ничего и не оставили поэтому никакихъ слѣдовъ въ развитіи научной мысли.

Въ области политики ревизионизмъ попытался пересмотрѣть дѣйствительно основу марксизма, именно: ученіе о классовой борьбѣ. Политическая свобода, демократія, всеобщее избирательное право уничтожаютъ почву для классовой борьбы,—говорили намъ,—и дѣлаютъ невѣрнымъ старое положеніе «Коммунистическаго Манифеста»: рабочіе не имѣютъ отечества. Въ демократіи, разъ господствуетъ «воля большинства», нельзя дескать ни смотрѣть на государство, какъ на органъ классового господства, ни отказываться отъ союзовъ съ прогрессивной, социаль-реформаторской буржуазіей противъ реакціонеровъ.

Неоспоримо, что эти возраженія ревизионистовъ сводились къ довольно стройной системѣ взглядовъ,—именно: давно извѣстныхъ либерально-буржуазныхъ взглядовъ. Либералы всегда говорили, что буржуазный парламентаризмъ уничтожаетъ классы и классовыя дѣленія, разъ право голоса, право участія въ государственныхъ дѣлахъ имѣютъ всѣ граждане безъ различія. Вся исторія Европы во 2-й половинѣ 19-го вѣка, вся исторія русской революціи въ началѣ 20-го вѣка показываетъ воочію, какъ нелѣпы подобныя взгляды. Экономическія различія не ослабляются, а усиливаются и обостряются при свободѣ «демократическаго» капитализма. Парламентаризмъ не устраняетъ, а обнажаетъ сущность самыхъ демократическихъ буржуазныхъ республикъ, какъ органа классоваго угнетенія. Помогая просвѣтить и организовать неизмѣримо болѣе широкія массы населенія, чѣмъ тѣ, которыя прежде участвовали активно въ политическихъ событіяхъ, парламентаризмъ подготавливаетъ этимъ не устраненіе кризисовъ и по-

литических революцій, а наибольшее обострение гражданской войны во время этих революцій. Парижскія событія весной 1871 года и русскія зимой 1905 года показали яснѣе яснаго, какъ неизбежно наступает такое обострение. Французская буржуазія, вѣ секунды не колеблясь, вошла въ сдѣлку съ общенациональнымъ врагомъ, съ чужестраннымъ войскомъ, разорившимъ ея отечество, для подавленія пролетарскаго движенія. Кто не понимаетъ неизбежной внутренней діалектики парламентаризма и буржуазнаго демократизма, приводящей въ еще болѣе рѣзкому, чѣмъ въ прежнія времена, рѣшенію спора массовымъ насиліемъ, — тотъ никогда не сумѣетъ на почвѣ этого парламентаризма вести принципиально выдержанной пропаганды и агитации, дѣйствительно готовящей рабочія массы къ побѣдоносному участию въ такихъ «спорахъ». Опытъ союзовъ, соглашеній, блоковъ съ социаль-реформаторскимъ либерализмомъ на Западѣ, съ либеральнымъ реформизмомъ (кадеты) въ русской революціи показалъ убѣдительно, что эти соглашенія только притупляютъ сознание массъ, не усиливая, а ослабляя дѣйствительное значеніе ихъ борьбы, связывая борющихся съ элементами, наименѣе способными бороться, наиболѣе шаткими и предательскими. Французскій милльеранизмъ — самый крупный опытъ примѣненія ревизионистской политической тактики въ широкомъ, дѣйствительно національномъ масштабѣ, — далъ такую практическую оцѣнку ревизионизма, которую никогда не забудетъ пролетаріатъ всего міра.

Естественнымъ дополненіемъ экономическихъ и политическихъ тенденцій ревизионизма явилось отношеніе его къ конечной цѣли социалистическаго движенія. «Конечная цѣль — ничто, движеніе — все», это крылатое словечко Бернштейна выражаетъ сущность ревизионизма лучше многихъ длинныхъ разсужденій. Отъ случая къ случаю опредѣлять свое поведеніе, приспособляться къ событіямъ дня, къ поворотамъ политическихъ мелочей, забывать коренные интересы пролетаріата и основныя черты всего капиталистическаго строя, всей капиталистической эволюціи, жертвовать этими коренными интересами ради дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ выгодъ минуты, — такова ревизионистская политика. И изъ самаго существа этой политики вытекаетъ съ очевидностью, что она можетъ принимать безконечно разнообразныя формы и что каждый сколько-нибудь «новый» вопросъ, сколько-нибудь неожиданный и непредвидѣнный поворотъ событій, хотя бы этотъ поворотъ только въ миниатюрной степени и на самый недолгій срокъ измѣнялъ основную линію развитія, — неизбежно будутъ вызывать всегда тѣ или иныя разновидности ревизионизма.

Неизбѣжность ревизионизма обуславливается его классовыми кор-

нями въ современномъ обществѣ. Ревизионизмъ есть интернаціональное явленіе. Для всякаго сколько-нибудь свѣдущаго и думающаго социалиста не можетъ быть ни малѣйшихъ сомнѣній въ томъ, что отношеніе ортодоксовъ и бернштейнцевъ въ Германіи, гэдистовъ и жоресистовъ (теперь въ особенности бруссистовъ) во Франціи, социалъ-демократической федераціи и независимой рабочей партіи въ Англіи, Брувэра и Вандервельда въ Бельгіи, интегралистовъ и реформистовъ въ Италіи, большевиковъ и меньшевиковъ въ Россіи повсюду въ существѣ своемъ однородно, несмотря на гигантское разнообразіе національныхъ условій и историческихъ моментовъ въ современномъ состояніи всѣхъ этихъ странъ. «Раздѣленіе» внутри современнаго международнаго социализма идетъ, въ сущности, уже теперь по одной линіи въ разныхъ странахъ міра, документируя этимъ громаднѣй шагъ впередъ по сравненію съ тѣмъ, что было лѣтъ 30—40 тому назадъ, когда въ разныхъ странахъ боролись не однородныя тенденціи внутри единаго международнаго социализма. И тотъ «ревизионизмъ слѣва», который обрисовался теперь въ романскихъ странахъ, какъ «революціонный синдикализмъ», тоже приспособляется къ марксизму, «исправляя» его: Лабріола въ Италіи Лагардель во Франціи сплошь да рядомъ аппелируютъ отъ Маркса, невѣрно понятаго, къ Марксу, вѣрно понимаемому.

Мы не можемъ здѣсь останавливаться на разборѣ идейнаго содержанія этого ревизионизма, который далеко не такъ еще развился, какъ ревизионизмъ оппортунистическій, не интернаціонализировался, не выдержалъ ни одной крупной практической схватки съ социалистической партіей хотя бы одной страны. Мы ограничиваемся потому тѣмъ «ревизионизмомъ справа», который былъ обрисованъ выше.

Въ чемъ заключается его неизбѣжность въ капиталистическомъ обществѣ? Почему онъ глубже, чѣмъ различія національныхъ особенностей и степеней развитія капитализма? Потому, что во всякой капиталистической странѣ рядомъ съ пролетариатомъ всегда стоятъ широкіе слои мелкой буржуазіи, мелкихъ хозяевъ. Капитализмъ родился и постоянно рождается изъ мелкаго производства. Цѣлый рядъ «среднихъ слоевъ» неминуемо вновь создается капитализмомъ (придатокъ фабрики, работа на дому, мелкія мастерскія, разбросанныя по всей странѣ въ виду требованій крупной, напримѣръ, велосипедной и автомобильной индустрии, и т. д.). Эти новые мелкіе производители такъ же неминуемо опять выбрасываются въ ряды пролетаріата. Совершенно естественно, что мелко-буржуазное міровозрѣніе снова и снова прорывается въ рядахъ широкіхъ рабочихъ партій. Совершенно естественно, что такъ должно быть и будетъ всегда вплоть до перипетій пролетарской революціи, ибо было бы глубокой ошибкой думать, что необходима «полная»

пролетаризація большинства населенія для осуществимости такой революціи. То, что теперь мы переживаемъ зачастую только идейно: споры съ теоретическими поправками къ Марксу,—то, что теперь прорывается на практикѣ лишь по отдѣльнымъ частнымъ вопросамъ рабочаго движенія, какъ тактическія разногласія съ ревизионистами и расколы на этой почвѣ,—это придется еще непременно пережить рабочему классу въ несравненно болѣе крупныхъ размѣрахъ, когда пролетарская революція обостритъ всѣ спорные вопросы, сконцентрируетъ всѣ разногласія на пунктахъ, имѣющихъ самое непосредственное значеніе для опредѣленія поведенія массъ, заставитъ въ пылу борьбы отдѣлять враговъ отъ друзей, выбрасывать плохихъ союзниковъ для нанесенія рѣшительныхъ ударовъ врагу.

Идейная борьба революціоннаго марксизма съ ревизионизмомъ въ концѣ 19-го вѣка есть лишь предверіе великихъ революціонныхъ битвъ пролетаріата, идущаго впередъ къ полной побѣдѣ своего дѣла вопреки всѣмъ шатаніямъ и слабостямъ мѣщанства.

Вл. Ильинъ.

Памяти К. Маркса *)

„Философы только объясняли міръ различнымъ образомъ, дѣло въ томъ, чтобы его измѣнить“.

11-ый тезисъ Маркса о Фейербахъ.

Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Марксъ положилъ на покой свою могучую голову, и, несмотря на то, что мы всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ пережили явленіе, именуемое на языкѣ нѣмецкихъ профессоровъ «кризисомъ марксизма»,—достаточно только бросить взглядъ на тѣ массы, которыя хотя бы въ одной только Германіи идутъ за социализмомъ, достаточно только представить себѣ значеніе социализма въ общественной жизни всѣхъ такъ называемыхъ культурныхъ странъ, чтобы понять все величіе твореній мысли Маркса.

И если бы мы захотѣли въ немногихъ словахъ формулировать все, что сдѣлалъ Марксъ для современнаго рабочаго движенія, то мы бы сказали, что Марксъ открылъ современный рабочій классъ какъ историческую категорію, т. е. какъ классъ съ опредѣленными историческими условіями существованія и опредѣленными законами историческаго развитія. Конечно, и до Маркса въ капиталистическихъ странахъ существовали массы наемныхъ рабочихъ, толкаемыя къ солидарности одинаковостью условій своей социальной жизни и ошущью искавшія выхода изъ своего положенія, отчасти даже искавшія того моста, который велъ бы въ обѣтованную страну социализма, но только Марксъ спаялъ эти массы въ классъ, поставивъ передъ ними особую историческую задачу, задачу завоеванія политической власти для социалистическаго переворота.

*) Помѣщая здѣсь статью г. Розы Люксембургъ, мы пользуемся возможностью познакомить русскаго читателя съ одной изъ блестящихъ статей, которыми „Vorwärts“, по поводу 20-лѣтія со дня смерти К. Маркса, почтилъ его память.

Итакъ, тѣмъ мостомъ, который Марксъ перебросилъ между движеніемъ пролетаріата, выростающимъ стихійно на почвѣ современнаго общества, и социализмомъ, была классовая борьба за овладѣніе политической властью.

Буржуазія, съ самаго начала преслѣдуя со страхомъ и ненавистью въ особенности политическія стремленія пролетаріата, обнаружилъ вѣрный инстинктъ. Уже въ 1831 г., когда Казимиръ Перье докладывалъ въ ноябрѣ во французской палатѣ депутатовъ о первомъ движеніи рабочаго класса на континентѣ, о бунтѣ ткачей шелва въ Лионѣ, онъ сказалъ: «Милостивые государи, мы можемъ быть спокойны; въ движеніи рабочихъ въ Лионѣ не было ничего политическаго». Каждый политическій шагъ пролетаріата была для господствующихъ классовъ признакомъ, предвѣщавшимъ приближающееся освобожденіе рабочихъ изъ-подъ политической опеки буржуазіи.

Но только Марксу удалось обосновать политику рабочаго класса на почвѣ сознательной классовой борьбы и этимъ самымъ превратить эту политику въ смертоносное оружіе противъ существующаго общественнаго строя. Основой современной социаль-демократической рабочей политики является материалистическое пониманіе исторіи вообще и марксера теорія капиталистическаго развитія въ частности. И мыслить социаль-демократію и вообще сознательную классовую рабочую политику внѣ ученія Маркса можетъ только тотъ, для кого равно чужды какъ сущность социаль-демократической политики, такъ и сущность марксизма.

Въ своемъ «Фейербахѣ» Энгельсъ формулировалъ сущность философіи какъ вѣчный вопросъ объ отношеніи мышленія къ бытію, какъ вопросъ о человѣческомъ сознаніи въ объективномъ материальномъ мірѣ. Если мы понятія бытія и мышленія изъ отвлеченнаго міра природы и индивидуальнаго умозрѣнія, т. е. изъ областей, гдѣ орудуютъ философы по профессіи, перенесемъ въ область общественной жизни, то то же, что Энгельсъ сказалъ о философіи, можно будетъ сказать въ известномъ смыслѣ и о социализмѣ. Послѣдній былъ съ давнихъ поръ исканіемъ, нащупываніемъ тѣхъ путей и средствъ, которые согласовали бы бытіе съ мышленіемъ, т. е. историческія формы жизни съ общественнымъ сознаніемъ.

Марксу и его другу Энгельсу было суждено найти рѣшеніе проблемы, надъ которой билась столѣтія. Марксъ открылъ, что исторія всѣхъ существовавшихъ до сихъ поръ обществъ является въ послѣднемъ счетѣ исторіей отношеній производства и обмѣна въ этихъ обществахъ, и что развитіе этихъ отношеній при господствѣ частной собственности проявляется въ политическихъ и социаль-

ныхъ установленіяхъ въ формѣ классовой борьбы; и этимъ открытіемъ Марксъ установилъ важнѣйшую движущую силу исторіи. вмѣстѣ съ тѣмъ было найдено объясненіе необходимой во всѣхъ существовавшихъ до сихъ поръ обществахъ дисгармоніи между сознаніемъ и бытіемъ, между желаніями людей и соціальной дѣйствительностью, между намѣреніями и результатами.

Итакъ, благодаря идеямъ Маркса человѣчество впервые познало тайну своего собственнаго общественнаго процесса. Сверхъ того открытіе законовъ капиталистическаго развитія указало также тотъ путь, по которому движется общество отъ своей стихійной безсознательной стадіи, въ теченіе которой оно создавало свою исторію такъ же, какъ пчелы строятъ свои соты, къ сознательно творимой истинно человѣческой исторической стадіи, той стадіи, гдѣ воля общества и соціальная дѣйствительность впервые будутъ гармонично согласованы другъ съ другомъ, гдѣ впервые дѣйствія общественнаго человѣка будутъ имѣть именно тотъ результатъ, какого онъ захочетъ.

Этотъ, говоря словами Энгельса, окончательный «прыжокъ изъ царства животныхъ въ область человѣческой свободы» будетъ для всего общества совершенъ лишь вмѣстѣ съ соціалистическимъ переворотомъ, но онъ совершается уже въ рамкахъ современнаго строя въ видѣ соціалъ-демократической политики. Съ Ариадниной нитью марксдова ученія въ рукахъ, рабочая партія сейчасъ является единственной партіей, которая съ исторической точки зрѣнія сознаетъ, что она дѣлаетъ и поэтому дѣлаетъ именно то, что она хочетъ. Въ этомъ заключается вся тайна силы соціалъ-демократіи.

Буржуазный міръ уже давно изумляется удивительной несокрушимости и постоянному росту соціалъ демократіи. Время отъ времени выискиваются отдѣльные дряхлѣющіе, дѣтски наивные умы, которые будучи ослѣплены особыми моральными успѣхами нашей политики, совѣтуютъ буржуазіи взять съ насъ «примѣръ» и преисполниться таинственной мудрости и идеализма соціалъ-демократіи. Они не понимаютъ, что то, что для развивающагося рабочаго класса служить источникомъ жизни и силы, ключемъ живой воды, для партій буржуазныхъ—смертельный ядъ.

И въ самомъ дѣлѣ, что даетъ намъ нравственную силу мужественно и со смѣхомъ переносить и затѣмъ сбрасывать съ себя жесточайшія репрессіи, вродѣ существовавшаго двѣнадцатилѣтняго закона противъ соціалистовъ? Быть можетъ это упорство нищаго въ погонѣ за мелкимъ улучшеніемъ своего матеріальнаго положенія? Современный пролетаріатъ не филистеръ и не мелкій буржуа, чтобы стать

героемъ ради мелкихъ будничныхъ удобствъ. Лишенная идеализма трезвая узость англійскихъ тредъ-юніоновъ показываетъ намъ какъ мало способенъ одинъ лишь расчетъ на мелкія матеріальныя выгоды создать высокой нравственный подъемъ въ средѣ рабочаго класса.

Быть можетъ, это аскетическій стоицизмъ секты, какъ у первыхъ христіанъ, стоицизмъ, который разгорается тѣмъ ярче, чѣмъ сильнѣе его преслѣдуютъ? Современный пролетарій, какъ наследникъ и питомецъ буржуазнаго общества, въ слишкомъ сильной степени прирожденный матеріалистъ, слишкомъ человекъ плоти и здоровой чувственности, чтобы согласно морали раба черпать силу и преданность своей идеѣ изъ однихъ лишь страданій.

Наконецъ, быть можетъ, «справедливость» того дѣла, за которое мы боремся, дѣлаетъ насъ непобѣдимыми? Дѣло чартистовъ и послѣдователей Вейтлинга, дѣло утопическихъ социалистическихъ ученій было не менѣе «справедливо», и тѣмъ не менѣе всѣ эти ученія разбились о тѣ сопротивленія, на которыя они натолкнулись въ современномъ обществѣ.

И если, вопреки всѣмъ насиліямъ своихъ враговъ, современное рабочее движеніе побѣдоносно шествуетъ впередъ съ высоко поднятой головой, то этимъ оно обязано прежде всего спокойному пониманію законмѣрности объективнаго историческаго развитія, пониманію того факта, что «капиталистическое производство съ необходимостью процесса природы создаетъ свое собственное отрицаніе—именно: экспроприацію экспроприаторовъ, социалистическій переворотъ». Въ этомъ пониманіи видитъ рабочее движеніе прочное ручательство въ окончательной побѣдѣ, и отсюда же черпаетъ оно не только стремительность, но и терпѣніе, не только силы для дѣйствія, но и мужественную выдержку и выносливость.

Первымъ условіемъ успѣшной политики борьбы является пониманіе движеній своего противника. А что же даетъ намъ ключъ къ пониманію буржуазной политики въ ея мельчайшихъ развѣтвленіяхъ, въ сплетеніяхъ политики текущаго дня, къ тому пониманію, которое равно гарантируетъ насъ какъ отъ неожиданностей, такъ и отъ иллюзій? Не что иное, какъ знаніе того, что всѣ формы общественнаго сознанія, а значить и буржуазная политика и весь ея внутренній разбродъ, должны объясняться классовыми и групповыми интересами, противорѣчіями матеріальной жизни, и въ послѣдней инстанціи «конфликтомъ, существующимъ между производительными силами общества и отношеніями производства».

И что даетъ намъ также умѣніе приспособлять нашу политику къ новымъ явленіямъ политической жизни,—какъ напрімѣръ, міровая по-

литика—и, даже при отсутствии особаго таланта и глубины мысли, опредѣлять эти новыя явленія съ глубокой проникающей способностью, схватывающей самую сущность явленій, между тѣмъ какъ самые талантливые критики буржуазіи скользятъ только по поверхности этихъ явленій или же запутываются въ безысходныхъ противорѣчійхъ при всякой попыткѣ заглянуть въ глубь? Опять-таки, эта способность дается намъ не чѣмъ другимъ, какъ широкимъ взглядомъ на историческое развитіе, взглядомъ, основаннымъ на законѣ, который гласитъ: «способъ производства матеріальной жизни обуславливаетъ социальный, политическій и духовный жизненный процессъ».

И прежде всего, что даетъ намъ критерій при выборѣ отдѣльныхъ средствъ и путей въ борьбѣ, что даетъ возможность избѣгать разрозненныхъ лишенныхъ общаго плана экспериментовъ, избѣгать растраты силъ увлеченіями въ сторону утопій? Разъ познанное направленіе экономическаго и политическаго процесса въ современномъ обществѣ служитъ для насъ критеріемъ не только плана нашего похода въ общихъ его чертахъ, но и каждой мелкой подробности въ нашихъ политическихъ стремленіяхъ. Благодаря этой руководящей нити, рабочему классу впервые удалось разбѣять великую идею социалистической конечной цѣли на мелкую монету политики дня, а будничную мелкую политическую работу возвысить до степени орудія осуществленія великой идеи. До Маркса существовала проводимая рабочими буржуазная политика и существовалъ революціонный социализмъ. Но только начиная съ Маркса и благодаря Марксу существуетъ социаль-демократическая рабочая политика, которая въ то же время является революціонной реальной политикой въ полномъ смыслѣ того и другого слова.

Если мы реальной политикой признаемъ ту политику, которая ставитъ себѣ лишь достижимыя цѣли и умѣетъ стремиться къ нимъ при помощи самыхъ дѣйствительныхъ средствъ и кратчайшимъ путемъ, то пролетарская классовая политика въ духѣ Маркса будетъ отличаться отъ буржуазной политики тѣмъ, что буржуазная политика реальна съ точки зрѣнія матеріальныхъ успѣховъ дня, въ то время какъ социалистическая политика реальна съ точки зрѣнія тенденции историческаго развитія. Это какъ разъ та же разница, какая существуетъ между теоріей стоимости вульгарной политической экономіи, рассматривающей стоимость съ точки зрѣнія состоянія рынка, какъ явленіе въ области отношеній вещей, и теоріей Маркса, которая понимаетъ стоимость, какъ общественное отношеніе опредѣленной исторической эпохи.

Но пролетарская реальная политика революціонна также и потому, что она всѣми своими частичными стремленіями въ ихъ общей

суммѣ выходить за рамки существующаго строя, въ предѣлахъ котораго она дѣйствуетъ, выходить за это предѣлы потому, что она разсматриваетъ себя какъ подготовительную стадію того акта, который сдѣлаетъ ее политической господствующаго и совершающаго переворотъ пролетаріата.

Такимъ образомъ та нравственная сила, при помощи которой мы побѣждаемъ опасости, и наша тактика въ борьбѣ, до самыхъ мелочей, и наша критика своихъ противниковъ, и наша ежедневная агитация, которая завоевываетъ намъ массы, и буквально все, что мы дѣлаемъ, пропитано и освѣщено тѣмъ ученіемъ, которое создалъ Марксъ. Если мы иногда предаемся иллюзіи, что наша теперешняя политика со всей ея внутренней силой независима отъ теоріи Маркса, то это только показываетъ, что мы на практикѣ говоримъ по марксистски, не сознавая этого, подобно мольеровскому буржуа, который говорилъ прозой, самъ этого не зная.

Достаточно представить себѣ заслуги Маркса, чтобы понять, что Марксъ тѣмъ переворотомъ, который онъ совершилъ въ социализмѣ и въ рабочей политикѣ, долженъ былъ сдѣлать буржуазное общество своимъ смертельнымъ врагомъ. Для господствующихъ классовъ стало яснымъ, что для того, чтобы побѣдить современное рабочее движеніе, надо побѣдить Маркса. Двадцать лѣтъ, протекшихъ со смерти Маркса, представляютъ изъ себя непрерывный рядъ практическихъ и теоретическихъ попытокъ уничтожить духъ Маркса въ рабочемъ движеніи.

Исторія рабочаго движенія съ самаго начала прокладываетъ себѣ дорогу между революціонно-соціалистическимъ утопизмомъ и буржуазной реальной политикой. Историческую почву для перваго составляло добуржуазное общество, цѣликомъ или наполовину абсолютистское. Революціонно-утопическій періодъ социализма заканчивается въ Западной Европѣ въ общемъ съ развитіемъ классового господства буржуазіи, хотя мы и наблюдаемъ отдѣльные рецедивы утопизма до самаго послѣдняго времени. Другая опасность, опасность погрязнуть въ дѣлѣ навладыванія заплата, въ занятіи, практикуемомъ буржуазной реальной политикой, возникаетъ лишь съ усиленіемъ рабочаго движенія на почвѣ парламентаризма.

Буржуазный парламентаризмъ долженъ былъ доставить оружіе для практическаго преодоленія революціонной политики пролетаріата; демократическое сплоченіе классовъ и социальный миръ реформъ должны были занять мѣсто классовой борьбы.

И чего же достигли? Правда, иллюзія жила кое-гдѣ нѣкоторое время, но непригодность для рабочаго класса буржуазныхъ методовъ реальной политики сейчасъ же выяснилась. Фіаско министеріализма во Франціи, измѣна либерализма въ Бельгіи, крушеніе парламен-

таризма въ Германіи—ударъ слѣдовалъ за ударомъ, и мимолетная мечта о «мирномъ развитіи» разлетѣлась въ прахъ. А законъ Маркса о тенденціи къ обостренію социальныхъ противорѣчій, какъ основѣ класовой борьбы, блестяще подтвердился, и каждый день приноситъ намъ новыя доказательства. Въ Голландіи стачка желѣзнодорожниковъ въ 24 часа раскрыла, подобно ночному землетрясенію, зияющую пропасть въ средѣ общества, и изъ этой пропасти извергается лава классово́й борьбы, и Голландія объята пламенемъ.

Такъ, подобно тонкому слою льда, трескается въ одной странѣ за другой подъ «массовымъ шествіемъ рабочихъ баталіоновъ» почва буржуазной демократіи, буржуазной законности, для того, чтобы вновь и вновь запечатлѣть въ сознанія рабочаго класса, что не на этой почвѣ могутъ быть осуществлены его конечныя стремленія. Таковъ результатъ многочисленныхъ попытокъ опровергнуть Маркса «на практикѣ».

Теоретическое опроверженіе марксизма составляетъ для сотенъ дѣлающихъ карьеру апологетовъ буржуазіи задачу жизни, оно составляетъ начало ихъ ученаго поприща. Чего же они достигли? Они добились того, что въ кругахъ легковѣрной интеллигенціи распространилось убѣжденіе въ «односторонности» и «преувеличеніяхъ» Маркса. Но даже наиболѣе серьезные среди буржуазныхъ идеологовъ, какъ на примѣръ Штамmlеръ, признали, что «по отношенію къ столь глубокому по мысли ученію» ничего нельзя достигнуть всѣми этими «половинчатыми мыслями», всѣми этими «болѣе или менѣе». А что же цѣльнаго можетъ противопоставить буржуазная наука ученію Маркса?

Съ тѣхъ поръ какъ Марксъ установилъ въ области философіи, исторіи и политической экономіи историческую точку зрѣнія рабочаго класса, была обрѣзана нить буржуазнаго изслѣдованія въ этихъ областяхъ. Натурфилософія, въ классическомъ смыслѣ этого слова, кончила свое существованіе. Философія исторіи пришла къ своему концу. Научная политическая экономія пришла къ концу. Въ историческихъ изслѣдованіяхъ, тамъ, гдѣ не господствуетъ бессознательный или непослѣдовательный матеріализмъ, мѣсто какой-либо цѣльной теоріи занялъ переливающийся всѣми цвѣтами эклектизмъ, т. е. совершили отказъ отъ проникнутаго единствомъ объясненія историческаго процесса, отказъ отъ философіи исторіи. Политическая экономія колеблется между двумя школами, «исторической» и «субъективной», изъ которыхъ одна является протестомъ противъ другой, а обѣ являются протестомъ противъ Маркса, при чемъ одна, для того, чтобы имѣть возможность отрицать Маркса, принципиально отрицаетъ экономическую теорію, иначе говоря познаніе въ этой области, а другая

отрицаетъ единственный методъ изслѣдованія (объективный), который сдѣлалъ политическую экономію наукой.

Правда, нижняя ярмарка по общественнымъ наукамъ приноситъ по прежнему каждый мѣсяцъ цѣлыя горы произведеній буржуазнаго трудолюбія, и современные рачительные профессора поистинѣ со скоростью машины въ крупномъ капиталистическомъ производствѣ выбрасываютъ на рынокъ толстѣйшіе томы. Но это или съ тщательностью выполненныя монографіи, гдѣ изслѣдованіе, подобно страусу, зарывается головою въ песокъ мелкихъ разрозненныхъ явленій, для того чтобы не быть вынужденнымъ видѣть общую связь и чтобы работать лишь для сегодняшняго дня и его запросовъ, или же тамъ, гдѣ дѣлаютъ видъ, что даютъ мысли и «общественныя теоріи», тамъ, въ концѣ концовъ мы находимъ всегда только отраженіе мысли Маркса, запрятанное подъ обильными мишурными украшеніями во вкусѣ «модернизированнаго» товара современныхъ базаровъ. И нигдѣ не найти ни самостоятельнаго полета мысли, ни смѣлаго взгляда въ даль, ни оживляющихъ выводовъ.

И если социальный прогрессъ вновь поставилъ рядъ новыхъ научныхъ проблемъ, которыя еще ждутъ своего разрѣшенія, то опять-таки только методъ Маркса даетъ орудіе для ихъ разрѣшенія.

Такимъ образомъ, буржуазная общественная наука можетъ вездѣ противопоставить теоріи Маркса только отсутствіе всякой теоріи, и марксову познанію лишь познавательный скептицизмъ. Ученіе Маркса— дитя буржуазной науки, но рожденіе этого дитяти стоило матери жизни.

Итакъ, какъ разъ подъемъ рабочаго движенія выбилъ изъ рукъ буржуазнаго общества какъ въ области теоріи, такъ въ области практики то оружіе, которымъ оно хотѣло сражаться съ социализмомъ Маркса. И сегодня, 20 лѣтъ послѣ смерти Маркса, это общество еще болѣе безсильно передъ Марксомъ, а Марксъ теперь жизненнѣе болѣе, тѣмъ когда-либо.

Конечно, современному обществу остается одно утѣшеніе. Въ то время, какъ оно напрасно старается найти средство для уничтоженія ученія Маркса, оно не замѣчаетъ, что единственное средство скрыто въ самомъ этомъ ученіи. Насквозь проникнутое историческимъ духомъ, оно претендуетъ лишь на временную истинность. Насквозь діалектическое, оно въ себѣ самомъ носитъ зародышъ своей смерти.

Ученіе Маркса, если оставить въ сторонѣ его безсмертную часть, т. е. историческій методъ изслѣдованія, состоитъ въ общихъ чертахъ въ познаніи того историческаго пути, который отъ послѣдней «антагонистической» формы общества, покоющейся на классовыхъ противорѣчійхъ, ведетъ къ коммунистическому обществу, построенному на солидарности интересовъ всѣхъ его членовъ.

Это учение, подобно прежнимъ теоріямъ классической политической экономіи, прежде всего является духовнымъ отраженіемъ опредѣленнаго періода хозяйственнаго и политическаго развитія, а именно, эпохи перехода изъ капиталистической фазы исторіи въ социалистическую. Но оно больше, чѣмъ только отраженіе. Дѣло въ томъ, что познанный Марксомъ историческій переходъ не можетъ вовсе совершиться безъ того, чтобы познанное Марксомъ не перешло въ общественное сознание, въ сознание опредѣленнаго общественнаго класса, современнаго пролетаріата. Историческій переворотъ, формулированный теоріей Маркса, предполагаетъ, что теорія Маркса станетъ предварительно формой сознанія рабочаго класса, и какъ таковая сама станетъ элементомъ исторіи.

И такимъ образомъ учение Маркса постоянно! подтверждается по мѣрѣ того, какъ каждый новый пролетарій проникается идеей классовой борьбы. Итакъ учение Маркса является вмѣстѣ съ тѣмъ частью историческаго процесса, значитъ, оно само процессъ, и социальная революція составитъ заключительную главу Коммунистическаго Манифеста.

Тѣмъ самымъ учение Маркса будетъ рано или поздно, навѣрное, «ниспровергнуто» въ своей самой опасной для современнаго общественнаго строя части, но только вмѣстѣ съ существующимъ общественнымъ строемъ.

Роза Люксембургъ.

Марксъ и Энгельсъ.

25 лѣтъ назадъ—2 марта 1883 г.—скончался одинъ изъ великихъ творцовъ научнаго социализма, Карлъ Марксъ. «Человѣчество сдѣлалось ниже на цѣлую голову, при чемъ на самую гениальную изъ всѣхъ тѣхъ, какими оно располагало въ послѣднее время»—писалъ въ этотъ день великій соратникъ и другъ Маркса, Фридрихъ Энгельсъ, ихъ общему пріятелю Зорге.

5 августа 1895 года почилъ и Фридрихъ Энгельсъ—второй творецъ научнаго социализма и великій вождь международнаго пролетаріата...

Нашъ сборникъ, посвященный выясненію того, что сдѣлалъ Карлъ Марксъ для рабочаго движенія всѣхъ странъ, и въ томъ числѣ, конечно, и Россіи,—былъ бы не полонъ, если бы въ немъ не было удѣлено должнаго мѣста сподвижнику Маркса—Ф. Энгельсу. Эти двѣ исполинскихъ историческихъ фигуры такъ тѣсно переплели другъ съ другомъ свою научную, публицистическую, политическую, практически-организаторскую дѣятельность, что ни объ одномъ шагѣ, ни о строчкѣ одного изъ нихъ нельзя говорить, не говоря вмѣстѣ съ тѣмъ и о другомъ. Жизненный путь, пройденный этимъ ослѣпительно яркимъ созвѣздіемъ,—одинаковъ. Вторая звѣзда закатилась на двѣнадцать лѣтъ позже. Общій путь, длившійся цѣлыхъ четыре десятилѣтія, богатыхъ величайшими политическими событіями и потрясеніями, характеризуется полнымъ научнымъ и политическимъ единодушіемъ великихъ друзей. Ни на одномъ поворотѣ исторіи, ни на одномъ изъ изгибовъ международнаго рабочаго движенія, которому Марксъ и Энгельсъ посвятили всю свою жизнь, пути ихъ не разошлись. И часто трудно сказать, гдѣ кончается Марксъ и гдѣ начинается Энгельсъ, и—наоборотъ. Возьмете-ли вы «Коммунистическій Манифестъ», шестидесятилѣтіе котораго мы праздновали въ нынѣшнемъ-же году, возьмете-ли вы второй и третій томы «Капитала», обратитесь-ли вы къ практической дѣятельности этихъ учителей рабочаго класса въ Союзѣ Коммунистовъ, въ великомъ

Интернаціоналъ,—вы не сможете отдѣлить того, что сдѣлано Марксомъ и что сдѣлано Энгельсомъ. Быть можетъ, лишь будущіе историки на основаніи тщательнаго анализа ихъ сочиненій и другими способами смогутъ установить хоть съ приблизительной точностью, что именно въ общихъ литературныхъ трудахъ принадлежитъ каждому изъ нихъ.

«Марксъ былъ болѣе гениальнымъ мыслителемъ,* нежели Энгельсъ»—пишетъ К. Каутскій въ своей послѣдней работѣ *). «Марксъ былъ болѣе глубокимъ, Энгельсъ — болѣе смѣлымъ мыслителемъ. У Маркса была болѣе развита сила абстракціи, способность находить общее въ беспорядочной массѣ отдѣльныхъ явленій; у Энгельса—способность комбинировать, умѣнье по отдѣльнымъ признакамъ явленія возсоздавать его общую картину. Марксъ обладалъ болѣе сильнымъ критическимъ дарованіемъ, въ немъ сильна была самокритика, которая сдерживала смѣлость его мысли и побуждала его развивать ее осторожно, постоянно пробуя подъ собой почву. Наоборотъ, Энгельсъ, въ гордомъ восторгѣ при видѣ развертывающихся передъ его умственнымъ взоромъ могучихъ перспективъ, окрылялся вдохновеніемъ и легко преодолевалъ величайшія трудности».

Самъ Энгельсъ всегда ставилъ себя гораздо ниже Маркса. Въ предисловіи къ 2-му изданію Анти-Дюринга онъ писалъ: «она (теорія научнаго социализма) обоснована въ неизмѣримо большей степени («zum weitaus grösseren Theil») Марксомъ и лишь въ незначительной степени (zum geringsten Theil) мною». То же самое Энгельсъ повторялъ по цѣлому ряду другихъ поводовъ.

«Я—пишетъ онъ одному изъ друзей послѣ смерти Маркса— всю свою жизнь игралъ вторую скрипку и льщу себя надеждой, что въ этой роли я достигъ извѣстной виртуозности. При этомъ я всегда былъ несказанно счастливъ, что имѣю такую прекрасную первую скрипку, какъ Марксъ». «Теперь,—прибавлялъ онъ полуплутя, полусерьезно— когда мнѣ приходится играть первую скрипку и являться представителемъ нашей теоріи,—нужно быть на чеку, чтобы чего добраго не оскандалиться». Когда послѣ отмѣны закона о социалистахъ, Энгельсу, который пріѣхалъ въ Берлинъ, были оказаны нѣмецкими рабочими шумныя и трогательныя оваціи,—Энгельсъ не только на официальномъ празднествѣ, но и въ частной перепискѣ заявлялъ, что онъ только пожинаетъ плоды, посѣянные Марксомъ. То же онъ говорилъ и по поводу приѣма, оказаннаго ему въ Вѣнѣ и на международномъ социалистическомъ конгрессѣ. «Какъ жаль, что до этихъ дней не дожилъ главный творецъ научнаго социализма, незабвенный Марксъ!»—восклидалъ онъ тогда.

*) „Die historische Leistung von Karl Marx“

Таеъ-ли, однако, въ дѣйствительности мала роль Фридриха Энгельса въ дѣлѣ созданія теоріи научнаго социализма, носящей собственное имя только Маркса? Мы увидимъ ниже, что самъ Энгельсъ оцѣнивалъ свою роль слишкомъ низко. Итакъ, что же далъ Энгельсъ марксизму?

* * *

Фридрихъ Энгельсъ таеъ же, какъ и Марксъ, былъ выходцемъ изъ буржуазной среды. На путь революціонной борьбы и социалистическихъ исканій его толкнули идеологическіе мотивы. Онъ родился 28 ноября 1820 года въ Барменѣ (Рейнская провинція) въ семьѣ богатаго фабриканта. Уже подросткомъ онъ отказался отъ карьеры чиновника, въ которой его готовили родные. Окончивъ барменское реальное училище, Энгельсъ поступилъ въ эльберфельдскую гимназію. За годъ до окончанія ея онъ рѣшилъ сдѣлаться вунцомъ. Первые шаги на этомъ поприщѣ онъ сдѣлалъ въ одномъ барменскомъ, а затѣмъ въ одномъ бременскомъ торговомъ домѣ. Съ октября 1841 до октября 1842 года Энгельсъ прослужилъ вольноопредѣляющимся при берлинской гвардейской артиллеріи и получилъ тамъ первыя свѣдѣнія о военныхъ наукахъ, которыми онъ продолжалъ затѣмъ интересоваться въ теченіе всей своей дальнѣйшей жизни.

Коммерческая дѣятельность не помѣшала, однако, Энгельсу продолжать свои философскія занятія, которыя онъ началъ въ довольно раннемъ возрастѣ. «Энгельсъ, былъ подобно Марксу, прирожденнымъ диалектикомъ, укрѣпившимъ свои дарованія въ классической философіи. Онъ не обладалъ строго философскимъ образованіемъ Маркса, но своимъ свѣтлымъ и яснымъ умомъ онъ твердо схватилъ то, что было безсмертнаго въ твореніяхъ Гегеля. Съ ранняго возраста онъ стоялъ въ водоворотѣ прагматической жизни, и это преимущество съ избыткомъ уравновѣшивало пробѣлы его систематическаго образованія» *).

«Сущность христіанства» Фейербаха произвела на Энгельса огромное впечатлѣніе. Съ молодыми философами Бауэрами онъ находился въ близкихъ личныхъ отношеніяхъ. Съ Марксомъ онъ впервые познакомился въ редакціи «Rheinische Zeitung», куда Энгельсъ изрѣдка присылалъ корреспонденціи. Знакомство состоялось въ 1842 году, когда Энгельсъ проѣзжалъ черезъ Кельнъ въ Манчестеръ, и ограничилось сухой, официальной и даже весьма холодной встрѣчей. Холодность первой встрѣчи, по мнѣнію Ф. Меринга, объясняется тѣмъ, что Марксъ какъ разъ тогда выступилъ противъ берлинскихъ «сво-

*) Ф. Мерингъ „Исторія Германской социаль-демократіи“

бодныхъ», товарищемъ которыхъ въ то время слылъ Энгельсъ, и тѣмъ, что Энгельсъ, въ свою очередь, былъ возстановленъ противъ Маркса Бауэрами.

Въ главномъ промышленномъ центрѣ Англiи—въ Манчестерѣ—Энгельсъ прожилъ тогда около 2-хъ лѣтъ, до сентября 1844 года. Эти два года дали очень много его умственному кругозору. Здѣсь въ это время капитализмъ былъ развитъ сильнѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ странахъ Европы, и въ соотвѣтствiи съ этимъ здѣсь рѣзче, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, выдѣлялись классовыя противорѣчiя между капиталомъ и пролетаріатомъ, здѣсь ярче, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, начинала закипать классовая борьба. Механизмъ капиталистическаго строя и его имманентное развитіе начали интересовать молодого Энгельса еще когда онъ жилъ на своей родинѣ въ Рейнской провинціи, которая отличалась наивысшей степенью развитiя промышленности во всей Германіи. Но наблюденiя надъ англійскою промышленностью давали гораздо болѣе богатую пищу для ума. Здѣсь масштабъ былъ гораздо больше. Картина безумнаго богатства и величайшихъ накопленiй съ одной стороны и страшнѣйшей бѣдности, сопряженной съ мучительными лишенiями и страданiями съ другой стороны,—развертывалась передъ гениальнымъ наблюдателемъ во всю ширь. Сочувствiе рабочему классу скоро выливается въ актуальныя формы. Будучи прирожденнымъ борцомъ, Энгельсъ не могъ долго оставаться только сочувствующимъ наблюдателемъ, и уже очень скоро мы видимъ его участникомъ тогдашняго практическаго рабочаго движенiя Англiи—чартизма—и сотрудникомъ органа Роберта Овена—«New Moral World».

Занявшись этой работой, Энгельсъ, однако, очень скоро окончательно утвердился въ томъ мнѣнiи, что социализмъ въ духѣ Роберта Овена есть ученiе утопическое, а рабочее движенiе въ духѣ чартизма не является дѣйствительно социалистической формой рабочаго движенiя.

«Познакомившись еще въ Германіи съ Гегелевскою философiей, онъ сумѣлъ съ ея помощью углубить экономическія знанiя, которыя онъ приобрѣлъ въ Англiи, и поэтому прежде всего обратился къ изученiю экономической исторiи»,—пишетъ объ этихъ годахъ Энгельса К. Каутскій. Со всей энергiей Энгельсъ налегъ на политическую экономiю и въ частности на англійскихъ экономистовъ, изученiе которыхъ все больше и больше его поглощало. Всѣ теоретическіе выводы, къ которымъ онъ приходилъ, онъ свѣрялъ съ практикой англійскою промышленности, и, наоборотъ, всѣ богатыя наблюденiя, которыя ему удалось сдѣлать въ области практики, онъ старался объяснить себѣ теоретически. Англійская промышленность дала Эн-

гельсу рѣшительный толчокъ въ направленіи формулированія матеріалистическаго пониманія исторіи. Англійскій капитализмъ показалъ Энгельсу, что экономическіе факторы являются основными, рѣшающими силами при капиталистическомъ строѣ, что они обуславливаютъ собою классовое строеніе общества, политическую борьбу въ немъ и всю духовную его жизнь, однимъ словомъ, что они являются той «базой», надъ которой возвышается идеологическая «надстройка».

Такъ заложенъ былъ Энгельсомъ главный камень въ фундаментъ его діалектически - матеріалистическаго міросозерцанія. Въ эти-же годы сформировалось въ основныхъ своихъ чертахъ и міровоззрѣніе К. Маркса. Съ другого конца, съ изученія «идеологическихъ» наукъ— философіи, исторіи, этики, юриспруденціи,—съ изученія факторовъ, обусловившихъ ходъ и исходъ великой французской революціи,—Марксъ пришелъ къ тѣмъ-же главнымъ выводамъ: экономическій факторъ является основнымъ, рѣшающимъ, сознаніе опредѣляется бытіемъ, исторія человѣчества есть исторія борьбы классовъ. Великіе идеологи рабочаго класса встрѣтились, какъ выражается Каутскій, «въ области революціи и социализма» и подали другъ другу руки.

Въ 1844 году осенью Марксъ съ Энгельсомъ вновь встрѣтились въ Парижѣ и для нихъ выяснилось полное единомысліе по основнымъ теоретическимъ вопросамъ. Союзъ былъ заключенъ, и черезъ короткое время водружено было великое знамя научнаго социализма, которое такъ героически держитъ теперь въ рукахъ огромное большинство передовой части пролетариата всего міра.

* * *

Первой общей литературной работой основоположниковъ научнаго социализма былъ философскій памфлетъ «Die Heilige Familie», направленный противъ нѣмецкаго идеализма въ лицѣ его оставшихся сторонниковъ—Бруно Бауэра и берлинскихъ «свободныхъ». Этой первой общей работѣ предшествовали, однако, нѣкоторыя статьи Фридриха Энгельса, помѣщенныя въ «Deutsch-französische Jahrbücher» и сдѣлавшія очень много для сближенія Маркса съ Энгельсомъ, а также впервые внесшія вообще много цѣннаго въ будущую сокровищницу научнаго социализма. На нихъ-то мы и остановимъ сейчасъ вниманіе читателя.

Первое мѣсто изъ работъ Ф. Энгельса за этотъ періодъ занимаетъ статья «Umriss zu einer Kritik der Nationalökonomie» (Критическіе очерки политической экономіи). Здѣсь Энгельсъ впервые сводитъ воедино свои размышленія, являющіяся плодомъ его внимательнаго наблюденія надъ развитой формой капиталистической промышленности. Въ этой глубокой статьѣ, названной Марксомъ «геніальнымъ эски-

зомъ», мы находимъ уже тѣ главныя мысли, которыя легли въ основу задуманной тогда Энгельсомъ книги «Положеніе рабочаго класса въ Англии», а также очень многое изъ того, что затѣмъ украсило лучшія страницы Коммунистическаго Манифеста. Статья эта является первымъ крупнымъ литературнымъ выступленіемъ Энгельса, но на немъ дѣйствительно видны уже всѣ слѣды гениальности. Мерингъ, не колеблясь, заявляетъ, что эта и нѣкоторыя другія первыя работы Энгельса были значительно лучше первыхъ работъ Маркса. Въ своемъ гениальномъ эскизѣ Энгельсъ первый подошелъ вплотную къ экономическимъ основаніямъ научнаго социализма, онъ первый сдѣлалъ попытку подвести экономической фундаментъ подъ ту теорію, путь въ которой Марсъсъ нащупывалъ въ это же время, разбираясь въ огромномъ комплексѣ общественныхъ потрясеній, называемыхъ французской революціей.

Энгельсъ начинаетъ свой эскизъ съ ѣдкаго замѣчанія о томъ, что до сихъ поръ политическая экономія являлась въ сущности только наукой о способахъ обогащенія. Онъ протестуетъ противъ нѣмецкаго названія Nationalökonomie—національная экономія,—ибо наука эта, говоритъ онъ, трактуетъ не объ обогащеніи государства, націи—какъ это утверждаютъ буржуазные экономисты,—а объ обогащеніи только отдѣльныхъ слоевъ, меньшинства націи. «Вѣдь вотъ—говорить онъ въ другомъ мѣстѣ,—національное богатство англичанъ очень велико, а между тѣмъ англійскій народъ—самый бѣдный народъ во всемъ мірѣ». Нынѣшнюю экономическую науку по всей справедливости, думаетъ Энгельсъ, слѣдовало бы назвать не Nationalökonomie, а Privatökonomie, т. е. наукой частной собственности, обогащенія немногихъ.

Далѣе Энгельсъ даетъ краткій очеркъ меркантилизма и смѣны его ученіемъ о свободѣ торговли. 18-е столѣтіе, вѣкъ революціи, революционизировало также экономическую науку—говоритъ онъ. Но всѣ революціи этого вѣка были односторонни и не разрѣшили основного противорѣчія, какъ въ области философіи, права, политики, такъ и въ области экономіи. «Материализмъ, смѣнившій спиритуализмъ, не уничтожилъ кореннымъ образомъ христіанскаго униженія и презрѣнія къ личности человѣка; политика и не подумала коснуться основныхъ предпосылокъ государства вообще; экономіи и въ голову не пришло спросить себя объ оправданіи частной собственности».

Меркантилизмъ смѣнился фритредерствомъ. Было-ли это шагомъ впередъ, спрашиваетъ себя Энгельсъ. И отвѣчаетъ: да, конечно, шагомъ впередъ и шагомъ необходимымъ. Было необходимо, говоритъ онъ, чтобы меркантильная система съ ея монополіями и затрудне-

нѣмъ сношеній пала, дабы истинныя послѣдствія частной собственности выступили ясно, рѣзко и опредѣленно для всѣхъ. Необходимо было, чтобы всѣ эти мелочныя мѣстныя и національныя соображенія отступили на задній планъ, дабы борьба нашей эпохи приняла цѣлостный, общій, общечеловѣческій характеръ. Логическимъ, послѣдовательнымъ выводомъ изъ свободы торговли является уничтоженіе частной собственности. Относительно самихъ буржуазныхъ экономистовъ Энгельсъ замѣчаетъ: «чѣмъ ближе они становятся къ дѣйствительности, тѣмъ дальше они отъ честности». Но объективный исходъ одинъ: «какъ теологія должна либо вернуться къ слѣпой вѣрѣ, либо развиться до свободной философіи, такъ свобода торговли должна привести либо къ реставраціи монополій, либо къ уничтоженію частной собственности».

Меркантильная система—замѣчаетъ Энгельсъ дальше—отличалась еще извѣстнымъ прямодушіемъ, непосредственностью, католической прямою. Она не старалась скрыть противонавственной сущности торговли и говорила прямо, что основной задачей является достиженіе «благопріятнаго баланса», чего-бы это ни стоило. Другое дѣло — теорія свободы торговли. Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ на сцену выступилъ Лютеръ экономической науки, Адамъ Смитъ. Его вѣкъ сталъ эпохой гуманистическаго доска; разумъ и нравственность стали предъавлять извѣстныя права; вырванныя простой, грубой силой торговые договоры, вѣчныя торговыя войны и рѣзкая изолированность народовъ другъ отъ друга—стали бить въ глаза «просвѣщеннымъ» слоямъ. Мѣсто католической прямоты заняло протестантское лицемѣріе. «Нации» стали обходиться другъ съ другомъ мягко, «дружественно», ибо наиболѣе «дружественныя» отношенія оказались просто наиболѣе выгодными: съ покупателями, съ поставщиками въ «просвѣщенный» вѣкъ нужно обращаться вѣжливо. Лицемѣрные представители фритрѣдерства очень кичатся своей цивилизаторскою ролью. Мы-дескать уничтожили варварство монополій, мы понесли цивилизацію въ самые отдаленныя углы земнаго шара, мы осуществили братство народовъ, мы уменьшили количество войнъ и т. д. и т. д. «Да, — отвѣчаетъ имъ Энгельсъ — все это вы сдѣлали, но какъ вы это сдѣлали! Вы уничтожили маленькія монополіи, чтобы предоставить тѣмъ большую, безграничную власть одной громадной монополіи—собственности; вы цивилизовали окраины для того, чтобы получить новую площадь, гдѣ-бы еще шире могла развернуться ваша низкая жажда наживы; вы побратали народы, но на дѣлѣ это—братство воровъ; вы уменьшили число

войнъ, чтобы побольше заработать во время мира, чтобы замѣнить его войной всѣхъ противъ всѣхъ, чтобы довести до крайнихъ предѣловъ безчестную войну конкуренціи! *)

Покончивъ съ оценкой фритредерства, Энгельсъ переходитъ къ вопросу о теоріи цѣнности. Онъ останавливается на спорѣ Макъ Куллоха и Рикардо съ одной стороны и Ж. Б. Сея съ другой стороны. Первые утверждали, что абстрактная стоимость всякаго предмета опредѣляется только издержками производства. Сей утверждалъ, что стоимость опредѣляется только степенью полезности, степенью необходимости даннаго предмета въ данный моментъ. Энгельсъ настаиваетъ на необходимости прежде всего рѣзко разграничить понятіе объ абстрактной стоимости, съ одной стороны, и стоимости реальной, т. е. цѣны—съ другой стороны. Сея онъ разбиваетъ однимъ указаніемъ на то, что, согласно его положенію, оказалось-бы необходимымъ создать двѣ теоріи цѣнности: одну для предметовъ первой необходимости, обладающихъ большей полезностью, и другую для предметовъ роскоши,—что явно несообразно. Макъ Куллоху и Рикардо онъ указываетъ, что они опускаютъ очень важную предпосылку: необходимость того, чтобы данный предметъ имѣлъ общественную полезность, чтобы издержки производства, затраченныя на него, были сдѣланы производительно, безъ чего въ капиталистическомъ обществѣ вообще невозможно говорить о цѣнности.

Свой собственный взглядъ Энгельсъ формулируетъ такъ: «Der Werth ist das Verhältniss der Produktionskosten zur Brauchbarkeit» **)—Стоимость предмета есть соотношение между средствами производства и степени необходимости, полезности его. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Энгельсъ, указывая на роль конкуренціи въ обмѣнѣ, на то, что обмѣнивающіяся стороны при господствующей системѣ частной собственности, конечно, совершаютъ обмѣнъ не свободно,—очень близко подходитъ къ будущему основному положенію марксистской теоріи цѣнности: стоимость всякаго продукта опредѣляется количествомъ труда, общественно необходимымъ для производства даннаго предмета при данномъ уровнѣ техники, средней производительности и т. д. Разбирая теорію упомянутыхъ экономистовъ, разлагавшихъ издержки производства на три категоріи: земельную ренту, прибыль на капиталъ и рабочую плату,—Энгельсъ указываетъ на то, что капиталъ и самъ является накопленнымъ трудомъ. «Мы имѣемъ—говоритъ онъ—только два элемента производства—природу и человѣка»

*) Стр. 438, нѣм. изд. Nachlass. I. т.

**) Стр. 441, нѣм. изд. Nachlass. I. т.

Анализируя первый из этих элементов, Энгельс дѣлаетъ несомнѣнный шагъ по пути къ формулированію той теоріи ренты, которая заняла впослѣдствіи столь видное мѣсто въ ученіи Маркса. Онъ даетъ тутъ слѣдующее опредѣленіе: «Der Grundzins ist das Verhältniss zwischen der Ertragungsfähigkeit des Bodens, der natürlichen Seite (die wiederum aus der natürlichen Anlage und der menschlichen Bebauung, der zur Verbesserung angewandten Arbeit besteht) — und der menschlichen Seite, der Konkurrenz» *).—Земельная рента опредѣляется соотношеніемъ между факторомъ природы, степенью плодородности земли (которая въ свою очередь обуславливается природными качествами ея съ одной стороны и человѣческими усиліями—обработкой ея, потраченнымъ на удобреніе ея трудомъ—съ другой) и факторомъ человѣческимъ—конкуренціей».

Въ послѣдующемъ изложеніи Энгельсъ набрасываетъ также— правда, слабыми штрихами—процессъ циркуляціи капитала, нашедшій себѣ потомъ мѣсто у Маркса. «Мы видѣли—пишетъ онъ,—что капиталъ и трудъ являются первоначально идентичными; дальше мы видимъ, какъ капиталъ, результатъ труда, въ процессѣ производства становится вновь субстратомъ, матеріаломъ для труда, какъ временное отдѣленіе капитала отъ труда тотчасъ опять смѣняется единствомъ обоихъ» **). «Только съ уничтоженіемъ частной собственности—заключаетъ Энгельсъ—падаетъ это прѣвѣ естественное отдѣленіе, трудъ становится своимъ собственнымъ вознагражденіемъ, и еще съ большей ясностью обнаруживается истинное значеніе прежней заработной платы, еще яснѣе становится, что издержки производства опредѣляются количествомъ труда».

Въ слѣдующей главѣ Энгельсъ намѣчаетъ теорію кризисовъ. Онъ указываетъ, что кризисы обуславливаются отсутствіемъ какого-либо регулятива между спросомъ и предложеніемъ и вообще всѣмъ тѣмъ, что Марксъ впослѣдствіи назвалъ «анархіей въ производствѣ». Кризисы—пишетъ онъ—посѣщаютъ наше общество съ такою-же регулярностью, какъ кометы, приблизительно черезъ каждые 5—7 лѣтъ. Указавъ на тѣ ужасы, которые кризисы приносятъ съ собою, Энгельсъ кончаетъ слѣдующей страстной филиппикой: «Производите сознательно, какъ люди, а не какъ раздробленные атомы, и лишь тогда вы сможете разрѣшить эти искусственные противорѣчія. До тѣхъ-же поръ эпоха производство будетъ основано, какъ теперь, на господствѣ бессознательной, бессмысленной игры случайности,—до тѣхъ поръ кризисы будутъ существовать и будутъ съ каждымъ разомъ стано-

*) Стр. 444, нѣм. изд. Nachlass, т. I.

**) Ibidem, 445.

виться все сильнѣе, все универсальнѣе. Производите сознательно, т. е. организуйте его на социалистическихъ началахъ» *).

Въ связи съ кризисами Энгельсъ мелькомъ упоминаетъ также о концентраціи капитала въ рукахъ все меньшаго числа лицъ, о вытѣсненіи мелкихъ капиталистовъ, ростѣ пролетаріата, каковыя факторы должны въ концѣ концовъ повести къ социальной революціи. Здѣсь Энгельсъ опять предвосхищаетъ одно изъ въ высшей степени важныхъ положеній Коммунистическаго Манифеста и «Капитала». Объ этомъ Энгельсъ еще яснѣе говоритъ въ концѣ своей статьи; здѣсь онъ прямо заявляетъ: «крупный капиталъ и крупное землевладѣніе вытѣсняють мелкій капиталъ и мелкое землевладѣніе, происходитъ централизація владѣній... Эта централизація владѣній является однимъ изъ имманентныхъ законовъ частной собственности; средніе классы должны все больше исчезать до тѣхъ поръ, пока міръ не раздѣлится на миллионеровъ и пауперовъ, на крупныхъ землевладельцевъ и бѣдныхъ поденщиковъ» **).

Въ своей статьѣ Энгельсъ посвящаетъ нѣсколько страницъ Мальтусу. Возразивъ на мальтузіанство по существу, Энгельсъ клеймитъ его, какъ самую оголенную защиту буржуазнаго рабства, какъ самую безстыдную, низменную доктрину, оскорбляющую элементарное чело-вѣческое достоинство.

Противорѣчіе капиталистическаго строя — пишетъ Энгельсъ въ концѣ своей работы — мы разрѣшимъ просто тѣмъ, что мы уничтожимъ его, т. е. тѣмъ, что мы замѣнимъ его новымъ социалистическимъ строемъ. Главная роль въ этомъ переворотѣ отводилась рабочему классу, и въ этомъ было одно изъ самыхъ крупныхъ отличій Энгельса отъ англійскихъ и французскихъ социалистовъ того времени.

Мы остановились подробно на первой работѣ Энгельса ввиду того огромнаго значенія, которая она имѣетъ для опредѣленія роли его, какъ создателя, какъ творца теоріи научнаго социализма наряду съ Марксомъ. Мы видимъ въ этой его работѣ первую попытку болѣе или менѣе систематическаго изложенія экономическихъ основъ марксизма. Болѣе или менѣе опредѣленно Энгельсъ набрасываетъ первые штрихи теоріи концентраціи капитала, пролетаризаціи населенія, трудовой цѣнности, земельной ренты, теоріи кризисовъ, циркуляціи капитала и т. д. Значеніе этого эскиза Энгельса — огромно. Недаромъ Марксъ призналъ всю важность его уже при полученіи рукописи работы. Всякій, кто познакомился съ нимъ, разъ навсегда распространитъ съ тѣмъ мнѣніемъ, будто Энгельсъ былъ только или преимущественно

*) Ibidem, 450.

**) Ibidem, 458.

только популяризаторомъ идей Маркса. Правда, Энгельсъ со свойственной ему скромностью всегда утверждалъ, что Марксъ и самъ бы открылъ все то, что сказано было имъ Энгельсомъ въ его первой работѣ. Но это, конечно, нисколько не умаляетъ великой исторической заслуги Энгельса. Если, благодаря марксизму, политическая экономія изъ *Bereicherungswissenschaft*, изъ ученія о способахъ обогащенія немногихъ, превратилась въ истинную науку, то въ этомъ очень большая доля заслугъ принадлежитъ и Фридриху Энгельсу.

Вторая статья Энгельса въ «*Deutsch-französische Jahrbücher*» называется «*Die Lage Englands*» и посвящена памфлету Карлейля «*Past and Present*» Эта статья Энгельса, также какъ его первая работа, основана главнымъ образомъ на тѣхъ урокахъ, которые преподала ему англійская дѣйствительность того времени. Во введеніи Энгельсъ страстно клеймитъ «образованный міръ» Англии, который считаетъ почетнымъ гражданиномъ только того, кто является обладателемъ таковаго-то количества тысячъ фунтовъ стерлинговъ. О духовныхъ интересахъ—замѣчаетъ Энгельсъ—и говорить нечего: откуда имъ быть у людей, ведущихъ такой образъ жизни, гдѣ имъ найти тамъ себѣ мѣсто? Парламентская жизнь Англии, «свободная» пресса, выборы, бурныя народныя собранія—все это сильно импонируетъ континенту. Уваженія, однако, заслуживаетъ только одна неизвѣстная континенту часть англійской націи—рабочіе, эти паріи Англии. Только они, несмотря на вносимую въ ихъ ряды деморализацію, могутъ спасти Англию, только имъ принадлежитъ будущее.

Далѣе Энгельсъ приводитъ пространныя цитаты изъ бурнаго памфлета Карлейля. Съ сочувствіемъ выписываются всѣ тѣ мѣста, гдѣ ярко и горячо говорится о страшной бѣдности народныхъ массъ. Въ богатѣйшей странѣ съ колоссальнѣйшимъ производствомъ люди мрутъ съ голоду, голодные родители собственными руками умерщвляютъ своихъ дѣтей только для того, чтобы получить вспомошествованіе на похороны отъ благотворительнаго общества и изъ этихъ денегъ сберечь кое-что для удовлетворенія самыхъ элементарныхъ нуждъ. Въ странѣ самой развитой промышленности рабочіе, производшіе всѣ богатства, не могутъ рассчитывать на самую ничтожную помощь со стороны власти имущихъ. На ихъ положеніе обращаютъ вниманіе только послѣ того, какъ страшныя голодовки приносятъ въ рабочую среду чуму, которая начинаетъ заражать города. Высшіе классы—деморализованы, они не въ силахъ двигать прогресса впередъ, надъ ними властвуетъ евангеліе Маммона и т. д. и т. д.

Затѣмъ слѣдуютъ выписки, содержащія философію Карлейля, его взгляды на религію и тѣ пути, которыя могутъ спасти человѣчество.

Энгельсъ резюмируетъ содержаніе работы Карлейля въ слѣдую-

шихъ выраженіяхъ: «Итакъ—гнилая землевладѣльческая аристократія, которая еще не научилась смирно сидѣть и по крайней мѣрѣ не причинять зла; «работающая аристократія», погрязшая въ маммонизмѣ и ставшая вмѣсто руководителей труда бандой промышленныхъ пиратовъ; парламентъ, избранный на основѣ всеобщаго подкупа; философія, основанная на простомъ созерцаніи, ничегонедѣланіи, *laissez faire*; религія крохоборчества, полное отсутствіе общечеловѣческихъ интересовъ, полное отчаяніе въ истинѣ и человѣчности. И, вслѣдствіе всего этого,—поная разобщенность людей другъ отъ друга, всеобщій хаосъ въ жизненныхъ отношеніяхъ, война всѣхъ противъ всѣхъ, всеобщая духовная смерть, отсутствіе «души», т. е. истинно-человѣческаго сознанія. Многочисленный рабочій классъ Англій находится подъ гнетомъ нестерпимой нужды, обуянъ дикимъ недовольствомъ и духомъ возмущенія противъ стараго соціального строя, и, вслѣдствіе этого,—неудержимо наступающая грозная демократія. Всюду—хаосъ, беспорядокъ, анархія, всюду духовная пустота, бессмыслица и тупость» *).

Отдавая должную дань Карлейлю, который единственный во всемъ «образованномъ» лагерѣ Англій коснулся язвъ ея и затронулъ струны человѣческой души,—Энгельсъ дѣлаетъ ему рядъ возраженій. Обрушиваясь на пантеизмъ Карлейля, Энгельсъ пишетъ: мы тоже хотимъ бороться противъ неустойчивости, противъ внутренней пустоты, духовной смерти и т. д., со всѣмъ этимъ зломъ мы ведемъ борьбу не на животь, а на смерть. «Тотъ атеизмъ, который изображенъ Карлейлемъ, мы хотимъ уничтожить, возвративши человѣку то, что онъ потерялъ благодаря религіи». Мы хотимъ вернуть ему истинно-человѣческое содержаніе, мы хотимъ пробудить его сознаніе. «Мы хотимъ убрать съ дороги все, что провозглашается сверхъестественнымъ, сверхчеловѣческимъ, ибо претензія возвести естественное и человѣческое въ сверхъестественное и сверхчеловѣческое является источникомъ всякой лжи и неправды. Именно поэтому мы разъ навсегда объявили безпощадную войну религіи и религіознымъ представленіямъ, при чемъ мы очень мало беспокоимся, назовутъ ли насъ атеистами или еще какъ-нибудь» **). Далѣе Энгельсъ дѣлаетъ попытку къ разоблаченію истиннаго смысла воздыханія Карлейля по «истинной аристократіи», по пресловутымъ «героямъ» и, останавливаясь на недовольствѣ Карлейля духомъ «маммонизма», спрашиваетъ его: почему-же вы останавливаетесь на полдорогѣ, почему вы не дѣлаете единственно послѣдовательнаго вывода изъ вашихъ же предпосы-

*) Стр. 476 вѣм. изд. Nachlass, 1 т.

**) Ibidem, 485.

локъ, почему вы не высказываетесь противъ частной собственности вообще, ибо, вѣдь, только уничтоженіе ея подточить въ корнѣ существованіе «маммонизма» Но Карлейль—указываетъ онъ—не только не высказывается за социализмъ, но говоря очень много объ Англіи, даже ни словомъ не заикается объ англійскихъ социалистахъ, точно ихъ не существуетъ. А между тѣмъ—заключаетъ Энгельсъ—только этой партіи, несмотря на ея слабость, несмотря на ея теоретическую шаткость въ Англіи принадлежить будущее.

Энгельсъ имѣлъ въ виду посвятить положенію Англіи, «значительно опередившей въ социальномъ отношеніи всѣ другія страны» еще нѣсколько статей въ «Deutsch-franz. Jahrbücher», но это изданіе скоро прекратилось, и собранный матеріалъ въ значительной мѣрѣ вошелъ въ «Die Lage der arbeitenden Klasse in England».

Первой коллективной работой Маркса и Энгельса, какъ мы уже упоминали, была «Die Heilige Familie». Въ этомъ оригинальномъ памфлетѣ, направленномъ «противъ Бруно Бауэра и К^о», перу Энгельса принадлежить изъ двадцати слишкомъ печатныхъ листовъ всего только около полтора листа. Имъ написаны только первыя три небольшихъ главы пѣликомъ, два абзаца четвертой главы, одинъ абзацъ шестой главы и одинъ абзацъ седьмой главы. Все остальное принадлежитъ перу Маркса *), который, между прочимъ, старался, чтобы работа разрослась до размѣра 20 листовъ еще и изъ цензурныхъ соображеній. Энгельсъ считалъ свое участіе въ «Святомъ Семействѣ» настолько малымъ, что дважды въ письмахъ къ Марксу выражалъ свое удивленіе по поводу того, что послѣдній поставилъ на книгѣ также и его имя, да еще первымъ. Не такъ, очевидно, оцѣнивалъ Марксъ участіе Энгельса въ названной работѣ.

Работа эта явилась результатомъ свиданія Маркса съ Энгельсомъ въ Парижѣ въ 1844 году, когда для друзей выяснилась ихъ полная идейная солидарность и когда началось ихъ сотрудничество, окончившееся только со смертью великихъ основателей научнаго социализма. Книга вышла въ 1845 году во Франкфуртѣ. Содержаніе ея преимущественно философско-историческое, экономическая область въ

*) I глава, написанная Энгельсомъ, озаглавлена: „Die kritische Kritik in Buchbindermeistergestalt, oder die kritische Kritik, als Herr Reichardt“, вторая глава: „Die kritische Kritik, als Mühleigner, oder die kritische Kritik, als Herr Jules Faucher“, третья глава: „Die Gründlichkeit der kritischen Kritik, oder die kritische Kritik, als Herr Jungnitz“ Два абзаца 4 главы называются: „Rosa Tristan, oder die union ouvrière“ и „Beraud über die Freudenmädchen“. Абзацъ шестой главы носятъ названіе: „Die Kritik und Feuerbach, Verdammung der Philosophie“, а абзацъ седьмой главы: „Die Weichherzige und erlösungsbedürftige Masse“

ней затрачивается только мимоходомъ и слегка. Въ ней впервые начинается находить себя выраженіе точка зрѣнія діалектическаго матеріализма. Въ первыхъ 3-хъ главахъ, написанныхъ Энгельсомъ, онъ даетъ въ полемической формѣ ѣдкую критику презрительнаго отношенія «Всеобщ. Литерат. Газеты» *) къ массѣ и массовымъ дѣйствіямъ и возвеличенія «духа» Попутно Энгельсъ останавливается на проявленіяхъ классовой борьбы между землевладѣніемъ, трудомъ и капиталомъ, дошедшихъ тогда въ Англіи уже до очень большихъ размѣровъ. Въ работѣ замѣтно особенно сильное вліяніе, какъ на Маркса, такъ и на Энгельса, идей Фейербаха и Фурье. Но «черезъ гуманизмъ Фейербаха они пошли дальше къ социализму, черезъ абстрактнаго человѣка—къ историческому» **). Фурье Энгельсъ отдѣляетъ отъ «фурьеризма». «Der verwässerte Fourierismus, wie ihn die Democratie pacifique predigt, ist nichts als die soziale Lehre eines Theils der philanthropischen Bourgeoisie...» ***)—пишетъ онъ.—«Разбавленный водою фурьеризмъ, проповѣдуемый мирной демократіей, есть не что иное, какъ социальное ученіе части филантропической буржуазіи» Выспреннимъ разглагольствованіямъ «свободныхъ» о высотѣ идеалистическаго «духа» Энгельсъ противопоставляетъ дѣйствительное духовное богатство англійскихъ и французскихъ рабочихъ, проявившееся уже на дѣлѣ.

Отъ всей книги, какъ замѣчаетъ Каутскій, вѣетъ истиннымъ пролетарскимъ духомъ и, несмотря на то, что она написана была языкомъ, недоступнымъ широкой публикѣ и вообще содержала, по мнѣнію самого Энгельса ****), кое-что лишнее,—она все-же сыграла большую роль, давши обстоятельную критику идеализма и намѣтивши основныя линіи новой философіи.

Общая работа Маркса съ Энгельсомъ—«Die Heilige Familie»—послужила какъ-бы вступленіемъ къ будущимъ самостоятельнымъ работамъ обоихъ друзей, къ которымъ они оба приступили съ цѣлю изложенія своихъ положительныхъ воззрѣній и своихъ отношеній къ новымъ политическимъ и социальнымъ доктринамъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить изъ мелкихъ литературныхъ работъ Энгельса за эти первые годы его литературной дѣятельности статьи: «Das Fest der Nationen»,

*) Органа „свободныхъ“

**) Ф. Мерингъ.

***) Стр. 262 нѣм. изд., Nachlass, т. II.

****) Въ письмѣ къ Марксу послѣ выхода «Die Heilige Familie» Энгельсъ писалъ: „Твои мысли объ еврейскомъ вопросѣ, объ исторіи матеріализма и мистерій и многое другое — великолѣпно. Но при всемъ томъ вещь—слишкомъ велика. Суверенное презрѣніе, съ которымъ мы оба трактуемъ «Всеобщ. Литер. Газету», стоитъ въ вопіющемъ противорѣчій съ цѣлыми 22-ю печатными листами, посвящаемыми ей“.

«Ein Fragment Fouriers über den Handel», «Schutzoll oder Freihandelssystem», «der Schweizer Bürgerkrieg» и др., напечатанныя въ «Deutsches Bürgerbuch» и другихъ тогдашнихъ изданіяхъ.

* * *

Послѣ выхода «Die Heilige Familie» Марксъ углубился въ столь необходимыя ему тогда экономическія науки. Энгельсъ-же занялся осуществленіемъ задуманной имъ еще въ Манчестерѣ работы—«Положеніе рабочаго класса въ Англіи», вышедшей въ свѣтъ въ 1845 году. Книга эта получила огромное значеніе, явившись первой обширной работой съ систематическимъ экономическимъ обоснованіемъ научнаго социализма. Въ сущности она только обширнѣе развивала основныя мысли, высказанныя въ гениальномъ эскизѣ о политической экономіи. Но между нею и послѣднимъ лежала «Die Heilige Familie», и это не могло, конечно, не отразиться на новой работѣ. Въ ней авторъ стоялъ уже на болѣе прочномъ философскомъ фундаментѣ, и потому его отношеніе, напр., къ утопическому социализму было уже иное. Огромная часть книги посвящена простому описанію фактическаго положенія англійскаго пролетаріата, условій труда мужчинъ, женщинъ и дѣтей, матеріальныхъ условій жизни, духовной жизни, жизни безработныхъ. Многое тутъ было взято Энгельсомъ изъ официальныхъ статистическихъ источниковъ, а кое-что было заимствовано и у буржуазныхъ англійскихъ писателей, занимавшихся вопросомъ о положеніи труда *). Но описаніе было настолько талантливымъ, яркимъ и захватывающимъ, что благодаря ему книга нашла значительный кругъ читателей даже среди буржуазной публики Германіи, а впоследствии и Франціи. А кромѣ того это описаніе было не простымъ нагроможденіемъ фактовъ, оно ставило себѣ цѣлью не просто разжалобить читателя по поводу ужасной участи рабочихъ. Оно давало яркую картину всего капиталистическаго строя, оно намѣчало неизбежныя и закономѣрныя послѣдствія развитія капитализма, оно объясняло механику его.

Но кромѣ этой описательной части книга содержитъ также самую важную—чисто-теоретическую часть. [Суть книги—говоритъ Мерингъ—заключалась въ попыткѣ показать, какимъ образомъ крупная промышленность создастъ современный рабочій классъ, и какъ послѣдній развивается и долженъ развиваться для ниспроверженія своего творца,

*) Буржуазные экономисты, въ особенности нѣмецкіе, потомъ утверждали, что эта часть книги *вся* позаимствована; это-же утверждаютъ и III. Андлеръ, полагающій, что Энгельсъ просто списалъ ее у Бюре. (Андлеръ, Комментар. къ Ком. Маниф., стр. 56).

въ силу исторической діалектики. Въ теоретической части своей книги Энгельсъ съ большей или меньшей подробностью останавливается на законѣ заработной платы, повторяетъ пространнѣе сказанное имъ въ «Umrissе zur Kritik» о ростѣ пролетаріата и о теоріи кризисовъ *). Далѣе онъ устанавливаетъ значеніе въ капиталистическомъ строѣ резервной арміи безработныхъ и иллюстрируетъ роль примѣромъ Англій. Удѣлено также мѣсто вопросу о возникновеніи и роли раздѣленія труда въ капиталистическомъ обществѣ и опредѣленно — даже ярче, чѣмъ въ «Umrissе» — намѣчена теорія концентраціи капитала, или, какъ выражался въ «Die Lage» Энгельсъ, — «централизаціи владѣній»; къ утопическому социализму — отношеніе весьма критическое, чартизмъ оцѣнивается совершенно трезво, какъ рабочее движеніе съ очень слабымъ социалистическимъ оттѣнкомъ; но тутъ-же заявляется, что чартизму, какъ движенію дѣйствительно рабочему и массовому, должно быть отдано предпочтеніе передъ книжнымъ, отвлеченнымъ социализмомъ, ничего не желающимъ знать о реальной рабочей борьбѣ, какъ это можно сказать, напр., объ овенизмѣ. Попутно, говоря объ англійскихъ тредъ-юніонахъ, Энгельсъ гениально намѣчаетъ уже тогда границы возможнаго для профессиональнаго движенія. Тредъ-юніоны — нищеть онъ — могущественны противъ отдѣльных, менѣе значительныхъ золь капиталистическаго способа производства, но при всѣхъ своихъ усиліяхъ они одни не могутъ измѣнить экономическаго закона, по которому заработная плата опредѣляется отношеніемъ спроса къ предложенію на рынкѣ труда. Въ заключеніе Энгельсъ указываетъ на неизбѣжность скорой социальной революціи и для ускоренія ея настаиваетъ на необходимости скорѣйшаго сдѣянія рабочаго движенія съ социализмомъ **). Иногда въ книгѣ звучали еще невѣрные ноты: такъ, напримѣръ, когда Энгельсъ говорилъ, что социализмъ можетъ

*) Въ предисловіи ко 2-му нѣмецк. изданію, вышедшему въ свѣтъ въ 1892 году, Энгельсъ вноситъ поправку къ своимъ прежнимъ взглядамъ на кризисы. «Въ текстѣ — говоритъ онъ — я опредѣляю періодическое чередованіе промышленныхъ кризисовъ пятью годами. Эта цифра вытекала изъ хода событій за 1825 — 1842 гг. Но исторія промышленности за періодъ отъ 1842 до 1868 г. показала, что въ дѣйствительности цифра эта опредѣляется 10-ю годами, что промежуточные кризисы имѣли второстепенное значеніе и со времени 1842 г. все больше исчезали. (XIV стр. нѣм. изд.).»

***) Въ своемъ предсказаніи скорой социальной революціи Энгельсъ, какъ извѣстно, ошибся. Онъ такъ же, какъ и Марксъ, въ этомъ отношеніи переоцѣнивалъ событія въ теченіе нѣкотораго времени. Несбывшееся предсказаніе дало поводъ буржуазнымъ крикунамъ подтрунивать надъ Энгельсомъ. Но онъ коротко отвѣтилъ на это словами: „удивительно не то, что одно изъ моихъ предсказаній не сбылось, а то, что столь многія изъ нихъ — сбылись!“

явиться общимъ дѣломъ «всего человѣчества», включая сюда и капиталистовъ. Эта была послѣдняя дань старому *). Но въ общемъ книга являлась большимъ шагомъ впередъ по пути къ научному социализму. Каутскій говоритъ о ней: «это была первая книга научнаго социализма не только по своей основной точкѣ зрѣнія на рабочее движеніе и утопизмъ, но и по своему методу изложенія». Марксъ писалъ о «Полож. рабоч. кл.» слѣдующее: «Насколько глубоко Энгельсъ понялъ самый духъ капиталистическаго производства, показываютъ официальные Factory Reports, Reports on Mines etc., которыя появились въ свѣтъ послѣ 1845 г. А насколько изумительно вѣрно онъ обрисовалъ фактическое положеніе вещей во всѣхъ деталяхъ, показываетъ хотя-бы поверхностное сравненіе его книги съ опубликованными 18 — 20 лѣтъ спустя официальными данными, Children Employments Commission **). Ш. Андлеръ находитъ, что «Полож. раб. кл.» является первой книгой въ духѣ научнаго социализма и что она сейчасъ меньше устарѣла, чѣмъ даже «Нишета философіи», написанная Марксомъ приблизительно въ то-же время ***). Мы видимъ такимъ образомъ, что, если Марксъ своими работами этой эпохи сдѣлалъ очень многое для философскаго обоснованія научнаго социализма, то Энгельсъ сдѣлалъ не меньше того для экономическаго обоснованія и сдѣлалъ это — первымъ. Роль Энгельса въ эту пору была не ролью талантливаго популяризатора идей Маркса, а ролью гениальнаго творца новаго ученія. И Энгельсъ имѣлъ полное право воскликнуть въ предисловіи ко 2-му нѣм. изданію «Die Lage»: «Мнѣ было во время написанія этой моей книги 24 года; теперь я втрое старше, но просматривая эту мою работу юности, я прихожу въ заключенію, что мнѣ можно и не стыдиться ея». Да, Энгельсу, дѣйствительно, можно было не стыдиться своей книги!

Послѣ высылки Маркса изъ Парижа друзья вновь встрѣтились въ Брюсселѣ. Съ этой встрѣчи между ними установились еще болѣе интимныя отношенія. Друзья продолжали совмѣстнымъ трудомъ разработку своей системы. За періодъ 1845—1847 г.г. была обдуманна, разработана и написана работа, посвященная критикѣ Фейербаха и всей философско-политической школы радикальнаго или коммунистическаго оттѣнка, вышедшей изъ фейербаховской системы. Доктрины эти стали распространяться въ «Союзѣ Справедливыхъ» и «необходимо было—какъ писалъ Марксъ въ «Herr Vogt»—показать, что вопросъ

*) Въ предислов. ко 2-му нѣмецк. изд. Энгельсъ оговаривается, что, хотя теоретически положеніе это—вѣрно, но практически оно могло принести большой вредъ.

**) Капиталь, нѣм. изд. 1, 224.

***) Андлеръ, Ком. къ Ком. Ман., 57.

шель не объ осуществленіи той или иной утопической системы, а о сознательномъ участіи въ совершающейся на нашихъ глазахъ исторической эволюціи общества». Эта общая философская работа Маркса и Энгельса напечатана не была и была предоставлена—по выраженію Маркса—грызущей критикѣ мышей *).

Слѣдующей общей работой Маркса и Энгельса былъ знаменитый «Коммунистическій Манифестъ», ставшій евангеліемъ международнаго пролетаріата. Послѣ десятидневныхъ дебатовъ на сѣздѣ «союза коммунистовъ» въ декабрѣ 1847 года манифестъ былъ принятъ окончательно.

На самомъ содержаніи Коммунистическаго Манифеста мы можемъ здѣсь не останавливаться. Мы могли-бы здѣсь интересоваться только вопросомъ о томъ, что внесъ въ Коммунистическій Манифестъ Энгельсъ, что въ немъ принадлежитъ ему и что Марксу. Сколько-нибудь определенныхъ данныхъ на этотъ счетъ у насъ, однако, нѣтъ. Коммунистическій Манифестъ весь вылить изъ одного куска, и въ немъ не отдѣлишь Маркса отъ Энгельса. Одно можно сказать съ полной увѣренностью: работы Энгельса, появившіяся до Коммунист. Манифеста, его практическая политическая дѣятельность, шедшая рука объ руку съ дѣятельностью Маркса, ручаются за то, что и Энгельсъ сдѣлалъ немалый вкладъ въ Коммунистическій Манифестъ, эту золотую книгу международнаго социализма.

На мѣсто стараго девиза утопическаго социализма: «Всѣ люди—братья» выдвинутъ былъ боевой кличъ пролетарскаго социализма: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!» И если говорить о личныхъ заслугахъ въ этомъ историческомъ дѣлѣ, то рядомъ съ Марксомъ эта заслуга въ той-же степени принадлежитъ, конечно, и Фридриху Энгельсу.

* * *

Между тѣмъ надвигался 1848 годъ. Почувявъ первое дыханіе революціи, Марксъ съ Энгельсомъ отправились въ Германію и взяли въ свои руки «Новую Рейнскую Газету». Исторія Энгельса за 1848—1849 г.г. есть исторія названной газеты, а исторія послѣдней есть исторія 1848 года—говоритъ Каутскій. Въ эту пору Энгельсъ также, какъ и Марксъ, ярче чѣмъ когда-бы то ни было показалъ, что онъ не только теоретикъ социализма, что онъ умѣетъ соединять теорію съ практической борьбой. Въ маѣ 1849 года «Нов. Рейнсв. Газ.»

*) Андлеръ почему-то сомнѣвается, дѣйствительно-ли погибла эта работа, и думаетъ, что когда-нибудь она еще увидитъ свѣтъ.

была закрыта. Въ маѣ-же начались попытки къ возстанію въ горно-промышленномъ районѣ Эльберфельда, Дюссельдорфа, Золингена и др. Энгельсъ поспѣшилъ на мѣсто дѣйствія, но пріѣхалъ уже тогда, когда реакція восторжествовала, и былъ немедленно выпровожденъ перетрусившими бюргерами изъ эльберфельдскаго комитета общественной безопасности, которые увѣряли, что присутствіе Энгельса сильно беспокоитъ буржуазію: она-де боится, какъ бы онъ не провозгласилъ красной республики. Скоро вспыхнуло возстаніе въ Баденѣ и Пфальцѣ, шедшее подъ флагомъ «имперской конституціи». Энгельсъ поспѣшилъ туда, въ качествѣ «революціоннаго солдата отъ Новой Рейнской Газеты» и поступилъ адъютантомъ въ добровольскій отрядъ Виллиха. Здѣсь онъ пробылъ до самаго конца возстанія и однимъ изъ послѣднихъ перешелъ границу Швейцаріи, когда возстаніе оказалось разбитымъ. Отсюда Энгельсъ отправился въ Лондонъ. Въ 1850 году онъ съ Марксомъ стали издавать ежемѣсячникъ, названный по имени скончавшейся газеты—«Новой Рейнской Газетой». Здѣсь Марксъ напечаталъ свою «Классовую борьбу въ Франціи», «18-ое Брюмера». Энгельсъ же помѣстилъ рядъ статей о Баденско-пфальцскомъ возстаніи, статью о «10 час. биллѣ въ Англии» и кое-что другое. Изъ написаннаго Энгельсомъ здѣсь несомнѣнно заслуживаютъ вниманія статьи о Баденско-пфальцскомъ возстаніи.

Эти статьи, безспорно, далеко уступаютъ блестящимъ «шедеврамъ матеріалистической историографіи» *), выпедшимъ изъ подъ пера Маркса. Онѣ уступаютъ этимъ послѣднимъ въ двухъ отношеніяхъ—въ отношеніи широты захвата и блеска изложенія. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ произведеніемъ скучнымъ и вялымъ, блѣдно написаннымъ, анемичнымъ, или что авторъ не сумѣлъ возвыситься до общихъ точекъ зрѣнія. Нѣтъ, многія части воспоминаній Энгельса написаны чрезвычайно живо, съ чрезвычайной наглядностью передаютъ настроеніе, царившее среди повстанцевъ, рисуютъ характерными штрихами особенности отдѣльныхъ лицъ, въ ихъ связи съ соціальной средой. Это особенно ясно проглядываетъ во главѣ «Умереть за республику». Энгельсъ превосходно изобразилъ и тотъ соціально-экономическій базисъ, на которомъ строились общественныя отношенія и возникли массовыя движенія. Въ чемъ работы Энгельса нисколько не ниже шедевровъ Маркса,—это въ изображеніи классовой подкладки событій, отдѣльныхъ перипетій борьбы и ея исхода. Энгельсу, какъ и Марксу, принадлежитъ здѣсь безпорная заслуга развѣнчанія буржуазіи, какъ главнаго и даже просто важ-

*) Слова Меринга.

наго средства революціонной борьбы въ наше время. Указывая на мелкобуржуазную основу борьбы за имперскую конституцію, Энгельсъ чрезвычайно тонко и вѣрно замѣчаетъ, что сама мелкая буржуазія не пошла бы на рѣшительную борьбу, не преступила бы предѣловъ законности, если бы за ней не стояли и ся на это не вызывали пролетаріатъ и извѣстная часть крестьянства. Разсказавъ объ этомъ вынужденномъ выступленіи мелкой буржуазіи, Энгельсъ изображаетъ ея страхъ передъ массовымъ, особенно пролетарскимъ натискомъ, колебаніе, нерѣшительность, наконецъ движеніе всякъ, возвращеніе въ лоно стараго режима, въ объятія дворянства и бюрократіи. И, подобно Марксу, Энгельсъ клеймитъ образъ дѣйствій буржуазіи словомъ «предательство». И, наконецъ, какъ послѣдовательный экономическій материалистъ, Энгельсъ усматриваетъ и положительные результаты неудавшагося движенія, главнымъ изъ которыхъ является обостреніе классовыхъ противорѣчій.

Когда выяснилось, что революція кончилась и что наступило продолжительное затишье, Марксъ съ Энгельсомъ опять занялись чисто теоретической работой. Марксъ засѣлъ въ Британскій музей и принялся за «Капиталь», Энгельсъ-же отправился опять въ Манчестеръ, гдѣ вновь занялся, между прочимъ, коммерціей. По внѣшнимъ результатамъ нельзя назвать эту полосу въ жизни Энгельса, длившуюся 15—20 лѣтъ, особенно продуктивной. Онъ особенно интересовался въ это время военными науками и выпустилъ въ теченіе этихъ лѣтъ три военныхъ брошюры: «Po und Rhein», «Savoyen, Nizza und der Rhein» и «Die preussische Militärfrage und die deutsche Arbeiterpartei». Кромѣ того онъ много писалъ по военнымъ вопросамъ въ лондонскую «Pall Mall Gazette».

Съ Марксомъ Энгельсъ въ теченіе всего этого времени поддерживалъ самую интенсивную переписку по интересовавшимъ ихъ вопросамъ теоріи и практики, и вообще продолжалъ жить съ Марксомъ въ самомъ близкомъ духовномъ единеніи. вмѣстѣ съ тѣмъ Энгельсъ продолжалъ съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдить за развитіемъ рабочаго движенія во всѣхъ странахъ, и въ частности, въ Германіи.

Когда въ серединѣ 60-хъ годовъ стало замѣчаться оживленіе и въ 1864 г. началъ организоваться Интернаціональ, Энгельсъ вскорѣ взялся опять за практическую работу. Роль его въ международной ассоціаціи рабочихъ была огромна. Цѣликомъ онъ посвятилъ себя Интернаціоналу лишь въ 1870 г., но помогалъ ему и раньше, и уже очень скоро онъ сталъ, вслѣдъ за Марксомъ, самымъ виднымъ вдохновителемъ и практическимъ руководителемъ его. Энгельсъ вложилъ свою душу въ эту работу, исполняя огромную массу техническаго дѣла, велъ переписку съ нѣсколькими странами и т. д. Не-

давно опубликованная переписка Энгельса съ Зорге показываетъ намъ, насколько Энгельсъ болѣлъ всѣми горестями Интернаціонала и радовался всѣми его радостями. Энгельсъ принялъ дѣятельное участие въ борьбѣ двухъ направлений въ Интернаціоналѣ — Марковского и Бакунина — и написалъ при этомъ получившую большое значеніе брошюру «Бакунисты за работой» *). Когда Интернаціоналъ распался, Энгельсъ однимъ изъ первыхъ предсказалъ его возобновленіе въ новой формѣ. Онъ видѣлъ уже тогда, что распаденіе Интернаціонала вызвано, — помимо жестокихъ преслѣдованій со стороны объединенныхъ правительствъ и дезорганизовавшихъ товарищество внутреннихъ разногласій, — главнымъ образомъ усиленіемъ рабочаго движенія въ отдѣльныхъ странахъ, усложненіемъ его и своеобразіемъ его формъ въ разныхъ государствахъ.

Въ 1878 году Энгельсъ вновь выступилъ съ крупной работой. Мы говоримъ объ «Анти-Дюрингѣ» Каутскій такъ описываетъ событія, предшествовавшія появленію въ свѣтъ этой работы: «...Это было за годъ до изданія закона о социалистахъ. Часть нѣмецкой соц.-дем. лелѣля самая смѣлая иллюзіи. Самое трудное казалось уже пережитымъ, и передъ глазами многихъ уже сіялъ тотъ день когда с.-д. получить большинство въ парламентѣ и мирнымъ образомъ постановить ввести социалистическій строй... Соціаль-демократія была восходящимъ солнцемъ, и къ ней льнуло все и вся... Въ с. д. партію хлынула масса буржуазной интеллигенціи — профессоровъ и докторовъ, которые, однако, и не думали окончательно рвать съ буржуазіей, а мечтали о насажденіи салоннаго социализма... Среди извѣстныхъ круговъ партій эти салонные социалисты стали пріобрѣтать вліяніе; въ особенности — одинъ изъ даровитѣйшихъ среди нихъ, берлинскій приватъ-доцентъ Евгений Дюрингъ... Необходимо было выступить противъ этихъ господъ и т. д.».

И Энгельсъ оказался на стражѣ. Онъ выступилъ съ рѣзкой и рѣшительной критикой этихъ «социалистовъ», несмотря на то, что многіе видные представители германской с.-д., сочувствовавшіе Дюрингу, обрушились на Энгельса за «нетоварищескую» полемику и пр. **).

*) Въ 1894 г. вышла по нѣмецки вмѣстѣ съ остальными статьями изъ Volksstaat'a: „Abermals Herr Vogt“ „Zwei Flüchtlingskungebungen“ и „Soziales aus Russland“ На послѣдней статьѣ мы еще остановимся ниже.

**) Такъ напр. Мостъ внесъ на сѣздѣ 1877 г. предложеніе объ устраненіи статей Энгельса изъ Vorwärts'a, такъ какъ онѣ де не представляютъ интереса для большинства читателей. Вальтейхъ заявилъ, что эти статьи принесли огромный вредъ партіи, что Дюрингъ тоже оказалъ услуги с. д.—и, что „профессорскіе споры“ никому не нужны и т. д.

Книга «Herrn Dührings Umwälzung der Wissenschaft» распадается на три части, трактующія философію, политическую экономію и социализм *). Тутъ Энгельсъ выступаетъ уже обогащенный первымъ томомъ Капитала и развиваетъ ученіе марксизма со всей полнотой, стройностью и строгой послѣдовательностью. Эта работа можетъ съ извѣстнымъ правомъ считаться коллективнымъ трудомъ Маркса и Энгельса. Рукопись Энгельса до изданія была въ рукахъ Маркса, который преподавалъ свои указанія и совѣты. А кромѣ того одна изъ главъ 2-го отдѣла, именно десятая, по сообщенію Энгельса въ предисловіи ко 2-му нѣм. изданію, написана Марксомъ **).

Книга вполне достигла цѣли, вліяніе салоннаго социализма было подорвано. Но она кромѣ того получила большое значеніе. «Дюрингъ давно забытъ—пишетъ Каутскій.—а работа Энгельса сохранила всю свою огромную важность и сейчас!»

Въ 1884 году, уже послѣ смерти Маркса, Энгельсъ выпустилъ въ свѣтъ свою книгу: «Происхожденіе семьи и собственности». 7 марта 1884 г. Энгельсъ пишетъ Зорге: «Прочти Моргана (Lewis H.) «Ancient Society», появилось въ 1877 году въ Америкѣ. Онъ мастерски раскрываетъ картину доисторическаго періода и его коммунизма. Онъ самостоятельно открылъ марксовское пониманіе исторіи и заканчиваетъ свой трудъ коммунистическими требованіями» *). Въ своей книгѣ Энгельсъ познакомилъ широкую читающую публику съ этими изслѣдованіями Моргана, дополнивъ ихъ новыми фактами и собственными выводами. По словамъ Каутскаго, эту работу задумалъ было Марксъ, но не успѣлъ ее выполнить.

Изъ послѣднихъ крупныхъ работъ намъ остается указать на изданіе 2-го и 3-го томовъ Капитала. Это была огромная, гигантская работа. Второй томъ остался послѣ Маркса въ рукописи. Но потребовалась тщательная редакція, исправленія, дополненія и т. д. 3-й томъ остался только въ наброскахъ, въ разъединенныхъ замѣткахъ, писанныхъ наспѣхъ, небрежно, на различныхъ языкахъ, еще въ 1864—66 гг. Одна «расшифровка» замѣтокъ потребовала огромнаго труда и времени, ввиду невозможнаго почерка Маркса. А чтобы все то свести затѣмъ воедино, обработать, составить,—для этого потре-

*) Часть этой работы была издана отдѣльной популярной брошюрой подъ заглавіемъ «Научный социализмъ и имѣла большой успѣхъ также въ Россіи.

**) Энгельсъ прибавляетъ: «Мы часто писали другъ для друга по вопросамъ специально знакомымъ тому или другому изъ насъ»

***) Письма къ Зорге, 224, русск. изд.

бывалась гигантская, не чисто редакторская, а творческая работа. «Когда я издавалъ въ 1885 г. 2-ой томъ—писалъ Энгельсъ въ предисловіи къ 3-му тому—я думалъ, что при изданіи третьяго я натенусь только на техническія затрудненія, за исключеніемъ, конечно, нѣкоторыхъ очень важныхъ главъ. Но мнѣ и въ голову не приходило, что именно эти послѣднія потребуютъ столь большой и трудной работы». «Энгельсъ былъ не издателемъ 2-го и 3-го томовъ, а творцомъ ихъ»—пишетъ Викторъ Адлеръ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно: Энгельсъ внесъ своего во 2-ой и 3-й томы гораздо больше, нежели онъ самъ это признавалъ. Только онъ одинъ, явившійся вмѣстѣ съ Марксомъ творцомъ марксизма, могъ выполнить это великое завѣщаніе Маркса. 2-й и 3-й томы Капитала должны безусловно считаться коллективнымъ произведеніемъ Маркса и Энгельса. И надо читать письма Энгельса, чтобы видѣть, какъ благоговѣйно онъ отнесся къ своей задачѣ, какъ берегъ онъ каждый атомъ своей духовной энергіи, каждую минуту своего времени, чтобы успѣть выполнить свое дѣло! И съ какимъ трепетомъ онъ ждалъ появленія въ свѣтъ 3-го тома! Дѣло сдѣлано, теперь я могу спокойно умереть—вотъ чѣмъ вѣдетъ отъ его писемъ того времени!

* * *

Занятый огромнымъ трудомъ по изданію Капитала, Энгельсъ не забрасываетъ и текущихъ работъ. Онъ ведетъ огромную переписку съ руководителями рабочаго движенія различныхъ странъ, даетъ имъ совѣты, помогаетъ литературно и т. д. Онъ пишетъ въ «Neue Zeit», въ органахъ французской социаль-демократіи, въ нелегальномъ «Соціалъ-Демократъ» и т. д. Съ живѣйшимъ участіемъ онъ слѣдитъ за ходомъ рабочаго движенія въ Германіи, вмѣшивается, поскольку можетъ, въ практическую дѣятельность, критикуетъ легальную и нелегальную литературу германской с.-д.-и, оцѣниваетъ дѣятельность парламентской фракціи, съ величайшей радостью констатируетъ каждый успѣхъ с.-д. партіи и т. д. Не менѣе внимательно слѣдитъ онъ за социалистическимъ движеніемъ во Франціи, въ Америкѣ, въ Австріи. Дѣятельное—насколько позволяетъ ему время—принимаетъ участіе въ рабочемъ движеніи Англіи, гдѣ онъ жилъ; съ большимъ интересомъ слѣдитъ и часто отзывается въ литературѣ о каждомъ тезисѣ въ англійскомъ рабочемъ движеніи, старается практически повліять на ходъ дѣлъ и т. д. Большое вниманіе удѣляетъ Энгельсъ Россіи. Съ изумленіемъ слѣдитъ онъ за дѣятельностью партіи «Народной Воли». И съ особеннымъ интересомъ онъ всматривается въ экономическій строй Россіи, въ ея хозяйственный укладъ. Надъ идеологіей россійской интеллигенціи Энгельса впервые заставилъ при-

задуматься Бакунинъ, сыгравшій извѣстную роль въ международномъ движеніи пролетаріата. Специальная статья посвящена была Энгельсомъ Россіи въ *Volksstaat*'ѣ. Остановливаясь на взглядахъ Ткачева, Энгельсъ формулируетъ свои воззрѣнія на экономическую дѣйствительность Россіи *).

Онъ признаетъ важное значеніе за крестьянствомъ, отводитъ довольно видную роль интеллигенціи, но главнымъ образомъ подчеркиваетъ зависимость положенія дѣлъ въ Россіи отъ обще-европейскихъ условій. Онъ подмѣчаетъ быстрое развитіе русскаго капитализма и тѣсную его связь съ мировымъ хозяйствомъ **).

Фридрихъ Энгельсъ, какъ личность, былъ удивительно цѣльной, здоровой, энергичной, бодрой натурой. Въ глубокой старости — онъ умеръ 75-ти лѣтъ — онъ сохранялъ всю свою кипучую энергію, всю неутолимую жажду работы и борьбы. Въ личныхъ отношеніяхъ Энгельсъ, этотъ блестящій и ѣдкій полемистъ, былъ до чрезвычайности мягокъ, скромнъ, симпатиченъ. Мы уже приводили примѣры его поразительной скромности. Являясь какъ бы дополненіемъ къ Марксу, работая съ нимъ въ полномъ единодушіи большую часть своей жизни, онъ былъ нѣжно преданъ Марксу, глубоко, истинно по дружески любилъ его.

Натура Маркса была во многомъ не сходна съ характеромъ Энгельса. Хорошо извѣстно, правда, что изображеніе характера Маркса, даваемое Анненковымъ въ его «Замѣчательномъ десятилѣтіи», одно-сторонне. Но Анненковъ правъ, говоря о Марксѣ, что онъ «представлялъ изъ себя челоѣка, сложеннаго изъ энергіи, воли и несокрушимаго убѣжденія». Надо было бы прибавить, это дополнялось еще геніальнымъ полетомъ мысли, глубокой основательностью и осторожностью въ выработкѣ этихъ несокрушимыхъ убѣжденій. И, наконецъ, какъ справедливо свидѣтельствуетъ объ этомъ Лафаргъ, этотъ челоѣкъ съ рѣзкимъ металлическимъ голосомъ и безапелляционными приговорами о людяхъ — хранилъ въ своемъ сердцѣ настоящія соэровища нѣжности и мягкости, которыхъ такъ естественно было не замѣтить такому челоѣку, какъ Анненковъ.

*) По нѣкоторымъ обстоятельствамъ автору статьи не удалось закончить ее въ томъ объемѣ, какъ это предполагалось сдѣлать. Редакція, сожалѣя о томъ, что одинъ изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ статьи объ Энгельсѣ (его соображенія, относящіяся къ Россіи) оказался по необходимости скомканнымъ, считаетъ своимъ долгомъ указать читателю на это. Ред.

**) См. письма Энгельса, опубликованныя въ №№ 1 и 2 „Минувшихъ Годовъ“ за текущій годъ.

Но Энгельсъ—не Анненковъ. Онъ дѣйствительно зналъ и понималъ Маркса. И то плодотворное, тѣсное, непрерывное, умственное общеніе этихъ двухъ замѣчательныхъ людей, которое подарило намъ цѣльную, стройную и почти совершенно законченную теорію научнаго социализма, дополнялось трогательной, сердечной дружбой.

Это былъ братскій союзъ двухъ товарищей-социалистовъ, образецъ и предвѣстникъ тѣхъ братскихъ отношеній, которыя воплнутся въ обществѣ будущаго.

Г Зиновьевъ.

Отъ демократизма къ социализму

(Развитіе политическихъ идей К. Маркса до 1848 г.).

Политическія идеи К. Маркса сложились въ самое замѣчательное десятилѣтіе Европейской исторіи XIX вѣка, въ десятилѣтіе, предшествовавшее 48-му году. Чтобы охватить общій характеръ этого десятилѣтія, надо сказать, что это былъ періодъ политическаго выдѣленія пролетаріата изъ общей демократической массы. Къ этому надо прибавить, что это выдѣленіе протекало на фонѣ далеко не закончившагося еще тогда процесса побѣды буржуазіи надъ феодализмомъ. Этотъ процессъ далеко не завершился тогда не только въ области политической, но и въ области экономической, и не только въ Германіи, но и на всемъ континентѣ. Самое причудливое сплетеніе докапиталистическихъ и капиталистическихъ формъ производства и соответствующихъ имъ политическихъ и идеологическихъ надстроекъ было общимъ фономъ, на которомъ начатки современной критики капитализма нерѣдко вливались въ русло реакціонныхъ теченій.

На этомъ общемъ фонѣ тогдашней Европы—восточная граница которой, кетати сказать, проходила черезъ Берлинъ, ибо по сю сторону его начиналось уже господство чистой азіатчины, политической и экономической,—можно было выдѣлить два социальныхъ типа: по ту сторону Рейна и Ламанша то, что называлось на языкѣ современныхъ нѣмецкихъ публицистовъ—Западомъ, Западной Европой, и по сю сторону—Европу Восточную, родину Маркса.

Въ то время какъ въ «Западной Европѣ»—опять-таки на общемъ фонѣ далеко еще не завершенной борьбы буржуазной культуры съ культурой крѣпостнической—процессъ самоопредѣленія буржуазіи, какъ класса, подходилъ уже къ своей высшей точкѣ, тогдашняя Германія присутствовала лишь при процессѣ ея зарожденія.

Въ эпоху университетской жизни Маркса французскій и англійскій капитализмъ имѣли уже за собой довольно длинную политическую исторію, высшей точкой которой были событія 30—32 годовъ, въ то время какъ капитализмъ германскій и австрійскій лишь начинали свой политическій лепетъ.

Германія того времени имѣла сомнительное счастье считать себя «самобытной», поскольку экономическія и политическія побѣды «западнаго» капитализма оставляли ее позади себя.

На переломѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ Германія, въ которой буржуазія только начинала свой политическій путь, оказалась въ со-сѣдствѣ со странами, гдѣ буржуазія уже сдѣлала рѣшительные шаги въ сторону закрѣпленія своей политической и экономической гегемоніи.

А поскольку въ этихъ странахъ закрѣплялась гегемонія буржуазии, постольку становились онѣ и ареной политическаго выдѣленія пролетаріата и социалистической критики капитализма.

Выступленіе пролетаріата, какъ самостоятельной силы, первые шаги социалистической идеологіи «на Западѣ» и первые шаги политическаго самоопредѣленія буржуазии на родинѣ создали ту идейную атмосферу, въ которой воспиталась политическая мысль Маркса.

На первыхъ порахъ мысль эта была, конечно, ближе связана съ родиной и съ ея социальной обстановкой. Почти до 44-го года Марксъ стоялъ внѣ тѣхъ идейныхъ теченій, которыя создавались опытомъ французскаго и англійскаго движенія. Съ 44-го года этотъ опытъ входитъ неразрывной частью въ мировоззрѣніе Маркса. Ему пришлось тогда двинуться гораздо дальше того пункта, на которомъ стоялъ онъ въ 41—44 годахъ. Съ тѣхъ поръ дѣятельность Маркса перестаетъ быть связанной съ національными границами и становится дѣятельностью вождя пролетаріевъ всѣхъ странъ. Закончивъ Коммунистическій Манифестъ призывомъ къ пролетаріямъ всѣхъ странъ, Марксъ тѣмъ самымъ раздвинулъ предѣлы своей дѣятельности до самыхъ границъ капиталистическаго, т. е. цивилизованнаго міра. Уроженецъ Германіи, около полустолѣтія прожившій внѣ родины—во Франціи, въ Бельгіи и, главнымъ образомъ, въ Англии, глава Интернаціонала, включавшаго въ свои ряды представителей пролетаріата всѣхъ націй, Марксъ умеръ признаннымъ вождемъ всѣхъ національно организовавшихся социалистическихъ партій и теперь продолжаетъ жить, какъ безсмертный учитель международнаго пролетаріата.

* * *

Первая статья Маркса появилась въ «Рейнской Газетѣ» въ маѣ 1842 года. Въ этой статьѣ Марксъ, подъ видомъ критическаго разбора преній о свободѣ печати въ шестомъ рейнскомъ ландтагѣ, далъ совершенно точный и ясный отчетъ о томъ арсеналѣ аргументовъ, которымъ обладала къ тому времени буржуазная оппозиція рейнской

провинці въ своей борьбѣ съ феодализмомъ. Если у германской буржуазіи вообще былъ гениальный провозвѣстникъ ея прогрессивной роли въ борьбѣ съ «христіанскимъ государствомъ» юнкеровъ, то этимъ провозвѣстникомъ былъ никто иной какъ Карлъ Маркъ въ 1841—1844 годахъ. Именно въ его статьяхъ въ «Рейнской Газетѣ» философскія, государственно-правовыя и чисто-юридическія понятія современной эпохи были полностью и цѣликомъ использованы для борьбы съ феодализмомъ.

Ближайшей задачей Маркса, прямо продиктованной ему политической злобой дня, была критика ландтага, въ лицѣ представленныхъ въ немъ сословій. Показавъ, что вся аргументація оратора княжескаго сословія базируется на сознанный послѣднимъ противоположности своихъ интересовъ и интересовъ «историческаго духа народа», Маркъ переходитъ въ характеристикѣ оратора изъ дворянскаго сословія. Въ его лицѣ Маркъ встрѣтился «съ однимъ изъ многочисленныхъ представителей распространеннаго у насъ христіанско-дворянскаго, современно-феодалнаго, словомъ—романтическаго принципа». Передъ нимъ стояла задача вскрыть дѣйствительныя корни этого «принципа», и Маркъ даетъ чисто-реалистическій анализъ дворянской идеологіи. Правда, реалистическій характеръ этого анализа надо понимать очень условно: ему недостаетъ той обоснованности, которая дается только историко-материалистическимъ пониманіемъ общественной жизни. А Маркъ—сотрудникъ и редакторъ «Рейнской Газеты»—отнюдь не былъ материалистомъ. Свою задачу критики феодальнаго государства и сословій онъ выполнялъ вооруженный только Гегелевской философійей и сильно развитымъ чувствомъ ненависти къ привилегіямъ.

Логическая невозможность связать «внутреннія, существенныя, всеобщія опредѣленія» «только съ извѣстными человѣческими индивидуумами» и нарушить ихъ связь «съ сущностью человѣка, съ разумомъ вообще»,—вотъ эта то философская неприятность и создаетъ необходимость для «извѣстныхъ индивидуумовъ» въ «романтическомъ принципѣ». Въ предѣлахъ подобнаго метода Маркъ «христіанско-дворянскому» принципу могъ противопоставить только, если можно такъ выразиться, «философско-демократическій» принципъ. Это противопоставленіе принциповъ и лежитъ въ основѣ Марксовой полемики съ «ораторомъ изъ дворянскаго сословія» оно даетъ возможность Марксу, ни разу не обратившись къ материалистическому анализу, противопоставить принципу привилегій принципъ всеобщности, духу дворянства—«духъ народа», ландтагу—провинцію. По существу столкновеніе философскихъ принциповъ «оратора изъ дворянскаго сословія» и сотрудника «Рейнской Газеты», конечно, прикрывало лишь столк-

новеніе интересовъ отжившаго крѣпостничества и нарождавшагося капитализма. И Марксъ, не умѣя еще сформулировать эти противорѣчія въ соціально-политическихъ терминахъ, прекрасно понималъ, о чемъ ведется споръ. «Для того, чтобъ спасти особенныя свободы и привилегіи сословій, писалъ Марксъ, они осуждаютъ всеобщую свободу человѣческой природы» *).

Такимъ образомъ философское понятіе «сущности человѣка», «разума вообще» въ рукахъ Маркса стало боевымъ орудіемъ борьбы съ феодализмомъ и его принципомъ въ борьбѣ за развитіе новаго общества.

Мы сейчасъ увидимъ, какимъ образомъ примѣнялъ этотъ принципъ Марксъ въ своей борьбѣ, и какъ опредѣляло этотъ принципъ «новое общество» въ представленіи Маркса.

Переходя къ защитѣ свободы печати, Марксъ пишетъ: «Всѣ виды свободы всегда существовали; только иногда, какъ особенныя привилегіи, иногда же, какъ всеобщее право.

«Лишь теперь вопросъ получилъ логическій смыслъ. Вопросъ не въ томъ, должна ли существовать свобода печати, ибо свобода печати существуетъ всегда. Вопросъ же заключается въ томъ, является ли свобода печати привилегіей отдѣльныхъ лицъ или привилегіей человѣческаго духа? **»

Тотъ же принципъ «всеобщаго права» выдвигалъ Марксъ, противопоставляя привилегіямъ ландтага права провинціи. «Привилегіи земскихъ чиновъ, не являются правами провинцій. Права провинцій, быть можетъ, именно съ того момента и уничтожаются, когда они становятся привилегіями земскихъ чиновъ» ***).

«Гражданинъ государства не признаетъ права въ формѣ привилегіи», продолжаетъ Марксъ. Въ этомъ то видѣ гражданина правового государства раскрываетъ Марксъ конкретное содержаніе своего философскаго принципа. Во имя чего и во имя кого воевалъ Марксъ съ «романтическимъ принципомъ» феодальныхъ привилегій? Принципъ «всеобщаго права», «разума вообще» совершенно явственно прикрывалъ тутъ демократическія тенденціи. Конкретнымъ, исторически обусловленнымъ содержаніемъ формальнаго демократизма являлось развитіе производительныхъ силъ буржуазнаго общества. Тѣ самыя философскія предпосылки Маркса, которыя оказались въ его рукахъ смертоноснымъ орудіемъ для феодальнаго принципа, привели Маркса къ конституированію идеальнаго правового государства буржуазіи. Это

*) Изъ «Литературнаго Наслѣдія» К. Маркса, Фр. Энгельса и Ф. Массали. Изд. «Осв. Труда», ст. 312.

**) Ibid., стр. 317.

***) Ibid., стр. 303.

идеальное государство, во имя котораго должны быть низвергнуты привилегіи сословій и индивидуумовъ, для Маркса является полной реализаціей духа свободы и законности. Идея законности, права — паюосъ Маркса этой эпохи. Онъ посвящаетъ, по поводу закона о печати, идеѣ законности одну изъ краснорѣчивѣйшихъ страницъ: «Законъ о печати—дѣйствительный законъ, такъ какъ онъ положительное бытіе свободы. Онъ разсматриваетъ свободу, какъ нормальное состояніе печати,—печать, какъ бытіе свободы. Онъ поэтому впадаетъ въ конфликтъ лишь съ проступками печати, какъ съ исключеніемъ, которое нарушаетъ собственныя правила печати и, слѣдовательно, само себя опровергаетъ. Черезъ законъ о печати свобода печати защищаетъ себя отъ покушеній на себя самое, то есть защищаетъ себя противъ поступковъ печати. Законъ о печати провозглашаетъ свободу природой преступника. Слѣдовательно, проступокъ послѣдняго противъ свободы—есть проступокъ противъ себя самого, и это самооскорбленіе проявляется для него въ видѣ наказанія. Наказаніе—признаніе его свободы.

«Слѣдовательно, законъ о печати вовсе не репрессивное мѣропріятіе противъ свободы печати; не просто средство, имѣющее цѣлью отпугнуть путемъ наказанія отъ повторенія преступленія. Наоборотъ. Огсутствіе законодательства о печати нужно разсматривать, какъ исключеніе свободы печати изъ сферы правовой свободы. Ибо законъ есть правовое признаніе свободы государствомъ. Законы—не репрессивныя мѣропріятія противъ свободы, какъ не репрессивное мѣропріятіе противъ движенія законъ тяжести. Какъ законъ притяженія, онъ даетъ вѣчное движеніе міровымъ тѣламъ, но какъ законъ паденія, бьетъ меня, если я оскорбляю его и начинаю танцовать въ воздухѣ. Законы—положительныя, свѣтлыя, всеобщія нормы, въ которыхъ свобода получаетъ безпристрастное, теоретическое, независимое отъ произвола отдѣльнаго человѣка бытіе. Сводъ законовъ—библія свободы народа» *).

Въ переводѣ на языкъ общественныхъ отношеній эта пламенная защита идеи права была защитой нормъ капиталистическаго общества. И какъ мало общественныя отношенія Германіи того времени давали возможность заподозрить формальную идею свободы и права, доказывается той страницей Маркса, гдѣ онъ въ независимости суда хочетъ видѣть реализацію закона. «Независимый судья не принадлежитъ ни намъ, ни правительству. Независимый цензоръ самъ—членъ правительства. Судья можетъ обнаружить въ крайнемъ случаѣ недостаточность своего единичнаго разума. Цензоръ же—еще и не-

достаточность единичнаго характера. Передъ судьей ставится опредѣленный проступокъ печати, предъ цензоромъ—весь духъ печати. Судья судить мое дѣяніе согласно опредѣленному закону. Цензоръ же не только караетъ за преступленіе,—онъ самъ создаетъ это преступленіе. Если меня предають суду, значить, меня обвиняють въ томъ, что я преступилъ законъ. Слѣдовательно, законъ существуетъ. Печать не можетъ нарушить закона, если не существуетъ законовъ о печати. Цензура же не обвиняетъ меня въ нарушеніи существующаго закона. Она осуждаетъ мое мнѣніе за то, что оно не мнѣніе цензора и его начальниковъ. Мое открытое дѣяніе, которое добровольно подчиняетъ себя сужденію міра, закону государства, подпадаетъ подъ судъ скрытой, чисто отрицательной силы, которая не можетъ утвердить себя въ качествѣ закона, которая боится свѣта дня, въ которой нельзя указать никакихъ слѣдовъ общихъ принциповъ» *).

Такъ абсолютный характеръ тѣхъ нормъ, которыми Марксъ опредѣлялъ содержаніе новаго общества, не позволилъ ему увидѣть преходящій характеръ и правового государства. Правовое государство стало для Маркса всеобщей, идеальной нормой, реализаціей «сущности человѣка», «разума вообще». Идеалистическая философія въ рукахъ Маркса стала боевымъ орудіемъ освобожденія буржуазнаго общества и въ тоже время оказалась неспособной вскрыть для него тѣ противорѣчія, которыя несло съ собой это общество. «Разумъ вообще», «сущность человѣка», «всеобщее право», законность, какъ «безпристрастное, теоретическое, независимое отъ произвола отдѣльнаго человѣка бытіе» свободы—открывали дорогу изъ феодальнаго міра въ міръ капитализма, придавая въ тоже время послѣднему характеръ абсолютной цѣнности.

Въ слѣдующей же **) статьѣ, посвященной дебатамъ рейнскаго ландтага, въ данномъ случаѣ дебатамъ по поводу закона о кражѣ лѣса, Марксу пришлось имѣть дѣло уже съ хозяйственной сущностью буржуазнаго общества. И чрезвычайно характерно видѣть, какъ «лукавый» духъ исторіи заставляетъ идеалистическую философію служить интересамъ капиталистическаго государства.

Законодательство рейнскаго ландтага было ничѣмъ не прикрытымъ классовымъ законодательствомъ феодаловъ. Этому классовому законодательству идеалистическая философія буржуазной оппозиціи могла противопоставить лишь идею права и закона, какъ фактическому

*) Ib., 333.

**) Эта статья была собственно третьей статьёй Маркса, посвященной ландтагу, но вторая была уничтожена цензурой.

использованію реальной государственной машины феодалами она могла противопоставить лишь теорію «государства разума», стоящаго выше сословій. Идеалистическая философія дала возможность буржуазной оппозиціи феодаламъ, въ рядахъ которой стоялъ Марксъ, поднять нормы права и государства, долженствовавшія регулировать жизнь капиталистическаго общества, на высоту абсолютныхъ цѣнностей. А вмѣстѣ съ этимъ былъ поднять на эту же высоту основной элементъ этого общества—частная собственность.

Остановимся раньше на идеалистической теоріи государства и права.

Марксъ начинаетъ съ констатированія факта: «Лѣсовладѣлецъ не даетъ слова законодателю». Съ своей стороны Марксъ находитъ, что законодатель долженъ заботиться «о равной охранѣ интересовъ собственника лѣса и нарушителя лѣсныхъ правилъ». И стоя передъ фактомъ государства, обращеннаго въ прислужника собственника лѣса, Марксъ пытается видѣть въ этомъ лишь нарушеніе сущности государства. «Это хотя бы и фактъ, но фактъ не необходимый», полагаетъ Марксъ. Онъ видитъ въ этомъ «униженіе» государства, «его разума, его всеобщности, его достоинства»

«Если ясно, что частный интересъ хочетъ и не можетъ не хотѣть низвести государство на степень средства для цѣлей частнаго интереса, то само собой понятно, что представительство частныхъ интересовъ, представительство сословій, хочетъ и не можетъ не хотѣть низвести государство въ понятіямъ частнаго интереса. Всякое современное государство, какъ бы мало ни отвѣчало оно своему понятію, принуждено будетъ при первой практической попыткѣ этихъ законодателей учинить надъ ними насиліе, воскликнуть: «Твои пути не мои пути, а твои понятія не мои понятія!»

Государство, представляя реализацію права, не можетъ уклониться отъ своей «эклиптики справедливости» *), угождая же частнымъ интересамъ оно пожертвовало бы «безсмертною права». Эта идеалистическая теорія государства, представлявшая по существу теорію освобожденія государства отъ роли прислужника феодальныхъ интересовъ для того, чтобы сдѣлать его прислужникомъ интересовъ буржуазіи, и съ необычайнымъ остроуміемъ и краснорѣчіемъ развитая Марксомъ, должна была быть дополнена идеалистической же теоріей права.

Какъ идеалистическая теорія государства въ рукахъ Маркса стала методомъ борьбы съ феодальнымъ государствомъ, такъ и идеалистическая теорія права была въ его рукахъ методомъ борьбы за права

*) Ibid., стр. 427.

«бѣдной, политически и социальнo обездоленной массы». Различая въ сферѣ права область закона и обычнаго права, Марксъ писалъ:

«Обычное право, какъ особая область на ряду съ закономъ, разумно лишь тамъ, гдѣ право существуетъ рядомъ съ закономъ и внѣ закона, гдѣ обычай есть только антиципация законнаго права. Слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи объ обычныхъ правахъ привилегированныхъ сословій. Последнія находили въ законѣ признаніе не только своего разумнаго права, но часто даже признаніе своихъ неразумныхъ притязаній. Они не имѣютъ никакого права антиципировать законъ, т. е. самъ законъ антиципировалъ всѣ возможные слѣдствія изъ ихъ права» *).

Изъ этого Марксъ дѣлалъ практическій выводъ: «не противопоставляться должны они закону, а наоборотъ должны быть отмѣнены, какъ расходящіяся съ нимъ». Совершенно иной выводъ дѣлалъ Марксъ для обычныхъ правъ «бѣдности». «По своему содержанію они не только не противятся оформленію путемъ закона, а наоборотъ стремятся покончить съ такимъ неформальнымъ состояніемъ. Не форма закона противорѣчитъ имъ, а они еще сами не достигли этой формы» **).

Разсматривая «обычное право бѣдности», какъ низшую стадію правовыхъ отношеній, Марксъ видитъ задачу «мудраго законодателя» въ томъ, чтобъ поднять «самый этотъ классъ до реальной возможности пользоваться правами, или... онъ обязанъ, по крайней мѣрѣ не превращать въ преступленіе то, что лишь обстоятельства дѣлаютъ проступкомъ».

Тутъ Марксъ впервые встрѣтился съ тѣмъ объективнымъ фактомъ, что идеалистическая философія оказалась недостаточной, чтобы прикрыть своимъ широкимъ облаченіемъ всѣхъ противорѣчій новаго общества. Она оказалась неспособной вмѣстить «проступки» «бѣдной, политически и социальнo обездоленной массы» противъ права. Ея было достаточно, чтобы признать «обычное право» феодализма подлежащимъ отмѣнѣ, чтобы провозгласить право «бѣдности» на права, но она должна была остановиться передъ «проступками» бѣдности. То, что было «преступленіемъ» въ глазахъ феодаловъ, она низвела до ранга «проступка»: большаго сдѣлать она не могла. И мы поймемъ это, если вспомнимъ, что рѣчь въ данномъ случаѣ шла о дѣйствіяхъ бѣдности, направленныхъ противъ основнаго элемента самаго права, противъ частной собственности. Идеалистическая фило-

*) Ibid., 391.

**) Ib., 391.

софія государства и права должна была потерять свой универсальный, всеобъемлющій характеръ, когда она столкнулась съ «политически и социально обездоленной массой», особенно въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній.

Въ первыхъ статьяхъ Марксъ и не пробуетъ подвергнуть критическому испытанію институтъ частной собственности. Идеалистическая философія принимаетъ его, какъ нѣчто само собою понятное и не подлежащее даже той критикѣ, которой она подвергла феодальное государство и «романтический» принципъ права. Ея критика въ этой области касается лишь феодальной формы собственности. И здѣсь, какъ въ вопросѣ о государствѣ и правѣ, Марксъ критикуетъ феодальную форму собственности съ точки зрѣнія внутренней природы собственности. Онъ протестуетъ противъ всякой попытки феодализма: облечь свою частную собственность правами государства, придать ей форму общественнаго права. Онъ видитъ въ этихъ попыткахъ компрометированіе института собственности и критикуетъ эти притязанія не съ точки зрѣнія противника частной собственности, а съ точки зрѣнія освобожденія собственности отъ элементовъ патріархальнаго строя.

По поводу обсуждавшагося въ ландтагѣ закона объ охраненіи лѣсовъ, который устанавливалъ, помимо возмѣщенія цѣнности краденнаго лѣса и вознагражденія за убытки лѣсовладѣльца, еще и штрафъ за нарушеніе закона и при томъ въ пользу того же лѣсовладѣльца, Марксъ писалъ: «Ландтагъ должно быть ввело въ заблужденіе полнѣйшее *qui pro quo*. Законодательствующій собственникъ лѣса на минуту перепуталъ роли: себя, какъ законодателя, и себя, какъ собственника лѣса. Воръ долженъ уплатить ему одинъ разъ, а другой разъ, какъ законодателю, за преступное намѣреніе; только по чистой случайности оказывается, что воръ дважды уплатилъ собственнику лѣса. Передъ нами уже не простое *droit des seigneurs*. Мы черезъ эпоху публичнаго права пришли къ эпохѣ двойного, возведеннаго въ степень патримоніальнаго права. Прогрессъ времени направленъ противъ требованій патримоніальныхъ собственниковъ, но патримоніальные собственники умѣютъ пользоваться и имъ. Они узурпируютъ въ свою пользу какъ приватное наказаніе варварскаго, такъ и общественное наказаніе современнаго міросозерцанія».

Отставая «обычное право» бѣдныя на сборъ хвороста въ лѣсахъ, сотрудникъ «Рейнской Газеты», стоя на своей идеалистической точкѣ зрѣнія, долженъ былъ доказать, что этотъ обычай не противорѣчитъ «вѣчному правовому порядку», ибо «законъ—общее и подлинное выраженіе правовой природы вещей». Эта «правовая природа вещей» оказывается способной принимать самыя удивительныя

формы *) и въ такомъ видѣ можетъ стать достойной побѣдительницей романтической софистики феодаловъ, но въ то же время она санкціонируетъ глубокую пропасть между правами собственника и «обычаями» бѣдности, которые, какъ мы уже видѣли, оказываются если не «преступленіями», то «проступками». Такимъ образомъ «правовая природа вещей» есть не что иное, какъ право «вещи» находиться въ собственности и быть огражденной какъ отъ привилегій крѣпостничества, такъ и отъ «обычаевъ» бѣдности.

Когда Марксъ писалъ статью по поводу дебатовъ объ охранѣ лѣса, ему уже была извѣстна брошюра Прудона о собственности **).

«Если всякое нарушеніе собственности безъ различія, безъ болѣе яснаго опредѣленія—кража, возражалъ Марксъ идеологамъ феодальной собственности, то не является ли кражей всякая частная собственность?» ***) «Примѣняя категорію кражи тамъ, гдѣ она не можетъ быть примѣнена, вы пріучаете смотрѣть снисходительно на настоящую кражу» ****), пояснял Марксъ свою аргументацію. Прудоновская теорія собственности—кражи фигурируетъ здѣсь лишь какъ крайній выводъ, который можетъ быть сдѣланъ изъ невѣрной, не отвѣчающей «природѣ собственности» теоріи ландтага. Марксъ еще демонстрируетъ Прудона для устрашенія прирейнскаго дворянства!

Итакъ, идеалистическая философія въ рукахъ Маркса стала идеологической оболочкой борьбы развивающагося капитализма съ сковывающими его формами феодальнаго государства, феодальнаго права и феодальной собственности. Абсолютный характеръ этой философіи, какъ и не историческій, а юридическій характеръ Марксовской критики ландтага, отражалъ лишь тотъ фактъ, что прирейнскій капитализмъ дѣлалъ только первые свои шаги на общественной аренѣ, не предвидя и не предчувствуя еще тѣхъ противорѣчій, которые онъ въ себѣ таилъ. Эта же философія дала возможность Марксу подняться надъ уровнемъ практиковъ и политиковъ буржуазіи той эпохи, равно какъ и надъ вопросами текущаго дня. Въ своихъ статьяхъ въ

*) Ср. Nachlass, I т. руск. пер., изд. «Осв. Тр.», ст. 394, гдѣ доказывається, что „право бѣдности“ на хворостъ и право собственника на дерево вытекаеть изъ чувства родства, питаемаго человѣческой бѣдностью къ физической бѣдностѣ хвороста. «Изъ этого чувства родства она выводитъ свое право собственности».

**) Въ этой же статьѣ Марксъ повторяетъ его фразу о собственности—кражѣ и, что, конечно, доказательнѣе, —въ статьѣ, написанной мѣсяцемъ позже, въ декабрѣ 1842 г., въ отвѣтъ «Дугебургской газетѣ». Марксъ прямо упоминаетъ «остроумный трудъ Прудона».

***) Ibid., стр. 385.

****) Ibid., стр. 386.

«Рейнской Газетѣ» онъ выступилъ глашатаемъ общей идеи новаго общества,—общества, идущаго на смѣну феодализма, а не защитникомъ и адвокатомъ частныхъ притязаній той или другой группы новыхъ хозяевъ жизни.

Остальные статьи Маркса въ «Рейнской Газетѣ» посвящены столь же общимъ и кореннымъ вопросамъ борьбы стараго и новаго общества, какъ и рассмотрѣнные уже нами.

Въ июнѣ 1842 года, въ статьѣ, посвященной полемикѣ съ «Кельнской Газетой», Марксъ защищалъ эмансипацію политики отъ теологии и ученія о государствѣ отъ церковныхъ догмъ. «Было найдено, писалъ Марксъ, {что центръ тяжести государства лежитъ въ немъ самомъ} *). «Христіанство учить, и иначе религія не можетъ учить. Повинуйтесь властямъ предрержащимъ, ибо всякая власть отъ Бога. Слѣдовательно, если вы хотите судить о правѣ государственныхъ конституцій, вы должны исходить не изъ христіанства, а изъ собственной природы, специфической сущности государства; не изъ природы христіанскаго общества, а изъ природы человѣческаго общества» **). Идеѣ «христіанскаго государства», провозглашенной идеологами феодальнаго дворянства Галлеромъ, Шталемъ, Лео,—Марксъ противопоставлялъ идею государства разума. «Господство религіи не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ религіей господства, культомъ правительственной воли» ***). Этому культу правительственной воли Марксъ противопоставлялъ культъ права.

Крѣпко держась почвы идеалистической философіи, Марксъ полагалъ, что «государство нужно конституировать не изъ религіи, а изъ разума свободы», «какъ великій организмъ, въ которомъ получаютъ свое осуществленіе правовая, нравственная и политическая свобода. Отдѣльный гражданинъ государства повинуется въ законахъ государства только естественнымъ законамъ собственнаго разума, человѣческому разуму» ****).

Марксъ еще не предвидѣлъ, что ему самому не разъ придется вскрывать истинную сущность государства, пришедшаго на смѣну государства Галлера и неоднократно пытавшагося прикрыться какъ разъ тѣмъ соображеніемъ, что оно конституировано изъ «разума свободы», и что его законы есть лишь реализація «естественныхъ законовъ» человѣческаго разума.

Этой же темѣ—борьбѣ съ идеологами ancien régime'a въ Германіи—посвящена и слѣдующая статья Маркса въ «Рейнской Газетѣ»

*) Ibid., стр. 362.

**) Ibid., стр. 362.

***) Ibid., стр. 361.

****) Ibid., стр. 365.

(«Философскій манифестъ исторической школы права», августъ 42 г.).

Въ это же время, осенью 42 года, была написана Марксомъ по просьбѣ Ар. Руге,—издателя «Hallsche», а затѣмъ, съ 42-го года, «Deutsche Jahrbücher», въ которыхъ сгруппировалось лѣвое крыло учениковъ Гегеля—Бруно Бауэръ, Фейербахъ, Кенпенъ,—статья, которая лишь въ мартѣ слѣдующаго года (43) увидѣла свѣтъ подъ заглавіемъ «Замѣтки о новѣйшей прусской инструкціи для цензоровъ» и была написана псевдонимомъ «Рейнскій уроженецъ». Эта статья стоитъ въ тѣсной связи съ работами Маркса въ «Рейнской Газетѣ» какъ по темѣ, такъ и по основнымъ своимъ идеямъ. И здѣсь основной мотивъ—борьба съ «христіанскимъ государствомъ» феодаловъ во имя «государственнаго разума» буржуазіи. И здѣсь идеалистическій методъ «бламываетъ себя зубы объ объективныя противорѣчія историческаго развитія. Въ строгомъ соотвѣтствіи съ этимъ методомъ Марксъ отстаивалъ въ этой статьѣ цѣнности права и законности противъ произвола полицейскаго государства: «Законъ, трактующій объ образѣ мысли, это не законъ государства для гражданъ государства, а законъ одной партіи противъ другой партіи... Это—раздѣляющій, а не объединяющій законъ; а всѣ раздѣляющіе законы реакціонны». И Марксъ тутъ же поясняетъ: «порождаетъ эти раздѣляющіе законы общество, въ которомъ *одинъ* (курсивъ Маркса) органъ считаетъ себя единственнымъ исключительнымъ представителемъ государственнаго разума и государственной морали, правительство, которое принципиально противопоставляетъ себя народу» *).

Мы видимъ въ этомъ отрывкѣ рельефный образчикъ той исторической роли, которую могла сыграть и сыграла идеалистическая теорія въ рукахъ буржуазной демократіи въ ея борьбѣ съ феодализмомъ. Она подрывала въ корнѣ теорію феодализма и служила крѣпкимъ фундаментомъ теоріи новаго, правоваго государства. Но непроницаемой пеленой она отдѣляла отъ глазъ ея провозвѣстниковъ истинную природу и государства, и закона. Марксъ понялъ вытекавшую отсюда бесплодность и ограниченность идеалистической точки зрѣнія многими раньше того времени, когда событія 48-го года воочию показали, что не существуетъ законовъ, кромѣ «законовъ одной партіи противъ другой партіи», что самъ законъ есть порожденіе раздѣленія, что, наконецъ, отнюдь не всѣ раздѣляющіе законы—реакціонны.

Недостаточность, неисторичность и нереволуціонность идеалистической теоріи сказались для Маркса въ тотъ моментъ, когда ему—въ этой же статьѣ—пришлось столкнуться съ законодательствомъ

*) Ibid., стр. 220.

Конвента. Ему тогда пришлось, чтоб не оказаться въ лагерѣ реакціонныхъ хулителей его, моментально же отказаться примѣнить къ этимъ законамъ свою общую мѣрку и призвать на помощь капитулировавшей теоріи права «государственную необходимость», какъ оправданіе «террористическихъ законовъ» Робеспьера *). А прибѣгнуть къ идеѣ «государственной необходимости» въ случаѣ съ Робеспьеромъ—это значило явно свернуть съ дороги той теоріи общества, на которой стоялъ тогда Марксъ. Въ его публицистической дѣятельности это былъ уже не первый случай, когда во имя революціонной практики борьбы съ ancien régime'омъ ему приходилось жертвовать своей идеалистической теоріей.

Полемизуя все съ той же «христіанско-феодальной» теоріей правительства «милостью божьей», Марксъ уже въ первой своей работѣ для «Рейнской Газеты» писалъ: «Англійская исторія показала намъ достаточно ясно, что когда на верху появляются притязанія на божественное вдохновеніе, то аналогичныя же притязанія возникаютъ и внизу. Карлъ I взомель на эшафотъ по божественному вдохновенію снизу» **).

Мы видѣли уже, что для французской исторіи подобное же «вдохновеніе снизу» было признано уже «государственной необходимостью»

Революціонный духъ Маркса, выражавшій революціонную ситуацію момента, видимо рвался вонъ изъ рамокъ теоріи «государства разума». И чѣмъ ближе становился и для нѣмецкой исторіи ея моментъ «вдохновенія снизу», тѣмъ дальше уходилъ Марксъ отъ философіи исторіи «Рейнской Газеты» и «Anekdoten», оставляя ее въ рукахъ ея прирожденныхъ писателей, философовъ, публицистовъ и политиковъ буржуазіи. Когда же «вдохновеніе снизу» стало реальнымъ фактомъ нѣмецкой исторіи, его знаменосцемъ оказался никто иной, какъ Карлъ Марксъ. Но для этого ему пришлось продѣлать длинную эволюцію. То, что допускалось, какъ исключеніе, какъ вспышка «вдохновенія», что нарушало систему философскихъ и общественныхъ воззрѣній, должно было быть понято, какъ необходимая сущность общества, какъ основной путь общественной философіи.‡

Мы видѣли, что идеалистическая философія и вытекавшая изъ нея философія государства и права были лишь идеологической оболочкой вступившаго въ жизнь буржуазнаго общества, его государства и его права. Эта оболочка должна была прорваться, какъ только обнаружилось, что внутри самаго этого новаго общества нѣтъ полной гармоніи, что отдѣльные элементы этого общества находятся въ противо-

*) Ibid., стр. 218.

**) Ibid., стр. 308.

рѣчи другъ съ другомъ. Цѣлостная философская система могла держаться только до тѣхъ поръ, покуда новое общество чувствовало и сознавало себя единымъ. Съ того момента, какъ нарушено было это сознание единства и гармоничной законченности, въ новомъ обществѣ, противостоящемъ феодализму, долженъ былъ начаться—и начался—процессъ «разложенія классической философіи». Мы видѣли, что Марксъ въ самомъ процессѣ своей публицистической работы столкнулся съ такими элементами новаго общества, которые заставляли его отступать отъ абсолютной формы своей теоріи. Подъ его руками попытка идеалистической философіи быть до конца логичной въ примѣненіи къ вопросамъ общественной жизни потерпѣла рядъ неудачъ, и Марксъ, въ результатѣ своей годичной работы въ рядахъ непосредственныхъ идеологовъ и практиковъ буржуазнаго общества, поставленъ былъ передъ задачей или отвергнуть нѣкоторые элементы новаго общества во имя абсолютнаго характера своей системы, или критически пересмотрѣть эту систему. Безстрашно додуманная до конца мысль Маркса должна была пойти по второму пути: онъ былъ однимъ изъ первыхъ, кто усумнился въ единствѣ и гармоничности рождавшагося общества.

Исторія хотѣла, чтобы знакомъ тѣхъ сомнѣній, которыя явились логическимъ результатомъ работы Маркса въ «Рейнской Газетѣ», осталась статья,—последняя изъ значительныхъ статей Маркса въ этой газетѣ,—посвященная какъ разъ такому элементу новаго общества, который въ корнѣ разрушилъ его единство и призрака котораго было достаточно, чтобы начать процессъ разложенія идеалистическихъ системъ философіи. Статья эта посвящена вопросу о коммунизмѣ. Когда этотъ вопросъ сталъ передъ Марксомъ, онъ не былъ еще вопросомъ дня для новаго общества Германіи. Этотъ вопросъ былъ поставленъ практикой буржуазнаго общества болѣе развитыхъ странъ—Франціи и Англии. Такимъ образомъ этотъ вопросъ всталъ передъ Марксомъ въ гораздо болѣе общей формѣ, какъ вопросъ о будущемъ того строя, за торжество котораго въ Германіи практически боролся Марксъ въ «Рейнской Газетѣ». Марксъ, а въ его лицѣ «Рейнская Газета» и «Нѣмецкіе Ежегодники», т. е. вся идеологическая система, подъ знаменемъ которой выступала новая, не феодальная Германія, оказался не въ силахъ справиться съ этимъ вопросомъ. Статья Маркса появившаяся на страницахъ газеты 15 декабря 1842-ого года констатировала и признавала, что коммунизмъ «сталъ глубоко серіознымъ вопросомъ дня для Франціи и Англии»; что надъ «преодоленіемъ проблемы» коммунизма «трудятся *два* (курсивъ Маркса) народа», что коммунистическое движеніе—«фактъ который... видимо для всѣхъ снуеть по улицамъ Манчестера, Парижа и Ліона». Но изъ признанія

этих фактовъ «Рейнская Газета» сумѣла сдѣлать только выводъ о необходимости «продолжительнаго и глубокаго ихъ изученія». Марксъ, столкнувшись съ «проблемой» коммунизма, прекрасно понималъ, что для его идеологической системы въ ней кроется настоящая опасность». «Мы твердо убѣждены, что не въ практическихъ попыткахъ, а въ *теоретическомъ развитіи коммунистическихъ идей кроется настоящая опасность* (журсивъ нашъ)», писалъ Марксъ. И кончая свою полемику съ «Аугсбургской Газетой», вызвавшей статью Маркса, онъ писалъ: «Но «Аугсбургская Газета», конечно, никогда не знала этого ужаса, который овладѣваетъ совѣстью при возстаніи субъективныхъ желаній человѣка противъ объективныхъ возрѣній его собственнаго разсудка». Трудно преувеличить значеніе этой фразы, когда она написана представителемъ идеалистической философіи при обсужденіи вопроса о коммунизмѣ. «Субъективныя желанія» и «объективныя возрѣнія разсудка», которыя такъ легко примирялись идеалистической философій при обсужденіи вопросовъ о государствѣ и правѣ. при вопросѣ о коммунизмѣ примирить оказалось очень трудно. И это понятно. Въ первомъ случаѣ и примирять было нечего: субъективныя желанія буржуазіи были примирены съ ея разсудкомъ, съ ея философій. Задача же примирить идеалистическую философію, т. е. ея разсудокъ съ «субъективнымъ желаніемъ» коммунизма была задача по существу не выполняемая. Это значило.—и вся статья явственно подтверждаетъ это,—что идеалистическая философія, казавшаяся достаточной для идеологической борьбы новаго общества съ феодализмомъ и реакціонной романтикой, оказывалась неспособной разрѣшить проблемы выдвигающейся побѣдой и функционированіемъ такого новаго общества.

А съ этого момента идеалистическая философія теряла все свое освобождающее, т. е. революціонное значеніе.

И Марксъ уже предчувствовалъ это, когда, признавъ за «теоретическимъ развитіемъ коммунистическихъ идей» «настоящую опасность», ясно намѣтилъ двѣ формы реакціи на этотъ процессъ.

«На практическіе опыты (осуществленія коммунистическихъ идей), даже будь [они массовыми опытами, можно отвѣтить пушками, если они (опыты) становятся опасны. Но идеи, которыя покоряютъ нашъ разумъ, которыя овладѣваютъ нашими убѣжденіями, къ которымъ разсудокъ приковываетъ неразрывными цѣпями нашу совѣсть,— это узы, отъ которыхъ нельзя оторваться, не разорвавъ своего сердца, это демоны, которыхъ человѣкъ можетъ покорить, лишь подчинившись имъ».

Быть можетъ не давая еще себѣ яснаго въ томъ отчетѣ Марксъ точно предсказалъ въ этихъ словахъ то разслоеніе, которое

должно было произвести въ рядахъ идеологовъ и представителей не феодальной Германіи «развитіе коммунистическихъ идей». Съ идеалистической философійю, окончательно приспособленной къ «субъективнымъ желаніямъ» буржуазіи, должны были остаться—и остались—тѣ, для которыхъ удовлетворителенъ былъ отвѣтъ: «на практическіе опыты можно отвѣтить пушками», другіе — и во главѣ ихъ Карлъ Марксъ — «разорвали все сердце», т. е. порвали съ идеологіей буржуазнаго общества. Изъ кружка «Рейнской Газеты» вышли и Ганземанъ и Марксъ.

Сейчасъ разобранная статья Маркса была послѣдней, написанной имъ въ газетѣ буржуазныхъ демократовъ рейнской провинціи. Она свидѣтельствовала о томъ, что въ сознаніи Маркса начался процессъ отдѣленія «субъективныхъ желаній» того «сословія, которое теперь ничего не имѣетъ» и какъ «фактъ снуетъ по улицамъ Манчестра, Парижа и Ліона», отъ «объективныхъ воззрѣній разсудка», которыя въ системѣ философіи молодой германскэй буржуазіи могли противопоставить «факту, снующему по улицамъ», лишь «пушки».

Совершенно понятно, поэтому, и глубоко характерно для безстрашной мысли Маркса его позднѣйшее признаніе, что конфликтъ съ «Аугсбургской Газетой» по вопросу о коммунизмѣ отравилъ ему работу въ «Рейнской Газетѣ», и что онъ «съ жадностью» воспользовался первымъ случаемъ, чтобъ оставить публицистическую дѣятельность и погрузиться въ кабинетныя занятія *).

Въ данной статьѣ все это высказано лишь намеками; вполне выяснился этотъ вопросъ для Маркса въ промежутокъ времени между этой статьёй и слѣдующей его статьёй въ «Французско-Нѣмецкихъ Ежегодникахъ», когда онъ могъ удовлетворить свою «жадность» къ занятіямъ и въ нихъ найти отвѣтъ на охватившій его «ужасъ».

Критика объективности тѣхъ «воззрѣній разсудка», которыя запечатлѣлись въ идеалистической философійю, стала для Маркса единственнымъ средствомъ преодолѣть тотъ «ужасъ», который овладѣлъ его «совѣстью», когда онъ принужденъ былъ констатировать «возстаніе» «субъективныхъ желаній» пролетаризировавшихся массъ противъ казавшихся ему «объективными» нормъ буржуазнаго общества.

Слѣдующую же статью Марксъ посвятилъ «Критикѣ Гегелевской философійю права».

Но нельзя представлять себѣ эволюцію идей Маркса слишкомъ однотонно. Эта эволюція диктовалась всей совокупностью тогдашнихъ общественныхъ отношеній. А среди нихъ все болѣе выясняв-

*) Ibid., стр. 267.

пійся разрывъ между «разсудкомъ» молодой германской буржуазіей и «желаніемъ» того «сословія, которое ничего не имѣетъ», было важнѣйшимъ, но не единственнымъ. Если къ пересмотру принциповъ своей общественной дѣятельности Маркса толкало прежде всего все болѣе для него обнаруживавшееся несоотвѣтствіе между интересами всего общества и чисто-буржуазной идеологіей «Рейнской Газеты» и журнала Руге, то въ этомъ же направленіи толкало его и противорѣчіе между тактикой буржуазной оппозиціи того времени и назрѣвавшимъ въ странѣ революціонномъ кризисомъ. Потки революціоннаго энтузіазма слышатся уже въ статьяхъ Маркса въ «Рейнской Газетѣ». Но и тутъ принципиальная пропасть между основами революціонной тактики и принципами буржуазной оппозиціи выяснилась для него не сразу. И тутъ Марксъ унесъ изъ «Рейнской Газеты» сомнѣніе и недовольство. Оформилось же это опять-таки въ періодъ его скитаній, когда, порвавши съ «Рейнской Газетой», онъ думалъ о заграничномъ органѣ.

Оппозиціонное настроеніе нѣмецкой буржуазіи стало сказываться достаточно явственно съ 1830 года, когда польская революція отозвалась и на Германіи рядомъ частичныхъ волненій. Опорнымъ пунктомъ начавшагося оппозиціоннаго движенія сдѣлалась прежде всего пресса, а затѣмъ надежды либеральной оппозиціи перенеслися на существовавшіе съ 20-хъ годовъ сословные ландтаги. Главнымъ же методомъ борьбы съ полицейскимъ абсолютизмомъ въ Пруссіи стали для буржуазіи адреса, петиціи и делегаціи съ постоянной ссылкой на майскій манифестъ 1815 года, въ которомъ прусскій король наканунѣ рѣшительной битвы съ Наполеономъ въ самыхъ туманныхъ фразахъ обѣщаль «дать прусской націи конституцію въ видѣ писаннаго акта» Послѣ неожиданно быстрого успѣха въ борьбѣ съ Наполеономъ прусская «конституція» на дѣлѣ приняла видъ «представительства земскихъ чиновъ», созданнаго въ 23 и 24 году. Чтобъ не останавливаться на дѣйствовавшей въ 30-хъ годахъ въ Пруссіи «конституціи», мы ограничимся здѣсь лишь характеристикой Меринга (Nachlass, т. I, русск. перев. «Осв. Труда», стр. 192—3). «Отъ усмотрѣнія правительства зависѣло вполнѣ созвать или не созвать ландтаги, равно какъ и опредѣлить продолжительность ихъ сессій. Дебаты происходили при закрытыхъ дверяхъ подъ предсѣтельствомъ назначеннаго отъ правительства маршала (Landtagsmarschall), который пользовался правомъ воспретить обсужденіе всякаго несприятнаго ему вопроса. Ландтаги имѣли совѣщательный голосъ при обсужденіи проектовъ, которые правительство находило нужнымъ представлять на ихъ обсужденіе, затѣмъ право петицій и ходатайствъ, и, наконецъ, право разрѣшать «коммунальныя» дѣла своей провин-

ці, всякія мелочи, касаюціяся провінціального управління: учрежденія домовъ для бѣдныхъ, исправительныхъ заведеній, тюремъ, психіатрическихъ больницъ, учрежденийъ для глухо-нѣмыхъ и тому подобное.

«Ихъ составъ вполне соответствовалъ степени полномочій. Необходимымъ условіемъ для участія въ этихъ ландтагахъ было владѣніе недвижимою собственностью. Дворянамъ-землевладѣльцамъ принадлежала половина мѣстъ въ ландтагахъ, городамъ — треть, а крестьянамъ одна шестая часть. Дворянство всюду имѣло больше трети всѣхъ голосовъ, и такъ какъ рѣшенія должны были приниматься большинствомъ въ двѣ трети, то ни одно рѣшеніе не могло пройти помимо нихъ. Особенно заботливо были охранены эти ландтаги отъ проникновенія въ нихъ буржуазной интеллигенціи. Для того, чтобы получить право быть избраннымъ въ ландтаги по городскому цензу, необходимо было, чтобы дающая цензъ недвижимая собственность находилась въ однѣхъ рукахъ въ теченіе десяти лѣтъ. Если выборы падали на служащаго городского управления, то правительство могло ихъ отмѣнить. Изъ 584 членовъ восьми ландтаговъ 278 принадлежали родовому и помѣстному дворянству, 182 — городамъ и 124 — крестьянамъ».

При такихъ условіяхъ іюльская революція принесла нѣмецкому народу, по выраженію Гейне, «совсѣмъ другіе звуки, высокія чудныя пѣсни о гражданскомъ равенствѣ, о человѣческихъ правахъ, неотъемлемыхъ человѣческихъ правахъ, и онъ смотритъ съ улыбкой сожалѣнія, если не презрѣнія, на знакомыхъ шапокъ, средневѣковыхъ псовъ, вѣрныхъ пуделей и благочестивыхъ мопсовъ 1814 года». Надо добавить, что дальше «улыбокъ презрѣнія» пошла—и то лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—только крестьянская масса. Либеральная оппозиція не созрѣла даже до «презрѣнія» къ «средневѣковому псамъ». Передъ высоко поднятыми носами послѣднихъ ея хватило лишь на заискивающія улыбочки. Въ отвѣтъ на эти улыбочки, на благонамѣренныя напоминанія о манифестѣ 1815 года, Фридрихъ III съ 37 года совсѣмъ прекратилъ созывъ ландтаговъ. Дѣло казалось совершенно безнадежнымъ, и надежды либерализма почилы на наслѣдникѣ стараго короля, Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Либеральная оппозиція, за неимѣніемъ лучшихъ и болѣе подходящихъ для себя объектовъ, авансомъ вотиrowала довѣріе либеральнымъ будто бы тенденціямъ этого реакціонера-утописта на тронѣ и воспользовалась его вступленіемъ на престолъ (7 іюня 1840 года), чтобы демонстрировать всю благонамѣренность своихъ требованій.

Объективныя причины—процессъ капитализаціи Германіи—настоятельно требовали государственныхъ реформъ. Отъ нихъ подъ стра-

хоть смерти не могла отказаться буржуазія. Но борьба за эти реформы у германской буржуазіи принесла обычныя для либеральной буржуазіи формы борьбы за вліяніе на историческую власть. Получивъ новаго короля, прусская оппозиція нашла, казалось, желательный объект своей политики, и Фридриху IV пришлось затратить не мало усилий, чтобы приучить благонамѣренную оппозицію къ мысли, что «историческая власть» отнюдь не склонна отказаться отъ своихъ правъ и привилегій и перестать быть вѣрною выразительницей интересовъ благороднаго дворянства. На это понадобилось нѣсколько лѣтъ. Первые же годы царствованія новаго короля были эпохой самыхъ «безсмысленныхъ» либеральныхъ надеждъ.

Съ колебаніями въ ту или другую сторону это настроеніе удержалось вплоть до начала 1843 года, поддерживаемое надеждами благонамѣренной оппозиціи то на личное вліяніе на короля со стороны либерала, крупнаго чиновника и «умнаго юнкера» фонъ-Шена, то на открытые 28-го февр. 1841 г. провинціальныя ландтаги, то на вновь учрежденный и открытый 18 октября 1842 г. постоянный Комитетъ провинціальныхъ сеймовъ.

Наконецъ, весной 1843 года закрытіе «Рейнской Газеты» и «Нѣмецкихъ Ежегодниковъ» совершенно ясно показало направленіе пути новаго короля. «Парадный плащъ либерализма упалъ, и отвратительнѣйшій деспотизмъ стоитъ передъ глазами всего свѣта во всей своей наготѣ», писалъ Маркъ Руге, оставивши редактированье задушенной газеты. Конечно, и послѣ 1842 года еще очень значительная часть оппозиціи сохранила свою «собачью униженную», по словамъ друга Маркса, Кёппена, позицію, но съ этого времени датируется выдѣленіе изъ обще-опозиціонной массы радикальнаго, съ одной стороны, социалистическаго, съ другой, теченій. Къ судьбамъ этихъ отдѣлившихся отъ филистерскаго либерализма теченій мы еще вернемся. Теперь же надо отмѣтить, что линія «Рейнской Газеты» въ 42 году, если и отличалась отъ линіи либерализма, то только ясно чувствовавшимся и постоянно сдерживавшимся революціоннымъ духомъ въ Марксовскихъ статьяхъ.

Въ то же время эти статьи совершенно ясно показываютъ, какъ бился его революціонный духъ въ тискахъ идеалистической философіи, совершенно достаточной, чтобы обосновать тактику нѣмецкой либеральной буржуазіи, но совершенно непригодной, чтобы отразить нараставшій и неизбежный революціонный кризисъ. И въ этомъ пунктѣ Маркъ, ставшій воплощеніемъ революціонной энергіи низовъ, долженъ былъ порвать съ идеалистической философіей, чтобы найти новое орудіе своей борьбы.

Крушеніе либеральныхъ надеждъ 1842 года кинуло нѣмецкую ин-

теллигенцію на нѣсколько различныхъ путей. Часть ея пришла къ выводу, что «нѣмецъ совершенно непригоденъ для политики». Этотъ выводъ получилъ свое «философское» обобщеніе въ дѣятельности Бруно Бауэра и въ его органѣ 1843 года. Здѣсь братья Бауэры поваялись въ своей причастности къ политической борьбѣ 42-го года и вращеніе идеалистической философіи передъ лицомъ экономическихъ и политическихъ проблемъ пытались прикрыть заявленіемъ о «непригодности» занятій политикой для философіи. Философія вновь поднялась на высоты абсолютнаго духа, и противопоставленіе этому духу массы было естественной реакціей на тотъ выводъ о необходимости обміршенія философіи и апелляціи къ конкретнымъ нуждамъ конкретной массы, къ которымъ пришелъ Марксъ. Эта попытка идеалистической философіи спасти себя, отойдя отъ политическихъ интересовъ массы, незамедлившая принять явно-реакціонную форму, немедленно же встрѣтила ярый отпоръ со стороны Маркса въ написанной имъ въ концѣ 1844 года въ сотрудничествѣ съ Энгельсомъ 20-листной брошюры подъ заглавіемъ «Святое Семейство».

Въ то же время неудачи 1842-го года помогли на лѣвомъ флангѣ буржуазной оппозиціи выдѣлиться чисто-радикальному теченію, доработавшемуся подъ кнутомъ реакціи до идеи революціонныхъ методовъ борьбы и до германской республики въ идеалѣ. Это чисто-буржуазное теченіе, имѣвшее своимъ представителемъ К. Гейнца, питало вполне опредѣленную ненависть къ начинавшему проникать въ Германію социализму. Буржуазная ограниченность этихъ господъ сказывалась одинаково и тогда, когда они пытались привлечь къ себѣ народныя массы введеніемъ въ свои программы обрывковъ социалистической мысли, и тогда, когда главной мишенью своей борьбы они рядомъ съ абсолютизмомъ сдѣлали и социалистическое движеніе.

Наконецъ, на другомъ полюсѣ общественной мысли столкновеніе съ вопросомъ о судьбѣ трудящихся массъ породило обычный продуктъ мелко-буржуазной идеологіи эпохи первоначальнаго накопленія— «народничество», считавшее себя «истиннымъ социализмомъ» на томъ основаніи, что оно не имѣло понятія ни о классовой борьбѣ, ни о революціонной роли пролетаріата, ни о правильномъ разрѣшеніи вопроса объ отношеніи между социализмомъ и политической борьбой, а ограничивалось стонами по поводу нашествія капитализма и язвы пролетаріата.

Если буржуазная ограниченность политическаго радикализма Гейнца и др. была сейчасъ же понята Марксомъ, то съ мелко-буржуазнымъ характеромъ «истиннаго социализма» и Марксу, и Энгельсу пришлось считаться гораздо болѣе серьезно. Объясняется это тѣмъ, что «народничество» въ Германіи было однимъ изъ неизбѣж-

ныхъ этаповъ развитія социалистической мысли, и этотъ этапъ должны были изжить и Марксъ, и Энгельсъ, чтобъ выйти, наконецъ, на широкую дорогу пролетарскаго социализма и вывести на нее немало сторонниковъ «истиннаго социализма» въ родѣ Моисея Гесса и др.

Здѣсь намъ нечего указывать на то, что въ самой экономикѣ тогдашней Германіи были совершенно достаточныя основанія, чтобъ породить ту путанность мысли, то непониманіе роли пролетаріата, тотъ стонъ противъ нашествія капитализма, тѣ рецепты спасенія отъ «язвы пролетаріата», которыя такъ характерны для народничества.

Какъ и всегда кардинальнымъ пунктомъ споровъ, фокусомъ, въ которомъ сосредоточились всѣ противорѣчія тогдашней социалистической мысли, сталъ вопросъ о «социализмѣ и политикѣ». Цѣлый рядъ брошюръ и статей посвященъ былъ въ 1844—46 году именно этому вопросу. Насколько ясно сознавалось центральное значеніе этого вопроса, видно хотя бы уже изъ того, что ярый народникъ, Карлъ Грюнъ именно съ точки зрѣнія этой проблемы разсматривалъ уроки силезскаго возстанія ткачей въ статьѣ, такъ и названной «Sozialismus und Politik». К. Марксъ трактовалъ по существу о томъ же и въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Къ критикѣ Гегелевской философіи права» *).

Иначе и быть не могло. Мы уже указывали, что разрывъ съ буржуазно-либеральной идеологіей произошелъ у Маркса на почвѣ вопросовъ о положеніи «ничего не имѣющаго сословія», о буржуазномъ обществѣ и о революціонной борьбѣ со старымъ государствомъ.

Вопросъ о «социализмѣ и политикѣ» былъ лишь другой—синтетической—формулировкой этихъ вопросовъ. Ужъ сама постановка этого вопроса въ такой формѣ знаменовала новую эру въ жизни нѣмецкой интеллигенціи и духовномъ развитіи Маркса. А отвѣтъ на этотъ вопросъ требовалъ трехъ вещей: надо было реформировать то, что тогда называлось «социализмомъ» или «коммунизмомъ», во-первыхъ; надо было дать новые принципы политической дѣятельности, во-вторыхъ; надо было, наконецъ, слить то и другое въ единую систему. Въ окончательномъ видѣ всѣ эти вопросы получили разрѣшеніе въ «Коммунистическомъ Манифестѣ»

Исходный пунктъ, на которомъ стояла мысль Маркса, когда онъ засѣлъ за работу послѣ отказа отъ редактированія «Рейнской Газеты», недурно формулированъ Ар. Руге. Въ послѣдней книжкѣ своего «легальнаго» журнала онъ писалъ въ статьѣ подъ заглавіемъ «Самокритика либерализма»:

*) Намъ нечего напоминать читателю, что первая брошюра, ознаменовавшая вылуиленіе социаль-демократической мысли изъ народнической скорлупы въ Россіи, посвящена была именно этому вопросу и называлась: „Социализмъ и политическая борьба“.

«Философское освобождение ни отъ чего не освобождаетъ... Проблемы времени должны стать проблемами народа и для народа. Лишь тогда они станутъ живыми силами въ этомъ мірѣ. Не покоится ли весь нашъ міръ на безголовой иллюзіи, будто разумъ надо искать по ту сторону народа, будто онъ долженъ даваться народу сверху и быть реализованъ не въ немъ, а гдѣ-нибудь внѣ его» *).

Съ этимъ паролемъ — искать разумъ въ самомъ народѣ, въ его движеніи — и отправились Марксъ и Руге осенью 1843 г. въ Парижъ, чтобъ заняться изданіемъ «нелегальнаго» журнала.

Отмѣтимъ тутъ же, чтобы не возвращаться къ этому больше, что на тяжеломъ спускѣ съ высотъ гегельянщины и ея противорѣчій къ народу и къ противорѣчіямъ «соціализма и политики» — Марксъ уже могъ опереться на великую, по словамъ Энгельса, освобождающую силу фейербаховской философіи. Столь же естественно было, что Марксъ оставилъ въ сторонѣ Фейербаха съ его государственной философіей сословной монархіи у порога политическихъ вопросовъ. Его дальнѣйшая работа въ этой области исходила уже не изъ критики нѣмецкой философіи, а изъ критики великихъ утопистовъ и современныхъ ему представителей англійскаго и французскаго рабочаго движенія.

Мерингъ въ своихъ комментаріяхъ къ статьямъ Маркса въ «Нѣмецко-Французскихъ Ежегодникахъ» отмѣчаетъ, конечно, совершенно правильно, что Марксъ переживалъ тогда періодъ исканія отъ идеализма къ материализму. Это то исканіе совершалось подъ лучами фейербаховской философіи природы и религіи. Но это философское «линяніе» было, какъ мы уже указывали, вмѣстѣ съ тѣмъ переходомъ къ постановкѣ конкретныхъ политико-экономическихъ вопросовъ. Къ этимъ вопросамъ Марксу пришлось пробиваться сквозь густую чащу философскихъ спекуляцій. Мы принуждены здѣсь оставить въ сторонѣ эту работу предварительной расчистки почвы, продѣланную Марксомъ какъ въ «Нѣмецко-Французскихъ Ежегодникахъ», такъ и въ «Святомъ Семействѣ». Сейчасъ съ насъ достаточно знать, что Марксъ, какъ и Руге въ своемъ журналѣ, исходилъ изъ того, что «уже существуетъ довольно очищенная отъ теологіи реально-политическая атмосфера, которую нужно культивировать, освѣщать и согрѣвать». Дальнѣйшее очищеніе «атмосферы» отъ тумана теологіи и философіи было одной изъ главнѣйшихъ задачъ Маркса; но здѣсь мы должны будемъ сосредоточиться на вопросѣ, какъ цвигалась мысль Маркса въ предѣлахъ «реально-политической атмосферы» того времени.

*) Nachlass, I т., рус. пер., стр. 285.

Въ отличіе отъ «народниковъ», Марксъ отнюдь не былъ склоненъ въ увлеченію аполитизмомъ. Въ этомъ отношеніи работа въ «Рейнской газетѣ» надъ практическими вопросами права и близкое соприкосновеніе съ политической мыслью прирейнской оппозиціонной буржуазіи сослужило Марксу хорошую службу. Оно обезопасило его отъ пренебреженія политическими вопросами. Наивный аполитизмъ былъ уже ему не по плечу. Скорѣй наоборотъ. Въ то время какъ нѣмецкіе «народники», столкнувшись въ 40-хъ годахъ съ той политической путаницей, которая извѣстна была тогда подъ именемъ социализма, оказались передъ ней вполне безоружными, Марксъ пришелъ къ французской и англійской «всеобщей анархіи въ средѣ реформаторовъ — социалистовъ» съ прямымъ вопросомъ о томъ, какъ примирить социализмъ съ борьбой за политическую свободу. Въ письмѣ, подписанномъ его именемъ и опубликованномъ въ началѣ 1-й книжки «Ежегодниковъ» въ видѣ ихъ программы, Марксъ прямо заявлялъ: «Критикъ, слѣдовательно, не только можетъ, но и обязанъ войти въ обсужденіе политическихъ вопросовъ, которые, по мнѣнію ограниченныхъ социалистовъ, ниже всякой критики» *).

Въ этомъ письмѣ совершенно ясно намѣчены основныя исходныя точки Маркса, которыя по надлежащей обработкѣ легли въ основу его системы и уже тогда отдѣляли его отъ большинства нѣмецкихъ и другихъ «истинныхъ» социалистовъ. Ему, правда, въ этомъ же письмѣ (сентябрь 1843 г.) пришлось еще доказывать, что «совершенно не является измѣной для *hauteur des principes* критическое обсужденіе самого спеціальнаго политическаго вопроса, напримѣръ, вопроса о различіи сословной и всеобщей представительныхъ системъ». Эти доказательства были данью, которую Марксъ принужденъ былъ заплатить своему прошлому и прошлому интеллигентской мысли Германіи. Но въ томъ же письмѣ мы найдемъ гениальное предвидѣніе того метода, которымъ должно вестись это «критическое обсужденіе» политическихъ и общественныхъ вопросовъ. «Мы не говоримъ міру: «оставь свою борьбу, это вздоръ, мы хотимъ дать тебѣ новый лозунгъ борьбы». Мы выясняемъ ему лишь, изъ-за чего онъ собственно борется... Реформа сознанія состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, чтобы... разъяснить міру его собственные поступки... Итакъ, заканчиваетъ Марксъ, мы можемъ опредѣлить тенденціи нашего журнала такъ: самовразумленіе времени о своихъ стремленіяхъ и желаніяхъ». А это было лишь глубокой, обобщающей формулировкой той мысли, что дѣйствительнаго освобожденія надо искать не въ философіи, а въ движеніяхъ массы, или, какъ выражался Ар.

*) Ibid., стр. 514.

Руге, что «проблемы времени должны стать проблемами народа и для народа».

Но Маркс пошелъ гораздо дальше, когда въ другомъ письмѣ, также приложенномъ къ 1-ой книжкѣ «Ежегодниковъ», прямо указывалъ на матеріальныя основы той борьбы, объяснить смыслъ и значеніе которой хотѣлъ журналъ. «Строй промышленности и торговли, система владѣнія и эксплуатированія людей ведетъ еще быстрее, чѣмъ увеличеніе народонаселенія, къ разрыву, который старая система не въ состояніи залѣчить»... *)).

Утвердившись на матеріальномъ базисѣ — развитіи промышленности, отказавшись давать спасительные совѣты человѣчеству, а наоборотъ движимый желаніемъ въ самомъ историческомъ развитіи найти смыслъ и законы борьбы со старымъ міромъ, Марксъ тѣмъ самымъ занялъ такую позицію, съ которой онъ имѣлъ полное право и возможность вновь поставить и пересмотрѣть, уже рѣшенный отрицательно вопросъ о связи «человѣческой эмансипаціи» (соціализма) и эмансипаціи политической.

«Намъ предстоитъ революція», писалъ Марксъ въ маѣ 1843 года. Предстояло опредѣлить ея содержаніе. Этому посвящены обѣ статьи Маркса въ «Нѣмецко-Французскихъ Ежегодникахъ», первая и послѣдняя книжка которыхъ вышли въ двухъ выпускахъ въ мартѣ 1844 года. На первой же страницѣ своей первой статьи Марксъ провозглашаетъ «к р и т и к у з е м л и, критику права, критику политики». Эту критику Марксъ начинаетъ, однако, не съ государственныхъ порядковъ Германіи, «не съ оригинала, а съ копіи, съ нѣмецкой философіи государства и права». «Оригиналъ» онъ считаетъ настолько устарѣвшимъ, что даже его отрицаніе—уже хламъ, «который давно брошенъ вмѣстѣ со всякимъ другимъ хламомъ въ историческій чуланъ современныхъ передовыхъ націй». Противъ политическаго настоящаго Германіи Марксъ признаетъ плодотворнымъ направить лишь одинъ видъ критики—«критику въ рукопашную». Идейная борьба противъ нѣмецкаго политическаго настоящаго была бы, продолжаетъ Марксъ, борьбой противъ прошлаго современныхъ передовыхъ народовъ и представляла бы общій интересъ, т.-е. стояла бы на уровнѣ цивилизованнаго міра, лишь постольку, поскольку ancien régime остается «скрытымъ недостаткомъ современнаго передоваго государства».

Далѣе Марксъ совершенно точно устанавливаетъ мѣсто, которое занимаютъ злобы для общественной жизни Германіи въ ряду тѣхъ проблемъ, надъ которыми бьется современная ему мысль. «Въ Гер-

*) Ibid., стр. 500.

маніи предъ нами начало начала, между тѣмъ какъ во Франціи и Англии разыгрывается уже начало конца. Старый гнилой порядокъ, противъ котораго эти страны теоретически давно уже возстали... привѣтствуется въ Германіи, какъ восходящая утренняя заря прекраснаго будущаго» И Марксъ тутъ же формулируетъ, о чемъ идетъ рѣчь въ Германіи, во Франціи и Англии. «Во Франціи и Англии задачи гласятъ—господство общества надъ богатствомъ, въ Германіи овѣ стоятъ еще такъ: господство частной собственности надъ національностью... Тамъ идетъ рѣчь о разрѣшеніи коллизіи; здѣсь о томъ, чтобы только создать ее»... Врядъ ли можно было лучше, точнѣе и острѣе сформулировать вопросъ, и намъ остается лишь пожалѣть о состояніи не только историческаго, но и эстетическаго чутья нѣкоего русскаго критика, умудрившагося выразить свое сожалѣніе по поводу того, что эта статья Маркса написана туманнымъ, гегельянскимъ языкомъ. Однако, и въ нѣмецкой общественной жизни Марксъ находитъ одинъ пунктъ, критика и работа надъ преодолѣніемъ котораго была бы въ тоже время критикой и преодолѣніемъ проблемъ, выдвинутыхъ передовыми странами. Этотъ пунктъ—нѣмецкая и специально гегелевская философія. Почему? Потому, отвѣчаетъ Марксъ, что «нѣмецкая философія—идеальное продолженіе нѣмецкой исторіи». Осуществленіе отразившагося въ нѣмецкой философіи представленія о ея идеальныхъ порядкахъ Германія наглядно пережила у сосѣднихъ народовъ. Такимъ образомъ критика нѣмецкой философіи была для Маркса критикой порядковъ «современныхъ передовыхъ народовъ», критикой практики общественной жизни Англии и Франціи—и наоборотъ. Въ таковой именно формѣ предсталъ предъ Марксомъ вопросъ о томъ, неизбѣжно ли для Германіи непосредственное осуществленіе того, что казалось ей «идеальными порядками», и что было уже осуществлено въ Англии и Франціи, или же она окажется способной «подняться... до революціи, которая... подыметъ ее (Германію) на человѣческую высоту ближайшаго будущаго этихъ народовъ». Ближайшемъ же будущимъ «этихъ народовъ» для Маркса, какъ мы видѣли, было разрѣшеніе коллизіи буржуазнаго общества.

Путь «повторенія давно извѣстныхъ старыхъ сказокъ», путь непосредственнаго осуществленія того, что было уже осуществлено въ передовыхъ странахъ и что казалось идеальнымъ нѣмецкой философіи, отнюдь не казался тогда Марксу наилучшимъ путемъ. Онъ призывалъ нѣмецкій народъ подвергнуть критикѣ не только существующіе у него порядки, но «идеальные порядки» Франціи и Германіи. Будущее нѣмецкаго народа «не можетъ ограничиться ни непосредственнымъ отрицаніемъ его реальныхъ порядковъ, ни непо-

средственымъ осуществленіемъ его идеальныхъ государственныхъ и правовыхъ порядковъ»

У Маркса не было сомнѣнія, что нѣмецкая мысль, дойдя до Фейербаха, — до ученія, «требующаго ниспроверженія всѣхъ отношеній, въ которыхъ человѣкъ является существомъ униженнымъ, порабощеннымъ, презрѣннымъ», — тѣмъ самымъ уже преодолѣла теоретически порядки передовыхъ народовъ. Но, какъ мы показали, Марксъ, принимаясь за эту статью, зналъ уже, что дѣйствительное освобожденіе не лежитъ въ плоскости философіи. И отвергнувши путь «повторенія старыхъ сказокъ», Марксъ искалъ его дѣйствительнаго преодоленія въ анализѣ реальныхъ общественныхъ силъ Германіи. «Какъ же можно требовать отъ нея, чтобы она однимъ salto mortale перескочила не только черезъ свои собственные преграды, которыя она въ дѣйствительности должна считать освобожденіемъ отъ своихъ дѣйствительныхъ преградъ? Радикальная революція можетъ быть лишь революціей радикальныхъ потребностей, но именно предпосылки и источникъ народженія такихъ потребностей, кажется, и отсутствуютъ» *).

Вопросъ, какъ видитъ читатель, былъ формулированъ Марксомъ совершенно реалистически: онъ предусматривалъ и направлялъ вниманіе какъ разъ въ наиболѣе опасные пункты. И здѣсь мы должны остановиться, чтобы отмѣтить, что въ самой формулировкѣ этого вопроса, равно какъ и въ уже рассмотрѣнной нами части статьи, былъ данъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на вопросъ о соотношеніи «политической» и «человѣческой» эмансипаціи, эмансипаціи отъ феодализма и эмансипаціи отъ буржуазной частной собственности, борьбы за политическую и гражданскую свободу капиталистическаго мира и пролетарской борьбы за социализмъ, политики и социализма. Мы уже видѣли, что съ самаго начала журнала Марксъ совершенно опредѣленно высказался противъ аполитизма: теперь мы видимъ, что Марксъ нисколько не страшился того господства буржуазіи, которое заставляло «истинныхъ социалистовъ» отворачиваться отъ политической борьбы; напротивъ, онъ находилъ и въ политической эмансипаціи элементъ «дѣйствительнаго освобожденія» народа отъ «дѣйствительныхъ преградъ». Короче, — въ общей формѣ Марксъ рѣшилъ вопросъ о политикѣ и социализмѣ, подчинивъ политическое, частичное освобожденіе задачамъ полнаго, «человѣческаго» освобожденія въ социализмѣ. Признаніе освободительнаго значенія за политической борьбой, опирающееся на признаніе прогрессивнаго значенія за новымъ, буржуазнымъ строемъ хозяйства, было тѣмъ реалистическимъ моментомъ,

*) Ibid., стр. 527.

который отдѣлялъ уже тогда Маркса отъ реакціоннаго утопизма народниковъ.

Это положеніе красной нитью проходитъ черезъ всё сочиненіе Маркса уже середины 40-хъ годовъ. И можно совершенно ясно прослѣдить, какъ это положеніе для Маркса связывается съ идеей, покуда скорѣе предчувствуемой, чѣмъ сознаанной, — о зависимости смѣны политическихъ формъ отъ развитія хозяйственной жизни общества. Въ той же статьѣ Марксъ характеризуетъ значеніе и условія частичнаго политическаго освобожденія слѣдующими чертами.

«На чемъ основывается частичная, только политическая революція?», спрашиваетъ Марксъ. «На томъ, что часть гражданскаго общества эмансипируетъ себя и достигаетъ всеобщаго господства; на томъ, что опредѣленный классъ предпринимаетъ всеобщую эмансипацію, исходя при этомъ изъ своего особеннаго положенія... Но для завоеванія (этого) положенія всеобщаго освободителя, которое дастъ данному классу возможность политически эксплуатировать всё круги общества въ собственныхъ интересахъ, недостаточно одной революціонной энергіи и сознанія развитаго чувства собственного достоинства». Для этого необходимо, продолжаетъ Марксъ, совпаденіе интересовъ народа на данной его ступени и интересовъ этого класса. И въ качествѣ иллюстраціи, приводитъ «положительно-всеобщее значеніе» французской буржуазіи эпохи революціи.

«Политическая эмансипація является», говоритъ Марксъ, «одновременно и разложеніемъ стараго общества, на которомъ покоится ставшій чуждымъ народу государственнй строй, деспотизмъ». И переходя къ оцѣнкѣ содержанія политической эмансипаціи, къ оцѣнкѣ тѣхъ общественныхъ отношеній, которыя освобождаются политической эмансипаціей, Марксъ пишетъ: «Освобожденіе отъ политическаго ига было вмѣстѣ съ тѣмъ освобожденіемъ эгоистическаго духа гражданскаго общества отъ сковывающихъ его узъ». Человѣкъ путемъ политической революціи «не былъ освобожденъ отъ собственности, онъ получилъ только свободу собственности». Къ этому міру свободной частной собственности политическая революція «относится какъ къ основъ своего существованія, какъ къ предпосылкѣ, которая не нуждается въ дальнѣйшемъ обоснованіи, т. е., какъ къ своей природной основѣ» *).

Политическая революція не можетъ по этому самому ни революціонизировать «составныхъ частей» этой своей «предпосылки», «своей природной основы», ни подвергнуть ихъ критикѣ. Эта критика должна стать работой тѣхъ, кто созналъ недостаточность политической

*) Ibid., стр. 364-5.

эмансипации, и статьи Маркса представляют параллельное развитие двух мыслей: анализируя условия и содержание буржуазной (мы видели, что Маркс совершенно отчетливо связал политическую революцию с революцией буржуазной) революции, Маркс тут же дает критику того строя, который освобождается «политической эмансипацией» от ига феодализма. Вторая часть статьи «Къ еврейскому вопросу» представляет уже прямое нападение на общество «купи-продажи». Эмансипация отъ купли-продажи и денег...— въ этомъ и должна состоять само-эмансипация нашего времени». Статья кончается указаніемъ, что всѣ неразрѣшимыя противорѣчія современнаго общества могутъ найти разрѣшеніе лишь въ «организации общества, которая уничтожила бы предпосылки купли-продажи»...

Но проанализировавъ условия, при которыхъ протекаетъ политическая эмансипация, найдя въ матеріальныхъ условияхъ ея основу, Марксъ не могъ уже не видѣть ея относительной прогрессивности; ни считать ее, по примѣру нѣмецкихъ народниковъ, результатомъ сознательнаго обмана народа буржуазіей. «Политическая эмансипация, резюмируетъ Марксъ, конечно, большой шагъ впередъ. Она, правда, не послѣдняя форма человѣческой эмансипации вообще, но она послѣдняя форма человѣческой эмансипации въ предѣлахъ существующаго міроваго порядка», т. е. въ предѣлахъ міра собственности.

Этимъ самымъ признана была,—вопреки апологетамъ буржуазнаго строя, съ одной стороны, и вопреки утопистамъ аполитическаго народническаго социализма, съ другой,—впервые въ нѣмецкой литературѣ и исторически-положительная роль буржуазной эмансипации и ея недостаточность.‡

Эта точка зрѣнія, на которую сталъ Марксъ въ результатъ своей работы въ рядахъ германскихъ демократовъ 42-го года и своего разрыва съ ними, и которая ему подсказана была, съ одной стороны, изученіемъ великой французской революціи, а съ другой, критиковъ капиталистическаго строя въ трудахъ великихъ‡ утопистовъ, никогда уже не покидалась Марксомъ. Это положеніе было главнѣйшимъ завоеваніемъ политической мысли Германіи въ результатъ краха «либеральныхъ надеждъ» 42-го года. Мы уже видѣли, какъ въ результатъ этого краха бр. Бауэры ушли отъ политики къ критикѣ массы, «народники» къ отказу отъ политики вообще (это, конечно, только въ теоріи). Марксъ же вынесъ изъ этой эпохи критику недостаточности политической, буржуазной революціи и мысль о необходимости ея подчиненія задачамъ полной, социалистической эмансипации.

Занявъ эту позицію, Марксу оставалось опредѣлить, какъ относиться къ недостаточной политической эмансипации тѣмъ, кто эту недостаточность созналъ и кому вмѣстѣ съ тѣмъ—въ результатѣ ре-

алистического и исторического взгляда на историю—быть закрытъ выходъ въ широкое море субъективно-идеалистической философіи народничества, съ его чаяньями о предотвращеніи капитализма.

Этотъ вопросъ относился прежде всего къ тѣмъ странамъ, которыя не пережили еще своей буржуазной революціи, значить прежде всего къ Германіи. Относительно тогдашней Западной Европы, т. е. Франціи и Англии, мы видѣли уже схему Маркса, которая говорила о поочередномъ переходѣ роли освободителя къ «различнымъ классамъ французскаго общества», вплоть до окончательнаго освободителя-пролетаріата. Наканунѣ 48-го года Марксъ питаль увѣренность, что теперь дѣло идетъ именно объ очереди послѣдняго.

Первоначальный отвѣтъ Маркса по поводу Германіи, высказанный имъ въ тѣхъ же «Ежегодникахъ» сливалъ для Германіи политическую и социалистическую революцію въ единомъ актѣ полной «человѣческой эмансипаціи».

Избѣжать мысли о наступленіи часа социалистической революціи во Франціи и о томъ, что «крикъ галльскаго пѣтуха» вызоветъ такую же въ Германіи, было бы чрезвычайно трудно на той ступени развитія общественной мысли Маркса, на которой онъ стоялъ наканунѣ 48-го года. Это вполне естественно. Чтобъ учесть характеръ и не переоцнить того переворота, неизбѣжность котораго ясно предугадывалъ Марксъ, надо было имѣть гораздо болѣе конкретную и детальную картину развитія капиталистическаго общества, чѣмъ какая находилась передъ Марксомъ вплоть до 50-хъ годовъ. Надо было гораздо детальнѣе выяснить связь политики съ экономикой, чѣмъ могъ это сдѣлать Марксъ въ эпоху своего «линянія» въ срединѣ 40-хъ годовъ.

Надо было, наконецъ, умѣть точно учесть соотношеніе силъ, создаваемыхъ капиталистическимъ развитіемъ, и, прежде всего, увидѣть въ самомъ пролетаріатѣ процессъ постояннаго нарастанія социалистическихъ элементовъ. Иначе говоря, чтобъ не отвѣтить такъ, какъ отвѣтилъ Марксъ на вопросъ о содержаніи ближайшей европейской революціи, необходимо было предварительно укрѣпиться въ историко-материалистическомъ взглядѣ на развитіе общественныхъ отношеній и детально проанализировать тѣ условія, которые связываютъ процессъ нарастанія субъективныхъ и объективныхъ условій социалистическаго переворота съ развитіемъ самого капиталистическаго общества.

А все это можно было сдѣлать, лишь переживъ и учтя опытъ 48-го года. Поэтому-то всѣ тѣ поправки къ первоначальному взгляду Маркса, которыя вошли въ его окончательную систему, и даны въ его работахъ, посвященныхъ изученію 48-го года во Франціи и Германіи.

Въ 44-омъ году Марксъ не обладалъ ни детализированной теоріей развитія производительныхъ силъ, какъ основы всего общественнаго процесса, ни развитымъ представленіемъ о субъективныхъ и объективныхъ условіяхъ социалистическаго строя.

Но и тогда Марксъ былъ въ достаточной мѣрѣ реалистомъ, чтобы требовать объективныхъ доказательствъ возможности социалистической революціи въ Германіи. Этихъ доказательствъ онъ искалъ въ анализѣ общественныхъ силъ, дѣйствовавшихъ въ Германіи. И если ближайшія событія не оправдали соображеній Маркса о содержаніи ближайшей революціи, то все дальнѣйшее развитіе Германіи, и прежде всего роль различныхъ классовъ въ 48-мъ году, блестяще подтвердили данную имъ за четыре года до того характеристику этихъ классовъ. Это полезно запомнить тѣмъ, кто пользуется этой статьей Маркса для того, чтобы лягнуть его «утопизмъ».

Марксъ видѣлъ въ нѣмецкомъ правительствѣ чудовищную комбинацію «цивилизованныхъ недостатковъ современнаго передоваго государственнаго строя» и «варварскихъ недостатковъ ancien régime'a». Германія, въ лицѣ своихъ правительствъ, стояла передъ Марсомъ какъ «воплощеніе недостатковъ политическаго настоящаго», и для него было ясно, что старая Германія могла быть окончательно сокрушена, лишь найдя себѣ достойнаго противника,—классъ, который явился бы вовлеченіемъ будущаго всего европейскаго общества.

Этой роли не могла сыграть, по Марксу, и не сыграла—нѣмецкая буржуазія. Марксъ совершенно точно сформулировалъ тѣ причины, по которымъ нѣмецкая буржуазія не могла повторить французской буржуазіи конца XVIII ст. Ибо къ ней ближе всего относятся слова Маркса: въ Германіи «она начинаетъ устанавливать свои собственныя ограниченія еще раньше, чѣмъ ниспровергла ограничивающія ее самое ограниченія... Такимъ образомъ, случай сыграть крупную роль оказывается уже позади еще раньше, чѣмъ онъ появился на свѣтъ, и каждый классъ, не успѣвъ еще начать борьбу со стоящимъ выше его классомъ, самъ уже оказывается вовлеченнымъ въ борьбу съ классомъ, стоящимъ ниже его. Средній классъ едва лишь дерзаетъ формулировать съ своей точки зрѣнія мысль объ освобожденіи, а развитіе социальныхъ отношеній и прогрессъ политической теоріи обявляютъ самую эту точку зрѣнія устарѣлой или, по крайней мѣрѣ, проблематичной».

Правильность этихъ общихъ соображеній Маркса нѣмецкая буржуазія блестяще доказала тѣмъ, что въ 48-омъ году на практикѣ осуществила марксовскій прогнозъ.

Итакъ. дѣйствительнаго отрицателя германскаго политическаго строя надо было искать не здѣсь, а въ классѣ, который отрицалъ бы

не только феодализмъ, но и половинчатость буржуазной борьбы съ нимъ,—въ пролетаріатѣ.

И тутъ Марксъ былъ совершенно правъ. Его ошибка начиналась лишь съ того момента, когда онъ переоцѣнивалъ силы и значеніе пролетаріата для ближайшей эпохи. Онъ былъ правъ, когда писалъ, что «въ Германіи освобожденіе отъ средневѣковья возможно, лишь какъ одновременное освобожденіе отъ частичныхъ побѣдъ надъ средневѣковьемъ», но онъ ошибался, когда полагалъ, что въ пролетаріатѣ уже накоплена сила, могущая противостоять «частичнымъ побѣдамъ надъ средневѣковьемъ».

Онъ былъ правъ, когда писалъ, что въ Германіи нельзя ниспровергнуть одинъ видъ рабства (политической власти юнкеровъ), не ниспровергая вмѣстѣ съ тѣмъ все виды его; онъ ошибался лишь, недоцѣнивая способности капиталистическаго общества приспособлять къ себѣ, модернизировать и использовать въ своихъ цѣляхъ все виды рабства.

Давъ совершенно правильную характеристику условій полнаго разгрома старой Германіи и тѣмъ перешагнувъ черезъ все народническія реакціонно-утопическія ученія, равно какъ и черезъ мелкобуржуазный, аполитическій социализмъ французскихъ современниковъ, Марксъ ошибся въ своемъ прогнозѣ лишь постольку, поскольку не допускалъ возможности реформаторскаго пути приспособленія Германіи къ потребностямъ буржуазіи.

«Не радикальная революція, не всеобщая человѣческая эмансипація—мечта, утопія для Германіи, а наоборотъ, частичная, только политическая революція»... отъ этого положенія Германія отдѣлалась только тѣмъ, что не дошла даже и до «частичной, только политической революціи».

Пролетаріатъ, въ которомъ Марксъ видѣлъ главнаго дѣятеля грядущаго переворота, расширяющаго его до предѣловъ социалистической революціи,—былъ пролетаріатомъ эпохи первоначальнаго накопленія... А тенденціи капиталистическаго строя, который казался Марксу уже изжившимъ себя, побѣдили не только трусость либеральной буржуазіи, но оказались достаточно сильными, чтобъ приспособить къ себѣ политическую власть и переварить призывъ къ немедленной социальной революціи.

Понадобилось не мало горькихъ разочарованій, чтобъ эти силы капиталистическаго развитія были поняты во всей своей глубинѣ и уже сами поставлены на службу социальной революціи.

Но для европейской социалистической мысли не было никакихъ другихъ путей познанія, кромѣ пути переживанія 48-го года во всехъ его перипетіяхъ и результатахъ. До этого же призывъ расширить

всякій переворотъ до размѣровъ социалистическаго переворота былъ вполне естественъ. Для Маркса это не было ошибкой метода, а ошибкой въ учетѣ силъ. Силы же капиталистическаго общества могли быть познаны лишь въ дѣлѣ. И вплоть до кануна 48-го года Марксъ, признавая политическую борьбу средствомъ весьма цѣннымъ, оставался при мысли о способности пролетаріата во всякій моментъ добиться полной эмансипаціи и о существованіи достаточныхъ предпосылокъ для введенія социалистическаго хозяйства.

Послѣ прекращенія «Deutsch-Französische Jahrbücher» мысль Маркса продолжала двигаться въ этомъ же направленіи. Ея основной задачей сталъ вопросъ о пролетаріатѣ, его роли и условияхъ его освобожденія. А всякій шагъ на этомъ пути былъ въ то же время дальнѣйшимъ преодоленіемъ идеалистической философіи.

Слѣдующая же статья Маркса, написанная въ отвѣтъ на статью Руге о «Прусскомъ королѣ и социальной реформѣ» критикуетъ современное государство и чисто-политическую дѣятельность съ точки зрѣнія неразрѣшимости въ ея предѣлахъ вопросовъ пауперизма. Эта статья, ближайшимъ образомъ посвященная оцѣнкѣ іюньскаго возстанія силезскихъ ткачей, по существу является, такимъ образомъ, продолженіемъ той части статьи о «Еврейскомъ вопросѣ», которая посвящена критикѣ буржуазнаго общества. «Даже радикальные и революціонные политическіе дѣятели ищутъ корень зла не въ сущности государства, а въ опредѣленной формѣ его, которую они хотятъ замѣнить другою государственной формой» *), пишетъ Марксъ. «Революція съ политической душой, въ соответствіи съ ограниченной и раздвоенной природой этой души, организуетъ господствующій слой въ обществѣ на счетъ самого общества» **).

И тутъ Марксъ еще разъ повторяетъ свое убѣжденіе, что на подобную революцію Германія неспособна. Даже явное для него политическое безсиліе германской буржуазіи онъ склоненъ оцѣнивать, какъ симптомъ приближенія революціи социалистической. «Необходимо признать, что Германія въ такой же мѣрѣ обладаетъ классическимъ призваніемъ къ социальной революціи, въ какой она неспособна къ революціи политической. Въ безсиліи нѣмецкой буржуазіи отражается политическое безсиліе Германіи, а въ способностяхъ нѣмецкаго пролетаріата — независимо даже отъ нѣмецкой теоріи — социальная способность Германіи. Несоответствіе между философскимъ и политическимъ развитіемъ Германіи — не какое-нибудь уродливое явленіе, а необходимость. Лишь въ социализмѣ философскій народъ можетъ найти

*) Ibid., т. II, стр. 59.

**) Ibid., стр. 68.

соответствующую ему практику; следовательно, лишь въ пролетариатѣ найдеть онъ дѣятельный элементъ своего освобожденія» *).

И если Марксъ тутъ продолжалъ переоцѣнивать «соціальныя способности» пролетариата Германіи 40-хъ годовъ, онъ зато не преувеличивалъ ничуть исторической цѣнности массоваго движенія пролетариата. «Какъ бы ни было частично возстаніе промышленныхъ рабочихъ, оно заключаетъ въ себѣ универсальную душу, тогда какъ самое универсальное политическое возстаніе подѣ колоссальнѣйшей формой скрываетъ одно лишь бездушіе» **).

Однако, статья эта не только даетъ намъ сравнительную оцѣнку политическаго и социалистическаго движенія, какъ она рисовалась Марксу послѣ его работъ въ «D.-F. Jahrbücher», она подходитъ еще ближе къ вопросу о значеніи политическаго движенія для пролетариата, принимающаго въ немъ участіе безъ сознанія собственныхъ классовыхъ интересовъ. «...Пролетариатъ расточаетъ — по крайней мѣрѣ, въ началѣ движенія — свои силы въ безмысленныхъ, бесполезныхъ и задавливаемыхъ въ крови возстаніяхъ. И это происходитъ потому, что пролетариатъ, мысли политически, видитъ причину всѣхъ золъ въ волѣ, и всѣ средства помочъ злу—въ силѣ и въ низверженіи данной государственной формы. Доказательство: первая вспышка французскаго пролетариата. Лионскіе рабочіе полагали, что преслѣдуютъ только политическія задачи, что они только солдаты республики, тогда такъ они на самомъ дѣлѣ были солдатами социализма. Такъ ихъ политическій разумъ затемнилъ для нихъ корень общественныхъ нуждъ; такъ онъ извратилъ ихъ пониманіе дѣйствительныхъ цѣлей, такъ ихъ политическій разумъ обманулъ ихъ социальный инстинктъ» ***).

Какъ вышеприведенное указаніе Маркса на значеніе «частичныхъ возстаній промышленныхъ рабочихъ» получило затѣмъ подробный и блестящій комментарий въ послѣднемъ отдѣлѣ написанной черезъ два года «Нищеты философіи», такъ и сейчасъ приведенныя слова были намекомъ на ту картину роли пролетариата въ буржуазныхъ революціяхъ, которой посвящены самыя блестящія (рядомъ съ страницами, посвященными Прудону) страницы «Святого Семейства».

Послѣдняя работа, начатая въ сентябрѣ того же 1844 года и выпущенная въ свѣтъ ранней весной 1845 г., представляетъ обширную, въ 20 листовъ, энциклопедію по общественнымъ вопросамъ, волновавшимъ тогда нѣмецкую интеллигенцію, написанную въ главной своей части

*) Ibid., стр. 64.

**) Ibid., стр. 67.

***) Ibid., стр. 66.

Марксомъ и въ незначительной—Энгельсомъ. Къ интересующей насъ сейчасъ области ближайшее отношеніе имѣютъ тѣ отдѣлы этой «Критики критической критики», которые заняты вопросомъ о роли пролетаріата въ буржуазномъ обществѣ (4-й отдѣлъ IV главы «Прудонъ»), о соотношеніи между «идеями» политической революціи и интересами пролетаріата (6-я глава, «Духъ» и «масса»), и, наконецъ, тѣ страницы, на которыхъ Марксъ растолковываетъ ничего не понявшему Б. Бауэру свою статью о еврейскомъ вопросѣ въ «D.-Fr. Jahrbücher».

Мы уже указывали, что нѣмецкая идеалистическая философія, втянутая въ сферу политики, должна была или сама преобразиться или уйти изъ политики опять въ надзвѣздныя сферы, чтобъ тѣмъ свободнѣе вынести оттуда свое «абсолютное» отрицаніе «массы», уже становившейся революціонной и даже социалистической. Въ лицѣ Б. Бауэра она выбрала этотъ послѣдній путь. Марксъ, ополчившійся противъ бруно-бауэровскаго направленія, тѣмъ самымъ былъ поставленъ передъ задачей не только вырыть могилу идеалистической философіи, но и прокритиковать ту политику, которую дѣлала эта философія.

Для Маркса въ эпоху «Святого Семейства» было совершенно ясно, что окончательно освобождающую роль можетъ сыграть только пролетаріатъ. Хотя ученіе объ этой роли пролетаріата даже и здѣсь частью основано все еще не на историко-экономическихъ предпосылкахъ, оно можетъ считаться уже вполне обрисованнымъ на тѣхъ страницахъ, которыя Марксъ посвятилъ здѣсь Прудону.

Въ той же «Критикѣ» Марксъ развилъ и детализировалъ свою отрицательную критику только политической, буржуазной революціи.

Содержаніе новаго, буржуазнаго общества и содержаніе той революціи, которая сопровождаетъ его рожденіе, было выяснено вполне. Располагая теперь гораздо большимъ матеріаломъ, Марксъ пришелъ къ тѣмъ же выводамъ, которые въ общихъ чертахъ были подчеркнуты уже въ «D.-Fr. Jahrbücher». «Человѣческія права, писалъ онъ, не освобождаютъ человѣка отъ собственности, а предоставляютъ ему свободу собственности, не освобождаютъ его отъ грязной погони за наживой, а только надѣляютъ его свободой промысла» *).

Провозглашеніе «человѣческихъ правъ» только знаменуетъ закрѣпленіе буржуазнаго общества. «Свободная промышленность и свободная торговля упраздняютъ привилегированную замкнутость и тѣмъ самымъ также борьбу привилегированныхъ замкнутостей между собой; наоборотъ, на мѣсто привилегій, исключаящей изъ всеобщей общности и въ то же время замыкающей въ меньшей по размѣрамъ исключи-

*) Ibid., т. II. Стр. 250.

тельной общности, они ставят человека, освобожденного от привилегий и не связанного с другим человеком даже видимостью общих уз, и порождают всеобщую борьбу человека против человека, индивидуума против индивидуума. Таким же точно образом и все буржуазное общество есть война отдельных друг от друга исключительно своей индивидуальностью людей друг против друга и всеобщее необузданное движение освобожденных от оков привилегий стихийных жизненных сил. В современном мире всякий одновременно—член рабского строя и человеческого общежития. Именно, рабство буржуазного общества, по видимости своей, есть величайшая свобода, потому что она кажется независимой формой независимости индивидуума, который принимает необузданное, несвязанное никакими общими узам и никаким другим человеком движение своих отчужденных жизненных элементов, как напр., собственности, промышленности, религии и проч., за свою собственную свободу, между тем как оно, наоборот, представляет собой его законченное рабство и человеческую отверженность. На место привилегий здесь стало право. Итак, только здесь, где не существует никакого противоречия между свободной теорией и практическим значением привилегий, где, наоборот, практическое уничтожение привилегий, свободная промышленность, свободная торговля и т. д., соответствует «свободной теории», где общественному положению не противостоит никакая привилегированная замкнутость, где упразднено указанное критикой противоречие,—только здесь имеется налицо законченное новейшее государство.

Анархия составляет закон буржуазного общества, эмансипировавшегося от расчленяющих общество привилегий, а анархия буржуазного общества составляет основу современного общественного порядка, равно как общественный порядок, со своей стороны, является порукой этой анархии *).

Из этой анархии, базирующейся на частной собственности, Маркс видит лишь один выход. Должны быть извергнуты самые основы буржуазного общества. Эту роль может выполнить только пролетариат: «Пролетариат приводит в исполнение приговор, который сама себя выносит частная собственность порождением на свет пролетариата... Одержав победу, пролетариат ни в коем случае не становится абсолютной стороной общества, ибо он одерживает победу, только упраздняя самого себя и свою противоположность. С победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обуславливающая его противоположность—частная собственность» **).

*) Ibid., стр. 156.

**) Ib., стр. 156.

«Если, продолжает Маркс, социалистические писатели приписывают эту всемирно-историческую роль пролетариату, то это никоим образом не происходит оттого, что онъ считаетъ пролетаріевъ богами. Скорѣе наоборотъ». Сразу отдѣляя себя широкой чертой отъ всѣхъ и всяческихъ народолюбцевъ, утопистовъ и моралистовъ, Марксъ выдвигаетъ здѣсь свою объективно-историческую точку зрѣнія. Пролетаріатъ есть возмущеніе, пишетъ онъ. «Пролетаріатъ непосредственно вынужденъ къ возмущенію противъ (этой) безчеловѣчности величіемъ ничѣмъ не прикрашенной, неуловимой, абсолютно властной нужды, этого практическаго выраженія необходимости... Дѣло не въ томъ, въ чемъ въ данный моментъ видитъ свою цѣль отдѣльный пролетарій или даже весь пролетаріатъ. Дѣло въ томъ, что такое пролетаріатъ на самомъ дѣлѣ, и что онъ, согласно этой своей сущности, исторически вынужденъ будетъ дѣлать. Его цѣль и его историческая миссія самымъ яснымъ и неоспоримымъ образомъ предуказываются его собственнымъ жизненнымъ положеніемъ, равно какъ и всей организаціей современнаго буржуазнаго общества» *). (Бур. нашъ).

Эти слова, написанныя въ 44-омъ году и къ которымъ вся послѣдующая теоретическая работа Маркса относится какъ обоснованіе, комментарий и дополненіе, были гениальнымъ провозглашеніемъ самостоятельныхъ цѣлей и путей рабочаго класса. Именно ими Марксъ сдѣлалъ то, что Роза Люксембургъ въ статьѣ здѣсь помѣщенной называетъ величайшей заслугой Маркса: «Марксъ открылъ рабочій классъ, какъ историческую категорію, т. е. какъ классъ съ опредѣленными историческими условіями существованія и законами развитія».

Теперь, ставши на этотъ путь изслѣдованія революціонныхъ перипетій съ точки зрѣнія специальныхъ и исторически-неизбѣжныхъ цѣлей рабочаго класса, Марксъ могъ подвергнуть уже конкретной критикѣ ту роль, которую рабочій классъ можетъ и долженъ играть въ буржуазной революціи. Первымъ шагомъ къ выработкѣ политической тактики рабочаго класса является та критика, которую Марксъ въ томъ же «Святомъ Семействѣ» направилъ противъ роли, сыгранной французскимъ пролетаріатомъ въ Великой Французской революціи.

Разбирая и высмѣивая критику, направленную Бруно Бауэромъ противъ «великихъ дѣлъ прежней исторіи» (Б. Бауэръ признавалъ эти «дѣла» «ошибочными», ибо они опирались на интересы и энтузіазмъ массы), Марксъ писалъ: «Ошибочной» революція (1789) была только для той «массы», политическая «идея» которой не была

*) Ibid. Стр. 156—157.

идеей ея дѣйствительнаго интереса, истинный жизненный принципъ которой не совпадалъ, поэтому, съ жизненнымъ принципомъ революціи, реальныя условія освобожденія которой существенно отличны отъ условій, внутри которыхъ буржуазія могла освободить себя и общество... Если, значить, революція «ошибочна», то не потому, что масса «была заинтересована» въ ней, а потому что для самой многочисленной части массы, части отличной отъ буржуазіи, принципъ революціи былъ не ея дѣйствительнымъ принципомъ, не отвѣчающимъ ея природѣ революціоннымъ принципомъ, а только «идеей», слѣдовательно—только предметомъ временнаго энтузіазма и только кажущагося подъема» *).

Рядомъ съ идеей объ исторической обусловленности движенія пролетаріата къ социализму—эта идея объ особомъ пролетарскомъ пути въ революціи является главнѣйшимъ теоретическимъ завоеваніемъ Маркса второй половины 40-хъ годовъ. Эта идея конкретизировалась по мѣрѣ того, какъ общее представленіе Маркса о политической и социалистической революціи пополнялось въ результатъ усиленной работы опредѣленнымъ историко-экономическимъ содержаніемъ. И хотя и въ сейчасъ разобранномъ сочиненіи Маркса достаточно сильно подчеркнута его мысль о невозможности для Германіи повторить ту смѣну драматическихъ дѣйствій, въ которыхъ, во Франціи, роль освободителя переходила отъ одного класса къ другому, однако, мы видѣли, что элементы реалистическаго взгляда все усиливались въ его концепціи предстоящей Германіи революціи. Самое пристальное изученіе исторіи и политической экономіи, всецѣло захватившее Маркса къ тому времени, вело къ тому, что онъ незамѣтно все дальше отдалялся отъ своего первоначальнаго взгляда на характеръ предстоящаго переворота. Во всякомъ случаѣ «Святое Семейство» послѣднее произведеніе Маркса, гдѣ идея немедленной социалистической революціи еще доминируетъ надъ политическимъ и историческимъ построеніемъ Маркса. А по мѣрѣ того, какъ падала эта идея, мысль объ особомъ пути пролетаріата въ предстоящей буржуазной революціи становилась основной темой его политическихъ соображеній, чтобы, наконецъ, въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» получить свою классическую формулировку.

Между «Святымъ семействомъ» и «Коммунистическимъ Манифестомъ» лежатъ цѣлый рядъ работъ Маркса, изъ коихъ важнѣйшія принадлежатъ уже къ области экономіи. Нѣтъ сомнѣнія, что рядомъ съ изученіемъ законовъ капиталистическаго развитія, такъ же и усиленная борьба съ «истиннымъ социализмомъ» помогла Марксу стать

*) Ibid., стр. 211.

на путь исторически-правильнаго рѣшенія вопроса о соотношеніи между борьбой рабочаго класса и политическимъ освобожденіемъ. Этой борьбѣ съ «истиннымъ социализмомъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ и окончательному расчету съ идеалистической философій Марксомъ и Энгельсомъ посвящены были, кромѣ ряда журнальныхъ статей, до сихъ напечатанныхъ лишь въ незначительной части, два тома: «Нѣмецкая идеологія, критика послѣ-гегелевской философій въ ихъ представителяхъ, равно какъ и нѣмецкаго социализма въ лицѣ его различныхъ пророковъ». Въ то же время и Марксъ и Энгельсъ вплотную занялись подготовкой элементовъ для будущей партіи, отъ имени которой впослѣдствіи былъ написанъ «Ком. Манифестъ». Пользуясь связями съ заграничными кружками нѣмецкихъ рабочихъ и подмастерьевъ, съ которыми Марксъ началъ сближаться еще въ Парижѣ, Марксъ и Энгельсъ въ брусельскій періодъ удѣляли этому массу времени и энергии: личные связи, переписка, циркуляры, общія литературныя предпріятія, личная пропаганда—все, что было доступно, было пущено съ этой цѣлью въ ходъ,—и наканунѣ революціи вокругъ Маркса и Энгельса собралась испытанная группа товарищей, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности и все вмѣстѣ наложили сильный отпечатокъ на дальнѣйшія событія. Въ 2-омъ томѣ «Nachlass'a», въ примѣчаніяхъ Меринга къ VII-ой части его, читатель, заинтересованный этой стороной дѣла, найдетъ достаточно материала, чтобы возсоздать картину того идейнаго разброда, тѣхъ колебаній, споровъ и столкновеній и напряженной идейной жизни, среди которыхъ Марксу и Энгельсу приходилось создавать кадры первыхъ проповѣдниковъ научнаго социализма.

Въ постоянныхъ идейныхъ схваткахъ съ друзьями и врагами, въ ожесточенной борьбѣ со всеми пережитками мелко-буржуазной идеологіи, вейтлингавскаго, прудонистскаго и народническаго типа, оружіе научной социалистической мысли быстро оттачивалось и закалялось. И Марксу и Энгельсу въ эту пору пришлось не разъ подчеркнуть, что ихъ критика нѣмецкой идейной путаницы есть отчасти и самокритика. Эти послѣдніе тяжелые родовые мѣсяцы, почти цѣликомъ заполненные полемическими работами, можно считать для Маркса и его ближайшихъ друзей законченными уже къ началу 1847 года. Въ этому времени вышла «Нищета Философій», съ одной стороны, а съ другой—разразились политическія событія въ Германіи, да и на всемъ континентѣ, п. требовавшія скорѣйшаго перехода отъ общихъ теоретическихъ дебатовъ къ вопросамъ конкретнаго политики.

Ю. Каменевъ.

Политическая дѣятельность Карла Маркса.

Глава I.

До 1848 года.

До 1848 года Карлъ Марксъ дѣйствовалъ главнымъ образомъ въ качествѣ журналиста. Въ цѣломъ рядѣ статей и брошюръ онъ обосновалъ новую теорію критическаго коммунизма и велъ ожесточенную полемику съ различными представителями утопическаго и романтическаго социализма. Въ первое время его работы оставались неизвѣстны широкой интеллигентной публикѣ, а также массѣ пролетаріевъ, еще неподготовленныхъ къ пониманію лозунговъ, которые выдвигались Марксомъ и Энгельсомъ. Но постепенно они расширяли сферу своего вліянія на активные социалистическіе кружки того времени.

Изъ Брюсселя (1845—47) Марксъ и Энгельсъ поддерживали оживленныя сношенія съ революціонными элементами англійскаго чартизма и съ крайней лѣвой французской республиканской партіи, а также съ «Союзомъ Справедливыхъ» въ Лондонѣ и съ Эвербекомъ, который стоялъ во главѣ парижскихъ кружковъ этого союза. Они имѣли также приверженцевъ на своей родинѣ въ Рейнской провинціи, въ частности въ Кельнѣ. Постепенно вокругъ нихъ сгруппировался кружокъ, склонявшійся къ новымъ идеямъ. Въ самомъ Брюсселѣ возникли общины «Союза Справедливыхъ», въ которыхъ работали Марксъ и В. Вольфъ. Собравшіеся въ Брюсселѣ ремесленники, принадлежавшіе къ передовымъ элементамъ нѣмецкаго рабочаго класса (въ томъ числѣ Стефанъ Борнъ), образовали ядро нѣмецкаго рабочаго ферейна, возникшаго въ августѣ 1847 года и насчитывавшаго около ста членовъ. Въ ноябрѣ того же года основано было въ Брюсселѣ Демократическое Общество, которое носило международный характеръ и объединяло бельгійскихъ радикаловъ съ политическими выходцами изъ другихъ странъ. Отъ нѣмцевъ вице-президентомъ этого общества былъ Марксъ, который такимъ образомъ впервые занялся непосред-

ственной пропагандой своихъ идей. Къ этому времени относятся его статьи въ «Нѣмецкой брюссельской газетѣ», лекціи въ нѣмецкомъ рабочемъ фрейнѣ и въ Демократическомъ Обществѣ и, наконецъ, оживленная переписка съ «Союзомъ Справедливыхъ».

Въ это время въ Германскомъ Союзѣ, а особенно въ Пруссіи и въ южныхъ нѣмецкихъ государствахъ умножились признаки надвигающейся революціи. Монархія, упираясь и огрызаясь, начала постепенно дѣлать уступки сжѣлѣвшей буржуазіи: однимъ изъ проявленій этихъ колебаній прусской монархіи было изданіе февральскаго патента 1847 года, которымъ созывался соединенный ландтагъ. Броженіе замѣчалось среди различныхъ слоевъ промышленной и торговой буржуазіи, среди интеллигенціи, части крестьянства, низшаго чиновничества и даже среди младшихъ офицеровъ. Марксъ видѣлъ, что въ Германіи надвигается революціонный переворотъ. Въ возможность соглашенія между монархіей и народомъ Марксъ и Энгельсъ совершенно не вѣрили. «Изъ всѣхъ политическихъ элементовъ,—писали они,—народъ самый опасный для короля... Дѣйствительный народъ, мелкіе крестьяне и чернь, это — выражаясь словами Гоббса—*ruer robustus sed malitiosus*, крѣпкій и злой парень, и онъ не даетъ себя одурачить ни тощимъ, ни жирнымъ королямъ. Этотъ народъ прежде всего вырвалъ бы у Его Величества конституцію со всеобщимъ избирательнымъ правомъ, свободой союзовъ, свободой печати и т. п., и если бы онъ приобрѣлъ все это, то употребилъ бы добытое на возможно скорѣйшее разрушеніе мощи, достоинства и поэзіи королевской власти».

Но разоблачая иллюзіи реакціонеровъ, Марксъ, съ другой стороны, рѣшительно выступилъ противъ того политическаго радикализма, который видѣлъ въ монархахъ единственныхъ виновниковъ всякой реакціи. Возражая Гейнцену, Марксъ доказывалъ, что не германскіе 36 монарховъ являются источникомъ нѣмецкаго общества, а наоборотъ нѣмецкое общество есть источникъ монархической власти. Насильническо-реакціонная роль, въ которой выступаютъ монархи, доказываетъ только, что въ порахъ стараго общества постепенно образовалось новое общество, и это новое общество не можетъ не смотрѣть на существующую политическую оболочку, эту естественную надстройку стараго общества, какъ на противоестественныя пути, которыя необходимо разорвать. Когда матеріальныя жизненныя условія общества разовьются настолько, что преобразование его официальной политической власти станетъ для него жизненною необходимостью, то преобразится вся фізіономія старой политической власти. Такъ, абсолютная монархія пытается теперь децентрализовывать вмѣсто централизованія, въ которомъ заключалась собственно ея цивили-

зующая дѣятельность. Выросшая изъ пораженія феодальныхъ сословій и сама принимавшая дѣятельнѣйшее участіе въ ихъ разрушеніи, она старается теперь удержать хотя бы видимость феодальныхъ различій. Послѣ того, какъ она благопріятствовала торговлѣ и промышленности и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышенію буржуазнаго класса, какъ необходимымъ условіямъ національнаго могущества и собственнаго блеска, абсолютная монархія становится теперь повсюду на пути развитію торговли и промышленности, являющихся все болѣе опаснымъ оружіемъ въ рукахъ и безъ того уже могущественной буржуазіи.

Въ разсматриваемый моментъ Марксъ полагалъ, что буржуазія призвана сыграть въ Германіи такую же роль, какую она сыграла во Франціи во время Великой Революціи. Онъ надѣялся, что въ начавшейся борьбѣ противъ стараго режима буржуазія не остановится на полпути и смѣло пойдетъ до конца, вплоть до уничтоженія всѣхъ пережитковъ докапиталистическаго строя. Въ этомъ отношеніи Марксъ до 1848 года склоненъ былъ даже преувеличивать историческое значеніе буржуазіи въ дѣлѣ очищенія соціально политической почвы отъ феодальнаго мусора. Въ связи съ этимъ онъ полагалъ, что пролетаріатъ въ своихъ собственныхъ интересахъ долженъ оказать буржуазіи самую энергичную поддержку въ дѣлѣ борьбы съ абсолютизмомъ и всѣми реакціонными классами стараго общества. Вотъ почему онъ рѣзко нападалъ на тѣхъ демократовъ-утопистовъ, которые надѣялись перескочить изъ феодально-полицейскаго режима прямо въ соціалистическое Эльдorado и дискредитировали буржуазію въ тотъ моментъ, когда она начинала борьбу съ абсолютизмомъ за политическую свободу. По мѣткому замѣчанію Маркса, эти «истинные» соціалисты весьма кстати позабыли, что предпосылкой французской критики, которую они неразумно повторяютъ, является современное буржуазное общество, съ соответствующими условіями матеріальнаго существованія и политической конституціей; а именно этой-то предпосылки и не существовало въ Германіи, именно ее она и должна была завоевать.

Такъ какъ, по мнѣнію Маркса, періодъ буржуазной революціи долженъ былъ непосредственно смѣниться періодомъ пролетарской или соціальной революціи, то ясно, какая важная роль въ этой исторической схемѣ отводилась пролетаріату или, по крайней мѣрѣ, его передовымъ слоямъ. Въ развитіи ихъ классового сознанія, въ выясненіи имъ объективныхъ тенденцій совершавшейся на ихъ глазахъ исторической эволюціи, въ опредѣленіи характера борющихся общественныхъ классовъ, однимъ словомъ, въ раскрытіи тайны современнаго общества, заключалась такимъ образомъ главная и непосред-

ственная задача социалистических идеологов. Эту-то задачу и поставил себя Маркс в своих лекциях по экономическим вопросам, которые он читал в немецком рабочем кружке и от которых сохранился лишь отрывок в виде статей о «Насмномъ трудѣ и капиталѣ», в своих газетныхъ статьяхъ и особенно в своей перепискѣ съ членами «Союза Справедливыхъ». Эту главную организацию тогдашнихъ немецкихъ рабочихъ-революціонеровъ Маркс и Энгельсъ рѣшили во что бы то ни стало очистить отъ послѣднихъ слѣдовъ утопическаго социализма и привлечь на сторону своихъ идей. Въ концѣ концовъ они добились своей цѣли, и союзъ, переименовавшійся въ Союзъ Коммунистовъ, призналъ Коммунистическій Манифестъ, выработанный Марксомъ и Энгельсомъ, точнымъ изложеніемъ взглядовъ и стремленій борющагося пролетаріата.

Въ текущемъ году исполнилось ровно 60 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ опубликованъ Коммунистическій Манифестъ, 60 лѣтъ, заполненныхъ нескончаемымъ рядомъ политическихъ и социальныхъ потрясеній не только въ Европѣ, но и на всемъ земномъ шарѣ! И тѣмъ не менѣе въ общемъ и цѣломъ Коммунистическій Манифестъ въ своихъ основныхъ положеніяхъ не только не устарѣлъ, но напротивъ, съ каждымъ годомъ исторія все больше подтверждала глубокую внутреннюю правоту изложенныхъ въ немъ принциповъ.

Въ настоящей статьѣ насъ больше всего занимаетъ прикладная, практическая часть этого историческаго документа, но для вѣрнаго пониманія устанавливаемой въ немъ политической тактики необходимо хотя бы бѣгло коснуться нѣкоторыхъ теоретическихъ его положеній.

Исторія человѣческаго общества съ момента распадѣнія первобытной общины была исторіей борьбы классовъ. Современное буржуазное общество, выросшее на развалинахъ феодализма, не уничтожило классовыхъ противорѣчій; оно лишь упростило классовыя различія. Это общество все болѣе и болѣе раскалывается на два большихъ враждебныхъ лагеря, на два большихъ стоящихъ другъ противъ друга класса: буржуазію и пролетаріатъ.

Буржуазія сложилась въ результатъ длиннаго историческаго процесса и цѣлаго ряда переворотовъ въ способахъ производства и распределенія. Апогея своего развитія этотъ классъ достигъ съ развитіемъ крупной машинной промышленности. По мѣрѣ развитія буржуазія измѣнялись также условія политической жизни, которая она приспособляла къ своимъ классовымъ интересамъ. Буржуазія играла въ исторіи въ высшей степени революціонную роль. Она всюду разрушала старыя патріархальныя отношенія, совлекала идеалистическій покровъ съ человѣческихъ отношеній и такимъ образомъ заставляла людей трезво

взглянуть на свое жизненное положеніе. Она внесла глубочайшій переворотъ въ экономическую жизнь, содѣйствовала небывалому развитію производительныхъ силъ, сконцентрировала средства производства и обмѣна, разрушила національныя перегородки, подчинила деревню господству города и наконецъ, вызвавъ хроническіе кризисы, разоблачила передъ всемъ міромъ свою неспособность оставаться дольше во главѣ ея же порожденныхъ производительныхъ силъ.

На смѣну ей идетъ пролетаріатъ, ея же вызванный къ жизни. Благодаря обезземеленію крестьянства и разрушенію мелкихъ предприятий, не выдерживающихъ конкуренціи со стороны крупной промышленности, пролетаріатъ рекрутируется изъ всѣхъ классовъ населенія. Но съ развитіемъ промышленности увеличивается не только численный составъ пролетаріата. Съ одной стороны, эксплуатация его усиливается, а необезпеченность существованія возрастаетъ; но съ другой стороны, онъ группируется во все большія массы, приучается къ коллективному труду и къ солидарности, сила его растетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ также его сознательность. Начинается борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей. Сначала ограниченная и мѣстная, она принимаетъ все болѣе широкій, національный и даже международный характеръ. Охвативши пролетаріатъ цѣлой страны, она становится классовой борьбой и принимаетъ политическій характеръ. Эта классовая борьба, которая, въ отличіе отъ всѣхъ предыдущихъ революціонныхъ движеній, является самостоятельнымъ движеніемъ огромнаго большинства во имя интересовъ огромнаго большинства, въ концѣ концовъ должна завершиться соціальной революціей, которая приведетъ къ уничтоженію классовъ и всякой эксплуатациіи чловѣка чловѣкомъ.

Коммунисты являются выразителями классовыхъ интересовъ пролетаріата. Отъ остальныхъ пролетарскихъ партій они отличаются лишь тѣмъ, что, съ одной стороны, они выдвигаютъ и отстаиваютъ общіе, независимые отъ національныхъ особенностей интересы пролетаріата, а съ другой стороны, тѣмъ, что на различныхъ ступеняхъ развитія борьбы пролетаріата съ буржуазіей они всегда представляютъ интересы движенія въ цѣломъ. Поэтому коммунисты на практикѣ представляютъ самую рѣшительную и передовую часть рабочаго движенія, а теоретически у нихъ имѣется то важное преимущество передъ остальной массой пролетаріата, что они ясно понимаютъ условія, ходъ и общіе результаты пролетарскаго движенія. Ихъ ближайшая цѣль—организация пролетаріата въ классъ, низверженіе господства буржуазии и завоеваніе политической власти пролетаріатомъ.

Первымъ шагомъ рабочей революціи является возвышеніе пролетаріата на степень господствующаго класса, завоеваніе демократіи,

Пролетаріатъ воспользуется своей политической властью, чтобы рядомъ нападеній отнять у буржуазіи капиталъ, сосредоточить всё орудія производства въ рукахъ государства, т. е. организованнаго въ качествѣ господствующаго класса пролетаріата, и возможно скорѣе увеличить массу производительныхъ силъ. Конечно, вначалѣ это можетъ совершиться только путемъ деспотическихъ вторженій въ право собственности и въ буржуазныя производственныя отношенія. Въ этомъ направленіи въ самыхъ передовыхъ странахъ могли бы почти повсюду быть приняты слѣдующія мѣры:

- 1) Экспроприация поземельной собственности и обращеніе поземельной ренты на покрытие государственныхъ расходовъ;
- 2) Высокій прогрессивно-подходный налогъ;
- 3) Уничтоженіе наслѣдственнаго права;
- 4) Конфискація имущества всѣхъ эмигрантовъ и бунтовщиковъ;
- 5) Централизація кредита въ рукахъ государства посредствомъ національнаго банка съ государственнымъ капиталомъ и исключительной монополіей;
- 6) Централизація средствъ передвиженія въ рукахъ государства;
- 7) Увеличеніе числа національныхъ фабрикъ и орудій производства, воздѣлываніе и улучшеніе земель по общему плану;
- 8) Одинаковая обязательность труда для всѣхъ; организація промышленныхъ армій, въ особенности для земледѣлія;
- 9) Соединеніе земледѣлія съ промышленностью, постепенное уничтоженіе различія между городомъ и деревней;
- 10) Общественное и бесплатное воспитаніе всѣхъ дѣтей, устраненіе фабричной работы дѣтей въ ея современной формѣ, соединеніе воспитанія съ матеріальнымъ производствомъ и т. д.

Установивши конечную цѣль коммунизма и выяснивши его идеологию путемъ критическаго анализа враждебныхъ системъ, Марксъ и Энгельсъ переходятъ къ опредѣленію той тактики, какой должны держаться коммунисты въ виду предстоящихъ политическихъ конфликтовъ. Такъ какъ коммунисты пока слишкомъ слабы для того, чтобы обходиться безъ союзовъ съ другими партіями, то слѣдуетъ рассмотретьъ вопросъ о возможныхъ соглашеніяхъ съ строго реалистической и вмѣстѣ съ тѣмъ принципіальной точки зрѣнія. По отношенію къ рабочимъ партіямъ вопросъ былъ слишкомъ ясенъ. Такъ какъ коммунисты «не составляютъ какой-нибудь особой партіи, противостоящей другимъ рабочимъ партіямъ», то они всегда поддерживаютъ существующую рабочую партію (въ Англии чартистовъ, во Франціи «соціальныхъ демократовъ»), не отказываясь отъ критическаго отношенія къ фразамъ и плююзямъ, вытекающимъ изъ революціонной традиціи.

Какъ же быть съ буржуазными партіями?

Въ своей извѣстной статьѣ о Гегелевской философіи права, написанной въ 1844 году, Марксъ высказывалъ увѣренность, что въ Германіи революція непосредственно должна привести къ уничтоженію пролетаріата, т. е. оказаться соціальной революціей. Въ Манифестѣ Коммунистической Партіи онъ пишетъ, что Германія стоитъ наканунѣ буржуазной революціи, но прибавляетъ, что она совершитъ этотъ переворотъ при болѣе прогрессивныхъ условіяхъ европейской цивилизаціи вообще и при наличности гораздо болѣе развитого пролетаріата, чѣмъ Англія въ XVII и Франція въ XVIII вѣкѣ. А отсюда, по мнѣнію Маркса, вытекаетъ, что нѣмецкая буржуазная революція можетъ явиться лишь «непосредственнымъ прологомъ пролетарской революціи». Такъ какъ «коммунисты повсюду поддерживаютъ всякое революціонное движеніе, направленное противъ существующаго общественнаго и политическаго строя», то «въ Германіи коммунистическая партія борется совмѣстно съ буржуазіей, поскольку буржуазія выступаетъ революціонно противъ абсолютной монархіи, феодальнаго землевладѣнія и мелкаго мѣщанства». Но при этомъ коммунисты ни на минуту не перестаютъ выработывать въ головахъ рабочихъ возможно болѣе ясное сознаніе враждебной противоположности между буржуазіей и пролетаріатомъ, чтобы нѣмецкіе рабочіе тотчасъ же могли обратить, какъ оружіе противъ буржуазіи, тѣ общественныя и политическія условія, которыя должно принести съ собою господство буржуазіи, чтобы тотчасъ же послѣ паденія реакціонныхъ классовъ Германіи началась борьба противъ самой буржуазіи.

Мы сейчасъ увидимъ, какъ Марксъ примѣнилъ на практикѣ эти основныя тактическія положенія.

Глава II.

Революція 1848—49 года.

Въ февралѣ 1848 года появился въ печати Коммунистическій Манифестъ. Черезъ нѣсколько дней, 24 февраля 1848 года, вспыхнула революція въ Парижѣ, а 18 марта разразилось побѣдоносное возстаніе въ Берлинѣ. Европа вступила въ полосу революціонныхъ потрясеній.

Центральное правленіе Союза Коммунистовъ облекло Маркса диктаторскими полномочіями, поручивъ ему организовать въ Парижѣ новый центральный комитетъ. Членъ Временнаго Правительства Флоконъ письмомъ отъ 1-го марта пригласилъ Маркса вернуться въ

Парижъ, откуда онъ былъ нѣкогда высланъ министерствомъ Гизо. Въ Парижѣ основанъ былъ новый центральный комитетъ, въ который входили Марксъ, Энгельсъ, Вильгельмъ Вольфъ, Бауеръ, Молль и Шашперъ, и который обратилъ главное вниманіе на Германію: вѣдь Коммунистическій Манифестъ, предусматривавшій въ недалекомъ будущемъ неминуемый взрывъ всемірнаго политическаго потрясенія, рекомендовалъ международному пролетариату сосредоточить свое вниманіе на Германіи, такъ какъ въ этой странѣ предстоитъ революція не только политическая, но и социальная. Въ Германіи событія сложились такъ, что буржуазія, напуганная преобладающей ролью пролетариата во французской революціи, не обнаруживала достаточно рѣшимости въ борьбѣ со старымъ режимомъ; съ другой стороны, Марксъ не могъ не видѣть, что ближайшимъ, очереднымъ вопросомъ нѣмецкой политической жизни является не социальный переворотъ, до котораго сравнительно отсталая страна еще не дозрѣла, а завоеваніе буржуазныхъ условій существованія и основныхъ политическихъ вольностей. Какъ замѣчаетъ Мерингъ, «если Союзъ Коммунистовъ хотѣлъ вмѣшаться въ революціонное движеніе массъ, если онъ не желалъ снова впасть въ септанство, которое только что сбросилъ съ себя, то онъ могъ вступить на почву нѣмецкой революціи лишь въ качествѣ самаго крайняго крыла демократіи,—изъ чего отнюдь не слѣдовало, что ему надо было сколько нибудь скрывать свои конечныя цѣли».

Въ этомъ духѣ и составлено было воззваніе, выпущенное въ началѣ марта новымъ центральнымъ Комитетомъ Союза Коммунистовъ и формулировавшее «Требованія коммунистической партіи въ Германіи». Этотъ циркуляръ требовалъ учрежденія единой и нераздѣльной нѣмецкой республики на парламентскихъ началахъ, всеобщаго народнаго вооруженія, націонализаціи княжескихъ и феодальныхъ помѣстій, рудниковъ и средствъ сообщенія, организаціи въ вышеупомянутыхъ помѣстьяхъ крупнаго земледѣльческаго хозяйства при помощи новѣйшихъ техническихъ пріемовъ въ интересахъ всего общества, націонализаціи ипотекъ на крестьянскія земли и уплаты крестьянами процентовъ по этимъ ипотекамъ государству превращенія арендныхъ взносовъ въ государственный налогъ, ограниченія наследственнаго права, введенія прогрессивно-подходнаго налога и отмѣны налоговъ на предметы потребленія, основанія національныхъ мастерскихъ, провозглашенія права на трудъ для всѣхъ взрослыхъ и права на существованіе для всѣхъ неспособныхъ къ труду, безплатнаго народнаго образованія.

Такимъ образомъ мы видимъ, что требованія, выдвинутыя Марксомъ во время буржуазной революціи въ Германіи,

далеко не исчерпывали коммунистической программы и были гораздо умереннее тех мѣропріятій, которыя Коммунистическій Манифестъ рекомендовалъ для болѣе передовыхъ странъ послѣ того, какъ пролетаріатъ завоюетъ тамъ политическую власть. Авторы воззванія видимо считались съ экономической и политической отсталостью Германіи. Съ другой стороны, они теперь старались отыскать общую почву для совмѣстныхъ дѣйствій пролетаріата и мелкой буржуазіи. Циркуляръ центрального комитета выдвигаетъ цѣлый рядъ ближайшихъ требованій, общихъ для пролетаріата, мелкой буржуазіи и революціоннаго крестьянства. Съ этого момента тактика Маркса во время буржуазной революціи въ Германіи намѣчается какъ коалиція пролетаріата и буржуазно-революціонной демократіи.

Въ какой же формѣ должно было выразиться активное виѣшательство коммунистовъ въ германскую революцію? Въ то время среди нѣмецкихъ эмигрантовъ господствовала манія «революціонныхъ легионовъ». Поэтъ Гервегъ, вѣрный старой мадзинистской тактикѣ, набербовалъ въ Парижѣ нѣмецкій легионъ, который долженъ былъ вторгнуться въ Германію, чтобы поднять тамъ народное возстаніе. Буржуазное французское Временное Правительство охотно содѣйствовало формированію всѣхъ этихъ польскихъ, нѣмецкихъ, испанскихъ, и итальянскихъ и т. д. легионовъ, чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ беспокойныхъ эмигрантовъ, и въ тоже время головой выдавало ихъ реакціоннымъ правительствамъ. Марксъ мужественно возсталъ противъ этой маніи на народныхъ собраніяхъ въ Парижѣ, разоблачая всю опасность и безнадежность этой новой авантюры, сводившейся къ «насильственному ввозу революціи» въ Германію. Послѣдствія доказали всю справедливость предостереженій Маркса.

Вмѣсто революціонныхъ легионовъ марксисты рекомендовали своимъ единомышленникамъ возвращаться по одиночѣ въ Германію и всюду примыкать къ мѣстнымъ движеніямъ, дѣйствуя въ качествѣ революціоннаго бродила. Такимъ образомъ имъ удалось переправить въ Германію около 300—400 эмигрантовъ, въ томъ числѣ большинство членовъ Союза Коммунистовъ. Послѣдній естественно распался, но событія, говоря словами Энгельса, доказали, какой «превосходной школой революціонной активности» онъ былъ. Во всѣхъ центрахъ наиболѣе рѣшительнаго движенія марксисты дѣйствовали съ той сознательностью и энергіей, которая дѣлала изъ нихъ «самую рѣшительную часть рабочихъ партій всѣхъ странъ». Въ Бреславлѣ дѣйствовалъ Вильгельмъ Вольфъ, въ Берлинѣ—бывшій членъ брюссельскаго рабочаго кружка Стефанъ Борн; въ Гамбургѣ, Бременѣ, Лейпцигѣ и т. д.—всюду дѣйствовали бывшіе члены Союза Коммунистовъ.

въ качествѣ практическихъ руководителей и теоретическихъ головъ движенія.

Но центромъ революціоннаго движенія была Рейнская область, наиболѣ развитая въ экономическомъ и политическомъ отношеніи и вдобавокъ пользовавшаяся большей свободой печати (здѣсь дѣйствовалъ Наполеоновскій Кодексъ). Марксъ и Энгельсъ съ нѣсколькими близкими друзьями отправились въ столицу Рейнской области, въ Кельнъ, гдѣ крайніе демократы и нѣкоторые социалисты подготовляли изданіе большой политической газеты. Сплоченному кружку марксистовъ удалось заполучить этотъ органъ, «Новую Рейнскую Газету», въ свои руки. Во главѣ ея стоялъ Карлъ Марксъ въ качествѣ главнаго редактора, а сотрудниками были Бюргерсъ, Дронке, Энгельсъ, Георгъ Вертъ, Фердинандъ Вольфъ и Вильгельмъ Больфъ. Бюргерсъ былъ принятъ въ редакцію по настоянію буржуазныхъ демократовъ; какъ остроумно замѣчаетъ Мерингъ, «онъ долженъ былъ явиться тормазомъ въ колесницѣ, фактически же сталъ пятымъ колесомъ въ ней». Первый номеръ газеты вышелъ 1-го іюня 1848 г.

«Новая Рейнская Газета» называла себя «органомъ демократіи». Считааясь съ тогдашней отсталостью германскихъ общественныхъ отношеній, съ одной стороны, и не потерявши еще надежды на революціонную активность нѣмецкаго мѣщанства, съ другой, Марксъ со своими друзьями не поспѣшилъ рѣзко отмежеваться отъ буржуазной демократіи, а напротивъ, сдѣлалъ попытку политическаго сотрудничества съ редикалами. Если бы они поступили въ тотъ моментъ иначе, то, какъ замѣтилъ впоследствии Энгельсъ, имъ пришлось бы доктринировать насчетъ коммунизма въ какой-нибудь захудалой газеткѣ и вмѣсто серьезнаго политическаго вліянія занять положеніе проповѣдующей въ пустынѣ маленькой секты. Эта перспектива страшила ихъ, и вотъ почему они рѣшили примкнуть къ крайнему лѣвому крылу революціонной демократіи для того, чтобы толкать его впередъ въ интересахъ пролетаріата.

Политическое сотрудничество съ буржуазной демократіей отнюдь не могло заставить Маркса пойти на какіе бы то ни было компромиссы или молчать о своемъ дѣйствительномъ отношеніи къ вещамъ и событіямъ. Онъ не только беспощадно разоблачалъ всѣ промахи и преступленія умѣреннаго либерализма, но не щадилъ и своего союзника—радикальное мѣщанство. Онъ не скрывалъ, что, временно выставляя общій съ буржуазной демократіей лозунгъ демократической республики, коммунисты не отказываются отъ борьбы за болѣе высокій, совершенный идеаль: лишь тогда, когда будетъ завоевано черно красно-золотая республика, начнется настоящая оппозиція ком-

мнистовъ, на этотъ разъ противъ радикальной буржуазіи. Въ первый же мѣсяцъ своего существованія «Новая Рейнская Газета» высказала свои настоящія симпатіи по поводу расправы парижской буржуазіи съ побѣжденными іюньскими борцами. «Минутное торжество грубой силой куплено уничтоженіемъ всѣхъ обмановъ и иллюзій февральской революціи, распаденіемъ французской націи на двѣ націи, націю собственниковъ и націю рабочихъ. Эта глубокая пропасть не должна внушать демократамъ мысли, что борьба за государственную форму призрѣчна и безсодержательна. Коллизіи, вытекающія изъ условій самого буржуазнаго общества, приходится продѣлать путемъ борьбы, отъ нихъ нельзя отдѣлаться фантазіями. Лучшая государственная форма не та, въ которой общественные антагонизмы затушевываются, гдѣ они скованы насильственно, слѣдовательно устранены лишь искусственно, лишь по видимости, а та, гдѣ они получаютъ, наоборотъ, возможность свободно бороться и такимъ образомъ придти къ разрѣшенію. Намъ спросятъ: неужели у насъ не найдется ни одной слезы, ни одного вздоха, ни одного слова въ пользу тѣхъ жертвъ, которыя погибли отъ народной ярости, въ пользу національной гвардіи, подвижной гвардіи, республиканской гвардіи, линейныхъ войскъ? Государство позаботится объ ихъ вдовахъ и сиротахъ, правительственные декреты превознесутъ ихъ, торжественныя погребальныя процессіи предадутъ землѣ ихъ останки, официальная пресса объявитъ ихъ бессмертными, европейская реакція отъ востока до запада воздастъ имъ почести. Но плебеи—они истерзаны голодомъ, они оскорбляемы печатью, покинуты врачами, «честные» люди ругаютъ ихъ ворами, поджигателями, каторжниками, ихъ жены и дѣти повергнуты въ еще белѣе безмѣрную нищету, а лучшіе изъ оставшихся въ живыхъ сосланы за море. И обвить лавровый вѣнокъ вокругъ ихъ грозно-мрачнаго чела есть привилегія, есть право демократической печати». Итакъ, Марксъ совѣтоваль демократіи въ классовой борьбѣ буржуазіи съ пролетаріатомъ встать на сторону послѣдняго.

Пока онъ не успѣлъ еще отказаться отъ своихъ надеждъ на демократію, т. е. на ту пеструю политическую массу, въ которой объединялись сознательные слои пролетаріата съ радикально настроенными представителями мелкой буржуазіи и крестьянства. Что же касается крупной либеральной буржуазіи, то Марксъ скоро могъ убѣдиться, что его надежды на способность этого класса повторить въ Германіи тѣ блестящія историческія дѣянія, которыми прославилась французская буржуазія въ борьбѣ со старымъ режимомъ, что эти надежды приходится оставить. Марксъ увидѣлъ что нѣмецкая буржуазія, вынесенная революціонной волной на поверхность исто-

рическаго водоворота, гораздо больше бьется революціоннаго народа, чѣмъ реакціоннаго правительства. Всѣ силы своего сарказма онъ обратилъ противъ буржуазныхъ примиренцевъ, которые пытались установить соглашеніе съ старымъ порядкомъ въ то время, какъ демократическіе слои народа продолжали бороться съ нимъ, а монархія, уже успѣвшая оправиться отъ перваго смущенія, начала вновь собирать свои силы, чтобы однимъ ударомъ лишить народъ всѣхъ плодовъ его мартовской побѣды.

Сравненіе героической французской буржуазіи эпохи Великой Французской Революціи съ поведеніемъ ея младшей нѣмецкой сестры наводитъ Маркса на самыя печальныя размышленія: «Во Франціи,— говоритъ онъ,— буржуазія стала во главѣ контръ-революціи только послѣ того, какъ она ниспровергла всѣ препятствія, мѣшавшія ея классовому господству. Въ Германіи же она уже уныло плетется въ свитѣ абсолютной монархіи и феодализма, прежде чѣмъ успѣла обезпечить основныя условія своей собственной буржуазной свободы и господства. Во Франціи она выступаетъ въ роли деспота и продѣлываетъ собственную контръ-революцію; въ Германіи же она выступаетъ въ роли рабыни и продѣлываетъ контръ-революцію своихъ собственныхъ деспотовъ. Во Франціи она побѣдила для того, чтобы давить народъ. Въ Германіи она сама себя подавила для того, чтобы народъ не побѣдилъ».

Подсказывая буржуазіи, какого поведенія ей слѣдовало бы держаться даже въ своихъ собственныхъ классовыхъ интересахъ, Марксъ врядъ ли надѣялся на то, что его голосъ будетъ услышанъ представителями «парламентскаго крестинизма»; черезъ головы примиренческихъ доктринеровъ онъ обращался къ активной демократіи: онъ, какъ теперь говорятъ, интересовался не столько парламентской, сколько агитаціонной стороною дѣла.

Когда собралось Учредительное Собраніе, вышедшее изъ общенародныхъ выборовъ, Марксъ, выражая завѣтную мечту ерліней демократіи, намѣчалъ слѣдующую тактику, какой, по его мнѣнію, должно было держаться Національное Собраніе: первымъ актомъ Національнаго Собранія должно было бы быть открытое и ясное провозглашеніе того самодержавія нѣмецкаго народа, которое онъ себѣ завоевалъ на улицахъ городовъ, особенно на баррикадахъ Вѣны и Берлина, и которое онъ выразилъ въ выборахъ делегатовъ въ Учредительное Собраніе. Вторымъ его актомъ должна была быть выработка германской конституціи на основѣ народовластія, и устраненіе изъ области фактически существующихъ въ Германіи отношеній всего того, что противорѣчитъ принципамъ самодержавія народа. Въ продолженіе всей своей сессіи оно должно было бы принимать

необходимы мѣры въ тому, чтобы разстроить всѣ реакціонныя попытки, въ тому, чтобы укрѣпить революціонную позицію, на которой оно стояло, въ тому, чтобы обезпечить отъ всяческихъ покушеній главное завоеваніе революціи—самодержавіе народа.

Марксъ прекрасно понималъ, что «окончательное государственное устройство не можетъ быть декретировано, что оно совпадаетъ съ движеніемъ, которое намъ надо пройти. Дѣло идетъ, слѣдовательно, не объ осуществленіи того или иного мнѣнія, той или иной политической идеи, а о пониманіи хода развитія. Національное собраніе должно дѣлать лишь ближайшіе, практически возможные шаги». Въ дѣйствительности оно не поняло своего положенія, какъ органа революціонной воли народа; оно отреклось отъ той почвы, изъ которой оно единственно почерпало силу и авторитетъ, отъ почвы революціи, а стало на почву права, на почву исторической преемственности, на почву соглашенія со старыми силами. Оно утомляло нѣмецкій народъ скучными словами вмѣсто того, чтобы увлечь его съ собой или быть увлеченнымъ имъ. «Не являясь хотя бы въ отдаленной степени главнымъ органомъ революціоннаго движенія, оно до сихъ поръ не было даже эхомъ его.»

Марксъ понималъ, что «господство крупной буржуазіи въ Пруссіи является неизбежной переходной ступенью къ господству демократіи», но онъ скоро долженъ былъ констатировать тотъ фактъ, что германская, въ частности прусская, крупная буржуазія политически обанкротилась и оказалась неспособной обезпечить условія своего собственного классоваго господства. «Даже только съ буржуазной точки зрѣнія полное объединеніе Германіи является первымъ условіемъ для того, чтобы спасти ее отъ нынѣшняго жалкаго положенія и создать почву для роста національнаго богатства. А какъ же разрѣшить современныя соціальныя проблемы на территоріи, раздробленной на 39 маленькихъ странъ?» Довести до конца объединеніе Германіи крупная буржуазія оказалась неспособной.

Во всѣхъ буржуазныхъ революціяхъ размахъ движенію придаетъ судорожное содроганіе крестьянства, рвущагося изъ феодальныхъ оковъ. И въ этомъ отношеніи нѣмецкая буржуазія, уже пораженная старческой немощью, оказалась неспособной понять свои собственные интересы и, соединившись съ крестьянствомъ, нанести рѣшительный ударъ силамъ реакціоннаго феодальнаго землевладѣнія. «Революція въ деревнѣ,—какъ говоритъ Марксъ,—состояла въ дѣйствительномъ уничтоженіи всѣхъ феодальныхъ повинностей. «Министерство дѣйствія» (министерство Ганземана), которое въ принципѣ признаетъ революцію, признаетъ ее въ деревнѣ такимъ образомъ, что тутъ же на мѣстѣ ее уничтожаетъ. Вернуть весь старый status quo невозможно;

крестьяне безъ дальнихъ словъ перебили бы феодальныхъ бароновъ,— это ясно самому господину Гирке (министръ земледѣлія). Поэтому торжественно уничтожаютъ рядъ незначительныхъ, только кой-гдѣ существующихъ феодальныхъ налоговъ и восстанавливаютъ снова главныя феодальныя повинности, которыя заключаются въ одномъ словѣ—барщина».

Далѣе идетъ выводъ, убійственный для германской буржуазіи и ея политическаго смысла: «Нѣмецкая революція 1848 года есть лишь пародія французской революціи 1789 года. 4-го августа 1789 года, три недѣли спустя послѣ взятія Бастиліи, французскій народъ въ одинъ день осилилъ всѣ феодальныя повинности. 11-го іюля 1848 года, четыре мѣсяца спустя послѣ мартовскихъ баррикадъ, феодальныя повинности осилили нѣмецкій народъ—свидѣтели Гирке съ Ганземаномъ. Французская буржуазія 1789 года ни на минуту не покидала своихъ союзниковъ-крестьянъ. Она знала, что основой ея господства было уничтоженіе феодализма въ деревнѣ, созданіе свободнаго и владѣющаго землей крестьянскаго класса. Нѣмецкая буржуазія 1848 года безъ всякаго зазрѣнія совѣсти предастъ крестьянъ, своихъ самыхъ естественныхъ союзниковъ, которые представляютъ изъ себя плоть отъ ея плоти и безъ которыхъ она безсильна противъ дворянства».

Марксъ доказывалъ, что главный недостатокъ нѣмецкой революціи, позволившей «взять ее подъ сомнѣніе», заключался въ томъ, что «она была революціей лишь наполовину, что она была лишь началомъ длительного революціоннаго движенія». Результаты революціи получились слѣдующіе: съ одной стороны—народное вооруженіе, право союзовъ, фактически завоеванное самодержавіе народа, а съ другой стороны—сохраненіе монархіи и министерство Кампаузена-Ганземана, т. е. правительство либеральныхъ представителей крупной буржуазіи. Революція имѣла такимъ образомъ двоякаго рода результаты, которые неизбежно должны были придти къ разрыву. Народъ побѣдилъ; онъ завоевалъ свободы ярко демократическаго характера, но непосредственное господство перешло не въ его руки, а въ руки крупной буржуазіи. Революція не была доведена до конца. Народъ допустилъ образованіе министерства крупныхъ буржуа, а крупные буржуа тотчасъ же обнаружили свою подоплеку, предложивъ союзъ старопрусскому дворянству и бюрократіи... Крупная буржуазія, антиреволюціонная съ самаго начала, заключила оборонительный и наступательный союзъ съ реакціей изъ страха передъ народомъ, т. е. передъ рабочими и демократической буржуазіей.

Марксъ предостерегалъ либеральную буржуазію, онъ предсказывалъ ей, что, какъ только реакція укрѣпится при содѣйствіи либе-

ральныхъ соглашателей, она немедленно отбросить ихъ прочь отъ себя, какъ выжатый лимонъ. Пророчество Маркса исполнилось. Укрѣпившись въ своихъ окнахъ, внеся раздоръ въ лагерь революціи и парализовавши революціонные порывы народа, повинутаго на произволь судьбы буржуазными примиренцами, правительство поспѣшило отдѣлаться отъ министерства Кампгаузена, которое до тѣхъ поръ прикрывало контръ-революцію своимъ либерально-буржуазнымъ плащомъ. Почувствовавъ себя достаточно сильной, контръ-революція поспѣшила сбросить маску: министерство либеральныхъ соглашателей оказалось «обманутымъ обманщикомъ». Какъ говорилъ про него Марксъ,—находясь на службѣ у крупной буржуазіи, оно должно было стараться лишить революцію ея демократическихъ завоеваній; находясь въ борьбѣ съ демократіей, оно должно было заключить союзъ съ аристократической партіей и стать орудіемъ ея контръ-революціонныхъ замысловъ, а когда аристократическая партія оказалась достаточно сильной, то она выбросила за бортъ своего союзника. «Господинъ Кампгаузенъ посѣялъ реакцію въ духѣ крупной буржуазіи и пожалъ реакцію въ духѣ феодальной партіи. Его добрыя намѣренія сводились къ первой, злой рокъ привелъ ко второй. По-жайте на грошъ популярности разочарованному человѣку!»

Особенно старался Марксъ предостеречь отъ роковыхъ и непоправимыхъ политическихъ ошибокъ широкіе слои демократіи. Онъ доказывалъ, что буржуазія не въ состояніи утвердить своего собственнаго господства, не заручившись содѣйствіемъ народныхъ массъ и не ставши на широкой демократическій путь; онъ безпощадно разоблачалъ неопредѣленность и расплывчатость самыхъ на первый взглядъ крайнихъ радикальныхъ программъ. «Новая Рейнская Газета» подвергала безжалостной критикѣ дебаты берлинскаго національнаго собранія и франкфуртскаго собранія, гдѣ «парламентскій кретинизмъ» свилъ себѣ прочное гнѣздо. Марксъ старался объяснить лѣвой, что старый режимъ охотно предоставляетъ ей маленькія парламентскія побѣды и большіе конституціонные проекты, стараясь въ то же время удержать въ своихъ рукахъ главныя орудія господства: полицію, армію, народное сознаніе. Онъ указывалъ на то, что монархія можетъ спокойно въ парламентѣ признавать революцію, если только за стѣнами парламента она эту самую революцію обезоруживаетъ. «Лѣвая,—говорилъ онъ предостерегающимъ тономъ,—можетъ въ одно прекрасное утро убѣдиться, что ея парламентская побѣда и ея дѣйствительное пораженіе совпадаютъ».

Марксъ убѣждалъ демократію бросить свою половинчатую политику и приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Онъ привѣтствовалъ стремленія гражданъ къ организаци и вооруженію. 14-го іюня бер-

линскій народъ, возмущенный поведеніемъ примиренцевъ, напалъ на цейхгаузъ, взялъ его приступомъ и вооружился. «Народъ,—какъ замѣтилъ Марксъ,—желаетъ имѣть гарантіи противъ собранія и знаетъ, что оружіе это наилучшая гарантія». Во время штурма берлинскаго цейхгауза были уничтожены нѣкоторыя старыя знамена и военныя реликвіи. Когда истинно-прусскіе патріоты разразились по этому поводу цѣлымъ потокомъ жалкихъ словъ, «Новая Рейнская Газета» напротивъ похвалила берлинское населеніе, которое, по ея мнѣнію, выказало при этомъ вполне правильный тактъ: «Населеніе Берлина, растоптавъ ногами знамена, взятые при Лейпцигѣ и Ватерлоо, отрелось отъ такъ называемыхъ освободительныхъ войнъ. Первое, что нѣмцы должны дѣлать во время своей революціи, это врать со своимъ позорнымъ прошлымъ» *).

Смотря на революцію 48 года, какъ на переворотъ общеевропейскаго значенія, «Новая Рейнская Газета» начертала передъ нѣмецкой демократіей широкую программу международной политики. Марксъ всегда считалъ крупнымъ недостаткомъ демократіи вообще и социализма въ частности, то, что они сравнительно мало вниманія удѣляютъ вопросамъ внѣшней политики. А между тѣмъ для приданія прочности революціоннымъ завоеваніямъ необходимо вырвать изъ рукъ стараго режима его послѣднее оружіе—международную дипломатію. Грандіозный планъ демократическаго преобразования Европы, намѣченный въ то время кружкомъ марксистовъ, группировавшихся вокругъ «Новой Рейнской Газеты», также не получилъ осуществленія, какъ и революціонное преобразование внутреннихъ отношеній самой Германіи.

Эта программа требовала свободной Польши, свободной Италіи, свободной Венгріи, но вмѣстѣ съ тѣмъ она относилась крайне отрицательно къ панславизму—даже въ его революціонномъ выраженіи, какое ему старался придать Бакунинъ. Въ панславизмѣ она усматривала исключительно сознательныя или бессознательныя реакціонныя стремленія, направленныя противъ освободительныхъ порывовъ европейскихъ народовъ и эксплуатируемыя правительствами въ своихъ полицейскихъ интересахъ. Газета указывала на то, что единственный изъ всѣхъ славянскихъ народовъ, отличавшійся въ то время революціоннымъ характеромъ, а именно поляки, стоятъ въ сторонѣ отъ панславизма и даже относятся къ нему отрицательно. Она отмѣчала то обстоятельство, что славяне нигдѣ не принимали серьезнаго уча-

*) Вмѣстѣ съ тѣмъ органъ Маркса все время предостерегалъ населеніе противъ несвоевременныхъ и разрозненныхъ вспышекъ и убѣждалъ не поддаваться до поры до времени на всѣ провокаціи правительства.

стія въ революціонномъ движеніи 1848 года. Въ то время какъ французы, нѣмцы, итальянцы, поляки, венгерцы подняли знамя революціи, славяне встали, какъ одинъ человекъ, подъ знамя контръ-революціи. Впереди всѣхъ южные славяне, которые уже много лѣтъ раньше защищали свои контръ-революціонныя вождельнія противъ венгровъ, затѣмъ чехи *), а позади нихъ, въ боевомъ вооруженіи, готовые въ рѣшительный моментъ появиться на полѣ брани, русскіе».

Не слѣдуетъ забывать, что тогдашняя крѣпостная Россія была позвоночнымъ столбомъ европейской реакціи. Нѣмецкіе демократы были даже увѣрены, что безъ войны съ Россіей дѣло не обойдется. «Новая Рейнская Газета» не переставала напоминать объ опасности, которая грозила нѣмецкой демократіи со стороны царскаго правительства. Въ іюнѣ 1848 года она восклицала: «Царь стоитъ передъ воротами Торна!» И дѣйствительно, какъ объ этомъ стало извѣстно черезъ 30 лѣтъ, въ это время Николай I предлагалъ прусской камарильѣ помощь русской арміи для подавленія нѣмецкой революціи. Демократы предвидѣли вмѣшательство Россіи, какъ это черезъ годъ и случилось во время венгерской революціи. Въ интересахъ внутренняго освобожденія Германіи газета Маркса требовала войны съ главнымъ оплотомъ тогдашней европейской реакціи. «Лишь война съ Россіей есть война революціонной Германіи. Въ ней она можетъ смыть грѣхи своего прошлаго, въ ней она можетъ окрѣпить и побѣдить своихъ собственныхъ самодержцевъ, въ ней она, какъ это подобаешь народу, сбрасывающему съ себя цѣпи долгаго покорнаго рабства, купить жизнью своихъ сыновъ пропаганду цивилизаціи и освободить себя въ предѣлахъ собственнаго государства, освобождая народы внѣ ихъ».

Здѣсь кружокъ Маркса воспринимаетъ программу «революціонной пропаганды», которую въ свое время выставила французская демократія во время европейскихъ войнъ революціоннаго періода. Для укрѣпленія французской республики признавалось необходимымъ понести знамя возстанія во всѣ страны Европы, всюду содѣйствуя освобожденію народовъ и ниспроверженію «тираническихъ» правительствъ. Съ той поры доктрина «революціонной пропаганды» вошла въ плоть и кровь французской и вмѣстѣ съ тѣмъ европейской революціонной демократіи, — и главнымъ членомъ этого символа вѣры было возстановленіе свободной Польши. Возрожденіе Польши было безусловно необходимо въ интересахъ европейской революціи, которая

*) Но когда въ іюнѣ 1848 г. вспыхнуло возстаніе въ Прагѣ, газета приняла сторону чеховъ въ Богеміи точно такъ же, какъ она принимала сторону поляковъ въ Познани и итальянцевъ въ Ломбардіи.

въ своемъ развитіи естественно наталкивалась на русскаго колосса, а для парализованія этого колосса польское возстаніе было какъ нельзя болѣе кстати. Вотъ главная причина той широкой популярности, которою пользовалось польское дѣло въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX вѣка среди европейскихъ демократовъ. Революціонная Германія, непосредственная сосѣдка Россіи, особенно заинтересована была въ освобожденіи Польши, тѣмъ болѣе, что и сама прусская реакція въ значительной степени основывалась на владѣніи обширной частью польской территоріи. «Повуда мы помогаемъ угнетать Польшу, повуда мы приковываемъ часть Польши къ Германіи, — такъ писала газета Маркса. — до тѣхъ поръ мы прикованы къ Россіи и русской политикѣ, до тѣхъ поръ мы не можемъ сломить у себя патріархально-феодальнаго абсолютизма».

На Англію, вопреки либеральной традиціи, Марксъ не возлагалъ блестящихъ надеждъ въ дѣлѣ содѣйствія европейскому освободительному движенію. «Страна, превращающая въ своихъ пролетаріевъ пѣлые народы, охватывающая своими гигантскими щупальцами весь міръ, своими деньгами уже поврывшая однажды издержки по европейской реставраціи, страна, въ собственныхъ предѣлахъ которой классовый антагонизмъ принялъ наиболѣе выраженную, наиболѣе циничную форму, — Англія кажется утесомъ, о который разбиваются революціонныя волны; она морить голодомъ новое общество еще во чревѣ матери. Англія господствуетъ надъ міровымъ рынкомъ. Переворотъ въ экономическихъ отношеніяхъ любой страны европейскаго континента и даже на всемъ европейскомъ континентѣ, но безъ Англіи — не болѣе, какъ буря въ стаканѣ воды».

Всякое европейское революціонное движеніе, окрашенное духомъ французскаго социализма, неминуемо натолкнется на міровое господство Великобританіи. А именно такое социалистическое движеніе является теперь, по мнѣнію Маркса, очереднымъ вопросомъ дня. Марксъ прекрасно понималъ, что июньское пораженіе парижскаго пролетаріата означало поворотный пунктъ въ революціи 1848 года: съ этого момента опасность начала угрожать, во-первыхъ, всѣмъ буржуазнымъ революціямъ въ Европѣ, а во-вторыхъ, всѣмъ національностямъ, которыя въ 1848 году пытались добиться своего освобожденія. Всѣ успѣхи венгерской революціи не будутъ имѣть никакого историческаго значенія, если ее не поддержитъ возстаніе французскаго пролетаріата, которое будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и низверженіемъ французской буржуазіи и освобожденіемъ рабочаго класса вообще. Но такая побѣда французскаго пролетаріата прежде всего вызоветъ всемірную войну. Въ этой войнѣ старая Англія потерпитъ пораженіе, а чартистская партія получитъ возможность захватить власть въ свои руки.

«Чартисты во главѣ англійскаго правительства—лишь въ этотъ моментъ социальная революція переходитъ изъ области утопіи въ область дѣйствительности».

У французскаго пролетаріата не хватило силъ, а венгерская революція была подавлена русскими войсками...

Тѣмъ временемъ въ самой Германіи дѣла быстро приближались къ роковой развязкѣ. Умножались признаки осмѣлнѣнія реакціи, повидимому, рѣшившейся перейти въ открытое наступленіе. Марксъ предостерегалъ буржуазію отъ иллюзій. Борьба между двумя непримиримыми силами, народнымъ представительствомъ и старой властью, неминуемо должна была закончиться пораженіемъ и порабощеніемъ одной изъ двухъ борющихся сторонъ. Онъ писалъ: «Если побѣдитъ національное собраніе, если оно назначитъ лѣвое министерство, тогда будетъ сломлена власть короны, противостоящая власти національнаго собранія, тогда король превратится лишь въ состоящаго на жаловань слугу народа, тогда мы вновь переживемъ день 19 марта... Если же побѣдитъ министерство принца Прусскаго, то національное собраніе будетъ распущено, право собраній уничтожено, пресса подавлена, будетъ объявлено избирательное право, основанное на имущественномъ цензѣ,— и все это произойдетъ подъ охранной военной диктатуры, пушекъ и штыковъ. Побѣда той или другой стороны будетъ зависеть отъ поведенія демократической партіи. Пусть демократы рѣшатъ, какъ имъ поступить!»

Наконецъ, возставшая Вѣна пала и «Новая Рейнская Газета» отмѣтила ея паденіе въ слѣдующихъ словахъ: «Въ Вѣнѣ только что былъ поставленъ второй актъ драмы, первый актъ которой играли въ Парижѣ, подъ названіемъ: юньскіе дни. Въ Парижѣ—подвижная гвардія, въ Вѣнѣ — кроаты, въ обоихъ лацарони, вооруженный и подкупленный босяцкій пролетаріатъ противъ трудового и мыслящаго пролетаріата. Въ Берлинѣ мы будемъ скоро переживать третій актъ».

Этимъ третьимъ актомъ былъ разгонъ берлинскаго собранія. Предвидя эту возможность, Марксъ писалъ. «Такъ какъ національное собраніе равноправно коронѣ, то корона не имѣетъ никакого права распускать національное собраніе. Въ противномъ случаѣ и національное собраніе имѣло бы право низложить короля. Роспускъ парламента означаетъ государственный переворотъ. А какъ отвѣчаютъ на государственный переворотъ, это доказалъ день 29 іюля 1830 г. и 24 февраля 1848 года»

Самымъ рѣзкимъ образомъ Марксъ выступилъ противъ сплетень камарилли и буржуазіи по поводу того, будто возбужденная народная масса мѣшаетъ «свободѣ обсужденія» парламента. Онъ указывалъ на

то, что право демократически настроенных народных масс оказывать моральное давление на действие учредительных собраний есть старое революционное право, которому революция обязаны были своими главнейшими завоеваниями. Где друг против друга стоят две готовые на решительную борьбу силы, там народным представителям остается либо стать под защиту народа и время от времени терпеливо выслушивать маленькую нотацію, либо стать под защиту короны и заседать под охраной штыковъ и осаднаго положенія. Но тогда имъ придется примириться съ тѣмъ, что на этотъ разъ ихъ «свобода обсужденія» будетъ уничтожена штыками и пушками.

Когда правительство начало гнать національное собраніе, послѣднее рѣшило наконецъ примѣнить тактику пассивнаго сопротивленія, въ видѣ отказа отъ уплаты налоговъ. «Новая Рейнская Газета» не удовлетворялась этой тактикой, находя, что пассивное сопротивленіе, если оно не опирается на активное, похоже на сопротивленіе ягненка мяснику; въ ежедневныхъ статьяхъ она призывала народныя массы противопоставить силѣ силу. Правительство, писалъ Марксъ, задѣваетъ не только народъ, но и буржуазію: поэтому его надо побѣдить буржуазнымъ способомъ, т. е. взять его голодомъ; а голодомъ его можно взять, отказавшись отъ платежа налоговъ. Но этого мало. «Мы никогда не скрывали,—писалъ Марксъ,—что наша почва есть не правовая, а революціонная. Само правительство постаралось отдѣлаться отъ всячески стѣснявшей его правовой почвы. Оно стало на революціонную почву, ибо и контръ-революціонная почва революціонна».

Рейнская область, гдѣ работали Марксъ и его ближайшіе друзья, была центромъ демократическаго сопротивленія. Особенно энергичную дѣятельность развивалъ Кельнскій Демократическій Комитетъ, вышедшій изъ демократическихъ съѣздовъ, на которыхъ объединялись буржуазно-демократическія и рабочія организаци. Кельнская демократія была организована въ три большіе союза, насчитывавшіе каждый по нѣсколько тысячъ человекъ: во главѣ «Демократическаго Общества» стояли Марксъ и адвокатъ Шнейдеръ; «Рабочимъ Союзомъ» руководили бывшіе члены Союза Коммунистовъ Молль и Шапперъ, а во главѣ «Союза Работодателей и Рабочихъ» стоялъ Германъ Беккеръ. Названныя выше пять лицъ составили центральный комитетъ, который на съѣздѣ рейнскихъ и вестфальскихъ демократическихъ союзовъ въ Кельнѣ (августъ 1848) признанъ былъ оружіемъ демократическимъ комитетомъ для Рейнской провинціи и Вестфалии. Такимъ образомъ среди рейнской демократіи явно преобладали коммунисты. Комитетъ развивъ энергичную дѣятельность; устроенъ былъ цѣлый рядъ народныхъ митинговъ, на которыхъ выступали Виль-

гельмъ Вольфъ, Шапперъ, Энгельсъ и начинавшій тогда свою политическую карьеру Лассаль.

И вотъ, когда берлинское собраніе высказалось за отказъ отъ уплаты налоговъ, окружной демократическій комитетъ въ воззваніи отъ 18 ноября, подписанномъ Марксомъ, Шапперомъ и Шнейдеромъ, предложилъ демократическимъ союзамъ программу рѣшительныхъ дѣйствій, которая, начиная отъ пассивнаго сопротивленія, постепенно переходила къ довольно активнымъ мѣрамъ. Воззваніе предлагало демократіи вооружать населеніе, всеми способами противождать насильственному взиманію налоговъ, образовать комитеты общественной безопасности и въ случаѣ нужды захватывать коммунальные совѣты. Революціонная инициатива рейнцевъ не могла послужить толчкомъ къ широкимъ активнымъ выступленіямъ народныхъ массъ, такъ какъ буржуазія и ея органъ—національное собраніе—малодушно бѣжали съ поля битвы. Правительство, сосредоточившее въ мятежной области многочисленныя военныя силы, безъ труда подавило сопротивленіе рейнцевъ.

Противъ лицъ, подписавшихъ воззваніе рейнскаго демократическаго комитета, возбуждено было преслѣдованіе за призывъ къ вооруженному сопротивленію войскамъ и агентамъ правительства. 8-го февраля 1849 года они предстали предъ кельнскимъ судомъ присяжныхъ. Народъ уже заранѣе произнесъ свой приговоръ, избравши за 14 дней передъ этимъ обвиняемаго Шнейдера депутатомъ отъ города Кельна.

Центральнымъ пунктомъ процесса явилась защитительная рѣчь Карла Маркса. Въ этой рѣчи Марксъ разъясняетъ ту тактику, которой онъ и его единомышленники держались во время революціоннаго періода 1848 года. Во-первыхъ, онъ защищаетъ революціонную точку зрѣнія и разоблачаетъ лицемерную законность правительства, доказывая прокурору, что правительство не имѣетъ права ссылаться на тѣ законы, которые оно само раньше растоптало ногами. Во-вторыхъ, онъ выясняетъ буржуазнымъ присяжнымъ, что тѣ дѣянія, за которыя онъ, коммунистъ, стоитъ предъ ними въ качествѣ обвиняемаго, въ сущности составляютъ историческую задачу и призваніе буржуазіи. Вопросъ состоитъ въ томъ, кто долженъ господствовать: группирующіяся ли вокругъ абсолютной монархіи общественныя силы—крупное феодальное землевладѣніе, армія, бюрократія и духовенство,—или буржуазія? Начинающій еще только развиваться пролетаріатъ постольку заинтересованъ въ этой борьбѣ, поскольку побѣда буржуазіи доставитъ ему просторъ для его дальнѣйшаго развитія и для борьбы за свои классовыя интересы. Но въ дѣйствительности буржуазія оказывается неспособной къ активной борьбѣ за свои соб-

ственные классовые интересы: она равнодушно смотрит на то, как реакционное правительство разгоняет ее парламент, обезоруживает ее гражданскую гвардию, а ее самое подчиняет осадному положению. Тогда выступают коммунисты и призывают буржуазию исполнить ее обязанность, ибо по отношению к старому феодальному обществу буржуазия и пролетариат солидарны, так как они образуют новое общество.

Обвиняемые были, конечно, оправданы присяжными...

Опыт революционного года заставил Маркса поколебаться в правильности избранной им тактики. Как мы видели, эта тактика сводилась к коалиции между буржуазной демократией и социалистами, которые ставили себя целью толкать первую как можно сильнее влево в интересах пролетариата... Исходя из того положения, что по отношению к до-капиталистическому режиму буржуазия и пролетариат образуют одно новое общество, и надеясь на то, что немецкая буржуазия, подобно французской, пожелает и сумеет выполнить свою историческую миссию, т. е. радикальным образом разрушить феодальные отношения, Маркс и его друзья хотели идти рядом с буржуазией и сознательно заняли место на левом фланге буржуазной демократии, отличаясь от последней лишь большей крайностью своих политических требований. Но скоро им пришлось убедиться, что они идеализировали немецкую буржуазию, и что последняя оказалась политическим банкротом. Революция была совершена рабочими и некоторыми радикальными слоями мелкой буржуазии; буржуазия же в целом только терпела революцию, не обнаруживая в борьбе за свои исторические задачи ни увлечения, ни решимости, ни даже искренности.

«Немецкая буржуазия,—писал Маркс,—развивалась так лениво, вяло и медленно, что в ту минуту, когда она грозно выступила против феодализма и абсолютизма, она сама столкнулась с грозно выступившим против нее пролетариатом и всеми теми частями общества, интересы и идеи которых совпадали с интересами пролетариата. И не только стоявший за нею класс смотрел на нее враждебно, вся Европа встретила ее недружелюбно. Прусская буржуазия не была, как французская в 1789 году, классом, который являлся заступником интересов современного ему общества перед представителями старого общества, перед королевской властью и дворянством. Буржуазия опустилась до положения сословия, с ясно определенной позицией, как против короны, так и против народа. Она была оппозиционно настроена против обоих своих противников и нерешительна по отношению к каждому из них в отдельности, потому что она всегда видела и того, и

другого передъ собою. Это было сословіе, съ самаго начала готовое измѣнить народу и пойти на компромиссъ съ коронованными представителями прежняго общественнаго строя, потому что буржуазія сама вся принадлежала прежнему общественному строю... Безъ инициативы, безъ вѣры въ себя самое, безъ вѣры въ народъ, безъ всемірно-исторической миссіи, она походила на проклятаго старика, осужденнаго на то, чтобы въ собственныхъ старческихъ интересахъ руководить первыми порывами мощнаго народа. Слепой, глухой, беззубой и дряхлой—вотъ какой обазалась прусская буржуазія у кормила прусскаго государства послѣ мартовской революціи».

Разочарованіе въ политической зрѣлости буржуазіи заставило Маркса склониться къ той мысли, что въ Германіи немислима чисто-буржуазная революція и утвержденіе буржуазнаго господства въ формѣ конституціонной монархіи, а возможно только феодально-абсолютистская реакція или революція соціально-республиканская. Съ другой стороны, приходилось обратить больше вниманія на классовую борьбу пролетаріата и сильнѣе подчеркнуть специально пролетарскую сторону своего міросозерцанія. Маркса иногда упрекали за то, что о рабочемъ движеніи, о классовой борьбѣ между германскимъ пролетаріатомъ и буржуазіей «Новая Рейнская Газета» говорила очень мало. Марксъ могъ, конечно, ссылаться на то, что это молчаніе было не столько недостаткомъ газеты, сколько недостаткомъ самой жизни, и что въ тогдашней Германіи классовая борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей проявлялась очень слабо. Тѣмъ не менѣе нѣмецкое рабочее движеніе уже началось и стихійно развивалось. Стоитъ только вспомнить о дѣятельности Стефана Борна.

Борнъ, бывшій членъ Союза Коммунистовъ, задумалъ создать обширную національную федерацію рабочихъ синдикатовъ, делегаты котораго составили бы рабочій парламентъ, играющій роль естественнаго представителя рабочаго класса передъ правительствомъ. Ему удалось созвать нѣсколько рабочихъ съѣздовъ, состоящихъ главнымъ образомъ изъ ремесленниковъ и приведшихъ къ образованію «Берлинскаго центральнаго комитета». Послѣдній, будучи составленъ по образцу центральнаго правленія Союза Коммунистовъ, обсуждалъ проекты, а затѣмъ передавалъ ихъ на разсмотрѣніе делегатскихъ, групповыхъ и синдикальныхъ собраній. Съ апрѣля до іюня 1848 г. нѣмецкій рабочій классъ проявлялъ усиленную дѣятельность. Въ Гамбургѣ и Лейпцигѣ также образовались выборные центральные комитеты, построенные по такому же іерархическому плану; въ другихъ мѣстахъ основались пропагандистскіе рабочіе фрейны. Основанному имъ «Рабочему Братству» Борнъ старался привить марксистскую программу. Ремесленный конгрессъ, собравшійся 18 іюня 1848 г.

въ Берлинѣ, подъ предѣдательствомъ Борна, внесъ въ свою программу право на трудъ и право на существованіе для неспособныхъ къ труду, введеніе прогрессивно-подоходнаго налога, ограниченіе наследственнаго права, бесплатное народное образованіе и т. д. Цѣлый рядъ окружныхъ съѣздовъ популяризировалъ эту программу въ странѣ. Рука объ руку съ политической организаціей шло широкое профессиональное и кооперативное движеніе, подавить которое удалось только реакціи. Какъ говоритъ Энгельсъ, «въ ходъ были пущены стачки, ремесленные товарищества, производительныя товарищества». Правда, Энгельсъ прибавляетъ: «при этомъ забывалось, что прежде всего дѣло идетъ о томъ, чтобы путемъ политическихъ побѣдъ сначала завоевать то поле, на которомъ только и осуществимы прочно эти вещи». Но врядъ ли дѣятели Рабочаго Братства объ этомъ забывали. Какъ замѣчаетъ Андлеръ, «вездѣ, гдѣ политическимъ вольностямъ угрожала опасность, центральный комитетъ Рабочаго Союза предлагалъ оружіе, людей и деньги. 22 ноября 1848 г. онъ предложилъ свою кассу въ распоряженіе прусскаго національнаго собранія, которому угрожали происки реакціонеровъ. Въ Саксоніи и Баденѣ рабочій союзъ доставлялъ агитаторовъ и революціонныхъ вождей. Развѣ не тотъ же Борнъ командовалъ въ Дрезденѣ во время майскаго возстанія 1849 года и, продержавшись четыре дня противъ прусской арміи, сумѣлъ увести свой повстанческій отрядъ черезъ Богемію и такимъ образомъ сохранить его для баденской революціи?»

Какъ бы тамъ ни было, къ концу революціоннаго года двѣ основныя струи освободительнаго движенія, буржуазно-демократическая и рабочая, начали расходиться въ разныя стороны. Естественно, что симпатіи Маркса принадлежали пролетаріату, тѣмъ болѣе, что къ этому моменту онъ уже успѣлъ въ значительной степени разочароваться въ революціонномъ значеніи демократической буржуазіи. Въ Демократическомъ Обществѣ постепенно началъ назрѣвать расколъ. Еще 17 сентября громадное народное собраніе, состоявшее изъ 10.000 человекъ и собравшееся въ Ворингенѣ на лугу у Рейна, высказалось за демократическо-соціальную «красную республику» (на этомъ собраніи говорили Энгельсъ, Шапперъ, Вильгельмъ Вольфъ и Лассаль). Паденіе Вѣны и ноябрьскія событія въ Берлинѣ на время отсрочили вопросъ о расколѣ демократической коалиціи, но уже въ апрѣлѣ 1849 года этотъ расколъ сдѣлался совершившимся фактомъ.

14 апрѣля 1849 года Марксъ, Шапперъ, Беккеръ и Аннеке, замѣстившій Молля, выступили изъ окружнаго комитета. Въ заявленіи о своемъ выходѣ изъ комитета Марксъ указывалъ, что его шагъ вызванъ слишкомъ пестрымъ составомъ соціальныхъ элементовъ,

входящихъ въ демократическую организацію, и высказывалъ ту мысль, что необходимо создать широкую организацію рабочихъ союзовъ, состоящихъ изъ однородныхъ социальнихъ элементовъ, и что коммунисты должны отдѣлиться отъ демократовъ также и въ другихъ областныхъ комитетахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ федераціи рейнскихъ демократическихъ союзовъ выступилъ и кельнскій рабочій союзъ. Первымъ шагомъ отколовшейся организаціи было рѣшеніе созвать областной съѣздъ рабочихъ союзовъ и другихъ обществъ, примыкающихъ къ социальной демократіи, въ цѣляхъ объединенія рейнско-вестфальскихъ рабочихъ ферейновъ и избранія делегатовъ на обще-германскій съѣздъ рабочихъ организацій, созванный на іюнь въ Лейпцигѣ «Рабочимъ Братствомъ». Кельнскій рабочій союзъ избралъ для этого временный комитетъ, въ составъ котораго вошли между прочимъ Шапперъ, Вольфъ и Карлъ Марксъ.

Такимъ образомъ въ дѣятельности Маркса начиналась новая полоса тѣснаго участія въ чисто-пролетарскомъ движеніи. Прежнія его попытки выяснить буржуазіи ея революціонныя задачи привели лишь къ тому, что онъ оттолкнулъ отъ себя буржуазную публику, которая меньше всего хотѣла выполнять навязанную ей историческую миссію. Но зато Марксъ и его товарищи завоевали симпатіи трудящихся массъ. «Новая Рейнская Газета», теряя читателей среди буржуазной демократіи, въ то же время пускала все болѣе глубокіе корни среди рабочихъ. Рабочій классъ заявилъ о своемъ желаніи взять въ свои руки знамя демократіи, которое буржуазія выпустила изъ своихъ рукъ; вмѣстѣ съ тѣмъ пролетаріатъ явно отказывался ждать, пока буржуазія выполнитъ свою историческую миссію, чтобы лишь послѣ того начать борьбу за свои пролетарскія цѣли. Подъ конецъ «Новая Рейнская Газета» начинаетъ приобретать все болѣе пролетарскій характеръ. Марксъ печатаетъ тамъ свои лекціи о наемномъ трудѣ и капиталѣ, которыя онъ нѣкогда читалъ въ Брюссельскомъ рабочемъ ферейнѣ, а Вильгельмъ Вольфъ пытается поднять сельскій пролетаріатъ восточной Пруссіи своими статьями о силезскихъ милліардахъ.

Но эта новая и столь интересная полоса въ дѣятельности Маркса была насильственно оборвана восторжествовавшей реакціей. Последнее содроганіе нѣмецкаго народа, заковываемаго въ старыя цѣпи, выразилось въ майскихъ возстаніяхъ, вспыхнувшихъ въ 1849 г. въ различныхъ частяхъ Германіи. «Новая Рейнская Газета», рѣшительно взявшая сторону майскихъ инсургентовъ, была закрыта правительствомъ, а самъ Марксъ, переставшій быть прусскимъ подданнымъ еще въ 1845 году, получилъ приказъ о высылкѣ изъ прусскихъ предѣловъ за возбужденіе къ «ниспроверженію существующаго строя и

введенію соціальної республіки». Въ своемъ прощальномъ номерѣ, вышедшемъ 19 мая 1849 года и напечатанномъ красными буквами, редакція прощалась съ кельнскими рабочими. Эта прощальная записка кончается словами: «Сотрудники Новой Рейнской Газеты на прощаніе благодарятъ васъ за проявленное къ нимъ участіе. Ихъ послѣднимъ словомъ всегда и вездѣ будетъ: освобожденіе рабочаго класса!» Самъ Марксъ заклеилъ принятую противъ него мѣру слѣдующими словами: «Къ чему ваши лицемерныя фразы, ищущія небывалаго предлога? Мы беспощадны и не требуемъ также никакой пощады отъ васъ. Когда чередъ дойдетъ до насъ, мы не будемъ прикрашивать нашего терроризма, но роялистскіе террористы, террористы божьей милостью и милостью закона, они на практикѣ—грубы, презрѣнны, низки, въ теоріи—закоснѣлы, трусливы, двуязычны, въ обоихъ отношеніяхъ безчестны... Мы полагаемъ, что заслужили благодарность Рейнской провинціи. Мы спасли революціонную честь нашей родной земли».

Марксъ уѣхалъ въ Парижъ, чтобы завязать сношенія съ Горой («соціально-демократической» партіей), которая въ то время готовяла возстаніе противъ реакціонной «партіи порядка» и президента Луи Бонапарта. 13-го іюня 1849 года демонстрація, устроенная демократической національной гвардіей, была разогнана оружіемъ, и началась травля крайнихъ лѣвыхъ. Французское правительство собиралось сослать Маркса въ глухой бретонскій департаментъ Морбиганъ, но онъ предпочелъ уѣхать въ Лондонъ. Надежда Маркса на революціонный взрывъ въ Парижѣ, который долженъ былъ подать сигналъ къ возстанію всѣмъ европейскимъ радикаламъ, такимъ образомъ не осуществилась.

Очутившись въ Лондонѣ, Марксъ прежде всего постарался переварить и осмыслить тотъ обширный историческій матеріалъ, который данъ былъ ему событіями революціонныхъ лѣтъ. Не сразу Марксъ отказался отъ своихъ революціонныхъ чаяній. Разочаровавшись въ крупной и мелкой буржуазіи, Марксъ продолжалъ еще вѣрить въ то, что пролетаріатъ, на опытъ убѣдившись въ неспособности и злой волѣ буржуазіи, возьметъ на себя инициативу соціального переворота. Марксъ ожидалъ, что весной 1850 года во Франціи начнется пролетарская революція, окрашенная соціалистическимъ цвѣтомъ. Онъ пришелъ къ тому выводу, что отнынѣ никакая революціонная борьба въ Европѣ не можетъ привести къ успѣху, если она съ самаго начала не поставитъ чисто соціалистическихъ лозунговъ. Но французскій пролетаріатъ не возсталъ, въ Германіи свирѣпствовала реакція—и Марксъ, критически пересмотрѣвши свои взгляды, принужденъ былъ по совѣсти отказаться отъ надеждъ на близость соціального переворота.

Къ этому выводу Марксъ пришелъ не сразу. Очутившись за границей, онъ немедленно снова принялся за практическую дѣятельность. Союзъ Коммунистовъ былъ реорганизованъ и пополненъ новыми силами; затѣмъ были восстановлены старыя и завязаны новыя связи съ революціоннымъ крыломъ чартизма, съ французскими социалистами, а также съ польскими и венгерскими эмигрантами. Центральный комитетъ послалъ въ Германію въ качествѣ эмиссара Генриха Бауера, который сумѣлъ привлечь къ активной работѣ многихъ людей. Въ отдѣльныхъ городахъ Германіи появились снова руководящіе кружки, находившіеся въ сношеніяхъ съ центральнымъ комитетомъ.

Въ мартѣ 1850 года центральный комитетъ обратился къ членамъ Союза Коммунистовъ съ циркулярнымъ посланіемъ, крайне интереснымъ для характеристики тогдашнихъ взглядовъ и настроенія Маркса. По мнѣнію составителей циркуляра, новый революціонный взрывъ неминуемъ и близокъ, причемъ онъ можетъ быть вызванъ или самостоятельнымъ возстаніемъ французскаго пролетаріата, или вторженіемъ Священнаго Союза въ революціонный Вавилонъ. Предательская роль, которую по отношенію къ народу играли въ 1848 году либеральные буржуа, на этотъ разъ перейдетъ къ демократическому мѣщанству, которое теперь занимаетъ то же самое положеніе въ оппозиціи, какъ либеральные буржуа до 1848 года. Рабочей партіи рекомендуется держаться по отношенію къ мелкой буржуазной демократіи слѣдующей тактики: пролетаріатъ идетъ вмѣстѣ съ нею противъ фракціи, низверженіе которой является ея цѣлью; но онъ выступаетъ противъ нея во всемъ, чѣмъ бы она хотѣла укрѣпить свою власть.

Демократическая мелкая буржуазія добивается только такого измѣненія общественныхъ условій, которое приспособило бы современный строй къ ея интересамъ. Ея политическій идеалъ сводится къ сокращенію государственныхъ расходовъ путемъ обузданія бюрократіи и переложенія главной массы налоговъ на крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ; къ устраненію давленія крупнаго капитала на мелкій путемъ реорганизаціи народнаго кредита, ограниченія наследственнаго права и передачи возможно большаго числа работъ въ руки государства. Рабочимъ они готовы предоставить обезпеченное существованіе и болѣе высокую заработную плату, но оставляютъ ихъ въ прежнемъ положеніи наемныхъ рабочихъ; такимъ образомъ они думаютъ подкупить рабочихъ болѣе или менѣе замаскированной милостыней и сломить ихъ революціонную энергію подачками.

Этой программой пролетаріатъ удовлетвориться не можетъ; его интересы, его задача заключается въ томъ, чтобы сдѣлать революцію

непрерывной на все время, пока всё болѣе или менѣе имущіе классы не будутъ вытѣснены изъ своего господствующаго положенія, государственная власть завоевана пролетаріатомъ, а главнѣйшія производительныя силы сосредоточатся въ рукахъ объединенныхъ рабочихъ всѣхъ странъ. Для коммунистовъ дѣло идетъ не о реформированіи частной собственности, а объ ея уничтоженіи, не объ ослабленіи и затупевываніи классовыхъ противорѣчій, а объ уничтоженіи классовъ, не объ улучшеніи существующаго общества, а объ основаніи новаго общества. Но такъ какъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ революціи мелко-буржуазная демократія въ теченіе извѣстнаго періода сохранитъ преобладающее вліяніе въ Германіи, то пролетаріату и Союзу Коммунистовъ необходимо установить опредѣленное отношеніе къ ней: 1) въ теченіе краткаго до-революціоннаго періода; 2) во время революціи, которая доставитъ преобладаніе мелкой буржуазіи; 3) послѣ революціи во время ея господства.

Въ ожиданіи революціи угнетенная мелкая буржуазія протягиваетъ руку рабочимъ, предлагая ей образовать великую «единую оппозиціонную партію». Подобное объединеніе недопустимо, такъ какъ пролетаріатъ благодаря ему потерялъ бы свое самостоятельное, зупленное тяжелыми усиліями положеніе и снова палъ бы до придатка буржуазной демократіи. Пролетаріатъ долженъ направить свою дѣятельность къ тому, чтобы наряду съ официальными демократами возстановить самостоятельную рабочую организацію, какъ тайную, такъ и открытую. На случай борьбы противъ общаго врага не нужно никакого спеціального объединенія. Какъ только явится необходимость прямой борьбы съ такимъ противникомъ, интересы обѣихъ партій на этотъ моментъ совпадаютъ, и объединеніе устанавливается само собой. Не во власти рабочихъ помѣшать мелко-буржуазнымъ демократамъ держаться медлительной и нерѣшительной тактики, но въ ихъ власти затруднить имъ господство надъ вооруженнымъ пролетаріатомъ и продиктовать имъ такія условія, чтобы господство буржуазныхъ демократовъ съ самаго начала носило въ себѣ зерно гибели, а ихъ послѣдующее вытѣсненіе пролетаріатомъ изъ господствующаго положенія было значительно облегчено. Далекіе отъ того, чтобы выступать противъ такъ называемыхъ эксцессовъ, примѣровъ народной мести противъ ненавистныхъ индивидуумовъ или общественныхъ зданій, съ которыми связаны только ненавистныя воспоминанія, они должны не только относиться терпимо къ этимъ примѣрамъ, но и брать руководство ими въ свои руки. Во время борьбы и послѣ нея рабочіе должны при всякомъ случаѣ, рядомъ съ требованіями буржуазныхъ

демократовъ, выставлять свои собственныя требованія. А когда демократы приступятъ къ реорганизациіи правительства, необходимо требовать гарантій для рабочихъ, съ случаемъ необходимости вынуждать эти гарантіи и вообще заботиться о томъ, чтобы новые правители сдѣлали всё, какія только возможно, уступки и обѣщанія, — самое вѣрное средство скомпрометировать ихъ. Рабочіе должны рядомъ съ новыми официальными правительствами учреждать собственное революціонное рабочее правительство, въ видѣ ли общинныхъ совѣтовъ, городскихъ думъ или рабочихъ клубовъ и рабочихъ комитетовъ. Однимъ словомъ, съ перваго мгновенія побѣды слѣдуетъ держаться тактики недовѣрія, и это недовѣріе должно направляться уже не противъ побѣжденной реакціонной партіи, но противъ своихъ прежнихъ союзниковъ, противъ партіи, которая одна только хочетъ эксплуатировать общую побѣду.

Для борьбы съ этой партіей, которая начнетъ измѣнять рабочимъ съ перваго же момента побѣды, рабочіе должны быть организованы и вооружены. Они должны попытаться организовать самостоятельно въ пролетарскую гвардію съ выборными начальниками и выборнымъ генеральнымъ штабомъ. Уничтоженіе вліянія буржуазныхъ демократовъ на рабочихъ, самостоятельная и вооруженная организациа рабочихъ и установленіе по возможности болѣе затруднительныхъ и компрометирующихъ условій для временнаго неизбѣжнаго господства демократіи — вотъ главные пункты, которые пролетаріатъ долженъ имѣть въ виду во время и послѣ предстоящаго возстанія. Какъ только демократическая буржуазія захватитъ власть, она поспѣшитъ созвать національное собраніе. Противъ буржуазныхъ кандидатовъ рабочіе должны всюду выставлять собственныхъ кандидатовъ, по возможности членовъ Союза. Необходимо немедленно организовать по клубамъ и придать имъ централистическій характеръ; во главѣ этой организации станетъ центральный комитетъ Союза Коммунистовъ. Вѣроятный конфликтъ между пролетаріатомъ и буржуазіей произойдетъ по поводу слѣдующихъ пунктовъ. а) полная отмѣна феодализма; б) федеративная республика; в) социальная мѣропріятія:

а) Можно предвидѣть, что демократія потребууетъ раздробленія феодальныхъ помѣстій, т. е. захочетъ сохранить существованіе сельскаго пролетаріата и создать классъ мелкихъ крестьянъ по образцу мелкихъ буржуа. Противъ этого плана рабочіе должны выступить, какъ въ интересахъ сельскаго пролетаріата, такъ и въ интересахъ своего собственнаго класса. Они должны требовать, чтобы конфискованныя помѣстья остались государственной собственностью и послужили для основанія рабочихъ колоній, въ которыхъ сельскій пролетаріатъ при-

мѣнить методы коллективной обработки земли. Подобно тому какъ демократы вступаютъ въ союзъ съ крестьянами, рабочіе должны объединиться съ сельскимъ пролетариатомъ.

б) Демократы будутъ добиваться учрежденія федеративной республики или по крайней мѣрѣ попытаются парализовать центральное правительство путемъ предоставленія возможно полной самостоятельности и независимости отдѣльнымъ общинамъ и провинціямъ. Рабочіе не должны позволить обмануть себя фразеологіей относительно «самоуправленія» и т. п. Они должны добиваться учрежденія единой и нераздѣльной республики и самой рѣшительной централизаціи, которая придаетъ всеобщій характеръ уступкамъ, вырваннымъ у законодательной власти *).

в) Въ силу самаго положенія вещей демократы принуждены будутъ проводить извѣстныя соціальныя реформы. Рабочіе въ началѣ движенія, разумѣется, не могутъ еще предлагать никакихъ опредѣленныхъ коммунистическихъ мѣръ, но они могутъ принуждать демократовъ возможно всестороннѣ вторгаться въ существующій общественный порядокъ и сконцентрировать въ рукахъ государства возможно большое количество производительныхъ силъ,—фабрикъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д. Они должны доводить до крайнихъ предѣловъ реформаторскія мѣропріятія демократовъ и превращать ихъ въ прямое нападеніе на частную собственность: такъ напримѣръ, если мелкіе буржуа предложить выкупъ желѣзныхъ дорогъ и фабрикъ, то рабочіе потребуютъ ихъ конфискаціи; если демократы предложить пропорціональный налогъ, то рабочіе потребуютъ введенія прогрессивнаго налога; если демократы пожелаютъ упорядочить государ-

*) Впослѣдствіи Энгельсъ замѣтилъ, что это рѣзкое противопоставленіе самоуправленія централизаціи основано на недоразумѣніи. Въ то время считалось окончательно установленнымъ, что централизація правительственнаго механизма была введена во Франціи революціей и въ рукахъ Конвента оказалась необходимымъ и рѣшающимъ оружіемъ въ борьбѣ съ роялистической и федералистической реакціей. Дальнѣйшія историческія изслѣдованія выяснили, что въ теченіе всей революціи до 18 Брюмера на мѣстахъ дѣйствовали власти, избранныя самимъ народомъ, и что какъ разъ это широкое провинціальное и общинное самоуправленіе сдѣлалось сильнѣйшимъ рычагомъ революціи. И онъ заключаетъ: „Такъ же мало, какъ мѣстное и провинціальное самоуправленіе противорѣчитъ политической и національной централизаціи, такъ же мало необходимо связано оно съ тѣмъ ограниченнымъ или коммунальнымъ себлюбиемъ, которое въ такомъ неприглядномъ видѣ выступаетъ передъ нами въ Швейцаріи, и которое въ 1849 году всё южно-нѣмецкіе федеративныя республиканцы хотѣли сдѣлать общимъ правиломъ въ Германіи“.

ственный долгъ, то рабочіе потребуютъ провозглашенія государственнаго банкротства. Ихъ боевымъ кличемъ должно быть: непрерывная революція.

Вотъ какую тактику Марксъ рекомендовалъ пролетаріату въ предвидѣніи новаго революціоннаго подъема. Здѣсь о коалиціи съ буржуазной демократіей для общихъ буржуазіи и пролетаріату цѣлей нѣтъ уже и рѣчи. За истекшіи бурный годъ политическіе взгляды Маркса, очевидно, сильно измѣнились. Въ основѣ новой тактики лежитъ систематическое недовѣріе пролетаріата къ демократической буржуазіи и полная самостоятельность его дѣйствій. Но ожидавшійся революціонный взрывъ не наступилъ. Въ теченіе 1850 года шансы на новый подъемъ убывали, можно сказать, съ каждымъ днемъ. Во Франціи, на которую Марксъ теперь возлагалъ свои главныя надежды всеобщее избирательное право было уничтожено, и пролетаріатъ не поднялся на его защиту; въ Германіи реакція торжествовала; русскій царизмъ снова диктовалъ свою волю нѣмецкимъ дворамъ. И по мѣрѣ того, какъ убывала надежда на близость предстоящаго переворота, послѣдніе могикане революціи приходили во все большее озлобленіе, и начинали склоняться къ самымъ отчаяннымъ планамъ.

Объективный анализъ событій убѣдилъ Маркса въ томъ, что наступившая политическая реакція отличается далеко не мимолетнымъ характеромъ и что въ основѣ ея лежатъ глубокія экономическія причины. Промышленный кризисъ 1847 года, подготовившій революцію 1848 года, миновалъ. Наступилъ новый невиданный до тѣхъ поръ періодъ промышленнаго расцвѣта. Говоря словами Маркса, февральская революція въ конечномъ счетѣ разбилась объ открытіи калифорнійскихъ и австралійскихъ золотыхъ росыпей. Внимательное изученіе условій всемірнаго рынка все больше убѣждало Маркса, что подобно тому, какъ всемірно торговый кризисъ 1847 года породилъ революцію, точно такъ же контръ-революція была порождена постепеннымъ экономическимъ улучшеніемъ, достигшимъ кульминаціоннаго пункта въ 1850 году.

«При такомъ всеобщемъ благополучіи,—писали Марксъ и Энгельсъ въ «Обозрѣніи отъ мая по октябрь 1850» («Новая Рейнская Газета, политико-экономическое обозрѣніе», V и VI книжки),—когда такъ пышно развиваются производительныя силы буржуазнаго общества, насколько это вообще возможно въ рамкахъ буржуазныхъ отношеній о дѣйствительно й революціи не можетъ быть и рѣчи. Подобная революція возможна только въ такіе періоды, когда оба эти фактора, современныя производительныя силы и буржуазныя формы производства, приходятъ въ противорѣчіе другъ съ другомъ. Без-

конечные перекоры, въ которыхъ теперь истощаются и взаимно компрометируютъ себя отдѣльныя фракціи континентальной партіи порядка, далеко не могутъ послужить поводомъ къ новой революціи; напротивъ, они и возможны только потому, что основа нынѣшнихъ отношеній такъ прочна и, чего не знаетъ реакція, такъ буржуазна. Всѣ реакціонныя попытки, задерживающія буржуазное развитіе, такъ же вѣрно отскочатъ отъ нея, какъ и всякое нравственное негодованіе и всѣ воодушевленныя прокламаціи демократовъ».

Съ этимъ взглядомъ, къ которому Марксъ пришелъ послѣ объективнаго анализа фактовъ и который онъ безстрашно высказалъ во всеуслышаніе, не могли примириться многіе эмигранты, въ коихъ революціонное чувство было сильнѣе холоднаго разсудка. На этой почвѣ въ Союзѣ Коммунистовъ произошелъ расколъ, о которомъ мы подробнѣе рассказываемъ въ статьѣ «Марксъ и анархизмъ» (стр. 87—91 этого сборника).

Первый періодъ публичной политической дѣятельности Карла Маркса былъ законченъ. Въ теченіе этого періода онъ окончательно распротился со своими иллюзіями относительно жизнеспособности и активности буржуазной демократіи и окончательно укрѣпился въ той мысли, что отнынѣ вся жизненная энергія и революціонная активность сосредоточились исключительно въ рабочемъ классѣ.

Г л а в а III.

И н т е р н а ц і о н а л ь .

Какъ предвидѣлъ Марксъ, новый экономическій кризисъ 1857 г. и политическій кризисъ 1859 года (австро-французская война) сдвинули политическую жизнь европейскихъ государствъ съ мертвой точки. Къ этому присоединилось вліяніе американской междоусобной войны, которая особенно тяжело отразилась на положеніи англійскаго пролетаріата. Про эту войну Марксъ сказалъ, что она бьетъ набатъ для европейскаго рабочаго класса, подобно тому какъ американская война за независимость въ XVIII вѣкѣ пробила набатъ для европейскаго средняго класса. Во Франціи итальянская война вызвала рѣзкій подъемъ общественнаго настроенія не только среди либеральнаго общества, но и среди рабочихъ. Последніе, не ограничиваясь профессиональной борьбой, начали помышлять о разрывѣ съ буржуазными радикалами и о самостоятельныхъ политическихъ выстуленіяхъ. Нѣмецкій пролетаріатъ также успѣлъ оправиться отъ реакціи 50-хъ годовъ и начиналъ стремиться къ экономической и политической организаціи. Наконецъ, на далекомъ европейскомъ во-

стокъ общее политическое оживленіе выразилось въ пробужденіи Польши, поднявшей знамя возстанія за свою національную независимость.

Марксъ, внимательно слѣдившій за экономическимъ кризисомъ и политическими потрясеніями тогдашней Европы, снова началъ надѣяться на близкій подъемъ революціоннаго движенія. Онъ прекрасно понималъ, что теперь революція можетъ восторжествовать только какъ революція рабочаго класса, или же ея вовсе не будетъ. Но благодаря тѣснѣйшей экономической связи всѣхъ капиталистическихъ странъ движеніе, направленное къ освобожденію трудящихся, номинуемо должно было принять международный характеръ. Эта мысль, которую нѣкогда исповѣдывалъ Союзъ Коммунистовъ, которую выражалъ Коммунистическій Манифестъ и которая составляла неразрывную часть марксозна пониманія социализма, теперь начала проникать въ сознаніе широкихъ массъ европейскаго пролетаріата. Англійскіе и французскіе рабочіе пришли къ мысли о необходимости установленія тѣсной идейной и организаціонной связи между пролетаріями отдѣльныхъ странъ подъ вліяніемъ опыта своей повседневной экономической борьбы. Толчокъ къ объединенію британскихъ и континентальныхъ рабочихъ данъ былъ всемірной выставкой 1862 года въ Лондонѣ.

5-го августа 1862 года 70 делегатовъ отъ французскихъ рабочихъ были торжественно приняты англійскими рабочими и обмѣнялись съ ними мыслями относительно необходимости для пролетаріевъ «какъ людей, какъ гражданъ и какъ рабочихъ, имѣющихъ одинаковыя стремленія и интересы», изыскать какія-нибудь средства для установленія международной связи. Завязанныя сношенія стали болѣе тѣсными благодаря польскому возстанію, которому, какъ мы уже говорили, глубоко сочувствовала вся европейская демократія. 22-го іюля 1863 года делегаты парижскихъ рабочихъ, Толэнъ, Перашонъ и Лимузенъ, прибыли въ Лондонъ, куда они привезли отвѣтъ на адресъ англійскихъ рабочихъ, и въ тотъ же вечеръ присутствовали на митингѣ въ Сентъ-Джемсъ-Холлѣ въ честь Польши. Здѣсь говорили о необходимости международной организаціи рабочихъ. Наконецъ, 28 сентября 1864 года состоялся въ Сентъ-Мартинсъ-Холлѣ знаменитый митингъ, на которомъ положено было начало Интернационалу. На этомъ митингѣ избранъ былъ комитетъ изъ 21 члена, которому поручено было выработать уставъ международной ассоціаціи рабочихъ. Среди членовъ этого комитета находились англійскіе трэдъ-юніонисты, изъ которыхъ назовемъ Оджера, Гауэля, Осборна, Люкрафта, французы, какъ Лелюбезъ и Боске, представитель Италіи, адъютантъ Мадзини—Вольфъ, и, наконецъ, самое послѣднее мѣсто скромно занималъ «докторъ Марксъ».

Теперь передъ Марксомъ открылось широкое поле политической дѣятельности, наиболѣ отвѣчавшее его завѣтнымъ убѣжденіямъ. На этотъ разъ дѣло шло уже не о томъ, чтобы стоять на крайнемъ лѣвомъ флангѣ буржуазной демократіи и диктовать ей линію поведенія, каждый день убѣждаясь въ ея неспособности и нежеланіи считаться съ преподаваемыми ей совѣтами; теперь дѣло шло о томъ, чтобы принять активное участіе въ стихійно начинающейся борьбѣ юнаго, жизнерадостнаго и полного силъ пролетаріата, этого естественнаго носителя социализма и всемірнаго освобожденія. Мечта всей жизни Маркса исполнилась, и онъ съ юношеской энергіей отдался работѣ.

Задача заключалась въ томъ, чтобы изъ вѣхъ мѣстныхъ, временныхъ, національныхъ движеній выдѣлить то, что обще всему рабочему классу во вѣхъ капиталическихъ странахъ, организовать разрозненныя пролетарскія силы, просвѣтить ихъ свѣтомъ классоваго сознанія и помочь широкимъ слоямъ рабочаго класса, только втягивающагося въ общественную и политическую борьбу, на собственномъ опытѣ понять свои постоянные классовые интересы, свои историческія задачи и средства, необходимыя для ихъ осуществленія. Необходимо было, съ одной стороны, не форсировать рабочаго движенія, не становиться поперекъ его естественному развитію, а съ другой стороны, тщательно не допускать его засоренія чуждыми примѣсами и сектантскими элементами. Такова была задача, которую поставилъ себѣ Марксъ, и эту задачу онъ выполнилъ съ поразительной выдержкой, проницательностью и тактомъ.

На всемъ теоретическомъ развитіи Интернаціонала и на главныхъ его практическихъ шагахъ лежитъ печать этого выдающагося страста и ума. Онъ воспиталъ цѣлую школу дѣятелей, которые работали сначала въ Интернаціоналѣ, а затѣмъ, когда послѣдній распался, содѣйствовали организациі національныхъ социалистическихъ партій, пропитывая ихъ социаль-демократическимъ духомъ. Вліяніе Маркса сказалось на всей дѣятельности Генеральнаго Совѣта, душой котораго онъ былъ, на работахъ международныхъ съѣздовъ, на жизни и развитіи всего Интернаціонала. Съ первыхъ же шаговъ Международной Ассоціациі Рабочихъ стало ясно, что истиннымъ главой и вдохновителемъ Интернаціонала является Карлъ Марксъ, который лучше вѣхъ другихъ сумѣлъ понять основные принципы, цѣли и средства рабочаго и социалистическаго движенія.

Прежде всего необходимо было выработать программу и уставъ Интернаціонала, въ которыхъ выражались бы основные принципы международной организациі пролетаріата. Комитету пришлось выбирать между двумя проектами, изъ которыхъ одинъ, въ духѣ буржуазно-мистической фразеологіи, былъ составленъ Мадзини, а другой,

въ духѣ научнаго социализма, Карломъ Марксомъ. Послѣ долгихъ и страстныхъ преній принять былъ «Учредительный адресъ», составленный Марксомъ, а также выработанный имъ временный уставъ международного товарищества рабочихъ.

По содержанію «Учредительнаго адреса» или Манифеста Интернаціонала можно судить о той тактикѣ, которой Марксъ намѣренъ былъ держаться по отношенію къ стихійно развивающемуся рабочему движенію. Глубоко убѣжденный въ томъ, что его философія является истиннымъ выраженіемъ и обобщеніемъ всего историческаго опыта пролетаріата, и что къ этому мировоззрѣнію рабочій классъ неизбежно долженъ придти въ результатъ своей естественной эволюціи и уроковъ повседневной борьбы, Марксъ считалъ излишнимъ и вреднымъ сразу навязывать рабочему классу какія бы то ни было абстрактныя теоріи, противорѣчащія его сознанію или еще недостаточно подготовленныя его прежнимъ опытомъ. Марксъ исходилъ изъ дѣйствительной жизни рабочаго класса, изъ его пережитаго опыта и конкретной борьбы и, какъ мудрый педагогъ, заставлялъ пролетаріатъ на данныхъ конкретныхъ примѣрахъ и иллюстраціяхъ осмыслить совершающійся на его глазахъ историческій процессъ и осознать какъ свои ближайшія, такъ и конечныя задачи. Но если онъ избѣгалъ форсировать естественное развитіе массоваго движенія, то съ тѣмъ большею энергіей онъ возставалъ противъ всякихъ попытокъ тащить рабочій классъ назадъ къ уже пройденнымъ этапамъ развитія.

Учредительный адресъ прежде всего констатируетъ тотъ основной фактъ, что нужда рабочаго класса не ослабѣла за періодъ отъ 1848 до 1864 года, несмотря на то, что именно въ этотъ періодъ необычайно возрасло богатство капиталистовъ. Таковъ англійскій образецъ; но съ иной мѣстной окраской и въ нѣсколько меньшемъ масштабѣ указанное противорѣчіе повторяется во всѣхъ странахъ, идущихъ по пути развитія капиталистической промышленности. Однако на темномъ фонѣ этого мрачнаго періода Марксъ находитъ свѣтлыя точки: это, во-первыхъ, законъ о десяти-часовомъ рабочемъ днѣ и, во-вторыхъ, успѣхъ кооперативныхъ предприятий, основанныхъ рочдельскими пионерами. Законодательное ограниченіе рабочаго дня было прямымъ вмѣшательствомъ въ великую борьбу между слѣпымъ дѣйствіемъ законовъ спроса и предложенія, составляющихъ политическую экономію буржуазіи, и регулированіемъ общественнаго производства въ интересахъ общества, составляющимъ сущность политической экономіи рабочаго класса. «И потому билль о 10-ти часовомъ рабочемъ днѣ былъ не только крупнымъ практическимъ успѣхомъ, но и побѣдой принципа. Впервые при яркомъ свѣтѣ дня политическая экономія буржуазіи была побѣждена политической экономіей

пролетаріата» Столь же принципиальное значеніе имѣютъ, по мнѣнію Маркса, успѣхи кооперативнаго движенія. Эти великіе социальныя опыты доказали на практикѣ, что производство въ крупномъ масштабѣ и согласно требованіямъ современной науки можетъ происходить безъ класса капиталистовъ-эксплуататоровъ и что наемный трудъ, подобно рабству и крѣпостничеству, представляетъ только переходящую историческую форму, которая будетъ замѣнена свободнымъ коллективнымъ трудомъ. Но только расширеніе кооперативнаго труда до національныхъ размѣровъ и поддержка его со стороны государства можетъ спасти трудящіяся массы. А это невозможно до тѣхъ поръ, пока государствомъ управляютъ земельные и фабричныя магнаты. Поэтому великій долгъ рабочаго класса заключается въ завоеваніи политической власти. Рабочіе располагаютъ однимъ изъ элементовъ успѣха, а именно численностью; но кромѣ того имъ необходимы еще сознаніе и солидарность, выражающіяся въ международной организаціи пролетаріата. Последняя, не ограничиваясь классовой борьбой въ національныхъ рамкахъ, должна оказывать рѣшающее вліяніе на внѣшнюю политику въ духѣ международнаго братства и солидарности. Борьба за такую внѣшнюю политику составляетъ часть общей борьбы за освобожденіе рабочаго класса. И учредительный адресъ Интернаціонала заканчивается, какъ нѣкогда Коммунистическій Манифестъ, вѣщимъ лозунгомъ: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!»

Къ этому Манифесту присоединенъ былъ временный уставъ Интернаціонала, выработанный Марксомъ. Приводимъ мотивировку основныхъ его положеній, въ которыхъ Марксъ, между прочимъ, формулировалъ новую мораль пролетаріата:

«Принимая во вниманіе,

что освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ, что борясь за свое освобожденіе, рабочіе должны стремиться не къ созданію новыхъ привилегій, а къ установленію равныхъ для всѣхъ правъ и обязанностей;

что экономическое подчиненіе рабочаго обладателю средствъ производства является источникомъ политической, моральной и матеріальной зависимости;

что поэтому экономическое освобожденіе рабочаго класса есть великая цѣль, которой всякое политическое движеніе должно быть подчинено какъ средство;

что всѣ стремленія рабочихъ къ достиженію этой цѣли оставались до сихъ поръ безуспѣшными вслѣдствіе недостатка солидарности между рабочими различныхъ профессій въ каждой странѣ и отсутствія братскаго союза между рабочими различныхъ странъ;

«что освобождение рабочихъ является не просто мѣстной или національной задачей, но напротивъ затрагиваетъ интересы всѣхъ цивилизованныхъ націй и можетъ быть достигнуто только ихъ теоретическимъ и практическимъ содѣйствіемъ другъ другу;

«что движеніе, которое происходитъ теперь среди рабочихъ наиболѣе промышленныхъ странъ Европы, вызывая новыя надежды, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ торжественное предостереженіе противъ старыхъ ошибокъ и заставляетъ стремиться къ объединенію всѣхъ, пока еще разрозненныхъ усилій;

«Въ виду вышесказаннаго:

«Нижеподписавшіеся, члены Совѣта, избраннаго Собраніемъ, состоявшимся 28 сентября 1864 года въ Сентъ-Мартинсъ-Холлѣ въ Лондонѣ, приняли необходимыя мѣры для основанія международной ассоціаціи рабочихъ:

«Они объявляютъ, что эта международная ассоціація, равно какъ всѣ примыкающія къ ней общества и отдѣльныя личности, признаютъ истину, справедливость и нравственность за основу своихъ отношеній ко всѣмъ людямъ, независимо отъ расы, религіи или національности.

«Они считаютъ своимъ долгомъ требовать правъ челоуѣка и гражданина не только для себя, но и для всѣхъ людей, исполняющихъ свои обязанности. Не должно быть обязанностей безъ правъ, правъ безъ обязанностей».

Интернаціоналъ былъ преемникомъ Союза Коммунистовъ, который въ свое время уже понялъ, что освобождение рабочаго класса представляетъ задачу не мѣтную, а международную. Но теперь вмѣсто маленькаго тайнаго общества, въ которомъ формировался штабъ профессиональныхъ революціонеровъ, на историческую сцену выдвинулся могучій международный союзъ, основанный на самой широкой гласности, руководившій всѣми проявленіями рабочаго движенія, формулировавшій непосредственныя задачи рабочаго класса въ отдѣльныхъ странахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ конечныя общія цѣли всемірнаго пролетаріата, объединявшій въ своихъ рамкахъ всѣ проявленія социалистической и рабочей мысли, начиная отъ англійскихъ тредъ юніонистовъ, бельгійскихъ и французскихъ мютюэлистовъ и кончая нѣмцами марксистами и романскими анархистами. Всѣ нити этого широкаго движенія, распространявшагося на весь цивилизованный міръ, сходились въ лондонскомъ Генеральномъ Совѣтѣ, а въ центрѣ этого Совѣта сидѣла самая свѣтлая голова XIX вѣка, критически переработавшая опытъ классовыхъ конфликтовъ на всемъ протяженіи челоуѣческой исторіи и сквозь туманъ временныхъ уклоненій, ошибокъ и блужданій сумѣвшая разглядѣть столбовую дорогу историческаго шествія пролетаріата...

Маркс нашель свою стихію. Онъ давно мечталъ, какъ сообщаетъ Энгельсъ, создать рабочую ассоціацію, которая охватывала бы передовыя страны Европы и Америки и являлась бы живымъ воплощеніемъ международнаго характера соціалистическаго движенія, демонстрируя его наглядно какъ самимъ рабочимъ, такъ и буржуазіи и правительствамъ — пролетаріату въ ободреніе и укрѣпленіе, а его врагамъ на страхъ. Говоря словами Маркса, Международная Ассоціація Рабочихъ поставила себѣ цѣлью сконцентрировать разрозненныя силы пролетаріата и такимъ образомъ сдѣлаться живой носительницей той солидарности интересовъ, которая объединяетъ всѣхъ рабочихъ.

Въ Генеральномъ Совѣтѣ Марксъ игралъ рѣшающую роль именно потому, что онъ былъ наилучшимъ истолкователемъ пролетарской борьбы, сумѣвшимъ выявить сокровенную сущность отдѣльныхъ, на исторической аренѣ другъ друга смѣнявшихъ и перекрещивавшихся проявленій рабочаго движенія. Когда въ послѣдствіи бакунисты подняли знамя возстанія противъ идейной гегемоніи Маркса въ Интернаціоналѣ, онъ писалъ по этому поводу своему другу Зорге: «Ихъ роль—преобладаніе въ Генеральномъ Совѣтѣ пангерманизма (сирѣчь бисмаркизма). Это относится главнымъ образомъ къ непростительному факту моего рожденія нѣмцемъ, ибо я дѣйствительно имѣю рѣшающее интеллектуальное вліяніе на Генеральный Совѣтъ. Замѣтимъ въ скобкахъ: нѣмецкій элементъ въ Совѣтѣ численно на двѣ трети слабѣе англійскаго и слабѣе также французскаго. Грѣхъ, значить, заключается въ томъ, что англійскіе и французскіе элементы въ теоретическомъ отношеніи находятся подъ властью (!) нѣмецкаго элемента, и эту власть, id est нѣмецкую науку, считаютъ очень полезной и даже очень необходимой».

Марксъ лично не присутствовалъ ни на одномъ изъ конгрессовъ Интернаціонала за исключеніемъ Гаагскаго конгресса, гдѣ рѣшался вопросъ о самомъ существованіи Международной Ассоціаціи Рабочихъ. Но за кулисами онъ руководилъ всей его дѣятельностью, направлялъ делегатовъ, игравшихъ главную роль на съѣздахъ, подготавливалъ матеріалы для рѣшенія основныхъ вопросовъ, на нихъ разсматривавшихся, писалъ докладныя записки, составлялъ манифесты Интернаціонала, велъ оживленную частную переписку съ выдающимися дѣятелями соціалистическаго движенія въ разныхъ странахъ—и это несмотря на то, что въ то же время онъ лихорадочно работалъ надъ своимъ «Капиталомъ» (первый томъ вышелъ въ 1867 году).

Въ Интернаціоналѣ Марксъ получилъ возможность вліять въ желательномъ для него направленіи не на отдѣльныхъ интеллигентовъ и выдающихся представителей рабочаго класса, а на широкія массы пролетаріата только начинавшаго пробуждаться къ самосознанію и

самодѣтельности, и на выдвинутую ими рядовую рабочую интеллигенцію. При этомъ непреклонный и суровой теоретикъ, принципиально не допускавшій никакой половинчатости и никакихъ умолчаній, обнаружилъ замѣчательный тактъ, когда ему пришлось имѣть дѣло съ стихійнымъ, изъ нѣдръ самой жизни идущимъ рабочимъ движеніемъ. Даже основной вопросъ социализма, а именно вопросъ о превращеніи всѣхъ средствъ производства и обмѣна изъ частной собственности монополистовъ въ коллективную собственность объединеннаго рабочего класса и о замѣнѣ современнаго анархическаго и разрозненнаго производства упорядоченнымъ коллективнымъ производствомъ, — даже этотъ вопросъ Марксъ проводилъ на конгрессахъ Интернационала не сразу, а постепенно. Онъ осторожно подходилъ къ крайнему выводу, шадя индивидуалистическіе предразсудки романцевъ, представлявшіе страны съ распространеннымъ парцельнымъ землевладѣніемъ, и считаясь съ высотой экономическаго развитія такихъ странъ, какъ Франція, Бельгія и т. п.

Первые конгрессы Интернационала касались цѣлага ряда важныхъ вопросовъ, какъ напримѣръ, профессиональныхъ организацій, кооперативныхъ товариществъ, ограниченія рабочаго времени, замѣны косвенныхъ налоговъ прямыми, отмѣны постоянныхъ армій, завоеванія политическихъ вольностей, народнаго кредита и т. п., т. е. разсматривали частичныя реформы, которыя могутъ быть осуществлены въ рамкахъ нынѣшняго буржуазнаго строя, не посягая на основные его устои. На Лозаннскомъ конгрессѣ (1867 г.) при обсужденіи вопроса о передачѣ желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и рудниковъ въ руки государства Цезарь де-Палъ заговорилъ о необходимости обращенія частныхъ земель въ коллективную собственность. Противъ этой мысли начали горячо возражать французскіе делегаты-прудонисты, признававшіе частную собственность основнымъ условіемъ индивидуальной свободы. Только слѣдующій Брюссельскій конгрессъ (1868 г.) принялъ резолюцію, заявляющую, что экономическая эволюція современнаго общества дѣлаетъ переходъ земли въ собственность государства социальной необходимостью, и что земля, подобно рудникамъ и желѣзнымъ дорогамъ, должна перейти къ земледѣльческимъ рабочимъ товариществамъ. Наконецъ, окончательно точку надъ і поставилъ Базельскій конгрессъ 1869 года, принявшій большинствомъ голосовъ слѣдующую резолюцію комисіи: «Конгрессъ заявляетъ, что общество вправе отмѣнить частную земельную собственность и преобразовать ее въ общественную; онъ заявляетъ далѣе, что такое преобразованіе необходимо». Такимъ образомъ только съ этого момента Интернационалъ принялъ коммунистическій характеръ. Естественная тенденція протетаріата, стремящагося къ своему освобожденію, въ концѣ кон-

цовъ пробилась сквозь толщу индивидуалистическихъ и прудонистскихъ предрасудковъ.

Въ письмѣ къ члену Интернаціонала, доктору Кугельману, по поводу перваго (Женевскаго) конгресса Международной Ассоціаціи Марксъ, говоря о своей докладной запискѣ о профессиональныхъ союзахъ, представленной на конгрессъ, мѣтко характеризуетъ свою тактику: «Я намѣренно,—пишетъ онъ,—включилъ только такіе пункты, которые допускаютъ непосредственное соглашеніе между рабочими и ихъ совмѣстное дѣйствіе и даютъ непосредственно пищу и толчекъ потребностямъ классовой борьбы и организаціи рабочихъ въ классъ». Марксъ находилъ, что сами отношенія, создаваемые капиталистическимъ производствомъ, толкаютъ рабочихъ къ выработкѣ классоваго сознанія, т. е., говоря его языкомъ, къ превращенію ихъ въ классъ, и что политическій дѣятель долженъ лишь обладать способностью использовать уроки дѣйствительной жизни и на нихъ выяснять самымъ широкимъ слоемъ пролетаріата его общія задачи. Въ этомъ смыслѣ онъ полагалъ, что дѣйствительность является лучшимъ учителемъ; въ этомъ смыслѣ онъ могъ говорить, что одинъ шагъ дѣйствительнаго движенія важнѣ дюжины программъ (правда, онъ имѣлъ въ виду неудачныя программы).

Марксъ былъ глубокимъ реалистомъ и въ теоріи, и на практикѣ. Уже въ Коммунистическомъ Манифестѣ онъ показалъ, что капиталистическій строй въ своемъ естественномъ развитіи подготавливаетъ всѣ объективныя и субъективныя предпосылки социалистическаго общества. Онъ выяснилъ, что прогрессъ промышленности, невольной носительницей котораго является буржуазія, дѣлаетъ необходимымъ общественное присвоеніе орудій труда и продуктовъ производства и ведетъ къ объединенію и просвѣщенію рабочаго класса. Окончательная побѣда пролетаріата конструировалась Марксомъ, какъ неизбѣжный логическій результатъ стихійнаго общественнаго развитія. Всю свою тактику въ Интернаціоналѣ Марксъ построилъ на этихъ началахъ. Рекомендуя въ борьбѣ съ капитализмомъ использовать всѣ возможности, создаваемыя буржуазнымъ обществомъ, онъ однако ни на минуту не соблазнялся докантилистическими отношеніями. Напротивъ, онъ беспощадно разоблачалъ реакціонность тѣхъ системъ, которыя основывались на идеализаціи добуржуазной старины и которыя указывали рабочему классу его цѣли не впереди, а позади капиталистическаго строя.

На этой почвѣ Марксу пришлось вступить въ ожесточенную борьбу съ тѣми направленіями, въ основѣ которыхъ, если такъ можно выразиться, лежало «непріятіе капиталистическаго міра» и которыя надѣялись побороть капитализмъ обходными движеніями или же

игнорированіемъ его внутреннихъ конфликтовъ. Къ такимъ романтическимъ разновидностямъ социализма въ Интернаціоналѣ принадлежали прудонизмъ съ его устремленіемъ назадъ, съ его идеализаціей мелко-буржуазныхъ отношеній, и бакунизмъ съ его устремленіемъ впередъ черезъ голову капиталистическаго строя. Тотъ и другой характеризовались стремленіемъ рѣшить социальный вопросъ въ сторону и помимо буржуазнаго общества и порождаемыхъ имъ могучихъ социально-политическихъ конфликтовъ. Борьбой между социально-политическимъ реализмомъ Маркса, выражавшимъ стремленія сознательнаго пролетаріата, и социально-политическимъ романтизмомъ прудонистовъ и бакунистовъ, выражавшихъ первые — отголоски мелко-буржуазной психологіи въ сознаніи пролетаріата, а вторые — инстинктивные антигосударственные и антисоциальные порывы неразвитаго пролетаріата и бунтарски настроеннаго крестьянства, — этой борьбой заполнена была вся исторія Интернаціонала.

Первое столкновеніе Марксу пришлось выдержать съ прудонистами, задававшими тонъ тогдашнему французскому рабочему движенію. Это направленіе, сложившееся въ эпоху глухой реакціи, которая наступила вслѣдъ за подавленіемъ іюньскаго возстанія, окрашено было, съ одной стороны, глубокимъ политическимъ индифферентизмомъ, а съ другой, отличалось узкимъ доктринерствомъ, пытаясь рѣшить социальный вопросъ въ современномъ крупно-капиталистическомъ обществѣ чисто экономическими мѣрами, не выходящими за предѣлы мелкаго производства и обмѣна. Задачи, выдвигаемыя эксплуатаціей наемнаго труда въ сферѣ крупной машинной индустріи, прудонисты надѣялись разрѣшить организаціей дароваго народнаго кредита и «справедливаго» обмѣна между изолированными производителями. Они не понимали значенія боевыхъ организацій пролетаріата и его политической борьбы и относились даже отрицательно къ забастовкамъ, эмансипаціи женщинъ и коллективизму. Марксъ съ негодованіемъ писалъ о нихъ: «У господъ парижанъ головы наполнены пустѣйшими прудоновскими фразами. Они болтаютъ о наукѣ и ничего не знаютъ. Они отвергаютъ всякую революціонную, т. е. изъ самой классовой борьбы вытекающую тактику, всякое концентрированное общественное, а слѣдовательно и политическими средствами осуществляемое движеніе, на примѣръ, законодательное сокращеніе рабочаго дня».

Это столкновеніе двухъ міросозерцаній проявилось на первомъ же (Женевскомъ) конгрессѣ Интернаціонала при обсужденіи вопросовъ о профессиональныхъ союзахъ, кооперативахъ, стачкахъ и ограниченіи рабочаго времени.

Докладная записка Генеральнаго Совѣта, принадлежавшая перу

Маркса, подчеркивала рѣшающее значеніе профессиональной организаци для борьбы пролетаріата за свое освобожденіе. Профессиональные союзы, объединяя трудящихся и устраняя взаимную конкуренцію среди самихъ рабочихъ, пытаются парализовать то неблагоприятное положеніе, въ которомъ находится индивидуальная рабочая сила по отношенію къ концентрированной силѣ капитала. Постепенно вся задача союзовъ свелась къ огражденію рабочихъ отъ непрерывныхъ посягательствъ капитала, къ борьбѣ за высоту заработной платы и за продолжительность рабочаго дня. Объ этой дѣятельности союзовъ нельзя говорить, что она законна: она абсолютно необходима и не можетъ прекратиться до тѣхъ поръ, пока существуетъ буржуазный строй. Съ другой стороны, профессиональные союзы естественно сдѣлались организационными центрами для рабочаго класса, подобно тому, какъ средневѣковыя коммунны были центромъ организаци для буржуазіи. Если профессиональные союзы безусловно необходимы въ повседневной партизанской борьбѣ между капиталомъ и трудомъ, то еще важнѣе другая ихъ сторона, а именно то, что они являются организованной силой, способной уничтожить самую систему наемнаго труда и господство капитала. До сихъ поръ, продолжаетъ записка, профессиональные союзы ограничивались непосредственной борьбой противъ капитала и держались въ сторонѣ отъ общаго социальна-политическаго движенія. Въ будущемъ же они должны научиться дѣйствовать сознательно, какъ центръ организаци рабочаго класса, должны поддерживать всякое общественно-политическое движеніе, ведущее къ этой цѣли и смотрѣть на себя какъ на активныхъ передовыхъ борцовъ за интересы всего рабочаго класса.

Для прудонистовъ все это осталось, конечно, книгой за семью печатями. Къ классической резолюціи Маркса о профессиональныхъ союзахъ, до сихъ поръ сохранившей характеръ живой злободневности, они прибавили прѣсное и двусмысленное утвержденіе, гласящее, что «въ будущемъ рабочій одновременно будетъ производителемъ, потребителемъ и капиталистомъ» Зато рѣзко сказалось различіе двухъ міросозерцаній при разсмотрѣніи другихъ вопросовъ.

При обсужденіи вопроса о международной взаимопомощи въ борьбѣ между капиталомъ и трудомъ записка Маркса, редактированная согласно со взглядами вождей англійскихъ трэдъ-юніоновъ, рекомендовала Интернаціоналу разстраивать интриги капиталистовъ, которые всегда готовы въ случаяхъ забастовокъ пользоваться рабочими другихъ странъ, какъ орудіемъ для подавленія требованій своихъ рабочихъ, и предлагала предпринять статистическое обследованіе положенія рабочихъ во всѣхъ странахъ. Французскіе делегаты заговорили объ опасности стачекъ, рекомендуя вмѣсто этого устраивать произ-

водительныя товарищества на началахъ «взаимности», какъ вѣрнѣйшее средство для превращенія «заработной платы въ доходъ отъ труда».

Еще рѣзче сказалось разногласіе между революціоннымъ реализмомъ Маркса и мелко буржуазнымъ утопизмомъ прудонистовъ при обсужденіи вопроса о сокращеніи рабочаго времени. Докладная записка требовала установленія восьмичасоваго рабочаго дня и уничтоженія ночныхъ работъ по соображеніямъ гигиеническимъ и экономическимъ. Нѣкоторые романскіе делегаты отстаивали напротивъ, нормальный десятичасовой рабочій день. А при обсужденіи вопроса о женскомъ и дѣтскомъ трудѣ въ современной промышленности французскіе делегаты рѣшительно высказались противъ женскаго труда и, выражая извѣстные реакціонные взгляды Прудона, заговорили о святости семейнаго очага.

Записка Маркса, выдвигавшая программу всесторонняго воспитанія дѣтей, при которой производительный трудъ соединяется съ физическими упражненіями и развитіемъ ума, указывала на то, что этой цѣли можно добиться только съ помощью общаго соціального законодательства, осуществляемаго государственной властью. Она считала нужнымъ пояснить, что проведеніемъ въ жизнь подобныхъ законовъ рабочій классъ ничуть не содѣйствуетъ укрѣпленію правительственной власти; напротивъ, онъ заставляетъ служить себѣ ту силу, которою теперь пользуются во вредъ ему. Посредствомъ одного общаго законодательнаго акта рабочій классъ сразу достигаетъ такихъ результатовъ, которыхъ онъ напрасно старался бы достигнуть безчисленнымъ множествомъ изолированныхъ индивидуальныхъ усилій. Переходя къ вопросу о значеніи кооперации, которой французы приписывали роль универсальной панацеи, Марксъ въ своей запискѣ отказывался признать кооперацию средствомъ, способнымъ привести къ преобразованію капиталистическаго общества въ соціалистическое. Для этой цѣли слабыхъ кооперативъ съ ограниченнымъ райономъ дѣйствія слишкомъ мало; для достиженія ея требуется общее измѣненіе всего соціального быта, которое можетъ быть выполнено только организованными общественными силами, а для этого рабочіе должны вырвать власть изъ рукъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Съ другой стороны, производительнымъ товариществамъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе передъ потребительными, такъ какъ только первыя затрагиваютъ самую основу современнаго экономическаго строя т. е. эксплуатацію наемнаго труда въ области производства.

Окончательное пораженіе марксисты, какъ мы видѣли, нанесли прудонистамъ на Брюссельскомъ и Базельскомъ конгрессахъ, настоявши на принятіи резолюціи, которая требовала обобществленія поземельной собственности и введенія коллективнаго земледѣлія.

Стремясь объединить въ Интернаціоналѣ всѣ разновидности рабочаго движенія, энергично содѣйствуя всѣмъ проявленіямъ пролетарской самодѣятельности и инициативы, стараясь на отдѣльныхъ конфликтахъ дать пролетаріату политическое воспитаніе и упражненіе его силамъ, Марксъ преслѣдовалъ при этомъ возвышенную цѣль коренного социальнаго переустройства. Ему казалось, что капиталистическій строй успѣлъ настолько исчерпать себя, довести до такой высоты производительныя силы и настолько развить всѣ присущія ему глубокія внутреннія противорѣчія, что на этотъ разъ начавшееся движеніе трудящихся неминуемо завершится всемірнымъ социальнымъ катаклизмомъ и приведетъ къ окончательному освобожденію труда изъ-подъ власти капитала. Понимая все великое организаціонное и воспитательное значеніе отдѣльныхъ формъ пролетарской борьбы, Марксъ въ то же время находилъ, что наивысшей продуктивности она достигнетъ только въ томъ случаѣ, если удастся создать синтезъ пролетарской борьбы въ видѣ цѣлостнаго социальнo-политическаго движенія, направленнаго на завоеваніе организованной власти современнаго общества и на использованіе ея рабочимъ классомъ въ цѣляхъ коренного социальнаго переустройства. Онъ хотѣлъ, чтобы изъ отдѣльныхъ формъ національныхъ рабочихъ движеній создано было одно общее классовое пролетарское движеніе на интернаціональной основѣ. А такое классовое движеніе могло быть только политическимъ, т. е. стремящимся къ завоеванію государственной власти, по возможности одновременно во всѣхъ капиталистическихъ странахъ, для преобразованія буржуазнаго общества въ общество социалистическое, основанное на принципахъ коммунизма или коллективизма.

Какъ мы видѣли, эта мысль была высказана Марксомъ уже въ «Учредительномъ адресѣ» Интернаціонала, но и въ этомъ случаѣ онъ старался дѣйствовать съ присущей ему осторожностью, постепенностью и тактомъ. Въ мотивировкѣ къ уставу Международной Ассоціаціи, которую мы привели выше, политическая борьба подчиняется экономической борьбѣ пролетаріата, «какъ средство». Съ одной стороны, это вполне отвѣчало взглядамъ Маркса, который смотрѣлъ на политическую борьбу рабочаго класса, какъ на производную его социальныхъ задачъ. Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что въ то время этого вопроса приходилось касаться съ особой осторожностью, такъ какъ разсматриваемый періодъ характеризовался политическимъ индифферентизмомъ широкихъ рабочихъ массъ. Въ большинствѣ государствъ рабочіе были тогда совершенно лишены избирательнаго права. Далѣе, только теперь, да и то въ самыхъ передовыхъ странахъ, какъ Англія и Франція, рабочіе стали высвободиться изъ-подъ политической гегемоніи буржуазной демократіи. Въ Англіи на-

чиналась борьба за расширение избирательного права, в которой энергичное участие принимали стоявшие близко къ Интернационалу дѣятели трэдъ-юніоновъ. Во Франціи начиналось движеніе въ пользу самостоятельнаго политическаго выступленія пролетаріата въ видѣ такъ называемыхъ «рабочихъ» кандидатуръ, къ которымъ отрицательно относилось даже большинство парижскихъ рабочихъ, усматривавшихъ въ выставленіи рабочихъ кандидатуръ противъ буржуазныхъ республиканцевъ коварный приемъ бонапаратовской полиціи.

Эти и цѣлый рядъ другихъ соображеній принуждали руководителей Интернационала съ сугубой осторожностью относиться къ вопросу о вовлеченіи рабочихъ въ непосредственную политическую борьбу. Съ этой точки зрѣнія Интернационалъ такъ и не сдѣлался международной политической партіей пролетаріата, а почти до конца остался довольно пестрымъ конгломератомъ профессиональных союзовъ, кооперативъ и пропагандистскихъ и образовательныхъ фрейновъ. Не слѣдуетъ забывать, что онъ, говоря словами Энгельса, «принадлежалъ къ періоду Второй Имперіи, когда царившія во всей Европѣ преслѣдованія пробуждавшагося рабочаго движенія диктовали солидарность пролетаріата и его невмѣшательство во внутреннюю политику». Всякая попытка навязать Интернационалу непосредственныя политическія задачи грозила внести раздоръ въ ряды Международной Ассоціаціи и погубить съ такимъ трудомъ налаженное дѣло. Быть можетъ, Марксъ еще долго не спѣшилъ бы заострять политическаго вопроса, предоставляя дѣло естественному теченію событій и постепенному накопленію пролетарскаго опыта, если бы не шумливое выступленіе бакунистовъ, сразу придавшихъ этому вопросу рѣзкую постановку.

Первоначально Марксъ и намѣревался не форсировать въ этомъ отношеніи событій. Онъ былъ увѣренъ, что естественное расширение экономической борьбы рабочаго класса неизбѣжно поставитъ передъ нимъ вопросъ о политической борьбѣ въ національномъ масштабѣ, т. е. въ смыслѣ борьбы за власть, и даже въ интернациональномъ масштабѣ, т. е. въ смыслѣ борьбы за международный социалистическій переворотъ. «Политическое движеніе рабочаго класса, — писалъ онъ Зорге 23 ноября 1871 г., — имѣетъ, само собой разумѣется, конечной цѣлью завоеваніе имъ политической власти, а для этого до извѣстнаго момента необходимо развитіе previous organisation working class, само по себѣ выростающее изъ экономической борьбы рабочаго класса. Но съ другой стороны каждое движеніе, въ которомъ рабочій классъ какъ таковой противостоитъ господствующимъ классамъ и оказываетъ на нихъ давленіе черезъ pressure from without, есть политическое движеніе. Напримѣръ, попытка принудить отдѣльнаго ка-

капиталиста при помощи стачекъ и т. д. къ сокращенію рабочаго дня на отдѣльной фабрикѣ или мастерской будетъ чисто экономическимъ движеніемъ; напротивъ, движеніе въ пользу закона о 8-ми часовомъ рабочемъ днѣ и т. д. будетъ уже политическимъ. И этимъ-то путемъ повсюду изъ отдѣльныхъ экономическихъ требованій рабочихъ вырастаетъ движеніе политическое, т. е. движеніе класса, чтобы этимъ путемъ добиться осуществленія его интересовъ въ общей формѣ, т. е. въ формѣ, имѣющей принудительный характеръ для всего общества. Если эти движенія подчинить определенной previous организаціи, то они въ свою очередь сдѣлаются средствомъ развитія этой организаціи. Тамъ, гдѣ организація рабочаго класса еще не настолько развита, чтобы онъ могъ вступить въ рѣшительное сраженіе съ коллективной властью, т. е. съ политической властью господствующихъ классовъ, тамъ онъ къ этому долженъ быть подготовленъ непрерывной агитаціей противъ враждебной намъ политики правящихъ классовъ. Въ противномъ же случаѣ онъ сдѣлается игрушкой въ ихъ рукахъ».

Соціалисты старыхъ школъ, подъ влияніемъ которыхъ отчасти сложились взгляды Карла Маркса, мыслили политическую борьбу только какъ конечный актъ, т. е. какъ вооруженное возстаніе пролетаріата и захватъ имъ политической власти. Вотъ почему подходитъ къ этому вопросу приходилось съ большою осторожностью, тѣмъ болѣе, что Марксъ и самъ не сразу пришелъ къ мысли о необходимости политической борьбы въ смыслѣ постояннаго и планомѣрнаго участія пролетаріата во всѣхъ конфликтахъ буржуазнаго общества и использованія ихъ для своихъ классовыхъ цѣлей.

Второй конгрессъ Интернаціонала въ Лозаннѣ обсуждалъ между прочимъ вопросъ о томъ, не является ли отсутствіе политической свободы препятствіемъ къ экономическому освобожденію рабочаго класса и одной изъ главныхъ причинъ соціальной неурядицы, а также какими средствами можно ускорить достиженіе политической свободы: не являются ли въ частности такими средствами неограниченная свобода печати и союзовъ? Поскольку вопросъ не выходилъ такимъ образомъ изъ рамокъ общихъ пожеланій, онъ не возбуждалъ особенныхъ преній, и даже будущіе главари бакунистовъ, какъ Гильомъ, вотировали за резолюцію. Последняя гласила: «Конгрессъ заявляетъ, что отсутствіе политической свободы препятствуетъ соціальному воспитанію народовъ и эмансипаціи пролетаріата, что поэтому соціальное освобожденіе рабочихъ неотдѣлимо отъ ихъ политическаго освобожденія, и что достиженіе политической свободы является мѣрой первой и безусловной необходимости». Безъ политической борьбы Марксъ не видѣлъ интегральной классовой борьбы пролета-

ріата. На этой почвѣ возгорѣлась ожесточенная борьба между нимъ и бакунистами (см. Марксъ и анархизмъ», стр. 93—116 настоящего сборника).

Резолюція Лондонской конференціи 1871 года знаменуетъ дальнѣйшій шагъ въ развитіи и конкретизаціи тактическихъ взглядовъ Маркса. Эта резолюція повторяла тѣ мѣста изъ устава и «Учредительнаго адреса», въ которыхъ подчеркивалась необходимость политической дѣятельности, а также вышеприведенное постановленіе Лозаннского конгресса и заявленіе Генеральнаго Совѣта по поводу мнимаго заговора французскаго Интернаціонала наканунѣ плебисцита 1870 года, гдѣ говорилось, что секціи Интернаціонала въ Англіи, на континентѣ и въ Америкѣ имѣютъ своей опредѣленной задачей не только составлять центры организаціи рабочаго класса, но и поддерживать въ соответствующихъ странахъ всякое политическое движеніе, способствующее достиженію конечной цѣли Международной Ассоціаціи, т. е. экономическому освобожденію рабочаго класса. Противъ Интернаціонала,—продолжала резолюція,—стоитъ безчисленная реакція, безстыдно подавляющая всякое стремленіе рабочихъ къ освобожденію и стремящаяся съ помощью грубой силы увѣковѣчить классовыя различія и основанное на ихъ политическое господство имущихъ классовъ. Рабочій классъ можетъ дѣйствовать противъ этой сплоченной силы имущихъ классовъ, только создавая особую политическую партію въ противовѣсъ старымъ партіямъ имущихъ классовъ. Образование политической партіи пролетаріата необходимо для торжества социальной революціи и ея конечной цѣли—уничтоженія классовъ. То объединеніе индивидуальныхъ силъ, котораго рабочій классъ до извѣстной степени уже достигъ посредствомъ своей экономической борьбы, также должно послужить рычагомъ въ борьбѣ пролетаріата противъ политической силы его эксплуататоровъ. На основаніи всего этого конференція напоминала всѣмъ членамъ Интернаціонала, что экономическая и политическая борьба пролетаріата неразрывно связаны между собой.

Гаагскій конгрессъ, на который Марксъ явился лично для того, чтобы отстаивать на немъ дѣло всей своей жизни, подтвердилъ постановленія Лондонской конференціи и большинствомъ голосовъ принялъ резолюцію бланкиста Вайяна, гласившую: «Въ борьбѣ за свое освобожденіе рабочій классъ можетъ дѣйствовать, какъ классъ, только организуясь въ политическую партію, строго ограниченную отъ всѣхъ старыхъ партій, созданныхъ господствующими классами, и враждебную имъ. Такая организація рабочаго класса въ политическую партію необходима, чтобы доставить побѣду социальной революціи и достигнуть ея конечной цѣли—уничтоженія всякихъ клас-

совъ. Сосредоточеніе силъ, уже достигнутое трудящимся классомъ во время экономической борьбы, должно вмѣстѣ съ тѣмъ служить оружіемъ и въ его борьбѣ противъ политическаго господства землевладельцевъ и капиталистовъ. Въ борьбѣ трудящагося класса его экономическое движеніе и политическая дѣятельность связаны между собою неразрывно».

То обстоятельство, что Марксу удалось по этому вопросу одержать такую полную и легкую побѣду надъ бакунизмомъ, въ значительной степени объясняется трагическимъ опытомъ Парижской Коммуны. Прежде всего Коммуна обнаружила полную организаціонную неподготовленность пролетаріата. Этотъ урокъ не прошелъ безслѣдно для социалистовъ. На Гаагскомъ конгрессѣ во время спора съ бакунистами коммунаръ Лонге заявилъ, что если бы 4-го сентября 1870 года (провозглашеніе Третьей Республики) французскіе рабочіе были организованы въ политическую партію, то событія приняли бы другой оборотъ. «Борьба класса рабочихъ съ классомъ капиталистовъ и ихъ государствомъ,—писалъ Марксъ 17 апрѣля 1871 года въ письмѣ къ Кугельману,—благодаря парижской борьбѣ вступила въ новую фазу. Чѣмъ бы дѣло ни кончилось, новый исходный пунктъ всемірно-исторической важности завоеванъ». Коммуна неожиданно поставила пролетаріатъ передъ необходимостью политической борьбы въ самой острой ея формѣ, а именно въ формѣ междоусобной войны. А между тѣмъ рабочій классъ всей своей предшествовавшей исторіей былъ мало подготовленъ не только къ такой рѣшительной формѣ политической борьбы, но и вообще къ нормальнымъ видамъ политической дѣятельности. До тѣхъ поръ Интернаціоналъ интересовался и занимался почти исключительно экономической борьбой. Пораженіе Коммуны властно заставило подумать о необходимости организаціи пролетаріата въ самостоятельную политическую партію, построенную на классовыхъ началахъ и преслѣдующую классовыя цѣли. И эта рабочая партія должна была не только готовиться къ отчаяннымъ боевымъ схваткамъ, но и упражнять свои силы въ повседневныхъ политическихъ конфликтахъ буржуазнаго общества, для того чтобы въ рѣшительный моментъ не оказаться неподготовленной.

Коммунѣ Марксъ посвятилъ одно изъ самыхъ блестящихъ своихъ произведеній. Мы имѣемъ въ виду Манифестъ Генеральнаго Совѣта «Гражданская война во Франціи», написанный Марксомъ. Опытъ показалъ,—пишетъ онъ,—что рабочій классъ не можетъ просто овладѣть существующимъ государственнымъ механизмомъ и воспользоваться имъ для своихъ собственныхъ цѣлей; поэтому пролетаріатъ создастъ себѣ собственную общественную организацію, построенную на принципѣ Коммуны. Въ призывѣ къ созданію социальной респуб-

лики, которымъ началась февральская революція 48 года, выражалась лишь смутная потребность въ такой республикѣ, которая уничтожила бы не только монархическую форму классоваго господства, но и самое классовое господство. Коммуна была о п р е д ѣ л е н н о й формой такой республики.

Настоящая тайна Коммуны заключалась въ томъ, что она была правительствомъ рабочаго класса, результатомъ борьбы класса производящаго противъ класса присваивающаго, найденною наконецъ политической формой, при которой могла сложиться соответствующая интересамъ рабочаго класса экономическая форма. Политическое господство производителя не можетъ существовать рядомъ съ увѣковѣченіемъ его экономического порабощенія. Поэтому Коммуна должна была служить рычагомъ для уничтоженія тѣхъ экономическихъ основъ, на которыхъ зиждется существованіе классовъ, а стало быть — и классовое господство.

Рабочій классъ,—говоритъ Марксъ,—не требовалъ отъ Коммуны чудесъ. Ему не приходится заниматься осуществленіемъ готовыхъ утопій посредствомъ всенароднаго рѣшенія. Онъ знаетъ, что для того, чтобы достигнуть своего освобожденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и той высшей формы жизни, къ которой неудержимо стремится современный строй подъ влияніемъ экономическаго развитія, ему предстоитъ пережить долгую борьбу, пѣлый рядъ историческихъ превращеній, которыя совершенно измѣнятъ людей и окружающія ихъ условія. Ему не нужно осуществлять идеала, ему нужно только дать просторъ элементамъ новаго общественнаго строя, которые уже развились въ вѣдрахъ распадающагося буржуазнаго общества.

Когда Парижская Коммуна взяла на себя руководство революціей, когда простые рабочіе впервые рѣшились посягнуть на власть, до тѣхъ поръ составлявшую исключительный удѣлъ имущихъ классовъ, и при необычайно трудныхъ обстоятельствахъ стали исполнять свою работу скромно, добросовѣстно и успѣшно, старый міръ пришелъ въ бѣшенство при видѣ краснаго знамени, которое, какъ символъ трудовой республики, развивалось надъ зданіемъ парижской ратуши. Не слѣдуетъ кромѣ того забывать, что эта была первая революція, въ которой пролетаріатъ выступилъ въ качествѣ носителя общенациональнаго освобожденія, въ качествѣ единственнаго класса, способнаго еще проявить социальную инициативу. Даже парижская мелкая буржуазія, которая въ іюнскіе дни помогала партіи порядка сокрушать революціонный пролетаріатъ, на этотъ разъ признала политическую гегемонію рабочаго класса: впервые мелкіе лавочники и ремесленники шли въ бой съ защитниками капитала подъ командой блузниковъ-пролетаріевъ. Великимъ социальнымъ дѣломъ Коммуны былъ самый

фактъ ея существованія. И никакіе отдѣльные ея промахи, ни тѣмъ болѣе самый фактъ ея неудачи не могутъ затемнить ея великаго историческаго значенія.

Но Коммуна потерпѣла пораженіе, Интернаціональ распался; и Марксъ, который надѣялся, что на этотъ разъ старый міръ не выйдетъ побѣдителемъ изъ надвинувшей на него соціальной грозы, снова испыталъ жестокое разочарованіе. Неожиданно высоко взмывшая волна массоваго рабочаго движенія быстро исчерпала свою энергію и разбилась на цѣлый рядъ отдѣльныхъ національныхъ ручейковъ. Послѣ паденія Коммуны снова начался періодъ политической и соціальной реакціи, и хотя черезъ десять лѣтъ въ социалистическомъ движеніи снова стало замѣтно оживленіе, но Марксу не суждено было дожиться до возрожденія Интернаціонала.

Съ распаденіемъ стараго Интернаціонала въ 1873 году кончается вторая полоса публичной политической дѣятельности Карла Маркса. Отъ прежней его дѣятельности она отличалась своимъ чисто пролетарскимъ характеромъ. Общаго же въ нихъ обѣихъ было то, что въ первый разъ Марксъ преувеличилъ революціонныя способности буржуазной демократіи, а во второй разъ — революціонныя силы пролетаріата. Но если буржуазная демократія никогда не въ состояніи была вскопчить выше своей головы и если по отношенію къ ней Марксъ дѣйствительно ошибся (что, впрочемъ, онъ первый же и констатировалъ), то рабочій классъ всѣми своими дальнѣйшими дѣйствіями доказалъ, что по отношенію къ нему ошибка Маркса была чисто временнаго и количественнаго характера: въ оцѣнѣ революціонныхъ способностей пролетаріата Марксъ не ошибся.

Глава IV

Содѣйствіе социалистическому движенію въ отдѣльныхъ странахъ.

Послѣ распаденія Интернаціонала Марксъ не принималъ уже непосредственнаго участія въ практической работѣ. Онъ ограничивался письменными и устными сношеніями съ вожаками національныхъ социалистическихъ партій, главнымъ образомъ нѣмецкой социал-демократической партіи. Специально нѣмецкимъ социалистомъ Марксъ не былъ, и Лассаль въ концѣ 50-хъ годовъ даже упрекалъ его въ нѣкоторой утратѣ національнаго чутья. Какъ говоритъ о немъ Лафаргъ, Марксъ не ограничивалъ своей работы и своихъ интересовъ предѣлами родины. «Я гражданинъ міра,—говорилъ онъ,—и гдѣ бы я ни находился—я всюду работникъ». И дѣйствительно, всюду жуда бы ни забросили его событія и политическія преслѣдованія, во

Франціи, Бельгіи и Англіи, онъ принимаетъ выдающееся участіе въ революціонномъ движеніи.

Но конечно, къ нѣмецкому социалистическому движенію онъ стоялъ все-таки ближе, чѣмъ къ другимъ. Въ Генеральномъ Совѣтѣ Интернаціонала Марксъ былъ представителемъ Германіи. Съ 1849 года вокругъ него сгруппировался кружокъ преимущественно нѣмецкихъ эмигрантовъ, изъ коихъ нѣкоторые, какъ непримѣръ, Либкнехтъ, играли впоследствии выдающуюся роль въ организаціи германской социаль-демократіи. Начиная съ 60-хъ годовъ, когда нѣмецкое рабочее движеніе начало обнаруживать симптомы быстрого роста. Марксъ сталъ удѣлять ему все большее вниманіе.

Съ 1849 и до 1862 года Марксъ поддерживалъ довольно тѣсныя сношенія съ Лассалемъ, которому суждено было сыграть такую рѣшающую роль въ пробужденіи нѣмецкаго рабочаго движенія. Лассаль признавалъ себя ученикомъ Маркса; но когда онъ началъ свою знаменитую политическую агитацію, обнаружилось, что между нимъ и Марксомъ далеко не существуетъ полной солидарности въ социаль-политическихъ воззрѣніяхъ и особенно въ тактикѣ.

Оба они одинаково надѣялись, что Крымская война, положившая конецъ русской гегемоніи въ Европѣ, будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ новое оживленіе революціоннаго движенія. Какъ извѣстно, эта надежда непосредственно не оправдалась, но здѣсь проявилось уже первое разногласіе между Марксомъ и Лассалемъ. Послѣдній полагалъ, что война приведетъ къ распаденію Турціи, а вмѣстѣ съ ней распадется и Австрія; распаденіе же Австріи означаетъ созданіе единой нѣмецкой республики. Напротивъ, Марксъ разсматривалъ тогдашнія событія, какъ и всегда, съ точки зрѣнія общихъ интересовъ европейской революціи. Считая главнымъ врагомъ европейскаго революціоннаго движенія русской абсолютизмъ, Марксъ признавалъ пораженіе Россіи весьма важнымъ для свободы европейскихъ народовъ. Это враждебное отношеніе къ русскому абсолютизму заставило его даже поддаться вліянію Давида Уркварта, который выступилъ тогда въ англійской литературѣ съ цѣлымъ рядомъ сочиненій, съ одной стороны, восхвалявшихъ турецкій народъ и даже турецкіе порядки, а съ другой—разоблачавшихъ тайныя козни петербургской дипломатіи. Съ особой ненавистью Марксъ относился къ Пальмерстону, въ которомъ онъ видѣлъ «русскаго агента».

Слѣдуетъ замѣтить, что въ исторіи Англіи 19 вѣка вообще наблюдается слѣдующее явленіе: когда у власти находятся консерваторы, то отношеніе англійскаго правительства къ русскому становится воинственнымъ; наоборотъ, когда власть переходитъ въ руки либераловъ, то отношеніе англійскаго правительства къ Россіи становится

болѣе дружелюбнымъ. Въ этомъ характерѣ англійской дипломатіи заключается одна изъ причинъ, по которой Марксъ съ такой ненавистью относился къ англійскимъ либераламъ. Онъ разоблачалъ двуличность политики, которая, съ одной стороны, объявляетъ себя чемпиономъ освободительнаго движенія во всей Европѣ, а съ другой, выказываетъ угодливость передъ главнымъ врагомъ европейской свободы. При всей своей ненависти къ Австріи, Марксъ находилъ для нея смягчающія обстоятельства въ томъ, что она «оказала безпомощное, непослѣдовательное, трусливое, но при всемъ томъ упорное сопротивленіе» успѣхамъ Россіи на Ближнемъ Востокѣ. По его мнѣнію, прекратить это сопротивленіе, пока революція сама еще не въ состояніи собственными силами покончить съ этими успѣхами, значить думать о выгодахъ своего врага.

Это разногласіе между Марксомъ и Лассалемъ снова сказалось въ ихъ различномъ отношеніи въ войнѣ между Австріей и Франціей въ 1859 году. Опять таки оба они ожидали отъ итальянской войны возрожденія революціоннаго движенія въ Европѣ, но въ то время какъ Лассаль судилъ о событіяхъ съ точки зрѣнія нѣмецкихъ интересовъ, Марксъ и Энгельсъ смотрѣли на нихъ съ точки зрѣнія европейской революціи: первый усматривалъ главнаго врага въ Австріи, послѣдніе—въ Россіи. Такъ какъ, начиная войну съ Австріей, Наполеонъ III опирался на союзъ съ царемъ, то Марксъ и Энгельсъ въ этомъ франко-русскомъ союзѣ увидѣли опасность, съ которой нужно бороться не на животь, а на смерть. Въ бонапартовскомъ заступничествѣ за Италію Марксъ видѣлъ лишь предлогъ для того, чтобы увѣковѣчить порабощеніе Франціи, подчинить Италію интересамъ декабрьскихъ авантюристовъ, перенести «естественную границу» Франціи на Рейнъ и превратить Австрію въ орудіе Россіи. При всѣхъ историческихъ преступленіяхъ Австріи она по отношенію къ бонапартистско-петербургской коалиціи является, по мнѣнію Энгельса, «однимъ изъ нашихъ»: «если на насъ нападутъ, то мы будемъ обороняться и защищать въ такомъ случаѣ всякую военную позицію, какой мы обладаемъ»(!).

Съ такой точкой зрѣнія не могъ согласиться Лассаль. Онъ не признавалъ, чтобы можно было мѣшать хорошему дѣлу (въ данномъ случаѣ итальянскому освобожденію) только потому, что его поддерживаетъ дурной человекъ изъ своекорыстныхъ побужденій. Съ другой стороны, Марксъ и Энгельсъ преувеличивали возможность могучаго національнаго движенія нѣмцевъ противъ русско-французской коалиціи, движенія, на которое они возлагали много надеждъ въ смыслѣ оживленія революціи въ Европѣ. Ненависть къ бонапартизму и къ русскому абсолютизму въ данномъ случаѣ ослѣпляла ихъ. Націо-

нальное движеніе въ Германіи того времени имѣло больше черно-сотенный, чѣмъ революціонный характеръ; тогдашнее француздство лишь отчасти было направлено противъ мерзостей бонапартизма, добрая же половина его, какъ вѣрно замѣчаетъ Мерингъ, вытекала изъ ненависти реакціоннаго юнкерства къ безпокойнымъ французамъ во имя «Бога, короля и отечества».

Какъ бы то ни было, итальянская война сопровождалась общимъ подъемомъ политическаго настроенія въ Европѣ; въ частности въ Германіи съ начала 60-хъ годовъ въ средѣ рабочаго класса началось оживленіе, которымъ умѣло воспользовался Лассаль для своей агитации. Марксъ не хотѣлъ признать себя солидарнымъ съ общимъ характеромъ этой агитации (впрочемъ, при жизни Лассалья онъ открыто не высказывалъ ему своего неодобренія). Марксъ признавалъ, что Лассаль снова пробудилъ рабочее движеніе въ Германіи послѣ 15-ти лѣтней спячки,—и въ этомъ его безсмертная заслуга. Но онъ слишкомъ поддался вліянію преходящихъ условій момента и сдѣлалъ центральнымъ пунктомъ своей агитации государственную помощь производительнымъ ассоціациямъ,—лозунгъ, заимствованный имъ у вождя французскаго католическаго социализма Бюше. Къ этому онъ присоединилъ лозунгъ чартистовъ—всеобщее избирательное право, но при этомъ онъ, по словамъ Маркса, упустилъ изъ виду различіе нѣмецкихъ и англійскихъ условій и уроки бонапартистскаго режима, который умѣлъ превратить всеобщее голосованіе изъ орудія освобожденія въ орудіе порабощенія народа. Далѣе, какъ каждый обладатель панацеи отъ всѣхъ народныхъ бѣдъ, онъ съ самаго начала придавалъ своей агитации сектантскій и почти религіозный характеръ. Какъ организаторъ секты, онъ отрицалъ всякую естественную связь съ предшествующимъ движеніемъ; онъ впалъ въ ошибку Струдона, который вмѣсто того, чтобы искать реальный базисъ въ дѣйствительныхъ элементахъ классоваго движенія, хотѣлъ предписывать послѣднему ходъ по опредѣленному доктринерскому рецепту (здѣсь Марксъ имѣетъ въ виду отношеніе лассальянцевъ къ профессиональному движенію, которое они хотѣли подчинить своей политической организациі).

Всѣ эти упреки Марксъ лично высказалъ Лассалю въ 1862 году, когда послѣдній пріѣхалъ въ Лондонъ и предлагалъ Марксу стать вмѣстѣ съ нимъ во главѣ новаго движенія; онъ повторилъ ихъ въ 1868 году послѣ смерти Лассалья въ письмѣ къ Швейцеру, который унаслѣдовалъ послѣ смерти Лассалья руководство Всеобщимъ Германскимъ Рабочимъ Союзомъ.

Что касается расхожденія по вопросу о значеніи всеобщаго избирательнаго права, то дальнѣйшее развитіе социаль-демократической

партіи въ Германіи показало, что въ этомъ отношеніи правъ былъ скорѣе Лассаль. Марксъ и Энгельсъ полагали, что примѣръ наполеоновской Франціи подрываетъ вѣру въ революціонное значеніе всеобщаго голосованія. Энгельсъ указывалъ въ 1865 году на примѣръ Франціи, что правительство, располагая вымуштрованной бюрократіей и вышколенной печатью, опираясь на отсутствіе свободы союзовъ и собраній, можетъ въ странѣ съ преобладающимъ сельскимъ населеніемъ организовать самыя послушныя выборы. Какіе же результаты дало бы всеобщее избирательное право въ Германіи, гдѣ феодальное дворянство обладаетъ еще дѣйствительно соціальною и политическою силой и гдѣ на одного промышленнаго рабочаго приходится два сельскихъ батрака! «Борьба противъ феодальной и бюрократической реакціи въ Германіи равносильна борьбѣ за политическую и духовную эмансипацію сельскаго пролетаріата, и до тѣхъ поръ, пока послѣдній не вовлеченъ въ движеніе, городской пролетаріатъ не можетъ въ Германіи ничего подѣлать, до тѣхъ поръ всеобщее и прямое избирательное право будетъ для пролетаріата не орудіемъ освобожденія, а ловушкою». Интересно, что приблизительно также смотрѣлъ на дѣло и Бисмаркъ, который полагалъ, что всеобщее и прямое голосованіе обезпечитъ правительству консервативное большинство. Лассаль переоцѣнилъ значеніе всеобщаго избирательнаго права, выражая увѣренность, что оно въ самомъ непродолжительномъ времени приведетъ рабочій классъ къ побѣдѣ. Но что по существу онъ былъ правъ, что нѣмецкая соціалъ-демократія въ значительной мѣрѣ такъ быстро развилась именно потому, что сумѣла воспользоваться оружіемъ всеобщаго избирательнаго права, призналъ впоследствии самъ Энгельсъ въ предисловіи ко 2-му изданію «Классовой борьбы во Франціи» Маркса (1895 годъ).

Особенно же отрицательно относился Марксъ къ тактикѣ Лассалья. Ожесточенная борьба съ прогрессистской партіей, осыпавшей Лассалья клеветами и ставившей всевозможныя препятствія его агитаціи среди рабочихъ, толкнула Лассалья на цѣлый рядъ ложныхъ шаговъ, главнымъ изъ которыхъ было его сближеніе съ Бисмаркомъ. Здѣсь Лассаль переступилъ ту грань, которая отдѣляетъ политику отъ политиканства и за которой начинаются рискованныя политическія авантюры. Забывая знаменитое положеніе Маркса: «личности обманываются, классы же никогда», Лассаль надѣялся повліять на Бисмарка, этого сознательнаго представителя класса реакціонныхъ землевладѣльцевъ, въ смыслѣ предоставленія извѣстнаго простора рабочему движенію и введенія всеобщаго избирательнаго права. Онъ хотѣлъ использовать ненависть Бисмарка къ буржуазному либерализму, который въ то время велъ съ прусскимъ правительствомъ ожесточенную борьбу за

парламентаризмъ, но онъ забывалъ, что, во-первыхъ, Бисмаркъ всегда охотнѣ сойдется съ буржуазіей противъ революціоннаго пролетаріата, чѣмъ наоборотъ, а во-вторыхъ, что своимъ поведеніемъ онъ, Лассаль, вноситъ смуту въ умы рабочаго класса и не проясняетъ, а затемняетъ его классовое сознаніе. Бисмаркъ и безъ того готовъ былъ пускаться на самыя низкія демагогическія уловки; онъ не прочь былъ подчасъ поговорить о томъ, что монархія Гогенцоллерновъ является-де монархіей неимущихъ. И вотъ своимъ сближеніемъ съ будущимъ «железнымъ канцлеромъ» Лассаль какъ бы шелъ навстрѣчу воскрешенію легенды о «соціальной монархіи».

Съ такого рода гигантскимъ политическимъ промахомъ Маркъсъ никогда не могъ примириться. Какъ глубоко онъ къ тому времени ни разочаровался въ революціонномъ значеніи буржуазіи, какъ горячо онъ ни сочувствовалъ высвобожденію пролетаріата изъ-подъ идейнаго и политическаго вліянія буржуазнаго либерализма, тѣмъ не менѣе онъ съ наибольшою ненавистью относился ко всему тому, что могло закрѣпить традиціонную черносотенную легенду «о добромъ королѣ». Въ освобожденіи изъ-подъ власти этой легенды, которой вездѣ пишется монархія, онъ видѣлъ первый шагъ къ идейной и политической эмансипаціи трудящихся. А потому онъ никакъ не могъ одобрить такой борьбы съ политической гегемоніей буржуазнаго либерализма, какую позволялъ себѣ Лассаль, и которая по временамъ переходила въ демагогію.

Непосредственно послѣ смерти Лассалья Швейцеръ предложилъ Марксу взять на себя президентство во Всеобщемъ Германскомъ Рабочемъ Союзѣ, но Маркъсъ отклонилъ это предложеніе, не желая выказывать солидарности съ лассалевскимъ движеніемъ. Однако Маркъсъ и Энгельсъ согласились (правда, съ большой неохотой) сотрудничать въ новомъ органѣ Союза, «Соціалъ-Демократъ», въ редакцію котораго вступилъ Либкнехтъ. Недоразумѣнія скоро не замедлили, конечно, возникнуть. Если въ статьѣ Маркса о Прудонѣ, помѣщенной въ «Соціалъ-Демократъ» послѣ смерти французскаго социалиста, всякій внѣшній компромиссъ съ предержавшими властями былъ объявленъ нарушеніемъ простаго нравственнаго такта, то въ томъ же органѣ появились статьи Швейцера, въ которыхъ допускалось восхваленіе прусскихъ правящихъ сферъ. Маркъсъ и Энгельсъ неоднократно требовали, чтобы по отношенію къ министерству и реакціонной партіи употреблялся столь же смѣлый языкъ, какъ по адресу прогрессистской партіи, и въ концѣ концовъ заявили, что тактика, которой слѣдуетъ «Соціалъ-Демократъ», исключаетъ возможность ихъ дальнѣйшаго сотрудничества въ газетѣ.

Въ 1869 году на конгрессѣ въ Эйзенахѣ сложилась соціалъ-де-

шовратическая рабочая партія, стоявшая близко къ Марксу и непосредственно примыкавшая къ Интернационалу. Послѣ многолѣтней ожесточенной борьбы, обѣ партіи, фактически сильно приблизившіяся одна къ другой и подвергавшіяся одинаковымъ гоненіямъ со стороны прусской прокуратуры, рѣшили слиться воедино. Это объединеніе произошло на Готскомъ конгрессѣ въ 1875 году. Марксъ противодѣйствовалъ объединенію обѣихъ партій, но, къ счастью, работавшіе на мѣстахъ практическіе дѣятели на этотъ разъ не послушались его совѣта, и объединеніе къ величайшей выгодѣ нѣмецкаго социализма все-таки состоялось. Съѣздъ принялъ программу, бывшую компромиссомъ между программами эйзенахцевъ и лассальянцевъ. Марксъ подвергъ крайне придирчивой и рѣзкой критикѣ проектъ Готской программы въ письмѣ къ Ауеру, Бебелю, Либнехту и другимъ *). Не останавливаясь на вопросѣ о трудѣ, какъ единственномъ источникѣ богатства, о «железномъ законѣ заработной платы», о производительныхъ ассоціаціяхъ и т. д. мы отмѣтимъ только критическія замѣчанія Маркса, направленные противъ утвержденія Готской программы, что по отношенію къ пролетаріату всѣ другіе классы являются «сплошной реакціонной массой». Для пониманія политическихъ взглядовъ Маркса, это мѣсто чрезвычайно характерно.

Во-первыхъ Марксъ указываетъ, что даже крупная буржуазія не можетъ быть зачислена въ одинъ реакціонный блокъ съ силами стараго докапиталистическаго общества. Уже въ Коммунистическомъ Манифестѣ буржуазія, какъ носительница экономическаго прогресса, разрушающаго старыя социальныя основы, характеризуется какъ революціонный классъ по отношенію къ феодальному землевладѣнію и промежуточнымъ социальнымъ элементамъ. Съ другой стороны, эти промежуточные элементы—мелкая буржуазія, крестьянство и т. д.—благодаря процессу пролетаризации и пауперизации становятся революціонными въ виду предстоящаго имъ перехода въ пролетаріатъ. Въ такомъ случаѣ они пополняютъ ряды революціонной буржуазной демократіи, которая (какъ это было, напримѣръ, во время Коммуны) можетъ идти рука объ руку съ пролетаріатомъ въ его борьбѣ съ крупной буржуазіей. На этомъ основаніи Марксъ отказывается признать всѣ другіе классы кромѣ пролетаріата сплошной реакціонной массой.

Замѣчанія Маркса были приняты во вниманіе. Очень возможно, что если бы не исключительный законъ противъ социалистовъ, который

*) Это письмо не подлежало огласкѣ; оно, по свойственной Марксу щепетильности, предназначалось лишь для немногихъ руководящихъ товарищей и было опубликовано только въ 1891 году.

заставилъ партію съ 1878 до 1890 года сосредоточить всё свои силы на борьбѣ за существованіе, то программа была бы исправлена въ марксистскомъ духѣ еще раньше. Но въ дѣйствительности только на Эрфуртскомъ конгрессѣ 1891 года программа социалдемократической партіи была окончательно переработана въ марксистскомъ духѣ и изъ нея были вытравлены послѣдніе слѣды лассальянства.

Послѣ Готекаго конгресса Марксъ съ неудовольствіемъ посматривалъ на дѣятельность нѣмецкой социалистической партіи, въ которой онъ замѣчалъ признаки растущаго оппортунизма. Но вѣрные партійной дисциплинѣ, онъ и Энгельсъ воздерживались отъ публичной критики партіи и отводили душу въ частной перепискѣ съ партійными вождями.

Съ расширеніемъ социалистическаго движенія и съ присоединеніемъ къ партіи многихъ новыхъ элементовъ — въ частности изъ среды мелко-буржуазной интеллигенціи—теоретическій уровень партіи сталъ замѣтно понижаться. Въ издававшемся докторомъ Гехбергомъ въ Берлинѣ журналѣ «Будущность» (Die Zukunft), теоретическій социализмъ былъ отброшенъ на полвѣка назадъ въ сравненіи съ Коммунистическимъ Манифестомъ. Начиналось движеніе, отчасти напоминающее будущій «ревизионизмъ», и понятно, съ какимъ негодованіемъ Марксъ долженъ былъ относиться къ этому теоретическому паденію. 19 октября 1877 года онъ писалъ Зорге: «въ Германіи въ нашей партіи, не столько среди ея массы, сколько среди ея вожаковъ («рабочихъ» и людей привилегированныхъ классовъ) пахнетъ гнилью. Компромиссъ съ лассальяцами привелъ къ компромиссу не только съ разными другими полузнайками, какъ напримѣръ въ Берлинѣ (см. Моста) съ Дюрингомъ и его «поклонниками», но и съ цѣлой бандой незрѣлыхъ студентовъ и преумнѣйшихъ докторовъ, поставившихъ себя задачей дать социализму «болѣе высокое идеалистическое» направленіе, т. е. замѣнить его матеріалистическую базу (требующую раньше, чѣмъ ею оперировать, серьезнаго объективнаго изученія) новой мифологіей со всеми ея богинями справедливости, свободы, равенства и братства. Однимъ изъ представителей этого направленія является «вкупившійся» въ партію издатель журнала «Будущность», господинъ докторъ Гехбергъ—допускаю, съ самими благими намѣреніями, но я на всякія «намѣренія» плюю».

Ужъ тогда Бернштейнъ отличался среди оппортунистовъ. Марксъ съ негодованіемъ говорилъ о «цюрихскомъ тріо», состоявшемъ изъ Гехберга, Бернштейна и Шрамма. Когда Вебель въ 1879 году сообщилъ Марксу и Энгельсу о намѣреніи товарищей издавать въ Цюрихѣ партійный органъ и просилъ позволенія внести ихъ имена въ списокъ сотрудниковъ, они дали свое согласіе на томъ условіи, что

отвѣтственнымъ редакторомъ будетъ Гиршъ. Только на послѣдняго они надѣялись, что онъ «удержитъ на почтительномъ разстояніи отъ газеты смѣсь изъ докторовъ, студентовъ и катедеръ-соціалистовъ, подобную той, которая такъ широковѣщательно пишетъ въ «Будущности» и уже проникаетъ въ «Vorwärts», и сможетъ гарантировать, что въ возникающемъ органѣ партійная тенденція будетъ сохранена». Въ концѣ концовъ дѣло не состоялось, а Марксъ и Энгельсъ отказались отъ сотрудничества въ партійномъ органѣ.

Марксъ возмущался противъ этихъ «ничтожествъ» въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи, которые собирались сдѣлать партію умѣреннѣе, поднять ея значеніе въ глазахъ мелкой буржуазіи и «просвѣтить» рабочихъ. Марксъ и Энгельсъ въ циркулярномъ письмѣ къ Бебелю, Бракке и другимъ партійнымъ лидерамъ потребовали, чтобы оппортунистическіе взгляды не высказывались, по крайней мѣрѣ, въ руководящемъ партійномъ органѣ, угрожая въ противномъ случаѣ выступить съ отератымъ протестомъ противъ такого опощленія теории и партіи. Съ особой же силой Марксъ протестовалъ противъ «парламентскаго кретинизма», уже успѣвшаго овладѣть партійными вожаками.

Но постепенно нѣмецкая партія оправилась отъ болѣзни критическаго періода, и Марксъ къ началу 80-хъ годовъ началъ относиться болѣе благосклонно къ нѣмецкому рабочему движенію. Выборы 1881 года, обнаружившіе жизнеспособность нѣмецкаго социализма, внушили Марксу вѣру въ то, что германскій пролетаріатъ сталъ на правильный путь.

Съ глубокимъ интересомъ Марксъ слѣдилъ также за французскимъ рабочимъ движеніемъ. Уже нѣсколько лѣтъ послѣ разгрома Коммуны, французскіе рабочіе начали снова образовывать организаціи, въ первое время носившія исключительно профессиональный характеръ. Марксъ не упрекалъ ихъ за это, такъ какъ прекрасно понималъ, что въ противномъ случаѣ онѣ немедленно были бы уничтожены правительствомъ. Въ профессиональныхъ же союзахъ, какъ онъ писалъ въ 1874 году къ Зорге, французскіе рабочіе имѣли въ своемъ распоряженіи, во-первыхъ, нѣкоторую организацію, а во-вторыхъ, исходный пунктъ болѣе широкаго движенія, какъ только это, конечно, стало бы возможнымъ.

Марксъ предвидѣлъ, что социализмъ скоро возродится во Франціи. Съ восторгомъ отмѣчаетъ онъ пораженіе «анти-коммунистической банды» на Марсельскомъ съѣздѣ 1879 года, а въ слѣдующемъ году онъ получаетъ возможность принять непосредственное участіе въ созданіи французской рабочей партіи.

Наиболѣе выдающіеся представители французской эмиграціи озна-

вожившись съ ученіемъ Маркса, не замедлили присоединиться къ нему. Многие бывшіе бланкисты и даже бакунисты (какъ Жюль Гэдъ) стали на точку зрѣнія научнаго социализма. Возвратившись во Францію, они явились проводниками социаль-демократическихъ идей въ рабочую массу. Къ Гэду вскорѣ присоединился въ Парижѣ зять Карла Маркса, Поль Лафаргъ, и оба они, въ тѣснѣйшемъ общеніи съ Марксомъ, дали возобновлявшемуся французскому рабочему движенію то, чего ему до сихъ поръ недоставало: доктрину научнаго коммунизма. Когда французская рабочая партія успѣла создать свои кадры, рѣшено было приступить къ выработкѣ партійной программы, формулирующей новыя идейныя завоеванія французскаго социализма. Для этого Гэдъ и Ломбаръ прибыли въ Лондонъ, и здѣсь на совѣщаніи съ Марксомъ, Энгельсомъ и Лафаргомъ выработана была въ виду предстоящихъ парламентскихъ выборовъ знаменитая программа Французской Рабочей Партіи, принятіемъ которой французскій социализмъ приобщился къ широкому потоку международной социаль-демократіи. Эта программа, по словамъ Маркса, наряду съ нѣкоторыми ненужностями (какъ на примѣръ, законодательное установленіе минимальной заработной платы) состоитъ въ своей экономической части изъ требованій, реально вытекающихъ изъ самаго рабочаго движенія, а во введеніи въ общихъ чертахъ опредѣляются общія коммунистическія цѣли. Приводимъ эту общую часть, интересную тѣмъ, что она составлена при непосредственномъ участіи самаго Маркса, а слѣдовательно, показываетъ, какъ Марксъ считалъ нужнымъ формулировать программу социалистической партіи.

«Принимая во вниманіе,—гласить эта мотивировка,—что освобожденіе класса производителей есть освобожденіе всего человѣческаго рода, безъ различія пола и расы; что производители не могутъ сдѣлаться свободными иначе, какъ овладѣвъ средствами производства (землей, фабриками, путями сообщенія, банками, кредитомъ и т. д.); что существуютъ только двѣ формы, въ которыхъ средства производства могутъ имъ принадлежать: 1) форма индивидуальная, которая никогда не была общимъ явленіемъ и которая все болѣе и болѣе вытѣсняется промышленнымъ прогрессомъ; 2) форма коллективная, матеріальные и интеллектуальные элементы которой создаются самимъ развитіемъ капиталистическаго общества; принимая во вниманіе, что это коллективное присвоеніе средствъ производства можетъ быть осуществлено лишь революціоннымъ дѣйствіемъ производительнаго класса или пролетаріата, организованнаго въ особую политическую партію; что къ подобной организаціи слѣдуетъ стремиться всеми средствами, которыми располагаетъ пролетаріатъ, въ томъ числѣ и всеобщимъ избирательнымъ правомъ, превращая его такимъ обра-

зомъ изъ орудія обмана, какимъ оно было до сихъ поръ, въ орудіе «свобожденія...»

Поясняя значеніе этой программы, Марксъ пишетъ: «Извести французскихъ рабочихъ съ облаковъ туманныхъ фантазій въ міръ дѣйствительности было большимъ шагомъ впередъ, и этотъ актъ недаромъ вызвалъ много нареканій со стороны всякихъ сумасбродныхъ головъ, живущихъ исключительно туманнымъ фразерствомъ» Высказывая увѣренность, что отнынѣ во Франціи начинается «первое дѣйствительное рабочее движеніе», свободное отъ гегемоніи радикальной буржуазіи, Марксъ добродушно прибавляетъ, обращаясь къ Зорге: «Излишне говорить тебѣ (такъ какъ ты самъ знаешь французскій шовинизмъ), что тайныя нити, которыми лидеры отъ Гэда-Малона до Клемансо приводились въ движеніе, исходили отъ насъ. Пусть это останется между нами. Объ этомъ не слѣдуетъ говорить. Если хочешь что-нибудь сдѣлать для господъ французовъ, то долженъ это дѣлать анонимно, чтобы не задѣвать ихъ національнаго чувства. Анархисты и безъ того называютъ нашихъ товарищей прусскими агентами, стоящими подъ диктатурой «извѣстнаго» прусскаго агента Карла Маркса».

Такимъ образомъ французскому социалистическому движенію при непосредственномъ участіи Маркса данъ былъ толчекъ въ рѣшительному развитію въ социаль-демократическомъ направленіи. Съ этого момента начинаются его дѣйствительные успѣхи.

Вѣрный своей старой мысли, Марксъ послѣ пораженія Коммуны ждалъ новой европейской войны, которую, по его мнѣнію, приходилось пережить раньше, чѣмъ думать о какихъ бы то ни было рѣшительныхъ выступленіяхъ европейскаго рабочаго класса. Когда началась русско-турецкая война 1877 года, Марксъ думалъ, что насталъ вождедѣнный мигъ. Въ то время въ Англіи министерство находилось въ рукахъ либераловъ, и Марксъ по старой привычкѣ «въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ поддерживалъ инкогнито перекрестный огонь въ лондонской фешенебельной прессѣ противъ руссофила Гладстона; а въ англійской шотландской и ирландской провинціальной прессѣ я,—продолжаетъ Марксъ,—раскрылъ его совмѣстныя продѣлки съ Шовиковымъ, агентомъ русскаго посольства въ Лондонѣ и т. д. Черезъ посредство же Барри я вліялъ на членовъ англійской верхней и нижней палаты, которые пришли бы въ большой ужасъ, если бы узнали, что Red-Terrog-Doctor, какъ они меня называютъ, руководилъ ими во время кризиса на Ближнемъ Востокѣ».

По мнѣнію Маркса, этотъ кризисъ явился «новымъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Европы». Онъ думалъ, что на этотъ разъ революція начнется съ Востока, служившаго до тѣхъ поръ главнымъ оплотомъ контръ-революціи. Изучивши внутреннее состояніе

Россіи по официальнымъ и неофициальнымъ источникамъ, между прочимъ по земской статистикѣ, онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что Россія давно уже стоитъ на порогѣ глубокихъ потрясеній и что всѣ необходимые для этого элементы уже созрѣли. Онъ надѣялся, что взрывъ въ Россіи будетъ ускоренъ неудачами русской арміи на Балканахъ и разстройствомъ русскихъ финансовъ. «Переворотъ начнется по всѣмъ правиламъ искусства съ конституціонныхъ заигрываній, и буча выйдетъ отмѣнная. И при благосклонности матери природы мы еще доживемъ до этого торжества... Французскій кризисъ (борьба буржуазныхъ республиканцевъ съ монархистами) въ сравненіи съ восточнымъ имѣетъ второстепенное значеніе».

Марксу не суждено было дожить до этого торжества. Но для глубокой проницательности этого великаго политическаго дѣятеля характерно, что онъ уже тогда сумѣлъ понять великое значеніе русской революціи въ освободительной борьбѣ пролетаріата. Марксъ не дожилъ до этой революціи и вообще до возобновленія широкаго революціоннаго движенія въ Европѣ, но онъ умеръ съ глубокой вѣрой въ близкое образованіе новаго, на этотъ разъ опредѣленно коммунистическаго Интернаціонала, и въ конечную побѣду пролетаріата, для организаци и просвѣщенія котораго онъ сдѣлалъ больше, чѣмъ кто либо.

Ю. Стекловъ.

Къ исторіи марксизма въ Россіи.

Въ настоящей статьѣ мы имѣемъ въ виду намѣтить тѣ пути, которыми развивалась и слагалась марксистская мысль въ Россіи. Наша тема, слѣдовательно, ограничивается теоріей социаль-демократическаго движенія, начиная съ ея перваго появленія въ Россіи и вплоть до того момента, когда она сложилась въ прочное зданіе программы социаль-демократической партіи, т. е. до второго съѣзда партіи въ іюль—августъ 1903 года. Это событіе совпадаетъ съ завершеніемъ теоретическихъ споровъ между ортодоксами и ревизионистами, имѣвшихъ мѣсто въ періодъ 1898—1903 года. Съ принятіемъ партійной программы споры перенеслись въ область тактики, а интенсивное рабочее движеніе послѣ 1903 г. придадо всѣмъ разногласіямъ исключительно практическій характеръ. Сюда же слѣдуетъ отнести и споры по аграрному вопросу, происходившіе на Стокгольмскомъ съѣздѣ, хотя они и вылились формально въ программныя требованія.

Исторію марксизма за разсматриваемый періодъ мы раздѣляемъ ниже на пять періодовъ, характеризующихся и внѣшними признаками и внутренней цѣльностью:

Первый періодъ: Ранній, теоретическій марксизмъ, главнымъ образомъ захватившій область политической экономіи (70-ые и 80-ые годы).

Второй періодъ: Группа «Освобожденіе Труда». (80-ые годы).

Третій періодъ: Легальный марксизмъ 90-хъ годовъ.

Четвертый періодъ: Ревизионизмъ въ легальной литературѣ, экономизмъ въ практикѣ (конецъ 90-хъ и началъ 900-хъ годовъ).

Пятый періодъ: Періодъ «Зари» Борьба за ортодоксію. Созданіе программы (1900—1903 г.).

Въ этой послѣдовательности мы и будемъ вести изложеніе *).

*) Недостатокъ времени и невозможность въ силу этого использовать многіе важные матеріалы (особенно для 2-й и 5-й главъ) дѣлаютъ настоящій очеркъ весьма неполнымъ. Съ другой стороны, большая ска-

Быть может, видѣ ученіе Маркса не переживало такихъ своеобразныхъ перипетій, какъ въ Россіи. Возникнувъ въ Западной Европѣ, какъ идеологическое выраженіе потребностей и мышленія опредѣленнаго класса, пролетаріата, оно было перенесено въ Россію 70-хъ годовъ, гдѣ пролетаріатъ не только еще не созрѣлъ для его пониманія, но гдѣ даже идеологи «трудящихся классовъ» стояли еще всецѣло на точкѣ зрѣнія мелкой буржуазіи, мелкихъ, самостоятельныхъ производителей, а на пролетаріатъ смотрѣли лишь, какъ на временное болѣзненное новообразованіе, которое должно исчезнуть при свободномъ развитіи исконныхъ началъ народной жизни. «Россія—одна изъ (такихъ) некапиталистическихъ странъ»—писалъ уже въ 1882 году г. В. В.—«и надежда на измѣненіе ея экономическаго строя по западному образцу съ каждымъ годомъ становится слабѣе» *). Такимъ образомъ, въ Россіи того времени не было социальныхъ основъ для воспріятія ученія Маркса, какъ классового ученія. Оно было кастрировано. Изъ него удалили всю его социологическую часть—его живую душу, оставивъ только экономическое ученіе, которое разсматривалось, оцѣнивалось и принималось (или отвергалось) исключительно какъ «система политической экономіи», независимо отъ ея связи со всѣмъ міровоззрѣніемъ автора. Даже тѣ лица, которыя, казалось, болѣе всего имѣли основанія сочувствовать социалистической точкѣ зрѣнія Маркса, рѣзко отдѣляли «научныя» и «ненаучныя» черты его ученія. Тотъ же г. В. В. писалъ въ своей статьѣ «Русскій Марксизмъ» **): «Ему (т. е. Марксу) поклоняются отщепенцы буржуазіи и представители пролетаріата, но боятся его ученія настоящіе патентованные ученые. Нельзя не пожелать, чтобъ этотъ суевѣрный страхъ скорѣе разсѣялся, и чтобы люди научились отдѣлять доказанныя положенія системы Маркса отъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ или произвольныхъ его гипотезъ». Подъ послѣдними же понимается «идея пролетаріата», дѣлающая политическую экономію Маркса «социалистической». Но если, съ одной стороны, отвергается социологическая основа Марксовой экономіи, то съ другой, сама эта экономія, главнымъ образомъ, теорія цѣнности и капитала, принимается всей «оппозиціонной» наукой—отъ народниковъ до либеральныхъ профессоровъ. Не даромъ противникъ

тость статьи, которой отведено такъ мало мѣста при обширности темы, превращаетъ ее скорѣе въ планъ сочиненія, чѣмъ въ само сочиненіе. А потому я ставилъ своей задачей, главнымъ образомъ, намѣтить характерныя черты каждаго періода и общаго развитія всего теченія, отказавшись отъ детальнаго историческаго изложенія.

*) «Очерки теоретической экономіи». СПб. 1895 г., стр. 206.

**) Тамъ же, стр. 212—3.

марксизма, проф. Георгіевскій, писалъ въ предисловіи къ своему курсу политической экономіи въ 1896 г. «Господствующимъ направлениемъ въ русской экономической литературѣ, повидимому, является направление К. Маркса» *). Идеология пролетаріата явилась научнымъ орудіемъ борьбы либерализма съ существующимъ порядкомъ еще задолго до того, какъ самъ пролетаріатъ могъ явиться политическимъ орудіемъ этого либерализма.

Вліяніе Маркса на русскую общественную мысль начинается весьма рано. Еще первые шаги его—именно изданіе единственнаго выпуска «Deutsch-Französische Jahrbücher» въ 1844 г.—обратили на себя вниманіе Бѣлинскаго. «Два дня я отъ нея (отъ тетрадки этого журнала. П. О.) былъ веселъ»,—писалъ онъ Герцену 26 янв. 1845 г.,—«и все тутъ. Истину я взялъ себѣ» **). Имя Маркса было, вѣроятно, извѣстно друзьямъ Бѣлинскаго и отъ Бакунина, который въ 1844 г. лично познакомился съ Марксомъ и Энгельсомъ въ Парижѣ, и отъ Герцена, оставившаго слѣды своего нерасположенія къ Марксу въ «Быломъ и Думахъ» (глава «Нѣмцы въ эмиграціи»).***). Этимъ объясняется, повидимому, и тотъ интересъ къ Марксу, который проявилъ П. В. Анненковъ, попавъ за границу ****). Впрочемъ, это знакомство съ Марксомъ основано почти исключительно на письмахъ и личныхъ впечатлѣніяхъ, къ тому же большей частью, лицъ пристрастныхъ. Раннія самостоятельныя работы Маркса конца 40-хъ годовъ не были извѣстны въ Россіи. Ихъ повидимому, не знали даже такіе люди какъ Чернышевскій, такъ близко подошедшій къ Марксу въ нѣкоторыхъ вопросахъ, или Зиберъ, посвятившій свою дѣятельность популяризаціи марксизма.

Болѣе широкій и серьезный интересъ къ учению Маркса пробудился лишь по выходѣ въ свѣтъ перваго тома «Капитала». Этотъ крупный фактъ былъ тотчасъ же отмѣченъ и доброжелательной и враждебной критикой. Многочисленные отзывы о книгѣ Маркса—отъ самыхъ враждебныхъ до самыхъ восторженныхъ,—изъ которыхъ мы приведемъ наиболѣе характерные, можно расположить по степени убывающей враждебности слѣдующимъ образомъ. Прежде всего идетъ группа апологетовъ капитализма и существующаго порядка, набросившаяся на автора

*) „Политическая экономія“, 4-ое изд. СПб, 1904 г., стр. XIV.

***) А. Н. Пыпинъ: „Бѣлинскій, его жизнь и переписка“ изд. 2-ое, СПб. 1908 г., стр. 488.

****) О М. А. Бакунинѣ и его отзывахъ о Маркскѣ см. біографію его, написанную членами „Интернаціонала“ Гильомомъ („Былое“, августъ, 1906 г.). О Герценѣ см. т. III „Сочиненій“, изд. Павленкова.

*****) П. В. Анненковъ: „Воспоминанія“, т. III. „Замѣчательное десятилѣтіе“, СПб. 1882.

«Капитала» съ какой-то злобной ненавистью. Застрѣльщикомъ явился г. Ю. Жуковский, тотъ самый, который писалъ нѣкогда «прекрасныя», по выраженію Н. Зибера, статьи о Рикардо. Теперь онъ выступилъ противъ Маркса, пытаясь опровергнуть его послылки цифровыми примѣрами и детальными возраженіями. Своимъ классовымъ чутьемъ онъ понялъ, что «Капиталъ» устанавливаетъ право рабочаго на прибавочный продуктъ, и онъ противопоставилъ ему право собственника: «Пользованіе (означеннымъ) капиталомъ доставалось въ руки тѣхъ, кто оказывался виновникомъ его появленія, т. е. организующихъ классовъ. Работникъ же, ничего не изобрѣтавшій и ничего не организовавшій, а только постоянно организуемый, не имѣетъ никакого основанія заявлять на нее (т. е. на прибыль, П. О.) малѣйшія притязанія, и, если сравнить въ этомъ случаѣ обоихъ, то, съ точки зрѣнія права, классъ капиталистовъ, не въ томъ ограниченномъ смыслѣ, какъ понимаетъ его Марксъ, а какъ классъ болѣе обширный, обнимающій собою какъ правительство, такъ и поземельныхъ и денежныхъ собственниковъ, словомъ—весь классъ лицъ, выдвинувшійся изъ рабочей массы въ теченіе исторіи и явившійся организаторомъ коллективной работы въ обществѣ, какъ представитель психической работы общества за все прошлое время,—имѣетъ, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней, формальной стороны, въ отношеніи прибавочной стоимости и болѣе правъ» *).

Съ той же точки зрѣнія и тѣми же аргументами дѣйствуетъ противъ Маркса и Б. Чичеринъ. Но, въ качествѣ человѣка, причастнаго къ философіи, онъ считаетъ нужнымъ затронуть діалектическій методъ Маркса. И тутъ онъ приходитъ въ недоумѣніе, весьма характерное и для его мышленія, и для его знакомства съ философіей. «Можно ожидать (послѣ этого),—говоритъ онъ,—что діалектика Гегеля явится отрицаніемъ дѣйствительности, а діалектика Маркса, напротивъ, возстановленіемъ дѣйствительности **). Но выходитъ наоборотъ. Именно та діалектика, которая извращаетъ, или «ставитъ на голову» истинныя отношенія вещей, раскрываетъ положительную сторону существующаго и выступаетъ, какъ его защитница; а та діалектика, которая существующее беретъ за основаніе, становится въ нему въ отрицательное отношеніе, указываетъ на необходимость гибели «каждой окрѣпшей формы въ потокѣ движенія», однимъ словомъ, является по существу своему критическою и революціонною ***).

*) «Карлъ Марксъ и его книга о Капиталѣ», Вѣстн. Евр. 1877 г., сент. стр. 101, 102—См. возраженія на эту статью Михайловскаго и Зибера, Отеч. Зап. 1877 г., ноябрь.

***) Это потому, что первая—идеалистична, а вторая—материалистична.

***) «Нѣмецкіе социалисты: П. К. Марксъ». Сборникъ госуд. знаній Бе-

Больше догадливости проявил этот критикъ въ политической оцѣнкѣ ученія Маркса. «Какъ видно,—говоритъ онъ въ концѣ статьи—тутъ дѣло идетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о насильственномъ ниспроверженіи всего существующаго общественнаго строя» *).

Та же боязнь за существующій строй и частную собственность звучитъ въ разборѣ ученія Маркса Н. Х. Бунге. Въ качествѣ экономиста, онъ, подобно г. Жуковскому, подробно останавливается на критикѣ чисто экономическихъ положеній Маркса. Но и онъ не въ силахъ сдержатъ порывовъ души и, въ концѣ концовъ, прорывается такой характерной тирадой: «Скачекъ изъ царства необходимости въ царство свободы, возвѣщенный марксистами, былъ бы скачкомъ изъ царства признанія права, труда, долга, совѣсти, законности,—или въ царство деспотизма большинства и всеобщаго рабства, или въ царство анархій, гдѣ ничто не сдерживаетъ личнаго индивидуальнаго произвола, гдѣ человѣку все позволено, чего онъ ни пожелаетъ... Человѣкъ съ сердцемъ и съ совѣстью призадумается надъ мыслью обратитъ частную собственность въ общественную при помощи захваченной силы на томъ только основаніи, что сила играла роль въ рожденіи человѣческихъ обществъ» **).

Къ этой же категоріи критиковъ-охранителей относится и г. Слонимскій, посвятившій экономическому ученію Маркса цѣлую книгу—впрочемъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ и статьи предыдущихъ авторовъ. Г. Слонимскій выгодно отличается отъ остальныхъ изъ указанныхъ критиковъ признаніемъ за «Капиталомъ» нѣкоторыхъ достоинствъ. «Далеко не всѣ идеи Маркса признаются въ ней (т. е. въ книжкѣ автора П. О.) ложными»—заявляетъ онъ. А нѣсколько выше говоритъ: «Знаменитая книга Маркса о «Капиталѣ» должна быть признана наиболѣе выдающимся и типическимъ продуктомъ соединенія нѣмецкой учености и діалектики съ англійскими промышленными идеями и доктринами ***). Это не советъ по-русски, но, повидимому, это комплиментъ. Г. Чичеринъ, напримѣръ, далеко не такъ благосклоненъ. По его мнѣнію, Марксъ, ни по силѣ ума, ни по таланту, ни по разнообразію свѣдѣній, ни по философскому смыслу, не можетъ сравняться съ Лассалемъ» ****).

зобразова, Спб., 1888 г. Перепечатано въ «Исторіи полит. ученій», ч. 5-я, М. 1902, стр. 156.—См. возраженія Зибера «Нѣмецкіе экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина. П., К. Марксъ», собр. сочиненій, т. II, Спб. 1900 г.

*) Тамъ-же, стр. 190.

**) «Очерки политико-экономической литературы. Карлъ Марксъ», Спб. 1895 г. стр. 156.

***) «Экономическое ученіе К. Маркса», Вѣсти. Евр. 1896—7. Отдѣльной книгой. Спб. 1898 г.

****) Цит. статья, стр. 155.

профессоръ московскаго университета, идетъ дальше и заявляетъ, что «Карлъ Марксъ, при всѣхъ безспорныхъ научныхъ достоинствахъ его обширной монографіи о капиталѣ, оказывается недостаточно объективнымъ, и это, между прочимъ, изъ-за завистливой ненависти къ своему талантливому единомышленнику, еврею же Лассалю, у котораго онъ видитъ только живыя мечты и неправыя надежды» *). На эти выходки остроумно замѣтилъ еще Зиберъ, что г. Чичеринъ превозноситъ Лассалья передъ Марксомъ, какъ менѣе опаснаго теоретическаго противника.

Но такое желчное, съ личными выходками, отношеніе къ ученію Маркса оказалось необязательнымъ даже для противниковъ этого ученія. Многие ученые, не раздѣляющіе экономическихъ воззрѣній автора «Капитала», сумѣли отнестись къ нему объективно, не проявляя раздраженія апологетовъ капитализма. Такъ, проф. Вреденъ, совершенно не раздѣляющій ученія Маркса, указываетъ, что между теоретиками коммунизма, нѣмецкими изгнанниками въ Англии, «является съ наибольшимъ обаяніемъ Карлъ Марксъ. Carl Marx, унаслѣдовавъ идеи Оуэна, ихъ убѣдительноѣ развиваетъ вслѣдствіе большаго научнаго образованія. Истый послѣдователь Гегеля по діалектикѣ, обладающій притомъ выдающимися способностями, Марксъ старается рельефно выдѣлить стремленія своей партіи изъ массы сродственныхъ социалистическихъ утопій» **).

Въ такомъ же спокойномъ и приличномъ тонѣ критикуетъ ученіе Маркса кievскій профессоръ А. Антоновичъ, совершенно правильно усматривающій преемственную связь его съ ученіемъ Рикардо. Отвергая ученіе Маркса, онъ послѣдовательно отвергаетъ и ученіе Рикардо о трудѣ, какъ мѣрило цѣнности ***). Къ этому же разряду критиковъ слѣдуетъ отнести проф. Георгіевскаго, по мнѣнію котораго «ученіе К. Маркса могло остаться и осталось «символомъ вѣры» партіи, но для знанія, для науки, несостоятельность положительной стороны ученія уже обнаружилось съ достаточной ясностью, такъ же точно, какъ и весьма важное значеніе критической части этого ученія ****). Упомянемъ также автора многихъ учебниковъ проф. Л. Ходскаго, находящаго, подобно предыдущимъ, что «ошибочно считать трудъ человѣка исключительнымъ источникомъ цѣнности» *****).

*) «О социализмѣ», публ. лекція. Яросл., 1888 г., стр. 15.

**) «Курсъ полит. экономіи». Спб. 1874 г., стр. 125.

***) «Теорія цѣнности». Варшава, 1877 г., стр. 183.

****) «Полит. экономія». 4-е изд., т. I, стр. XV. Спб. 1904. Это не мѣшаетъ ему признавать ученіе Маркса «господствующимъ» въ русской экономической литературѣ. Значить — не совсѣмъ «обнаружилось».

*****) «Политич. экономія въ связи съ финансами», изд. 2-е. Спб. 1887 г.

Но если учение Маркса встрѣтило такихъ ярыхъ противниковъ, то, съ другой стороны, оно встрѣтило и горячихъ защитниковъ. Однако и здѣсь необходимо все время помнить, что тѣ самые публицисты и ученые, которые принимали экономическія теоріи Маркса, отвергали или обходили молчаніемъ его соціологическое учение.

Одной изъ первыхъ статей, отозвавшихся на появленіе въ свѣтъ «Капитала» въ русскомъ переводѣ, была рецензія г. И. К.—на въ «Вѣстникѣ Европы». Это была дѣловая и дѣльная замѣтка, авторъ которой сумѣлъ правильно понять сущность работы Маркса. Онъ писалъ про «Капиталъ», что «его научная цѣна заключается въ выясненіи тѣхъ частныхъ законовъ, которымъ подчиняется возникновеніе, существованіе, развитіе и смерть даннаго соціального организма и замѣненіе его другимъ, высшимъ. И эту цѣну,—прибавляетъ авторъ замѣтки,—дѣйствительно имѣетъ книга Маркса» *).

Годомъ раньше вышла въ свѣтъ диссертация Н. И. Зиберы «Теорія цѣнности и капитала Давида Рикардо» **), въ которой значительная часть была отведена экономическому ученію К. Маркса. Этимъ трудомъ проф. Зиберъ началъ длинный рядъ работъ, посвященныхъ пропагандѣ научныхъ идей марксизма. Такъ, въ 1876—7 годахъ онъ помѣстилъ въ журналѣ «Знаніе» рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ «Экономическая теорія К. Маркса» ***). Въ 1882 г. онъ издалъ въ приложеніи къ «сочиненіямъ Д. Рикардо» ****) главу изъ Марксовой «Zur Kritik der politischen Oekonomie», а въ 1885 г. переиздалъ въ значительно дополненномъ видѣ свою «Теорію цѣнности» подъ новымъ заглавіемъ «Д. Рикардо и К. Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ» *****), гдѣ онъ далъ обстоятельное и подробное изложеніе ученія «Капитала». Но Зиберъ не ограничился чисто экономической областью. Онъ перенесъ нѣкоторыя положенія Маркса въ область изученія первобытнаго права, возникновенія семьи и культуры. Въ цѣломъ рядъ статей *****), а впоследствии въ отдѣль-

стр. 3—6, и прим. къ стр. 3. См. также стр. 83—4 и 520—2. (Первое изданіе вышло въ 1884 г.).

*) И. Кауфманъ. «Точка зрѣнія политико-экономической критики у Карла Маркса», Вѣстн. Евр. 1872 г., май.

***) Н. И. Зиберъ. «Теорія цѣнности и капитала Д. Рикардо» Киевъ, 1871 г.

****) «Знаніе» 1876 г., №№ 10, 12; 1877 г. № 2. Продолженіе въ «Словѣ» 1878 г., №№ 1, 3, 9, 12.

*****) «Сочиненія Д. Рикардо», пер. И. Зиберы. Спб. 1882 г., 2-ое приложеніе, стр. 614.

*****) «Д. Рикардо и К. Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ», Спб. 1885.

*****) Главнѣйшія изъ нихъ перепечатаны въ «Собраніи сочиненій» два тома, Спб. 1900 г.

номъ изслѣдованіи *) онъ старается показать, какъ раннія общественныя учрежденія возникаютъ изъ экономическихъ потребностей общества и его методовъ хозяйства. Въ этой области, которой Зиберъ, повидимому, занимался съ особой любовью, онъ проявилъ большую эрудицію и вдумчивость.

Зиберъ явился наиболѣе цѣльнымъ и послѣдовательнымъ—пожалуй, единственно послѣдовательнымъ—марксистомъ этой эпохи. Онъ посвятилъ всю свою дѣятельность защитѣ и развитію ученія Маркса. И все же даже этотъ наиболѣе послѣдовательный марксистъ, былъ лишь одностороннимъ марксистомъ. Онъ усвоилъ экономическое ученіе Маркса, а также его взглядъ на роль экономики въ образованіи общественныхъ отношеній, но историческій методъ марксизма оставался ему чуждымъ и, повидимому, даже не былъ имъ понятъ. Его самостоятельныя изслѣдованія носятъ, по собственному его признанію, средний характеръ «между сравнительной и безотносительной оцѣнкой» **). Историко-материалистической оцѣнки мы у него не встрѣчаемъ. Въ этомъ отношеніи весьма интересна его неоконченная статья «Къ характеристикѣ Е. Дюринга» ***). Въ сущности, сама статья представляетъ голый, некритическій пересказъ «Anti-Dühring'a» Энгельса, но въ ней есть маленькое введеніе автора, въ которомъ онъ вкратцѣ высказывается о діалектическомъ методѣ. «Можно сказать, повидимому, безъ преувеличенія»,—пишетъ здѣсь Н. Зиберъ,—«что въ первый еще разъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ такъ называемая діалектика, она является глазамъ читателя въ такомъ реальномъ освѣщеніи. Впрочемъ, мы съ своей стороны, воздержимся отъ сужденія о годности этого метода въ примѣненіи къ различнымъ областямъ знанія, а также и о томъ, представляетъ ли онъ собою или не представляетъ,—насколько ему можетъ быть придаваемо дѣйствительное значеніе,—простое видоизмѣненіе или даже прототипъ метода теоріи эволюціи или всеобщаго развитія. Именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ разсматриваетъ его авторъ или, по меньшей мѣрѣ, старается указать на подтвержденіе его при помощи этихъ истинъ, которыя достигнуты эволюціонною теоріей, и нельзя не сознаться, что въ нѣкоторомъ отношеніи здѣсь открывается значительное сходство». Это весьма характерный отрывокъ. Зиберъ, подобно большинству его современниковъ, былъ эволюционистомъ; онъ не понималъ той «критической и революціонной» стороны ученія Маркса, которую подмѣтилъ, напримѣръ, Б. Чичеринъ. И діалектика была ему понятна лишь постольку она совпадала съ эволюціей.

*) «Очерки первобытной экономической культуры». Спб. 1883 г.

**) «Теорія цѣнности и капитала Д. Рикардо», Кіевъ, 1871 г., предисловіе.

***) Напечатана въ «Собр. соч.», т. 2-й, стр. 718.

Въ лицѣ Н. И. Зибера экономическое ученіе Маркса проложило себѣ путь на университетскую кафедру. Несмотря на сопротивление «патентованныхъ ученыхъ», молодые профессора—и какъ разъ наиболѣе талантливые и популярныя—вводили Марксово ученіе о цѣнности и капиталѣ въ свои университетскіе курсы. Это было время крайней оппозиционности либеральной интеллигенціи, для которой существующій строй былъ объектомъ отрицанія, а грядущая буржуазія рисовалась въ грубомъ образѣ Разуваевыхъ. Защита существующаго строя со стороны официальной науки заставляла независимыхъ ученыхъ противопоставлять ей ученіе социалиста Маркса, подрывающее не только существующій, но и ближайшій грядущій строй. «Боязнь, что принятіе этой теоріи поколеблетъ право частной собственности какимъ оно является въ настоящее время»,—совершенно вѣрно указывалъ проф. Исаевъ—«вотъ обстоятельство, окрыляющее многихъ экономистовъ при ихъ полемикѣ съ ученіемъ Рикардо-Маркса» *). Но съ другой стороны, несомнѣнно, что либеральное ученіе могло принять эту теорію лишь потому, что политическій гнетъ и вытекающій отсюда ихъ политическій радикализмъ преувеличивалъ ихъ расхождение съ экономическими основами существующаго порядка и затушевывалъ противорѣчіе ихъ интересовъ интересамъ и цѣлямъ пролетариата.

Экономическое ученіе Маркса было принято Исаевымъ, Иванюковымъ **), Чупровымъ ***), впоследствии Ярцкимъ ****), Скворцовымъ *****) и др.

Среди публицистовъ и ученыхъ, примкнувшихъ въ этотъ періодъ къ экономическому ученію Маркса, особеннаго вниманія заслуживаютъ народники и послѣдователи субъективной школы. Такъ, П. А. Лавровъ называетъ Маркса «нашимъ великимъ учителемъ» *). Н. Л. Михайловскій выступаетъ на защиту Маркса противъ г. Ю. Жуковского, а единственнымъ «научнымъ марксистомъ» является, по увѣренію г. В. В.,—г. Николай-онъ.

Самымъ замѣчательнымъ защитникомъ Маркса среди этой группы является Н. Михайловскій. Онъ заслуживаетъ нашего вниманія уже по

*) „Начала полит. экономіи“ изд. 5-е, Спб. 1900 г. Стр. 375.

**) «Полит. экономія», М. 1886 г.

***) «Полит. экономія», М. 1906 г. Впрочемъ у Иванюкова и Чупрова Марксъ сплошь да рядомъ подмѣняется Миллемъ.

****) Относительно Ярцкаго см. интересную полемику въ „Пол. экон.“, Георгіевскаго (цит. выше).

*****) «Основанія полит. экономіи». Спб. 1898. Особенно предисловіе, гдѣ излагается его расхождение съ теоріей ренты и падеція нормы прибыли Маркса.

*****) Предисловіе къ русскому переводу «Введенія въ критику философіи права Гегеля», Маркса.

тому, что это одинъ изъ немногихъ соціологовъ, обратившихъ въ то время вниманіе на книгу о капиталѣ. Въ качествѣ соціолога онъ не могъ обойти молчаніемъ соціологическаго метода Маркса, какъ это дѣлали экономисты. И дѣйствительно, въ статьѣ «Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Жуковскаго», Михайловскій посвящаетъ нѣсколько страницъ значенію развитія капитализма для Россіи. «Идеаль его (русскаго человѣка. П. О.),—говорится въ этой статьѣ, — если онъ ученикъ Маркса, состоитъ, между прочимъ, въ совпаденіи труда и собственности, въ принадлежности рабочему земли и орудій и средствъ производства. Но, въ то же время, если онъ ученикъ Маркса со стороны философско-историческаго взгляда послѣдняго, онъ долженъ радоваться разлученію труда и собственности, расторженію связи между работникомъ и условіями производства, какъ первымъ шагомъ необходимаго и въ концѣ концовъ благодѣтельнаго процесса. Онъ долженъ, слѣдовательно, привѣтствовать ниспроверженіе зачатковъ собственного идеала» *). Въ указанной статьѣ Н. К. Михайловскій ограничился этой (между прочимъ, совершенно ложной) постановкой вопроса; она получила болѣе полное развитіе лишь впоследствии, въ 90-хъ годахъ. Между прочимъ, характерно, что въ то время Михайловскій совершенно иначе относился, чѣмъ впоследствии, къ историческому матеріализму Маркса. «Если снять съ «Капитала» тяжелую, неуловимую и ненужную крышку гегеліанской діалектики, то независимо отъ другихъ достоинствъ этого сочиненія, мы увидимъ въ немъ превосходно разработанный матеріалъ для рѣшенія общаго вопроса объ отношеніи формъ къ матеріальнымъ условіямъ ихъ существованія и превосходную постановку этого вопроса для частной области» **). А страницей ниже авторъ говоритъ: «анализъ отношеній данной общественной формы къ матеріальнымъ условіямъ ея существованія навсегда останется памятникомъ логической силы и громадной эрудиціи автора». Но этотъ анализъ и представляетъ ничто иное, какъ тотъ самый «экономическій матеріализмъ», противъ котораго впоследствии шла такая ожесточенная борьба со стороны Н. К. Михайловскаго и его сторонниковъ.

Наряду съ Н. К. Михайловскимъ слѣдуетъ упомянуть экономиста г. Николая—она, печатавшаго въ 1880 году въ Отечественныхъ Запискахъ свои напумѣвшіе впоследствии «Очерки» ***). Г. Николай—онъ всецѣло принимаетъ экономическое ученіе Маркса, но старается ви-

*) „Отечественныя записки“, 1877 г. Перепечатано въ «Сочиненіяхъ», Спб. изд. 2-е, т. IV, стр. 172.

**) Тамъ же, стр. 186.

***) Перепечатано отдѣльной книгой: „Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства“. Спб. 1893.

доизмѣнить его въ приложеніи къ Россіи. Или, какъ говорилъ г. В. В., «трудъ г. Николая—она... попытка мыслящаго марксиста примѣнить теорію капитализма къ объясненію экономической эволюціи въ Россіи» *). 90-ые годы показали, какъ мало понималъ духъ марксизма г. Николай—онъ, когда переводилъ его буквы съ латинскаго алфавита на русскій.

Экономическую теорію Маркса приесть и г. В. В., излагавшій теорію цѣнности на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника» въ 1887 г. **). Зато онъ отвергаетъ социологическое ученіе марксизма и, разумѣется, прежде всего отвергаетъ приложимость нормъ капиталистическаго развитія къ Россіи. При этихъ условіяхъ экономическая теорія Маркса, выражающая сущность законовъ капиталистическаго строя, утрачиваетъ всякій конкретный смыслъ и превращается въ абстрактное книжное построеніе. Неудивительно, что г. В. В. могъ послѣ этого предлагать ее «патентованнымъ ученымъ», какъ вещь безвредную.

Мы не будемъ останавливаться на другихъ критикахъ, такъ или иначе откликнувшихся на ученіе Маркса; всѣ они подходятъ подъ какую-либо изъ разсмотрѣнныхъ категорій. Въ первой половинѣ 80-хъ годовъ начинаетъ появляться на страницахъ прогрессивныхъ журналовъ неизвѣстное пока имя Г. Валентинова, подъ которымъ скрывается первый дѣйствительный марксистъ — Г. В. Плехановъ. Однако въ эту эпоху онъ встрѣчаетъ только отдѣльныхъ читателей, понимающихъ его и сочувствующихъ ему. Главная его дѣятельность развертывается въ другой сферѣ—въ нелегальной заграничной работѣ группы «Освобожденіе Труда» ***).

II.

Рабочее движеніе, которое неизмѣнно сопутствовало образованію и развитію марксистскихъ идей на Западѣ ****), было еще крайне слабо

*) „Очерки теоретической экономіи“, стр. 225.

***) Перепечатано въ „Очеркахъ теор. экономіи“

***) Нѣкоторыя изъ работъ Плеханова за этотъ періодъ перепечатаны въ книгѣ Н. Бельтова „За 20 лѣтъ“, Спб. 1906 (2-е изд.).

Характерно, что за весь періодъ до 1890 г. въ Россіи были переведены только I-ый т. „Капитала“ (1872 г.), глава изъ „Zur Kritik“ (1885) и Письмо Маркса въ редакцію От. Зап. (Юрид. Вѣстн. 1888 г., кн. 10). Остальная марксистская литература была неизвѣстна.

****) Первые труды теоретиковъ марксизма тѣсно связаны съ рабочимъ движеніемъ. «Положеніе рабочаго класса въ Англіи» Ф. Энгельса указываетъ на это уже своимъ заглавіемъ. «Нищета философіи» Маркса вся проникнута борьбой французскихъ рабочихъ. «Коммунистическій Манифестъ» былъ разсмотрѣнъ и принятъ рабочимъ союзомъ.

въ 70-хъ годахъ въ Россіи. Оно проявлялось не въ формахъ массоваго движенія, а лишь путемъ выдѣленія отдѣльныхъ болѣе развитыхъ лицъ и группъ, и выступало оно не въ качествѣ самостоятельнаго классоваго движенія, а въ качествѣ лѣваго крыла революціонно-демократической арміи. Таково было значеніе, напримѣръ, «Сѣверно-русскаго рабочаго союза». Правда, классовый инстинктъ рабочихъ не могъ не сказываться, особенно въ такой чисто-рабочей организаціи, и Г. Плехановъ правильно замѣчаетъ, что «въ 1879 г. рабочее движеніе перерасло народническое ученіе на цѣлую голову». «Въ 70-хъ гг. требованіе политической свободы явилось прежде всего въ рабочей программѣ»—говоритъ онъ дальше *).—«Это требованіе сближало «сѣверно-русскій рабочій союзъ» съ западно-европейскими рабочими союзами, придавало ему социаль-демократическую окраску. Говорю окраску, потому что вполнѣ социаль-демократической программу союза признать было невозможно. Въ нее вошла не малая доля народничества». Однако и эти первые зародыши классоваго самосознанія шли не столько на внутреннюю работу поднятія сознанія широкихъ массъ, сколько на демократическую борьбу.

Въ концѣ 70-хъ годовъ произошелъ, какъ извѣстно, расколъ въ партіи «Земля и Воля», значительное большинство которой мало-помалу дало увлечь себя чисто политической, къ тому же террористической, борьбѣ. Меньшинство же, отвергнувшее принципиально этотъ родъ дѣятельности и основавшее организацію и органъ «Черный Передѣлъ», встало на путь, который логически долженъ былъ привести его къ марксизму. Оно прочно держалось стараго взгляда на необходимость опираться на «народъ», а практически это все болѣе и болѣе превращалось въ необходимость опираться на рабочихъ. По признанію Плеханова, имъ приходилось итти «къ рабочимъ не то, чтобы противъ воли, а, такъ сказать, противъ теоріи», ибо занятіе съ рабочими «при несравненно меньшей затратѣ силъ, оказывалось несравненно болѣе плодотворнымъ, чѣмъ (наши) излюбленныя «поселенія въ народѣ» **).

Ученіе Маркса, къ которому, въ концѣ концовъ, пришли наиболѣе

*) «Русскій рабочій въ револ. движеніи». (Переиздано въ Россіи М. Малыхъ. Спб. 1906).

**) Полемизируя въ новой «Искрѣ» противъ «Что дѣлать» Ленина, Плехановъ указываетъ на то, что и ему и Аксельроду приходилось заниматься съ рабочими; этимъ онъ хотѣлъ указать, что марксизмъ группы «Осв. Труда» возникъ не независимо отъ рабочаго движенія. Намъ кажется этотъ субъективный аргументъ не убѣдительнымъ. На нашъ взглядъ, гораздо большую роль играли тѣ скрытыя стихійныя вліянія, которыя создавались самимъ фактомъ образованія пролетаріата и толкали интеллигентовъ къ занятіямъ съ рабочими.

видные чернопередедьльцы, не было чуждо имъ раньше. Мы знаемъ изъ предыдущей главы, насколько широко были извѣстны въ Россіи въ 70-хъ годахъ идеи «Капитала». Но онѣ принимались (поскольку принимались) крайне односторонне. Односторонне же принималъ ихъ и Г. Плехановъ, проводившій нѣкоторыя положенія марксизма въ своихъ статьяхъ въ «Земль и Воля». Русскій марксизмъ 70-хъ и начала 80-хъ годовъ наполнялся дѣйствительно марксистскимъ содержаниемъ лишь по мѣрѣ того, какъ этого требовала сама жизнь, т. е. развитіе рабочаго класса. А со времени раскола на воронежскомъ съѣздѣ виѣшній и внутренній ростъ рабочаго класса подсказывалъ все болѣе и болѣе марксистскихъ мыслей интеллигентамъ, не погрязшимъ окончательно въ народнической догмѣ (а такими и были чернопередедьльцы, отрекшіеся отъ главнаго теченія народническаго социализма).

Въ 1880 г. вышла въ свѣтъ брошюра Я. Стефановича. «Злоба Дня.—Дѣйствующимъ и готовымъ дѣйствовать сотоварищамъ моимъ мое дружее посланіе» *). Здѣсь крайне характерны тѣ мысли, которыя подсказала жизнь практику и которыя замѣтно отклонялись отъ обычнаго въ то время теченія народовольчества въ сторону марксизма. «Теперь, какъ и всегда,—говорится въ этой брошюрѣ—нашей задачей должно быть созданіе партіи изъ мужиковъ, изъ городскихъ рабочихъ... Преимущественный напоръ нашихъ усилій на городскую рабочую среду получаетъ значеніе экономіи силъ и скорѣйшаго проивновенія революціонной организаціи въ село... Рабочіе глубже насъ поймутъ необходимость вовлеченія въ дѣло революціи и мужика. Они убѣдятся въ этомъ не въ силу народническихъ тенденцій, а просто по соображеніямъ практическимъ: успѣхъ революціи прямо пропорціоналенъ квадрату революціонныхъ силъ крестьянства». Исходя изъ этихъ общихъ положеній, Стефановичъ предлагалъ и соотвѣтственныя практическія мѣропріятія. «Соединеніе рабочихъ въ союзы, наприкладъ, на кассахъ самопомощи,—таковъ долженъ быть первый и необходимый приступъ къ созданію революціонной организаціи рабочихъ». «Въ такіе союзы—излагаетъ Ю. Стекловъ мысли Стефановича—революціонерамъ слѣдуетъ провести «сознательно социалистическое меньшинство», которое должно охватить эту организацію широкой «революціонной идеей»... При такомъ способѣ дѣйствія революціонеры «попали-бы какъ разъ, что называется, въ точку».

Въ то время, какъ Стефановичъ издавалъ свою брошюру, тѣ же мысли, но болѣе опредѣленно и послѣдовательно, развивалъ «Черный

Цитирую по брошюрѣ Ю. Стеклова «Историческое подготовленіе русской социаль-демократіи». Спб. 1906, стр. 56—62.

Передѣль». «Въ основѣ общества—говорилось здѣсь—лежать, главнымъ образомъ, отношенія экономическія, которыми по преимуществу и опредѣляются остальные отношенія—государственныя, юридическія, нравственныя и пр.»... «Въ настоящее время уже немислимъ возвратъ къ ремесленному изолированному производству, единственно-возможное рѣшеніе рабочаго вопроса заключается въ экспроприаціи капиталистовъ и организаціи коллективнаго владѣнія орудіями труда»... «Техника современнаго производства, начавшись социализаціей труда, логически-неизбѣжно ведетъ къ социализаціи владѣнія, т. е. практическому осуществленію социалистическихъ ученій. Родившись на фабрикѣ, рабочій социализмъ проникаетъ и въ деревню» *).

Но хотя чернопредѣльцы подошли вплотную къ экономическимъ и социологическимъ взглядамъ научнаго социализма, они по отношенію къ Россіи все еще сохранили много старыхъ народническихъ предразсудковъ. Такъ, они придерживались стараго отрицательнаго взгляда на политическую борьбу **). Послѣ 1881 г. въ этомъ вопросѣ произошла замѣтная эволюція. Въ сентябрѣ 1881 г. вышелъ послѣдній, 4-й, № «Чернаго Передѣла». Маленькая группа не могла больше держаться въ Россіи; еще въ 1880 г. Плеханову пришлось эмигрировать въ Швейцарію. Здѣсь, въ Женевѣ, была сдѣлана попытка привлечь Плеханова въ редакцію подготавливавшегося «Вѣстника Народной Воли». Однако это соглашеніе скоро разстроилось; слѣдомъ его осталась рецензія Плеханова на книгу Аристово о Шаповѣ (напечатана въ № 1 «В. Н. В.»). Въ это время произошелъ окончательный разрывъ, и Плехановъ, вмѣстѣ съ Аксельродомъ, Засуличемъ, Дейчемъ и Игнатовымъ, образовали группу «Освобожденіе Труда» ***).

Первымъ дѣломъ новой группы было отмежеваться отъ народо-вольчества, особенно въ больномъ вопросѣ политики. И первымъ изданіемъ явилась брошюра Плеханова «Социализмъ и политическая борьба». «Посмотримъ,—говорилось въ этой брошюрѣ,—какое мѣсто отводить политической борьбѣ то ученіе, которому даже буржуазные противники не отказываютъ въ названіи научнаго социализма».

*) Ю. Стекловъ. «Исторія подготовленія etc», стр. 62—4. Ср. дальнѣйшія стр., гдѣ подробно излагается эволюція чернопредѣльства, а также предисловіе П. Аксельрода къ 1-му изд. «Краснаго знамени» Мартова (перепечатано въ «Борьбѣ соц. и бурж. тенденцій въ русск. револ. движеніи», Спб. 1907. Стр. 33 и сл.).

**) Ср. ядовитый отзывъ Маркса въ «Письмахъ къ Зорге и пр.» М. 1907, стр. 194.

***) О дѣятельности Г. В. Плеханова см. біографическій очеркъ А. Ельницкаго «Образованіе», январь 1906 г.

Обрисовавъ пониманіе политической борьбы предшествовавшими теченіями, Г. Плехановъ писалъ: «Чтобы сдѣлаться революціонерами по существу, а не по названію, русскіе анархисты, народники и бланкисты должны были прежде всего революціонизировать свои собственные головы, а для этого имъ нужно было научиться понимать ходъ историческаго развитія и стать во главѣ его, а не упрашивать старуху-исторію потоптаться на одномъ мѣстѣ, пока они проложатъ для нея новые, болѣе прямые и торные пути» *).

Въ 1885 году группа «Освобожденіе Труда» выступила съ первой социаль-демократической программой **). Изложивъ сначала общія программныя положенія международнаго социализма, программа переходитъ къ особенностямъ социально-экономическаго положенія Россіи, «гдѣ трудящіяся массы находятся подъ двойнымъ игомъ развивающагося капитализма и отживающаго патріархальнаго хозяйства». На всей программѣ лежитъ отпечатокъ этого недоразвитія капитализма и подавляющаго преобладанія крестьянства. «Капитализмъ сдѣлалъ въ ней (въ Россіи) громадныя успѣхи со времени отмены крѣпостнаго права—говоритъ программа.—Старая система натурального хозяйства, уступаетъ мѣсто товарному производству... патріархальныя общинныя формы крестьянскаго землевладѣнія быстро разлагаются... Разложеніе общины создаетъ у насъ новый классъ промышленнаго пролетаріата. Болѣе воспримчивый, подвижной и развитой, классъ этотъ легче отзывается на призывъ революціонеровъ, чѣмъ отсталое земледѣльческое населеніе... Въ лицѣ этого класса народъ нашъ впервые попадетъ въ экономическія условія, общія всѣмъ цивилизованнымъ народамъ»... Программа все время имѣетъ въ виду необходимость и желательность привлеченія крестьянъ къ революціонной борьбѣ. Аграрная часть ея является чисто крестьянской программой и не идетъ дальше требованія земельной реформы. «Радикальный пересмотръ аграрныхъ отношеній, т. е. условій выкупа земли и надѣленія ею крестьянскихъ обществъ. Предоставленіе права отказа отъ надѣла и выхода изъ общины тѣмъ изъ крестьянъ, которые найдутъ это для себя удобнымъ»—вотъ ея содержаніе. Впослѣдствіи, при комментаріяхъ къ программѣ 1902 г. ***), Плехановъ указывалъ, что

*) «Социализмъ и политическая борьба». Спб. 1906 г. Болѣе обстоятельное противопоставленіе марксизма старой революціонной идеологіи дано было Плехановымъ въ «Нашихъ разногласіяхъ» (перепечатано Спб., 1906 г.).

***) Первоначально напечатана въ 5-ой книжкѣ «Вѣстн. Нар. Воли», перепечатана у Лядова «Исторія рос. соц.-дем. раб. партіи», Спб. 1906 г., т. I, стр. 37 и сл.

****) «Заря», № 4.

такая постановка аграрнаго вопроса, безъ ясно выраженныхъ социаль-демократическихъ перспективъ, была сдѣлана во избѣжаніе «ожесточенныхъ, безконечныхъ споровъ» Въ видѣ уступки «предразсудкамъ» революціонеровъ былъ введенъ и параграфъ о государственной помощи производительнымъ товариществамъ.

Итакъ, первая программа марксистовъ не смогла еще освободиться отъ нѣкоторыхъ пережитковъ народнической идеологіи. Окончательное очищеніе и самоопредѣленіе марксизма совершилось въ нѣсколько лѣтъ спустя въ періодъ «Соціально-демократа» **). Этотъ первый социаль-демократическій журналъ сыгралъ крупную роль въ дѣлѣ подготовленія марксистской мысли къ той практической работѣ, которая предстояла въ ближайшемъ будущемъ. Уже въ 1891 г., въ эпоху голода и кризиса народнической интеллигенціи, группѣ «Освоб. Труда» пришлось дать практическія директивы (Г. Плехановъ «О задачахъ социалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи» *). А года черезъ два начавшій быстро расти въ Россіи легальный марксизмъ использовалъ весь опытъ этой группы для борьбы съ народничествомъ.

Однако, дѣятельность группы «Освоб. Труда» не ограничивалась заграничнымъ издательствомъ. Въ лицѣ своихъ теоретиковъ она принимала участіе и въ рабочемъ движеніи, начавшемъ въ то время складываться въ Россіи какъ самостоятельное явленіе. Въ 1885 г. въ Петербургѣ возникла первая социаль-демократическая группа, начавшая издавать газету «Рабочій». Въ этой газетѣ принимали участіе П. Авсельродъ и Г. Плехановъ, помѣстившій въ № 2 руководящую статью «Современныя задачи русскихъ рабочихъ» ***).

Группа «Освобожденіе Труда» просуществовала двадцать лѣтъ. Въ 1895 г., по ея инициативѣ, былъ образованъ «Союзъ русскихъ социаль-демократовъ», куда вошла и сама группа. Но въ началѣ 1900 г., когда большинство союза явно стало на сторону «экономизма», группа вышла изъ него и вошла въ новообразовавшуюся

*) Сборникъ и четыре номера журнала подъ этимъ названіемъ вышли въ періодъ 1888—1891 г. Главнѣйшія статьи перепечатаны у Бельтова («За 20 лѣтъ») и Засуличъ («Собр. соч.»).

***) Главнѣйшія сочиненія Г. В. Плеханова за этотъ періодъ были переведены въ Россіи въ 1906 г. книгоиздательствомъ М. Малыхъ. Кромѣ упомянутыхъ уже выше сюда вышли: „Всероссійское разореніе“, „Еще разъ социализмъ и политическая борьба“, „Новый защитникъ самодержавія или горе г. Тихомірова“

****) Статья перепечатана въ книгѣ Плеханова „На два фронта“, Женева, 1905 г. Изложеніе ея у Лядова, т. I, стр. 49 и сл. Относительно „Рабочаго“ см. также примѣчанія Кольцова къ русскому переводу Туна „Истор. рев. движ. въ Россіи“.

революційную організацію «Соціалъ-демократъ». Эта організація не проявила жизнеспособности. Въ концѣ 1900 г. группа объединилась съ новой группой «Искра». Окончательно прекратила она существованіе на 2-мъ съѣздѣ въ 1903 г.

Группа «Осв. Труда» сыграла крупную роль въ дѣлѣ самопредѣленія марксистской мысли въ Россіи. Она воспитала поколѣніе соціалъ-демократовъ 90-хъ гг., которые и въ вопросахъ теоріи и въ тактическихъ вопросахъ нашли въ трудахъ группы прочную опору, сослужившую имъ большую службу сначала въ борьбѣ съ народничествомъ, а затѣмъ въ борьбѣ съ ревизионизмомъ и экономизмомъ. Десятилѣтняя работа группы, обогатившей русскую соціалистическую мысль опытомъ и знаніями европейской соціалъ-демократіи, подготовила быстрое и энергичное освобожденіе русскаго марксизма отъ тягучаго наслѣдія народничества. Безъ этой предварительной теоретической работы русскій марксизмъ, быть можетъ, долго еще носилъ бы на себѣ слѣдъ народническихъ утопій во вкусѣ «марксистовъ» типа г. В. В. или Николая—она.

III.

Начало 90-хъ годовъ прошлаго вѣка знаменуется глубокимъ поворотомъ въ общественной мысли передовыхъ круговъ Россіи. Наступаетъ—и притомъ весьма рѣзко—кризисъ въ господствовавшей до тѣхъ поръ народнической идеологіи. Въ дѣлѣ разрушенія старыхъ вѣрваній сыграли рѣшительную роль два фактора, имѣвшіе общіе корни въ соціально-экономическомъ развитіи Россіи предшествовавшихъ десятилѣтій: съ одной стороны, крупный ростъ промышленнаго пролетаріата *) и пролетаризація крестьянства, съ другой разочарованіе интеллигенціи въ спасительныхъ свойствахъ «народнаго» производства, послѣ голода 1891 г., раскрывшаго истинную картину деревенской жизни.

Съ этого времени начинаютъ расти и умножаться марксистскіе кружки—и интеллигентскіе, и рабочіе. Идетъ подготовительная работа въ выступленіямъ—литературному 1894—5 гг., боевому 1896 года. Зарожденіе и постоянное непріятное присутствіе въ обществѣ новаго, враждебнаго народничеству, образа мыслей начинается все замѣтнѣе

*) Хотя этотъ фактъ тогда отрицался народниками. Такъ, въ 1894 г. г. Ник.—онъ, полемизируя противъ г. П. Струве, утверждавшаго въ статьѣ въ Soc.-pol. Centralblatt, что «миссія капитализма» въ Россіи перемѣститъ центръ тяжести изъ крестьянства въ пролетаріатъ, писалъ, что у насъ за послѣдніе время количество пролетаріата относительно сократилось. Но объективная дѣйствительность сильнѣе дѣйствовала на умы, чѣмъ увѣренія народниковъ.

сказываться на той нервозности, съ которой реагируютъ оно на— пока только возможное—выступленіе марксизма. Сдержанно-доброжелательное прежде отношеніе къ марксизму, даже къ его «произвольнымъ гипотезамъ», превращается теперь въ полемику, принимающую все болѣе и болѣе сердитый и обиженный тонъ. Весьма характерно, что тяжелая артиллерія была двинута противъ марксизма еще задолго до того, какъ начали появляться въ русской литературѣ печатныя произведенія марксистовъ *). Первая схватка съ молодымъ поколѣніемъ марксистовъ въ экономической области носила, такъ сказать, международный характеръ, ибо завязалась она изъ-за нѣмецкой статьи г. Струве.

Собственно поворотъ къ марксизму не произошелъ такъ неожиданно и вдругъ, какъ могло бы казаться. Не говоря уже о систематическомъ влияніи литературы группы «Освобожденіе Труда», особенно въ концѣ 80-хъ годовъ и въ періодъ голода 91-го года, слѣдуетъ отмѣтить рядъ легальныхъ проявленій марксизма въ публицистикѣ и наукѣ. Статьи Г. Валентинова, о которыхъ мы упоминаемъ въ первой главѣ, статьи А. Скворцова, появившіяся въ 1890 году, а также его книга «Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство»—все это подготовляло почву для дальнѣйшихъ шаговъ марксизма **).

Въ № берлинскаго журнала «Socialpolitisches Centralblatt» отъ 2-го октября 1893 г. появилась статья г. П. Струве «Zur Beurtheilung der Kapitalistischen Entwicklung Russlands», въ которой онъ выступилъ, главнымъ образомъ, противъ «Очерковъ» г. Николая—она. Задѣтый имъ попутно, г. Кривенко успѣшилъ возразить въ 12-й книжкѣ «Русскаго Богатства» за тотъ же годъ. («По поводу культурныхъ одиночекъ»). Въ первыхъ двухъ №№ слѣдующаго, 1894 года, появились статьи Н. К. Михайловскаго («Литература и Жизнь»), направленная противъ социологическаго ученія Маркса. Въ первой статьѣ разбирался вопросъ объ экономической необходимости пролетаризаціи крестьянства въ Россіи и развитія капитализма, во второй рѣчь шла о діалектикѣ. Въ этихъ статьяхъ была положена основа всей дальнѣйшей поле-

*) Н. К. Михайловскій занялъ вполне боевую позицію (и сильно расходящуюся съ его позиціей 1877 г.) еще въ январскомъ и февральскомъ №№ „Русскаго Богатства“ за 1894 г., между тѣмъ какъ первая марксистская книжка—«Критическія замѣтки» П. Струве—появилась въ свѣтъ къ сентябрю того же года. То же самое проф. Карѣевъ въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ противъ „экономическаго матеріализма“.

**) Въ сущности г. А. Скворцова только условно можно назвать марксиста. Мы упоминаемъ его здѣсь лишь поскольку онъ выступалъ противъ народнической идеологіи.

мики противъ марксизма какъ со стороны самого Михайловскаго, такъ и со стороны его единомышленниковъ. Здѣсь онъ болѣе полно развилъ ту мысль, которую мы отмѣтили выше, въ статьѣ 1877 г., именно, что послѣдовательный марксистъ «долженъ радоваться разлученію труда и собственности», что марксизмъ заставляетъ русскаго человѣка способствовать насажденію капитализма, а въ лучшемъ случаѣ обрекаетъ его на косность. вмѣстѣ съ тѣмъ, къ своему прежнему мнѣнію, что гегелианство можно снять съ марксизма «какъ крышку», онъ прибавилъ теперь оговорку: исключая одного пункта. Именно необходимость перехода отъ капитализма къ социализму у Маркса доказывается-де только при помощи «тріады» Гегеля.

Въ области экономики выступилъ противъ молодого, или, какъ выражался Н. К. Михайловскій, противъ нео-марксизма, г. Николай—онъ. Въ июньской книжкѣ «Рус. Бог.» за тотъ же годъ онъ напечаталъ большую статью объ условіяхъ развитія народнаго хозяйства въ Россіи. Въ своей двойной роли «истиннаго марксиста» и противника «нео-марксистовъ», онъ одновременно выступилъ противъ г. Слонимскаго и противъ г. Струве (противъ его нѣмецкой статьи). Весьма характерно, что противъ г. Слонимскаго онъ выдвинулъ какъ разъ предисловіе къ «Zug Kritik der politischen Oekonomie», которое такъ усилренно оспаривалось народниками, а также критическую замѣтку г. И. К.—на изъ «Вѣстн. Европы», сильно расходящуюся съ новой оцѣнкой Маркса г. Михайловскимъ.

Но вотъ въ сентябрѣ 1894 г. выходятъ въ свѣтъ нашумѣвшія «Замѣтки» г. Струве *). Съ ихъ рѣзкой критикой социологическаго и экономическаго ученія народничества, съ ихъ безапелляционнымъ, нѣсколько утрированнымъ, разжалованіемъ личности, эти «замѣтки» явились для народническаго теченія тѣмъ же, чѣмъ красная тряпка для быка. Особенно пресловутыя заключительныя слова книги: «нѣтъ, признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму»—вызвали бурю негодованія.

Началась отчаянная борьба. Тотчасъ по выходѣ книги, въ октябрьскомъ номерѣ «Русск. Бог.» появилась статья Михайловскаго, мелочныя придирки и личные выходы которой свидѣтельствовали, насколько больно была марксистская критика старое мировоззрѣніе **).

*) «Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи». Спб. 1894.

**) Возраженія на книгу г. Струве посыпались, какъ изъ рога изобилія. Въ томъ же № «Русск. Бог.» была напечатана замѣтка (личная) г. Кривенко. Н. К. Михайловскій въ «Литературѣ и жизни» (октябрь, 1894 г.); Ник.—онъ: «Апология власти денегъ, какъ признакъ времени» (январь. —

Но книга г. П. Струве не только была народничество; она таила въ себѣ и элементы грядущаго ревизионизма. Въ предисловіи онъ вполне откровенно заявилъ, что «примыкая по нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ къ совершенно опредѣлившимся въ литературѣ взглядамъ (т. е. къ марксизму. П. О.), онъ нисколько не считалъ себя связаннымъ буквой и кодексомъ какой-нибудь доктрины. Ортодоксіей онъ не зараженъ, если только подъ ортодоксіей не разумѣть стремленія къ послѣдовательному мышленію» *). Особенно рельефно сказала эта свобода отъ ортодоксіи въ критикѣ народнической философіи исторіи и изложеніи марксистской. По мнѣнію автора «чисто философское обоснованіе этого ученія (т. е. экономического матеріализма) еще не дано», это ученіе «еще не справилося съ тѣмъ огромнымъ конкретнымъ матеріаломъ, который представляетъ всемірная исторія. Нужно, очевидно, пересмотрѣть фактовъ съ точки зрѣнія новой теоріи; нужна критика теоріи на фактахъ. Быть можетъ, многія односторонности и слишкомъ поспѣшныя общенія будутъ оставлены» **). Однако, самъ г. Струве не обратился къ тому «пересмотру» (въ Германіи это называлось «ревизіей») и къ той «критикѣ», которые считалъ «нужнымъ». Въ своей книгѣ онъ просто «дополнилъ» Маркса и Энгельса аргументами А. Рилля и Г. Зиммеля.

Съ г. Струве повторилась та же исторія, что съ «марксистами» перваго періода: онъ тоже принялъ экономическое ученіе Маркса, не принявъ, или, вѣрнѣе, не усвоивъ его социологическаго ученія и — главное — его метода мышленія. Но за спиной экономистовъ 70-хъ годовъ не стоялъ пробуждающійся пролетаріатъ, а потому ихъ догматическое, профессорское отношеніе къ экономикѣ Маркса не могло принести большого вреда. Формально оно являлось даже плюсомъ по сравненію съ господствовавшей школой, разжижавшей Ад. Смита учеными французскими вульгарными экономистовъ. Въ совершенно другомъ положеніи очутился г. Струве. Его книга, таившая подъ личиной марксизма совершенно анти-марксистское явленіе, не могла не заражать ядомъ еще не окрѣпшую мысль подрастающаго поколѣнія социаль-демократовъ.

Это обстоятельство заставляло революціонныхъ марксистовъ отмежевываться отъ г. Струве, хотя и приходилось вести съ нимъ рука объ руку борьбу противъ господствовающаго народничества. Съ опре-

февраль 1895 г.); г. В. В. въ «Недѣлкѣ» (№ 47—49, 1894 г.) и т. д., и т. д. Были и отдѣльныя брошюры, напр., И. Гофштеггера «Доктринеры капитализма». Спб. 1897 г.

*) «Критическія замѣтки», предисловіе, стр. IX.

**) Тамъ же, стр. 46.

дѣленной и рѣзкой критикой струвизма выступилъ К. Тулинъ (Н. Ленинъ) въ статьѣ: «Экономическое содержаніе народничества и критика его въ книгѣ г. Струве» *). «Основная черта разсужденій автора,— писалъ Тулинъ, — отмѣченная съ самаго начала, это — его узкій объективизмъ, ограничивающійся доказательствомъ неизбѣжности и необходимости процесса и не стремящійся вскрывать въ каждой конкретной стадіи этого процесса присущую ему форму классового антагонизма.—объективизмъ, характеризующій процессъ вообще, а не тѣ антагонистическіе классы въ отдѣльности, изъ борьбы которыхъ складывается процессъ» **). Исходя изъ этой общей оцѣнки, К. Тулинъ подвергъ критику г. Струве тщательному пересмотру, отмѣчая каждый шагъ отступленія отъ марксизма и противопоставляя его ошибочнымъ положеніямъ правильныя положенія «ортодоксіи».

Менѣе опредѣленную позицію занялъ другой представитель революціоннаго крыла марксистовъ — Н. Бельтовъ. По поводу книги г. Струве онъ въ то время ясно не высказывался, считая, повидимому, полемику неудобной. Однако, по тѣмъ пріемамъ, которыми онъ защищалъ эту книгу отъ Михайловскаго и др., видно, насколько для него была невозможна прямая ея защита. По поводу пресловутой заключительной фразы г. Струве Бельтовъ говоритъ, что «г. Струве все-таки очень неосторожно выразился». Но эта «неловкость», по его мнѣнію, «причинена благороднымъ увлеченіемъ западника» (здѣсь приводится примѣръ изъ жизни Бѣлинскаго). «Шумѣтъ по ея поводу,—продолжаетъ Бельтовъ,—позволительно только тому, кому нечего возражать, на примѣръ, на экономическіе доводы этого писателя» ***). Эта ссылка «на «экономическіе» доводы явно прикрываетъ нежеланіе сослаться на философскіе и соціологическіе его доводы ****). Не менѣе двусмысленно и то, якобы защитительное примѣчаніе, которое брошено въ другой статьѣ. «Мы не говоримъ о книгѣ г. П. Струве, — пишетъ здѣсь Бельтовъ, — потому, что она г. Николаю —оному не пріятна. Но напрасно г. Николай —онъ такъ рѣшительно называетъ эту книгу никуда негодной. Въ спорѣ съ г. Николаемъ —ономъ

*) «Матеріалы къ характеристикѣ нашего хозяйственнаго развитія», сборникъ, Спб. 1895 г. Перепечатано у Вл. Ильина «За 12 лѣтъ». Спб., 1908 г.

**) «За 12 лѣтъ», стр. 120. „Это—языкъ объективиста, а не марксиста“ (матеріалиста), говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 48).

***) „Еще разъ г. Михайловскій и еще разъ „Триада“. Приложение къ „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“, изд. 2-е, Спб., 1905 г., стр. 249.

****) Это умолчаніе о философскомъ диссидентствѣ г. Струве со стороны Н. Бельтова было тотчасъ же замѣчено и использовано Н. К. Михайловскимъ („Русск. Бог.“, январь, 1895, стр. 138).

г. П. Струве очень и очень постоять за себя» *). Однако сборникъ, въ которомъ была напечатана статья Тулина и послѣдняя цитированная статья Бельтова, былъ сожженъ цензурой, и немногіе уцѣлѣвшіе экземпляры не могли стать достояніемъ широкой публики. А, съ другой стороны, въ легальной литературѣ продолжалось дружное сотрудничество г. Струве съ Ильнымъ, Бельтовымъ и др., чѣмъ не мало подготовлялась почва для послѣдующаго ревизионистскаго шатанія.

Крупнымъ владомъ въ молодую легальную марксистскую литературу была вышедшая въ началѣ слѣдующаго 1895 года книга Н. Бельтова «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію, — отвѣтъ гг. Михайловскому, Карѣеву и комп.». Здѣсь впервые въ русской литературѣ были развиты послѣдовательнымъ марксистомъ основныя положенія діалектическаго матеріализма и былъ онъ рѣзко отмежеванъ, съ одной стороны, — отъ діалектическаго идеализма, съ другой — отъ метафизическаго матеріализма. Бельтовъ заговорилъ совсѣмъ другимъ языкомъ, чѣмъ Струве. «Дѣйствіе, — писалъ онъ, — объясняетъ матеріалисту-діалектику историческое развитіе разума общественнаго человѣка. Къ дѣйствию же сводится вся ея практическая философія. Діалектическій матеріализмъ есть философія дѣйствія» **). Вмѣстѣ съ тѣмъ Бельтовъ далъ и болѣе глубокую критику соціологическаго метода субъективистовъ, вскрывъ всю противорѣчивость ихъ своеобразнаго марксизма. «Вы признаете экономическіе взгляды Маркса, — писалъ онъ, — отрицая его историческую теорію, говорите вы. Надо сознаться, этимъ сказано очень много, а именно: этимъ сказано, что вы не понимаете ни исторической его теоріи, ни его экономическихъ взглядовъ» ***).

Книжка Бельтова, понятно, вызвала новую бурю протестовъ въ народническомъ лагерѣ ****). А такъ какъ ея выходъ въ свѣтъ отдѣляла всего три-четыре мѣсяца отъ появленія книги г. Струве и, слѣдовательно, противники не успѣли еще о ней вполне высказаться, то на первые мѣсяцы 1895 г. приходится наиболѣе ожесточенная полемика. Это былъ кульминаціонный пунктъ общей полемики, когда

*) „Нѣсколько словъ нашимъ противникамъ“, первоначально подъ псевдонимомъ Утиса, въ „Матеріалахъ къ характеристикѣ нашего хозяйственнаго развитія“ Перепечатано въ приложеніи II-мъ ко 2 му изданію „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію etc.“, стр. 281.

**) „Къ вопросу о развитіи и пр.“, 2-е изд., стр. 202.

***) Тамъ же, стр. 183.

****) Изъ критическихъ статей отмѣтимъ: „Литература и жизнь“ Н. К. Михайловскаго (январь 1895 г.); „Что же значить „экономическая необходимость“ Ник. — она (мартъ 1895 г.): „На высотахъ объективной истины“ Н. Кудрина (мартъ 1895 г.).

встали другъ противъ друга во весь ростъ двѣ системы міровоззрѣнія. Вся дальнѣйшая борьба сводилась уже, главнымъ образомъ, къ частичнымъ атакамъ на отдѣльныя позиціи. Мы не имѣемъ возможности прослѣдить здѣсь эту полемику, растянувшуюся на цѣлые годы и мало-по-малу захватившую всѣ прогрессивные журналы. Сосредоточенная сперва почти исключительно въ «Русскомъ Богатствѣ», она переходитъ постепенно въ «Русскую Мысль», въ «Новое Слово», а тамъ и въ «Міръ Божій», и въ «Научное Обзоріе», не считая другихъ журналовъ, гдѣ она отражалась эпизодически, или гдѣ она была использована въ совершенно постороннихъ цѣляхъ (напримѣръ, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и т. п.).

Что касается спеціально марксистскѣй литературы, то послѣдующій періодъ былъ ею довольно бѣденъ. Кромѣ нѣсколькихъ переводовъ (напримѣръ, «Происхожденіе семьи, частной собственности и государства» Энгельса) слѣдуетъ отмѣтить статью Ушакова (Бельтова) въ «Русской Мысли» *) и книжку Волгина противъ г. В. В. **).

Но это не значило, что исчерпались или исчезли силы марксизма. Отъ общей, первоначальной схватки предстояло перейти къ детальной очисткѣ умовъ отъ вѣрованій, взглядовъ и предразсудковъ народничества. Для этого нуженъ былъ органъ, что по тогдашнимъ временамъ представляло большую трудность. Только весной 1897 года марксистамъ удалось получить въ свои руки журналъ «Новое Слово», служившій до тѣхъ поръ народническому направленію ***). Здѣсь сосредоточились всѣ силы марксистовъ обоихъ поколѣній—и группы «Освобожденіе Труда», и девяностниковъ. Будущіе ревизионисты, а впоследствии идеалисты, какъ г. Струве или г. Булгаковъ выступали здѣсь подъ бдительнымъ контролемъ ортодоксовъ и «не портили ансамбля». Журналъ просуществовалъ только до конца года. Декабрьская книжка его была конфискована, а журналъ закрытъ. Новую попытку создать свой органъ удалось только черезъ годъ. Съ января 1899 г. приступили къ изданію журнала «Начало», просуществовав-

*) «Нѣсколько словъ въ защиту экономического матеріализма» (открытое письмо къ В. А. Гольцеву). Перепечатано въ „За 20 лѣтъ“ Спб. 1906. Изд. 2-ое, стр. 403.

**) А. Волгинъ „Обоснованіе народничества въ трудахъ г. Вороцова (В.В.)“, Спб. 1896.

***) „Новое Слово“ въ марксистской редакціи выходило съ апрѣля по декабрь 1897 г. Главнѣйшія статьи перепечатаны: Бельтова въ „За 20 лѣтъ“; Вл. Ильина въ „Экономическіе этюды и статьи“, Спб. 1899; В. Засуличъ въ „Собр. Сочиненій“, Спб. 1906; П. Струве въ „На разные темы“, Спб. 1901; К. Булгакова въ „Отъ марксизма къ идеализму“ Спб.; А. Потресова въ „Этюдахъ о русс. интеллигенціи“, Спб. 1906.

шаго лишь пять мѣсяцевъ *). Къ этому времени начали все явнѣе сказываться ревизионистскія тенденціи, нашедшія себѣ мѣсто и на страницахъ «Начала», отъ котораго были фактически отстранены въ силу различныхъ обстоятельствъ наиболѣе активные марксисты ортодоксальнаго крыла **). Наступилъ кризисъ русскаго марксизма, затянувшійся на нѣсколько лѣтъ и окончившійся полнымъ разложеніемъ такъ называемаго «легальнаго» марксизма.

IV

Вторая половина 90-хъ годовъ въ общественномъ развитіи Россіи характеризуется пробужденіемъ широкихъ слоевъ рабочаго класса. Рабочее движеніе, ограничивавшееся въ предыдущій періодъ почти только пропагандистскими кружками, вышло на улицу. Оно заявило себя первой массовой стачкой петербургскихъ ткачей лѣтомъ 1896 г. Это вторженіе въ общественную жизнь новаго фактора, который до тѣхъ поръ либо совсѣмъ не учитывали, либо учитывали, какъ нѣкоторую алгебраическую, а потому абстрактную величину, имѣло два крупныхъ послѣдствія. Съ одной стороны, оно обезкровило окончательно народническую идеологію, разбитую теоретически марксистами. Теперь борьба противъ народничества, субъективизма и пр. съ каждымъ днемъ теряли значеніе; «критическая» работа уступала мѣсто «органической» — созиданію соціально-демократическаго міровоззрѣнія и организациі. Съ другой стороны, это же событіе оказало сильное вліяніе на молодое поколѣніе марксистовъ, сразу ставшихъ лицомъ къ лицу съ широкой массой и въ то же время недостаточно подготовленныхъ и устойчивыхъ теоретически, чтобы оплодотворить эту массу ея общими, классовыми лозунгами, а не просто отражать ея конкретныя злободневныя требованія.

Два отмѣченныхъ факта — ослабленіе борьбы противъ народничества и соприкосновеніе молодого поколѣнія марксистовъ съ сѣрой массой — имѣли крайне знаменательныя послѣдствія, наложившія свой отпечатокъ на весь этотъ періодъ развитія марксизма.

Упорное сопротивленіе народничества было той внѣшней средой, давленіе которой силачивало легальныхъ марксистовъ въ единое и, вазалось, единообразное цѣлое. Борьба противъ народничества не позволяла пока проявиться антимарксистскимъ тенденціямъ этихъ

*) Двойная книжка за январь—февраль, затѣмъ мартовская и майская книжки. Апрельская была конфискована. Статьи нѣкоторыхъ авторовъ вошли въ указанныя выше сочиненія (см. предыд. примѣчаніе).

***) Проваль петерб. „Союза борьбы“ забросилъ главное ядро соціально-демократическихъ литераторовъ въ ссылку.

легальных марксистовъ. «Наряду съ заграничными и русскими социаль-демократами—пишетъ Вл. Ильинъ—эту борьбу вели такіе люди, какъ гг. Струве, Булгаковъ, Туганъ-Барановскій, Бердяевъ и т. п. Это были буржуазные демократы, для которыхъ разрывъ съ народничествомъ означалъ переходъ отъ мѣщанскаго (или крестьянскаго) социализма не къ пролетарскому социализму, какъ для насъ, а къ буржуазному либерализму» *). И вотъ, когда сила народническаго міровоззрѣнія была сломана, вмѣстѣ съ этимъ внѣшнимъ давленіемъ исчезла и созданная имъ внутренняя спайка легальнаго марксизма. Правда, переходъ отъ марксизма къ либерализму совершился не сразу, для этого понадобились годы. Вѣдь буржуазно-либеральное содержаніе этого сорта марксизма не было извѣстно самимъ носителямъ его. Они находили свою истинную сущность лишь путемъ своеобразнаго развитія. А это развитіе шло послѣдовательно отъ ортодоксальнаго (болѣе или менѣе) марксизма къ бернштейнѣанскому ревизионизму, отъ ревизионизма къ идеализму и метафизикѣ, отъ идеализма къ либерализму. Это послѣднее превращеніе было лишь возвратомъ къ откровенно классовой позиціи изъ сферъ абстракціи, въ которой были продѣланы всѣ эволюціи отъ пролетариата къ буржуазіи.

Мы уже указывали, что зачатки ревизионизма (главнымъ образомъ въ философской области) были еще въ первой книжкѣ г. П. Струве и были своевременно отмѣчены Н. Ленинымъ. Однако внѣшнія условія (разгаръ борьбы съ народниками) и вліяніе кружка послѣдовательныхъ марксистовъ оказывали слишкомъ сильное противодѣйствіе внутреннимъ тенденціямъ этого писателя, и послѣдующія работы его (въ «Матеріалахъ къ характеристикѣ етс.» и въ «Новомъ Словѣ»); не давали повода къ борьбѣ внутри теченія **). Но съ закрытіемъ «Новаго Слова» положеніе дѣлъ нѣсколько измѣнилось. Къ этому времени стала все сильнѣе сказываться подробность высказаться на-чистоту и размежеваться. Хорошимъ внѣшнимъ поводомъ явилась книга Э. Бернштейна, вышедшая какъ разъ тогда отдѣльнымъ изданіемъ. Книжка Бернштейна сыграла громадную роль въ жизни русскаго ревизионизма. Всѣ боевые вопросы русскихъ «критиковъ»: ученіе о цѣнности, о тенденціи развитія капитализма, объ обостреніи классовой борьбы, противопоставленіе Марксу Канта и въ «гносеологіи», и въ «этикѣ»—все это было уже затронуто Бернштейномъ. Несамостоятельность русскихъ «критиковъ» въ ихъ ме-

*) «За 12 лѣтъ», предисловіе, стр. III.

**) Свидѣтельствомъ этого служить также текстъ „Манифеста“ перваго социаль-демократическаго съѣзда въ началѣ 1898 г., написанный г. Струве и служившій впоследствии опорой ортодоксамъ въ борьбѣ съ экономистами.

тогдахъ борьбы съ ортодоксіей явилась отраженіемъ того факта, что по существу они были не мелкобуржуазными ревизионистами (на подобіе самого Бернштейна), а идеологами буржуазнаго либерализма, не обрѣвшими еще самихъ себя. Свою истинную физиономію смогли они показать и себѣ, и другимъ только наканунѣ и послѣ 17-го октября, когда окончательно развѣялся демократическій туманъ, обволакивавшій и социалистовъ, и либераловъ одной сѣрой цѣленой.

Первымъ вопросомъ, на которомъ началось треніе между обоими теченіями марксизма, былъ вопросъ о рынкахъ, завѣщанный еще народниками и живо занимавшій умы въ 1898—99 годахъ. О рынкахъ писалъ еще г. П. Струве въ своихъ «Критическихъ замѣткахъ», этого же вопроса касался и К. Тулинъ. Въ 1894 г. появилась книжка г. Туганъ-Барановскаго, основывавшая ученіе о кризисахъ на теоріи рынковъ *).

Той же темѣ посвящена и книжка г. С. Булгакова о рынкахъ **). Журналы 1898—99 годовъ ведутъ оживленную полемику по этому вопросу. Наконецъ, въ 1899 г. появляется книга Вл. Ильина о развитіи капитализма, носящая подзаголовокъ: «Процессъ образованія внутренняго рынка для крупной промышленности» ***).

Центральнымъ мѣстомъ начавшаго опредѣляться ревизионизма явился журналъ «Жизнь», первый № котораго появился въ январѣ 1899 г. ****). Правда, первые мѣсяцы на страницахъ «Жизни» шла оживленная полемика (о рынкахъ), не позволявшая еще опредѣлить дальнѣйшей физиономіи журнала, однако къ концу года становилось все яснѣе, что онъ превращается въ органъ ревизионизма. Въ февральскомъ № 1900 г. г. Струве уже открыто выступилъ съ критикой теоріи цѣнности Маркса *****). Эта статья знаменуетъ рѣшительный поворотъ въ ревизионизму. За ней слѣдовалъ цѣлый рядъ аналогичныхъ статей. Одновременно съ этимъ начался замѣтный поворотъ въ

*) «Промышленные кризисы, очеркъ изъ соціальной исторіи Англии», Спб., 1894.

***) С. Булгаковъ. «О рынкахъ». Спб., 1897.

****) Вл. Ильинъ. «Развитіе капитализма въ Россіи». Спб., 1899; II изд. 1903 г.

*****) Кромѣ «Жизни» въ распоряженіи марксистовъ (обоихъ толковъ) было тогда «Научное Обзорніе», а въ распоряженіи г. Туганъ-Барановскаго «Міръ Божій», допустившій впоследствии на свои страницы и другихъ ревизионистовъ.

*****) См. критику этой статьи Карелинымъ въ «Научн. Об.», окт. и ноябрь 1900 г. Въ мѣстѣ съ темъ г. Струве выступилъ съ цѣпкой статьёй въ Архивѣ Брауна, т. XIV вып. 5—6. Критику этой статьи, а также статьи изъ «Жизни» см. у Бельтова «Критика нашихъ критиковъ» (первоначально въ «Зарѣ»).

сторону Кантовой теории познания. Одним из первых выступил с этим вопросом г. В. Кистяковский на страницах «Жизни». Первоначально ревизионисты ухватились только за «Критику чистого разума», отмежевываясь от практического (этического) учения Канта. Однако эта неполнота скоро начала сказываться, и постепенно детерминистическое учение марксизма было вытеснено у «критиков» кантовским учением о долге *). В смысле окончательного поворота от материализма к идеализму знаменательной явилась небольшая статья все того же г. Струве «Фердинанд Лассаль» и одновременно с ней появившееся предисловие к книжке г. Н. Бердяева о субъективизме и идеализме **). Здесь окончательно порывалась связь с прошлым и указывалось на метафизику, как на единственно верный путь познания высших истин. Этим откровенным переходом на идеалистическую точку зрения г. Струве окончательно порвал с марксизмом ***). За г. Струве быстро последовали остальные столпы ревизионизма: его соратник Тугань-Барановский, передвлавший примыкательно к «критик» свою книгу о кризисах (см. издание 1900 г.), г. Булгаков, совершивший ревизию марксизма в аграрном вопросе ****), г. Бердяев, г. Франк и пр. Къ 1903 г. они уже все раздвлялись с марксизмом и заявили свой новый символ веры в толстой книге о «Проблемах идеализма». Марксизм освободился от них окончательно.

Другой характер носило развитие ревизионизма в общественном подполье—среди социалдемократов-практиков. Мы уже отметили, что в период 1896—97 гг. молодому поколению социал-демократов пришлось впервые встретиться с широкой массой пролетариата. Период пропаганды в замкнутых кругах, доступных лишь сливкам рабочего класса, сменился взрывом накопившегося недовольства в широких слоях рабочих—«средняков». Это движение,

*) Здесь уместно напомнить и о книжке П. Нежданова: «Нравственность». М. 1898. В то время она прошла незамеченной и скоро была забыта. Ея идеи возродились в 1900 и след. годах.

***) Статья о Лассаль в «Мире Божьем», ноябрь 1900 г. Возражение на нее Ю. Адамовича: «Жизнь», янв., 1901 г. Книжка Бердяева: «Субъективизм и идеализм в обществ. философии» (критический этюд о Н. К. Михайловском). Спб. 1900. Критика ея у Ф. Берсенева: «Русская Мысль», июль, 1901 г.

***)) Практическая связь г. Струве с марксистами была порвана приблизительно в то же время после неудачной попытки издавать совместно с ортодоксальными марксистами орган за границей. Вскорь после этого г. Струве пошел «на выучку (и на службу) к капитализму» основав в Штутгарте либеральный журнал «Освобождение» (1902 г.).

****) С. Булгаков «Капитализм и земледелие». Спб. 1900 г.

въ значительной мѣрѣ вызванное дѣятельностью социаль-демократическихъ организаций («союза борьбы за освобождение рабочаго класса»—въ Петербургѣ, «рабочаго союза»—въ Москвѣ), носило все же, какъ и слѣдовало ожидать, чисто стихійный характеръ. Содержаніе этого движенія было чисто экономическое, ибо впервые пробудившаяся масса несознательныхъ рабочихъ не могла еще выдвинуть политическихъ требованій *). И передъ этимъ новымъ движеніемъ, впервые представшимъ въ натуральную величину передъ партійной интеллигенціей, эта послѣдняя спасовала. Изъ выразителя и носителя общихъ, классовыхъ лозунговъ она стала регистраторомъ саморазвивающейся мысли пролетаріата. Ярче всего эта безпомощная роль идеологовъ сказалась на петербургской газетѣ «Рабочая Мысль». Поставивъ своей задачей освѣдомленіе о требованіяхъ, зарождающихся въ рабочей средѣ и о злоупотребленіяхъ на фабрикахъ, эта газета скоро превратилась въ какой-то листокъ фабричныхъ происшествій, крайне мелкихъ и ничтожныхъ. Въ довершеніе всего она попыталась возвести этотъ недостатокъ въ принципъ, поставивъ во главу угла движенія борьбу изъ-за кипятка и устранивъ политическія требованія социаль-демократіи изъ поля зрѣнія рабочихъ. Своего апогея достигло это теченіе въ приложеніи къ № 7 «Рабочей Мысли», гдѣ дана была своеобразная теорія «экономизма», причемъ въ лжесвидѣтели призывался даже Н. Г. Чернышевскій **).

Это антиполитическое движеніе было использовано мелкобуржуазно-демократическими элементами, въ то время въ большомъ количествѣ примыкавшими къ марксизму. Въ концѣ 1898 или началѣ 1899 г. появилось въ рукописи краткое изложеніе взглядовъ крайняго экономизма, извѣстное подъ названіемъ «Credo». Формулу «Рабочей Мысли», что рабочіе должны (по тому времени) вести только экономическую борьбу, «Credo»—по своему логично—дополняло формулой, что политическую борьбу слѣдуетъ предоставить либераламъ. Въ настоящее время извѣстно, что авторомъ «Credo» была г-жа Е. Кускова, сотрудница «Товарища». «Разговоры о самостоятельной рабочей политической партіи—говорилось въ этомъ документѣ—суть не что иное, какъ продуктъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ результатовъ на нашу почву». «Credo»—пишетъ его авторъ ***)—

*) Собственно говоря, июльская стачка въ Петербургѣ явилась крупнымъ политическимъ фактомъ, но субъективно, для рабочихъ, она преслѣдовала экономическія цѣли.

**) Справедливость требуетъ признать, что этотъ № возмутилъ даже многихъ экономистовъ и вызвалъ ту реакцію противъ умѣренности, которую встрѣчаемъ мы въ „Рабочемъ Дѣлѣ“.

***) „Былое“, окт. 1906 г., стр. 325, примѣчаніе. Г-жа Кускова пытается

самымъ рѣшительнымъ образомъ приглашало не тратить силъ на игру въ «самостоятельную рабочую партію», образованіе которой невозможно въ русскихъ политическихъ условіяхъ, и отдаться борьбѣ за политическую свободу, не разъединяя рабочій классъ въ этой борьбѣ отъ другихъ борющихся слоевъ народа» *).

Въ нѣсколько смягченномъ видѣ теорія «экономизма» развивалась журналомъ «Рабочее Дѣло», выходившимъ въ Женевѣ въ 1899—1902 г. Руководящей идеей этого изданія было, что рабочіе должны сами, путемъ опыта, прийти къ сознанию необходимости политической борьбы; что экономическая борьба, въ условіяхъ русской дѣйствительности, сама приведетъ къ борьбѣ политической; что «политика всегда слѣдуетъ за экономикой». Это ученіе, извѣстное подъ названіемъ «теоріи стадій», представляло ничто иное, какъ завершеное выраженіе того преклоненія передъ стихійнымъ, самостоятельнымъ, свободнымъ отъ вмѣшательства «революціонной бациллы» развитіемъ рабочаго класса, которое явилось плодомъ неспособности интеллигенціи объять теоретической мыслью конкретное движеніе пролетаріата и вдохнуть въ него классовое самосознаніе. Ростъ рабочаго движенія самъ же способствовалъ и гибели этого течения. Съ 1901 г. началось активное вмѣшательство передовыхъ слоевъ рабочаго класса въ политическія событія (напр., въ студенческія волненія). Ученіе «экономизма» потеряло почву, и критикѣ «Искры» не трудно было его добить. Въ послѣднее время—послѣ новаго, небывалаго еще, движенія широкихъ массъ въ 1905—6 гг.—преклоненіе передъ стихійностью и самодѣятельностью рабочихъ снова возродилось на правомъ крылѣ социаль-демократіи (профессіонализмъ, рабочесъѣздовство), но оно уже не рѣшалось игнорировать политики. Впрочемъ, это теченіе

ослабить значеніе „Credo“ ссылкой на то, что это ея единоличное твореніе—„бумаженка съ наскоро набросанными для спора положеніями“. Но, къ несчастью, значеніе свое „Credo“ приобрѣло не отъ г-жи Кусковой, а отъ тѣхъ „экономистовъ“, которые сочувствовали ему.

*) „Credo“, а также статья г. Н. Н. „Отвѣтъ на брошюру Аксельрода: „Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ социаль-демократовъ“ и письмо г. М. М. (Е. Кускова) къ членамъ группы „Освобожденіе Труда“ были изданы Г. Плехановымъ отдѣльной брошюрой, подъ заглавіемъ: „Vademecum“ для редакціи „Рабочаго Дѣла“ Женева, 1900 (?). Рабочедѣльцы открещивались отъ „Credo“—этого enfant terrible экономизма,—оказавшаго имъ поистинѣ медвѣжью услугу.

Кстати замѣтить, что это теченіе сказалося также и въ легальной литературѣ; см., напр., книжку г. С. Прокоповича „Рабочее движеніе въ Зап. Европѣ“. Спб. 1899 г., особенно предисловіе, гдѣ авторъ не повѣдуется въ томъ, какъ „растерялъ добрую половину посылокъ“ марксизма.

не могло развиваться, такъ какъ его корни были подрѣзаны правительственными репрессіями противъ профессиональныхъ союзовъ и упадкомъ настроенія массъ.

Ревизионизмъ и экономизмъ имѣли много общихъ корней—и матеріальныхъ, и идейныхъ. Но у нихъ были и существенныя различія социальнаго свойства. Ревизионизмъ, въ своемъ преобладающемъ теченіи, явился стадіей развитія буржуазной интеллигенціи, выступившей первоначально подъ флагомъ марксизма и поспѣшившей потомъ отступить на свою «естественную» классовую позицію. Экономизмъ же былъ продуктомъ извращеннаго пониманія марксизма со стороны части интеллигенціи, мелко-буржуазная психологія которой мѣшала ей правильно усвоить и проводить въ жизнь теорію классовой борьбы пролетаріата. По мѣрѣ роста рабочаго движенія ревизионисты бѣжали въ идеализмъ, метафизику, конституціонно-демократическую партію. Экономисты же приспособлялись къ требованіямъ пролетаріата, хотя и дѣлали это съ оттяжками, упираясь, постоянно возвращаясь къ прежнимъ ошибкамъ. Первые сыграли эпизодическую роль въ исторіи марксизма, вторые—тѣсно связаны съ его судьбами, хотя, большей частью, въ качествѣ отрицательной величины.

У

Къ концу 90-хъ годовъ революціонный марксизмъ былъ выбитъ изъ всѣхъ легальныхъ позицій. Чисто марксистскіе журналы были закрыты и исчезла всякая надежда на возможность возобновенія ихъ; тѣ же полу-марксистскія періодическія изданія, которыя пока существовали, вполне опредѣленно тяготѣли къ ревизионизму. Этотъ же ревизионизмъ владѣлъ умами значительной части марксистской интеллигенціи, выступая въ литературѣ подъ фирмой бернштейнства въ партійной практикѣ—подъ фирмой экономизма. Къ этимъ общимъ явленіямъ слѣдуетъ прибавить, что лучшія теоретическія и литературныя силы революціоннаго марксизма были парализованы, частью въ силу пребыванія въ ссылкѣ, частью въ силу отсутствія органа.

А между тѣмъ все настоятельнѣе и настоятельнѣе чувствовалась потребность начать открытую борьбу противъ оппортунистическаго теченія и въ теоріи и практикѣ. Первый съѣздъ социаль-демократической партіи, состоявшійся въ 1898 г., показалъ всю важность организационнаго и идейнаго единенія молодой партіи. Необходимо было защищать складывавшуюся организацию отъ опошляющихъ ученій всевозможныхъ «Средо», укрѣпившихся въ нѣкоторыхъ организаціяхъ и располагавшихъ такими органами, какъ «Рабочая Мысль» въ Петербургѣ, а впоследствии «Рабочее Дѣло» за границей.

Первымъ выраженіемъ этой назрѣвшей потребности защиты ортодоксін явилось возобновленіе изданій группы «Освобожденіе Труда». Въ особомъ «объявленіи» *), написанномъ П. Б. Аксельродомъ и вышедшемъ на переломѣ 1899—1900 года, задачей этого возобновленія ставилась «рѣшительная война противъ циркулирующихъ у насъ подъ нашимъ собственнымъ флагомъ идей и понятій, принципиально враждебныхъ социаль-демократіи». Пока эти идеи являлись плодомъ «упрощеннаго пониманія марксизма», онѣ не представляли для движенія серьезной опасности. «Но представители узкаго и грубаго экономизма въ нашемъ движеніи—говорится далѣе въ объявленіи—ищутъ себѣ теоретической поддержки на Западѣ въ возрѣвнѣхъ тѣхъ «критиковъ» марксизма, знаменосцемъ и глашатаемъ которыхъ выступилъ Бернштейнъ, и которые, подъ видомъ «пересмотра научныхъ основъ социализма, программы и тактики рабочаго движенія», стремятся разрушить эти основы и превратить социаль-демократію изъ революціонной классової организациі пролетаріата въ партію полубуржуазную, либерально-демократическую, съ блѣдно-розовымъ социалистическимъ оттѣнкомъ» **).

Тѣмъ временемъ вернулись изъ ссылки нѣкоторые вліятельные социаль-демократы, образовавшіе группу «Искра» и приступившіе, совместно съ группой «Освобожденіе Труда», къ изданію газеты «Искра», первый № которой вышелъ въ декабрѣ 1900 г. Началась политическая кампанія противъ экономизма. И еще ощутительнѣе стала необходимость вести параллельно теоретическую кампанію противъ ревизионизма. Нѣсколько разрозненныхъ статей ортодоксальныхъ марксистовъ въ легальной печати, вынужденныхъ для борьбы съ ревизионизмомъ искать убѣжища на страницахъ ревизионистской «Жизни» или совсѣмъ чуждыхъ марксизму органовъ, какъ «Русская Мысль», еще яснѣе показали невозможность удержаться на легальной позиціи и необходимость открыть свой свободный органъ. Первый № его появился въ апрѣлѣ 1901 г.; это была «Заря» ***). Главной своей задачей она ставила борьбу противъ теоретическихъ шатаній и разработку партійной программы, которая явилась бы путеводною звѣздой практической дѣятельности.

«Въ программномъ, тактическомъ и организаціонномъ отношеніяхъ—

*) Перепечатано въ брошюрѣ: «Борьба социалистическихъ и буржуазныхъ тенденцій въ русскомъ револ. движеніи». Спб. 1907.

**) Тамъ же, стр. 118.

***) Всего вышло 4 номера за два года, изъ нихъ 2-й и 3-й вмѣстѣ, одной книжкой. Многія изъ статей, появившихся въ „Зарѣ“, напримѣръ, Плеханова, Засуличъ, Ленина, перепечатаны легально въ упомянутыхъ уже собраніяхъ сочиненій авторовъ.

говорилось въ проектѣ объявленія о выходѣ «Зари» *)—русская социаль-демократія находится въ полнѣйшемъ несоотвѣтствіи съ той исторической миссіей, которая лежитъ на ней и отъ выполненія которой зависитъ ея право на существованіе и жизнеспособность въ тискахъ абсолютистскаго режима. Этимъ опредѣляется центральная задача русской социаль демократической прессы въ настоящее время, поскольку послѣдняя считаетъ своей обязанностью не только служить болѣе или менѣе пассивнымъ отраженіемъ status quo движенія, но и активно содѣйствовать освобожденію отъ всякихъ внутреннихъ тормазовъ, мѣшающихъ его развитію и переходу въ высшій кризисъ»

А тормазовъ этихъ накопилось много. Не были еще сведены литературные счета съ г. Струве, успѣвшимъ за это время эволюционировать черезъ ревизионизмъ въ метафизику. Не была еще почти совершенно затронута позиція моднаго тогда Бернштейна, успѣваго завоевать симпатіи въ довольно широкихъ кругахъ. Наконецъ, на очереди стоялъ аграрный ревизионизмъ, усердно пропагандировавшійся гг. Булгаковыми и Черновыми при посредствѣ Герца, Давида и ихъ собственныхъ «изслѣдованій». Кампанія была начата рядомъ статей Г. Плеханова подъ общимъ заголовкомъ «Критика нашихъ критиковъ» *), направленныхъ главнымъ образомъ, противъ Э. Бернштейна и г. Струве. Поворотъ послѣдняго къ либерализму былъ отмѣченъ статьей Н. Ленина: «Гонители земства и Аннибалы либерализма» *), написанной по поводу записки Витте «Самодержавіе и земство» и, особенно, предисловія къ ней г. Р. Н. С. (П. Струве). Противъ гг. Булгакова и Чернова была направлена статья Ленина «Аграрный вопросъ и «критики» Маркса» *).

Но этой чисто теоретической критикой не исчерпывались задачи революціонныхъ марксистовъ. Наряду съ борьбой противъ тенденцій, подкапывавшихся подъ социаль-демократическое ученіе извнѣ, приходилось вести не менѣе энергичную борьбу противъ ревизионистскихъ тенденцій внутри самой партіи. Эти послѣднія, выступившія первоначально на страницахъ петербургской «Рабочей Мысли» и нашедшія особо рѣзкую формулировку въ упомянутомъ выше «Credo», проводились заграницей (хотя и не съ такой послѣдовательностью) въ

*) Въ свое время напечатано не было. Впервые появилось въ „Борьбѣ соц. и бурж. тенденцій etc.“, стр. 122.

**) Перепечатано въ книжкѣ: Бельтова „Критика нашихъ критиковъ“, Спб. 1906.

***) Перепечатана въ „За 12 лѣтъ“, стр. 153.

****) Перепечатана у Вл. Ильина „Аграрный вопросъ“, вып. 1-й, Спб. 1907, гл. I—X.

«Рабочемъ Дѣлѣ». «Представитель такъ называемаго экономическаго направленія—говорилось въ «объявленіи объ изданіи журнала Зари»—возвели даже въ систему, чуть не въ доктрину, игнорированіе общихъ политическихъ интересовъ вплоть до того времени, когда наиболѣе отсталяя рабочія массы стихійной борьбой съ предпринимателями не будутъ приведены въ сознанію этихъ интересовъ» *). «Рабочее Дѣло» приобрѣло особое, «историческое», если хотите, значеніе тѣмъ, что всего полнѣе, всего рельефнѣе выразило не послѣдовательный экономизмъ, а тотъ разбродъ и шатанія, которыя составили отличительную черту дѣлаго періода въ исторіи русской социаль-демократіи;—поэтому приобрѣтаетъ значеніе и чрезмѣрно подробная, на первый взглядъ, полемика съ «Раб. Дѣломъ», ибо мы не можемъ итти впередъ, если мы окончательно не ликвидируемъ этого періода» **).

Противъ экономизма велась усиленная борьба на страницахъ «Искры», съ перваго же ея номера. Но наряду съ этимъ весной 1902 г. была издана книжка Н. Ленина «Что дѣлать», подвергшая доктрину экономизма детальной и рѣзкой критикѣ и установившая ея преемственное родство съ такъ называемымъ легальнымъ (оппортунистическимъ) марксизмомъ ***). Эта теоретическая, тактическая и организационная борьба велась все время вокругъ главной позиціи—проекта программы партіи, которая должна была замѣнить устарѣвшую программу группы «Освобожденіе Труда» и «Манифестъ» перваго съѣзда. Этотъ проектъ программы былъ напечатанъ въ № 21 «Искры» и въ № 4 «Зари», гдѣ онъ сопровождался комментариемъ Г. Плеханова къ общей части и специальнымъ комментариемъ Н. Ленина къ аграрной программѣ. Появленіе этого документа,—какъ это ни странно,—не вызвало сколько-нибудь серьезнаго обмѣна мнѣній въ печати ****). Poleмика между искровцами и экономистами по

*) См. П. Б. Аксельродъ „Борьба соц. и бурж. тенденцій etc.“, стр. 123. Ср. тамъ же характеристику экономизма въ „Письмѣ въ редакцію Раб. Дѣла“, стр. 97 и сл.

**) Н. Ленинъ „Что дѣлать“, предисловіе. Перепечатано въ „За 12 лѣтъ“, стр. 185.

***) Первоначально вышла въ Штутгартѣ въ 1902 г. Перепечатана въ „За 12 лѣтъ“. Впослѣдствіе, послѣ раскола на II-мъ съѣздѣ, „Что дѣлать“ подвергалось весьма рѣзкой критикѣ со стороны искровцевъ-меньшевиковъ. Но въ періодъ появленія въ свѣтъ это была настольная книга всякаго искровца.

****) Противъ проекта программы „Искры-Зари“ были написаны книжка Н. Рязанова, изданная первоначально за границей и перепечатанная въ 1906 г. въ Россіи, и брошюра Невзорова „Наша программа“ (Проектъ программы группы „Борьба“ и комментарий къ ней). Женева, 1902. См. также письмо X. объ аграрной программѣ.

программнымъ вопросамъ возникла только на II-мъ сѣздѣ (августъ 1903 г.), когда обсуждался и былъ окончательно принятъ (съ нѣкоторыми измѣненіями) проектъ «Искры-Зари» *). Этимъ утвержденіемъ программы партіи была пока завершена долготѣнная борьба изъ за идейнаго содержанія марксизма. Ортодоксальное теченіе восторжествовало, а съ нимъ и послѣдовательная точка зрѣнія классово-борьбы, очищеніе которой отъ не-пролетарскихъ идеологій и составляло содержаніе всей исторіи марксизма предшествовавшихъ періодовъ.

Наряду съ указанными двумя теченіями, существовали въ то время за границей болѣе мелкія группировки, не оказавшія сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на ходъ и исходъ борьбы за ортодоксію. Ближе всего стоявшая къ «Искрѣ-Зарѣ» группа «Борьба» не имѣла своего постояннаго органа и прекратила свою дѣятельность послѣ изданія «Календаря» 1902 г. и нѣсколькихъ брошюръ. Столь же слабой и мало вліятельной оказалась другая организація—«соціально-революціонная группа Свобода». Правда, у нея оказался маленькій журнальчикъ, но и тотъ былъ недолговѣченъ; а ея идеи—смѣшеніе экономизма съ терроризмомъ — не встрѣтили сколько-нибудь замѣтнаго сочувствія **).

Независимо отъ этихъ группъ и внѣ всякаго соприкосновенія съ ними (даже полемическаго) возникла группа «Жизнь», перенесшая за границу изданіе закрытаго въ Россіи журнала «Жизнь». И характеръ возникновенія этого изданія (игнорируя существующія уже организаціи и органы) и бернштейнскія традиціи легальной «Жизни» — все это мало располагало довѣріе соціально-демократическаго читателя. Послѣ шести книжекъ изданіе прекратилось; сохранилось только издательство книжекъ и брошюръ, частью оригинальныхъ, частью переводныхъ, которое просуществовало до 1905 г. ***).

*) См. рѣчи Мартынова и Акимова о программѣ въ „Протоколахъ III-го сѣзда“, Женева, 1904.

**) „Свободы“ вышло всего одинъ или два номера. См. полемику съ ней у Н. Ленина въ „Что дѣлать“. Редакторъ „Свободы“ и душа всей группы, Л. Надеждинъ, съ 1902 г. пересталъ выступать въ партійной печати. Онъ умеръ въ началѣ 1906 г.

***) Редакторомъ заграничной „Жизни“ былъ В. А. Поссе, издателемъ Г. А. Куклинъ. Послѣ прекращенія „Жизни“, г. Поссе, никогда не бывшій ортодоксальнымъ марксистомъ, началъ все сильнѣе склоняться къ анархизму, создавая какое-то своеобразное анархо-соціалистическое ученіе (см. его „Какова должна быть программа русскихъ пролетаріевъ“, Женева 1904). Куклинъ много работалъ надъ собираніемъ матеріаловъ по исторіи революціоннаго движенія въ Россіи, которые онъ надалъ частью въ видѣ брошюръ, частью въ сводныхъ работахъ (см. его „Матеріалы къ изученію

Въ то время какъ главная борьба за чистоту марксистскаго міровоззрѣнія сосредоточилась за границей, — въ Россіи, въ легальной прессѣ, она не прекращалась, хотя сократились ея размѣры и измѣнился характеръ. Мы уже видѣли, что въ началу столѣтія столпы ревизионизма поворачиваютъ въ «идеализму». Они объединяются со старыми идеалистами, никогда не соприкасавшимися съ марксизмомъ, Трубецкими, Новгородцевыми и пр., издають коллективный трудъ «Проблемы идеализма» (Спб., 1903 г.) и завладѣваютъ остатками журнальной прессы. На борьбу съ этимъ новымъ направлениемъ, все еще дѣлающимъ видъ, что оно «исправляетъ» Маркса, выступило молодое теченіе «философскихъ реалистовъ», отвѣтившихъ тоже коллективнымъ трудомъ «Очерки реалистическаго міровоззрѣнія» (Спб., 1904 г.). Главной твердыней этой новой группы марксистовъ стала московскій журналъ «Правда» (началъ выходить съ янв. 1904 г. — закрытъ въ февр. 1906 г.).

Послѣ 1903 г. русскимъ марксистамъ пришлось пережить не мало моментовъ внутренней борьбы. II-й съѣздъ положилъ начало новому расколу, которому суждено было оформиться только послѣ двухъ лѣтъ борьбы и развитія. Въ настоящее время прочно и рѣзко обрисовалось дѣленіе партіи на два крыла: большевистское и меньшевистское, опирающіяся на различное теоретическое обоснованіе тактики. Условія момента и запросы борьбы рабочихъ массъ не позволили разногласіямъ выйти изъ рамокъ тактики. Программы они не коснулись *). Мы можемъ считать первый періодъ идейнаго самоопредѣленія марксизма законченнымъ. Дальнѣйшія расхожденія теоретическаго и программнаго свойства, которыхъ едва ли избѣжить російская социаль-демократія, должны будутъ исходить уже изъ этой, завоеванной, позиціи.

Исторія марксизма въ Россіи является блестящей иллюстраціей его теоріи. Она показываетъ, какой неразрывной связью соединена идеологія даннаго класса съ его бытіемъ, съ его повседневной борьбой. Законченное пролетарское міровоззрѣніе, разработанное на „За-

исторіи революціоннаго движенія въ Россіи“, Женева. 1905 г. и „Итоги революціоннаго движенія въ Россіи за 40 лѣтъ“, Женева. 1903 г.). Въ 1905 г. Куклинъ примкнулъ къ Р. С.-Д. Р. П. Онъ умеръ 30 апрѣля 1907 г. (См. некрологъ въ „Вѣстникъ Жизни“, № 7, сентябрь 1907 г.).

*) Разногласіе по поводу аграрной программы на Стокгольмскомъ съѣздѣ по существу было, какъ мы указывали вскользь, тактическимъ разногласіемъ. Даже аргументація сторонниковъ муниципализаціи не исходила изъ теоретическихъ положеній, а учитывала исключительно практическіе моменты. (См. «Протоколы объединеннаго съѣзда» Спб. 1906 г.).

надѣ въ живой связи съ классовою борьбой рабочихъ, остается пусто-
цвѣтомъ на русской почвѣ, пока не назрѣваетъ движеніе массъ,
оживляющее эту — до тѣхъ поръ мертвую догму. Лишь по мѣрѣ
развитія рабочаго движенія формальный русскій марксизмъ напол-
няется реальнымъ содержаніемъ. Мало того, тѣ чуждые пролетаріату
элементы, которые на ранней стадіи хватаются за марксизмъ въ
цѣляхъ, постороннихъ классовой борьбѣ рабочихъ, вынуждены отка-
заться отъ этого міровоззрѣнія, какъ только пробуждающійся проле-
таріатъ начинаетъ видѣть въ немъ свое классовое міровоззрѣніе.
Только съ развитіемъ рабочаго движенія русскій марксизмъ пересталъ
быть тѣмъ своеобразнымъ, ублюдочнымъ явленіемъ, какимъ мы уви-
дѣли его въ 70-хъ, 80-хъ и даже 90-хъ годахъ въ Россіи, и сталъ
марксизмомъ въ общеевропейскомъ смыслѣ, т. е. ученіемъ социаль-
демократіи.

П. Орловскій.

Марксъ о Россіи.

Въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда К. Марксъ уже пользовался широкой извѣстностью какъ ученый, блестящій публицистъ и политическій дѣятель, Россія не входила и не могла войти въ кругъ тѣхъ странъ, изученіе которыхъ въ социальномъ политическомъ отношеніи привело идейнаго руководителя союза коммунистовъ къ построению историко-философской концепціи, нашедшей свое первое гениальное выраженіе въ Манифестѣ коммунистической партіи.

Рѣзкая грань раздѣляла тогда Европу и Россію, міръ западный и міръ славянскій. Непрерывнымъ рядомъ военныхъ успѣховъ возведенная въ рангъ великой европейской державы, Россія оставалась въ сущности чуждой западной цивилизаціи, какъ бы стояла въ сторонѣ отъ большой дороги историческаго развитія европейскихъ народовъ, была страной съ совершенно своеобразной общественной структурой, съ иной культурой, съ иными учрежденіями, съ особымъ укладомъ жизни. Къ тому же она оставалась почти совсѣмъ неизвѣстной для европейскаго общества. Это общество знало, главнымъ образомъ, оффиціальную Россію, Россію царей и дипломатовъ, располагавшихъ огромными полчищами, угроза нашествія которыхъ не разъ висѣла надъ нимъ со времени образованія священнаго союза.

Но внутренній строй русской жизни былъ мало извѣстенъ европейцамъ. Огромное большинство ихъ знало о Россіи лишь то, что ею править самодержецъ, объединяющій подъ своимъ скипетромъ милліоны разноплеменнаго, полуварварскаго населенія, покорно и безмолвно выносящаго ярмо крѣпостной зависимости отъ землевладѣльцевъ, бояръ, которымъ оно непосредственно подвластно. Крѣпостное состояніе массы народа, ничтожное значеніе городовъ, слабое развитіе торговли и промышленности и, въ зависимости отъ этого, иной классовый составъ русскаго общества исключали возможность появленія въ Россіи, какъ и въ другихъ болѣе отдаленныхъ государствахъ Востока, общественнаго движенія, однороднаго съ происходив-

шимъ въ это время на Западѣ. Совершенно естественно, что для Маркса, смотрѣвшаго на всѣ явленія современности съ точки зрѣнія задачъ этого движенія, Россія была едва ли не наименѣе интересной изъ всѣхъ странъ европейскаго континента.

Въ 40-хъ годахъ уже вполне ясно опредѣлились два обстоятельства, ставшія особенно характерными для политической жизни западно-европейскихъ странъ: 1) выступленіе на арену политической борьбы народныхъ массъ и въ частности пролетаріата, какъ самостоятельнаго, отдѣльнаго отъ господствующихъ классовъ и въ высшей степени важнаго фактора; 2) общность интересовъ пролетаріата различныхъ націй, вслѣдствіе общности его жизненныхъ условій, и вытекающій отсюда международный характеръ его движенія.

Эти обстоятельства не могли имѣть мѣста въ Россіи того времени. Поскольку въ ней было возможно общественное движеніе съ участіемъ въ немъ народныхъ массъ, оно при тогдашнихъ условіяхъ неизбежно должно было принять форму стихійнаго крестьянскаго бунта и не могло воспринять лозунговъ европейской радикальной и социалистической демократіи, не могло быть политическимъ движеніемъ въ европейскомъ смыслѣ слова. Какъ сознательное политическое движеніе опредѣленнаго общественнаго класса, оно могло здѣсь возникнуть лишь въ видѣ конституціоннаго движенія дворянства, при чемъ всѣ историческія традиціи подобныхъ движеній въ Россіи говорили за то, что оно въ такомъ случаѣ приметъ форму заговора съ цѣлью совершенія дворцоваго переворота. Такимъ образомъ Россія оставалась для Маркса страной, лежащей какъ бы за предѣлами цивилизаціи; въ его отношеніи къ русскимъ севозитъ нескрываемое пренебреженіе, и даже впоследствии въ 60—70 гг., когда въ нашемъ отечествѣ возникло дѣйствительное общественное движеніе, онъ смотрѣлъ на него явно скептически вплоть до появленія «Народной Воли», партіи несомнѣнно конституціонной, имѣвшей нѣкоторые шансы стать массовой.

Но въ 40-хъ гг. никакого общественнаго движенія въ Россіи не было. Русскіе, появлявшіеся около этого времени за границей, не имѣли никакого своего національнаго общественнаго дѣла. Поскольку они входили въ кругъ интересовъ европейской демократіи, они раздѣляли ея стремленія лишь платонически; присоединяясь къ ея движенію, они не вносили въ него ничего самобытнаго, національнаго и, по возвращеніи на родину, утрачивали съ нимъ всякую связь. Для многихъ изъ нихъ увлеченіе демократическими идеями Запада было только стремленіемъ къ новизнѣ, пристрастіемъ къ послѣднему слову общественной науки, и выводы этой науки нерѣдко были для нихъ тѣмъ болѣе привлекательны, чѣмъ радикальнѣе они имъ казались.

П. В. Анненковъ въ своихъ воспоминаніяхъ о 40-хъ годахъ отмѣчаетъ этотъ своего рода космополитизмъ, это національное безличіе русскихъ интеллигентовъ изъ дворянской среды, когда они попадали за границу. «У всякаго новопріѣзжаго туда (въ Берлинъ) изъ русскихъ соотечественники его... шутили спрашивали, чѣмъ онъ прежде всего намѣренъ быть? Вѣрнымъ-ли, благороднымъ нѣмцемъ, или суетнымъ, взбалмошнымъ французомъ? О томъ, не захочетъ ли онъ остаться русскимъ, не было вопроса, да и не могло быть. Собственно русскихъ тогда и не существовало; были регистраторы, ассесоры, совѣтники всѣхъ возможныхъ именованій, наконецъ помѣщики, офицеры, студенты, говорившіе по-русски, но русскаго типа въ положительномъ смыслѣ и такого, который могъ бы выдержать пробу, какъ самостоятельная и дѣльная личность, не нарождалось» *).

Съ нѣкоторыми изъ этихъ русскихъ Марксъ имѣлъ случай встрѣчаться въ Парижѣ до своего изгнанія изъ Франціи. Его личныя впечатлѣнія отъ этихъ знакомствъ, какъ можно думать, не были особенно благоприятными для нашихъ соотечественниковъ. Тотъ же Анненковъ рассказываетъ характерный въ этомъ отношеніи эпизодъ.

Передъ своимъ отъѣздомъ въ Европу въ 1847 г. онъ получилъ отъ одного степного помѣщика, «извѣстнаго въ своемъ кругу за отличнаго пѣвца цыганскихъ пѣсень, ловкаго игрока и опытнаго охотника», рекомендательное письмо къ Марксу, котораго тотъ зналъ въ бытность свою въ Европѣ; увлеченный социалистическими идеями Маркса этотъ русскій увѣрилъ его, что, «предавшись душой и тѣломъ его лучезарной проповѣди и дѣлу водворенія экономическаго порядка въ Европѣ, онъ ѣдетъ обратно въ Россію съ намѣреніемъ продать все свое имѣніе и бросить себя и весь свой капиталъ въ жерло предстоящей революціи **»), о чемъ разумѣется, по возвращеніи на родину, очень скоро забылъ. Дружелюбно принятый Марксомъ, Анненковъ получилъ отъ него приглашеніе на совѣщаніе съ Вейтлингомъ, гдѣ произошла слѣдующая любопытная сцена. Возражая Вейтлингу, Марксъ обрушился на него саркастической рѣчью, сущность которой, — рассказываетъ Анненковъ, — «заключалась въ томъ, что возбуждать населеніе, не давая ему никакихъ твердыхъ, продуманныхъ основаній для дѣятельности, значило просто обманывать его. Возбужденіе фантастическихъ надеждъ, о которомъ говорилось сейчасъ, — говорилъ далѣе Марксъ, — ведетъ только къ конечной гибели, а не къ спасенію страдающихъ. Особенно въ Германіи обращаться къ работнику безъ

*) П. В. Анненковъ. „Замѣчательное десятилѣтіе 1838—1848 гг.—Изъ литературныхъ воспоминаній“. Вѣстникъ Европы, 1880 г. № 2, стр. 497.

**) Ibid., В. Е. № 4, стр. 496.

строго-научной идеи и положительнаго ученія равносильно съ пустой и безцестной игрой въ проповѣдники, при которой, съ одной стороны, полагается вдохновенный пророкъ, а съ другой—допускаются только ослы, слушающіе его, разинувъ ротъ». «Вотъ,—прибавилъ онъ, вдругъ указывая на меня рѣзкимъ жестомъ,—между нами есть одинъ русскій. Въ его странѣ, Вейтлингъ, ваша роль могла бы быть у мѣста: тамъ, дѣйствительно, только и могутъ удачно составляться и работать союзы между нелѣпыми пророками и нелѣпыми послѣдователями» *).

Послѣднія слова были не случайно брошенной фразой, а скорѣе отголоскомъ прочно установившагося мнѣнія Маркса о Россіи и русскихихъ. Болѣе 20 лѣтъ спустя въ письмѣ къ Кугельману отъ 12 октября 1868 г. Марксъ отзывался о нихъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ.

«Нѣсколько дней тому назадъ,—писалъ Марксъ,—какой-то петербургскій книгоиздатель поразилъ меня извѣстемъ о томъ, что «Капиталъ» печатается въ настоящее время въ русскомъ переводѣ. Онъ просилъ мою фотографическую карточку для его обложки, и въ такомъ пустякѣ я не могъ отказать «моимъ хорошимъ друзьямъ», русскимъ. Иронія судьбы заключается въ томъ, что русскіе, противъ которыхъ я вотъ уже 25 лѣтъ выступалъ не только на нѣмецкомъ, но и на французскомъ и на англійскомъ языкѣ, всегда были моими «доброжелателями». Въ 1843—44 гг. въ Парижѣ тамошніе русскіе аристократы меня на рукахъ носили. Мое сочиненіе противъ Прудона (1847 г.), а также и вышедшее у Дункера (1859 г.) нигдѣ не нашли большаго сбыта, чѣмъ въ Россіи. И первая чужая нація, переведшая «Капиталъ»,—это русская. Но все это нельзя очень высоко цѣнить. Русская аристократія въ юности своей воспитывается въ нѣмецкихъ университетахъ и въ Парижѣ. Она всегда гонится за самымъ крайнимъ изъ того, что даетъ Западъ. Это чистая гастрономія, какой занималась часть французской аристократіи въ XVIII вѣкѣ. *Ce n'est pas pour les tailleurs et les bottiers*, говорилъ тогда Вольтеръ о своемъ собственномъ просвѣщеніи. Это не мѣшаетъ тѣмъ же самымъ русскимъ, какъ только они поступаютъ на государственную службу, становиться негодьями... **).

Въ этомъ сужденіи много несправедливаго и невѣрнаго. Въ 60-хъ годахъ интересовалась Марксомъ и серьезно его изучала, конечно, вовсе не русская аристократія, а полный ея антиподъ—разночинная интеллигенція, предшественница современной демократіи. Изученіе Маркса

*) Ibid., стр. 499

**) Письма К. Маркса къ члену Интернаціонала Кугельману. Библиотека научнаго социализма. 1907 г. Стр. 51.

отнюдь не было для нея чистой гастрономіей; она искала въ его сочиненіяхъ разрѣшенія волновавшихъ ее вопросовъ о путяхъ общественаго развитія, готовая двинуться въ народъ съ проповѣдью социализма. Процессъ разслоенія русскаго общества, совершившійся въ промежутокъ этихъ 20 лѣтъ и породившій демократическую интеллигенцію, оставался еще внѣ поля зрѣнія Маркса.

Въ 40—50 г.г. Марксъ дѣйствительно много писалъ противъ Россіи, но ядовитыя стрѣлы этой полемики никоимъ образомъ не могли уколоть его русскихъ «доброжелателей», хорошо понимавшихъ, что онѣ были направлены собственно противъ абсолютизма, который былъ имъ не менѣе ненавистенъ, чѣмъ самому Марксу.

Русское правительство было въ то время оплотомъ европейской реакціи. Его вмѣшательство въ ходъ событій 1848—49 г.г., показало, какую страшную опасность представляло оно для освободительнаго движенія Запада. И поскольку европейская демократія, разбитая и обезсиленная реакціей 50-хъ г.г., мечтала о новомъ подъемѣ общественаго движенія, беспощадная война съ Россіей казалась ей призваніемъ будущей революціи. «Если у насъ будетъ когда-нибудь дѣйствительная революція, то у насъ тотчасъ будетъ и война съ Россіей» *),—писалъ Марксу Лассаль 11 сентября 1860 г. Тотъ же взглядъ, именно, что война съ Россіей должна быть провиденціальнымъ наслѣдіемъ нѣмецкой революціи Марксъ высказывалъ еще въ *Neue Rheinische Zeitung*. Въ годы реакціи ненависть къ Россіи стала еще болѣе острой у нѣмцевъ, оскорбляемыхъ въ своемъ чувствѣ національной чести раболѣпиемъ нѣмецкихъ правительствъ передъ русскимъ самодержцемъ. Зная, что нѣмецкій народъ въ достаточной степени ненавидѣлъ Россію, Марксъ сожалѣлъ только о томъ, что онъ недостаточно ее понималъ. Когда восточный вопросъ обострился настолько, что война 1853—55 г.г. стала неизбѣжной, Марксъ, разсматривавшій событія съ точки зрѣнія европейской революціи, привѣтствовалъ разрывъ бонапартистско-царской коалиціи; онъ сочувственно относился къ тѣмъ англійскимъ публицистамъ, которые своими статьями подогрѣвали раздраженіе общественаго мнѣнія въ Англіи противъ Россіи, но, конечно, высмѣивалъ тѣхъ филистеровъ, которые изъ ненависти къ Россіи стали панегиристами турецкаго управленія.

Вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ русскими общественными

*) Письма Ф. Лассаля къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. Спб. 1905, стр. 279. См. также дѣнные примѣчанія Меринга къ этимъ письмамъ, уясняющія взгляды Маркса на политику русскаго правительства въ восточномъ вопросѣ, въ особенности стр. 91, 92, 208, 210, 316.

отношеніями, Марксъ распространялъ иногда свою антипатію къ Россіи далеко за предѣлы русскихъ официальныхъ сферъ, до нѣкоторой степени взваливая отвѣтственность за ихъ реакціонную политику и за ихъ историческія прегрѣшенія передъ Западомъ на русскій народъ, который, какъ ему казалось, инстинктивно одобрялъ эту политику и какъ бы санкціонировалъ ее своимъ сочувствіемъ. Въ то время въ руководящихъ сферахъ Россіи пользовалась замѣтнымъ вліяніемъ своего рода государственная теорія, видѣвшая главную задачу національной политики въ объединеніи подъ властью русскаго царя всѣхъ славянскихъ племенъ. У южныхъ славянъ, искавшихъ покровительства Россіи въ своей борьбѣ противъ турецкаго ига, и у западныхъ славянъ, тѣснимыхъ нѣмцами и венграми и пытавшихся отвоевать себѣ право національнаго самоопредѣленія въ бурные революціонные годы, тяготѣніе къ Россіи было несомнѣнно, *) и панславизмъ опирался въ своихъ практическихъ стремленіяхъ именно на это явно обнаружившееся тяготѣніе. Славянское движеніе 1848 г. цѣлкомъ стоявшее на сторонѣ деспотизма и реакціи, уже само по себѣ не могло вызывать симпатіи Маркса. Естественно, что панславизмъ, какъ теорія, выражавшая стремленіе слить всѣ славянскіе ручьи въ единомъ русскомъ морѣ, сталъ для него объектомъ ожесточенныхъ нападокъ. «Въ кабинетахъ нѣкоторыхъ диллетантовъ исторической науки,—писалъ онъ,—возникло то нелѣпое историческое движеніе, которое ставило своей цѣлью не много, не мало, какъ подчиненіе цивилизованнаго Запада варварскому Востоку, города деревнѣ, торговли, промышленности, знанія примитивной агрикультурѣ славянъ-врѣлостныхъ. Но за нелѣпой теоріей стояла ужасающая дѣйствительность русскаго царства, того царства, которое всякимъ своимъ движеніемъ обнаруживаетъ притязаніе всю Европу (разсматривать, какъ область славянской расы и въ особенности единственно сильной части этой расы, именно русскихъ, того царства, которое въ двухъ главныхъ городахъ, въ Петербургѣ и Москвѣ, все еще не можетъ найти своего центра тяжести, пока городъ царя (Константинополь называется по-русски Царьградъ, городъ царя), который всякій русскій крестьянинъ считаетъ истиннымъ центромъ своей религіи и своей націи, пока онъ не сдѣлался фактически резиденціей русскаго императора» **).

Само собой разумѣется, что русскій крестьянинъ, безправный и

*) Въ 1848 г. «въ Прагѣ, наполовину нѣмецкомъ городѣ, толпы славянскихъ фанатиковъ съ ликоваціемъ подхватили и повторяли возгласъ: «Лучше русскій кнутъ, чѣмъ нѣмецкая свобода!»—К. Марксъ. Собраніе историческихъ работъ. Изд. Скирмунта. Стр. 365.

**) Ibid., стр. 330.

обезличенный, съ общественными интересами, не выходящими за предѣлы деревенской околицы, чуждый какихъ-либо политическихъ идей, былъ очень далекъ отъ всякихъ мечтаній о завладѣннн Константинопелмъ и не только не считалъ этого города «центромъ своей націи», но очень часто не слыхивалъ даже о его существованнн. Марксъ взвелъ на него сущую напраслину, введенный въ заблужденіе, повидимому, тѣмъ, что русскіе дипломаты и оффиціозные публицисты выдавали политическую доктрину правящихъ круговъ за такую, которая будто бы искони присуща народному самосознанню, придавая ей такимъ образомъ характеръ традиціонной національной идеи. Ослѣпленный ненавистью къ панславизму и вслѣдствіе своей неосвѣдомленности о русскнхъ отношеннхъ, Марксъ не дѣлалъ различія между панславизмомъ и славянофильствомъ, какъ ученнемъ о самобытности историческаго развитія Россіи, совершенно игнорируя то обстоятельство, что славянофилы были исполнены сочувствія къ порабощенному классу своей родины и стремились къ упраздненню политическаго строя, основаннаго на такомъ порабощеннн. Сочиненія славянофиловъ Марксу остались, повидимому, неизвѣстны, но поскольбу славянофильскія идеи входили въ міровоззрѣнне западниковъ и отражались въ произведеннхъ видѣвшаго ихъ представителя, Герцена, хорошо знакомаго европейцамъ, Марксъ ополчался на эти идеи со свойственной ему страстностью. Онъ, видѣвшій въ пролетаріатѣ силу будущаго, классъ, которому суждено своей побѣдой надъ старымъ міромъ открыть новую эру въ исторнн цивилизованнаго человѣчества, онъ, намѣтившій задачи этого класса и опредѣлившій условія и характеръ его борьбы, не могъ относиться иначе, какъ съ крайнимъ негодованнемъ къ высказанной Герценомъ мысли, что «роль теперешней Европы совершенно окончена, съ 1848 г. разложеніе ея растеть съ каждымъ годомъ». Онъ возмущался до глубины души противопоставленнемъ дряхлаго Запада могучему Востоку и считалъ величайшей нелѣпостью предположеніе о томъ, что славяне и въ частности русскіе имѣютъ въ своихъ первобытныхъ учрежденнхъ, артели и общннѣ, зародышъ высшей общественной формы, могущей развиться до того идеала, къ которому стремился западный міръ. Несмотря на то, что Герценъ, защищавшій правотнрность такого предположенія передъ общественнымъ мнѣннемъ Европы, настойчиво подчеркивалъ при этомъ «естественное безотчетное сочувствіе славянъ съ социализмомъ», Марксъ считалъ всѣ подобныя теорнн отголоскомъ ненавистнаго ему панславизма, а самого Герцена панславистскимъ агентомъ, и серьезно вѣрилъ вздорнымъ выдумкамъ, будто бы Герценъ «получалъ ежегодно 25 тысячъ руб. на пропаганду отъ дружественной ему псевдо-соціалистической панславистской партнн въ

Россіи» *). Слѣды этой ненависти къ панславизму и его предполагаемому выразителю имѣются даже еще въ «Капиталѣ», въ одномъ изъ примѣчаній къ которому Марксъ говоритъ: «Если на континентѣ Европы вліяніе капиталистическаго производства, подтачивающаго человѣческую расу... будетъ попрежнему развиваться рука объ руку съ конкуренціей въ увеличеніи солдатчины, государственныхъ долговъ, налоговъ, изысканнаго веденія войны и т. д., то въ концѣ концовъ можетъ стать неизбѣжнымъ то обновленіе Европы посредствомъ внута и обязательнаго смѣшенія европейской крови съ калмыцкой, которое такъ серьезно предсказывалъ полурусскій и вполне москвичъ, Герценъ (этотъ беллетристъ, мимоходомъ сказать, сдѣлалъ свое открытіе «русскаго коммунизма» не въ Россіи, а въ сочиненіи прусскаго регирунгсрата Гакстгаузена)»).

Во второмъ изданіи «Капитала» Марксъ выбросилъ эти недостойныя его строки **), недостойныя потому, что онѣ говорятъ какъ бы о его неспособности въ данномъ случаѣ стать на историческую точку зрѣнія. Марксъ, неоднократно выражавшій свои симпатіи отнюдь не социалистической тогда Польшѣ и несомнѣнно націоналистической Венгріи, гордившійся дружбой Генриха Гейне, оказался неспособнымъ взглянуть на Герцена [съ точки зрѣнія тогдашнихъ русскіхъ условій и безпристрастно оцѣнить его значеніе, какъ передоваго борца русскаго освободительнаго движенія. Оправданіемъ для него можетъ служить его заклятая ненависть къ панславизму. Въ этомъ случаѣ съ нимъ произошло то, что часто бываетъ съ людьми, находящимися подъ исключительной властью одной великой идеи и отдавшими ей на служеніе всю свою жизнь. Нашъ Бѣлинскій, которому были очень дороги идеалы европейской цивилизаціи, также не былъ безупреченъ въ своемъ отношеніи къ славянофильству и къ славянскому вопросу вообще. Какъ извѣстно, къ тому и другому Бѣлинскій относился отрицательно, и поводомъ къ этому отрицательному отношенію служило для него предположеніе, что за этимъ вопросомъ «скрывается попытка прославленія темныхъ народныхъ культуръ и усиліе противопоставить ихъ теперь съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ выработаннымъ началамъ европейской мысли... При мысли, что тутъ можетъ существовать планъ—возвысить бѣдное племенное творчество съ его суевѣріями, заблужденіями и безсознательными проблесками истины на степень равную или даже высшую обдуманнхъ

*) Письма Маркса къ Кугельману, стр. 82.

**) Однако Энгельсъ въ своемъ *Sociales aus Russland* (1894 г.) говоритъ о Герценѣ въ прежнемъ тонѣ: „панславистскій беллетристъ, раздувшійся въ революціонера“ и т. п.

основъ и началъ европейскаго образованія—при одной этой мысли Бѣлинскій устранилъ всё другія соображенія и нерѣдко насилуеъ свое чувство» *).

Оспаривая взглядъ на русскую общину, какъ на зародышъ высшей общественной формы, и указывая на ея преходящій историческій характеръ **), Марксъ, однако, вовсе не раздѣлялъ того мнѣнія, что разложеніе этой общины при всякихъ условіяхъ является залогомъ дальнѣйшаго прогресса страны, и отлично понималъ, въ какихъ именно общественныхъ кругахъ это мнѣніе находитъ себѣ особенно ревностныхъ приверженцевъ. Въ февралѣ 1870 г. онъ писалъ Кугельману по поводу книги объ общинномъ землевладѣніи одного остзейскаго барона, состоявшаго на русской службѣ, Шедо-Феротти, извѣстнаго своей полемикой съ Герценомъ, которую онъ велъ противъ него въ русской легальной печати подъ благосклоннымъ покровительствомъ свыше: «Шедо-Феротти одинъ изъ тѣхъ господъ, которые выставляютъ общинное владѣніе какъ причину бѣдственнаго положенія русскихъ крестьянъ (разумѣется, въ интересахъ крупнаго землевладѣнія), со-

*) „Вѣстникъ Европы“ 1880 г., № 3, стр. 34. «Замѣчательное десятилѣтіе».

**) Въ примѣчаніи къ „Zur Kritik etc.“ (1859 г.) Марксъ писалъ: «Въ послѣднее время распространился смѣшной предразсудокъ, будто естественно возникшее общинное владѣніе представляетъ форму по преимуществу славянскую, даже исключительно русскую. Въ дѣйствительности общинное землевладѣніе представляетъ такую первобытную форму, существованіе которой можно доказать у римлянъ, германцевъ, кельтовъ, многочисленныя образчики которой мы находимъ даже и въ настоящее время у индусовъ, хотя бы и въ состояніи упадка и разложенія. Болѣе глубокое изученіе азіатскихъ, въ особенности индійскихъ формъ общиннаго владѣнія, можетъ показать, какимъ образомъ изъ различныхъ формъ его возникли различныя формы его разложенія“. („Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи“, изд. 1896 г., примѣчаніе на стр. 8). — См. также „Капиталъ“, т. I, русск. изд. 1898 г. стр. 40.—Позднѣйшія историческія изысканія показали, что русская община отнюдь не „естественно возникшая“ форма быта, не остатокъ первобытной общины; она несравненно болѣе поздняго происхожденія и образовалась подъ прямымъ воздействием московскаго правительства, создававшаго ее въ цѣляхъ административныхъ и фискальных. Марксъ однако долго оставался вѣренъ прежнему взгляду на ея происхожденіе. Въ 1873 г. онъ писалъ Н.—ону по поводу споровъ объ общинѣ между Бѣляевымъ и Чичеринымъ: „Всѣ историческія аналогіи говорятъ противъ Чичерина. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могло случиться, чтобы то же самое учрежденіе было введено въ Россію, какъ простая фискальная мѣра, просто какъ случайный спутникъ рабства, тогда какъ во всѣхъ другихъ странахъ оно явилось путемъ самороднаго возникновенія и разростанія и отмѣчаетъ собой необходимую фазу развитія всѣхъ свободныхъ народовъ“ („Минувшіе годы“, 1908. № 1).—Истина оказалась все же на сторонѣ Чичерина.

вершенно такъ же, какъ раньше въ западной Европѣ причины пауперизма видѣли въ уничтоженіи крѣпостного права вмѣсто того, чтобы видѣть ее въ утратѣ крѣпостными своей земли... Нищета русскаго крестьянства проистекаетъ изъ тѣхъ же причинъ, которыя породили нищету французскаго крестьянства при Людовикѣ XIV и т. д.—Эти причины государственныя налоги и оброкъ крупнымъ землевладѣльцамъ. Общинное землевладѣніе не вызвало нищеты, оно только сдѣлало ее болѣе равномерной. Далѣе, исторически невѣрно то, что общинное владѣніе монгольскаго происхожденія. Оно, какъ я уже разъ указывалъ въ моихъ сочиненіяхъ, индійскаго происхожденія и встрѣчается поэтому у всѣхъ европейскихъ культурныхъ народовъ въ начальныхъ стадіяхъ ихъ развитія. Специфически славянская (а не монгольская) форма его въ Россіи (встрѣчающаяся также и у нерусскихъ южныхъ славянъ) имѣетъ даже больше всего сходства, *mutatis mutandis*, со старогерманской модификаціей индійскаго общиннаго владѣнія. То, что полякъ Душинскій въ Парижѣ объявилъ великорусское племя не славянскимъ, а монгольскимъ и, обнаруживая большую ученость, пытался доказать это, было вполнѣ естественно съ точки зрѣнія поляка. И все-таки это невѣрно. Не въ русскомъ крестьянствѣ, а только въ русскомъ дворянствѣ имѣется большая примѣсь монгольско-татарскихъ элементовъ. ...То же, что русское государство въ своей политикѣ по отношенію къ Европѣ и Америкѣ представляетъ монголизмъ, это разумѣется истина, ставшая теперь уже трюизмомъ» *).

Въ концѣ 60-хъ гг. у Маркса вновь завязались сношенія съ проживавшими за границей русскими, болѣе тѣсныя, чѣмъ въ 40-хъ гг. Теперь это были люди уже совершенно иного рода; это были первые эмигранты народившейся демократіи, члены старой «Земли и Воли», Утинъ, Серно-Соловьевичъ и др., бѣжавшіе за границу отъ преслѣдованій правительства. Кругокъ этихъ эмигрантовъ съ вышеназванными лицами во главѣ рѣшилъ примкнуть къ Интернаціоналу и вступилъ въ непосредственныя сношенія съ его Генеральнымъ Совѣтомъ, представивъ ему на утвержденіе свой уставъ и свою программу; въ то же время въ особомъ письмѣ къ Марксу русская группа просила его быть ея представителемъ въ Генеральномъ Совѣтѣ **). Марксъ отнесся благосклонно къ молодой колоніи русскихъ эмигрантовъ, «бѣжавшихъ студентовъ, у которыхъ дѣйствительно честныя намѣренія и которые доказываютъ свою честность тѣмъ, что во главѣ своей программы

*) Письма Маркса къ Кугельману, стр. 66—67.

**) Лекціи. Интернаціональ. Спб. 1906, стр. 151.

они помѣстили пунктъ о борьбѣ съ панславизмомъ», — какъ онъ писалъ Кугельману *). Поддержка этой группы, объединившей лишь нѣкоторую часть русской эмиграціи, была особенно важна для Маркса въ борьбѣ съ постоянной и упорной оппозиціей Бакунина въ Интернаціоналѣ и, дѣйствительно, «русская секція» изъявила полную готовность содѣйствовать Марксу въ этой борьбѣ. Съ цѣлью скомпрометировать апостола анархизма и подорвать такимъ образомъ его вліяніе секція рѣшила воспользоваться процесомъ Нечаева, тѣсно связаннымъ съ именемъ Бакунина. Утинъ, присутствовавшій въ качествѣ делегата отъ русской секціи на Лондонской конференціи Интернаціонала осенью 1871 г., по порученію конференціи взялъ на себя обязанность опубликовать отчетъ о процесѣ Нечаева по русскимъ источникамъ, что было необходимо въ особенности потому, что европейская буржуазная пресса пыталась представить нечаевскую организацію дѣломъ Интернаціонала **). Утинъ выполнилъ порученіе; его докладъ представляетъ настоящій обвинительный актъ противъ Бакунина. Нѣкоторыя услуги оказалъ Марксу въ этомъ конфликтѣ съ Бакунинымъ и г. Н.—онъ, переводчикъ «Капитала» ***).

Русскіе друзья Маркса нѣсколько ближе ознакомили его съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи, съ экономическими результатами реформы 1861 г. и съ тѣмъ новымъ теченіемъ общественной мысли, которое смѣнило сантиментальный славянофильскій еоціализмъ Герцена и нашло себѣ яркаго талантливаго выразителя въ Чернышевскомъ. Марксъ не раздѣлялъ оптимизма русскихъ революціонеровъ, ихъ увѣренности въ близости переворота въ Россіи, но и онъ считалъ этотъ переворотъ неизбѣжнымъ и ждалъ толчка для него отъ возможнаго послѣ войны 1870 г. столкновенія между Германіей и Россіей, которое, по его мнѣнію, должно было благотворно отразиться на положеніи обѣихъ этихъ странъ. «Истинное пруссачество никогда не существовало и существовать не можетъ иначе, какъ только въ союзѣ съ Россіей и въ рабской отъ нея зависимости,—писалъ онъ Зорге 1 сентября 1870 г.,—кромѣ того такая война № 2 сыграетъ по отношенію къ неизбѣжной русской соціальной революціи роль повивальной бабки» ****).

Послѣ реформы 1861 г. Россія опредѣленно вступила на путь развитія западно-европейскихъ народовъ. Эта страна и въ особенности

*) Письма Маркса къ Кугельману, стр. 82.

**) Іаккъ. Интернаціоналъ, стр. 243.

***) Письма К. Маркса и Ф. Энгельса къ Н.-ону. „Минувшіе годы“, 1908, № 1.

****) Письма къ Зорге, Спб., 1907, стр. 20.

ея аграрныя отношенія очень интересовали теперь Маркса, и онъ рѣшилъ ознакомиться по первоисточникамъ съ социально-экономическими условіями пореформенной Россіи. Съ цѣлью ихъ изученія онъ на 51 году своей жизни засѣлъ за русскій языкъ. «Я изучаю русскій языкъ въ виду присланной мнѣ изъ Петербурга книги о положеніи трудящихся классовъ», писалъ онъ Кугельману въ ноябрѣ 1869 г. Это была очевидно извѣстная книга Флеровскаго. Въ іюнѣ 1870 г. Марксъ снова сообщаетъ о томъ же: «Я счелъ нужнымъ зубрить русскій языкъ, такъ какъ при разсмотрѣніи аграрнаго вопроса стало необходимымъ изучать по оригинальнымъ источникамъ отношенія русскаго землевладѣнія» *). Онъ такъ основательно принялся за дѣло, что въ предисловіи ко второму изданію «Капитала» (Лондонъ, 24 января 1873 г.) обнаружилъ уже достаточное знакомство съ русской экономической литературой. Говоря въ этомъ предисловіи о банкротствѣ буржуазной политической экономіи, онъ замѣчаетъ, что это уже мастерски показалъ въ своемъ сочиненіи «Очерки политической экономіи по Миллю» великій русскій ученый и критикъ, Н. Чернышевскій **). Марксъ называетъ далѣе, какъ извѣстное ему, сочиненіе Зибера: «Теорія цѣнности и капитала Давида Ривардо» и подробно разсматриваетъ критическіе отзывы русской печати по поводу появленія русскаго изданія его «Капитала», переводъ котораго онъ находилъ «прекраснымъ». Теперь Марксъ очевидно уже знаетъ, какого рода читателей имѣетъ онъ въ Россіи и очень интересовался судьбой своей книги въ этой странѣ, какъ это видно изъ его писемъ въ Зорге ***).

*) Письма къ Кугельману. Стр. 84.

**) Марксу были извѣстны и другія сочиненія Чернышевскаго; онъ былъ знакомъ также съ Добролюбовымъ, котораго сравнивалъ съ Лессингомъ и Дидро.—См. письма его къ Н.—ону, „Минувшіе годы“, 1908, № 1

***) 21 іюня 1872 г. онъ между прочимъ писалъ Зорге: „Мнѣ изъ Россіи сообщаютъ о русскомъ переводѣ моей книги (сдѣланномъ блестяще) слѣдующее: книгу штудировали два цензора, представившіе о ней свои отзывы въ цензурный комитетъ. Еще до просмотра книги было рѣшено только изъ-за одного имени автора не задерживать ея выхода и точно установить, дѣйствительно ли содержаніе книги соотвѣтствуетъ ея названію. Вотъ резюме постановленія, единогласно принятаго цензурнымъ комитетомъ и представленнаго на утвержденіе главнаго управленія по дѣламъ печати: „Хотя авторъ, по своимъ убѣжденіямъ, социалистъ въ истинномъ смыслѣ этого слова и весь его трудъ носить опредѣленный социалистическій характеръ, но, принявъ во вниманіе, что способъ его изложенія далеко не всякому доступенъ, и что оно къ тому же имѣетъ характеръ строго математическихъ научныхъ доказательствъ, комитетъ заявляетъ, что не видитъ достаточныхъ основаній для судебного преслѣдованія этого сочиненія“. Послѣ этого заключенія книгъ былъ открытъ широкій

Въ 70-хъ годахъ Марксъ принялся изучать русскіе статистическіе сборники и другія изслѣдованія о землевладѣніи, въ которыхъ, какъ онъ любилъ говорить, «старая Россія составляетъ опись своему имуществу, собираясь умирать» *). Онъ желалъ воспользоваться данными этихъ изслѣдованій для отдѣла о земельной рентѣ въ III-мъ томѣ своего «Капитала». По словамъ Энгельса, въ отдѣлѣ о земельной рентѣ Россія должна была играть такую же роль, какую играла Англія въ I-ой книгѣ, при изслѣдованіи промышленнаго наемнаго труда **). Къ сожалѣнію, Марксу не удалось осуществить своего плана. Въ бумагахъ, оставшихся послѣ его смерти, Энгельсъ нашелъ множество выписокъ изъ русскихъ источниковъ, но противъ обыкновенія въ нихъ не было никакихъ вставокъ и замѣчаній.

Такимъ образомъ мы не находимъ у Маркса сколько-нибудь систематическаго и полнаго изложенія его взглядовъ на общественное хозяйство Россіи; кое-какія случайныя замѣчанія, разбросанныя въ «Капиталѣ», представляютъ матеріалъ слишкомъ недостаточный для опредѣленнаго сужденія объ этихъ взглядахъ, тѣмъ болѣе, что они относятся къ 60-ымъ гг. и въ нихъ не могло, слѣдовательно, сказаться изученіе русскихъ статистическихъ изслѣдованій, предпринятое Марксомъ нѣсколькими годами позже. Въ I-омъ томѣ онъ, со словъ англійскаго фабричнаго инспектора Redgrave, передаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи русской фабричной промышленности. «На этой русской

путь въ Россіи. 27-го марта книга впервые появилась на книжномъ рынкѣ въ количествѣ 3.000 экземпляровъ, а къ 15 мая было ея уже продано 1000 штукъ».—Письма къ Зорге, стр. 67.—Какъ извѣстно, книга была затѣмъ запрещена.

Первымъ, принявшимся за переводъ „Капитала“, былъ Бакунинъ, который еще въ 60-хъ гг. перевелъ на русскій языкъ Манифестъ коммунистической партіи. Но переведя нѣсколько страницъ и притомъ не вполне удачно, Бакунинъ оставилъ это дѣло и оно перешло къ Г. А. Лопатину, который тогда, въ 1870 г., жилъ въ Лондонѣ и состоялъ въ близкихъ личныхъ отношеніяхъ съ Марксомъ. Лопатинъ исполнялъ взятой на себя трудъ съ большою тщательностью, пользуясь при этомъ различными указаціями Маркса и кое-какими его дополненіями, которыя вошли въ текстъ русскаго изданія. Политическая дѣятельность отвлекла Лопатина отъ этой работы, которую онъ бросилъ, переведя около трети I тома. Послѣ него за переводъ взялся Н.—онъ, инициаторъ всего предпріятія, и благополучно довелъ его до конца. Н.—онъ былъ одинъ изъ русскихъ друзей Маркса, болѣе другихъ освѣдомлявшій его о положеніи дѣлъ въ Россіи и снабжавшій его выдающимися новинками русской экономической литературы.

*) Фр. Энгельсъ. Статьи 1871—75 г.г. Изд. „Знаніе“ Стр. 5.

**) „Капиталъ“, т. III. „Московское книгоизд.“, 1907 г., предисловіе, стр. IX.

почвѣ,—пишетъ онъ,—прежніе ужасы младенческаго періода англійской фабричной системы находятся въ полномъ процвѣтаніи. Управляютъ фабриками разумѣется англичане, такъ какъ русскій капиталъ не привыченъ для фабричнаго дѣла. Несмотря на чрезмѣрную работу, продолжающуюся день и ночь, несмотря на крайне ничтожное вознагражденіе работника, русскіе фабриканты прозябаютъ только благодаря таможенной охранѣ отъ иностраннаго соперничества» *). Оставляя эти строки безъ всякаго примѣчанія, Марксъ тѣмъ самымъ какъ будто соглашался съ распространеннымъ тогда мнѣніемъ, что капитализмъ въ Россіи искусственно насаждается правительствомъ, не имѣетъ корней въ условіяхъ народной жизни и поэтому не имѣетъ будущаго. Косвеннымъ подтвержденіемъ этому является до нѣкоторой степени и замѣчаніе Маркса въ III-емъ томѣ «Капитала» о томъ, что «въ противоположность англійской русская торговля оставляетъ незатронутой экономическую основу азіатскаго производства» **). Эта основа въ видѣ мелкихъ самодовлѣющихъ крестьянскихъ хозяйствъ была тогда еще очень прочна; русскій крестьянинъ въ то время непосредственно потреблялъ большую часть своего продукта, старался возможно меньше покупать и продавать, и поскольку было возможно, самолично изготовлялъ одежду, утварь и т. п. Необходимое условіе капиталистическаго производства—появленіе на рынкѣ самой рабочей силы, какъ товара,—еще только назрѣвало тогда въ русскомъ общественномъ хозяйствѣ и не имѣло всеобщаго характера, какъ это и отмѣтилъ Марксъ во II-омъ т. «Капитала». Онъ говоритъ: «Русскіе землевладѣльцы, которые, вслѣдствіе такъ называемаго освобожденія крестьянъ, ведутъ теперь свое сельское хозяйство наемными рабочими вмѣсто крѣпостныхъ подневольныхъ рабочихъ, жалуются на двѣ вещи: во-первыхъ, на недостатокъ денежнаго капитала... Однако, характернѣе вторая жалоба, именно: хотя бы и имѣлись деньги, все же нѣтъ достаточнаго количества рабочихъ силъ, которыя было бы можно купить во всякое время: вслѣдствіе общинной собственности деревенской общины на землю, русскій сельскій рабочій еще не вполне отдѣленъ отъ своихъ средствъ производства, поэтому онъ еще далеко не представляетъ «свободнаго наемнаго рабочаго» въ полномъ значеніи этого слова» ***). Однако, у Маркса не было иллюзій о не-

*) «Капиталъ», т. I. Спб. 1898, стр. 489.

***) «Капиталъ», т. III, «Моск. книгоизд.» 1907, стр. 310. — Энгельсъ сопровождаетъ эти строки слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Это также начинается измѣняться съ тѣхъ поръ, какъ Россія дѣлаетъ судорожныя усилія, чтобы развить собственное капиталистическое производство, рассчитанное исключительно на внутренній и на пограничный азіатскій рынокъ».

****) «Капиталъ», т. II, «Моск. книгоизд.» 1907, стр. 9.

возможности для капитала овладѣть крестьянскимъ хозяйствомъ; и опасность для послѣдняго онъ видѣлъ именно въ томъ, что казалось русскимъ экономистамъ гарантіей его устойчивости, — въ соединеніи въ одномъ лицѣ промышленника и земледѣльца. Марксъ указываетъ на то, что кустарная промышленность образуетъ благоприятную почву для развитія капиталистическихъ отношеній въ деревнѣ. Онъ писалъ объ этомъ: «Не считая 200.000 крестьянъ, работающихъ на 10.500 фабрикахъ, въ деревняхъ Россіи повсюду развилась своя домашняя промышленность... Между прочимъ, эта домашняя промышленность все болѣе и болѣе вынуждается служить капиталистическому производству ткачамъ, напр., основа и утокъ доставляется торговцами или непосредственно, или при посредствѣ особыхъ факторовъ... Отсюда видно, что расхожденіе періода производства и рабочаго періода, при чемъ послѣдній образуетъ только часть перваго, составляетъ естественную основу для объединенія земледѣлія съ подсобными сельскими промыслами и что съ другой стороны, эти послѣдніе даютъ точку опоры капиталистамъ, которые сначала протискиваются сюда въ качествѣ торговцевъ. Параллельно тому, какъ въ послѣдствіи капиталистическая промышленность довершаетъ отдѣленіе мануфактуры отъ земледѣлія, сельскій рабочій становится все въ большую зависимость отъ своего случайнаго до того времени подсобнаго занятія, и вслѣдствіе этого положеніе его ухудшается *)».

По вопросу о томъ, вступила ли Россія на путь капиталистическаго развитія и должна ли она неизбежно пройти всѣ стадіи этого пути, Марксъ всегда высказывался условно, избѣгая категорически рѣшать этотъ вопросъ въ ту или иную сторону. Установленное имъ положеніе, что когда какое-нибудь общество напало на слѣдъ естественнаго закона своего развитія, оно не въ состояніи ни перескочить черезъ естественныя формы его, ни отмѣнить ихъ путемъ декрета, — это положеніе было съ особеннымъ удовольствіемъ подхвачено въ Россіи буржуазно-либеральными публицистами въ ихъ полемикѣ противъ социалистовъ-народниковъ. Въ Россіи социализмъ! — восклицали они, — да самъ ересьархъ Марксъ не подписалъ бы ему *permis de sejour* въ нашемъ отечествѣ; вѣдь онъ признаетъ, что социалистическое производство должно развиваться изъ капиталистическаго; но Россія стоитъ еще только у преддверія капиталистической эпохи и потому социалистическая пропаганда въ ней по меньшей мѣрѣ не своевременна. Народники, наоборотъ, исходили изъ утвержденія, что Россія можетъ миновать капиталистическую эру, что коллективный трудъ, являющійся на Западѣ прецедентомъ коллективнаго владѣнія,

*) „Капиталъ“, т. II, 1907, стр. 211—212.

самъ можетъ развиваться у насъ только изъ этого послѣдняго, именно изъ общиннаго владѣнiя землей *). «Община палладиумъ русскаго народа. На ней написано: симъ побѣдиши!» — писалъ въ 70-хъ гг. одинъ изъ идеологовъ народничества, Михайловскiй. Въ своей статьѣ «Г. Марксъ передъ судомъ Жуковскаго» этотъ публицистъ, основываясь на цитированномъ выше примѣчанiи Маркса къ первому изданiю «Капитала», относящемуся къ Герцену, приходилъ къ заключенiю, что Марксъ не можетъ не относиться отрицательно къ усилiямъ русскихъ людей найти для своей родины путь развитiя, отличный отъ того, какимъ шла и идетъ западная Европа; вмѣстѣ съ тѣмъ Михайловскiй утверждалъ, что по теорiи Маркса каждая страна должна пережить одни и тѣ же фазисы экономического развитiя и находилъ непримѣнимость этой теорiи къ Россiи. Русскiй ученикъ Маркса, социалистъ-марксистъ казался ему *pensez' omz*; вѣдь онъ «долженъ радоваться разлученiю труда и собственности, расторженiю связи между работникомъ и условiями производства, какъ первымъ шагомъ необходимаго и, въ концѣ концовъ, благотѣльнаго процесса. Онъ долженъ слѣдовательно привѣтствовать ниспроверженiе зачатковъ собственнаго идеала» **).

Народническая партiя была революционной и постольку представляла собой въ Россiи прогрессъ. Марксъ поэтому счелъ необходимымъ протестовать противъ толкованiя его теорiи, даннаго Михайловскимъ. Въ письмѣ къ редактору «Отечеств. Записокъ», появившемся въ печати уже послѣ смерти Маркса, онъ прежде всего заявляетъ, что его полемическое замѣчанiе о Герценѣ, какъ и его исполненный уваженiя отзывъ о Чернышевскомъ, не представляютъ достаточныхъ основанiй для какого-либо положительнаго вывода о его согласiи или несогласiи со взглядами народниковъ. Упомянувъ затѣмъ о своемъ изученiи русскихъ экономическихъ изслѣдованiй, Марксъ говоритъ: «Я пришелъ къ такому выводу: если Россiя будетъ продолжать идти путемъ, избраннымъ ею послѣ 1861 г., она потеряетъ одинъ изъ самыхъ удобныхъ случаевъ, который когда-либо историческiй ходъ вещей давалъ народу для минованiя всѣхъ перипетiй капиталистическаго строя». Единственный выводъ, который, по его мнѣнiю, могъ сдѣлать критикъ изъ его историческаго очерка первоначальнаго накопленiя капитала, въ отношенiи Россiи могъ быть только слѣдующiй: «Если Россiя стремится сдѣлаться капиталистической страной на подобiе западной Европы (а она въ послѣд-

*) «Земля и Воля», № 3.—Революционная журналистика 70-хъ гг. Paris, 1905, стр. 253.

**) Михайловскiй, сочиненiя, изд. 1897 г., т. II, стр. 340.

ніе годы надъ этимъ довольно потрудились), то ей не достигъ этого безъ предварительнаго превращенія доброй части своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ; послѣ же этого, разъ попавши подъ ярмо капиталистическаго режима, ей придется подчиниться неотомимымъ законамъ капитализма наравнѣ съ другими непосвященными *) паціями. Вотъ и все!» Въ этомъ письмѣ, относящемся къ 1877 г., Марксъ особенно подчеркиваетъ необходимость изученія дѣйствительности при рѣшеніи вопросовъ общественнаго развитія. Въ противоположность своему русскому критику, заявлявшему, что социологія должна начать съ нѣкоторой утопіи, съ утвержденія опредѣленнаго идеала, Марксъ настойчиво предупреждаетъ отъ попытокъ рѣшать общественно-историческіе вопросы при помощи «всюду подходящаго ключа въ образѣ какой-нибудь историко-философской теоріи, высшая заслуга которой заключается въ ея, такъ сказать, сверхъисторичности». Онъ указываетъ, что все, сказанное имъ объ исторической тенденціи капиталистическаго накопленія, о превращеніи капиталистической собственности въ социалистическую представляетъ собой не что иное, какъ общій выводъ изъ длиннаго ряда разсужденій о капиталистическомъ производствѣ. «Ему,—говоритъ онъ о Михайловскомъ,—угодно было мой эскизъ о происхожденіи западно европейскаго капитализма превратить въ цѣлую историко-философскую теорію общаго историческаго пути народовъ, роковымъ образомъ предназначеннаго для каждаго изъ нихъ, каковы бы ни были условія его историческаго бытія... Но я прошу извинить меня: такое толкованіе для меня въ то же время и слишкомъ почетно, и слишкомъ постыдно» **).

Не желая дать случая буржуазнымъ противникамъ народниковъ воспользоваться въ полемикѣ съ послѣдними всей тяжестью его авторитета, Марксъ нигдѣ не высказывался болѣе или менѣе рѣшительно противъ народниковъ, хотя ни ихъ бакунистская программа, ни ихъ тактика не могли вызывать его одобренія. Въ одномъ письмѣ къ Зорге, отъ 5-го ноября 1880 года, онъ очень спокойнымъ тономъ сообщаетъ о томъ, что въ одной русской социалистической газетѣ прочелъ статью Моста, въ которой тотъ смѣшиваетъ съ грязью все нѣмецкое рабочее движеніе ***). Обстоятельную и рѣзкую критику уто-

*) «Непосвященные» паціи (въ подлинникѣ — profane) противопоставляются здѣсь очевидно «святой» Руси.

**) Ю. Гарденинъ (В. М. Черновъ). Памяти Н. К. Михайловскаго. Сиб. 1906, приложение 5-е, стр. 95—96.

***) Намъ неизвѣстно, какую русскую газету имѣеть здѣсь въ виду Марксъ, во сочувственное отношеніе къ Мосту «Земли и Воли» не подлежитъ сомнѣнію. См. напр., «Земля и Воля» № 5, «Изъ-за границы».

пических мечтаний народниковъ далъ всегда солидарный съ Марксомъ во взглядахъ Энгельсъ въ своей полемикѣ противъ Ткачева въ 1875 г. Энгельсъ рѣшительно ополчается противъ распространеннаго тогда мнѣнія, что ожидаемая въ Россіи революція будетъ социалистической. По его словамъ, только чловѣкъ, незнакомый еще и съ азбукой социализма, способенъ утверждать, что социалистическую революцію легче произвести въ странѣ, въ которой нѣтъ пролетаріата, но зато нѣтъ и буржуазіи. И Энгельсъ подробно объясняетъ, почему буржуазія является такимъ же необходимымъ предусловіемъ социалистической революціи, какъ и пролетаріатъ. Онъ опровергаетъ дѣтскіе взгляды, будто русское самодержавное государство не имѣетъ корней въ экономической жизни народа, не опирается на интересы какого-нибудь сословія и какъ бы виситъ въ воздухѣ. Указывая на то, что капиталистическій паразитизмъ опутываетъ своими сѣтями всю страну, онъ говоритъ, что и сама земельная община въ Россіи уже давно разлагается. Она можетъ превратиться въ высшую общественную форму, по его мнѣнію, только въ томъ случаѣ, если пролетарская революція на Западѣ совершится до ея окончательнаго разложенія. Эта рѣзкая критика, направленная собственно противъ Ткачева, одинаково приложима какъ къ народникамъ, такъ и къ народовольцамъ, а въ особенности къ послѣднимъ, дѣликомъ воспринявшимъ доктрину Ткачева. Какъ и народники, народоvolьцы заявляли о своемъ несогласіи съ тѣмъ толкованіемъ теоріи Маркса, согласно которому разрѣшеніе социальнаго вопроса обусловливается развитіемъ капиталистической формы эксплуатаціи *). Какъ и Ткачевъ, они заявляли, что «русскій деспотизмъ виситъ въ воздухѣ», что дворянство «еще въ 1861 г. потеряло голову и жизнь подъ немолимой гильотиной исторіи **»). Позже, въ 1894 г., Энгельсъ высказывался о судьбахъ русской общины еще рѣшительнѣе. «Исторически невозможно, — писалъ онъ, — чтобы общество, стоящее на болѣе низкой ступени экономического развитія, разрѣшило загадки и конфликты, которые возникли и могли возникнуть лишь въ обществѣ, стоящемъ на несравненно болѣе высокой ступени развитія». — «Инициатива предполагаемаго преобразования можетъ исходить не отъ самой общины, а исключительно отъ промышленнаго пролетаріата Запада» ***). Но и въ этомъ случаѣ Энгельсъ ставитъ въ зави-

*) «Народная Воля» № 6.—Литература партіи «Нар. Воли», Книгоизд. «Борьба и право», Москва 1907, стр. 212.

***) «Народная Воля» № 5, передовая статья.

***) Фр. Энгельсъ. Статьи 1871—75 гг.—«О Россіи» изд. «Знаніе», 1906, стр. 52, 55, 61, 68, 69, 70.

симость такое преобразование общины отъ того, что часть населенія въ Россіи уже усвоила себѣ интеллектуальные результаты капиталистическаго развитія. Поэтому представляется болѣе чѣмъ сомнительнымъ утвержденіе г. Чернова о будто бы яркомъ и полномъ совпаденіи взглядовъ на историческія судьбы Россіи Михайловскаго 1875 г. и Маркса-Энгельса позднѣйшихъ годовъ *). Нѣкоторое недоумѣніе вызываетъ въ насъ и примѣчаніе редакціи «Народной Воли» въ № 8—9 этой газеты къ предисловію, написанному Марксомъ и Энгельсомъ 21-го января 1882 г. къ русскому переводу Манифеста коммунистической партіи. Въ заключительныхъ словахъ этого предисловія редакція «Н. В.» усматриваетъ «подтвержденіе одного изъ основныхъ положеній теоріи народовольства» **). Между тѣмъ авторы предисловія высказываются по важнѣйшему вопросу народовольческой программы, по обыкновенію, въ условномъ, ограничительномъ смыслѣ. Они говорятъ: «Во время революціи 1848—49 гг. не только европейскіе монархи, но и европейская буржуазія обрѣла въ русскомъ вмѣшательствѣ единственный якорь спасенія въ виду только что выросшаго пролетаріата. Царь былъ провозглашенъ шефомъ европейской реакціи. Въ настоящее же время онъ сидитъ плѣнникомъ революціи въ Гатчинѣ, а Россія является авангардомъ революціоннаго движенія Европы. Коммунистическій манифестъ имѣетъ своей цѣлью провозгласить неминуемо предстоящую ликвидацію современной буржуазной собственности. Но въ Россіи рядомъ съ быстро растущимъ капиталистическомъ хищничествомъ и только что развивающимся частнымъ, буржуазнымъ (bürgerlich) землевладѣніемъ, мы находимъ бо́льшую половину всей земли въ общинномъ владѣніи крестьянъ». Поставивъ затѣмъ извѣстный вопросъ о судьбахъ русской общины, Марксъ и Энгельсъ даютъ на него слѣдующій отвѣтъ: «Если русская революція послужитъ сигналомъ для революціи пролетаріата на Западѣ и такимъ образомъ обѣ дополняютъ другъ друга, то существующее общинное землевладѣніе въ Россіи можетъ послужить исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія» ***).

Соціалистическая революція была мыслима для Маркса только какъ революція пролетарская. Но для рабочаго движенія еще не было реальныхъ основаній въ условіяхъ русской жизни. Поэтому революціонному движенію въ Россіи въ періодъ народничества Марксъ не придавалъ почти никакого значенія, а народовольчество цѣнилъ

*) Ю. Гарденинъ (В. М. Черновъ). Памяти Н. К. Михайловскаго, стр. 36.

**) Литература партіи «Н. В.»—Ки—во «Борьба и право», стр. 279.

***) Ibid., стр. 280.

лишь постольку, поскольку на его знамени была написана борьба за политическую свободу. Онъ считалъ наиболѣе вѣроятнымъ, что русская революція, по его мнѣнію, неизбежная, начнется въ верхахъ общества и, подхваченная крестьянами, быстро выйдетъ изъ ея первой чисто конституціонной фазы. Толчка для нея онъ ожидалъ между прочимъ отъ русско-турецкой войны. «Этотъ кризисъ является новымъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Европы,—писалъ онъ Зорге 27 сентября 1877 г.,—Россія... давно уже стоитъ на порогѣ большихъ переворотовъ и всѣ необходимые для этого элементы уже созрѣли. Взрывъ ускоренъ на многіе годы, благодаря ударамъ, нанесеннымъ молодцами турками не только русской арміи и финансамъ, но и лично командовавшей арміей династии... Переворотъ начнется съ *secundum artem*, конституціонныхъ заигрываній *et il y aura un beau tapage*. И при благосклонности матери природы мы доживаемъ до этого торжества. Глупыя затѣи русскихъ студентовъ сами по себѣ не имѣютъ абсолютно никакого значенія и важны только какъ симптомы, но симптомомъ онѣ служатъ хорошимъ. Всѣ слои русскаго общества совершенно разлагаются въ экономическомъ, нравственномъ и интеллектуальномъ отношеніи» **). Русское движеніе Марксъ разсматривалъ съ точки зрѣнія европейской революціи, для которой, какъ онъ надѣялся, оно должно послужить толчкомъ. Онъ придавалъ большое значеніе именно политической сторонѣ этого движенія и видѣлъ задачу революціонной партіи въ Россіи не въ пропагандѣ социалистическаго идеала и не въ стремленіи осуществить этотъ идеалъ, довольно туманно намѣченный въ программѣ народовольцевъ, а въ томъ, чтобы добиться созыва земскаго собора, или чего-либо подобнаго, путемъ-ли устранения правительства или возбужденія народныхъ массъ. И чѣмъ болѣе нѣсколько смутныя социалистическія стремленія народовольцевъ отступали у нихъ на второй планъ передъ задачами чисто демократическими, тѣмъ болѣе значительной казалась ему борьба «Народной Воли», тѣмъ скорѣе вызывала она его одобреніе и сочувствіе. Письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III, не содержащее въ себѣ ничего социалистическаго, Марксъ находилъ «положительно прекраснымъ по своей политичности и спокойному тону» **).

Вслѣдствіе того значенія, какое могла имѣть побѣда «Народной Воли» надъ абсолютизмомъ для успѣховъ социалистической

*) Письма къ Зорге, стр. 175.

**) Ю. Гарденинъ. Указ. соч., приложение 6-е: „Изъ письма Г. А. Лопатина къ М. Н.“

борьбы на Западѣ, Марксъ считалъ народовольчество частью того международнаго движенія, которому онъ самъ служилъ. Подтвержденіе этому мы находимъ между прочимъ въ одномъ изъ его писемъ къ Зорге. 5 ноября 1880 г. Марксъ писалъ ему: «Въ Россіи,—гдѣ «Капиталь» завоевалъ себѣ положеніе и читается больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было,—мы сдѣлали еще большіе успѣхи. Мы имѣемъ на своей сторонѣ во-первыхъ, критиковъ (въ большинствѣ случаевъ молодые профессора университетовъ *), съ нѣкоторыми изъ нихъ я состою въ личной дружбѣ, и отчасти сотрудники журналовъ), а во-вторыхъ, террористическій центральный комитетъ, программа котораго... привела въ большую ярость русскихъ анархистовъ, проживающихъ въ Швейцаріи и издающихъ въ Женевѣ «Черный Передѣлъ». Они—въ большинствѣ случаевъ (не всѣ) люди, добровольно оставившіе Россію, образуютъ въ противоположность террористамъ, рискующимъ своей головой, партію пропаганды (чтобъ заниматься пропагандой въ Россіи, они эмигрируютъ въ Женеву! что за qui pro quo). Эти господа противъ всякихъ политическихъ революціонныхъ выступленій. Россія по ихъ плану должна сдѣлать скачекъ прямо въ анархически-коммунистически-атеистическое тысячелѣтіе! Скачекъ-же этотъ они тѣмъ временемъ готовятъ скучнѣйшимъ доктринерствомъ, principes котораго courent la rue depuis feu Bakounine» **).

Въ послѣднихъ строкахъ произнесенъ безошадный приговоръ народничеству съ его вѣрой въ чудодѣйственную силу общиннаго землевладѣнія. Но эту вѣру раздѣляли съ народниками и ихъ преемники—народовольцы. Однако Марксъ, какъ это мы видѣли, не дѣлалъ попытокъ разбить эту вѣру, воодушевлявшую русскихъ революціонеровъ въ ихъ героической борьбѣ. Къ тому же въ основаніи народнической программы лежала хорошо извѣстная ему старая программа бакунистовъ, тогда какъ теоретическія предпосылки народовольчества были для него менѣе знакомы и не столь ясны. Между тѣмъ это движеніе имѣло свое, хотя и не признанное, теоретическое обоснованіе въ трудахъ выдающагося экономиста и замѣчательнаго знатока общественнаго хозяйства Россіи, Николая—она, хорошо извѣстнаго Марксу и по его сочиненіямъ, и по письмамъ. Когда-то русскіе социаль-демократы упрекали Н.—она въ томъ, что онъ «не

*) Въ числѣ этихъ профессоровъ были М. Ковалевскій, котораго Марксъ называлъ своимъ другомъ по наукѣ („Scientific friends), Зиберъ, одинъ изъ первыхъ популяризаторовъ марксизма въ Россіи, Каблуковъ и др.

**). Письма къ Зорге, стр. 194.

понялъ Маркса; въ настоящее время есть основаніе утверждать, что Марксъ, въ свою очередь, «не понялъ» Н.—она,—до такой степени точки зрѣнія обоихъ были различны.

Н.—онъ не политическій писатель въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; онъ экономистъ, но выводы, вытекающіе изъ его экономическихъ статей, имѣютъ весьма важное политическое значеніе. Въ своей статьѣ «Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства» («Слово», 1880 г., № 10) Н.—онъ утверждалъ, что накопленіе капиталовъ въ Россіи не является результатомъ роста производства, а происходитъ на счетъ сокращенія народнаго потребленія. Вся система государственнаго хозяйства, особенно же развитіе желѣзныхъ дорогъ и банковъ, направлена къ тому, чтобы все большая доля хлѣба отнималась отъ народнаго потребленія и становилась предметомъ торговли. А такъ какъ производительность народнаго труда не повышается, то масса населенія все болѣе бѣднѣетъ и вырождается. Вслѣдствіе того, что развитіе капитализма не сопровождается ростомъ производства, производительность земледѣльческаго труда все понижается и такимъ образомъ все больше сокращается количество земледѣльческихъ продуктовъ, важнѣйшаго объекта обмѣна,—пронтекающей отсюда кризисъ крестьянскаго хозяйства долженъ привести къ всеобщему краху. Авторъ приходитъ къ тому заключенію, что есть только одинъ способъ вывести страну изъ этого заколдованнаго круга экономическихъ противорѣчій, избавить ее отъ состоянія хроническаго кризиса: признать невозможность развитія капитализма въ Россіи. «сойти съ того пути, который стремится къ развитію обмѣна, торговли и проч. и направлять всѣ силы на развитіе успѣшности труда производителей при свободномъ владѣніи ими орудіями труда» Такъ какъ надѣяться на измѣненіе правительствомъ своей экономической политики не было никакихъ основаній, то изъ статьи Н.—она логически слѣдоваль тотъ недосказанный имъ выводъ, что для спасенія многомилліонной массы крестьянъ отъ пролетаризаціи и всей страны отъ язвъ капитализма необходимо смѣнить существующее правительство.

Свои собранія о характерѣ общественнаго хозяйства въ Россіи Н.—онъ излагалъ Марксу въ своихъ письмахъ, а затѣмъ послалъ ему и самую статью, которую Марксъ нашелъ «оригинальной» въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Его замѣчанія по поводу этой статьи представляютъ выдающийся интересъ. Какъ бы разъясняя Н.—ону его недоумѣнія по поводу тѣхъ опустошительныхъ катастрофъ, которыя переживаетъ народное хозяйство подъ напоромъ капитализма, Марксъ между прочимъ говоритъ, что на извѣстной ступени развитія отсталыя государства бываютъ вынуждены «къ внезапному созданію и расширенію ихъ капиталистической архитектуры въ размѣрахъ

совершенно непропорциональныхъ величинѣ и толщинѣ общественнаго организма... Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію,—продолжаетъ Марксъ,—что въ этихъ государствахъ введеніе желѣзныхъ дорогъ ускорило социальную и политическую дезинтеграцію» *). Далѣе Марксъ рассказываетъ, какъ въ Соед. Штатахъ, во Франціи, въ Австріи и въ Италіи правительства покровительствовали желѣзнодорожнымъ компаниямъ и обогащали ихъ на счетъ государственнаго казначейства, между тѣмъ какъ въ то же самое время желѣзныя дороги стали новымъ источникомъ обремененія народныхъ массъ, вслѣдствіе увеличенія налоговъ и вздорожанія предметовъ народнаго потребленія. «А въ то же время,—прибавляетъ къ этому Марксъ,—съ другой стороны и самое производство... также измѣнилось, согласно большей или меньшей приспособленности его для вывоза». Среди множества интереснѣйшихъ замѣчаній Маркса блещетъ особеннымъ остроуміемъ его антитеза Соед. Штатовъ и Россіи, «гдѣ ни одна фабрика не процвѣтаетъ въ такой мѣрѣ, какъ фабрика кредитныхъ билетовъ». «Россія,—такъ заканчиваетъ Марксъ эту антитезу,—напоминаетъ намъ скорѣе Францію времянь Людовика XIV и Людовика XV, когда финансовая, торговая и промышленная надстройка, или вѣрнѣе фасадъ общественнаго зданія (хотя все же жмѣвшій подъ собою гораздо болѣе прочный фундаментъ, чѣмъ въ Россіи), представлялъ собой что-то вродѣ сатиры надъ отсталымъ, неподвижнымъ состояніемъ главной отрасли производства (земледѣлія) и надъ голоданіемъ производителей» **). Въ другомъ мѣстѣ по тому же поводу Марксъ пишетъ Н.—ону: «Ближайшая вещь, которой вамъ слѣдовало бы заняться, по моему мнѣнію, это—изумительное возрастаніе задолженности крупнаго землевладѣнія; при чемъ вы могли бы показать вашимъ лэндлордамъ... какъ они «кристаллизуются» въ общественной ретортѣ подъ могучимъ вліяніемъ «новыхъ столповъ общества»

О выводахъ ни слова! Очевидно мысль о невозможности развитія капитализма въ Россіи, о безвыходномъ тупикѣ, въ которомъ онъ оказывается въ этой странѣ, о необходимости для нея «сойти съ пути развитія торговли, обмѣна и проч.»—эта мысль была совершенно неприемлема для Маркса, не укладывалась въ его гениальную голову.

Народовольчество было послѣднимъ этапомъ въ развитіи русской политической мысли и общественнаго движенія при жизни Маркса. Онъ не дожиль до окончательнаго крушенія всѣхъ связанныхъ съ

*) Письма К. Маркса и Фр. Энгельса Н.—ону. „Мин. годы“, 1908 г. № 1, стр. 65, 66, 67.

**) Ibid., стр. 72.

нимъ вѣрованій и упованій. Онъ умеръ раньше, чѣмъ образовалась первая русская социаль-демократическая организація, объявившая, что революція въ Россіи совершится только какъ рабочая революція. Онъ не дожидь до того времени, когда рабочіе батальона восточной половины Европы присоединились къ международной арміи труда и, вступая въ борьбу съ исконнымъ врагомъ цивилизаціи и свободы, всегда остававшимся предметомъ пламенной ненависти для Маркса, сплотились вокругъ того знамени, на которомъ написанъ священный завѣтъ великаго социалиста: пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

М. Таганскій.

www.books2ebooks.eu